

ГЛЕН
КУК

Солдаты живут

Солдаты живут

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН
КУК

GLEN
COOK

Soldiers Live

ГЛЕН

КУК

Солдаты живут ..

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

2002

Terra Fantastica
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К88

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
SOLDIERS LIVE
2000

Перевод с английского А. Новикова

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа художника Л. Ройо,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 15.01.02. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 3 000 экз. Заказ № 99.

ISBN 5-17-007267-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0412-3 (ТФ)

© Glen Cook, 2000
© L. Royo, 2001
© Перевод. А. Новиков, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

Расселу Галену, в честь четвертьвекового юбилея. Это был не безупречный брак, но все это время с моего лица не сходила улыбка. Посмотрим, сумеем ли мы дотянуть до серебряной свадьбы. (Или бриллиантовой? Или как там называется пятидесятая годовщина?)

1. Воронье Гнездо. Когда никто не умирал

Миновало четыре года, и никто не умер.

Во всяком случае, насильственной смертью или по долгу службы. Масло и Ведьмак скончались в прошлом году естественной смертью от старости, один через несколько дней после другого. Пару недель спустя рекрут Там Дак погиб из-за своей юношеской самоуверенности. Он упал в расщелину, спускаясь на одеяле вместе со своими товарищами по длинному гладкому склону ледника Тьен Мюен. Припоминаю еще нескольких погибших. Но никто из них не пал от руки врага.

Четыре года стали рекордом, хотя и не из той разновидности, что часто упоминается в этих Анналах.

В столь длительный мир просто невозможно поверить.

Настолько долгий мир убаюкивает, и чем дальше, тем сильнее.

● Многие из нас стары, усталы и утратили пылавший внутри юношеский задор. Но мы, старые развалины, уже не командуем. И хотя мы были готовы забыть ужас, ужас не собирался облегчить нам эту задачу.

В те дни Отряд был на службе у самого себя. Мы не признавали никаких хозяев. Мы считали военачальников Хсиена своими союзниками. А они нас боялись. Мы были существами сверхъестественными, многие — возвращенными из мертвых, истинными Каменными Воинами. Их приводила в ужас вероятность того, что мы можем встать на чью-то сторону в их грызне из-за костей Хсиена, этой некогда могучей империи, которую нюень бао называли Страной Неизвестных Теней.

Более идеалистичные военачальники надеялись на нас. Таинственная Шеренга Девяти снабжала нас оружием и деньгами и позволяла набирать рекрутов, надеясь, что мы когда-нибудь поддадимся на их манипуляции и поможем им восстановить золотой век, существовавший до тех пор, пока Хозяева Теней не поработили их мир с такой жестокостью, что их народ до сих пор называет себя Детьми Смерти.

Мы ни за что не стали бы участвовать в их склоках. Но позволяли им надеяться, тешить себя иллюзией. Нам нужно было набраться сил. У нас имелась собственная миссия.

Оставаясь на месте, мы даже создали город. Некогда хаотичный лагерь обрел порядок и получил имена. Те, кто пришел из-за равнин, называли его Форпост или Плацдарм, а с языка Детей Смерти его название переводилось как Воронье Гнездо. Город продолжал расти, в нем появились десятки постоянных зданий и структур, и его даже начали окружать стенами, а главную улицу вымостили булыжником.

Дрема любила подыскивать дело каждому. Бездельников она на дух не выносила. И когда мы наконец уйдем, Дети Смерти унаследуют сокровище. ●

2. Воронье Гнездо. Когда поет баобас

Бум! Бум! Кто-то молотил в мою дверь. Я взглянул на Госпожу. Она почти не спала прошлой ночью, занимаясь своими исследованиями, и сегодня вечером рано

заснула. Она твердо решила раскрыть все секреты хсиенской магии и помочь Тобо обуздать пугающе избыточные сверхъестественные явления этого мира. Хотя Тобо в такой помощи уже не нуждался.

В этом мире имелось куда больше реальных фантомов и поразительных существ, которые прятались в кустах, за скалами, деревьями и в сумерках, чем смогли бы навывдумывать двадцать поколений крестьян на нашей далекой родине. И все они кучковались вокруг Тобо, словно он был кем-то вроде их ночного мессии. Или, возможно, их забавной ручной зверушкой.

Бум! Бум! Придется-таки самому вылезать из постели. Путь до двери показался мне долгим и трудным.

Бум! Бум!

— Ну же, Костоправ, проснись!

Дверь распахнулась внутрь, впуская незваного гостя. Легок на помине.

— Тобо...

— Разве ты не слышал, как поет баобас?

— Я слышал шум. Твои приятели вечно поднимают гвалт из-за всякой ерунды. Я уже перестал обращать на него внимание.

— Когда баобас поет, это означает, что кто-то вскоре умрет. И еще с равнины весь день дул холодный ветер, Большие Уши и Золотой Глаз страшно нервничали, и... Это Одноглазый, господин. Я только что зашел к нему поболтать, а его, похоже, хватил очередной удар.

— Дерьмо. Дай только сумку прихватить. — Одноглазого хватил удар. Ничего удивительного. Старый хрыч уже много лет пытается втихаря смыться на тот свет. Жизнь почти потеряла для него смысл с тех пор, как не стало Гоблина.

— Быстрее!

Парнишка любит старого греховодника. Иногда мне кажется, что он хочет стать кем-то вроде Одноглазого,

когда вырастет. И вообще, похоже, Тобо уважает всех, кроме собственной матери, хотя трения между ними уменьшились по мере его взросления. Со времени моего воскрешения он заметно возмужал.

— Тороплюсь как только могу, ваша милость. Это старое тело уже не такое шустрое, как в свои золотые деньки.

— Врачу, исцелился сам.

— Уж поверь, парень, я бы так и поступил, коли мог бы. Будь на то моя воля, я оставался бы двадцатитрехлетним до конца жизни. То есть еще тысячи на три лет.

— Тот ветер с равнины... Он встревожил и дядю.

— Доя вечно что-то тревожит. А что говорит твой отец?

— Он с мамой все еще в Хань-Фи, поехали к мастеру Сантараксите.

В свои нежные двадцать лет Тобо уже стал самым могущественным чародеем во всем этом мире. Госпожа говорит, что когда-нибудь он, возможно, сравняется по возможностям с ней во времена ее могущества. Страшно. Но пока у него еще есть родители, которых он называет папа и мама. Есть друзья, к которым он относится как к людям, а не как к предметам. И к учителям он относится с уважением, а не пожирает их, просто чтобы доказать, что он сильнее их. Мать хорошо его воспитала, несмотря на то, что ей приходилось делать это среди солдат Черного Отряда. И несмотря на его прирожденный бунтарский дух. Надеюсь, он останется достойным человеком, даже когда достигнет вершины колдовского могущества.

Моя жена не верит, что такое возможно. В том, что касается характеров, она пессимистка и настаивает на том, что власть развращает. Неотвратно. Но судить она может лишь по истории собственной жизни. И во всем видит лишь мрачную сторону. Но даже при этом она остается одним из наставников Тобо. Потому что

несмотря на весь пессимизм, она все-таки сохранила ту глупую романтическую жилку, которая и привела ее сюда со мной.

Я и не пытаюсь поспевать за парнем. Время, несомненно, сделало меня медлительным. И напоминает болью о каждой из тысяч миль, которое мое ныне потрепанное и ветхое тело некогда прошагало. И еще оно наградило меня стариковским талантом уклоняться от темы.

Парень непрерывно трещал о Черных Гончих, фиях, хобах, хобайях и прочих ночных существах, которых я никогда не видел. И это меня вполне устраивало. Те немногие, что вертелись вокруг него и попались мне на глаза, все оказались уродливыми, вонючими, раздражительными и слишком охотно готовыми сношаться с людьми любого пола и сексуальной ориентации. Дети Смерти утверждали, что уступать их домогательствам — неудачная идея. Пока что дисциплина держалась.

Вечер был *холодным*. Над головой висели обе луны, Малыш в фазе полнолуния. В совершенно безоблачном небе кружила сова, которой не давало покоя нечто вроде стаи летающих по ночам грачей. В свою очередь, за хвостом одного из грачей носилась более мелкая черная птичка, периодически его поклевывая и словно наказывая за нарушение каких-то птичьих законов. Или просто из вредности, как поступила бы моя свояченица.

Скорее всего, никто из этих летунов не был настоящей птицей.

Над ближайшим домом нависло нечто огромное — пофыркало и побрело прочь. Мне удалось разглядеть что-то похожее на голову гигантской утки. Первый из завоевавших эти земли Хозяев Теней отличался зловещим чувством юмора. А это большое, медленное и смешное существо было убийцей. Компания самых опасных его коллег включала гигантского бобра, восьминогую крокодила с руками и многочисленные вариации

на тему смертельно опасного домашнего скота, лошадей и пони, многие из которых днем отсиживались в подводных логовах.

Самых жутких существ сотворил безымянный Хозяин Теней, которого теперь называют Первый или Повелитель Времени. Его исходный материал состоял из Теней с Сияющей равнины, известной в Хсиене как Обитель Непрошенных Мертвецов. И вполне логично, что сам Хсиен называют Страной Неизвестных Теней.

Ночь разорвал долгий львиный рев. Это, наверное, Большие Уши или его сестричка кошка Сит. Когда я подошел к домику Одноглазого, подали голос и Черные Гончие.

Дому Одноглазого едва исполнился год. Его построили друзья колдуна-коротышки, когда возвели жилища для себя. До этого Одноглазый и его подружка Гота, бабушка Тобо, ютились в уродливой и вонючей хижине, кое-как сляпанной из обмазанных глиной прутьев. Новый же дом был построен из скрепленных цементом камней, имел отличную тростниковую крышу и четыре большие комнаты, в одной из которых стоял замаскированный самогонный аппарат. Пусть даже Одноглазый стал слишком старым и дряхлым, чтобы застолбить себе местечко на местном черном рынке, но я уверен, что он станет гнать самогон до того самого дня, когда душа покинет его сморщенную плоть. Упорства ему не занимать.

Гота держала дом в идеальном порядке, прибегнув к древней схеме — она взвалила всю домашнюю работу на свою дочку Сари. Гота, которую наши ветераны все еще называли бабушка Тролль, стала такой же дряхлой, как и Одноглазый, разделяя при этом его страсть к крепкому пойлу.

Тобо нетерпеливо выглянул из двери:

— Быстрее!

— А ты знаешь, с кем говоришь, мальчик? С бывшим военным диктатором всего Таглиоса.

Парень ухмыльнулся — на него это произвело впечатление не больше, чем на любого другого в наши дни. Слово «бывший» нынче не стоит и сотрясения воздуха, когда его произносишь.

Я склонен философствовать на эту тему и, наверное, слегка при этом увлекаюсь. Когда-то я был никем и не имел амбиций стать кем-то более значимым. Заговор обстоятельств вложил в мои руки огромную власть. Окажись у меня желание, я смог бы вырвать потроха у половины мира. Но я поддался другим навязчивым идеям и позволил себя увлечь. И вот я здесь, за полмира от того места, где начинал, почесываю раны, скриплю костями и записываю истории, которые, скорее всего, никто не прочитает. Только теперь я стал куда более старым и дряхлым. И похоронил всех друзей юности, кроме Одноглазого...

Я вошел в дом старого колдуна.

Там было убийственно жарко. Одноглазый и Года поддерживали в очаге огонь даже летом. Впрочем, лето в Южном Хсиене редко бывает жарким. Я усталился на Одноглазого.

— Ты уверен, что с ним что-то не так?

— Он пытался мне что-то сказать, — пояснил Тобо. — Я ничего не понял, поэтому и пошел за тобой. Я испугался. — Он. Испугался.

Одноглазый сидел в колченогом кресле, которое сколотил сам. Он был неподвижен, но по углам комнаты копошились какие-то существа, обычно заметные лишь боковым зрением. Пол усеивали раковины улиток. Мурген, отец Тобо, называл их домовыми — как и маленький народец из сказок своей молодости. Их тут было около двадцати разновидностей высотой от пальца до половины человеческого роста. Они действительно делали свое дело, когда их никто не видел, и это Дрему просто бесило. Ведь это означало, что ей придется упорнее выдумывать всяческие работы, чтобы удерживать отрядных злодеев подальше от неприятностей.

В доме Одноглазого стояла ошеломляющая вонь барды, из которой он гнал самогон.

Сам дьявол походил на высушенную голову, которую чучельник не удосужился отделить от тела. Одноглазый всегда был человеком маленьким, даже в лучшие свои годы. И теперь, когда ему стукнуло двести с чем-то лет, а обе ноги и минимум одна рука находились в могиле, он больше напоминал сморщенную обезьянку, чем человека.

— Я слышал, что ты снова пытаешься привлечь к себе внимание, старина, — сказал я, опускаясь возле него на колени.

Единственный глаз Одноглазого открылся и установился на меня. В этом отношении время оказалось к нему милосердно — зрение у него осталось хорошим.

Он приоткрыл беззубый рот, откуда поначалу не донеслось ни звука. Попытался приподнять чернокожую руку с паучьими лапками пальцев, но у него не хватило сил.

Тобо переминался с ноги на ногу и что-то бормотал существам в углах. В Хсиене обитает тысяч десять всяческих странных созданий, и он знает название каждого. И все они ему поклоняются. Для меня это взаимопересечение со скрытым миром стало наиболее тревожным последствием нашего пребывания в Стране Неизвестных Теней.

Мне они нравились гораздо больше, будучи еще неизвестными.

Снаружи заверещал скрипун, или Черный Панцирь, или еще какая-нибудь Черная Гончая. К нему присоединились другие. Шум и гвалт двинулись к югу, в сторону Врат Теней.

Я велел Тобо сходить и узнать, в чем там дело. Он остался. Парень еще станет шилом в заднице.

— Как там твоя бабушка? — спросил я, нанося упреждающий удар. — Сходил бы, посмотрел. — Готы не было в комнате. Обычно она находилась рядом, пре-

данно стараясь ухаживать за Одноглазым, хотя и ослабела почти как он.

Одноглазый издал какой-то звук, шевельнул головой, снова попытался поднять руку. Он увидел, как Тобо вышел, открыл рот и ухитрился выдавить мелкими порциями несколько слов:

— Костоправ. Это... последний... Мне хана. Я это чувствую. Смерть пришла. Наконец.

Я не стал ни спорить с ним, ни расспрашивать. Моя ошибка. Мы уже раз десять разыгрывали эту сцену. Все его удары так и не оказались последними. Похоже, судьба уготовила ему какую-то особую роль в своих грандиозных планах.

Как бы то ни было, он собирался сыграть свою сольную роль до конца. Предупредить меня насчет выскомерия, потому что до него никак не доходило, что я уже не только не Освободитель — военный диктатор всего Таглиуса, — но и отказался от Капитанства в Черном Отряде. После плена у меня перестало хватать рациональности для подобной работы. Да и мой заместитель Мурген не пережил такое без последствий, поэтому бремя командования Отрядом и лежит сейчас на плечиках Дремы.

И еще Одноглазому полагается попросить меня присмотреть за Готой и Тобо. А потом неоднократно напомнить, чтобы я остерегался злобных проделок Гоблина, хотя мы потеряли Гоблина уже много лет назад.

Я подозреваю, что если загробная жизнь существует, то эта парочка встретится секунд через шесть после того, как Одноглазый преставится, и продолжит свою вражду с того самого места, на котором прервали ее при жизни. Более того, я даже немного удивлен, что призрак Гоблина не преследует Одноглазого, чем тот неоднократно грозился.

Может, Гоблин просто-напросто не может его отыскать. Некоторые нюень бао говорят, что испытывают чувство потери, потому что духи их предков не могут

их здесь отыскать, чтобы присматривать за ними и давать советы, являясь во снах.

Очевидно, Кина тоже не может нас отыскать. У Госпожи уже несколько лет не было кошмарных снов.

А может, Гоблин убил Кину.

Одноглазый поманил меня иссохшим пальцем:

— Ближе.

Встав перед ним на колени, я открыл лекарскую сумку. Я был близок к нему, как только мог. Я взял его запястье. Пульс у него оказался слабым, частым и нерегулярным. У меня не создалось впечатление, что он перенес удар.

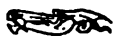
Он пробормотал:

— Я не... дурак... который не знает... где он... и что случилось... Слушай! Берегись... Гоблина... девчонки... и Тобо. Я не видел его мертвым... Оставил его с... Матерью Обмана.

— Дерьмо! — Такое не приходило мне в голову. Меня там не было. Я все еще был одним из Плененных, когда Гоблин ударил спящую богиню древком отрядного знамени. И видели это только Тобо и Дрема. А ко всему, что они видели, надо относиться с подозрением. Кина была богиней Обманников. — Хорошая идея, старина. Итак, что я должен сделать, чтобы поставить тебя на ноги и заработать выпивку?

Тут я устался на нечто, похожее на маленького черного кролика, выглянувшее из-под кресла Одноглазого. Такого я еще не видел. Я мог позвать Тобо — уж он точно знает, кто это такой. Тут бесчисленное количество всевозможных существ, огромных и крошечных. Некоторые безобидны, а многие определенно нет. Тобо их словно притягивает, но лишь в считанных случаях, когда речь шла о наиболее несговорчивых созданиях, он последовал совету Госпожи и связал их клятой личной службы.

Дети Смерти побаиваются Тобо. Страдая несколько сотен лет под игом Хозяев Теней, они приобрели не-

что вроде паранойи по отношению ко всем пришлым чародеям.

До сих пор военачальники вели себя разумно. Никто из них не хотел навлечь на себя гнев Солдат Тьмы, потому что в этом случае Отряд мог объединиться с их соперниками. Шеренга Девяти лелеяла и ревностно оберегала статус-кво и баланс сил. За свержением последнего из Хозяев Теней последовал жуткий хаос. Никто не желал возвращения этого хаоса, хотя Хсиен пребывал в состоянии, которое было не более чем слегка организованной анархией. Но и уступить хотя бы частичку власти другому тоже никто не желал.

Одноглазый ухмыльнулся, показав темные десны:

— Не получится... перехитрить меня... Капитан.

— Я уже не Капитан. Я в отставке. Я всего лишь старик, который цепляется за свои бумаги, как за повод задержаться среди живых. А командует сейчас Дрема.

— Хреновый... командир.

— Вот надеру сейчас твою тощую старую задницу... — Я смолк. Глаз Одноглазого закрылся, и он демонстративно захрапел.

Снаружи опять послышались рев и визг — и поблизости, и где-то вдалеке, ближе к воротам. Затрещали и зашуршали раковины улиток, и хотя я не заметил, что хотя бы одной из них что-либо коснулось, все они вздрогнули и развернулись. И тут я услышал рев далекого рога.

Я встал и попятился к двери, не подставляя спину. Если не считать пьянства, у Одноглазого осталось единственное развлечение — ткнуть тростью зазевавшегося гостя.

В комнату ворвался запыхавшийся Тобо.

— Капитан... Костоправ. Господин. Я неправильно понял то, что он хотел мне сказать.

— Что?

— Он говорил не о нем. А о бабушке Готе.

3. Воронье Гнездо. Бескорыстный труд (любимое дело)

Кы Гота, бабушка Тобо, умерла счастливой. Настолько счастливой, насколько могла умереть бабушка Тролль, то есть пьянее трех сов, утонувших в бочонке с вином. Перед кончиной она насладилась огромным количеством чрезвычайно крепкого продукта.

— Если это сойдет за утешение, то она, наверное, ничего и не почувствовала, — сказал я парню. Хотя улики намекали на то, что она прекрасно понимала, что именно происходит.

Мои слова его не обманули.

— Она знала, что смерть близка. Здесь были грейлинги.

Услышав его голос, за перегонным кубом кто-то негромко застрекотал. Как и баобасы, грейлинги тоже были вестниками смерти. Одними из множества в Хсиене. А некоторые из существ, что недавно завывали в темноте, тоже ими станут.

Я произнес то, что положено говорить молодым:

— Наверное, смерть стала для нее благословением. Она постоянно мучилась от боли, и я больше был не в силах облегчить ее страдания. — Сколько я помню старую женщину, собственное тело было для нее постоянным источником боли. И последние несколько лет стали для нее адом.

Некоторое время Тобо был похож на грустного мальчика, которому хочется уткнуться в мамину юбку и от души поплакать. Но он быстро стал юношей, полнотью владеющим собой.

— Как бы она ни жаловалась, но все же она прожила долгую и полноценную жизнь. И семья признательна за это Одноглазому.

Да, она жаловалась — часто и громко — кому угодно и на все подряд. Мне посчастливилось пропустить

большую часть «эпохи Готы», когда я на пятнадцать лет оказался погребен заживо. Вот какой я умный.

— Кстати, о семье. Ты должен отыскать Доя. И послать весточку матери. И как можно скорее сообщим о приготовлениях к похоронам.

Погребальные обряды нюень бао кажутся почти непостижимыми. Иногда они своих покойников хоронят, иногда сжигают, а иногда заворачивают в саван и подвешивают на дерево. Правила тут смутные и неясные.

— Дой обо всем позаботится. Не сомневаюсь, что община потребует чего-нибудь традиционного. А в этом случае мне положено местечко где-то в стороне.

Община состоит из тех нюень бао, что прибились к Черному Отряду, но не вступили в него официально и еще не успели раствориться в таинственных просторах Страны Неизвестных Теней.

— Несомненно. — Община гордится Тобо, но обычаи требуют, чтобы на него смотрели сверху вниз из-за смешанной крови и неуважения к традициям. — Остальным тоже нужно сообщить. Предстоит великая церемония. Твоя бабушка стала первой женщиной из нашего мира, скончавшейся здесь. Если не считать белой вороны.

Мысли Тобо двигались под углом к моим.

— Будет и другая ворона, Капитан. Всегда будет другая ворона. Среди Черного Отряда они себя чувствуют как дома. — Поэтому Дети Смерти и называли наш город Вороньим Гнездом. В нем всегда *есть* вороны, реальные или неизвестные.

— Они привыкли хорошо питаться.

Сейчас нас окружали Неизвестные Тени. Я легко мог видеть их и сам, хотя редко четко и редко дольше, чем мгновение. Моменты сильных эмоций выманивали их из оболочек, куда Тобо приучил их прятаться.

Снаружи возобновился гвалт. Комочки мрака возбужденно зашебурились, потом рассеялись, каким-то

образом исчезнув так ловко, что даже не продемонстрировали свою внешность.

— Наверное, по ту сторону врат опять бродят лунатики, — предположил Тобо.

Я так не считал. Кавардак сегодня вечером был совсем не таким, как в подобных случаях.

Из комнаты, где мы оставили Одноглазого, донесся красноречивый крик. Значит, старикан все-таки притворился спящим.

— Схожу-ка я узнаю, чего он хочет. А ты иди к Дюю.

— Ты мне не поверишь. — Теперь старик был возбужден. Он настолько рассердился, что не мог говорить четко, без сопения и пыхтения. Он поднял руку, и один из его черных скрюченных пальцев указал на нечто, видимое только Одноглазому. — Гибель приближается, Костоправ. Скоро. Может, даже сегодня. — Снаружи кто-то завыл, словно подкрепляя его аргумент, но он этого не услышал.

Рука упала, полежала несколько секунд, вновь взметнулась. Теперь палец указывал на резинке черное копьё, покоящееся на колышках над дверью.

— Оно готово. — Одноглазый мастерил это оружие смерти целое поколение. Его магическая сила была настолько велика, что, даже приближаясь, я ее ощущал. Обычно же я в этом смысле глух, нем и слеп. Зато женат на личном консультанте по магии. — Если встретишь... Гоблина... отдай ему... это копьё.

— Просто взять и отдать?

— И еще мою шляпу. — Одноглазый беззубо ухмыльнулся. Все время, пока я в Отряде, он носил самую большую, уродливую, грязную и отвратительную черную фетровую шляпу, какую только можно вообразить. — Но ты должен... сделать это... правильно. — Значит, у него и сейчас была припасена грязная шуточка, пусть даже она предназначалась мертвецу, да

и сам он будет мертв задолго до того, как шуточка удастся.

В дверь поскреблись. Кто-то вошел, не дожидаясь приглашения. Я поднял голову. Дой, старый мастер меча и священник общины нюень бао. Вот уже двадцать пять лет при Отряде, но так в него и не вступил. Даже через столько лет я не доверяю ему полностью. Впрочем, похоже, я остался последним сомневающимся.

— Мальчик сказал, что Гота...

— Она там, — показал я.

Дой понимающе кивнул. Я должен заниматься Одноглазым, потому что покойнице уже ничем не смогу помочь. Боюсь, Одноглазому я помогу немногим больше.

— Где Тай Дэй? — спросил Дой.

— Полагаю, в Хань-Фи. С Мургеном и Сари.

— Я пошлю к ним кого-нибудь, — буркнул Дой.

— Пусть Тобо пошлет кого-нибудь из своих любимчиков. — Так они не будут путаться у нас под ногами, а заодно это напомним Шеренге Девяти, главному совету местных военачальников, что в распоряжении Каменных Солдат имеются необычные связи, которыми они с удовольствием пользуются. Правда, если они вообще сумеют заметить эти существа.

Дой приостановился у двери в заднюю комнату:

— Сегодня ночью с этими существами творится что-то неладное. Они ведут себя как обезьяны, замедлившие леопарда.

Обезьян мы знаем хорошо. Горные обезьяны, оккупировавшие развалины, расположенные в том месте, где в нашем мире находится Кьяулун, настырны и многочисленны, как стая саранчи. У них хватает ума и наглости, чтобы пробраться во что угодно, если это не заперто магически. И еще они бесстрашны. А Тобо слишком мягкосердечен, чтобы попросить своих сверхъестественных друзей нанести быстрый показательный удар.

Дой проскользнул в дверь. Он сохранил ловкость и гибкость, хотя был старше Готы. Дой и сейчас каждое утро проводил обычный фехтовальный ритуал. По собственным наблюдениям я знал, что в упражнениях с учебными мечами он мог победить всех, кроме горстки своих учеников. Впрочем, подозреваю, что и эта горстка оказалась бы неприятно удивлена, если бы дуэль состоялась на боевых мечах.

Тобо единственный столь же талантливый, как Дой. Но Тобо умеет делать все, всегда с изяществом и обычно с поразительной легкостью. Мы все считаем, что заслужили такого ребенка, как Тобо.

Я усмехнулся.

— Что? — буркнул Одноглазый.

— Просто подумал о том, как мой малыш вырос.

— И это смешно?

— словно рукоятка сломанной метлы, воткнутая в навозную кучу.

— Ты должен... научиться ценить... космические... шутки.

— Я...

Космос был избавлен от моего ехидства. Уличную дверь распахнул кто-то менее официальный, чем дядюшка Дой. Лозан Лебедь ввалился без приглашения.

— Закрой дверь, быстро! — рявкнул я. — От твоей лысины отражается лунный свет, и он меня ослепляет. — Я не смог удержаться от искушения. Ведь я помнил его еще молодым блондином с роскошными волосами, смазливый лицом и плохо скрываемым влечением к моей женщине.

— Меня прислала Дрема, — сообщил Лебедь. — Пошли слухи.

— Останься с Одноглазым. А новости я сообщу сам. Лебедь наклонился:

— Он дышит?

С закрытыми глазами Одноглазый выглядел покойником. А это означало, что он залег в засаду и на-

дается достать кого-нибудь своей тростью. Он так и останется злобным мелким пакостником, пока не испустит дух.

— Он в порядке. Пока. Просто будь рядом. И сви-
стни, если что-нибудь изменится.

Я сложил свое барахло в сумку. Когда я выпрямился, мои колени скрипнули. Я даже не смог встать, не оперевшись о кресло Одноглазого. Боги жестоки. Им следовало бы сделать так, чтобы плоть старилась с той же скоростью, что и дух. Конечно, кое-кто умер бы от старости через неделю. Зато стойкие духом могли бы тянуть лямку вечно. И я избавился бы от всех своих немощей и болей. В любом случае.

Из дома Одноглазого я вышел прихрамывая. У меня побаливало сердце.

Существа мелькали повсюду, кроме тех мест, куда я смотрел. И лунный свет мне ничуть не помогал.

4. Роковой перелесок. Песни в ночи

Барабаны заговорили на закате, негромким мрачным рокотом обещая падение тени всех ночей. Теперь они смело грохотали. Ночь уже настала — крошечная, даже без осколочка луны. Мерцающий свет сотен костров заставлял тени танцевать. Казалось, что даже деревья выдрали корни из земли и тоже танцуют. Сотня возбужденных учеников Матери Ночи подпрыгивала и извивалась вместе с теньями, их страсть все возрастала.

Сотня связанных пленников дрожала, рыдала и гадила под себя, и страх лишил мужества даже тех, кто считал себя героем. На мольбы о пощаде никто не обращал внимания.

Из темноты показался огромный темный силуэт, влекомый пленниками, которые налегали на канаты в безумной надежде на то, что, ублажив своих похитителей, они получают шанс уцелеть. Силуэт оказался двадцатифутовой статуей женщины, черной и блестящей,

как полированный эбен. У нее были четыре руки, рубиновые глаза и хрустальные клыки вместо зубов. С шеи свисали два ожерелья — из черепов и отрезанных пенисов. Каждая из когтистых рук сжимала символ ее власти над человечеством. Пленники видели только петлю.

Ритм барабанов участился. Стал громче. Дети Кины запели мрачный гимн. Верующие пленники стали молиться собственным богам.

Тощий старик наблюдал за всем этим со ступеней храма в центре Рокового перелеска. Старик сидел. Он уже давно не вставал без крайней на то необходимости, потому что кость его правой ноги неправильно срослась после перелома и ходить ему было трудно и больно. Даже стоя он мучился от боли.

За его спиной виднелись строительные леса — храм восстанавливали. В очередной раз.

Чуть выше него стояла, не в силах сохранять спокойствие, прекрасная юная женщина. Старик опасался, что ее возбуждение было чувственным, почти сексуальным. А такого быть не должно. Ведь она Дщерь Ночи и живет не для того, чтобы угождать собственным чувствам.

— Я ощущаю это, Нарайян! — воскликнула она. — Оно приближается. И соединит меня с моей матерью.

— Возможно. — Ее слова не убедили старика. С богиней уже четыре года не было связи, и это его тревожило. Его вера подвергалась испытанию. Вновь. А ее дитя выросло слишком упрямым и независимым. — А возможно, лишь обрушит на наши головы гнев Протектора. — Он не стал развивать тему. Они спорили об этом с того момента, когда она три года назад воспользовалась еще неокрепшим и совершенно нетренированным магическим талантом, чтобы на несколько секунд ослепить тюремщиков и сбежать от Протектора.

Лицо девушки окаменело и на мгновение обрело жуткую непроницаемость, неотличимую от лица идола.

И она произнесла то, что всегда говорила, когда речь заходила о Протекторе:

— Она еще пожалеет о том, что так обращалась с нами, Нарайян. О ее наказании будут помнить и через тысячу лет.

Нарайян успел состариться в бегах. Преследование стало нормой его существования. Он всегда стремился к тому, чтобы культ пережил гнев его врагов. Дщерь Ночи была юной и могущественной и обладала всей порывистостью юности и неверием в собственную смертность. Ведь она была дочерью богини! И власти этой богини вскоре предстояло утвердиться во всем мире, изменив все. А при наступившем новом порядке Дщерь Ночи сама станет богиней. Так чего же ей опасаться? Та безумная женщина в Таглиосе — ничто!

Неуязвимость и осторожность всегда были непримиримыми противниками и столь же вечно неразделимыми.

Дщерь Ночи искренне верила, что она — духовное дитя богини. Она обязана ею быть. Но рождена она мужчиной и женщиной. И чешуйка человечности пятнышком осталась на ее сердце. И ей нужно было иметь рядом *кого-то*.

Ее движения стали более заметными, чувственными и менее контролируемыми. Нарайян поморщился. Ей нельзя выковывать внутреннюю связь между удовольствием и смертью. Богиня в одном из своих воплощений была Уничтожительницей, но отнятые в ее честь жизни отнимались не ради столь пустяковой причины. Кина не потерпит, что ее Дщерь поддается гедонизму. Она накажет ее, а самое тяжкое наказание, несомненно, падет на Нарайяна Сингха.

Жрецы были готовы. Они волокли рыдающих пленников туда, где они исполнят высшую цель своей жизни — расстанутся с ней, сыграв свою роль в ритуале освящения храма Кины. Вторым ритуалом станет

попытка связаться с богиней, которая лежит сейчас в оковах магического сна, чтобы Мать снова благословила Дщерь Ночи своей мудростью и даром предвидения.

Делалось все, что следовало сделать. Но Нарайян Сингх, живой святой Обманников, великий герой культа душил, не был счастлив. Контроль слишком далеко уплыл из его рук. Девушка уже начала изменять культ, заставляя его отражать ее собственный внутренний мир. Нарайян опасался, что один из их споров не завершится примирением. Такое уже случалось с его настоящими детьми. Он поклялся Кине, что вырастит ее дочь правильно и что они вместе помогут ей начать Год Черепов. Но если она будет расти все более упрямой и эгоистичной...

Девушка уже не могла сдерживаться. Она торопливо спустилась по ступенькам и вырвала шарф-удавку из рук одного из жрецов.

А на ее лице Нарайян увидел выражение, которое прежде видел лишь на лице своей жены в моменты страсти, но уже так давно, что с тех пор, как ему казалось, Колесо жизни уже совершило полный оборот.

Опечаленный, он понял, что, когда начнется следующий ритуал, она вполне может броситься туда, где жертв станут мучить. И она, в ее состоянии, может слишком увлечься и пролить их кровь, что станет таким оскорблением, которого богиня никогда не простит.

Нарайян Сингх чрезвычайно встревожился.

И тут же его тревога возросла еще больше, когда его непрерывно бегающий взгляд наткнулся на ворону, сидящую в развилке на дереве совсем рядом с тем местом, где проходил смертоносный ритуал. Но что еще хуже — ворона заметила, что ее увидели, и взлетела, издевательски каркая. По всей роще мгновенно откликнулись сотни других вороньих голосов.

Протектор *знала!*

Нарайян окликнул девушку, но та, слишком увлекшись, не услышала его.

Когда старик встал, его ногу пронзила боль. Как скоро здесь появятся солдаты? Как сможет он снова убежать? Как сможет поддерживать живой надежду богини, когда его плоть настолько изнасилась, а вера настолько ослабла?

5. Воронье Гнездо. Штаб

Форпост стал тихим городком из широких улиц и белых стен. Мы переняли местный обычай белить все, кроме тростниковых крыш и декоративных растений.

По праздникам некоторые из местных белили даже друг друга. В прежние времена белый цвет стал великим символом сопротивления Хозяевам Теней.

Наш город — искусственный и военный, одни прямые линии, чистота и тишина. За исключением ночей, когда приятели Тобо начинают лаяться между собой. Днем шум ограничен тренировочными полями, где очередная группа набранных из местных жителей будущих искателей приключений изучает, как Черный Отряд делает свое дело. Меня вся эта суэта касалась лишь когда я латал случайные раны, полученные новобранцами во время тренировок. Никто из моей эпохи делами уже не занимался. Подобно Одноглазому, я теперь реликт из прошлого, живая икона истории, что делает нас уникальным социальным клеем, скрепляющим Отряд в единое целое. По особым поводам меня вызывают и поручают читать проповедь, начинающуюся словами: «В те дни Отряд был на службе у...»

Стояла самая подходящая для привидений ночь, две луны освещали все вокруг, отбрасывая противоборствующие тени. А любимцев Тобо что-то чрезвычайно встревожило. Я даже стал замечать некоторых из них, когда они от волнения забывали о том, что им положено таиться и прятаться. И в большинстве случаев сожалел, что мне довелось их увидеть.

Какофония звуков в районе Врат Теней то нарастала, то стихала. Теперь к ней присоединились и огни. Как раз перед тем, как я добрел до штаба, у врат мелькнуло несколько выпущенных огненных шаров. Это встревожило и меня.

Штаб находится в двухэтажном строении в центре города, которое расползлось на целый квартал. Дрема наполнила его помощниками, служащими и функционерами, которые держат на учете каждую подкову и каждое зернышко риса. Она превратила командование в бюрократическое упражнение. И мне это не нравится. Разумеется — ведь я скрипучий старикан, еще помнящий, как все было в добрые старые времена, когда мы все делали правильно. То есть по-моему.

Но я, кажется, еще не утратил чувство юмора. И вижу иронию в том, что превратился в собственного дедушку.

Я отошел в сторону. Передал факел тому, кто мо-
ложе, кто более энергичен и умнее тактически, чем я
был когда-либо. Но я не отказался от своего права уча-
ствовать, делать свой вклад, критиковать и особенно —
жаловаться. Это та работа, которую кому-то надо де-
лать. Поэтому я иногда раздражаю молодых. Что хоро-
шо для них. Укрепляет характер.

Я побрел сквозь деловую суматоху на первом эта-
же, с помощью которой Дрема отгораживается от мира.
Днем и ночью здесь сидит дежурная команда, подсчи-
тывающая те самые подковы и зернышки риса. Надо
будет ей напомнить, чтобы она хотя бы иногда выходи-
ла в мир. Возведение барьеров не защитит ее от демо-
нов, потому что все они уже внутри нее.

Я уже достаточно стар, чтобы такие разговоры со-
шли мне с рук.

Когда я вошел, на ее сухощавом, хмуром и почти
бесполом лице отразилось раздражение. Она молилась.
Не понимаю я этого. Несмотря на все пережитое, боль-

шая часть которого уличает веднаитские доктрины во лжи, она упорствует в своей вере.

— Я подожду, пока ты закончишь.

Ее раздражало именно то, что я ее застукал. А смущал тот факт, что ей требовалась вера даже перед лицом фактов.

Она встала и сложила молитвенный коврик.

— Насколько он плох на этот раз?

— Слухи все переврали. Речь шла не об Одноглазом. А о Готе. И она скончалась. Но Одноглазого пугает нечто другое — то, что, как он считает, еще произойдет. А что конкретно — умалчивает. Приятели Тобо сейчас разгулялись больше обычного, так что вполне возможно, что Одноглазый ничего не выдумывает.

— Надо послать кого-нибудь за Сари.

— Тобо об этом уже позаботился.

Дрема пристально уставилась на меня. Пусть она коротышка, но самоуверенности у нее хватает.

— Что у тебя на уме?

— Я отчасти разделяю чувства Одноглазого. А может, у меня прирожденная непереносимость длительных периодов мира.

— Госпожа снова подначивала тебя возвращаться домой?

— Нет. Ее встревожил последний разговор Мургена с Шевитьей. — И это еще мягко сказано. В нашем родном мире современная история обрела жестокость. Во время нашего отсутствия возродился культ Обманников, вербуя приверженцев сотнями. И одновременно Душелов принялась терзать таглиосские территории в безумных и по большей части бесплодных усилиях искоренить своих врагов — по большей части воображаемых, пока они с Могабой не создавали их своим рвением. — Она этого не сказала, но я уверен: она опасается, что Бубу каким-то образом манипулирует Душеловом.

— Бубу? — не удержалась от улыбки Дрема.

— Это твоя заслуга. Я наткнулся на это имя в каком-то из твоих текстов.

— Она же твоя дочь.

— Надо же ее как-то называть.

— Не верю, что вы до сих пор не выбрали ей имя.

— Она родилась до того, как... — Мне нравилось имя Чана. Оно пришлось бы по душе моей бабушке. Но Госпожа его отвергла бы. Оно звучало очень похоже на «Кину».

И пусть даже Бубу была ходячим ужасом, она все же дочь Госпожи, а в родных краях Госпожи имя дочерям всегда дают матери. Всегда. Когда наступает правильное время.

Но для нас время никогда не будет правильным. Этот ребенок отрицает нас обоих. Она признает, что наша плоть породила ее плоть, но ее вдохновляет абсолютная убежденность в том, что она духовная дочь богини Кины. Она Дщерь Ночи. И единственный смысл ее существования — вызвать наступление Года Черепов, эту величайшую катастрофу для человечества, которая освободит ее духовную мать для того, чтобы она обрушила свое зло на мир. Или даже на миры, как мы обнаружили с тех пор, как мои поиски прародины Отряда привели нас в ветхую крепость на равнине Сияющего Камня, расположенной между нашим миром и Страной Неизвестных Теней.

Мы с Дремой замолчали. Дрема долгое время была отрядным летописцем. Она пришла в Отряд молодой, и его традиции многое для нее значили. Как следствие, она сохраняла неизменную вежливость по отношению к своим предшественникам. Но я не сомневался, что мы, старые хрычи, ее раздражаем. Особенно я. Она никогда не знала меня хорошо. А я всегда отнимал у нее время, желая узнать, что происходит. Теперь, когда кроме писанины у меня других дел не осталось, я стал уделять слишком большое внимание подробностям.

— Я не стану давать советы, если ты не попросишь, — сказал я. Мои слова ее испугали. — Этому трюку я научился у Душелова. Люди начинают думать, что ты читаешь их мысли. Но у нее получается намного лучше.

— Не сомневаюсь. У нее была куча времени на тренировку. — Она шумно выдохнула. — Так, в последний раз мы говорили неделю назад. Сейчас вспомню. От Шевиты ничего нового. Мурген был с Сари в Хань-Фи, поэтому с големом не общался. Те, кто работает на равнине, сообщают, что их не оставляет навязчивое предчувствие катастрофы.

— Правда? Они именно так и передали? — У Дремы имелась склонность говорить красиво.

— Примерно.

— Какова ситуация с перемещениями?

— Ничего не было, — несколько озадаченно ответила она. Равнину уже поколениями никто не пересекал до тех пор, как Отряд смог пройти через врата. Последними, еще до нас, были Хозяева Теней, сбегавшие из Страны Неизвестных Теней в наш мир еще до моего рождения.

— Наверное, вопрос неправильный. Как идет подготовка к нашему возвращению?

— Это личный или профессиональный вопрос? — Для Дремы все было делом. Даже не припоминаю, что когда-либо видел ее отдыхающей. Иногда это меня тревожило. Нечто в ее прошлом, на что имелся намек в ее собственноручно написанных Анналах, убедило ее в том, что для нее это единственный способ остаться в безопасности.

— И то и другое. — Мне очень хотелось сообщить Госпоже, что скоро мы отправимся домой. Ей не нравилось в Стране Неизвестных Теней.

Я уверен, что ей не понравится будущее, куда бы мы ни направились. И я абсолютно уверен, что грядущее хорошим не станет. Кажется, она этого еще не поняла. А если и поняла, то не сердцем.

Даже она кое в чем способна на наивность.

— Если коротко, то мы, вероятно, сможем уже в следующем месяце отправить через равнину усиленный отряд. Если раздобудем знания о вратах.

Путешествие через равнину само по себе есть тяжелое испытание, потому что приходится нести с собой все, что может понадобиться в течение недели. Там нечего есть, кроме сверкающих камней. Камни способны помнить, но их питательная ценность равна нулю.

— А ты собираешься?

— Я в любом случае отправлю разведчиков и шпионов. Мы можем пользоваться вратами в наш мир до тех пор, пока проводим через них по несколько человек зараз.

— Ты не веришь Шевитье на слово?

— У демона собственные планы.

Ей лучше знать. Ей доводилось бывать в прямом контакте с Непокколебимым Стражем.

То, что я знал о големе, заставляло меня тревожиться за Госпожу. Шевитья, это древнее существо, созданное для управления и охраны равнины — которая сама по себе есть артефакт, — желал умереть. Но умереть он не мог, пока жива Кина. А одной из его задач было обеспечить, чтобы спящая богиня не проснулась и не сбежала из своей тюрьмы.

Когда Кина перестанет существовать, то хрупкая магическая сила моей жены, весьма важная для ее чувства собственного достоинства и идентичности, погибнет вместе с Киной. Магической силой Госпожа ныне обладает только потому, что она отыскивала способ красть ее у богини. Она стала полной паразиткой.

— И ты, веря в отрядное изречение о том, что у нас нет друзей за пределами Отряда, не ценишь его дружбу, — сказал я.

— О, он просто чудо, Костоправ. Он спас мне жизнь. Но сделал это вовсе не потому, что я красотка и вихляю нужными местами, когда бегу.

Красоткой она не была. И вихляющей я ее тоже представить не мог. То была женщина, которая успешно изображала парня. В ней не было ничего женского. Да и мужского тоже. У нее вовсе не имелось сексуальных интересов, хотя некоторое время ходили слухи, что они с Лебедем уединялись по ночам.

Эти встречи оказались чисто платоническими.

— Я воздержусь от комментариев. Ты уже удивляла меня прежде.

— Капитан!

До нее иногда не сразу доходит, что кто-то шутит. Или даже проявляет сарказм, хотя у нее самой язычок острее бритвы.

Она поняла, что я ее подначиваю.

— Понятно. Тогда позволь удивить тебя еще раз, спросив твоего совета.

— Ого. Скоро в аду начнут точить коньки.

— Ревун и Длиннотень. Я должна принять решение.

— Тебя опять теревит Шеренга Девяти? — Шеренга Девяти — слово «шеренга» намекало на воинское занятие ее членов — была советом военачальников, чьи имена хранились в секрете, и они же наиболее близко подошли к тому, чтобы называться реальными правителями Хсиена. Местный монарх и аристократия выполняли лишь декоративную функцию и были слишком хорошо знакомы с бедностью, чтобы чего-либо добиться, если у них подобное желание возникнет.

Шеренга Девяти обладала лишь ограниченной властью. Ее существование еле-еле гарантировало, что почти анархия не перейдет в полный хаос. Девятка могла бы стать куда более эффективной, если бы не ценила свою анонимность выше реальной власти.

— И они, и Суд Всех Времен. Благородные судьи всерьез вознамерились заполучить Длиннотень. — Имперский суд Хсиена — состоящий из аристократов с

гораздо меньшей реальной властью, чем Шеренга Девяти, зато наслаждающихся демонстративным моральным авторитетом, — был еще более заинтересован овладеть Длиннотенью. Будучи старым циником, я склонен подозревать, что их амбиции не совсем моральны. Но с ними мы общались мало. Город Кван Нинь, где они заседали, располагался слишком далеко.

Единственным, что объединяло всех жителей Хси-ена — крестьян и аристократов, жрецов и генералов, — была откровенная и неприглядная жажда мести за вторжения Хозяев Теней. Длиннотень, все еще закрытый в капкан стасиса под Сияющей равниной, представлял им последнюю возможность для священной мести. В то же время ценность Длиннотени для наших отношений с Детьми Смерти была феноменально диспропорциональной.

Ненависть редко можно оценить по рациональной шкале.

— И почти не проходит и дня, чтобы какой-нибудь более мелкий военачальник не умолял меня выдать Длиннотень ему, — продолжила Дрема. — И то, как все они сами вызываются снять с нас заботу о его дальнейшей судьбе, порождает у меня подозрения, что большинство из них настроено далеко не столь идеалистически, как Шеренга Девяти или Суд Всех Времен.

— Несомненно. Он станет удобным инструментом для любого, кто пожелает изменить баланс сил. Если этот любой настолько глуп, что верит, будто сможет превратить Хозяина Теней в свою марионетку. — Во всех мирах хватало злодеев, настолько уверенных в себе, что они начинали верить, будто в сделке с мраком сумсют удержать все преимущества на своей стороне. Я женат на одной из таких. И все еще не уверен, что она усвоила урок. — Никто не предлагал починить наши врата?

— Суд искренне желает прислать нам кого-нибудь. Проблема лишь в том, что у них нет специалиста дос-

таточно умелого, чтобы все исправить. Весьма вероятно, что таким умением не обладает никто. Зато само знание осталось в записях, хранимых в Хань-Фи.

— Так почему же мы не...

— Мы над этим работаем. А тем временем Суд, похоже, верит в нас. И они непоколебимо желают отомстить, пока последние из выживших жертв Длиннотени не скончались от старости.

— А что будем делать с Ревуном?

— Его хочет заполучить Тобо. Говорит, что теперь может с ним справиться.

— Кто-нибудь еще думает так же? — Я имел в виду Госпожу. — Или он переоценивает свои силы?

Дрема пожала плечами:

— Никто не говорил мне, что знает нечто большее, чем то, чему могут его научить. — Она подразумевала Госпожу, а также то, что Тобо не отличается подростковым высокомерием. Он охотно выслушивал советы и инструкции, если только они не исходили из уст его матери.

— Даже Госпожа? — все же уточнил я.

— Она, как мне кажется, придерживает кое-что про запас.

— Уж в этом можешь не сомневаться. — Я женат на этой женщине, но не питаю относительно нее никаких иллюзий. Она с восторгом вернулась бы к прежней, полной зла жизни. Для нее жизнь со мной и Отрядом вовсе не была чем-то вроде «и жили они долго и счастливо до самой смерти». Реальность способна поджаривать на медленном огне любые романтические чувства. Хотя мы с ней достаточно хорошо ладим.

— Никакой иной она быть не может. Уговори ее как-нибудь рассказать о первом муже. И сама поразишься, как она ухитрилась после всего сохранить здравость рассудка. — Я сам ежедневно этому поражался. До тех пор, пока не уступил место другому

удивлению: что эта женщина действительно бросила все, чтобы уехать со мной. Ну, не все, но кое-что. К тому времени у нее мало что осталось, а перспективы были весьма мрачными. — А это еще что за чертовщина?

— Сигнал тревоги. — Дрема вскочила со стула. Она оставалась весьма резвой для женщины, за которой по пятам крадется средний возраст. С другой стороны, разумеется, при ее росте вскакивать ей гораздо проще и быстрее. — Но я не приказывала приводить какие-либо учения.

Да, имелась у нее такая нехорошая привычка. Лишь предатель Могаба, когда он еще был с нами, столь же целеустремленно поддерживал боеготовность.

Дрема чрезмерно серьезно относилась ко всему.

Тени завывали и завопили пуще прежнего.

— Пошли! — рявкнула Дрема. — Почему ты без оружия? — Сама она вооружена всегда, хотя я никогда не видел, чтобы она пускала в ход оружие тяжелее пера.

— Я в отставке. Я теперь архивная крыса.

— Что-то я не замечала, что ты вместо шляпы носишь надгробие.

— У меня тоже некогда была проблема с отношением, но я...

— Кстати, об отношении. Я хочу возобновить в офицерской столовой чтения перед отбоем. Почитай им что-нибудь о последствиях праздности и пренебрежения готовностью. Или о судьбе обычных наемников. — Она уже мчалась к главному выходу, опережая подчиненных, которые тоже не сидели хлопая ушами. — Расступись! Разойдись! Пропустите меня.

Собравшиеся снаружи оживленно переговаривались и указывали куда-то пальцами. Лунный свет и множество костров высвечивали столб черного жирного дыма, тянущийся к небу возле самых врат на Сияющую равнину. Я отметил очевидное:

— Что-то случилось. — Ну и умный же я.

— Там Суврин. А у него с нервами все в порядке.

Суврин — способный молодой офицер, чуточку обожающий своего Капитана. Можете быть уверены, что, пока Суврин на дежурстве, несчастных случаев и дурацких ошибок не будет.

Собрались посыльные, готовые разнести приказы Дремы. И она отдала единственный приказ, который могла отдать, пока мы не узнаем больше. Быть настороже. Хотя мы все до единого верили, что никакие крупные неприятности не смогут добраться до нас с равнины. То, что ты считаешь правдой, есть ложь, которая тебя убьет.

6. Воронье Гнездо. Новости Суврина

Суврин добрался до нас только после полуночи. К тому времени даже самые тупые поняли, что имеется некий смысл в суматохе, поднятой скрытным ночным народцем и воронами, изобилие которых и нагродило наше поселение местным именем. Раздали оружие. Солдаты с пускателями огненных шаров засели на каждой крыше. Тобо предупредил своих дружков, чтобы те держались от города подальше, а то напряженные людские нервы могут не выдержать и кто-то пострадает.

Офицеры собрались у штаба, дожидаясь рапорта Суврина. Двое младших офицеров по очереди забирались на крышу, отслеживая приближение факелов, спускающихся к нам с длинного эскарпа, начинающегося у врат. Местные парни, они наверняка считали, что величайшее приключение в их жизни наконец-то началось.

Дураки.

Приключение — это когда ковыляешь по грязи и снегу, страдая от язв на ногах, глистов, дизентерии и голода, а тебя преследуют те, кто твердо настроен тебя как минимум убить. Были у меня такие приключения. И я играл обе роли. И не советую вам играть в эти игры. Лучше оставайтесь на уютной ферме или в

своей лавочке. Заведите кучу детишек и вырастите их хорошими людьми.

Если новая кровь останется слепа перед реальностью, когда мы уйдем, то я гарантирую, что их наивность проживет недолго после первой же встречи с моей родственницей, Душеловом.

Суврин наконец-то прибыл, сопровождаемый посыльным, которого Дрема выслала ему навстречу. Похоже, он удивился количеству встречающих.

— Встань перед всеми и говори, — приказала Дрема. Моя преемница всегда говорит прямо и по существу.

Наступила тишина. Суврин нервно огляделся. Невысокий, темнокожий, чуть полноватый, он происходил из семьи мелких придворных. Дрема взяла его в плен четыре года назад, как раз перед тем, как Отряд вышел на Сняющую равнину, направляясь сюда. Теперь он командовал пехотным батальоном, а судьба явно готовила ему должность посолднее, поскольку Отряд постоянно рос.

— Что-то прошло через врата, — сказал он наконец.

Все наперебой завалили его вопросами.

— Я не знаю, что именно. Один из моих людей доложил, что вроде бы заметил нечто, крадущееся между камнями по другую сторону врат. Я пошел посмотреть. Четыре года ничего не происходило, и я предположил, что это просто Тень или один из Нефов. Сноходцы постоянно к нам приходят. Но я ошибся. Я не сумел хорошо разглядеть это существо, но оно показалось мне крупным животным, черным и чрезвычайно быстрым. Не таким большим, как Большие Уши или кошка Сит, но, несомненно, более быстрым. И оно смогло самостоятельно пройти через врата.

Меня пронзил озноб. Я пытался отвергнуть мгновенно возникшее подозрение. Такое попросту невозможно. И все же я сказал:

- Форвалака.
- Тобо, ты где? — осведомилась Дрема.
- Здесь. — Он сидел рядом с несколькими Детями Смерти, которых учили на офицеров.
- Отыщи эту тварь. Поймай ее. И если это то, о чем сказал Костоправ, убей ее.
- Легче сказать, чем сделать. Она уже поцапалась с Черными Гончими. И они отступили. Сейчас они лишь пытаются следить за ней.
- Тогда убей ее, Тобо. — Дрема не знает таких слов, как «попробуй» или «сделай что сможешь».
- Попроси Госпожу помочь тебе, — посоветовал я Тобо. — Она знает этих тварей. Но прежде чем что-то предпринимать, мы должны обеспечить защиту для Одноглазого.

Если это действительно меняющая облик и пожирающая людей пантера-оборотень из нашего родного мира, то речь может идти только об одном-единственном монстре. И это существо ненавидит Одноглазого глубочайшей и всепоглощающей страстью, какую только можно вообразить, потому что Одноглазый убил единственного чародея, способного снова вернуть форвалаке человеческий облик.

— Ты и правда думаешь, что это Лиза Бовок? — спросила Дрема.

— Есть у меня такое предчувствие. Но ты ведь говорила, что она сбежала с равнины через хатоварские врата. И что вернуться она не сможет.

Дрема пожала плечами:

— Это то, что показал мне Шевитья. Возможно, я лишь предположила, что она не сможет вернуться на равнину.

— Или, возможно, она завела себе там новых друзей.

Дрема развернулась и рявкнула:

— Суврин?

Суврин понял:

— Я приказал всем сохранять максимальную бдительность.

— Тобо должен проверить заклинания на вратах, — сказал я. — Мы ведь не хотим, чтобы через них начали просачиваться Тени, раз форвалака сумела прорваться. — Впрочем, с большим потоком Теней парень все равно не сумел бы справиться. Эту честь пришлось бы предоставить его скрытным местным приятелям. Недостаток технических знаний об устройстве врат как раз и был главной причиной того, что мы до сих пор торчали в Стране Неизвестных Теней.

— Я это поняла, Костоправ. Могу я приняться за работу?

Я находился у Дремы под каблуком. Когда тебя считают бесполезным, это ужасно раздражает. Такое состояние знакомо большинству из нас — тем, кого Душелов обманула, пленила и похоронила заживо на пятнадцать лет. А за время нашего заточения Отряд изменился. Даже Госпожа и Мурген, сохранившие хоть какую-то связь с внешним миром, теперь обнаружили, что стали отчасти маргиналами. Впрочем, Мурген не возражает.

Культура Отряда стала для нас весьма чужой. Северный дух почти не сохранился. Лишь несколько мелочей в том, как делаются дела, и мое собственное гордое наследство — интерес к гигиене, совершенно чуждый для этих краев.

Эти южане еще не насладились истинным ужасом перед форвалакой. Они упорно принимают ее за очередное жуткое ночное создание вроде Больших Ушей или Плосконога, которых они считают, по сути, безвредными. На мой же взгляд они кажутся безвредными только потому, что их жертвы редко выживают и не могут высказать противоположное мнение.

— Отрывок из Первой книги Костоправа, — прочел я собравшимся. Время перевалило за полночь. Шум и гвалт уже некоторое время как стихли. Через ворота не просачивались Непрощенные Мертвецы. Тобо пытался выследить форвалаку, но столкнулся с трудностями. Она очень много перемещалась, разведывая местность и явно не уверенная в том, как ей расценивать тот факт, что она оказалась среди нас. — В те дни Отряд был на службе у синдика Берилла...

Я поведал им о другой форвалаке, обитавшей давно и далеко отсюда, и намного более жестокой, чем сможет когда-либо стать нынешняя. Мне хотелось, чтобы они встревожились.

7. Воронье Гнездо. Ночной гость

Мы с Госпожой сидели у Одноглазого. Гота лежала в этой же комнате, окруженная свечами.

— Что-то я не замечаю в этой женщине явных изменений.

— Костоправ! Помолчи!

— Зато слышу разницу. С тех пор, как мы пришли, она ни разу ни на что не пожаловалась.

Прикинувшись глухим, Одноглазый от души хлебнул собственного продукта, закрыл глаза и задремал, свесив голову.

— Наверное, будет лучше, если он поспит, — прошептала Госпожа.

— Из него вышла не очень-то привлекательная приманка.

— Для стервятников сойдет. Для этой твари тоже. То, что она хочет убить, реально существует лишь внутри нее. А Одноглазый — просто символ. — Она потеряла глаза.

Я поморщился. Моя любимая выглядела такой старой. Седые волосы. Морщины. Намечается второй подбородок. Талия расширилась. Мы быстро постарели с тех пор, как Дрема нас спасла.

К счастью для меня, у нас нет зеркала. Мне вовсе не хочется увидеть толстого, старого и лысого типа, утверждающего, что он и есть Костоправ.

Тени в комнате никак не желали уgomониться, и я нервничал. С самого начала, как только мы пришли в Таглиос, Тени были причиной для ужаса. Движущаяся Тень означала, что смерть может настигнуть человека в любой момент. Эти печальные, но жестокие монстры с равнины были смертоносным инструментом, с помощью которого Хозяева Теней обрели свое имя и насаждали свою волю. Но здесь, в Стране Неизвестных Теней, скрытные существа, рыскавшие в темноте, были робкими и, как правило, дружелюбными — если к ним относиться с уважением. И даже те из них, на чьем счету имелись злодейства и коварство, ныне поклонялись Тобо и не причиняли вреда смертным, тесно связанным с Отрядом. Если только этот смертный не был настолько туп, чтобы каким-то образом досаждать Тобо.

А сам Тобо жил в мире скрытного народца не меньше, чем в нашем.

Где-то в отдалении призрачный кот Большие Уши вновь испустил свой уникальный зов. Местные легенды утверждают, что этот леденящий душу вой слышат лишь его потенциальные жертвы. Пролаяла парочка Черных Гончих. Легенды намекают, что их голоса также слышать нежелательно. Беседы с местными привели меня к убеждению, что до появления Тобо лишь невежественные крестьяне искренне верили в эти таящиеся в ночи опасности. Образованных же людей в Хань-Фи и Кван Нине попросту ошеломило то, что парень сумел добиться от Теней.

Я взглянул на копьё над дверью. Одноглазый рабotal над ним десятилетиями, и его можно было с равным основанием назвать как оружием, так и произведением искусства.

— Дорогая, Одноглазый начал мастерить это копье из-за Бовок?

Госпожа прервала вязание, взглянула на копье и негромко ответила:

— Кажется, Мурген писал, что Одноглазый собирался использовать его против одного из Хозяев Теней, но потом решил переделать его против Бовок. Во время осады. Или это было...

Мои колени скрипнули, когда я встал.

— Неважно. На всякий случай. — Я снял копье. — Черт, тяжелое.

— Если монстр доберется до нашей двери, постарайся не забыть, что нам лучше поймать его, чем убить.

— Знаю. Эта блестящая идея принадлежит мне. — И я уже начал сомневаться в ее мудрости. Поначалу мне показалось, что интересно будет проверить, что случится, если мы заставим форвалаку превратиться обратно в женщину, которой она была до того, как застряла в облике большой кошки. И еще мне хотелось расспросить ее о Хатоваре.

При этом я всегда предполагал, что к нам вторглась именно та жуткая форвалака, Лиза-Делла Бовок. Я снова уселся.

— Дрема сказала, что уже готова послать через равнину разведчиков и шпионов.

— Правда?

— Мы уже давно не хотим взглянуть в лицо фактам. — Дальше мне стало тяжело говорить, и я целую вечность собирался с духом, пока не продолжил: — Девушка... Наша дочь...

— Бубу?

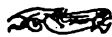
— Что, и ты тоже?

— Надо же нам ее как-то называть. Дщерь Ночи — слишком пышно. А Бубу прекрасно подходит, потому что не терзает душу.

— Нам нужно принимать решения.

— Она...

Черные Гончие, кошка Сит, Большие Уши и множество их соплеменников вновь заголосили. Я прислушался.

— Это уже внутри городских стен.

— И приближается к нам. — Она отложила вяжание.

Одноглазый поднял голову.

Дверь вломилась внутрь быстрее, чем я успел повернуть к ней голову.

Ко мне медленно подлетела выбитая доска и шлепнула меня поперек живота с такой силой, что я плюхнулся на задницу. За доской последовало нечто черное и огромное с пылающими яростью глазами, но уже посреди прыжка утратило ко мне интерес. Опрокидываясь на спину, я все же успел задеть бок форвалаки копьем Одноглазого. Плоть раздалась, в ране блеснули ребра. Я попытался вонзить наконечник в брюхо зверя, но из такого положения не сумел нанести достаточно сильный удар. Зверь завизжал, но не смог развернуться на лету.

Пылающая боль разорвала мое левое плечо, всего в трех дюймах от шеи. Но форвалака была тут ни при чем. Это моя дражайшая женушка выпустила огненный шар как раз в тот момент, когда я находился между ней и мишенью. Но в шаре осталось еще достаточно огня, и он, изменив направление, отсек пантере хвост в двух дюймах от основания.

Монстр непрерывно визжал. Форвалака на лету обернулась, и ее тело приняло позицию, которую в геральдике называют «стоящий на задних лапах».

И обрушилась на Одноглазого.

Старик не предпринял явных попыток защититься. Его кресло опрокинулось и разлетелось в щепки. Одноглазый заскользил по грязному полу. Форвалака врзалась в Готу, опрокинув стол вместе с телом. Госпожа выпустила еще один огненный шар и промахнулась. Я с трудом встал на четвереньки и

приподнял наконечник копья, нацелив его на пантеру, которая поднималась на ноги, пытаясь одновременно развернуться. Прыгнув, она врезалась в дальнюю стену. Я поджал под себя ноги и с трудом стал подниматься.

Госпожа снова промахнулась.

— Нет! — завопил я. Ноги у меня подкосились, и я едва не упал ничком. Я пытался делать три дела одновременно и не смог, естественно, завершить ни одного. Мне хотелось добраться до Одноглазого, вновь поднять наконечник копья и убраться подальше из этого дома.

На сей раз Госпожа не промахнулась. Но этот шар оказался крошечным, почти безвредным. Он ударил форвалаку точно между глаз. И срикошетил, сорвав пару квадратный дюймов шкуры и обнажив кусочек черепа.

Форвалака вновь завизжала. И тут взорвался перегонный куб Одноглазого. Чего я ожидал с того момента, когда выпущенный Госпожой огненный шар прошел сквозь стену.

8. Таглиос. Неприятности идут по пятам

Могаба понял, что его ждут неприятности, уже через несколько секунд после того, как вышел из своих аскетично обставленных комнат. Когда он проходил по коридорам, придворные жались к стенам, уступая ему дорогу. И все без исключения испуганными тараканами разбегались прочь от палаты тайного совета. Они наверняка слышали то, что еще не дошло до его ушей. И не сомневались, что слухи вызовут недовольство Протектора, а это означало, что очень скоро она начнет делать жизнь неприятной и для других, поэтому придворные надеялись оказаться от нее подальше, пока гром не грянул.

— Гордыня... — сказал Могаба обычным тоном молодому посыльному-серому, который попытался неза-

метно прошмыгнуть мимо него. — Гордыня довела меня до жизни такой.

— Да, господин. — Лица юного шадарита резко побледнело. У него еще не выросла борода, чтобы за ней укрыться. — То есть нет, господин. Извините...

Могаба пошел дальше, не обращая внимания на новобранца. Подобные инциденты случались всякий раз, когда он проходил через дворец. Он заговаривал почти со всеми. Те, кто наблюдал за развитием этой привычки, поняли, что он говорит сам с собой и не ждет ответа. Могаба вел бесконечный спор со своими грехами и призраками — если только не извергал пословицы и афоризмы, смысл которых по большей части был очевидным, но иногда смутным и скрытым. Ему особенно нравилось выражение: «Удача улыбается. А потом предает». Он просто не мог примириться с мыслью о том, что множество ошибок в жизни он совершил сам. И до сих пор с трудом отделял «должно быть» от «то, как есть на самом деле». Впрочем, дураком его назвать было нельзя. Он знал, что у него есть проблемы.

И тем не менее Могаба не сомневался, что он гораздо ближе к реальности, чем его наниматель.

Душелов, со своей стороны, придерживалась мнения о том, что она есть виртуальный свободный агент, и отказывалась связать себя брачными узами с какой-либо конкретной реальностью. Она верила в создание собственных реальностей, заставляя плоды своего воображения овеществляться.

Некоторые из них оказывались весьма безумными. Однако некоторые продержались дольше жаркого момента их зачатия.

Могаба услышал, как впереди спорят вороны. Нынче вороны буквально заполонили весь дворец. Душелов их обожала и никому не позволяла прогонять их или обижать. В последнее время ее симпатию обрели и летучие мыши.

Когда вороны заголосили, немногочисленные слуги, еще оставшиеся в коридорах, прибавили шаг. Недовольные вороны означали плохие новости. Плохие новости гарантированно означали разгневанного Протектора. А когда Душелов пребывала во гневе, ей было совершенно все равно, кто окажется крайним. Но кто-то, безусловно, окажется.

Могаба вошел в палату совета и принялся ждать. Она заговорит с ним, когда будет готова. В палате уже находились Гопал Сингх, командир серых, и Аридата Сингх, командир Городских батальонов. Они не были родственниками, просто Сингх — самая распространенная фамилия в Таглиосе. Их присутствие означало, что Душелов вновь распекала их за неспособность искоренить достаточно врагов — перед тем, как подоспели плохие новости.

Могаба обменялся взглядами с обоими. Так же, как и себя, он считал их хорошими людьми, угодившими в капкан невозможных обстоятельств. У Гопала имелся талант обеспечивать выполнение законов. Аридата был столь же талантлив в поддержании мира, не вызывая при этом ярость населения. Оба ухитрялись справляться со своими обязанностями, несмотря на Душелова, которая обожала и хаос, и деспотизм, и мучила каждого охотно и яростно, подчиняясь деспотизму своих прихотей.

Душелов материализовалась словно ниоткуда. То был талант, которым она ошеломяла «низшие существа». Человек попроще Могабы вполне мог онеметь, увидев ее. У нее было изумительное тело, а одеяние из облегающей черной кожи скорее подчеркивало его очертания, чем скрывало. Природа благословила ее идеальным исходным материалом, а тщеславие столетиями побуждало Душелова улучшать его, прибегая к косметической магии.

— Я недовольна, — объявила Душелов писклявым, как у избалованного ребенка, голосом. Сегодня

она выглядела моложе обычного, точно желала разжечь фантазии каждого встречного юноши. Хотя ворона, примостившаяся, едва Душелов уселась, на высокой спинке кресла за ее спиной, несколько портила это впечатление.

— Можно спросить, почему? — поинтересовался Могаба — спокойно и невозмутимо. Жизнь во дворце Таглиоса сводилась к хаотическому перемещению от кризиса к кризису. Могаба уже давно отключал в таких случаях эмоции. Когда-нибудь Душелов заставит его их включить. Он уже смирился с этой мыслью. И когда тот день настанет, он встретит его спокойно. Лучшего он не заслуживает.

— В Роковом перелеске проходит огромный праздник Обманников. Прямо сейчас. Сегодня ночью. — Теперь ее голос звучал холодно, спокойно и рассудительно. И был мужским. Со временем к таким переменам привыкаешь. Могаба уже редко обращал на них внимание. Зато недавно назначенный на свою должность Аридата Сингх до сих пор считал этот непредсказуемый хор раздражающим. Сингх был здравомыслящим офицером и хорошим солдатом. Могаба надеялся, что он продержится достаточно долго, чтобы привыкнуть к особенностям Протектора. Аридата заслуживал лучшего, чем он, вероятнее всего, получит.

— Да, это действительно скверная новость, — согласился Могаба. — Помнится, ты хотела вырубить ту рощу под корень и уничтожить даже следы священного для них места. Но Селвас Гупта тебя отговорил. Сказал, что это создаст плохой прецедент. — Гупта получил на это тайное благословение верховного главнокомандующего, не желавшего тратить людские ресурсы и время на вырубку леса. Но одновременно Могаба презирал Селваса Гупту и его святошеское выражение превосходства.

Гупта занимал должность пурохиты, то есть официального дворцового капеллана и религиозного со-

ветника. Пост пурохиты жрецы навязали Радише Драх лет двадцать назад, когда принцесса была еще слишком слаба, чтобы возражать духовенству. Душелов так до сих пор и не упразднила его. Зато едва выносила того, кто его занимал.

Селвас Гупта пробыл пурохитой уже год, что неизмеримо превышало все рекорды, поставленные его предшественниками со дня введения Протектората.

Могаба был уверен, что скользкий змей Гупта теперь не протянет и недели.

Душелов бросила на него взгляд, создававший впечатление, будто она заглядывает глубоко внутрь, сортируя его секреты и мотивы. Выдержав достаточную паузу и как бы давая понять, что одурачить ее не удастся, она приказала:

— Найдите мне нового пурохиту. И убейте старого, если он станет возражать.

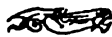
У нее имелась старинная привычка сурово обращаться с жрецами, которые ее разочаровали. У этой привычки имелись семейные корни. Поколение назад ее сестричка вырезала сотни жрецов в одной-единственной бойне. Однако показательное отношение обеих сестер к духовенству так и не убедило уцелевших, что им следует отказаться от неистребимой привычки плести всевозможные заговоры. Они оказались упрямыми. И вполне вероятно, что жрецы в Таглиосе закончатся быстрее, чем заговоры.

На плечо Душелова прыгнула ворона. Она протянула ей какое-то лакомство затянутой в перчатку рукой.

— Ты уже приняла решение? Касающееся моих коллег. — Могаба по очереди кивнул на обоих Сингхов. Он слегка ревновал каждого из них и уважал за способности. Время и постоянные неудачи успели сгладить острые грани его некогда мощной самоуверенности.

— Эти господа уже были здесь по другому делу, когда стали известны новости из перелеска.

Могаба еле заметно прищурился. Значит, его в это дело посвящать не собирались?

Но он ошибся.

— Сегодня серые обнаружили на стенах несколько лозунгов, — сообщила Душелов, на сей раз каркающим голосом старухи. Ворона на ее плече тоже каркнула. Где-то на улице к ней присоединились другие.

— Обычное дело, — отозвался Могаба. — Любопытный с кистью, банкой краски и умением связать пять букв в слово, похоже, считает своей обязанностью высказаться, если находит чистый кусок стены.

— То были лозунги из прошлого, — произнесла Протектор голосом, который использовала в тех случаях, когда сосредоточивалась исключительно на деле. Мужским. Голосом, который казался Могабе его собственным. — На трех было написано «Рад-жахарма».

— Как я слышал, культ бходи тоже возрождается.

— А два других гласили: «Воды спят». А это уже не бходи. И не надпись, случайно не замеченная на стене четыре года.

По телу Могабы пробежала дрожь — смесь страха и возбуждения. Он посмотрел на Протектора.

— Я хочу знать, кто их пишет, — потребовала она. — И еще хочу знать, почему они решили написать их именно сейчас.

Могабе показалось, что оба Сингха выглядят осторожно довольными, словно радуются тому, что им предстоит искать реальных врагов, а не просто раздражать людей, которые, если их не трогать, останутся безразличными к дворцовым интригам.

Роковой перелесок находился за пределами города. А всем, что располагалось за городскими стенами, полагалось заниматься Могабе.

— Желает ли ты, чтобы я предпринял против Обманников какую-либо конкретную акцию? — спросил он.

Душелов улыбнулась. А когда она улыбалась этой особой своей улыбкой, становилась заметна каждая минута из прожитых ею столетий.

— Ничего. Совсем ничего. Они уже разбежались. Я тебе скажу, когда нужно будет действовать. Тогда, когда они не будут к этому готовы. — Этот голос позвучал холодно, но дополнялся ее зловещей улыбкой. Могаба задумался над тем, известно ли Сингху, насколько редко Протектор показывается кому-либо без маски. Это означало, что она намерена вовлечь их в свои схемы настолько глубоко, что им уже не отмазаться от такого содействия.

Могаба кивнул, как полагалось верному слуге. Для Протектора все это было игрой. Или, возможно, несколькими играми. Быть может, лишь превращая все в игру, и возможно выжить духовно в мире, где все остальное столь эфемерно.

— И еще мне нужна твоя помощь в ловле крыс. Палило стало слишком мало. И мои детки голодают.

Душелов снова протянула вороне кусочек лакомства. Этот подозрительно напоминал человеческий глаз.

9. Воронье Гнездо. Инвалид

— Я все еще жив?

Спрашивать не было нужды. Я жив. Мертвецам больно не бывает. А у меня болел каждый квадратный дюйм тела.

— Не шевелись, — услышал я голос Тобо. — Или пожалеешь, что шевельнулся.

Я уже жалел о том, что приходится дышать.

— Ожоги?

— Множество. И еще масса ушибов.

— Ты выглядишь так, словно тебя избили сорокафунтовой дубиной, а то, что осталось, медленно поджарили на вертеле, — произнес голос Мургена.

— А я думал, что ты в Хань-Фи.

— Мы вернулись.

— Мы продержали тебя без сознания четыре дня, — добавил Тобо.

— Как Госпожа?

— Она в другой постели. И в гораздо лучшем состоянии, чем ты, — сообщил Мурген.

— А как же иначе? Я ведь не стрелял в нее. Ну, что молчишь? Язык проглотил?

— Она спит.

— А как Одноглазый?

— Одноглазый не выжил, Костоправ, — еле слышно проговорил Тобо.

— Что с тобой? — спросил Мурген после паузы.

— Он был последним.

— Последним? Каким последним?

— Последним из тех, кто был в Отряде, когда я в него вступил. — Вот теперь я стал настоящим Стариком. — Что стало с его копьем? Оно мне нужно, чтобы покончить со всем этим.

— Какое копье? — не понял Мурген.

Тобо сообразил, о чем я спрашиваю.

— Я сохранил его у себя дома.

— Огонь его повредил?

— Немного. А что?

— А то, что я собираюсь убить эту тварь. Нам давно следовало это сделать. А ты не своди глаз с того копья. Оно мне нужно. А сейчас я хочу еще немного поспать.

Мне надо уйти туда, где хотя бы на время не будет боли. Да, я знал, что Одноглазый когда-нибудь нас покинет. И думал, что готов к этому. Но ошибся.

Его кончина означала гораздо больше, чем смерть старого друга. Она обозначила конец эпохи.

Тобо сказал что-то о копье. Но я не разобрал его слов. И мрак навалился быстрее, чем я вспомнил спросить о том, что стало с форвалакой. Если Госпожа поймала или убила ее, то я напрягался напрасно... Но я сомневался, что с ней удастся покончить настолько просто.

Мне снились сны. Я вспомнил всех, кто ушел до меня. Вспомнил страны и годы. Страны холодные, жаркие, зловещие, а годы всегда были напряженными, разбухшими от несчастий, боли и страха. Кто-то умирал. Кто-то выживал. Если задуматься, то все это не имело смысла. Солдаты живут. И гадают — для чего?

О, эта солдатская жизнь для меня. О, сколько приключений и славы!

На выздоровление ушло гораздо больше времени, чем в тот раз, когда я едва не погиб под Деджагором. Даже несмотря на то, что Тобо помогал мне наилучшими целительными чарами, выученными у Одноглазого, и уговорил своих скрытных дружков тоже мне помочь. Говорят, некоторые из них способны вернуть к жизни даже покойника. А я ощущал себя покойником, старой развалиной, словно и не наслаждался преимуществом стасиса, заморозившего нас, пока мы были пленниками под равниной. Теперь это меня сильно смущает. Я больше не могу определить свой возраст. По моим лучшим оценкам, мне сейчас пятьдесят шесть (плюс или минус год-другой) плюс то время, что я провел под землей. А пятьдесят шесть лет, братец, это чертовски долгий забег — особенно для парня с моей профессией. И мне следует ценить каждую оставшуюся секунду, даже самую жалкую и полную боли.

Солдаты живут. И гадают — для чего?

10. Воронье Гнездо. Выздоровление

Прошло два месяца. Я ощущал себя постаревшим на десять лет, но все же встал с одра и начал ходить — примерно как зомби. Меня и в самом деле поджарила едва ли не до хрустящей корочки струя почти чистого спирта, вырвавшаяся из дыры, пробитой огненным шаром Госпожи. Все вновь и вновь повторяют, что боги меня очень любят, потому что с такими ожогами не выживают. И что не окажись я в тот момент в удачном положении, когда форвалака находилась именно там,

куда ударила плающая струя, то от меня осталась бы лишь кучка костей.

И я не до конца убежден, что подобное не стало бы лучшим исходом.

Упорные боли не способствуют росту оптимизма или улучшению настроения. У меня даже начала появляться некоторая симпатия к покойной матушке Готе.

Я ухитрился улыбнуться, когда Госпожа принялась натирать меня целительной мазью.

— Даже в плохом можно отыскать нечто хорошее, — сказала она.

— О да. Еще бы.

— Вот и думай об этом. Может, ты еще не настолько стар, как думаешь.

— Это ты во всем виновата.

— Дрему беспокоит твое желание отомстить за Одноглазого.

— Знаю. — Этого она могла мне и не говорить. Мне приходилось терпеть таких, как я, когда я был Капитаном.

— Может, лучше об этом забыть?

— Это должно быть сделано. И это будет сделано. И Дрема должна это понимать. — Дрема — сплошная деловитость. И в ее мире не очень-то много места для эмоционального снисхождения.

Она думает, что я хочу использовать смерть Одноглазого лишь как повод отправиться к вратам в Хатовар, основывая подобный вывод на том, что десять лет я пробивался сквозь ад, пытаясь добраться до этого места.

Ее трудно одурачить. Но она также способна заикнуться на одной идее и исключить иные вероятности.

— Она не хочет, чтобы у нас появились новые враги.

— Новые? Да у нас их вообще нет. Уж здесь точно. Пусть они нас не очень-то и любят, но все целуют нам задницы. Они же нас до смерти боятся. И начинают бояться еще больше всякий раз, когда к свите

Тобо присоединяется очередная Белая Дама, Синий Человек, ведьмак или еще какой-нибудь персонаж сказок-страшилок.

— Так все дело в этом? Я вчера видела вместе с Черными Гончими какое-то чудище, которое Тобо называл «вовси». — Моя красавица способна ясно видеть этих призраков, даже здесь. — Размером с бегемота, но выглядит как жук с головой ящерицы. Причем ящерица с большими зубами. Цитируя Лебеда, «у него такой вид, точно он грохнулся с дерева, а в полете наткнулся на все ветки до единой».

Похоже, Лозан Лебедь культивирует себе новый образ — грубоватого, но колоритного старикана.

Надо же кому-то занять место Одноглазого. Хотя я и сам подумывал о том, чтобы подобрать его знаменитую трость.

— Что нам известно о форвалаке? — спросил я. Прежде я не спрашивал о подробностях. Я знал, что проклятая тварь сбежала. И это все, что я хотел знать, пока не буду готов строить планы о том, как завершить эту историю.

— Хвост она оставила здесь. Получила несколько ожогов и глубоких ран, а последним огненным шаром я ее частично ослепила. Она потеряла несколько зубов. Тобо изготовил несколько фетишей, используя их и клочки ее плоти, вырванные Черными Гончими, когда она убегала к вратам.

— Но все же она смогла вернуться в Хатовар.

— Смогла.

— В таком случае убить ее будет столь же трудно, как и Ревуна.

— Уже нет. Я кое-чему научила Тобо.

— Ты ему помогла?

— Мое злодейство имеет древние корни. Разве нет? Разве не ты писал несколько раз нечто подобное?

— Особенно после того, как узнал тебя... Ой! Ну ладно... До тех пор, пока ты оставалась такой

же плохой девочкой, как сейчас... — Я не припоминаю, что писал именно те слова, что она процитировала, но знаю, что написал нечто похожее много лет назад. Не преувеличивая. — Я отправлюсь за ней.

— Знаю. — Она со мной не спорила. Они надо мной насмеваются. И хотят, чтобы я вел себя смирно. Дрема вступила в щепетильные переговоры с Шеренгой Девяти. Суд Всех Времен и монахи из Хань-Фи уже на нашей стороне. А генералов Шеренги все никак не удавалось убедить, что они поступят мудро, дав нам то, что мы хотим, хотя Отряд уже разросся до такой численности, что стал серьезной обузой для экономики Хсиена. И представлял угрозу, если идея о завоевании сумеет укорениться. Лично я не видел здесь ни единого полководца или даже союза полководцев, которые продержатся против нас дольше клочка дыма, унесенного ветром, если нам понравится идея завоевания. И большинству военачальников это тоже ясно.

Они до сих пор отчаянно желали заполучить Маришу Мантару Думракшу, он же Хозяин Теней по имени Длиннотень. Их страсть к мести опиралась на расовую одержимость. Они не распространялись о том зле, которое Длиннотень обрушил на их предков, но у нас имелись свои источники информации в Хань-Фи. Жестокость Длиннотени была столько же изощренной, как и любое злодейство Душелова, но куда более ужасной для его жертв. Необходимость увидеть Длиннотень перед трибуналом спланивала любой союз генералов, юридические и дворянские суды и даже некоторые духовные традиции Хсиена. Мариша Мантара Думракша — вот единственное, с чем соглашались все без исключения. И я ни разу не заподозрил даже намска на то, что некто намерен попытаться захватить контроль над Длиннотенью, чтобы усилить собственную власть.

Поэтому Дрема и не желала, чтобы нетерпеливый, грубый, но все еще влиятельный бывший Капитан пу-

тался у нее под ногами со своим сарказмом и высказывал свое мнение, пока она пытается выжать последнюю и желательную для нее концессию из Шеренги Девяти. Она была уверена, что годы нашего хорошего поведения склонят чашу весов. А если нет... что ж, она из тех, у кого всегда припасена запасная схема. Более того, она принадлежала к той замечательной породе злодеев, для которых известная всем и очевидная схема вполне может оказаться лишь дымовой завесой для главного плана. Наша Дрема — способная юная злодейка.

В Стране Неизвестных Теней нет серьезных чародеев. Фраза «Все зло умирает там бесконечной смертью» означает, что после бегства Хозяев Теней всех более или менее талантливых магов здесь просто-напросто казнили. Но знания в Хсиене имеются и оберегаются. Есть несколько огромных монастырей — среди них Хань-Фи самый большой, — которые как раз и предназначены для сохранения знаний. Монахи не делят знания на хорошие или плохие и не выносят моральных суждений. Они придерживаются позиции, что никакое знание не является злом до тех пор, пока кто-либо не решит творить зло с его помощью.

Хотя меч задуман и создан именно для того, чтобы калечить человеческое тело, он по сути своей есть лишь инертный металл, пока кто-нибудь не решит взять его и нанести удар. Или решит не делать этого.

Есть, разумеется, и тысячи желающих поупражняться в софистике из числа тех, кто отрицает право индивидуума на выбор. Что, с точки зрения божества, есть проявление высокомерия.

Вот что случается, когда стареешь. Начинаешь думать. А что еще хуже — начинаешь всем рассказывать, до чего додумался.

Дрема нервничала, опасаясь, что я выскажу свое дурацкое мнение кому-то из Девяти, и тогда оскорбленная

сторона отбросит все доводы разума и собственные интересы и навсегда откажет нам в знании, необходимом для починки врат, ведущих в наш родной мир. Она преувеличивает мою способность возбуждать недружественные чувства.

Пока к нам не заявила пантера-оборотень, я мог наступить на эти грабли. Я мог высказать свое истинное мнение члену Шеренги, часть которых можно причислить к наиболее бездарным генералам, каких мне только доводилось встречать. Сомневаюсь, что, если им предоставить возможность править, не имея соперников, многие из них окажутся более просвещенными, чем всеми ненавидимые Хозяева Теней.

Люди — существа странные. А Дети Смерти — одни из самых странных.

Я никого не стану огорчать. Я буду смиренно поддерживать любую политику Дремы. Я хочу покинуть Страну Неизвестных Теней. Мне надо завершить кое-какие дела, прежде чем я передам кому-то эти Анналы в последний раз. Свести счета с Лизой-Деллой Бовок — лишь одно из них. Есть еще верховный главнокомандующий Могаба, самый грязный предатель из тех, кто когда-либо пятнал историю Отряда. Есть Нарайян Сингх. Для Госпожи есть Нарайян и Душелов. Для нас обоих есть наше дитя. Наше злобное, злобное дитя.

— Мы можем предложить Шеренге Девяти что-либо кроме Длиннотени? — спросил я. — И подсластить наше предложение настолько, чтобы они встали рядом с Хань-Фи и Судом Всех Времен?

— Не могу такое представить, — пожала плечами моя ненаглядная и загадочно улыбнулась. — Но, может, это и не имеет значения.

Я не обратил на ее слова достаточно внимания. Иногда я не замечаю новые истины. Нынче моим Отрядом командуют хитроумные дети и коварные старухи, а не прямолинейные ветераны вроде меня и моих современников.

11. Воронье Гнездо

• Едва окрепнув, я попросил дядюшку Доя возобновить со мной упражнения по боевым искусствам, которые я забросил много лет назад.

— А почему ты заинтересовался ими сейчас? — спросил он. Иногда мне кажется, что он относится ко мне подозрительнее, чем я к нему.

— Потому что у меня есть время. И необходимость. Я сейчас слабый, как щенок. И хочу вернуть прежнюю силу.

— Ты избегал меня, когда я сам тебе это предлагал.

— Тогда у меня не было времени. А ты был куда более раздражительным.

— Ха. — Он улыбнулся. — Ты слишком добр ко мне.

— Ты прав. Но я князь.

— Князь Тьмы, Каменный Солдат. — Он знал, что это выведет меня из себя. — Но ты везучий князь. — Старый хрыч ухмыльнулся. — Несколько твоих сверстников уже обращались недавно ко мне и тоже мотивировали желание заниматься тем, что вскоре нас ждут всяческие трудности.

— Хорошо. — Известно ли ему нечто такое, чего не знаю я? Наверняка, и немало. — Когда и где?

Его ухмылка стала зловещей и обнажила гнилые зубы. Это зрелище заставило меня задуматься над тем, нашла ли Дрема кого-нибудь на должность дантиста, ставшую вакантной после кончины Одноглазого. Старый дурак не утруждал себя подготовкой учеников.

«Когда» оказалось на рассвете, а «где» — на мощеной улице возле домика Доя, который он делил вместе с Тай Дзем, дядей Тобо, и несколькими местными офицерами-холостяками. Моими товарищами по несчастью оказались Лозан Лебедь, братья Лофтус и Клетус, оставшиеся главными архитекторами и

инженерами Отряда, и правящие князь и княжна Таглиоса в изгнании — Прабриндрах Драх и его сестра Радиша Драх. Это не имена, а титулы. Даже по прошествии десятков лет я так и не узнал их настоящих имен. А они и не собираются их раскрывать.

— А где твой приятель Нож? — спросил я Лебеда. Некоторое время Нож пробыл военным посланником Дремы в Шеренге Девяти, но я слышал, что его отозвали после смерти Одноглазого. Однако мне он на глаза не попадался.

— Старина Нож слишком занят, чтобы отвлекаться на нечто подобное.

Лофтус и Клетус буркнули что-то себе под нос, но пояснять не стали. В последнее время я и их редко видел. Я полагал, что они работают как проклятые на строительстве города. Суврин, подошедший как раз вовремя, чтобы услышать их бормотание, энергично кивнул:

— Она собирается так завалить нас работой, что от нас только мокрое пятнышко останется. — Насчет Суврина я не уверен. Мне очень легко представить, как он расхаживает, бесконечно повторяя про себя: «Каждый день и всеми способами я буду становиться все более хорошим солдатом».

— Что ж, старина Нож никогда не был по-настоящему амбициозным, — ответил ему Лебедь. — Кроме тех случаев, когда приходилось вырезать жрецов. — Похоже, он знал, о чем говорит, хотя смысл его слов не был для меня очевидным.

— Если мы добьемся от Шевитьи прямого ответа, то после возвращения домой придется пропалывать новый урожай, — заметил Клетус.

Прабриндрах Драх и его сестра подошли ближе, нетерпеливо ожидая новостей из дома. Дрема не утруждалась держать их в курсе. У нее нет особой дипломатической жилки. Надо будет ей напомнить, что нам понадобится их дружба, когда мы пересечем равнину.

Эту парочку красивой не назовешь. И Радиша больше похожа на мать князя, чем на его сестру. Но он находился со мной под землей, пока она ехала верхом на таглиосском тигре и пыталась не уступить поводья Душелову. Здесь они старались не создавать проблем: князь — потому что был нашим активным противником на поле боя, а княгиня — потому что перешла на нашу сторону лишь в самый последний момент нашей победы над последним Хозяином Теней.

И Дрема помнила об этом.

Технически Радиша была нашей пленницей. Дрема похитила ее. Она и брат стали инструментами Отряда, едва Дрема объявила о нашем возвращении. Все согласились. Но я подозреваю, что у монархов есть свое мнение на сей счет.

— Раджахарма, — произнес я с легким поклоном. Я не сумел удержаться от искушения, напомнив им, что, попытавшись предать нас, они оказались там, где не могут исполнять свои обязанности перед подданными.

— Освободитель. — Радиша слегка поклонилась в ответ. Клянусь, она с каждым месяцем становится все скромнее. — Как вижу, вы быстро поправляетесь.

— Мне не привыкать. Правда, прыгаю я уже не так быстро или высоко, как прежде. Наверное, старость подкрадывается. Вы и сами хорошо выглядите, — солгал я. — Вы оба. Чем вы занимаетесь? Я некоторое время вас не видел.

Прабриндрах Драх промолчал. Он так и остался для меня загадкой, молчаливый и невозмутимый со дня нашего воскрешения. Когда-то мы неплохо ладили. Но времена меняются. Никто из нас не остался таким, каким был во времена войн с Хозяевами Теней.

— Ваша ложь низка, как брюхо змеи, — сказала мне Радиша. — Я старая, уродливая и все еще стыжусь себя... Но вы говорите мне ложь, которую моя душа желает услышать. Однако забудьте о раджахарме. Это обвинение

уже не в силах уязвить меня. Снаружи. Я все еще распинаю сама себя. Я знаю, что сделала. В то время я полагала, что поступаю правильно. Протектор манипулировала мною, пользуясь моим отношением к раджахарме. Когда мы вернемся, вы увидите нас совсем иными.

Раджахарма означает обязанность правителя служить своим подданным. Когда это слово произносят правителю в лицо или используют как эпитет, то оно служит сильным обвинением в неудаче.

Низенькая Радиша — женщина крепкая и упрямая. К несчастью, ей придется одолеть еще более крепкую, упрямую, безумную и почти всемогущую чародейку, если она пожелает выполнять свои обязанности как полагается правителю.

Я взглянул на ее брата. Выражение лица князя не изменилось, но я ощутил, что по сравнению с сестрой он оценивает предстоящие им трудности более реально.

Дядюшка Дой шлепнул по чему-то учебным мечом. Громкий щелчок прервал нашу болтовню.

— Возьмите шести, пожалуйста. И по моему сигналу начинайте выполнять каду журавля.

Он не потрудился объяснить новичку, что это такое.

Лет двадцать назад я наблюдал за упражнениями нюень бао и недолго занимался вместе с ними. Летописцем тогда был Мурген. А Гота, Дой и Тай Дэй, брат его жены Сари, жили с ним. И Дой ожидал, что я все вспомню.

Но помнил я только то, что када журавля является лишь первой и простейшей из десятков медленных танцев, включающих в себя все формальные позы и движения школы фехтования Доя. Старый жрец вел занятие, стоя впереди спиной к ученикам. И, хотя был старше любого из нас, двигался с четкостью и грациозностью, граничащей с красотой. Но когда к нам чуть позднее присоединились Тай Дэй и Тобо, оба

они превзошли старого наставника. Трудно было не остановиться, просто чтобы полюбоваться мастерством Тобо.

По сравнению с парнем я казался себе неуклюжим растяпой, даже просто стоя на месте.

У него все получается так легко.

Он обладает всеми талантами и умениями, какие только могут ему понадобиться. Если что и остается под вопросом, так только его характер. Немало хороших людей упорно работало, превращая его в достойного и справедливого мужчину. Кажется, это им удалось. Но он все еще меч, не проверенный в бою. И искушение еще не шептало ему в ухо.

Я пропустил шаг и споткнулся. Дядюшка Дой врезал мне тростью по заднице, словно какому-то подростку. Лицо его осталось невозмутимым, но подозреваю, что сделать это ему хотелось очень давно.

Я постарался сосредоточиться.

12. Сияющая равнина. Непоколебимый Страж

Существо, сидящее на огромном деревянном троне в сердце крепости, что в центре каменной равнины, искусственное. Возможно, его создали боги, воевавшие из-за этой равнины. Или же его творцами были те, кто создал равнину, — если они сами не были богами. Мнения различаются. Теорий множество. Сам же демон Шевитья не склонен расставаться с фактами или же, в лучшем случае, не склонен их распространять. Последнему из своих хроникеров он поведал несколько разноречивых версий о древних событиях. Старый Баладитай расстался со всякой надеждой установить истину и переключился на поиски более глубокого смысла в том, что голем соизволил рассказать. Баладитай понял, что прошлое есть не только чужая территория, но и зал с зеркалами, отражающими потребности душ, наблюдающих из настоящего.

Абсолютный факт утоляет голод лишь немногих отдельных людей. Символ и вера служат остальным.

Карьера Баладитая в Отряде дублирует его прежнюю жизнь. Он пишет. Когда он был копиистом в Королевской библиотеке Таглиоса, он тоже писал. Сейчас он номинально военнопленный. Вполне возможно, что он успел об этом позабыть. Ведь в реальности он сейчас куда более свободен в удовлетворении своего любопытства, чем когда работал в библиотеке.

Старый ученый живет и работает у ног демона, что для историка-гуннита равноценно пребыванию в личном раю. Если историк не слишком ревностно придерживается гуннитской религиозной доктрины.

Нежелание Шевитьи выдавать категоричные утверждения может иметь мотивом осознание своей горькой участи. По его собственному признанию, с большинством богов он встречался лицом к лицу. И его воспоминания об этих встречах льстят богам еще меньше, чем те, которыми приправлена гуннитская мифология, где лишь считанные из богов могут считаться ролевыми моделями. Гуннитские божества почти без исключения жестоки, эгоистичны и не ведают небесного смысла раджахармы.

Высокий черный мужчина шагнул в пятно света, отбрасываемое лампой Баладитая.

— Узнал сегодня что-нибудь интересное, старина?

На лампы копииста уходит много масла. Но никто его этим не попрекает.

Старик не отвечает. Он почти глух и пользуется своей ущербностью на всю катушку. Даже Нож больше не настаивает, чтобы он ходил в наряды по лагерю наравне со всеми.

Нож повторяет вопрос, однако нос старика остается почти прижатым к странице, на которой он пишет. Пишет он быстро, четким почерком. Нож не понимает букв сложного церковного алфавита, кроме нескольких значков, которые являются общими с лишь слегка

более простым светским алфавитом. Нож задирает голову, смотрит в глаза голема размером с яйца птицы. Слово «злые» подходит к ним прекрасно. Даже живому старому Баладитаю и в голову не приходило предложить, что демона следовало бы освободить от неподвижности, которую гарантируют кинжалы, привождающие его конечности к трону. Демон тоже ничего не просил освободить его. Он терпел тысячи лет. И терпение у него каменное.

Нож пробует зайти с другой стороны.

— Из Вороньего Гнезда прибыл посыльный. — Нож предпочитает называть базу Отряда местным именем. Оно звучит гораздо драматичнее Форпоста или Плацдарма, а Нож человек драматичный и любит драматичные жесты. — Капитан сообщила, что ждет вскоре получить знания насчет врат. На переговорах в Хань-Фи что-то должно измениться. И она требует от меня поднять побольше сокровищ. А ты — чтобы ты заканчивал исследования. Мы коро выступаем.

— Знаешь, он легко впадает в скуку, — бурчит козист.

— Что? — Нож удивляется, потом сердится. Старик не расслышал ни слова.

— Наш хозяин... — Старик не отрывает глаз от границы, иначе их придется долго настраивать заново. — Ему все быстро наскучивает. — Планы Отряда Баладитая не волнуют. Баладитай в раю.

— А я думал; что мы станем переменной, которая его твлечет.

— Смертные отвлекали его до нас тысячи раз. Он все еще здесь. А тех людей уже нет, кроме тех, кого запомнили камни. — Сама равнина, будучи старше и неизмеримо медленнее Шевиты, может иметь собственный разум. Камень помнит. И камень рыдает. — Даже их империи давно позабыты. И насколько велик шанс, что на сей раз будет иначе?

Голос Баладитая звучит опустошенно. Но логично, думает Нож, учитывая тот факт, что он постоянно заглядывает в бездонную пропасть времени, воплощенную в демоне. Вот и говори о тщеславии и попытках догнать ветер...

— И все же он помогает нам. Более или менее.

— Только потому, что верит, что мы последние однопдневки, которых он увидит. Если не считать Детей Ночи, когда они разбудят свою Темную Мать, то он убежден, что мы — его последний шанс на избавление.

— И чтобы получить его помощь, нам нужно лишь прихлопнуть гнусную богиню, а потом дать ему спокойно помереть. — Взгляд демона словно пронзал его насквозь. — Совсем пустяк. Как говорил Гоблин, все равно, что два пальца обоссать. — Нож поднял пальцы к бровям, отдавая честь демону, чьи глаза теперь словно затлели раскаленными угольками.

— Богоубийство. Работа как раз для тебя.

Нож не понял, то ли это произнес Баладитай, то ли мысль демона проникла в его голову. Ему не понравилось то, что эта мысль подразумевала. Уж слишком она напоминала логику Дремы, из-за которой он лишился халявной работенки в Хань-Фи и возглавил операцию на равнине, сменив банкеты и мягкие матрасы на скудный паек и ложе из холодного молчаливого камня, которое он делил лишь с тоскливыми клочковатыми снами, безумным ученым, шайкой воров и чокнутым демоном размером с дом и по возрасту лишь вдвое младше вселенной.

Всю взрослую жизнь Ножом двигала *ненависть* к религии. И особое отвращение он испытывал к ее распространителям. Но, учитывая его нынешнее местонахождение и род занятий, ему приходилось держать свое мнение при себе.

Нож мог поклясться, что на мгновение по губам демона скользнула улыбка.

Нож решил промолчать.

Он вообще отличался немногословием, полагая, что от болтовни толку не бывает. И верил, что голем подслушивает его мысли. Если только смертные-однодневки не наскучили ему настолько, что он перестал обращать на них внимание.

Снова намеки на удивление. Нож ошибается в предположениях. Шевитью интересует каждый шаг любого из членов Отряда. Шевитья помазал их на роль дарителей его смерти.

— Тебе нужно что-нибудь? — спрашивает Нож старика, касаясь ладонью его плеча. — Пока я не ушел вниз. — Он намеренно идет на контакт, но Баладитая прикосновения не волнует, что ласковые, что грубые.

Баладитая перекладывает перо в левую руку, сжимает на правой пальцы.

— Пожалуй, мне нужно чего-нибудь поесть. Даже не помню, когда в последний раз подбрасывал дрова в костер.

— Я велю принести тебе что-нибудь.

Это «что-нибудь» наверняка окажется рисом со специями и големской манной. Если Нож о чем и сожалел в жизни, как это о том, что провел немалую ее часть в мире, где большинство населения включает в комплект с религией и вегетарианскую диету, а те, кто этого не делает, обходятся рыбой и курятиной. Нож готов вцепиться зубами в любой из концов поджаренной на вертеле свиньи и не останавливаться, пока не дойдет до другого конца.

Команда Ножа — воры, они же следопыты Отряда — состоит из двадцати шести самых смысленных и надежных юношей из числа Детей Смерти. А им необходимо быть умными и пользоваться доверием, потому что Дрема желает набрать побольше сокровищ из пещер под равниной и потому что им следует четко понимать, что сама равнина не простит им ошибок, если они их сдуру совершат. Шевитья оделил их своей благосклонностью. Шевитья все видит и все знает

внутри своей ограниченной воротами вселенной. Шевитья — душа равнины. Никто не может войти на нее или покинуть ее без его разрешения или как минимум его безразличия. И даже если случится маловероятное и Шевитья останется безразличен к краже, вору будет некуда бежать, кроме как к воротам, ведущим в Страну Неизвестных Теней. Сейчас это единственные ворота, находящиеся под контролем и нормально работающие. И единственные, которые не убьют вора на верняка.

Прогулка по большому кругу вокруг грубого трона демона отнимет немало времени. Сам же пол далеко не грубый. Это точная копия равнины в масштабе один к восьмидесяти — за исключением столпов памяти, которые были добавлены гораздо позднее людьми, утратившими даже мифологические воспоминания о создателях равнины. Сотни человеко-часов ушли на уборку с поверхности круга накопившейся грязи и пыли, чтобы Шевитья мог четко видеть каждую деталь своего царства. Трон Шевитьи установлен на приподнятом диске, чей диаметр также составляет одну восьмидесятую от диаметра большого круга.

Десятилетия назад неумелые действия Душелова вызвали землетрясение, повредившее крепость и расколовшее пол глубокой трещиной. За пределами равнины катастрофа уничтожила города и погубила тысячи людей. Теперь единственным напоминанием о том, что в полу когда-то был провал глубиной в тысячи футов и шириной в десяток ярдов, осталась красная полоса, змеящаяся возле трона. Она ежедневно сужается. Как и Шевитья, механизм, управляющий равниной, способен к саморемонту.

Огромная круглая модель равнины приподнята примерно на половину ярда над полом, переходящим в саму равнину.

Нож прыгнул с края диска и подошел к отверстию в полу, где начиналась ведущая вниз лестница.

Ступени ее спускались на многие мили, проходя через естественные и искусственные пещеры. В самом низу лежала спящая богиня Кина, терпеливо дожидаясь наступления Года Черепов и начала цикла Хади — уничтожения мира. *Раненая богиня Кина...*

У ближайшей стены зашевелились Тени. Нож замер. Кто? Это никак не мог быть кто-то из его людей. Или что?

Нож пронзил страх. Движущиеся Тени часто предвещали жестокую смерть. Неужели они отыскиали лазейку в крепость? Он вовсе не желал когда-либо снова стать свидетелем их безжалостного пиршества. И уж точно не хотел оказаться на нем главным блюдом.

— Нефы, — пробормотал Нож, когда из темноты выскользнули три человекообразные фигуры. Он сразу узнал их, хотя никогда прежде не видел. Их вообще почти никто не видел, если только не во сне. Или в кошмарном сне. Нефы были поразительно уродливы. Впрочем, они могли носить маски. Несколько их описаний совпадали только в одном — в уродливости. Нож пересчитал их вслух: — Вашейн. Вашин. Вашон. — Имена, которые Шевитья назвал Дреме несколько лет назад. Что они означают? И означают ли вообще что-нибудь? — Как они сюда попали? — Ответ на этот вопрос мог стать критическим. Тени-убийцы могли пробраться через ту же лазейку.

Как обычно, Нефы попытались что-то сообщить. В прошлом эти попытки неизменно терпели неудачу, но на сей раз послание оказалось вполне очевидным. Они не хотели, чтобы Нож спускался по лестнице.

Дрема, мастер Сантараксита, и другие, входившие в контакт с Шевитьей, считали, что Нефы есть искусственные копии существ, создавших равнину. А создал их Шевитья, от одиночества тосковавший по общению с теми, кто хотя бы напоминал искусников, создавших гигантский механизм равнины и проходы между мирами.

Шевитья утратил желание жить. А в случае его смерти все созданное им тоже исчезнет. И Нефы еще не были готовы к объятиям небытия, несмотря на бесконечный ужас и тоску существования на равнине.

Нож развел руками в жесте беспомощности:

— Вам, ребята, нужно отрабатывать умение общаться.

Нефы не издали ни звука, но их нарастающее отчаяние стало почти физически ощутимым. Что тоже стало константой после первого же раза, когда они привиделись кому-то во сне.

Нож не сводил с них взгляда. Пытался понять. И задумался над иронией, которой были пропитаны приключения Отряда на равнине. Сам он атеист. А путешествие столкнуло его лицом к лицу с целым миром сверхъестественных существ. И Тобо, и Дрема, которых он во всех иных случаях считал надежными свидетелями, утверждали, что собственными глазами видели богиню Кину, которая, согласно мифу, лежала заточенная всего в миле у него под ногами.

Дрема, разумеется, пережила кризис веры. Убежденная веднаитка-монотеистка, она никогда не сталкивалась с любыми подтверждениями своей веры. А гуннитская религия, несмотря на хлипкость косвенных доказательств, лишь сильно затрещала под бременем открытых нами знаний. Гунниты — политеисты, привычные к тому, что их боги существуют в бесчисленных аспектах и воплощениях, формах и обликах. Более того, в некоторых мифах их боги даже убивали или наставляли друг друга рога. Поэтому гунниты, подобно мастеру Сантаракситу, имели достаточный запас гибкости для объяснения любого открытия и могли объявлять новую информацию всего-навсего очередным способом провозглашения все тех же древних божественных истин.

Бог есть бог, как бы его ни называли. Будучи в Хань-Фи, Нож несколько раз видел это изречение, выложенное на стенах мозаичными плитками.

Когда кто-то отходит от Шевитьи, следом увязывается шар, испускающий землисто-коричневое свечение, и сопровождает человека повсюду в безымянной крепости. Шар держится в воздухе чуть выше правого или левого плеча. Он не дает много света, но там, где без него стояла бы полная темнота, этого вполне хватает. Шары — тоже порождение голема. Шевитья даже обладает возможностями, которые он попросту позабыл как использовать. И он вполне мог быть второстепенным божеством, не будь он пригвожден к древнему трону.

Нож спустился почти на тысячу ступенек, прежде чем встретил кого-то, идущего наверх. Солдат нес тяжелый тюк.

— Сержант Ван.

Сержант был уже измотан подъемом. Ни у кого не хватало сил больше чем на одно подобное путешествие в день. Нож сообщил Вану плохую новость, потому что мог не наткнуться на него еще несколько дней:

— Получил сообщение от Капитана. Нам надо тащить все наверх. Она уже почти готова выступать.

Ван пробормотал то, что обычно бормочут солдаты при таком известии, и побрел дальше. Нож принялся гадать, как Дрема собирается тащить ту гору сокровищ, что уже набралась наверху. Их за глаза хватит, чтобы профинансировать крупную войну.

Спустившись на очередную тысячу ступеней, он повторил это сообщение несколько раз. Он сошел с лестницы на уровне, который все называли пещерой Древних из-за его древних обитателей. Нож всегда заходил сюда навестить своего друга Корди Мотера. То был ритуал уважения. Корди был мертв. Большинство

узников пещеры жили окутанные чарами стасиса. Во время долгого пленения Корди каким-то образом разорвал опутывающие его чары. И это успех стоил ему жизни. Он не смог найти выход.

Почти все древние узники пещеры ничего не значили для Ножа или Отряда. Лишь Шевитья знал, кто они такие и как сюда попали. Несомненным было лишь то, что они вызвали гнев того, кто обладал способностью запереть их здесь. Однако некоторые из мертвецов были при жизни братьями Отряда, а несколько других стали пленниками еще до того, как Душелов похоронила Отряд. Очевидно, смерть настигла их из-за того, что Корди Мотер пытался их пробудить. А прикосновение к Плененному без соблюдения предварительных магических предосторожностей неизменно убивало того, кого коснулись.

Нож выполнил желание дать пинка колдуну Длиннотени. Этот безумец считался в Стране Неизвестных Теней бесценным сокровищем. Именно благодаря ему Отряд стал богатым и многочисленным. И продолжал процветать.

— Как поживаешь, Хозяин Теней? Кажется, тебе придется посидеть здесь еще. — Нож полагал, что колдун не может его услышать. Он не мог вспомнить, что слышал какие-либо звуки, когда сам находился здесь в заключении, хотя Мурген утверждал, что иногда Пленные сознают то, что их окружает. — За тебя еще не дали настоящую цену. Ужасно не хочется это признавать, но ты стал очень популярным парнем. В своем роде. — Никогда не будучи щедрым, прощающим или даже сочувствующим человеком, Нож стоял, уперев руки в бедра и разглядывая колдуна. Длиннотень напоминал скелет, едва прикрытый изъязвленной кожей. На его лице засыл безмолвный вопль. — Там все еще говорят: «Все зло умирает там бесконечной смертью». Особенно когда имеют в виду тебя.

Неподалеку от Длиннотени находился другой пленник Отряда — безумный колдун Ревун. Искушение лягнуть его было даже сильнее. Нож не видел никакого смысла в том, чтобы держать его живым. Это мелкое дерьмо имело на своем счету очень и очень древнюю историю предательства и такой характер, который вряд ли улучшится после заключения. Он уже пережил однажды такое пленение. И тянулось оно несколько столетий.

Тобо ни к чему учиться зловещим секретам Ревуна. А образование Тобо, как слышал Нож, и было единственной причиной, из-за которой этот мешок с дерьмом все еще жил.

А вот Мотеру Нож оказал глубочайшую почесть. Корди долгое время был его добрым другом. Нож обязан ему жизнью. И желал, чтобы злая судьба обрушилась на него, а не на друга. Корди хотел жить. А Нож считал, что тянет лямку жизни лишь по инерции.

Нож продолжил спуск, минуя пещеры с сокровищами, которые его солдаты сейчас грабили, чтобы профинансировать возвращение Отряда домой. Грабеж обещал стать выдающимся по масштабу.

Нож не склонен поддаваться эмоциям или приступам страха. Голова у него оказалась достаточно холодной, чтобы выжить в роли агента Отряда в лагере Длиннотени. Но, спускаясь все глубже, он стал побаиваться и потеть. Шаги его замедлились. Он миновал последнюю обследованную пещеру. Теперь внизу находился лишь абсолютный враг, сама Мать Ночи. Она была из тех врагов, которые терпеливо ждут, даже когда все прочие, пакостники помельче, уже сметены или уничтожены.

Для Кины Черный Отряд есть лишь раздражающее жужжание возле уха, жалкий москит, который сумел ускользнуть с капелькой ее крови и у которого

не хватило здравого смысла улететь подальше и навсегда.

Нож пошел еще медленнее. Следующий за ним огонек постоянно тускнел. Если прежде он ясно видел на двадцать ступенек вперед, то теперь лишь на десять, причем последние четыре словно окутывались постоянно густеющим черным туманом. Здесь темнота казалась почти живой: Здесь мрак словно находился под гораздо большим давлением подобно тому, как вода кажется все более плотной, если погружаешься в нее все глубже и глубже.

Нож обнаружил, что дышать стало труднее. Он заставил себя несколько раз вдохнуть глубоко и часто и двинулся дальше, преодолевая настойчивое сопротивление инстинкта. Всего пятью ступеньками ниже из тумана показался серебряный кубок — простая высокая чаша из благородного металла. Нож сам его здесь поставил. Он отмечал самую нижнюю ступеньку, которой ему удалось достичь.

Теперь с каждым шагом вниз он словно преодолевал сопротивление жидкой смолы. С каждым шагом тьма давила на него все сильнее. А свет из-за спины ослабел настолько, что его не хватало даже на следующую после кубка ступеньку.

Нож часто повторял эту попытку, считая, что упражняет силу воли и мужество. И при каждом спуске ему удавалось дойти до кубка в основном из-за злости на то, что дальше проникнуть не удастся.

На сей раз он испробовал нечто иное и бросил в темноту горсть монет, прихваченных в одной из пещер с сокровищами. Его рука ослабела, но гравитация не утратила силы, а мрак не смог поглотить звуки. Монеты зазвенели, скатываясь по лестнице. Но недолго. Через мгновение донесся такой звук, точно они катятся по полу. Наступила тишина. А потом тоненький голосок откуда-то издали крикнул:

— Помогите!

13. Страна Неизвестных Теней. Путешествие по Хсиену

Физическая география Страны Неизвестных Теней очень близка к нашему миру. Существенная разница заключается в деятельности людей.

Однако моральная и культурная топографии обоих миров совершенно различные. Даже нюень бао до сих пор с трудом устанавливают здесь реальные связи — несмотря на то, что у них и Детей Смерти общие предки. Но нюень бао сбежали от Мариши Мантары Думракши и ему подобных столетия назад, а затем образовали культурный остров, постоянно омываемый волнами чужаков.

Хсиен простирается примерно на тех же территориях, которые в нашем мире были известны под названием Страна Теней в те времена, когда для Хозяев Теней все шло хорошо. Дальние пределы Хсиена, где никто из нас так и не побывал, заселены гораздо плотнее тех мест, где мы находимся сейчас. В древние времена каждый здешний город был центром сопротивления Хозяевам Теней. Лишь немногие из этих групп общались между собой из-за ограничений на передвижения, наложенных тогдашними правителями. Тем не менее, когда восстание вспыхнуло, вездехватило местных храбрецов, чтобы обеспечить его успех.

Бегство последнего Хозяина Теней оставило вакуум власти. Вожди сопротивления принялись заполнять его собой. Хсиен так и остался под властью их потомков, десятков постоянно конфликтующих военачальников, лишь немногие из которых с тех пор стали хоть немного сильнее. Любого, кто начинал набирать силу, разрывали на части соседи.

Шеренга Девяти — анонимный совет старших военачальников, предположительно выдвинутых из девяти провинций Хсиена. Это неправда и никогда не было

правдой — хотя лишь немногие за пределами Девятки это знают. Это лишь очередная выдумка, помогающая поддерживать нынешнее состояние хаоса.

Народ верит, что Шеренга Девяти есть союз тайных правителей, контролирующих все. Шеренга очень хотела, чтобы это соответствовало истине, но реальной власти у них очень мало. Сама ситуация оставляет им очень немного рычагов для навязывания своей воли. Любая реальная попытка хоть что-то изменить автоматически раскроет анонимность кого-то из них. Поэтому они по большей части издают указы и делают вид, будто говорят от имени всего Хсиена. Иногда люди их слушают. А иногда слушают монахов Хань-Фи. Или Суд Всех Времен. Поэтому умасливать нужно всех.

Черный Отряд внушает страх в основном потому, что это козырь в военной колоде. У него нет местных обязательств. Если ему захочется, он может направиться в любую сторону. Что еще хуже — все уверены, что в него входят могучие колдуны, помогающие умелым солдатам, которыми командуют опытные командиры и сержанты, далеко не страдающие избытком жалости или сочувствия.

Популярность, которой наслаждается Отряд, выросла потому что они оказались способны доставить на суд в Хсиен последнего из Хозяев Теней. А среди крестьян — из того факта, что нервные местные генералы существенно поуменьшили взаимную грызню до тех пор, пока этот непредсказуемый и быстро растущий монстр не отправился на юг.

В последнее время все правители и лидеры Хсиена предпочли бы, чтобы Отряд ушел. Наше присутствие слишком уж нарушает сложившееся состояние дел — и то, каким оно всегда было.

Я включил себя в состав направляющейся в Хань-Фи делегации, хотя еще не окреп окончательно. Я уже никогда стану на сто процентов прежним. Правый глаз стал хуже видеть. Я приобрел несколько весьма раз-

дражающих шрамов от ожогов. Прежняя подвижность пальцев на правой руке уже никогда не восстановится. Но я убежден, что смогу принести пользу в наших переговорах насчет секретов врат.

Лишь Сари согласна со мной. Но Сари — наш министр иностранных дел. Лишь у нее хватает терпения и такта вести дела с раздробленной на фракции Шеренгой Девяти, для которой часть проблем как раз и заключается в том, что наши женщины способны на нечто большее, чем только готовить и лежать на спине.

Разумеется, я подозреваю, что из Госпожи, Сари и Радиши лишь Сари сумеет вскипятить воду и не обжечься. А теперь, возможно, и она разучилась.

Отряд в походе, направляющийся к интеллектуальному сердцу Хсиена, смотрится как ходячий ужас — судя по реакции крестьян. И это несмотря на тот факт, что во всей нашей делегации лишь двадцать один человек, включая охранников.

Ночные приятели Тобо окружают и сопровождают нас в таком количестве, что для них попросту невозможно постоянно оставаться невидимыми. Следом за нами взрываются древние страхи и предрассудки, и вскоре волна ужаса начинает нас опережать. Люди при нашем приближении разбегаются. Им все равно, что ночные приятели Тобо ведут себя прилично. Предрассудки полностью перевешивают любые практические доказательства.

Окажись наш отряд более многочисленным, нас не пропустили бы в ворота Хань-Фи. Даже там, среди интеллектуалов, страх перед Неизвестными Тенями был настолько плотным, что его можно было резать ножом на ломтики.

Сари уже давно пришлось согласиться, что ни Госпоже, ни Одноглазому, ни Тобо не будет дозволено войти в приют знаний. У монахов развилась настоящая паранойя насчет чародеев. До сих пор это устраивало Дрему, которая выполняла их пожелания.

Поэтому никто из этих троих не прошел вместе с нами через нижние врата Хань-Фи.

Зато среди нас была странная молодая женщина, называющая себя Шикандини, или коротко Шики. Ей не составило бы труда разбудить страсть почти у любого мужчины, не знающего, что она — это переодетый Тобо. Никто не удосужился сказать мне, зачем это нужно, но Сари что-то задумала. Очевидно, Тобо был для нее лишней картой в колоде, до поры до времени припрятанной в рукаве. Более того, она подозревала, что кое-кто из Девяти копит в себе зловещие амбиции, которые вскоре себя проявят.

Что? Человек, обладающий властью, одержим секретными планами? Нет! Быть такого не может.

Хань-Фи — центр учебы и духовной жизни. Хранилище знаний и мудрости. Монастырь чрезвычайно древний. Он пережил Хозяев Теней. Он требует к себе уважения всех Детей Смерти по всей Стране Неизвестных Теней. Это нейтральная территория, где никто из военачальников не имеет права командовать. Поэтому путники, направляющиеся в Хань-Фи или возвращающиеся оттуда, теоретически неприкосновенны.

Но теория и практика иногда не совпадают. Поэтому мы никогда не позволяли Сари ездить без очевидной защиты.

Хань-Фи построен на склоне горы и возвышается на тысячу белоснежных футов к вечным облакам. Самые верхние здания даже не видны снизу, скрытые в них.

В нашем мире на том же самом месте голые скалы расступаются, образуя южный вход на единственный хороший перевал через горы Данда-Преш.

Жизнь, проведенная на войне, заставила меня гадать, не было ли это место заложено как крепость. Оно, несомненно, доминирует на этом конце перевала. Я стал высматривать поля, необходимые для пропитания обитателей монастыря. И увидел цепляющиеся за склоны

горы террасы, напоминающие ступеньки лестницы для кривоногих великанов. Люди веками носили сюда почву как минимум за несколько лиг по корзинке, поколение за поколением. И эта работа, несомненно, продолжается и сейчас.

Мастер Сантараксита, Мурген и Тай Дэй встретили нас снаружи, возле орнаментированных нижних ворот. Я давно их не видел, хотя Мурген и Тай Дэй приезжали на похороны Готы и Одноглазого. Но я с ними разминулся, потому что лежал тогда без сознания. Толстый старый мастер Сантараксита теперь больше никуда не ходит и не ездит. Пожилой ученый решил закончить свои дни в Хань-Фи якобы в роли агента Отряда. Здесь он нашел братьев по духу, здесь его ждут тысячи интеллектуальных проблем. Здесь он увидел людей, столь же страстно желающих учиться у него, как и он у них. Поэтому он стал человеком, вернувшимся домой.

Он поприветствовал Дрему, раскрыв объятия:

— Дораби! Наконец-то! — Он упорно называл ее Дораби, потому что впервые узнал ее под этим именем. — Пока ты здесь, ты *обязана* увидеть главную библиотеку! Та жалкая кучка книг, которая была у нас в Таглиосе, ей и в подметки не годится. — Он обозрел нас, и радость его покинула. Дрема привела с собой грубых парней. Из тех, которые, как он считал, способны бросить книгу в костер в холодную ночь. Парней вроде меня, со шрамами, без нескольких пальцев или зубов и с кожей того цвета, какой в Стране Неизвестных Теней не видели никогда.

— Я приехала сюда не отдыхать, Сри, — ответила Дрема. — Так или иначе, но я должна получить информацию о вратах. Новости, которые я получаю с другой их стороны, не радуют. И я обязана вернуть Отряд и начать действовать, пока не стало слишком поздно.

Сантараксита кивнул, огляделся — не подслушивает ли кто? — подмигнул и снова кивнул.

Лозан Лебедь задрал голову и спросил меня:

— Как думаешь, хватит у тебя сил забраться на самый верх?

— Запросто, только дай мне пару дней.

Кстати, я сейчас даже в лучшей форме, чем был в ту роковую ночь. Я сбросил немало лишнего веса и накачал мускулы.

Но все еще легко задыхаюсь.

— Лежи и отдыхай сколько угодно, старина, — сказал Лебедь. Он спешил и передал поводья одному из мальчиков, что уже выбежали нас встречать. Всем им было от восьми до двенадцати лет, и все упорно молчали, словно им вырезали голосовые связки. Все ходили в одинаковых светло-коричневых одеяниях. Этих мальчиков еще младенцами отдавали в монастырь родители, неспособные прокормить их сами. А встретившие нас мальчики уже миновали какую-то веху на своем пути к монашеству. И вряд ли мы сможем увидеть здесь кого-то моложе их.

Лебедь подобрал камень размером с небольшое яблоко.

— Я его брошу с вершины, когда поднимемся. Хочу посмотреть, как он станет падать.

Где-то в глубине души Лебедь так и остался мальчишкой. Он до сих пор мечет по воде камешки, оказавшись на берегу реки или пруда. И даже пытался обучить меня этой премудрости по дороге в Хань-Фи. Но форма моих рук и пальцев уже не та, чтобы из меня вышел ловкий метатель камешков. Теперь им уже многое не под силу. Даже держать перо уже трудновато.

Мне не хватает Одноглазого.

— Смотри только не звездани какому-нибудь генералу камушком промеж глаз. Многие и так нас не очень-то любят. — Они нас боятся. И не могут отыскать способ, как нами манипулировать. Они снабжают нас провизией и позволяют набирать рекрутов в надежде, что мы когда-нибудь уйдем. Оставив им Длин-

нотень. А мы им не сообщаем, что могли бы обойтись и без местного финансирования, чтобы обеспечить нашу военную кампанию за пределами равнины. За четверста лет для нас стала естественной мысль: все, кто общается с нами, должны немного нервничать. И не надо говорить им то, чего им знать не следует.

Длиннотень. Мариша Мантара Думракша. У него есть и несколько других имен. Ни одно из них не указывает на популярность. До тех пор, пока мы можем доставить его в цепях, военачальники стерпят почти что угодно. Двадцать поколений их предков зывают к мщению.

Я подозреваю, что приписываемая Длиннотени злобность выросла во время пересказов, сделав тем самым героев, которые его изгнали, настоящими гигантами.

Хотя военачальники сами солдаты, они нас не понимают. Они отказываются признать тот факт, что они солдаты другой породы, призванные на службу ради целей гораздо менее масштабных, чем наши.

14. Страна Неизвестных Теней. Хань-Фи

Мы с Лебедем стояли, глядя из окна зала, где пройдут наши переговоры с Шеренгой Девяти. Вскоре. У них ушло немало времени, чтобы добраться до Хань-Фи, а затем изменить внешность, дабы сохранить анонимность. Из окна мы не видели ничего, кроме тумана. Лебедь так и не бросил подобранный камень.

— Я-то думал, что уже вернул себе форму. И ошибся. У меня все тело болит, — сказал я.

— Говорят, что некоторые здесь живут всю жизнь, перемещаясь лишь на этаж-другой после того, как заканчивается их ученичество и они получают задание, — заметил Лебедь.

— Такие люди уравнивают тебя и меня. — Лебедь за свою жизнь странствовал поменьше моего, но здесь, на краю света, лишние несколько тысяч миль

уже не казались важными. Я попытался разглядеть каменистую равнину, которую мы пересекли, приближаясь к монастырю, но, когда я взглянул вниз, туман показался лишь плотнее.

— Думаешь о том, что спускаться будет легче? — спросил Лебедь.

— Нет. О том, что, живя в такой изоляции, получаешь весьма ограниченный взгляд на мир. — Не говоря уже о ничтожно малом количестве женщин в Хань-Фи. Да и те, что живут здесь, принадлежат к женскому монашескому ордену, соблюдающему celibat и ухаживающему за подаренными младенцами, а также самыми старыми и самыми больными обитателями монастыря. Остальное его население состоит из монахов, все они бывшие подкинутые младенцы и все также дали обет воздержания. Наиболее фанатичные из братьев даже делают себя физически не способными поддаться искушению. А такое заставляет почти всех монахов братьев содрогаться и считать монахов личностями еще более странными и причудливыми, чем ночные приятели Тобо. Никакому солдату не понравится идея расстаться со своим лучшим другом и любимой игрушкой.

— Ограниченный взгляд может быть такой же силой, как и слабостью, Освободитель, — произнес чей-то голос у нас за спиной. Мы обернулись. К нам присоединился друг Дремы, Сурендранат Сантараксита. Ученый был облачен в местную одежду и щеголял принятой в Хань-Фи прической — то есть полным отсутствием волос, — но лишь глухой и слепой принял бы его за местного монаха. Кожа у него темнее, чем у любого из местных, а черты и форма лица больше напоминают мои и Лебеда. — Этот туман и ограниченность обзора помогают монахам избегать мирских привязанностей. И поэтому их нейтральность остается безупречной.

Я забыл упомянуть, что когда-то Хань-Фи оправдывал любого из тех, кто сотрудиничал с режимом

Хозяев Теней. Этот досадный исторический эпизод был постепенно выжжен кислотой времени и наглой ложью.

Сантараксита был счастлив. Он был убежден, что здесь образованным людям уже нет нужды продаваться власть имущим, дабы оставаться учеными. И верил, что даже Шеренга Девяти прислушивается к мудрости старших монахов. Он был не способен понять, что если Девятка обретет больше власти, то отношения Хань-Фи с Шеренгой скоро превратятся в подчинение. Мастер Сантараксита славен своим умом и наивностью.

— Почему? — поинтересовался я.

— Монахи настолько мало связаны с внешним миром, что не пытаются ему что-либо навязать.

— И тем не менее Шеренга Девяти предпочитает говорить с миром отсюда. — Шеренге очень нравится объявлять свои указы почаще, чтобы о них не забывали население и прочие военачальники.

— Да, это так. Этого пожелали старейшины. В надежде, что они обретут и немного мудрости, пока их власть не стала более чем символической.

Я ничего не сказал насчет пущенных в огород козлов. И не прокомментировал мудрость поддержки группы тайных правителей; а не одного сильного человека или остатков аристократии из Суда Всех Времен. Я лишь признал:

— Похоже, они стараются действовать на благо Хсиена. Но я не стал бы доверять никому, ставящему на тех, кто прячет лица за масками.

Нет нужды говорить ему, что у Шеренги нет секретов от нас. Мало что из их поступков или споров остается не замеченным приятелями Тобо. И их личности тоже для нас не секрет.

Мы действуем исходя из предположения, что и Шеренга, и прочие военачальники запустили к нам вместе с рекрутами шпионов. Что, кстати, хорошо

объясняет, почему набор рекрутов среди Детей Смерти почти не встречает сопротивления властей.

Очень многих шпионов распознать нетрудно. Дрема показывает им то, что хочет показать. Она ехидная и мстительная ведьмочка, и я уверен, что у нее уже готов жестокий план, как потом использовать этих шпионов.

Она меня тревожит. В ней тоже накопилась давняя ненависть, но ее объекты ускользнули из жизни ненаказанными много лет назад. Однако всегда остается вероятность, что она выплеснет ее на другого козла отпущения, а это не пойдет на пользу Отряду.

— Чего ты хотел? — спросил я Сантаракситу.

— Ничего особенного. — Его лицо стало холодно-нейтральным. Он друг Дремы. А я вывел его из равновесия. Он читал мои Анналы. Несмотря на все, что Дрема вынудила его испытать на пути сюда, он так и не смог примириться с жестокими реальностями нашего образа жизни. И я уверен, что он не пойдет домой вместе с нами. — Я надеялся увидеть Дораби до начала переговоров. Это может оказаться важным.

— Сам не знаю, куда она подевалась. Шики тоже куда-то пропала. Мы договаривались встретиться здесь. — Местные обычаи делают невозможным для женщин проживание в одной комнате с мужчиной. Даже Сари поселили отдельно от Мургена, хотя они законные супруги. А присутствие Шикандины нагроулило Сари особыми обязательствами. Она хотела отвлечь святых отцов, но вовсе не до такой степени, чтобы у них поехала крыша. Вполне достаточно, если они пойдут на несколько мелких уступок. Впрочем, главной миссией Шики станет вовсе не отвлечение внимания.

Мастер Сантараксита на мгновение заломил руки, потом сложил их на груди. Кисти его рук исчезли в рукавах рясы. Он волновался. Я пригляделся к нему внимательнее. Он что-то знал. Я взглянул на Лебеда. Тот пожал плечами.

В зал ворвались Мурен и Тай Дэй.

— Где они? — спросил Мурген. Тай Дэй выглядел встревоженным, но промолчал. Он так и будет молчать. Он редко что-то говорит. Как жаль, что сестра не учится на его примере.

Тай Дэй тоже что-то знал.

— Еще не приходили, — ответил Лебедь.

— Шеренга Девяти рассердится, — добавил я. — А что, Дрема и Сари затеяли какую-то свою игру?

Сантараксита нервно попятился:

— Неизвестные тоже еще не пришли.

Мои спутники — пестрая компания. Когда придет Дрема, мы станем представителями пяти различных рас. Даже шести, если считать Сантаракситу одним из нас. Дрема верит, что уже одно наше разнообразие устрашит Шеренгу Девяти.

У нее есть и иные, куда более странные идеи.

Не знаю, с чего она решила, будто запугивать их — хорошая идея, и это что-то изменит. Нам от них нужно всего-навсего разрешение порыться в информации, необходимой для ремонта и управления вратами на равнине. Монахи Хань-Фи готовы поделиться этим знанием. Чем сильнее мы становимся, тем больше монахам хочется, чтобы мы ушли. Их куда больше пугает распространяемая нами ересь, чем армии, которые мы можем привести потом сюда.

Зато эта угроза не дает спокойно спать военачальникам. Но они тоже хотят, чтобы мы ушли, потому что чем сильнее мы становимся, тем более реальную и близкую угрозу представляем для них. И я не виню их за такую логику. Я сам бы на их месте так думал. Весь накопленный человечеством опыт учит относиться к вооруженным чужеземцам с подозрением.

Тут соизволили появиться и женщины. Лебедь Лозан драматически развел руками и спросил:

— Где вы были?

Потом принял другую позу и спросил снова, уже с другой интонацией. Затем с третьей. Лебедь развлекался.

— Твоя дочь заигрывала с послушниками, которых мы встретили по дороге, — сообщила Сари Тай Дэй.

Я взглянул на Шики и нахмурился. Девушка выглядела эфемерным созданием, а отнюдь не женщиной-вамп. Я моргнул, но впечатление осталось. Я приписал его поврежденному глазу. Шики куда больше походила на огорченный призрак, чем на замаскированного мальчишку, оттягивающегося в этой роли по полной программе.

Для всего Хсиена Тай Дэй считался отцом Шики, потому что всем было прекрасно известно, что у Сари только один сын. А ее брат Тай Дэй ухитрился остаться личностью настолько скрытной, что даже в Вороньем Гнезде местные никогда не задумывались над тем фактом, что редко появляющаяся на людях Шикандини должна была родиться тогда, когда ее отец был похоронен под равниной. Никто не осмеливался также спросить, что стало с матерью девушки.

Шики всегда производила впечатление пустоголовой, ее всегда сопровождал шлейф мелких неприятностей, и ее всегда считали угрозой лишь для душевного равновесия молодых людей.

Шики-призрак обрела плотность. Надула губки. И заявила:

— Я не флиртвала, отец. Я с ними только разговаривала.

— Мы тебе запретили разговаривать с монахами. Здесь это закон.

— Но, отец...

Едва начавшись, сценка никогда не останавливалась. У нас могли быть зрители. Но это был спектакль. И весьма неплохой — во всяком случае, для тех из нас, кто не привык общаться с очень юными женщинами.

Мастер Сантараксита продолжал что-то нашепты-
вать Дреме. Наверное, он сообщил ей нечто такое, что
она хотела услышать, потому что ее лицо осветилось
от радости. Впрочем, она не удосужилась поделиться
новостью с отрядным летописцем. Эти Капитаны все
одинаковы. Всегда играют, держа свои карты возле
груди. Кроме меня, разумеется. Я в свое время был об-
разцом открытости.

Тай Дэй с дочуркой продолжали препираться, пока
он не выдал ей громкую и суровую тираду на языке
нюень бао. Шики нахмурилась и замолчала.

15. Страна Неизвестных Теней. Тайные правители

Очень старый монах открыл дверь зала. Задача
оказалась для него очень трудной. Он поманил нас
хрупкой ручкой.

Я был в Хань-Фи впервые, но я догадался о его
ранге по рясе — темно-оранжевой с черной окантов-
кой. Следовательно, он был одним из четырех или пяти
старейшин Хань-Фи. И его присутствие ясно показы-
вало, что монахов Хань-Фи весьма интересует исход
встречи. Иначе дверь открыл бы какой-нибудь монах
среднего ранга лет шестидесяти, а затем остался бы с
нами, указывая послушникам, которым положено при-
служивать нам и Шеренге Девяти. Мастер Сантарак-
сита улыбнулся. Возможно, он как-то причастен к тому,
что эту встречу сочли очень важной.

Сари подошла к старику. Поклонилась, пробормо-
тала несколько слов. Тот ответил. Они были знакомы,
и монах не относился к ней свысока только потому,
что она женщина. Эти монахи могут быть умнее, чем я
думал.

Мы вскоре узнали, что она спросила, нельзя ли
сократить церемонию, которыми пронизана вся жизнь
Детей Смерти. Формальности превращают любое пуб-
личное событие в сложный ритуал. Наверное, люди не

были особо обременены практическими делами во время правления Хозяев Теней.

А нам, варварам, тонкости этикета неизвестны. Дети Смерти сперва задирают носы, а потом вздыхают с облегчением, потому что, когда имеешь дело с Черным Отрядом, даже неприятные дела решаются быстро.

Увидев Шикандини, наш хозяин нахмурился. Он старый, хмурый и ограниченный. Но! Смотрите-ка! Не столь уж он стар, хмур и ограничен, чтобы ослепительная улыбка прелестной девушки не побудила его украдкой подмигнуть в ответ. Не настолько стар.

С древнейших времен враги обвиняли нас в том, что мы сражаемся нечестно, прибегаем к уловкам и предательству. И они правы. Абсолютно правы. Мы не знаем стыда. И, приведя с собой Тобо, чтобы он охмурил этих стариков, мы использовали самый грязный из доступных нам трюков. Их знания о женщинах были весьма академическими. И охмурить их проще, чем нашпиговать слепого стрелами.

К тому же, это очень легко. Шики просто как бы порхала вокруг, то здесь, то там, не обращая ни на что особого внимания и не проявляя того удовлетворения, какого я ожидал от Тобо. Я о том, что парню в его возрасте нравится выставлять мудрых старцев дураками, не так ли? Все, что я знал о Тобо, предполагало, что он станет наслаждаться этой игрой сильнее обычного.

Мне стало любопытно. Что происходит?

Дрема утверждала, что прихватила парня с собой, чтобы иметь чародея поблизости. Так, на всякий случай. Поддалась паранойе, которая у нее (и у нас) развивалась за долгие годы от общения с коварным миром. А по законам Хань-Фи Тобо не пропустили бы в монастырь, если бы он пришел как есть.

Ей хотелось, чтобы я в это поверил.

Тут скрыто нечто большее. Гораздо большее. Я понимаю эту хитрую ведьмочку куда лучше, чем она позревает. И полностью ее одобряю.

— Пойдемте, — сказала Дрема. Ей неуютно в Хань-Фи. Это место инфицировано атрибутами странных религий.

Помещение, куда мы вошли, явно служило местом для каких-то важных церемоний — когда его не предоставляли на время Шеренге Девяти. Та его часть, где нас ожидали военачальники, могла сойти за алтарь со всеми положенными причиндалами. Генералы восседали на возвышении перед алтарем, где имелось пять постоянных каменных сидений. Присутствовали семеро из девяти. Были заготовлены места и для недостающей пары — вероятно, младших членов кворума. Все семеро носили маски и причудливые одеяния, что, похоже, было обычаем для тайных правителей — а здесь, вероятно, наследием Хозяев Теней, которые и ввели моду на маски и подобные костюмчики. В данном случае все их усилия были потрачены напрасно. Но им незачем об этом знать. Пока незачем.

У Госпожи талант устанавливать настоящие имена людей и сведения об их жизни. Она обучилась этому в очень суровой школе, где ошибка могла стоить жизни. А потом обучила кое-каким своим приемчикам Тобо. И тот раскрыл имена членов Шеренги с помощью своих ночных приятелей. А знание о том, с кем мы будем иметь дело в случае, если у нас появится желание кого-то удивить, может оказаться весьма ценным инструментом для переговоров.

Сари уже имела дело с Шеренгой, и они успели привыкнуть к ее нетерпимости ко всяким церемониям. Когда она выступила вперед, их головы повернулись к ней.

Мастер Сантараксита шествовал следом, отставая на три шага. Ему предстояло выступить в роли особого переводчика. Хотя Дети Смерти и нюень бао некогда говорили на одном языке, взаимная изоляция и обстоятельства сделали недоразумения при общении

обычным делом. И Сантараксита укажет, когда стороны станут использовать одно и то же слово, но с разным смыслом.

Дрема тоже вышла вперед на несколько шагов, но осталась ближе к нам, чем к генералам. Она старалась выглядеть приветливо, даже окруженная нераскаявшимися язычниками.

Сари снова шагнула вперед и спросила:

— Готова ли Шеренга отменить запрет на то, что-бы Отряд получил доступ к знаниям, необходимым для ремонта врат? Вы должны понять, что без этого мы не покинем Хсиен. И мы все еще готовы выдать преступника Думракшу.

Это же предложение она делала Шеренге постоянно. Они желали чего-то большего, но вслух этого желания не высказывали — хотя наши призрачные шпионы и выяснили, что они надеются заручиться нашей поддержкой для резкого усиления политической позиции Шеренги. Но они не осмеливались намекнуть на это при свидетелях, которые всегда имеются, если переговоры проходят в Хань-Фи.

Маски повернулись к Сари. Никто из неизвестных не ответил. От них явственно исходило отчаяние. В последнее время они начали верить — не имея на то внушающих доверие доказательств, — что обладают некоторой властью над нами. Вероятно, по той простой причине, что мы не ввязались в драчку с кем-либо из наших соседей, что продемонстрировало убийственное неравенство между их и нашими силами. Мы сокрушили бы большинство местных армий.

Дрема прошла мимо Сантаракситы, встала возле Сари и на вполне сносном местном диалекте заявила:

— Я Капитан Черного Отряда. Я буду говорить. — И, обращаясь к генералу в маске, увенчанной головой журавля, продолжила: — Тран Ти Ким-Тоа, ты последний, вошедший в Шеренгу. — Генералы зашевелились. — Ты молод. Вероятно, ты не знаешь никого из

тех, чья жизнь и боль заново обретут смысл, если Мариша Мантара Думракша вернется сюда, чтобы ответить за свои злодеяния. Я это понимаю. Молодость всегда нетерпелива к прошлому стариков — даже когда это прошлое обрушивается на плечи молодых.

Она сделала паузу.

Семь обтянутых шелками задниц нервно заерзали, наполняя затянувшееся молчание негромким шуршанием. Мы, из Отряда, ухмыльнулись, оскалив клыки. Совсем как это делают горные обезьяны возле Плацдарма, когда запугивают друг друга.

Дрема назвала имя новейшего из Девяти. Его личность для остальных восьми — не секрет. Они сами его выбрали, когда среди них появилась вакансия. Зато он не будет знать, кто они такие, — если только кто-то из старших не пожелает назвать ему свое имя. Каждый генерал обычно знает имена лишь тех, кто избран в Шеренгу после него. Назвав последнего вошедшего, Дрема продемонстрировала угрозу, но угрожала при этом лишь одному из неизвестных.

— Костоправ, — поманила меня Дрема. Я выступил вперед. — Это Костоправ. Он был Капитаном до меня и диктатором Таглиоса. Костоправ, перед нами Тран Ху Дан и шестеро других из Шеренги Девяти. — Она не назвала положение этого Трана в Шеренге, но его имя вызвало новое шевеление.

Дрема сделала знак Лебедю.

— Это Лозан Лебедь, давний друг Черного Отряда. Лебедь, представляю тебе Тран Ху Дана и шестерых других из Шеренги Девяти. Тран — распространенная в Хсиене фамилия. И среди Девяти много Транов, но никто из них не является кровным родственником другому.

Представив Лозана Лебеда, она назвала новое имя — Тран Ху Нанг. Я начал гадать, как они ухитряются друг друга различать. Может, по весу? Несколько членов Шеренги были отнюдь не худенькими.

Когда Дрема назвала последнего из входящих в Шеренту Транов, Трана Лан-Аня, их председатель прервал ее просьбой сделать перерыв для совещания. Дрема поклонилась, ничем более его не провоцируя. Мы знали, что это Фам Ти Ли из Гу Фи, превосходный генерал, пользующийся среди своих солдат хорошей репутацией, и сторонник объединенного Хсиена, но утративший с возрастом рвение к борьбе. Еле заметным кивком Дрема дала знать, что ей известно и его имя.

— Как только мы вернемся на равнину, у нас пропадет интерес к возвращению в Хсиен, — объявила Дрема. Можно подумать, то был наш строжайший секрет, который мы тщательно оберегали. Любой пробравшийся к нам шпион сообщил бы, что мы желаем лишь возвращения домой. — Подобно нюень бао, сбежавшим в наш мир, мы пришли сюда лишь потому, что у нас не было выбора. — Дой не принял бы подобное толкование истории нюень бао. Для него его предки были группой искателей приключений, кем-то вроде первоначального Черного Отряда, ушедшего из Хатовара. — Сейчас мы сильны. Мы готовы вернуться домой. И наши враги там содрогнутся, ошеломленные новостью о нашем возвращении.

Я не поверил этому ни на секунду. Душелов будет только рада увидеть нас. Добрая потасовка развеет скуку ее рутинного правления. Когда становишься всемогущим правителем, это лишает жизнь всяческих развлечений. Моя жена тоже это обнаружила во времена расцвета ее мрачной империи. Мелочи управления поглощают правителя целиком.

Госпожа возненавидела их настолько, что ушла со мной. Но теперь скучает по ним.

— Нам не хватает лишь знаний для починки наших врат, чтобы наш мир не оказался захвачен повелевателем Непрошенных Мертвецов, — добавила Дрема.

Наши представители обязательно подчеркивают это обстоятельство. Оно остается ключевым во всех

заявлениях о наших намерениях. Мы возьмем Девятку измором. И они уступят, чтобы больше этого не слышать. Однако их опасение насчет риска очередного вторжения из другого мира граничит с паранойей.

Окажись они упрямыми задницами, они могли бы попробовать переупрямить нас в надежде, что мы сдадимся, уйдем домой, а наши ворота после этого развалятся у нас за спиной. Тогда наша угроза исчезнет навсегда.

Сила Шеренги кроется в анонимности ее членов. Когда генералы собираются, чтобы строить всяческие планы, их ограничивает вероятность того, что среди них может оказаться один из Девяти. А Шеренга делает все раскрытые ею заговоры достоянием гласности, тем самым обрушивая на заговорщиков гнев военачальников, которых в план не включили. Система неуклюжая, но уже много поколений поддерживает конфликты ограниченными, затрудняя создание альянсов.

А Дрема может раскрыть анонимность Девятки. И если она их выдаст, то следом рванется хаос. Мало кому из генералов нравится, когда их амбиции ограничивают — одновременно полагая, что планы прочих злодеев нужно давить в зародыше.

Неизвестным тоже не понравилось, что им угрожают. Те, чьи имена были названы, вскоре настолько разгневались, что старому монаху пришлось встать между нами, напоминая о том, где мы находимся.

Будучи старым солдатом, я начал быстро подсчитывать возможные ресурсы на случай драки — если у кого-то из генералов не хватит ума от нее воздержаться. Результат меня не ободрил. Наше величайшее достояние куда-то подевалось.

Куда пропала Шики? Когда? И почему?

Надо было мне внимательнее наблюдать за всем, что происходит вокруг. Иначе такой просчет может оказаться фатальным.

Один из генералов в маске подпрыгнул в кресле, заверещал и шлепнул себя по заднице. Мы разинули рты. Наступила тишина. Генерал кое-как обрел внешнее достоинство. Тишину нарушил негромкий звонкий смех. Нечто с жужжащими алмазными крылышками метнулось прочь с такой скоростью, что я не успел его ясно разглядеть, и вылетело из зала быстрее, чем кто-то успел отреагировать.

— Многие из ночных существ уйдут вместе с нами, — заметила Сари. — Возможно, так много, что Хсиен перестанет быть Страной Неизвестных Теней.

Мастер Сантараксита зашептал ей в ухо, что вызвало раздражение генералов и старого монаха. Монаху особенно не нравилось, что наши дамы продолжали говорить угрозами. Но он был настороже. Отряд задумал нечто новое, и это его пугало. Неужели у пришельцев кончилось терпение? Весь Хсиен опасается тигра, дремлющего в Вороньем Гнезде. И мы специально поддерживаем этот страх.

Когда я снова огляделся, Шики уже была с нами. Но как?..

Я присмотрелся к ней, ожидая увидеть в ее позе или выражении лица какой-нибудь намек на недавнюю чертовщину. И ничего. Лицо парнишки выражало каменное безразличие.

Сари махнула рукой, прося Сантаракситу отойти. Тот заторопился к Дреме, зашептал что-то ей. Дрема кивнула, но ничего не сделала, и это заставило старого ученого едва ли не впасть в панику.

Исчезновение и появление Шики сделало более чем очевидным то, что осуществляется какой-то план. Очевидным для бывшего Капитана, во всяком случае. И бывшему Капитану никто заранее ничего не сказал.

Дамы воплощали в жизнь какую-то из своих схем. Это и было настоящей причиной того, почему они прихватили с собой Шики. Она предоставляла им в этой игре широчайший выбор оружия.

А меня они убедили, что магия им нужна на всякий случай, если кто-то не сдержится и утратит любезность, что случается слишком часто, когда люди имеют дело с нами.

Радиша и Прабриндрах Драх до сих пор сожалеют, что когда-то соблазнились на предательство.

— Всё было гораздо веселее, когда плел заговоры и вел себя таинственно я, а не они, — шепнул я Лебедю.

Первый из Шеренги сказал:

— Вы не окажете нам любезность ненадолго выйти, Капитан? И вы, посол? Я считаю, что мы скоро придем к соглашению.

Пока мы ждали за дверями, Лебедь спросил:

— Почему он попросил нас выйти? После того, что случилось. Он и правда верит, будто мы не узнаем, что там происходит?

Краем глаза я заметил какое-то движение. Цепочка Теней прошмыгнула вдоль стены, пока я пытался разглядеть их получше. Затем, разумеется, смотреть стало не на что.

— Наверное, до него еще не дошел весь смысл сказанного. — Например, тот факт, что некто будет подслушивать каждое сказанное им слово, пока Черный Отряд не покинет Страну Неизвестных Теней. И сейчас любые его попытки осуществить какие-либо планы заранее обречены.

— Пошли, — велела Дрема. — Уходим. Костоправ, Лебедь. Хватит молоть языками, топайте.

— Куда? — осведомился я.

— Вниз. Домой. Пошли.

— Но... — Такого я никак не ожидал. Хороший трюк в стиле Черного Отряда обычно завершается огнем и кровопролитием, причем большая часть и того, и другого не направлена на нас.

Дрема зарычала. То был чисто животный звук.

— Если я Капитан, то буду Капитаном. И я не собираюсь свои решения обсуждать, спорить или заранее просить одобрения у ветеранов. Пошли.

В ее словах был смысл. В свое время мне тоже приходилось несколько раз ставить других на место. И показывать пример.

Я пошел.

— Удачи, — сказала Дрема Сари и направилась к ближайшей лестнице. Я последовал за ней. Остальные уже топали по ступенькам древней лестницы — наверное, лучше вымуштрованные предшественником Дремы. Остались лишь Сари и мастер Сантараксита, хотя Шики ненадолго задержалась возле Сари, словно обнимая ее на прощание.

— Интересно, — заметила Дрема. — Это настолько хорошая имитация, что она даже начинает забывать, кто она на самом деле.

Она говорила с собой, а не с бывшим Капитаном. Он более не нуждался в объяснениях. Он такое уже видел. Дамы собирались раздобыть нужную нам информацию. Сантараксита отыскал ее и дал наводку, и теперь наши люди ее собирают. А Тобо сейчас где-то в другом месте и упорно трудится. И один из его призрачных приятелей сейчас изображает Шикандини.

Все это означает, что Дрема подготовилась к поездке лучше, чем я предполагал.

Человек так много всего пропускает, когда остается не у дел.

По углам что-то продолжало шевелиться. На границе зрения упорно что-то мелькало. И всякий раз я ничего не различал, когда смотрел прямо.

И тем не менее...

Хань-Фи оказался захвачен. Эта неприступная крепость просвещения была взята, а ее обитатели этого еще не знали. Многие могут вообще ни о чем не узнать — если реальная Шикандини успешно завершит миссию, которую Дрема и Сари поручили Тобо.

Трудно представить, как можно запыхаться, спускаясь по лестнице. Я все же ухитрился. Эти лестницы тянулись вниз бесконечно и казались куда более длинными, чем когда я по ним неторопливо поднимался. У меня начались судороги. А Сари и Дрема у меня за спиной все покрикивали, подначивали и подталкивали меня, словно им почти не столько же лет, сколько мне.

Я провел немало времени в размышлениях о том, что побудило меня пойти с ними. Ведь я слишком стар для такого дерьма. В Анналы вовсе не обязательно записывать мельчайшие подробности. И я вполне мог пойти по стопам Одноглазого. «Они отправились в Хань-Фи и раздобыли знания, которые нам были нужны, чтобы починить врата».

Где-то наверху басовито загудел колокол. Все берегли дыхание и промолчали, но никаких объяснений не требовалось. Прозвучал сигнал тревоги.

Из-за нас?

А из-за кого же еще? Хотя я могу представить сценарии, по которым Шеренга Девяти может попытаться уничтожить мозговой центр Отряда.

Это не имело значения. Я напомнил себе, что в Хань-Фи нет оружия. Что монахи отрицают насилие. Что они всегда уступают силе, а потом склоняют на свою сторону различными доводами и мудростью.

Да, иногда на это уходит немало времени.

И все же я не мог успокоиться. Уж слишком много времени я общался с себе подобными.

Воздух зашептал и зашуршал, подобно ветерку во время листопада. Звук начался где-то далеко внизу. Он поднялся, настиг нас и умчался быстрее, чем я успел испугаться. На краткое мгновение я различил пролетевшие мимо плоские, черные и полупрозрачные контуры, сопровождаемые прикосновением холода и запахом старой плесени, а затем осень умчалась ввысь искать себе приключения.

Время от времени лестница шла по внешнему склону Хань-Фи, куда выходили окна. Каждое заслоняло облачко серого тумана, в котором копошились полуразличимые силуэты. Мне не хотелось точно знать, кто они такие, потому что я не имел ни малейшего интереса знакомиться с существами, которые не опасаются иметь под собой тысячи футов влажной пустоты.

Несколько раз я замечал, как сквозь туман вверх или вниз пролетает Шикандини. Однажды она увидела, как я за ней наблюдаю, улыбнулась и приветливо помахала трехпалой ручкой.

А у настоящего Тобо на руках по пять пальцев.

Зато во время всего спуска я не заметил ни единого обитателя монастыря. Все они были чем-то заняты, пока мы проходили мимо.

— Далеко нам еще идти? — спросил я, задыхаясь и думая о том, какой удачной была мысль сбросить лишний вес после выздоровления.

Ответа я не получил. Никто не пожелал зря тратить дыхание.

Спуск оказался куда более долгим, чем я надеялся. Так всегда бывает, когда откуда-нибудь сматываешься.

Шикандини, но уже с десятью пальцами, ждала нас с лошадьми и остальными членами делегации, когда мы, спотыкаясь от усталости, вышли из неохраемых нижних ворот. Животные и наш эскорт были готовы отправиться в путь. Нам оставалось лишь усесться в седла.

Тобо останется в обличье Шики до тех пор, пока мы не вернемся домой. Детям Смерти незачем знать, что он и ссть Шики.

— Сри Сантараксита отказался поехать с нами, — сказал Тобо матери.

— Я и не думала, что он согласится. Ничего. Он свою роль сыграл. И когда мы уедем, он будет здесь счастлив.

— Он отыскал свой рай, — согласилась Дрема.

— Извините, — пробормотал я. Мне потребовались три попытки и любезный толчок снизу от одного из наших охранников, чтобы взобраться в седло. — А что мы только что сделали?

— Совершили кражу, — пояснила Дрема. — Мы приехали сюда, сделав вид, будто собираемся в очередной раз обратиться к Шеренге Девяти. Потом вывели их из себя, назвав имена некоторых из них, чтобы они думали только о этом, пока мы крадем книги с информацией о том, как нам безопасно вернуться домой.

— Они все еще ничего не знают, — сообщил Тобо. — И все еще ищут в другом направлении. Но долго это не протянется. Вскоре оставленные мною двойники развалятся. Они просто не могут подолгу заниматься порученным делом.

— Тогда кончай трепаться и езжай! — рывкнула Дрема. Клянусь, эта женщина была летописцем пятнадцать лет. И должна лучше понимать нужды коллеги-летописца.

Нас окружил туман, перемещающийся словно вместе с нами и неестественно плотный. Тобо постарался, наверное. В нем мелькали силуэты, но слишком близко не приближались. Пока я не обернулся.

Хань-Фи исчез полностью. Он мог быть в тысяче миль от нас или даже вовсе не существовать. Вместо него я увидел тех, кого лучше не видеть, включая нескольких Черных Гончих размером с пони и с высокими массивными плечами, как у гиен. На мгновение, когда они уже начали терять цвет и четкость, из тумана вынырнул еще более крупный зверь с головой леопарда, только зеленый. Кошка Сит. Она тоже растворилась в реальности, подобно огромному миражу в раскаленном воздухе. Последним исчез блеск ее остекленных зубов.

С помощью Тобо мы растворились и сами.

16. Пустошь. Дети Ночи

Нарайян Сингх разжал пальцы, сжимающие румень, священный шарф-удавку душилы. Его руки вновь стали пронизанными болью и скрюченными артритом клешнями. Глаза наполнились слезами. Старик был рад, что темнота скрывает их от девушки.

— Я никогда прежде не убивал животных, — прошептал он, отходя от остывающего трупa собаки.

Дщерь Ночи не ответила. Ей пришлось упорно сосредоточиться и прибегнуть к своим зачаточным магическим талантам, чтобы сбивать с толку разыскивающих их сов и летучих мышей. Охота на Обманников тянулась уже несколько недель. Десятки новообращенных были схвачены, остальные рассеялись. Они соберутся вновь, когда охотники утратят к ним интерес. И охотники давно уже утратили к ним интерес. Но на этот раз ведьма из Таглиоса, кажется, твердо решила поймать Дщерь Ночи и живого святого Обманников.

Девушка расслабилась и вздохнула:

— Кажется, они полетели дальше, на юг. — В ее шепоте не было даже намека на торжество.

— Думаю, это их последняя собака. — Нарайян тоже не испытывал удовлетворения. Он протянул руку, легко коснулся девушки. Она не стала стряхивать его пальцы. — Они никогда еще не гонялись за нами с собаками. — Старик устал. Устал убегать, устал от боли.

— Что случилось, Нарайян? Что изменилось? Почему мать не отвечает мне? Я все сделала правильно. Но и сейчас не ощущаю ее там.

«А может, ее там больше нет», — мелькнула у Нарайяна еретическая мысль.

— А вдруг она не может? У нее есть враги не только среди людей, но и среди богов. И один из них мог...

Рука девушки зажала ему рот. Он затаил дыхание. У некоторых сов слух настолько тонкий, что они смо-

гут уловить его хриплое старческое дыхание — если застанут девушку врасплох.

— Сова улетела, — прошептала девушка, убирая руку. — Как нам связаться с матерью, Нарайян?

— Хотел бы я знать, дитя. Хотел бы я знать. Я бесконечно устал. Мне нужен тот, кто смог бы меня направлять. Когда ты была маленькая, я думал, что к этому времени ты уже станешь правительницей мира. Что мы уже переживем Год Черепов и триумф Кины, а я стану наслаждаться наградой за свою непоколебимую веру.

— Не начинай и ты.

— Начинать?

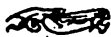
— Колебаться. Сомневаться. Мне нужно, чтобы ты был моей непоколебимой скалой, Нарайян. Ведь всегда, даже когда все прочее обращалось в моих руках в прах, у меня был гранит папы Нарайяна.

Похоже, она хотя бы сейчас не пыталась им манипулировать.

Они свернулись калачиком, пленники отчаяния. Ночь, некогда бывшая владениями Кины, ныне принадлежала Протектору и се приспешникам. И все они были вынуждены перемещаться под покровом темноты. Днем их было слишком легко опознать: ее — по очень бледной коже, а его — по физическим недостаткам. Награда за их поимку была большой, а деревенские жители всегда бедны.

Бегство привело их на юг, к необитаемым пустошам, цепляющимся за северные подножья Данда-Преш. Теперь населенные земли стали для них слишком опасны. Там каждый превратился в их врага. Но ничто не обещало, что пустоши станут для них дружелюбнее. Тут охотникам еще легче их выследить.

— Наверное, нам следует оставаться в изгнании, пока Протектор не забудет про нас, — пробормотал Нарайян. А она забудет. Вспышки чувств у нее всегда яростные, но никогда не длятся долго.

Девушка не ответила. Она смотрела на звезды — наверное, высматривала какое-нибудь знамение. Нарайян высказал невозможное предложение, и оба это знали. Они отмечены прикосновением богини. И должны делать ее работу. Должны выполнить свое предназначение, сколько бы несчастий ни ждало их на этом пути. Должны начать Год Черепов, сколько бы страданий ни пришлось им перетерпеть самим. Впереди их ждал рай.

— Нарайян, смотри. Небо на юге...

Старый Обманник поднял глаза к небу и немедленно увидел то, что она хотела ему показать. Клочок неба на юге, низко, над самым горизонтом, вдруг смялся и замерцал. Когда мерцание на полминуты прекратилось, в том месте показалось чужое созвездие.

— Аркан... — прошептал Нарайян. — Это невозможно.

— Что?

— Это созвездие называется Аркан. Мы никак не можем его видеть. — Оно не из этого мира. Нарайян узнал о нем только потому, что был пленником Черного Отряда в то время, когда по поводу этого созвездия шел отчаянный спор. Оно как-то связано с Сияющей равниной. Под которой в заточении лежит Кина. — Наверное, это знамение для нас. — Нарайян был готов ухватиться за любую соломинку. Он кое-как поднялся на усталые ноги, сунул под мышку костыль. — Значит, идем на юг. Где мы сможем идти днем, потому что там некому будет нас увидеть.

— Я никуда больше не хочу идти, Нарайян, — ответила девушка, но тоже встала. День за днем, месяцами и годами они только и делали, что шли, потому что лишь постоянное перемещение могло спасти их от зла, которое могло помешать им выполнить их священное предназначение.

Где-то вдалеке ухнула сова. Нарайян не обратил на нее внимания. Он в тысячный раз думал об изменчи-

ности фортуны, столь быстро подкосившей все их планы после нескольких лет, когда все шло так хорошо. Вся его жизнь состояла из череды таких резких и внезапных перемен. И если он сумеет вцепиться в клочки своей веры, сумеет вытерпеть, то вскоре фортуна вновь ему улыбнется. Ведь он живой святой. И все выпавшие ему лишения и испытания будут оценены сполна.

Но он так устал. И все тело так болит...

Он пытался не думать о том, почему в мире теперь совершенно не ощущается присутствия Кины. И вместо этого сосредоточил всю свою волю на усилии, которого требовало преодоление очередной мучительной сотни ярдов. А одержав эту победу, сосредоточится на покорении следующей сотни.

17. Страна Незвестных Теней. Воронье Гнездо

У Тобо ушло десять дней, чтобы обучиться всем премудростям и стать мастером по ремонту врат. И эти десять дней тянулись очень долго, потому что Шеренга Девяти, отвергнув пожелания старейшин Хань-Фи и аристократов из Суда Всех Времен, издала указ, объявляющий Черный Отряд врагом Детей Смерти. Указ также советовал всем местным военачальникам собрать войска и выступить против нас.

Эта проблема развивалась медленно. Генералы, бывшие нашими ближайшими соседями, знали о нас слишком много, чтобы даже пытаться что-либо начать. Те, что подальше, хотели выждать, пока первый ход сделает кто-нибудь другой. Многие даже не удосужились объявить мобилизацию. И, что характерно для политики Хсиена, поток добровольцев, денег и материалов, помогающий нам стать еще большей угрозой для Детей Смерти, ни на минуту не ослабел.

Тобо закончил работу над ведущими в Хсиен вратами через четырнадцать дней после нашего возвращения

из Хань-Фи. Несмотря на угрозу войны, Дрема не торопилась. Сари заверила ее, что пройдет несколько месяцев, прежде чем кто-либо выступит против нас — если вообще кто-то выступит. Она утверждала, что генералы попросту не смогут договориться и начать войну быстро. Торопиться нет нужды. Спешка приводит к ошибкам. А ошибки всякий раз выходят нам боком.

— За каждую хорошо сделанную работу обязательно приходится расплачиваться, — сказал я Суврину. Молодому тенеземцу только что сообщили об оказанной ему чести: ему предстояло пересечь Сияющую равнину, а потом произвести разведку и починить ведущие в наш мир ворота. Тобо как раз закончил его обучать. А сам Тобо не пойдет, потому что не хочет расставаться со своими любимцами. — Как твои успехи в чистописании?

Суврин на несколько секунд уставился на меня: большие круглые карие глаза на большом круглом и смуглом лице.

— Не особо. Мне нравится в Отряде. Но я не собираюсь провести в нем всю жизнь. Тут хорошая школа. Тут меня многому учат. Но я не хочу стать командиром наемников.

Он удивил меня сразу по нескольким пунктам. Мне еще не доводилось слышать, чтобы проведенное в Отряде время описывалось именно таким образом, хотя многие вступали в Отряд с четким намерением дезертировать, как только окажутся подальше от проблем, заставивших их пуститься в бег. И еще я никогда не видел, чтобы кто-либо столь быстро сообразил, чем в далекой перспективе может обернуться предложение стать учеником летописца.

Ведь должность летописца могла означать первый шаг к должности Капитана.

Если честно, то я лишь дразнил парня, но Дрема была о Суврине высокого мнения. И могла сделать такое предложение всерьез.

— Не скучай на той стороне. И будь осторожен. Там, где замешана Душелов, лишней осторожности не бывает. — Я продолжил в том же духе. Выражение терпеливой скуки на лице Суврина и его остекленевшие глаза подсказали мне, что все это он уже слышал. Я оборвал проповедь. — И ты все это услышишь еще сотни раз, пока не отправишься в путь. Старуха наверняка запишет тебе свои наставления на свитке, чтобы ты взял его с собой и читал каждое утро перед завтраком.

Суврин робко и неискренне улыбнулся:

— Старуха?

— Решил испытать это прозвище на тебе. И у меня такое чувство, что оно не приживется.

— Думаю, на это рассчитывать не стоит.

Я не ожидал, что наши с Суврином пути снова пересекутся по эту сторону равнины. И ошибся. Всего через несколько минут после того, как мы расстались, мне пришло в голову, что неплохо бы и мне освоить эту премудрость в обращении с вратами.

И еще мне пришло в голову, что на это следует спросить разрешения Капитана. Но я сумел устоять перед искушением.

А Госпожа решила, что и ей будет полезно расширить свое образование.

18. Страна Неизвестных Теней. На юг

На дальних склонах напротив Форпоста полыхали костры. Назойливые горные обезьяны давно отсюда смылись. Стаи ворон становились все многочисленнее. Я слышал, что их где-то называют Выбирающими Мертвецов. Шеренга Девяти ухитрилась собрать разношерстную армию гораздо быстрее, чем это считала возможным наша изумленная министр иностранных дел.

— Наконец-то, — сказал я Мургену, когда мы с ним распивали на двоих только что обнаруженный кувшин мозговорота. — За Одноглазого! — Его самогонка таинственным образом отыскивалась в разных местах вновь и вновь. И мы из кожи вон лезли, чтобы она не попала в руки солдат. Крепкие напитки могут вызвать падение дисциплины. — Твоя старушка говорила, что они решатся на что-либо не раньше следующего года. Если вообще решатся.

Появление недружественной армии не стало для нас, разумеется, сюрпризом, когда разведкой командует Тобо.

— За Одноглазого. Она ведь тоже ошибалась, Капитан. — Язык у него уже начал заплетаться. Парень плохо переносит выпивку. — В редких случаях.

— В редких случаях.

Мурген отсалютовал чашкой.

— За Одноглазого! — Потом он покачал головой. — Я ведь люблю эту женщину, Капитан.

— Гмм... — Ого. Надеюсь, до драки не дойдет. Но я понимал его проблему. Она постарела. Мы провели пятнадцать лет в стасисе, не состарившись и на минуту. Возможно, это было небольшой компенсацией от богов за то, что в остальное время они с нами столь подло обращались. Но Сари, которая для Мургена была дороже жизни и матерью его сына, не оказалась одной из Пленных.

Возможно, это стало для нас удачей. Потому что она посвятила себя освобождению Мургена. И со временем добилась своего. И освободила меня, мою жену и большинство Пленных. Но Сари выросла, изменилась и состарилась больше, чем на эти пятнадцать лет. И их сын вырос. И даже сейчас, через четыре года после нашего воскрешения, Мурген все еще не до конца приспособился к такому положению дел.

— А ты просто живи, — посоветовал я. — Благословляй Одноглазого. Выбрось лишнее из головы.

Живи настоящим. И не волнуйся о будущем. Я сам так живу. — В единицах жизненного опыта моей жене стукнуло уже несколько столетий еще до моего рождения. — Тебе ведь удалось побыть призраком, навещать ее и делить с ней жизнь, пусть даже ты не мог ее коснуться. — А я живу с десятью тысячами призраков из прошлого моей жены, и мы с ней говорили лишь о нескольких из всей этой толпы. Она попросту не желает обсуждать былое.

Мурген хмыкнул, буркнул что-то про Одноглазого. Ему было трудно меня понять, хоть я и пытался выговаривать слова с особой четкостью.

— Ты никогда не был любителем выпить, верно, Капитан? — спросил Мурген.

— Нет. Но я всегда был хорошим солдатом. И всегда делал то, что следовало делать.

— Понял.

Мы, само собой, сидели на природе, наблюдая за падающими звездами и кострами, обозначавшими вражеский лагерь. Что-то этих костров чертовски много. Куда больше, чем следовало бы по данным разведки. Какой-то гений-генерал играл с нами в военные хитрости.

— Они не нападут, — сказал Мурген. — Они так и будут там сидеть. Все это лишь показуха для Девятки.

Я благословил Одноглазого и осушил очередную чашку, а потом задумался, чьи предположения повторяет Мурген — жены или сына? Склонил голову набок, чтобы левый глаз лучше видел. У меня паршивое ночное зрение, даже когда я трезв.

— Думаю, ты даже не представляешь, как им там всем сейчас страшно, — сказал Мурген. — Парень каждую ночь нагоняет на них ужас. И хоть он не тронул и волоска у них на головах, но они ведь не тупицы. Они поняли намек.

Если у вас по лагерю бродят Ночные Гончие, угрожаются из ваших котлов или мочатся в них, а десятки

ночных существ поменьше выдирают колышки палаток, что-то поджигают и лямзят у вас сапоги и дорогие сердцу вещицы, то у вас точно начнутся проблемы с боевым духом солдат. Они попросту не поверят словам, которыми вы станете их успокаивать, будь вы хоть семи пядей во лбу.

— Но суть в том, что если начальство скажет — войне быть, то они нападут. — Уж я-то знаю. Я с Отрядом почти всю жизнь. И видел, как люди сражаются в невероятно тяжелых условиях. Но, признаюсь, видел и то, как люди поддаются страху, даже когда условия выглядят идеальными. — За Одноглазого. Он был клеем, который скрепляет нас воедино.

— За Одноглазого. А ты знаешь, что четвертый батальон сегодня уходит?

— Куда?

— На равнину. Возможно, как раз сейчас.

— Суврин еще никак не мог успеть и подготовить врата.

Мурген пожал плечами:

— Я лишь пересказываю, что слышал. Сари сказала это Тобо. А сама она узнала от Дремы.

И опять летописца не подключили к планированию и принятию решений. Летописец раздражен. В прежней жизни он приобрел богатый опыт планирования кампаний и управления большими группами расколотых на фракции людей. Летописец еще может внести свой вклад.

И в наступивший момент просветления я понял, почему летописца отодвинули в сторону. Из-за той твари, что убила Одноглазого. Ее наказание для Дремы неважно. Она не желает тратить на это время и ресурсы. Особенно время, которое понадобится на споры со мной и теми, кто думает так же.

— Может, не нужно мне мстить за Одноглазого? — пробормотал я.

Мурген не возражал против смены темы. Во всяком случае, он стал внимательнее прислушиваться к собственной душе и сказал:

— Да о чем ты говоришь? Это должно быть сделано.

Значит, он со мной согласен. Мне пришло в голову, что он знает Одноглазого дольше любого из нас, за исключением меня. Я все еще считал его новичком, потому что он стал едва ли не последним из тех, кто присоединился к нам, когда мы были на службе у Госпожи — в том, другом мире, так далеко и так давно, что иногда я просто воском расплывался от тоски по тем скверным старым временам.

— Ну, еще разок за Одноглазого. И я хочу знать, когда мы начнем ворошить хорошие старые деньки.

— Они там, Капитан. Здесь и там. Они просто не показываются на глаза.

Я вспомнил парочку историй. Но они лишь подтолкнули меня к размышлениям о том, что могло бы случиться. И о Бубу. А когда я смешиваю крепкое пойло с мыслями о своей дочери, у меня всякий раз наворачиваются слезы на глаза. И чем старше я становлюсь, тем чаще такое происходит.

— Не знаешь случайно, какая у Дремы стратегия? — спросил я. Какая-то у нее наверняка есть. Полагаю, что схемы и планирование — ее родная стихия. Родная настолько, что она превзошла в этом Радишу и сестричку моей жены.

— Понятия не имею. Я куда больше знал о происходящем, когда был призраком.

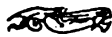
— Ты больше не выходишь из тела?

— Я излечился. Во всяком случае, в этом мире.

По-моему, зря. Слабая связь его духа с телом годами была самым мощным оружием Отряда. Что мы станем делать, если больше не сумеем видеть то, что происходит там, где нас нет?

К хорошему так быстро привыкаешь.

В темноте что-то заверещало. Сперва мне показалось, что меня кто-то дразнит, но тут во мрак над долиной рванулся огромный огненный шар. А невидимое существо потешалось над солдатами на той стороне.

— Кувшин пуст, — проворчал я, откидываясь назад и вытряхивая в рот последние капли. — Схожу посмотрю, не отыщется ли еще один там, где мы нашли этот.

19. Сняющий камень. Уйти украдкой

Дой слегка кивнул, когда мы с Госпожой прошли мимо его дома. Обернувшись минуту спустя, я увидел, что он стоит посреди улицы вместе с несколькими воинами нюень бао. У Доя был его меч, Бледный Жезл. В дальнем конце улицы вышагивал куда-то Тай Дэй, шурин и телохранитель Мургена. Он тоже был вооружен. Если он отправился в путь, то и Мурген вскоре отправится.

Я настороженно приглядывался к тому, что творится сзади. Дело должно быть сделано, пока о нем не узнала Дрема. И пока не издала запрещающий приказ. Прямого запрета я послушаться не смогу.

Сейчас она и Сари находились в долине. Тран Ху Нанг пришел туда под белым флагом на переговоры. По моим предчувствиям, он решил объявить, что Шеренга Девяти решила примириться с реальностью. Они никогда такое не признают, но их армия потерпела поражение, даже не выступив на поле битвы. Она попросту испарялась. Солдаты не желали терпеть назойливое внимание Неизвестных Теней.

Все это было весьма забавно — если только ты не один из Девяти, которому нужно сохранить репутацию Шеренги, или не ворона, что надеялась чуток подкормиться. Забавно, но очень кстати. Я уже устал ждать шанса ускользнуть. Желание расчитаться с монстром Бовок стало очень сильным, хоть я и хорошо его скрывал. Есть у меня и несколько других навязчивых идей, которые я не выставляю напоказ.

Официально Одиннадцатый батальон сменял своих предшественников на охране врат. Реально же Одиннадцатый сразу после полуночи пройдет через ворота и направится к крепости в центре равнины. Моя же команда пройдет через ворота намного раньше и быстро двинется вперед, не оставив Дреме никакой надежды вернуть нас. А Тобо прикроет наши следы.

Я подал знак, надеясь, что его заметят и передадут по цепочке. Нам следовало двигаться быстрее. Дрема — ведьмочка изобретательная. И если имеется какой-то способ помешать моим планам, то она уже могла о нем догадаться.

Похоже, в том, что касалось вопроса о судьбе Бовок, она оказалась в одиночестве. У Одноглазого после смерти оказалось гораздо больше друзей, чем при жизни.

Тобо ждал нас у врат, хотя ему полагалось приглядывать за матерью и Капитаном. Но я еще не успел ничего ему сказать, как он затараторил:

— У них все нормально. Эту встречу устроила Девятка, чтобы сохранить лицо. Они поняли, что сморозили глупость. Предстоит куча церемоний, но признавать они ничего не собираются, даже то, что они собрали здесь армию с намерением напасть на нас. А перед уходом они выдадут мамочке грамоту, дающую Отряду разрешение искать и использовать секреты врат. — Он по-мальчишески ухмыльнулся. — Думаю, никто из них за последние дни так и не выспался.

— А почему ты здесь?

— Потому что через ворота проходит моя семья. Разве не так?

Конечно, так. И первым шел я.

— Ну, пошли.

Вместе с нюень бао, ветеранами Отряда, моей женой и прочими я поведу на охоту более сорока человек. Поначалу. Если охота затянется, то вряд ли я сумею удержать их всех.

— Разбейте лагерь на первом круге, — напомнил мне Тобо. — Даже если вам покажется, что вы сможете пройти до темноты еще немало. — Он повернулся к Госпоже: — Это важно. Проследи за этим. Первый круг. Чтобы я смог вас догнать, когда освобожусь.

— Эй, Костоправ! — окликнул меня Лозан Лебедь. — Если встанешь здесь и посмотришь направо краешком глаза, то сможешь увидеть Нефа. Даже при дневном свете.

Лебедь находился уже по другую сторону врат, и голос его звучал глуховато, словно издалека.

Я одарил его своим фирменным оскалом:

— Не забывай о дисциплине. — Шевитья мог быть нашим союзником и душой равнины, но там имелись опасности, с которыми даже он не мог справиться. Тени оставались столь же голодными, как и прежде. Безопасными были лишь дороги и круги. Требовалась чрезвычайная осторожность, чтобы случайно не пересечь защитный барьер. Если такое случалось, то заложенная в них магия со временем восстанавливала целостность барьера. Но к тому времени вы уже не будете живы, чтобы насладиться результатом. От вас останется лишь высохшая оболочка, в которую вы превратитесь, долго вопя до самой смерти.

Похоже, в последнее время активность Теней снизилась. Вероятно, Шевитья нашел способ контролировать их. Возможно, даже уничтожать. На равнине они появились относительно недавно. Шевитье они не нужны. И он с радостью от них избавится.

И такой исход станет замечательным как для этих печальных, но смертельно опасных монстров, так и для нас. Они наконец-то обретут освобождение в смерти. Освобождение, понятное для Шевитьи. Он сам страстно к нему стремится.

Я принялся покрикивать на своих людей:

— Грузите снаряжение и вперед! Где мулы? Я ведь еще на прошлой неделе прислал их сюда. — Ког-

да с тобой согласны многие, то можно переместить немало материалов, не привлекая особого внимания. Я принялся над этим работать, как только убедился, что Дрема не намерена заняться этим сама.

— Успокойся, — сказал мне Тобо. И я смолк. Ошеломленный. Потому что парнишка сказал такое ветерану. И был прав. — Иди сюда. Госпожа, ты тоже. — Он сошел с дороги и привел нас к грубо сколоченному деревянному ящику, балансирующему на верхушке зазубренного валуна.

— Такой же камень лежит у врат на нашей стороне, — заметил я. — А у твоего отца был бункер там, где здесь растет вон тот куст. Что в ящике?

В ящике лежали четыре предмета, похожие на цилиндры из черного стекла длиной в фут и диаметром два дюйма, снабженные на одном конце металлической рукояткой.

— Это Ключи. Такие же, каким было Копье Страсти. Они вам понадобятся, чтобы зайти на равнину и уйти с нее. Я сделал новые. Это нетрудно, если знаешь, как их делать. У Ножа есть один Ключ. У Суврина — два. Один я установил в этих вратах. Мы его заберем, когда уйдем. Еще два я отдал командирам тех батальонов, что уже ушли. Вы тоже возьмете с собой два. На всякий случай.

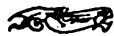
Он вручил по цилиндру мне и Госпоже. Мне он показался тяжелее, чем должен весить предмет такого размера. Рукоятка была серебряной.

— На равнине их надо вставлять в отверстия, правильно? — уточнил я.

— Совершенно верно. Помните наши занятия? — Спрашивая, Тобо повернулся к Госпоже. Я тоже сидел на занятиях, но моя жена куда лучше разбиралась в сути сказанного. На всем, что хоть как-то связано с магией, на меня можно полагаться только в самом крайнем случае.

Через врата потянулась цепочка мулов и людей. Каждого проверял сержант, наверняка просидевший

свои лучшие годы в штабе Дремы. Он хотел занести в список каждого человека, каждое животное, каждый пускатель огненных шаров и все прочие основные предметы снаряжения или вооружения. Ньюень бао, формально не считающиеся членами Отряда, стали ему грубить. Я подошел и нагрубил ему сам:

— Ты задерживаешь всю операцию, сержант. Уйди. Или я попрошу Тобо спустить на тебя Ночную Гончую.

Их стая ошивалась неподалеку. Видеть их, разумеется, не мог никто, но они поднимали изрядный шум, когда грызлись между собой. А грызлись они постоянно.

Угроза произвела желаемый результат. Сержант-бухгалтер смотался так быстро, что мне даже почудился свист рассекаемого им воздуха. Он подаст официальную жалобу, но она попадет в самый конец списка моих проступков.

Ко мне подошел Тобо. К этому времени почти весь мой отряд уже прошел через врата. Парень вежливо поклонился отцу. У них с Мурге́ном взаимная проблема. Никто из них не знает, как пересечь трещину, возникшую между ними из-за того, что Мурген был похоронен почти все годы, пока Тобо рос.

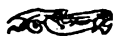
Тобо сообщил мне достаточно громко, чтобы его услышал и отец:

— Теперь вам лучше поторопиться. Мать только что узнала о том, что ты делаешь. Она будет молчать — ради памяти Готы. До поры до времени. Но когда узнает, что с тобой идет и отец, то закипит и побежит напрямиком к Капитану.

Я наградил Мургена суровым взглядом. Значит, ты не сказал старушке, что идешь прогуляться с ребятами?

И как Тобо выяснил, что его мать только что обо всем узнала?

Парень щелкнул пальцами, сделал несколько пассов и произнес что-то непомятое, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Вдоль склона заскользили две Тени, спускаясь с юго-запада. Они направлялись точно к нам, но я не видел тех, кто эти Тени отбрасывал. И тут передо мной внезапно захлопали крылья, я ощутил на плечах тяжесть, а нечто, напоминающее драконьи когти, вцепилось мне в ключицы, едва не разодрав их до мяса.

Вороны.

— Они лишь выглядят как вороны, — пояснил Тобо. — И никогда не забывай, кто они на самом деле.

Я содрогнулся. Я десятилетиями жил, окруженный этими существами, но они, даже обретя видимость, не стали от этого менее жуткими.

— Они согласились сохранять этот облик по моей просьбе, — продолжил Тобо. — И станут твоими глазами и ушами, если вам придется действовать без меня. У тебя не будет такого стратегического диапазона, к какому ты привык, имея дело с моим отцом, но они могут быстро преодолеть несколько сотен миль и дают тебе сильное тактическое преимущество. Кроме разведки они умеют и передавать сообщения. Только обязательно формулируй их тщательно, ясно, простыми словами и по возможности коротко. Им нужно сообщить абсолютно ясный адрес и имя. И обязательно убедись, что они знают, кому это имя принадлежит.

Я повернул голову направо, налево и краешком глаза рассмотрел то, что сидело у меня на плечах. Страшновато было видеть так близко эти мощные клювы. На поле боя Выбирающие Мертвецов первым делом выклеивают именно глаза.

Одна птица была белой, другая черной. Обе крупнее, чем местная порода ворон. И белая так и не приняла правильный облик. Она выглядела так, словно одним из ее родителей была не ворона, а перепуганный голубь.

— Если случится, что я не смогу вас догнать, а тебе будет нужно со мной связаться, то они легко меня найдут.

Не сомневаюсь, что вид у меня был мрачный. Тобо ухмыльнулся:

— И еще я подумал, что они будут отлично смотреться с твоим костюмчиком. Мама рассказала, что у тебя на плечах всегда сидели вороны, когда ты давным-давно облачался в доспехи Жизнедава.

— То были настоящие вороны, — вздохнул я. — И принадлежали они Душелову. В те дни у нас было нечто вроде взаимопонимания. Враг моего врага, и все такое.

— Ты ведь прихватил с собой доспехи Жизнедава? И копьё Одноглазого? Ты ведь знаешь, что если что-то здесь оставишь, то уже не сможешь вернуться.

— Да. Прихватил.

Пышные доспехи Жизнедава не были теми же самыми, что я носил десятилетия назад. Они потерялись во время кьяулунских войн Дремы и Сари. Наверное, они сейчас у Душелова, в кладовой для трофеев. А нынешние мои доспехи, предназначенные в основном для показухи, были изготовлены в лучших оружейных мастерских Хсиена и отличались четким местным стилем. Их черная лакированная поверхность, напоминающая хитин, была инкрустирована золотыми и серебряными символами, которые в Хсиене ассоциируются с колдовством, злом и мраком. Некоторые воспроизводят магические символы власти, некогда неразрывно связанные с Хозяевами Теней. Другие принадлежат к эпохе, когда ныне исчезнувший в Хсиене культ Кины посылал в крестовые походы отряды Обманников. И все эти символы наводили ужас — во всяком случае, в мире, где были изобретены.

Восстановленный для Госпожи доспех Вдоводела смотрелся еще уродливее моего. Символы на его поверхности имели не столь четкий смысл, зато наводили гораздо больший страх, потому что Госпожа настояла на том, что сама примет участие в разработке и

создании доспеха. С головой у нее явно не все в порядке.

Замаскированных под ворон чудищ ей не досталось. Зато она везла с собой несколько резных коробочек из тикового дерева и тонкую стопку странной рисовой бумаги, на которой предпочитают писать монахи в Хань-Фи.

— Ну, тебе пора. А я прослежу, чтобы тебе вслед не послали посыльного.

Я хмыкнул: Если не считать дядюшки Доя, задержавшегося пошептать с Тобо, я остался последним из своего отряда на хсиенской стороне врат. Госпожа сжала мою руку, когда я присоединился к ней, и с восторгом сказала:

— Мы в пути, дорогой. Снова.

— Снова. — Что-то я не припомню, что когда-либо выступал в путь с восторгом.

— Не хочешь развернуть знамя? — спросил Мурген.

— Нет, пока не доберемся до самой равнины. Мы здесь ренегаты. И не будем принижать Дрему.

Тут у меня возникла идея. Если мы сможем достать подходящий материал... то сможем поднять и старое знамя Отряда, с которым ходили до того, как сменили его на огнедышащий череп Душелова.

— Хорошо, — сказал мне Дой, проходя через врата. — Немного мудрости. Очень хорошо.

Я начал подъем на равнину, несколько ошеломленный осознанием того факта, что я единственный из оставшихся в живых членов Отряда, кто еще помнит, как выглядело наше первоначальное знамя. Смотрелось оно ненамного веселее нынешнего, зато гораздо более по-деловому. На алом фоне девять повешенных в черных одеяниях и по шесть желтых кинжалов в верхнем левом и правом нижнем углах. В правом верхнем красовался разбитый череп, а в левом нижнем — птица с отрубленной головой в когтях. То ли ворона, то ли орел.

И нигде в Анналах не нашлось даже намека на то, когда или почему мы выбрали себе именно такое знамя.

20. Сияющий камень. Таинственные дороги

— Сегодня звезды другие, — заметил Лозан Лебедь, лежа на спине и глядя в небо.

— Тут все другое, — отозвался Мурген. — Найди-ка Малыша или Глаз Дракона.

Тут не было и луны. А в Стране Неизвестных Теней луна есть всегда.

Небо над равниной... переменчиво. И на следующую ночь на нем могут показаться совершенно иные созвездия.

Погода тут обычно сносная. Холодно, конечно. Но редко идет дождь или что похуже. Это я знаю по своему опыту. Но заботит меня вовсе не дождь или снег.

По периметру равнины равномерно расположены шестнадцать врат Теней. От каждой к центру равнины, где стоит безымянная крепость, тянется, подобно спице в колесе, каменная дорога, отличающаяся по цвету от камня равнины. Я видел только две из этих дорог. Одна была темнее окружающей ее равнины, другая светлее. Через каждые шесть миль на спицах-дорогах расположены большие каменные круги того же оттенка, что и дорога. Их используют как место для лагеря, хотя их исходная функция могла быть совершенно иной. Равнина с веками менялась. Люди ведь не могут оставить что-либо в покое. Когда-то дороги служили лишь таинственными путями между мирами. Теперь они единственное безопасное место после заката. Когда опускается мрак, из укрытий выходят Тени-убийцы.

Мы сидели, давясь грубым походным ужином, а слабое сияние тлеющих в жаровнях углей высвечивало десятки черных пятен, вьющихся над невидимым куполом, защищающим каменный круг.

— Пиявки Судьбы, — пробубнил Мурген, пережевывая хлеб и тыкая пальцем в ближайшую Тень. — Звучит куда лучше, чем Непрощенный Мертвец.

— У человека вдруг пробилось чувство юмора, — прокомментировал Клетус. — И это меня тревожит.

— Бойтесь, люди, — добавил его брат Лофтус. — Берегитесь. Нас ждет ужасный конец.

— Так, по-твоему, именно скверные шутки и вызовут Год Черепов?

— В таком случае мы бы все померли еще двадцать лет назад, и сейчас ты смог бы увидеть лишь уродливую морду Кины, — заметил я.

— Кстати, об уrodaх. — Госпожа указала в темноту.

Мы заняли несколько квадратных футов на краю круга, в том месте, где из него выходила дорога к сердцу равнины. Ключ, который передал мне Тобо, я вставил в круглое гнездо, расположенное на границе круга и дороги. Такие гнезда есть в каждом круге. А Ключ запирает дорогу. Он лишает Тени, проникшие через защитный барьер где-нибудь в другом месте, возможности напасть на нас.

— Нефы, — сказал Мурген.

Три существа у барьера были ясно видны всем. Двуногие, с уродливыми лицами — другие летописцы высказывали надежду, что это не лица, а маски. Теперь я понял, почему они так писали, хотя при взгляде на Нефов у меня появилось сильнейшее впечатление, что я их уже видел. Возможно, встречался с ними в снах. А снов, когда был похоронен заживо, я видел немало.

— Ты этих ребят знаешь, Мурген, — сказал я. — Попробуй с ними поговорить.

— Ага. А поговорив, я улечу к солнцу. — Никому еще не удавалось пообщаться с Нефами, хотя было очевидно, что они отчаянно желали с нами поговорить. Мы настолько чужие друг другу, что общение оказалось невозможным.

— Наверное, наш контакт с ними усилился. Ведь теперь мы видим их наяву. Мы ведь не спим? — Исторически Нефы являлись людям только в снах. И лишь в последние годы часовые у врат стали докладывать, что замечали их — примерно так же, как и приятелей Тобо.

Мурген с опаской подошел к барьеру. Я наблюдал. И одновременно краем глаза присматривался к поведению своих ворон. До самого заката они казались сонными, совершенно безразличными к миру. Появление Теней у барьера сделало их беспокойными, почти агрессивными. Они шипели, кашляли и издавали целый набор совершенно не свойственных воронам звуков. Тут явно происходило какое-то общение, потому что Тени им отвечали — хотя явно не так, как того желали вороны.

У Неизвестных Теней Хсиена есть общие предки с Хозяевами Непрошенных Мертвецов.

— Кажется, я и правда понимаю то, что они пытаются мне сказать, — восхитился Мурген.

— И что же это? — Я заметил, что моя жена пристально наблюдает за Нефами. Может, она тоже их понимает? Но у нее прежде не было опыта общения со сноходцами. Если не считать того, что она сама была кем-то вроде них, когда мы были похоронены.

Нет, заслуга тут целиком принадлежит этой троице. Они изучали нас достаточно долго и теперь сообразили, как до нас достучаться. Возможно.

— Они хотят, чтобы мы не шли дальше к центру равнины. И говорят, что нам следует идти другим путем, — сообщил Мурген.

— Судя по тому, что написано в Анналах, я бы сказал, что они пытаются уговорить нас сделать нечто отличное от того, что мы хотим, впервые с тех пор, как кто-то увидел их во сне. Просто до сих пор они не могли выразиться достаточно ясно.

— Первым их увидел я, — сказал Мурген. — И ты прав. Но я вот чего не могу понять — то ли они желают облегчить нам жизнь, то ли преследуют собственные цели. Оба варианта равнозначны.

Черная ворона еле слышно зашипела. Предупреждение. Я обернулся. Рядом с Мургенем возник дядюшка Дой в полном вооружении и застыл в двух шагах за его спиной, пристально наблюдая за Нефами. Через минуту он переместился почти на четверть круга вправо. Потом прошелся туда-сюда, присел на корточки, затем выпрямился, приподнявшись на цыпочках.

Вскоре к нему подошла Госпожа и тоже осмотрела то место под разными углами.

— Тут есть призрачная дорога, Костоправ.

Она вернулась, достала Ключ, который дал ей Тобо. Я присоединился к ней на обратном пути. На каменной поверхности круга неизвестно когда появилось гнездо для Ключа. Прежде его не было. Я это точно знал, потому что перед привалом обошел весь круг по периметру.

— Парень сказал мне, чтобы я не позволял тебе тратить время зря, пытаюсь его сэкономить. Возможно, как раз из-за этого, — сообщил Дой.

— Мурген, тебе известны дороги, пересекающие равнину не по радиусам, а поперек, напрямую?

— Такие должны быть. Их видела Дрема.

Теперь и я смутно припомнил нечто из своего первого похода через равнину.

Госпожа уже хотела вставить Ключ в гнездо, но я ее удержал:

— погоди. Впрочем, если ты ничего такого не ощущаешь... Дой, что скажешь? Это не опасно? — Сейчас Дой был для нас наиболее квалифицированным специалистом по магии.

— Вроде бы все в порядке.

Не очень-то ободряющий ответ. Но достаточно хороший.

Госпожа опустила Ключ в гнездо. Через несколько секунд призрачная дорога стала более зримой, превратившись в золотистое сияние, с трудом различимое, если смотреть на него прямо. Моим плечевым украшениям это не понравилось. Они принялись шипеть и плевать, а потом слетели и уселись у противоположного края круга, где затеяли перебранку с чем-то большим и темным, ползающим по наружной поверхности защитного барьера.

— Кажется, они хотят войти в круг, Капитан, — сказал Мурген. — И пересечь его.

— Да? — Вспомогательная дорога была теперь видна четче, чем главная. — Теперь мы можем выйти напрямую к первому кругу перед воротами в Хатовар, — пробормотал я и пошел собирать свои вещи.

— Не раньше утра, — остановил меня Дой. — Тобовелел, чтобы мы переночевали здесь.

Я огляделся. Очевидно, если я и смогу заставить кого-нибудь снова двинуться в путь на ночь глядя, то лишь сделав себя весьма непопулярным.

Хатовар ждал нас веками. И когда взойдет солнце, он никуда не денется. Мой интерес к Лизе-Делле Бовок уходил дальше, чем интерес к этому месту, — к городу под названием Арча, к тем временам, когда она еще познакомилась со Взятым, известным как Меняющий Облик. Если отложить правосудие на несколько часов, мир от этого не рухнет.

Я вздохнул, бросил свой мешок и пожал плечами:

— Тогда после завтрака.

— Пропусти их, — сказала Госпожа.

— Нефов? Ты что, шутишь?

— Мы с Доем с ними справимся, если что.

Интересно, откуда у нее такая уверенность? Ведь она ничего не знает о Нефах. Если только не встречалась с ними в снах.

Я отвел людей подальше от возможных неприятностей и расчистил Нефам путь.

— Все готовы? Тогда вынимай Ключ, Мурген. — Интересно будет посмотреть, позволит ли ему равнина это сделать.

Дой взмахнул перед собой Бледным Жезлом, обнажив восемь дюймов стали.

Ключ вышел из гнезда. Мурген отпрыгнул назад. Нефы рванулись в круг. И помчались через него к боковой дороге и далее по ней, даже не оглянувшись.

— Ох, не нравится мне это, — пробормотал Лозан Лебедь. Сноходцы явно торопились, но никто не мчит-ся так быстро. Обычно они постепенно становятся прозрачными, когда уходят. — Умчались обратно в страну снов.

— Так ты полагаешь, что если бы я пошел по этой дороге, то тоже угодил бы в страну снов? — задумался я вслух. Дорога тоже начала тускнеть. Никто не стал мне возражать.

— Тобо же говорил — не дергаться, — буркнул Дой.

Середина ночи. Меня что-то будит. Похоже на слабое землетрясение. Звезды над головой танцуют. После нового толчка они замирают. И это уже не те звезды, что висели над головой, когда я ложился. Совершенно иное небо.

— Туда! — настаивает Дой. Утро. Мы собираемся в путь, и Дой настаивает на том, чтобы направиться обратно туда, откуда мы пришли.

— Крепость в той стороне.

— Мы хотим прийти не в крепость, — напоминает Госпожа. — Мы хотим попасть в Хатовар.

— Но ведь это не значит, что нам нужно возвращаться, разве не так? — Тобо нас так и не догнал. И это меня вовсе не радует.

— А ты сходи проверь, Костоправ, — предлагает Лозан Лебедь. — Много времени не уйдет.

Мне надоело спорить, особенно перед всеми. Я не хочу, чтобы мое право руководить стало еще более сомнительным, чем уже есть. У нас у всех в сердце есть капелька вины. В моем она побольше, потому что я больше, чем любой из нас, купился на мистику Отряда.

— Я последую совету Лебеда. — Я указал на нескольких парней, выбирая спутников. — Вы поедете со мной. Седлайте мулов, и в путь.

И мы отправились, погоняя мулов.

— Глазам своим не верю. — И я не верил. Не мог поверить. Мои глаза наверняка лгут.

Лежа на краю равнины, я смотрел вниз на другой ландшафт, чья топография напоминала Кьяулун и Воронье Гнездо. Но здесь не было бурлящего, возрождающегося из развалин Кьяулуна. Не было взятой крепости под названием Вершина, некогда имевшей башню, откуда Длиннотень вглядывался в Сияющую равнину и высматривал тех, кто придет его погубить. Не было там и армейского городка с белыми домиками и аккуратными ступенчатыми полями на склонах холма вдалеке. Я увидел дикую местность, гораздо более сырую, чем две другие. Дикий кустарник и корявые деревья подступали почти вплотную к искаленным вратам. Строения возле них были единственными узнаваемыми признаками людской деятельности, и они лежали в руинах.

— Не высовывайся, — посоветовал Дой, когда я начал приподниматься. Это превратило бы меня в силуэт над горизонтом. Я и сам знал, что этого делать нельзя. А те, кто знает, чего делать нельзя, обычно и прокалываются в тот единственный раз, когда об этом забывают. Вот почему мы вколачиваем, вколачиваем и

еще раз вколачиваем это в головы новобранцев. — То, что там джунгли, вовсе не означает, что там нет наблюдающих за нами глаз.

— Ты прав. Я едва не лопухнулся. Никто не хочет угадать, сколько лет этим кустам? Я бы сказал, что от пятнадцати до двадцати, но все же ближе к двадцати.

— А какая разница? — поинтересовался Мурген.

— Форвалака прорвалась через ворота около девятнадцати лет назад. И сбежала, потому что Душелов была слишком занята, запихивая нас в могилу, чтобы гнаться за ней. А следом за форвалакой увязались Тени...

— О да. Она смылась не в одиночку.

— Я тоже так думаю. Тени прошли через ворота следом за ней и смели все, что мы отсюда видим.

Мурген хмыкнул. Госпожа и Дой кивнули. Они представили такую же картину.

Хатовар. Место, куда я стремился десятилетиями. Ставшее для меня навязчивой идеей. И уничтоженное, потому что у нас не хватило здравого смысла перерезать горло молодой женщине в одном городе очень давно и далеко.

И ценой этого милосердия стала главная роль в театре моего отчаяния.

Хотя надо признать, что тогда это не казалось нам важным и мы были очень заняты, пытаясь убраться подальше с целыми задницами.

21. Тагниос. Верховный главнокомандующий

Могаба откинулся на спинку кресла и улыбнулся:

— Не могу не пожелать, чтобы Нарайяну Сингху везло и дальше.

Расслабленный и довольный впервые за несколько лет, он снова вспомнил, что означают слова «жизнь хороша». Протектор умчалась в провинции, отдавшись своей страсти к искоренению религий. Следовательно, ее сейчас не было во дворце, где она постоянно портила

жизнь всем, кто действительно тянул лямку, стараясь, чтобы рутинная административная работа продолжалась.

Услышав имя живого святого Обманников, Аридата Сингх вздрогнул. Еле заметно, но вздрогнул. И это была уникальная реакция. Другие Сингхи никак не реагировали на это имя, разве что произносили обязательное проклятие в его адрес. С этим следовало разобратся.

— Проблемы в городе есть? — поинтересовался Могаба.

— Все тихо, — ответил Аридата. — Когда Протектора в городе нет и некому выставить идиотские требования, то все успокаивается. Люди слишком заняты, зарабатывая себе на жизнь, чтобы бунтовать.

У Гопала имелось иное мнение. Серые ежедневно патрулировали улицы и переулки.

— Надписей на стенах появляется все больше. И чаще всего — «Воды спят».

— И?.. — спросил Могаба, прищурившись, негромко, но напряженно.

— И все остальные тоже. «Их дни сочтены». «Рад-жахарма».

— И?.. — Могаба словно менял личности на манер Душелова. Возможно, подражал ее стилю.

— И та надпись тоже. «Мой брат не прощен».

Опять это суровое обвинение, которое всегда пробуждало в Могабе до сих пор дремлющее чувство вины за предательство Черного Отряда ради собственных амбиций. Ничего хорошего из этого не вышло. Он стал рабом собственного поступка. И его наказанием стало перемещение от одного злодея к другому. И служил он всегда самому злему, словно падшая женщина, переходящая от мужчины к мужчине на долгом пути, ведущем вниз...

Аридата Сингх, которому не терпелось уйти от разговора о Нарайяне Сингхе и Обманниках, вмешался в разговор:

— Один из моих офицеров доложил, что вчера появилась новая. «Тай Ким идет».

— Тай Ким? Что это? Или кто?

— Звучит, как имя нюень бао, — заметил Гопал.

— Нынче их в городе почти не осталось.

— С тех пор, как кто-то выкрал Радишу прямо из дворца... — Гопал смолк. Могаба вновь начал мрачнеть, хотя вина за это лежала на серых, а не на армии. Когда это случилось, Могаба находился в провинциях.

— Итак, все лозунги прежние. Но Отряд целиком сбежал через врата Теней. И погиб на той стороне, потому что они не вернулись.

Гопал мало знал о мире, простиравшемся за пределами привычных ему узких и грязных улочек.

— А может, кто-то из них вернулся, но мы просто об этом не знаем, — предположил он.

— Нет. Они не возвращались. Мы бы об этом узнали. С тех пор, как они ушли, Протектор держит там людей, которые отлавливают Тени. — Людей, которых она заманила к себе на службу жестоко ложными обещаниями научить обращению с Тенями и сделать Капитанами в ее будущем, пока еще тайном предприятии.

Никто из них не прожил долго. Тени оказались умны и настойчивы. И очень многие сумели вырваться на свободу, обманув неопытных новичков, и успевали погубить своих мучителей, погибая потом сами.

Душелов хотела быть уверена, что угроза катастрофы постоянно остается в силе.

Могаба закрыл глаза, снова откинулся на спинку, сплел черные пальцы.

— Мне очень нравится, когда рядом нет Протектора.

Произнести эти слова небрежно оказалось очень нелегко. У Могабы перехватило горло, а на грудь словно навалилась огромная тяжесть. Могабе стало страшно.

Душелов наводила на него ужас. За это он ее ненавидел. И за это же презирал себя. Ведь он Могаба, верховный главнокомандующий, лучший, умнейший и сильнейший из всех воинов-наров Джии-Зле. Для него страх должен быть инструментом, с помощью которого управляют слабыми. И сам он не имеет права его испытывать.

Могаба мысленно произнес мантры воина, зная, что выработанные с детства привычки помогут преодолеть страх.

Гопал Сингх — функционер. Он очень хорош, командуя серыми, но далеко не прирожденный конспиратор. Как раз это и стало одним из качеств, сделавшим его привлекательным для Протектора. Вот и сейчас он не осознал подтекста фразы верховного главнокомандующего. В некоторых вещах Аридата Сингх был настолько же наивен, насколько красив. Но все же он понял, что Могаба намекает на нечто такое, что может стать великим водоразделом всей их жизни.

Могаба поддерживал возвышение Аридаты из-за его наивности в оценке сложных мотивов других людей и из-за его восторженного идеализма. И он не сомневался, что сумеет приподнять Аридату с помощью рычага под названием «раджахарма».

Аридата нервно повертел головой. Он слышал старую поговорку о том, что во дворце и стены имеют уши.

Могаба подался вперед, поджег от лампы фитиль дешевой сальной свечки и поднес огонек к каменной чаше, наполненной темной жидкостью. Гопал промолчал, хотя использование животного продукта оскорбляло его религиозные чувства.

Содержимое чаши оказалось горючим и вонючего черного дыма при горении производило больше, чем огня или света. Дым поднялся к потолку, затем стек по стенам и стал медленно выползать через двери. Его распространение сопровождалось карканьем и громкими жалобами невидимых ворон.

— Нам придется лечь на пол на несколько минут, пока дым не рассеется, — сказал Могаба.

— Ты и правда предлагаешь то, о чем я подумал? — прошептал Аридата.

— У тебя могут быть иные причины желать этого, — прошептал в ответ Могаба, — но я думаю, что нам всем станет лучше, если Протектора не станет. Особенно народам Таглиоса. Что скажете?

Могаба ожидал, что Аридата согласится легко. Солдат серьезно относился к своим обязательствам перед людьми, которым служил. И он кивнул.

Больше всего Могабу тревожил Гопал Сингх. У него не имелось очевидных причин желать перемен. Все серые были шадаритами, которые традиционно имели малое влияние в правительстве. Союз с Протектором наделил их властью, превосходящей их численность. И вряд ли они охотно согласятся эту власть утратить.

Гопал нервно огляделся, совершенно не замечая, как пристально наблюдает за ним Могаба, и выпалил, хотя и шепотом:

— Она должна уйти. Серые уже давно так думают. Даже Год Черепов не может стать страшнее того, что мы уже пережили из-за нее. Но мы не знаем, как от нее избавиться. Она слишком могущественна. И слишком умна.

Могаба расслабился. Значит, серые все же не влюблены в свою благодетельницу. Интересно. Превосходно.

— Но мы никогда от нее не избавимся. Она всегда знает, о чем думают все вокруг нее. А мы из-за страха не сможем об этом не думать. Она все разнюхает за десять секунд. И вообще, мы уже ходячие мертвецы только потому, что заговорили об этом.

— Тогда немедленно отправь свою семью из города, — посоветовал Могаба. У Душелова имелась привычка искоренять своих врагов до седьмого колена. —

Я много над этим размышлял. И считаю, что достичь цели мы сможем только одним способом: заранее все подготовить и нанести удар быстрее, чем она успеет осмотреться и догадаться. И мы можем так все подстроить, что она вернется уже измотанная. Это даст нам необходимое преимущество.

— В любом случае, удар должен стать внезапным, массированным и совершенно неожиданным, — проворкотал Аридата.

— Она начнет подозревать, — сказал Гопал. — Вокруг слишком много тех, кто верен ей, потому что без нее они станут мертвецами. И они ее предупредят.

— Нет — если мы не увлечемся. Если только мы трое будем знать, что происходит на самом деле. Мы главные. Мы можем отдать любой нужный нам приказ. И люди не станут задавать вопросы. На улицах начались волнения, и они усиливаются. Люди ожидают от нас ответных действий. Многие ненавидят Протектора. И у них окажутся развязаны руки, пока ее нет. И это дает нам оправдание почти для любых наших поступков. Если мы воспользуемся в основном теми, чья верность Протектору абсолютна, и позволим им делать почти всю работу и доставлять ей сообщения, то у нее не окажется причин что-либо заподозрить, пока не станет слишком поздно.

Гопал взглянул на него, как на фантазера, выдающего желаемое за действительное. Может, так оно и есть. Могаба добавил:

— Я только что сказал все, о чем думаю. И мне некуда бежать.

Они-то были местными и могли затеряться где-нибудь в провинциях. Могабе прятаться было негде. А о возвращении в Джии-Зле вот уже двадцать пять лет не могло быть и речи. Оставшиеся на родине нары прекрасно знали о его предательстве.

— Тогда каждый день и любыми способами мы должны действовать исключительно на благо Протек-

тора, — высказался Аридата. — Пока не создадим капкан, который сможет захлопнуться вот так. — Он хлопнул в ладоши.

— У нас будет только одна попытка, — напомнил Могаба. — Потому что через пять секунд после поражения мы все уже будем молить о смерти. — Он сделал короткую паузу, разглядывая дым. Тот почти рассеялся. — Так вы со мной?

Оба Сингха кивнули, но без особого рвения. Если честно, то у них имелся лишь очень слабый шанс пережить это приключение.

Могаба сидел в своем жилище, глядя на полную луну, и гадал о том, не слишком ли легко все прошло. Искренне ли Сингхи заинтересованы в избавлении Таглиоса от Протектора? Или они лишь подыгрывали ему, решив, что в тот момент Могаба для них опаснее Душелова?

Если они притворялись, то правду он узнает лишь тогда, когда Душелов вонзит зубы в его горло.

Теперь ему надолго предстояло завести тесное знакомство со страхом.

22. Хатовар. Вторжение

Лебедь вызвался пойти со мной к вратам, но я отказался:

— Возьму-ка я с собой свою женушку. Нам редко удастся пойти куда-нибудь вместе. — К тому же рука у нее будет потверже, когда дело дойдет до починки врат. Даже издалека и сверху было видно, что им нужен ремонт.

Рассмотрев врата вблизи, я сказал своей ненаглядной:

— Бовок их почти проломила, когда пробиралась на ту сторону.

— За ней гнались Тени. Так сказала Дрема, а ей это показал Шевитья. Пообещай, что будешь вежлив,

и не станешь хлопать дверью, если они за тобой погонятся.

— Даже думать об этом не хочу. Мы тут в безопасности? На той стороне за нами никто не наблюдает?

— Не знаю.

— Что?

— У меня мало сил здесь, на равнине. Жалкая одна сотая от прежних возможностей. Но за воротами я вполне могу стать глухой, немой и слепой. И мне останется лишь притворяться.

— Значит, получается, что Кина жива?

— Возможно. Если только я не подпитываюсь от Шевитьи или какой-нибудь остаточной и дремлющей силы. На равнине много странных энергий. Они просачиваются туда из разных миров.

— Но ты полагаешь, что снова черпаешь магическую силу у Кины. Разве не так?

— Если так, то она не просто спит. Она в коме.

— Вон там!

— Что там?

— Кажется, я заметил там какое-то движение.

— Это просто ветер шевелит ветки.

— Ты так думаешь? Я все же не собираюсь рисковать.

— Стой на страже. А я займусь воротами.

Мы прошли. В Хатовар. У меня не возникло ощущения, будто я отыскал дорогу в рай. Или что я вернулся домой. Я испытывал разочарование, которого ожидал почти с того момента, когда осознал, что страстное желание отыскать Хатовар было мне навязано. Врата Хади привели меня в дикие джунгли.

Клетус и Лофтус принялись разбивать лагерь неподалеку от врат, чтобы мы могли при необходимости быстро сбежать на равнину. А я так и стоял у самых врат, разглядывая мир, где родился Черный Отряд.

Именно такое разочарование я и предвидел. Возможно, даже более сильное.

Что-то шевельнуло волосы на затылке. Я обернулся. Я ничего не увидел, но четко почувствовал, как нечто только что прошло через врата.

И тут я уловил краем глаза движение. Нечто темное. Большой и уродливый силуэт.

Черная Гончая.

Затылка снова коснулся холодок. Потом еще раз.

Быть может, Тобо все-таки идет к нам?

Одна из моих ворон, черная, уселась на ближайший валун. Разразившись целым потоком шипящих звуков, она склонила голову, уставилась на меня желтым глазом и произнесла:

— На сорок миль вокруг здесь нет обитаемых людских поселений. Возле горного выступа на северо-востоке лежат заросшие лесом руины города. Есть признаки, что там время от времени бывают люди.

Я разинул рот. Чертова птица выражалась куда лучше, чем многие из моих спутников. Но не успел я начать разговор, как она снова взмыла в воздух.

Значит, в этом мире есть люди. Но до ближайших из них минимум три дня пути.

Упомянутый птицей горный выступ находился там, где в нашем мире стояла крепость Вершина. А руины, вероятнее всего, находились на том же месте, что и Кьяулун.

Снова холодок на затылке. Неизвестные Тени продолжали прибывать.

Я вернулся в лагерь. Братья-инженеры были уже немолоды, но работали эффективно. В лагере уже можно было жить — пока не начнется дождь.

А дождя ждать недолго. Было очевидно, что дожди тут идут часто.

Горели костры. Кто-то убил дикую свинью, и она уже жарилась на вертеле, издавая восхитительный запах. Ставились палатки. Были выставлены часовые.

Дядюшка Дой назначил себя сержантом караула и поочередно обходил четыре сторожевых поста.

Я выждал, пока Мурген не нашел себе какое-то занятие, и поманил к себе Лебеда и Госпожу:

— Давайте подумаем, что нам делать теперь. — Я взглянул в глаза жене. Она поняла, что я хотел узнать, и покачала головой.

В Хатоваре не нашлось источника магической энергии, на котором она смогла бы паразитировать.

— Я не ожидал увидеть здесь башни из жемчугов и рубинов на золотых улицах, но это нелепость какая-то, — высказался я и взглянул на Доя и Мургена. Они пока не проявляли к нам интереса.

— Пустышку тянем, — фыркнул Лебедь, переходя сразу к сути. — Там, за воротами, целый мир. И, похоже, почти пустой. Как же ты собираешься отыскать там того монстра-убийцу?

— Я думал об этом, пока стоял и разглядывал этот мир. В том числе и об этом. И у меня возникло зловещее предчувствие. Но, во-первых, известно ли кому-нибудь из вас, знает ли Дрема что-либо о Хатоваре?

В свое время Госпожа внесла свой вклад в Анналы и теперь старалась быть в курсе того, чем их пополняют ее последователи. Она покачала головой и сказала:

— Судя по тому, что она написала, — немного.

Лебедь повертел головой. Поблизости никого не было, и он негромко спросил:

— Она ведь ничего не писала с тех пор, как вы вернулись, разве не так?

— И что это означает? — поинтересовался я.

— А то, что за эти годы Тобо, Суврин и их приятели побывали у большинства врат. А к воротам в Хатовар они ходили несколько раз.

— А ты откуда знаешь?

— Разнюхал. Подслушал то, что не должен был услышать. И я знаю, что Суврин и Тобо ходили сюда, когда ты был ранен. Только они двое. А по-

том, когда мы были в Хань-Фи, Суврин был здесь снова. Один.

— Значит, я прав. Нас обманули. Но почему ты раньше об этом не сказал?

— Это же было связано с Хатоваром. И я думал, что ты сам за всем этим стоишь.

Госпожа хрипловато усмехнулась, и я понял, что она догадалась о правде.

— Вот ведь хитроумная ведьма. Ты и правда так думаешь?

— А чего я не понял? — уточнил Лебедь.

И я пояснил:

— Я думаю, что мы попали сюда, в Хатовар, вовсе не потому, что я такой умный и хитрый, а потому, что Дрема захотела, чтобы мы, старые пердуны, не путались у нее под ногами, когда она прорвется обратно в наш родной мир. Спорю на что угодно, но вся наша армия сейчас идет туда. И никто из нас не задает Дреме вопросы, не лезет с советами и не уговаривает ее действовать по нашим традициям.

Лебедь некоторое время молчал, обдумывая мои слова. Потом долго вертел головой, разглядывая тех, кто решил пойти против воли командира ради мести за Одноглазого. Наконец он сказал:

— Или она действительно настолько хитроумная сучка, или мы так давно терлись среди всяческого жулья, что нам повсюду мерещатся всяческие махинации.

— Тобо знал, — возразил я. Тобо наверняка в этом замешан. И он позволил отцу и дядюшке Дою пойти с нами... — Знаешь, я настолько поддался паранойе, что решил поставить охрану у врат с хатоварской стороны. А охранникам навру, что некий демон в облике одного из наших людей может попытаться сломать врата, чтобы мы не смогли уйти из Хатовара.

Ни Госпожа, ни Лебедь возражать не стали. Лебедь лишь заметил:

— Ты *точно* параноик. Думаешь, Сари не размажет Дрему по стенке, если выяснится, что Тай Дэй, Мурген и Дой оказались здесь в ловушке?

— Я думаю, что мы живем в безумной вселенной. И что почти все, что только можно вообразить, может произойти. Даже самая жестокая и черная подлость.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросила Госпожа.

— Убить форвалаку.

— Мурген заметил, что тут что-то происходит, — предупредил Лебедь. — Он идет сюда.

— Я собираюсь сыграть в одну игру. Тобо послал через ворота следом за нами нескольких своих питомцев. Так давайте сделаем так, чтобы они не смогли вернуться, пока мы им не разрешим. А мы с их помощью отыщем форвалаку. И убьем ее.

23. Сняющая равнина. Безымянная крепость

Дрема направилась к крепости в центре равнины из нежелания прислушиваться к советам срезать путь. И показанные Шевитьей кратчайшие пути не заставят ее отказаться от первоначального намерения — исследовать корни ее схемы завоевания Таглиоса.

Имелась некая временная сила, превосходящая даже самое могущественное волшебство. Жадность. А она владела источником того, что жадность ценила больше всего: золота. Не говоря уже о серебре, жемчуге и драгоценных камнях.

Тысячи лет беглецы из многих миров прятали свои сокровища в пещерах под тронем Шевитьи. Кто знал, почему? Возможно, Шевитья. Но Шевитья ничего не рассказывает — если только рассказанное не помогает ему приблизиться к собственной цели. У Шевитьи разум и душа бессмертного паука. У него нет ни жалости, ни сочувствия, он знает лишь свои обязанности и свое желание покончить с ними. Он

стал союзником Отряда, но никак не его другом. И он мгновенно уничтожил бы Отряд, если бы это пошло на пользу его замыслам, а у него появилась такая возможность.

А Дрема хотела прикрыть себе спину.

— Где Нож? — спросила она Баладитая.

Баладитай вздохнул рассказывая ей об открытиях, сделанных с тех пор, как она поручила ему эту миссию. Дрема ощутила укол вины. И вспомнила, как он восторгался новыми знаниями — так давно и так далеко отсюда. Но сейчас она отвечала за тысячи людей, и ей предстояло выдержать очень жесткий график, не оставляющий времени на простые удовольствия. В подобных случаях она иногда становилась раздражительной и грубоватой.

— Он внизу. И вообще он редко оттуда поднимается.

Раздраженная, Дрема огляделась в поисках кого-нибудь достаточно молодого, чтобы шустро спуститься на милю под землю, и заметила спорящих Тобо и Сари. Зрелище вполне обычное. Но в последнее время не столь частое. Они начали сшибаться лбами с тех пор, как Тобо вошел в подростковый возраст.

Один из его джиннов спустится вниз куда быстрее, чем пара самых молодых ног.

— Тобо!

На лице парня мелькнуло раздражение. Все постоянно от него чего-то хотят.

Он отреагировал. Но не повел себя вызывающе. Он никогда так не поступал. Его спокойное, еще не окончательно сформировавшееся лицо приняло безупречно нейтральное выражение. Даже поза его никоим образом не выдавала, о чем он может думать. Дреме редко доводилось видеть у кого-либо подобную непроницаемость. А ведь он еще так молод.

Тобо просто стоял, ожидая, пока она скажет, чего от него хочет.

— Там где-то внизу Нож. Отправь одного из своих посланников и передай, что я хочу его видеть.

— Не могу.

— Почему?

— Ни одного из них здесь нет. Я же объяснял. Известные Тени ненавидят равнину. И их очень трудно уговорить перебраться сюда. А большинство из тех, кто оказывается здесь, не желает делать что-либо для людей. И каждый раз такие просьбы выводят их из себя. А у тебя тут под боком целый полк. И там наверняка отыщется солдат, которому нечем заняться.

Ехидный безбожник. Вокруг крепости сейчас прохладжались тысяча двести солдат, которым предстояло вести караван с сокровищами. А пока им действительно было нечем заняться.

— Мне нужен был способ сделать это побыстрее. — Едва Отряд оказывался на пустынной равнине, то не мог потратить зря даже лишний час, несмотря на всю помощь Шевитьи.

От Суврина тоже не было хороших новостей. Надо было отправить вместе с ним Тобо. Или, в крайнем случае, Доя или Госпожу. Того, кто лучше умел обращаться с Известными Тенями. Уже должно было поступить известие как минимум о том, что плацдарм захвачен.

— Тогда тебе лучше спуститься самой, — посоветовал Баладитай. — Потому что с начальством помельче он и разговаривать не станет.

— Что? Почему?

— Потому что он слышит зовущие его голоса. И пытается придумать, что им ответить.

— Проклятье! — Дрема мгновенно впала в ярость. — Это пустоголовое ничтожество! Да его...

Тобо и Баладитай ухмыльнулись. Дрема заткнулась. Она вспомнила времена, когда братья из Отряда специально выводили ее из себя, лишь бы полюбо-

ваться, насколько изобретательной она становится в выборе выражений и обещаний всяческих кар.

— Надо было мне описывать вас такими, какие вы на самом деле, — процедила она. — Не тебя, Баладитай. Ты-то человек. — Она метнула в Тобо гневный взгляд: — А насчет тебя я начинаю сомневаться.

— Для неверующего сойдет, — пробормотал Баладитай.

— Да. Что ж. Вас, потерянных душ, куда больше, чем нас, знающих Истину. И я должна быть светочем божьим в Стране Наших Печалей.

Баладитай нахмурился, потом сообразил. Дрема и в самом деле посмеивалась над своим отношением к тем, кто не разделял ее религиозных взглядов и вместе с прочими неверующими составлял население Страны Наших Печалей. Которая прежде, когда веднаиты были более многочисленны и проявляли больший энтузиазм в спасении неверных от вечных мук, называлась Царством Войны.

И только Уверовавшие обитали в Царстве Мира.

— Тобо, даже не пытайся увильнуть! — рывкнула Дрема. — Ты пойдешь со мной вниз. Так, на всякий случай — если он и правда слышит голоса.

— Для меня это весьма веский довод, чтобы держаться от него подальше.

— Тобо!

— Пойду по твоим стопам, Капитан. Чтобы никто не напал на тебя сзади.

Дрема нахмурилась. Она так и не смогла привыкнуть к неформальным отношениям и внешней непочтительности к командирам, бывшими отличительной чертой культуры Отряда задолго до того, как она к нему присоединилась.

Солдаты над всем насмехались, а насчет остального жаловались. И тем не менее, дело делалось.

Торопливо спускаясь по лестнице, Дрема разминувшись еще с несколькими подчиненными. Все из Хспена.

Она восхитилась результатом работы своего учебного полка. Многие из тех, кто присоединился к Отряду, были отбросами Страны Неизвестных Теней, преступниками и беглецами, бандитами и дезертирами из местных армий, и дураками, думавшими, что поход вместе с Солдатами Тьмы станет великим приключением. Теперь же, подтянутые, сильные и уверенные, они смотрелись отлично. И звон стали, который им предстояло услышать, вероятно, раньше чем они предполагали, станет для них окончательной закалкой.

Спускаясь, Дрема видела десятки человек, все еще занятых переноской сокровищ наверх. Идущий сзади Тобо спросил:

— А ты уверена, что не перестаралась с ограблением гробниц? Мы уже набрали столько, что можем сделать богачами всех солдат. — Это факт не ускользнул от внимания некоторых рекрутов с уже запятнанной репутацией. Но искушение легко преодолеть, когда знаешь, что только твой Капитан сможет вывести тебя с долины живым и что Неизвестные Тени начнут на тебя безжалостную охоту, если замыслишь что-нибудь, уже уйдя с нее.

— Нам не одолеть Протектора, имея всего восемь тысяч солдат, Тобо. Нам нужно тайное оружие и умножители силы. Золото годится для обеих целей.

Иногда Капитан тревожила Тобо. Однажды, когда у нее была куча свободного времени, она слишком близко подобралась к библиотеке с книгами по военной теории. И с тех пор завела привычку выдавать фразочки вроде «стратегический центр гравитации» и «умножители силы», причем именно в те моменты, когда это вызывает лишь недоумение и озабоченность слушателей.

Тобо это заботило еще и потому, что ветераны — Костоправ, Госпожа и другие — все это одобряли. А это означало, что *он* чего-то не понимает.

— Здесь мы задержимся, — сообщила Дрема, когда они достигли уровня ледяных пещер, где находились Плененные, и приказала идущим за ней: — Вы четверо отнесите наверх двух спящих. Ревуна и Длиннотень. Ревуна мы прихватим с собой. Тобо тоже. А Длиннотень рабочая бригада доставит в Хсиен на суд. Вы двое останетесь с нами.

Ледяные пещеры казались лишенными времени и неизменными. Мороз очень быстро скрывал мелкие следы любых посещений. А мертвецов от заколдованных можно было отличить лишь при внимательном осмотре, да и то если знать, какие признаки нужно искать.

— В пещеру не заходить, пока мы вас не позво-
вим, — продолжила Дрема. — Иногда эти заморо-
женные помирают, даже если на них дохнуть. — Вни-
мательное исследование показывало, что такое уже
случалось. А трупами стали как несколько Пленен-
ных, так пяток их таинственных предшественников,
чье присутствие в пещерах Шевитье еще предстояло
объяснить.

Демон не поделился еще очень многими знаниями.

— Нам нужно, чтобы эти двое отправились на-
верх, не проснувшись, — сказала Дрема Тобо.

— Я должен снять стасис. Иначе они умрут, едва к
ним прикоснутся.

— Это я понимаю. Но хочу держать их в таком
состоянии, чтобы они не смогли доставить неприятно-
сти. Если Длиннотень по дороге проснется, то его не-
кому будет контролировать.

— Дай мне сделать свою работу.

Обиделся. Дрема расположилась между юным ма-
гом и входом в пещеру — на случай, если любопыт-
ство солдат перевесит здравый смысл. Она восхити-
лась тем, как быстро лед восстанавливал повреждения
и какими паутинно-деликатными были некоторые из
структур вокруг спящих стариков. Теперь, если не

считать пустого пространства после Ревуна, в пещере почти не осталось следов, оставленных в тот день, когда Плененных освободили. В этой части пещеры пол становился наклонным и сворачивал в сторону, а сама пещера — настолько узкой, что любой исследователь вынужден был ползти. И если проникнуть достаточно далеко, то попадешь в то место, где во времена древних преследований были спрятаны почти все священные реликвии культа Обманников. Отряд их уничтожил, уделив особое внимание могущественным Книгам мертвых.

Отправив двух спящих колдунов на поверхность, Дрема долго молчала. Она, Тобо и двое молодых солдат продолжили спуск в подземелье. Ее мысли занимали две проблемы. Первой был непонятный источник бледно-голубого света, просачивающегося сквозь лед в пещере стариков, а вторую она сформулировала вслух так: «Каков центр гравитации таглиосской империи?» Последнее ее интересовало гораздо больше. Первое было лишь любопытством и не имело особого значения. Наверное, просто свет из другого мира.

— Душелов, — ответил Тобо. — Ты не должна об этом думать. Если убьешь Протектора, то останешься лицом к лицу с огромной змеей без головы. Радиша и Прабриндрах Драха тут же объявят себя правителями, и всему делу конец. — В его изложении все звучало просто.

— Если не считать охоты на верховного главнокомандующего.

— И на Нарайяна Сингха. И Дщерь Ночи. Зато Протектор — единственная часть задачи, с которой мы не сможем справиться с помощью Черных Гончих.

Дрема отметила, как дрогнул его голос, когда он упомянул Дщерь Ночи. Тобо увидел ведьму, когда она была пленницей Отряда, еще до бегства в Страну Не-

известных Теней. И Дрема не могла не отметить, какое ошеломляющее впечатление девушка тогда произвела на Тобо.

Капитан не замечает лишь очень немногое. И ничего не забывает. И нередко ошибается.

Но устроив так, чтобы ветераны не путались у нее под ногами и не заглядывали через плечо, она допустила грубейшую ошибку.

Дрема обнаружила Ножа, стоящего перед стеной мрака. Он был напряжен, в левой руке болтался фонарь. Было очевидно, что он провел здесь много времени — ступеньки усеивали пустые баночки из-под масла для фонаря. Содержимое этих баночек предназначалось для Баладитая и тех, кто поднимал наверх сокровища.

— Нож! В чем дело?.. — раздраженно спросила Дрема.

Нож махнул рукой, делая знак молчать:

— Слушай.

— Что?

— Просто слушай. — И, когда Дрема уже почти исчерпала свой запас терпения, добавил: — Вот это.

И она четко услышала слабый и далекий крик:

— Помогите!

Тобо тоже его услышал и вздрогнул:

— Капитан...

— Вызывай кошку Сит. Или Черную Гончую.

— Не могу. — Он не мог ей сказать, что нарушил ее инструкции, отослав почти все Черных Гончих на помощь Костоправу и Госпоже.

— Почему?

— Они откажутся сюда спускаться.

— Тогда заставь их.

— Не могу. Они партнеры, а не рабы.

Дрема пробормотала что-то о проклятиях и общении с демонами.

— Вы не сможете пройти дальше этого места, — сказал Нож, отвечая на незаданный вопрос. — Я сам тысячи раз пытался. У всего Отряда не хватит силы воли, чтобы сделать еще один шаг вниз. Я не могу бросить туда даже пустую банку из-под масла.

— А полные у тебя есть? — спросила Дрема.

— Вон там.

Дрема взяла три полные баночки. Две она бросила Ножу под ноги и велела:

— Отойди назад. — Масло из разбитых баночек не испугается колдовского мрака. — Теперь подожги его.

— Что?

— Подожги масло.

Нож с заметным нежеланием наклонил фонарь и вылил из него несколько капель горящего масла.

Лестница наполнилась пламенем.

— Проклятье! — взвизгнул Тобо. — Зачем ты это сделала?

— Теперь видишь, зачем? — отозвалась Дрема, заслоняя лицо ладонью от жара.

Мрак не смог одолеть пламя.

— Всего на две ступеньки ниже начинается пол, — сказал Тобо. — А на нем валяются монеты.

Дрема опустила руку и шагнула мимо Ножа. Тобо последовал за ней. Ошеломленный Нож вновь попытался пробиться вперед. И пошатнулся, не встретив ожидаемого сопротивления. Но почему оно внезапно исчезло?

Нож не сомневался, что если бы масло поджег он сам, то ничего бы не изменилось.

— Капитан, будь очень осторожна.

Темнота ждала.

— Помогите!

Голос стал громче и более настойчивым. И достаточно ясным для опознания.

— Капитан, и в самом деле, будь очень осторожна. Но это невозможно! Он никак не мог остаться в живых.

— Помогите!

Крики Гоблина звучали все более тревожно.

24. Хатовар. Нечестивая страна

Вот уже четыре дня, как мы в святой земле моей мечты. Мы ничего не обрели. И кое-что потеряли. Старый член отряда по имени Магарыч мертв. И Чо Дай Чо, он же Джоджо — нюень бао, так долго бывший ленивым телохранителем Одноглазого, тоже.

Тени прикончили их в первую же ночь. Тени-убийцы, сбежавшие с Сияющей равнины после того, как форвалака, прорываясь, повредила врата. Тени, уничтожившие население в этой части Хатовара.

Когда мы узнали, что они здесь есть, то принялись без особого труда приманивать и уничтожать их. Подобного опыта у нас хватало. Но метод предостережения оказался чрезвычайно неприятным.

Он мог оказаться и хуже. Сам факт того, что местность возле врат опустошена, насторожил всех.

За последующие ночи мы уничтожили в общей сложности девять Теней. И я стал надеяться, что это благоприятное предсказание для остальной части этого мира, если уж Тени стали настолько редки.

Их помогали уничтожать и Черные Гончие. Они ненавидели своих неприрученных кузенов с равнины. И очень их боялись. Хотя эти Тени и казались менее агрессивными по сравнению с теми, с которыми мы встречались в прошлом.

Гончие провели и дальнюю разведку, но не обнаружили живых людей южнее хатоварского эквивалента Данда-Преш. Признаков форвалаки они также нашли очень немного, зато смогли отыскать ее след. Он оказался настолько четким, что мои вороны заподозрили, что он был оставлен таким намеренно.

— Ты и правда хочешь снова пересечь эти горы? — спросил Лебедь.

— Он и так выглядит совершенно измотанным, — заметила Госпожа. — А ведь мы не прошли еще и фута.

— Сейчас было бы самое время воспользоваться ковром-самолетом, — признался я.

— Нам многое могло бы пригодиться. Например, не помешали бы несколько черных жерсецов из Чар. И лишняя сотня пускателей огненных шаров тоже. А ты не захотел украсть коня у Дремы.

— Но я ведь не мог, разве не ясно? Он же остался последний. И она заметила бы его пропажу.

— Зато она не заметила, что рядом с ней нет тебя, меня и прочего помета, выпавшего из гнезда тупоумия.

— Какой замечательный образ, — прокомментировал Лебедь. — А вот и главные птички нашей стаи. — К нам приближались Мурген, Тай Дэй и дядюшка Дой. Как и всем остальным, им хотелось узнать ответ на вопрос «Что делать дальше?», который я пообещал дать сегодня днем.

— Так что будем делать, начальник? — спросил Мурген.

— Идти за форвалакой. Здесь мы не можем оставаться. Тени погубили почти всю дичь.

Они просто убивали. Они станут убивать даже насекомых, если войдут в раж. А крупных животных они не трогают, лишь если им подворачивается возможность высосать жизнь из человека.

— Думаешь, поэтому она и ушла отсюда? — спросил Мурген.

Это лишь часть ответа.

— Ей тоже нужно что-то есть. — Брошенный на спутников взгляд показал, что огонь мести внутри них полыхает уже не столь жарко.

— Но здесь есть пища, — возразил Дой. — И ее не так уж трудно отыскать. Я видел диких кабанов и каких-то маленьких оленей, которых не смог распоз-

нать. Видел кроликов и несколько видов других грызунов, поменьше. И я говорю, что еды ей здесь хватило бы, пожелай она остаться. И еще я скажу, что Тени здесь уже давно не охотились, иначе я вообще не увидел бы тут животных. Монстр наверняка воссоединился со своими союзниками. А Теней послали шпионить за нами.

— Продолжай, — сказал я.

— Я изучил несколько различных оставленных ей улики. Быть может, они лишь дополняют поверхностную картину. Рейд обезумевшего чудовища. Но, по-моему, такой ответ слишком прост. И я чувствую, что за этим кроется нечто большее. Безумие и месть как мотивы сюда не укладываются. Но вот если она работает на пару с каким-нибудь местным...

Я размышлял над этим едва ли не с того момента, как вышел из комы. Но мне не хватало информации для поддержки моих предположений.

Я хмыкнул.

— Монстр наверняка знал, что его будут преследовать. У Солдат Тьмы есть такая репутация. И они уже пытались ее убить по куда менее веским причинам.

— А Гоблин, как мне помнится, еще и пытался ей помочь. А она отплатила ему тем, что напала на него прежде, чем он успел принести ей хоть какую-то пользу.

Дой продолжил:

— Чтобы добраться до Хсиена, она должна была пройти через двое врат. И она каким-то образом узнала, что Одноглазый именно там. К тому же она знала, что эти врата повреждены. Так что, даже если по дороге ей ничто не грозило, она не могла не знать, что станет уязвима, проходя через врата. Но она не пострадала. Далее, расстояние между вратами окажется очень большим, если она не получит помощь от Шевиты. Но у нас нет причин полагать, что он ей помогал. И на

первый взгляд создается впечатление, что ей предстоит слишком долгое, опасное и голодное путешествие — если она надеялась лишь убить Одноглазого и не опиралась на чью-то поддержку.

Я взглянул на Госпожу, потом вновь на Доя. Он был столь же умен, как и я.

— Понятно. Разумеется, без чьей-то помощи она бы не справилась. Без помощи Теней и особенно без пищи. У нее не имелось ни единого шанса прокормиться, пока она находилась в Хсиене. Ее по пятам преследовали Гончие.

— Значит, у нее были помощники, рассчитывавшие на крупное вознаграждение, — подвела итог Госпожа, — Интересно, на какое?

— А как насчет того, что мы четыре года выковыривали из Страны Неизвестных Теней? — предположил Мурген. — Секреты врат.

Все кивнули.

— Но как они могли узнать? — спросил я. — И зачем им это? Чтобы через врата никто не мог просочиться? Но разве Шевитья не говорил, что до такого уровня врата сами себя чинят? Тобо и Суврин никогда не находили открытых врат, разве не так? — Я предположил, что Дой знаком с приключениями Тобо.

Все взгляды обратились ко мне.

— Ведь здесь Хатовар. Откуда вышли все Свободные Отряды, — предположил Мурген.

— Более четырехсот лет назад. Теперь уже ближе к пятистам. Про это здесь могли вообще позабыть.

— А может, и не забыли.

— И еще они должны располагать какими-то знаниями о вратах. Ведь они провели Бовок через эти врата, затем в Хсиен и обратно, потом снова сюда. И ничего при этом не уничтожили.

— Мы можем предположить еще и то, что здесь кто-то умеет управлять Тенями, — добавила Госпожа.

— Почему?

— Это вытекает из того факта, что Бовок добралась до Хсиена и вернулась. А также из того, что мы имели бы здесь дело с гораздо большим количеством Теней, если бы вся их стая прорвалась и опустошила этот мир, когда Бовок впервые прошла через врата. Дой сказал, что здесь есть дичь. Если бы Тени, которых мы уничтожили, были дикими, то они убили бы всю дичь. Значит, их послали наблюдать за нами.

— Проклятье! — прорычал я. — Мурген! Когда ты был в Хань-Фи, то не слышал ли байки о Хозяине Теней, с которым мы еще не расправились? Уж не предстоит ли нам здесь столкнуться лбами с каким-нибудь древним мстителем за Длиннотень?

— Мы рассчитались со всеми. И если здесь кто и окажется, то местный. — Вполне возможно. Двое из тех троих, кого мы уничтожили в нашем мире, были именно такими. А одного приспешница Госпожи сочла мертвым, а он сбежал.

Продолжение разговора привело к выводу, что нас могли заманить в Хатовар специально, чтобы выбить из нас любые сведения, которыми мы могли обладать.

Госпожа даже сейчас оставалась ценнейшим хранилищем магической информации.

Затем я отошел в сторону и остался наедине с воронами. Одной я велел отправить Неизвестные Тени на разведку, наказав лететь сколько потребуется, пока не обнаружатся ближайшие туземцы. Другую я отослал к Тобо с подробным и честным отчетом, изображая дело так, словно Дрема послала нас в Хатовар и ждет от нас регулярных сообщений.

Я надеялся, что Тобо воспользуется полезными намеками. И что он знает о Хатоваре больше, чем изображает.

Ни я, ни Госпожа не могли заснуть. Белой вороне не потребовалось много времени, чтобы отыскать людей. В нашу сторону направлялась армия, хотя она

пока еще находилась по другую сторону гор. Там же отыскалась и форвалака, сопровождающая семейство колдунов, которые, судя по сообщениям от Тобо, были неоспоримыми повелителями современного Хатовара.

Эту информацию Тобо почерпнул из непрямого источника. Он проконсультировался с ученым Баладитаем, а тот задал наши вопросы демону Шевитье, который молчаливо признался в своей способности наблюдать за событиями в мирах, соединенных посредством Сияющей равнины.

Правителями Хатовара оказался многочисленный, драчливый и беспокойный клан колдунов, известный как Ворошк, что было просто-напросто их фамилией. Талантливая кровь отца-основателя клана передалась его чистокровному потомству. И многочисленному. Он был человеком с неограниченными аппетитами, и ныне Ворошков насчитывается несколько сотен. Их режим был жесток. Единственной его целью стало дальнейшее увеличение богатства и власти Семьи. После катастрофы, последовавшей за прорывом форвалаки в Хатовар, Ворошки научились управлять Тенями. И наверняка именно они послали Тени, которых мы уничтожили.

Кине, или Хади, уже не поклонялись в мире, носящем имя, означающее «врата Хади». А Детей Кины клан Ворошков уничтожил.

Тем не менее, ежегодно и примерно в то время, когда Обманники отмечают свой Фестиваль Огней, кто-то ухитрялся душить одного из членов Семьи и уходить безнаказанным.

Имелась весьма большая вероятность того, что Ворошки достаточно хорошо знают свою историю и помнят, что Свободные Отряды Хатовара изначально были именно миссионерами Матери Ночи. И они вполне могут опасаться возвращения Правительницы Тьмы.

Мои сверхъестественные союзники получили инструкции ни во что не вмешиваться, кроме тех случаев,

когда подворачивалась возможность уничтожать хатоварские Тени без риска обнаружить нашу тайную силу.

Положив голову мне на грудь, Госпожа пробормотала:

— Кажется, эти Ворошки — плохие люди, дорогой. Такие же плохие, как и те, с кем ты сталкивался прежде.

— Включая тебя?

— Настолько плохих, как я, попросту нет. Но про них тебе нельзя забывать. Их целая семья. И они не грызутся между собой. Много. А мои Десять Взятых, даже когда я держала их на самом коротком поводке, и то пытались вонзить нож друг другу в спину.

Хоть она и дразнила меня, в ее словах заключался намек. Я обнял ее и сказал:

— Я вернусь на равнину, чтобы не идти на риск столкновения. Мы ведь всегда сможем прокрасться сюда как-нибудь в другой раз. — Но мне не доставит радости то, что Бовок и на сей раз удастся уйти.

Я задремал, размышляя о логике Ворошков. И об этом загадочном мире, так давно пославшем наших предшественников в крестовый поход, цель которого уже давно забылась. Может, Ворошки лишь марионетки Кины? Не могут ли они оказаться еще одним механизмом, с помощью которого Мать Тьмы попытается начать Год Черепов?

— Нет, — не согласилась Госпожа, когда я высказал эту мысль вслух. — Мы знаем, кому предназначена эта роль.

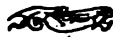
— Я даже и думать о Бубу не хочу, милая. Я просто хочу спать.

25. Сияющий Камень. Мститель

Гоблин не отрицал ничего:

— Она каким-то образом сохраняла меня живым. Намеревалась меня использовать. Но она ничего со мной не сделала. Я почти все время спал. И видел уродливые сны. Наверное, ее сны.

Голос маленького колдуна звучал чуть громче шепота. И дрожал. Постоянно казалось, что Гоблин вот-вот расплачется. Неукротимый дух, делавший его прежним Гоблином, куда-то подевался.

Его слушатели никак не приветствовали его и не давали понять, что он им нужен. Он был и нежеланен, и ненужен. Потому что четыре года проспал рядом с Повелительницей Ночи, Матерью Обманников.

— Она живет в самом унылом месте, какое только можно вообразить. Там сплошная смерть и разрушение.

— И безумие, — добавила Сари, не отрывая взгляда от штанов, которые штопала.

— Где Копье? — спросил Тобо.

Гоблина уже про него спрашивали. Копье Страсти было душой Отряда. Так же, как и Анналы, оно связывало воедино прошлое и настоящее. Оно непрерывно находилось с Отрядом с самого его ухода из Хатовара и вернулось вместе с ним. Оно обладало как символической, так и реальной силой, будучи ключом к вратам. И еще оно могло причинять богине жуткую боль.

Гоблин вздохнул:

— От него остался только наконечник. Внутри Кины, когда я ее пронзил. Она заставила его переместиться сквозь ее плоть, и теперь он попал в ее лоно.

Капитан, которой откровенно не нравился этот языческий разговор, рявкнула:

— Может ли кто-нибудь из вас, неверных, это объяснить? Тобо?

— Я ничего не знаю о религии, Капитан. Во всяком случае, ничего практического.

— Кто-нибудь?

Никто из неверных не отозвался.

Зато у Дремы имелось несколько мыслей по этому поводу. Первая — то, что Кина не настоящая богиня. Она всего лишь поразительно могущественный монстр. И все гуннитские боги и богини есть не что

иное, как могущественные монстры. А истинный бог только один... Она стояла, не сводя с Гоблина глаз и гадая, уж не станет ли наилучшим выходом, если его попросту прикончить? Молчание затягивалось. Гоблин все так же ощущал себя чрезвычайно неудобно. Как ему и положено, учитывая обстоятельства и его ограниченную способность объяснить, что с ним произошло.

Ему никто и никогда больше не поверит.

— У меня есть идея, Тобо, — сказала Дрема.

Молчание снова затянулось: парень ждал продолжения, а она ждала, когда он спросит, что у нее за идея. Глупые игрушки взрослых.

— А почему бы нам не отправить Гоблина помочь Костоправу в Хатоваре? — предложила Сари. — В любом случае, ему будет спокойнее среди старых друзей.

Дрема метнула в нее неприязненный взгляд. Затем то же самое сделал Тобо. Сари улыбнулась, откусила нитку, положила иголку:

— Вот и готово.

С лягушачьего лица Гоблина сошли жалкие остатки цвета, уцелевшие за время подземного заточения. Оно утратило всякое выражение. Но чем больше Гоблин старался сделать выражение своего лица неприемлемым, тем больше оно выдавало то, что он не хочет присоединяться к экспедиции в Хатовар.

Возможно, его приводила в ужас мысль снова встречаться с форвалакой.

— Думаю, это замечательная идея, — проговорила Дрема. Холодно. — Костоправ прислал ворону с мольбой о помощи. А он уже прихватил с собой всех непредсказуемых солдат и чародеев. Гоблин, ты ведь еще не разучился делать свое дело? Колдовать сможешь?

Печальный маленький колдун медленно покачал головой:

— Не знаю. Надо попробовать. Но от меня даже в лучший мой день будет мало толку против настоящего таланта. И никогда не было.

— Решено. Ты отправишься по хатоварской дороге. Всем остальным. Все наши дела здесь завершены. И мы выступаем. Тобо, отыщи братьев Чу Мин. Они пойдут с Гоблином.

Новость о том, что скоро в поход, распространилась быстро. Оставшиеся с нами войска были рады ее услышать. Они слишком долго пробыли в этом неуютном и пугающем месте, пока их командиры грызлись из-за пустяков. Да и запасы продовольствия быстро сокращались, несмотря на все годы подготовки.

26. Хатовар. Преследование

Я вернулся после консультации с белой вороной.

— Они уже спустились с гор на нашей стороне перевала.

— Значит, они двигаются очень быстро, — заметила Госпожа.

— Они начали гадать, не заподозрили ли мы что-нибудь. Им непонятно, почему несколько их Теней-разведчиков не вернулись, а немногие вернувшиеся так и не подобрались близко к нам. Поэтому они оставили пехоту, тяжелую кавалерию и артиллерию позади, чтобы добраться до нас быстрее и помешать нам подготовиться, если мы ожидаем сражения. И еще птица сказала, что они готовят какой-то сюрприз, но она не смогла подобраться достаточно близко и подслушать, какой именно.

— Не понимаю, почему они попросту не сидели здесь, дожидаясь нас, — пробормотал Лебедь.

— Наверное, потому, что здесь мало продовольствия, отсюда далеко до мест, где происходят события, и они не могли знать заранее, когда мы появимся. А хоть бы и знали. У них на севере целая империя, которой нужно управлять. К тому же, если бы они встали тут

лагерем, мы могли бы просто-напросто увидеть их и не утруждаться спуском с равнины. И еще. Думаю, они ожидали, что мы двинемся по следу форвалаки, как только пойдем, что здесь произошло. В таком случае они могли бы загнать нас в ловушку севернее Данда-Преш. На знакомой местности и поближе к дому. И я бы купился на эту уловку, если бы не отправил на разведку ворон и Черных Гончих.

И даже если не считать расстояния, эти места для них полны предрассудков. К тому же в семействе Ворошк сменился глава. Некто по прозвищу Старейшина неожиданно умер примерно в то время, когда мы вышли на равнину. А его преемник, похоже, больше ориентирован на действия.

— И ты узнал все это, разговаривая с воронами?

— Они умные птицы, Лебедь. Умнее многих людей. И разведчики из них получились замечательные.

— И какая у нас теперь стратегия? — спросил Дой.

— Будем сидеть. И ждать. Выпустим Черных Гончих поиграть. Они любят дразнить лошадей.

Все уставились на меня с раздражением, хорошо знакомым мне по тем временам, когда я был Капитаном и разыгрывал свои карты втемную. Я содрогнулся и заставил себя приоткрыть их.

— Они пустили вперед небольшой отряд легкой кавалерии, чтобы он добрался сюда быстрее остальных. И когда наступит ночь, Неизвестные Тени примутся изводить лошадей. Незаметно, разумеется. Мы ведь не хотим их потерять. А Тени покрупнее станут обрабатывать форвалаку, показываясь ей в облике призрака Одноглазого. Я надеюсь, что она бросится вперед, опережая своих приятелей. И тогда мы сможем убить ее и уйти быстрее, чем они сюда доберутся.

Ну вот. Я поделился своими планами.

И стал чувствовать себя паршиво. У меня возникло ощущение, что теперь, когда я все сказал, что-нибудь обязательно пойдет не так.

Молчание. Которое затянулось. Пока Мурген наконец не спросил:

— А это сработает?

— Да откуда мне знать, черт подери? Спроси меня снова завтра в это же время.

— Что станем делать с Гоблином? — спросила Госпожа.

— Приглядывать за ним. И не подпускать его к копыю Одноглазого. — Все это казалось для меня самоочевидным.

Молчание снова затянулось. Потом Лебедь сказал:

— Я вот что думаю. Почему бы нам не оставить Гоблина здесь, когда будем уходить?

— А я думал, что он твой друг, — буркнул я.

— Гоблин — был. Но мы уже решили, что *это* не может быть тем Гоблином, которого мы знали. Правильно?

— Но все же остается шанс, что тот Гоблин, которого мы знали, все еще внутри него и ждет, когда его освободят. Как и все мы, когда были похоронены под равниной.

— А те из нас, кто там не был, не очень-то уверены в тебе.

— Просто будем считать, что я сторонник мягкого обращения. Будем относиться к нему как к Гоблину, пока он не сделает нечто такое, из-за чего у нас появится желание его повесить. И тогда мы его повесим. — Мне пришлось немного подыграть. От меня этого ждали.

— Капитан все еще решает кадровые проблемы, изгоняя в Хатовар тех, кто вызывает у нее сомнение, — заметил Мурген.

— И это смешно? — поинтересовался я, потому что он улыбался.

— Конечно. В том смысле, что ни тебе, ни мне, ни Госпоже такое даже и голову не пришло бы, когда командовали мы.

— Каждый считает себя ехидным критиком. — Я повернулся к Госпоже. — А ты не вздумай проболтаться о том, что не сможешь дать Гоблину такого пинка, что он улетит до самого Хсиена. Я попробую завалить его такой кучей дел, что ему будет некогда впутываться в неприятности. Но если он будет верить, что ему придется балансировать на лезвии, это тоже не помешает.

— Нет нужды его в этом убеждать. Он не дурак.

— Мы тебе еще долго будем нужны? — поинтересовался Лебедь, тасуя колоду карт. Мургену и Тай Дэю тоже явно не терпелось присоединиться к нему за развлечением, которое снова вошло у нас в привычку во время пребывания в Стране Незвестных Теней.

— Идите. Все равно нам делать нечего, кроме как ждать. И наблюдать, как дядюшка Дой шныряет вокруг с раковинами улиток, словно ему даже в голову не может прийти, что кто-то способен проявить бдительность и вовремя заметить опасность. — Именно так Незвестные Тени пересекли равнину и попали сюда. Так кто из моей команды в сговоре с Тобо и Капитаном?

Однако я не мог ждать вечно. Не намеревался и выступить против солдат Ворошков. Единственный повод к вражде между нами и Ворошками проистекал из их предположения, что Отряд существовал только как еще нетронутый ресурс.

Я порицаю такое отношение, когда сталкиваюсь с ним.

В ту ночь над Хатоваром стояла полная луна. Я пошел прогуляться в лунном свете. Мои вороны то прилетали, то улетали. Они носились, как молнии, до тех пор, пока я не попытался понаблюдать, как они это делают.

Незвестные Тени ничуть не менее злобны и опасны, чем описывает их хсиенский фольклор. И

им оказалось совсем нетрудно раздражить форвала-ку и выманить ее из-под защитного зонтика, предложенного колдунами Ворошков.

27. Страна Теней. Прорыв

Капитан подползла к Суврину, пристроилась рядом и приподняла голову ровно настолько, чтобы разглядеть врата, отделяющие равнину от дома.

— Мы всего в тридцати милях от места, где ты родился, Суврин. — Она уже несколько лет пыталась придумать ему прозвище получше, чем Суврин, что на его родном сангельском языке означало «младший». Но ничего более экзотичного и подходящего так и не отыскала.

— Даже меньше. Интересно, помнит ли меня еще кто-нибудь?

Позади них тысячи солдат ждали нетерпеливо. И голодно. При переходе равнины слишком много времени было потрачено зря. Дрема постаралась забыть об очередном уколе вины.

— Сколько их там? — спросила она. Чуть ниже врат располагался лагерь. Построенный на останках старого лагеря Отряда, на вид он находился здесь уже давно. Строения были сооружены из подручных материалов, но создавали впечатление постоянства. Это было характерной чертой всех военных сооружений, возведенных на территориях, где правила Протектор.

— Пятьдесят шесть человек. В том числе девять женщин и двадцать четыре ребенка.

— Маловато, чтобы остановить попытку прорыва.

— Они здесь не для этого. Они вооружены, но это не настоящие солдаты. На дорогу или врата они даже внимания не обращают. А днем почти все они работают на полях. — По берегам ручья у подножия холма виднелось несколько жалких клочков кое-как обработанной земли. — Я подумывал о нападении, но решил,

что лучше подождать, пока Тобо к ним не приглядится. Думаю, что на самом деле они здесь из-за Теней.

— После заката пошлем вниз десантников. И они их упакуют быстрее, чем те поймут, что на них свалилось. — Капитан была недовольна нерешительностью своего протеже.

— И все же пусть Тобо сперва их проверит. Правда. Они всегда более активны после наступления темноты.

— Не поняла.

— Сейчас уже почти сумерки. Подожди. Сама увидишь, о чем я.

— Только не заставляй меня ждать всю ночь, Суврин. — Дрема отползла назад. Когда она добралась до места, где могла встать, не замеченная снизу, она так и сделала и подошла к поджидающей ее свите. — На нашем пути гарнизон. Небольшой. Хлопот не доставит, потому что нас вроде бы не ждут. Мне нужно, чтобы никто из них не сбежал, когда мы пройдем через врата. Ранмаст. Икбал. Вернитесь по дороге назад. Пусть все подготовятся. Соблюдать обычную дисциплину. Передайте, чтобы солдаты поели и приготовили оружие. Но костры разводить не разрешаю, чтобы огонь или дым не заметили. Возможно, выступим не ранее полуночи, но я хочу, чтобы все были готовы, когда я прикажу выступать.

Вдоль колонны суетливо побежали посыльные, передавая ее приказ.

— Вон там. Смотри. Вот о чем я говорил, — сказал Суврин, указывая. По бокам от него лежали Тобо и Дрема. Внизу под ними солдаты гарнизона начали тщательно осматривать местность возле врат, освещая ее с нескольких направлений различными источниками света. — Сейчас они явно ищут утечки. Через минуту станет еще интереснее.

Вскоре трое принесли глиняный кувшин с узким горлышком и объемом около галлона, прикрепленный к деревянной раме, который они прислонили к магическому барьеру, не дающему Теням с равнины пробраться через ворота.

Освещение было ярким, но даже зорким глазам Тобо света не хватало, чтобы разглядеть происходящее там. Однако, чем бы те люди ни занимались, они проявляли чрезвычайную осторожность.

— Понял! — воскликнул Тобо через десять минут пристального наблюдения. — Они пытаются поймать Тени. Прodelали в барьере крохотную дырочку и теперь надеются, что какая-нибудь нетерпеливая Тень просочится через нее и попадет в кувшин.

— Они работают для Душелова, — проговорила Дрема. Наверное, чтобы просто охладить энтузиазм парня. Теперь она поняла, почему Суврин был таким осторожным.

— Разумеется. Для кого же еще? Нам надо все обдумать. Если в ее распоряжении есть целая стая Теней...

— Уже слишком поздно поворачивать обратно. — Словно она нечто подобное предлагала. Дрема перевернулась на спину, потерла лоб левой рукой. Звезды на небе были звездами ее детства. Она так давно их не видела. — Я скучала по нашим звездам.

— Я тоже, — отозвался Суврин. — Я здесь провел немало времени, просто наслаждаясь ими.

— Ты еще не послал через ворота даже одного разведчика?

— У меня действительно не было возможности это сделать. Не хотел принуждать тебя к чему-либо, взяв все в свои руки. В любом случае, мне нужно было починить ворота прежде, чем я мог делать что-то еще, а ночью у меня был всего час, чтобы спуститься к ним и заняться ремонтом.

— Но теперь-то они в исправности. Разве не так? У нас наверху двенадцать тысяч человек. И не говори, что нам нужно подождать еще.

— Можете идти через ворота в любое время.

— Нефы, — предупредил Тобо.

Дрема перевернулась обратно на живот. И точно — внизу возле местных появились сноходцы. Они оставались прозрачными. Они подпрыгивали и жестикулировали. Но работающие за барьером игнорировали их.

— Они не могут их видеть, — пояснил Тобо.

Нефы оставили попытку пообщаться с ловцами Теней и скользнули вверх по склону, чтобы теперь досаждают наблюдателям на краю равнины.

— Что они пытаются нам сказать? — спросила Дрема.

— Не знаю, — ответил Тобо. — Я иногда даже слышу их шепот, но до сих пор не могу их понять. Будь здесь отец... Он сам почти стал сноходцем. И думаю, что он мог бы их понять, хотя бы немного.

— Думаю, мы можем смело предположить, что они предостерегают нас от какого-то поступка. Так было всегда с тех пор, как кто-то об этом догадался. Но мы никогда еще не попадали в неприятности, делая то, что хотим. Разве не так?

Ожидание затянулось.

— Они всегда так себя ведут, — сказал Суврин и перевернулся на спину. — Почему бы нам не посмотреть на падающие звезды?

— Я пойду вниз, — решил Тобо. — Хочу послушать, о чем они говорят.

— Если забыть о том, что они тебя увидят, то когда это ты выучил сангельский?

— Нахватался кое-чему у Суврина. Надо же нам было чем-то заняться во время скучных поездок к воротам. Впрочем, я не думаю, что эти ребята будут говорить на любом ином языке, кроме таглиосского. Они

отобраны из тех, кому Протектор доверяет. То есть из тех, чьи семьи находятся там, где она может их сожрать, если чье-то поведение ее разочарует. А меня они не увидят.

Дой обучил его хорошо. Спускаясь по склону, он был почти невидим, даже не пользуясь никакой магией. Ловцы Теней ничего не заметили. А вот сноходцы разволновались. Затем и несколько ближайших Теней — из тех, что не кружились вдоль дороги вместе с остальными, надеясь, что какой-нибудь солдат по глупости пересечет защитный барьер, — тоже начали беспорядочно метаться от укрытия к укрытию. Одна из них рванулась вверх, просочилась через дырочку и угодила в кувшин.

Ловцы Теней поздравили друг друга. Они мгновенно запечатали и кувшин, и барьер — последний почти невидимым кусочком бамбука. Тобо ощутил исходящие от него могущественные чары. Душелов не желала, чтобы через этот клапан просочились более сильные Тени.

Пленение единственной Тени вполне удовлетворило ловцов. Они собрали свои вещи и ушли.

— И это все? — спросила Дрема.

— Я сейчас впервые увидел, как они поймали Тень, — пояснил Суврин. — Полагаю, такое случается не очень часто.

Через несколько секунд после ухода тенеловов Тобо прошел через ворота в свой родной мир. Суврин починил ворота как следует.

Парень глубоко вдохнул. Прислушался к негромким звукам — это спускались с равнины десантники. Никто не поднял тревогу, когда он прошел через ворота, и когда через них начали проходить десантники — тоже. Очевидно, Протектор не опасалась угрозы с юга. Хоть она сама несколько раз восставала из могилы, она не ожидала подобного поведения от своих врагов.

— Воды спят, — проговорил Тобо в ночь и начал плести заклинание, которое погрузит команду тенеловов в глубокий сон. Он научился ему у Одноглазого, а тот украл его у Гоблина более ста лет назад.

Его мысли постоянно возвращались к Гоблину.

Кина была Матерью Обманников. Допустим, она совсем ничего не сделала с колдуном-коротышкой. Но кто в это поверит? И никто и никогда не станет ему доверять. А значит, много времени и ресурсов будет зря потрачено на то, чтобы не спускать с него глаз.

Может, в этом и есть суть? И Гоблин всего лишь диверсия? Есть ли способ это выяснить?

Считалось, что сейчас в нем должен сверкать творческий гений юности. И он должен придумать такой способ.

Изумленно распахнув глаза, пленники наблюдали, как вниз с равнины маршируют батальон за батальоном. Армию такой численности здесь не видели со времен кьяулунских войн. В том раунде лавры победителя достались Душелову, потому что Отряд сильно уступал ей в том, что касалось волшебства.

Радиша Драха и Прабриндрах Драха занимали в параде почетное место. Облаченные в имперские одеяния, окруженные десятками таглиосских королевских знамен, они своим присутствием олицетворяли заявление, которое Дрема желала сделать рано и делать часто.

Разумеется, здесь это заявление пропадало зря, потому что никому из свидетелей не будет позволено разнести весть, опережая наступление армии. Но Дрема сочла удачной мысль о том, что князю и княжне следует почаще тренироваться для осуществления своих исторических ролей.

Суврин уже ушел вперед, как и десятки дозорных и разведчиков. Солдат Тьмы спустили с поводка. И

бедняге Суврину пришлось бежать впереди — ему было поручено перекрыть южный конец перевала через Данда-Преш. Для этой работы ему не требовалась специальная тренировка. Именно ею он и занимался, когда Дрема взяла его в плен, направляясь к воротам, чтобы освободить бедных Пленных из заточения под равниной.

Обеспечив непроходимость перевала для разносчиков слухов с юга, Суврин должен был преодолеть Данда-Преш и захватить армейские мастерские в Чарандапраше. Вполне вероятно, там вообще не окажется гарнизона, если вспомнить об отношении Душелова к своим вооруженным силам.

Суврин будет знать обстановку задолго до того, как доберется туда. Едва путь с равнины открылся, Тобо приволок оттуда множество мешков старых раковин улиток. И теперь невидимый поток уже начал растекаться по региону, прежде известному под названием Страна Теней. Тобо будет знать все, о чем будут знать его существа. И Тобо сделает так, чтобы эти существа донесли новости до всех, кому их нужно знать.

Напряжение было велико и продолжало нарастать. Знающие Душелова не сомневались, что рано или поздно она узнает о вторжении. И ее ответ наверняка станет яростным и впечатляющим, быстрым и непредсказуемым. И таким, какой никому не захочется испытать.

28. Тагмиосские территории. Слепое отчаяние

Когда девушка разбудила его, Нарайян застонал, но быстро взял себя в руки. Протектор была где-то поблизости, но не ближе, чем в предыдущие два дня. Отчаянных усилий Дщери Ночи, когда она пользовалась талантами, сути которых не понимала сама, едва хватало на то, чтобы предотвратить их пленение. Но каждый день они балансировали на грани. И эта игра

не могла тянуться еще долго. У них с девушкой ничего не осталось. И если Протектор подключит к охоте подвластные ей Тени...

— В чем дело? — выдохнул он, подавив боль, терзающую его теперь постоянно.

— Что-то случилось. Нечто большое. Я это чувствую. Это... не знаю, как и сказать. Словно моя мать проснулась, огляделась и снова заснула.

Нарайян ничего не понял. И сказал об этом.

— Это была она. Я знаю. Она коснулась меня. — От замешательства девушка перешла к уверенности. — Она хотела дать мне понять, что все еще там. Хотела, чтобы я держалась. И чтобы я узнала, что скоро все изменится к лучшему.

Нарайян, хорошо знавший родную мать девушки, подозревал, что она гораздо больше унаследовала от характера своей тетки, Протектора. Та отличалась переменчивостью, а настроение Дщери Ночи могло измениться от дуновения ветерка. А ему хотелось бы, чтобы оно было более стабильным, как у ее матери. Впрочем, Госпожа могла сосредоточиться на одной навязчивой идее. Например, она твердо решила поквитаться с ним и со всем культом Обманников. Даже будучи инструментом Кины, она не испытывала к богине ни любви, ни хоть какого-то уважения.

— Ты слышал меня, Нарайян? Она там! И уже не собирается лежать там долго.

— Слышал. И обрадовался не меньше тебя. Но есть чудеса, и есть чудеса. А нам все еще нужно уйти от Протектора. — Он указал на небо западнее них. Всего лишь в полумиле над пологим и заросшим кустарником склоном кружила стая ворон.

У Душелова тоже имелись навязчивые идеи. Охота на них продолжалась уже целую вечность, пока безуспешно для обеих сторон. Неужели у Протектора нет другой работы? Кто сейчас управляет Таглиосом и его территориями?

В начале преследования Нарайян был уверен, что Душелов заскучает и займется чем-то другим. Она всегда так поступала.

Но не на этот раз. Сейчас она закусила удила.

Почему?

Когда имеешь дело с Протектором, ответить невозможно. Возможно, она увидела будущее. Возможно, не смогла придумать себе более увлекательное развлечение. Ее мотивы не всегда осмысленны даже для нее самой.

Вороны начали веером разлетаться на север от той точки, где, наверное, находилась Душелов. Казалось, что их интересует некий узкий сектор склона. Они дрейфовали, гонимые ветерком, и, не особенно напрягаясь, медленно разлетались. Нарайян и Дщерь Ночи наблюдали за ними, сохраняя полную неподвижность. У ворон острое зрение. И если двое самых свя-тых Обманников могут их видеть, то и вороны, в свою очередь, могут увидеть их — если неустойчивый магический талант девушки на мгновение даст сбой.

Одинокая ворона спланировала на юго-восток. «Словно пьяная», — подумал Нарайян. Вскоре они уже не видели ни одной черной птицы.

— А теперь пойдем, — сказал Нарайян. — Пока мы еще можем. Знаешь, по-моему, та дымка на юге может быть Данда-Преш. Еще неделя — и мы доберемся до гор. А там нас ловить безнадежно.

Он сам не верил в то, что говорил. И оба это знали.

Дщерь Ночи шла первой. Она была гораздо подвижнее Нарайяна, и ее нередко выводила из себя его неспособность поспевать за ней. Иногда она осыпала его бранью и даже била. Он подозревал, что она бросила бы его, если бы имела другой источник существования. Но ее жизненные горизонты никогда не простирались далее границ культа, и она понимала, что живой

святой имеет гораздо большее влияние среди Обманников, чем любая скверно воспитанная женщина-мессия, чей статус пока принимался только потому, что на него падал отблеск авторитета Нарайяна.

И хромота Нарайяна спасла их. Девушка сидела на корточках в кустах, оглядываясь с плохо скрываемым раздражением.

— Впереди поле. Большое. Укрытий там почти нет. Станем ждать темноты? Или обойдем? — Ей было слишком трудно поддерживать их невидимость на открытой местности.

Иногда Нарайян гадал, какой она могла бы стать, если бы выросла с родной матерью. Он не сомневался, что к этому возрасту Госпожа уже превратила бы ее в воплощение темного ужаса. И уже не в первый и даже не сотый раз желал, чтобы Кина позволила ему принести Госпожу в жертву в тот день, когда он похитил новорожденную Дщерь Ночи. Если бы эта женщина тогда умерла, то его последующая жизнь стала бы намного легче.

— Дай-ка взглянуть.

Нарайян присел. Боль вцепилась клыками в его больную ногу, словно кто-то полоснул по ней тупым ножом. Старик вгляделся в каменистую пустошь, почти лишенную жизни — если не считать приземистого и корявого обломка древесного ствола посередине, чуть выше пяти футов высотой. В нем чудилось нечто знакомое. Он не видел его прежде, но знал, что обязательно узнает.

— Не шевелись, — прошипел он. — Даже не дыши часто. Там что-то не так.

Он замер. Девушка тоже. В подобных случаях она никогда не задавала вопросов. Он каждый раз оказывался прав.

Наконец Нарайян вспомнил. И прошептал:

— Это Протектор — тот самый ствол. Она внутри, окруженная иллюзией. Она уже прибегала к этому трюку.

Я слышал о нем, когда был пленником Черного Отрада. Так она устраивала им засады, и они предупреждали друг друга об этой уловке. Посмотри внимательно на основание той ветки, которая дважды изгибается и заканчивается пучком прутьев. Видишь, там прячется ворона?

— Да.

— Осторожно отползай назад. Медленно. Что?.. Замри! Девушка застыла. И оставалась неподвижной долгие минуты, пока Нарайян не начал расслабляться.

— А в чем было дело? — прошептала она. Ни ствол, ни ворона не сделали ничего настораживающего.

— Там что-то было... — Но теперь Напрайян и сам начал сомневаться. Он на мгновение заметил что-то краем глаза, но когда взглянул в ту сторону, то ничего не увидел. — Возле того большого красного валуна.

— Тихо! — Девушка уставилась в другую сторону. — Мне кажется... Там. Что-то... Я ничего не вижу, но чувствую. По-моему, оно наблюдает за деревом...

Grrrr!

Низкое рычание сзади они скорее ощутили, чем услышали.

После многих лет, проведенных в бегах, они развили в себе такую самодисциплину, что никто из них даже не моргнул. Мимо рысцей проследовало нечто большое и темное. Рот живого святого распахнулся, но из него так и не вырвался вопль. Девушка прижалась к нему, не делая резких движений.

Через прогалину промчалось нечто, напоминающее набор лоскутов, вырезанных из незнакомого животного. Оно совершенно не походило на собаку. И имело слишком много конечностей. Но задержавшись на краткое мгновение возле ствола, оно задрало ногу и оросило его.

А затем, разумеется, умчалось. Но Душелов осталась, приняв собственный облик. И раздираемая яростью.

— Что-то изменилось, — выдохнул Нарайян сквозь боль.

— Нечто большее, чем моя мать.

Нечто большее, чем Мать Ночи.

Нечто, что с этого момента оставило у них ощущение, будто за ними непрерывно наблюдают — даже когда они никого вокруг себя не видели.

29. Хатовар. Властелины небес

Мои вороны работали упорно. В течение часа я узнал, что Дрема уже прорвалась в наш родной мир и что форвалака бросила Ворошков и мчится к нам. Я немедленно начал отдавать приказы. Вполне возможно, что Бовок доберется до нас только через несколько часов, но я хотел быть уверен, что каждый из моих товарищей уже занял отведенную ему позицию и что все мои ресурсы могут быть пущены в ход немедленно.

Лозан Лебедь ходил за мной по пятам, напоминая, что начатая мною суета — как раз то тупое солдафонство, которое возмущало меня в действиях Дремы.

— Ты хочешь возвести свой будущий дом в Хатоваре, Лебедь?

— Эй, не убивай гонца.

Я что-то раздраженно буркнул, затем пошел и отыскал свою ненаглядную.

— Нам пора переодеваться. Готовься к спектаклю.

— О, я всегда была равнодушна к мужчинам в черном и с птицами на плечах.

Мы завершили приготовления. Десяток уцелевших пускателей огненных шаров установлен на позициях — на мой взгляд, идеально выбранных с тем расчетом, чтобы обрушить на форвалаку плотный перекрестный огонь, когда она бросится на меня. Если это ее и не убьет, то выгонит на меня, прямо на копье Одноглазого.

Я ждал нашей схватки, и это было для меня необычным. Я не из тех, кто в нашей профессии наслаждается процессом убийства.

Вороны доложили, что монстр уже через час доберется до нас. Люди поели перед схваткой, чтобы мы смогли загасить все костры до появления форвалаки. Дою удалось добыть кабана. Его обглодали быстро. В моей команде мало вегетарианцев.

Мы с Госпожой и Лебедем убивали время, играя в «камень, ножик и бумагу», когда к нам подошел Мурген.

— Здесь Гоблин. Только что подошел к краю равнины. С ним двое парней. А ты неплохо выглядишь. — Ему еще не доводилось видеть новые доспехи Жизнедава.

— Да будут благословенны Капитан и ее бесконечная мудрость, — пробурчал я. — Быстро сработано. Надо будет приглядывать за этим мелким дерьмом. — Слово такие приказы нуждаются в повторении. Я повернулся к Госпоже. — Так что, запрячь его в работу?

— Обязательно. В первом ряду. Одноглазый же был его лучшим другом, разве не так?

— Мурген, когда он сюда спустится и мы с ним поговорим, отведи его туда, где я поставил пару двухдюймовок. Мы не знаем, остались ли в них заряды. Парней, что с ним пришли, отведи назад, пусть прикрывают подступы к вратам. А сам оставайся с Тай Дзем и Гоблином.

Мурген бросил на меня настороженно-равнодушный взгляд.

— Если придется, проткни его. Или шарахни по голове. Если он даст тебе повод.

— Какой, например?

— Не знаю. Ты взрослый и умный мужчина. Неужели сам не поймешь, нужно ли брать его в оборот?

— А тебе не кажется, что те двое приставлены к нему именно для этого?

Об этом я не подумал. Что ж, вполне вероятно.

— Они из тех, кому мы можем полностью доверять?

— Пока я шел сюда, то так и не разобрался, кто они такие.

— Значит, мой приказ остается в силе.

Я внимательно рассматривал Гоблина. В последний раз я видел его незадолго до того, как оказался в под-земелье. Он сильно постарел.

— Когда я слышал о тебе в последний раз, мне сказали, что ты дезертировал.

— Я уверен, что Одноглазый все это объяснил. — Голос у него остался прежним, но в самом Гоблине ощущалось некое неуловимое отличие, причинами которого, наверное, были скорее время и предательства памяти, чем любое новое зло внутри него, но я из-за своей подозрительности никогда еще сильно не ошибался.

Рост Гоблина приближался к нижнему концу шкалы для нормальных людей. И еще он был относительно широкоплеч, несмотря на то, что в последние годы плохо питался. И еще у него практически не осталось волос. К тому же он почти не улыбался. Он выглядел бесконечно усталым, словно с трудом выдерживал накопившийся груз лет, подсчитывать которые стало для него непосильной задачей.

Мой долгий сон в пещере среди древних старцев тоже нельзя было назвать бодрящим.

— Одноглазый был бесстыжим лжецом. Как мне сказали — через пятнадцать лет после самого события, — идея принадлежала тебе, а он лишь увязался следом.

— Капитана это удовлетворило. — Он не спорил и не ехидничал. И это стало последним намеком, который мне требовался. В этом Гоблине не осталось юмора. А это крупное изменение.

— Рад за нее. Ты прибыл как раз вовремя. Форвалака будет здесь через несколько минут. И на этот раз мы ее убьем. Ты ведь не растерял свои навыки, пока торчал в ловушке, верно?

В глубине его глаз что-то шевельнулось — как мне показалось, нечто холодное и злое. Но это вполне могло быть и раздражение из-за того, что на него столь пристально и внезапно уставилось множество глаз.

— Капитан?

Тот, кто меня окликнул, наверняка один из настоящих ветеранов Отряда. Все прочие уже отвыкли называть меня так, хотя многие до сих пор называют Госпожу «лейтенантом», потому что Дрема так и не заполнила эту позицию официально. Большую часть лейтенантской работы делает Сари, несмотря на то, что официально она членом Отряда не числится.

И почему мы придаем такое значение этим мелочам?

— Что?

— Там какое-то движение. Вероятно, Черные Гончие преследуют форвалаку. Значит, монстр совсем близко.

— Всем полная готовность! Мурген, покажи Гоблину его пост. — На ходу я гроыхал и звякал. Пусть мои доспехи и выглядят маскарадными, но они реальные и тяжелые.

— Капитан! — донеслось издалека. — Посмотрите туда! — Солдат вышел из укрытия, указывая в нужную сторону.

Я ахнул.

— Вот дерьмо! — взорвалась Госпожа. — Какого дьявола твои вороны нас об этом не предупредили? — Она стала озиаться в поисках укрытия.

С запада в нашу сторону V-образным строем летели три непонятных предмета. Мой человек заметил их на таком отдалении, что у нас, несмотря на их скорость, еще осталось время проследить за их приближе-

нием. Этот парень с соколиными глазами заработал награду.

Летуны допустили одну ошибку — они выбрали высоту с таким расчетом, чтобы их не заметили Неизвестные Тени. И это сделало их полностью уязвимыми для обнаружения невооруженным глазом, потому что они четко выделялись на фоне ясного синего неба — сегодня стоял один из тех редких дней, когда природа решила отдохнуть от облаков и дождя.

— Ты думай только об оборотне, дорогой, — бросила Госпожа. — Это отвлекающий маневр. Я ими займусь. — Она начала выкрикивать приказы, к которым я добавил и парочку своих.

Разумеется, она ошиблась. Как раз форвалака и была отвлекающим маневром для этих летающих Ворошков, хотя Бовок наверняка не сомневалась, что верно обратное. Приблизившись, летающие колдуны стали похожи на волнистые комки, прилипшие к длинным шестам. Они были закутаны в нечто, напоминающее черную шелковую ткань, целые акры которой развевались за ними в воздухе.

Очевидно, они по какой-то причине полагали, что мы не сможем их увидеть, поэтому совершенно не старались остаться незамеченными.

Когда они снизили скорость, я немедленно заподозрил, что они хотят скоординировать момент своего подлета с форвалакой, — и оказался прав.

Комок черной ярости взорвался ревом всего в сотне ярдов от нашего самого дальнего поста. Все Неизвестные Тени окружили форвалаку. Именно так, как им полагалось — внезапно, ненадолго и в этой точке.

Едва форвалака приостановила бег и набросилась на призраков, они тут же растаяли.

В этот момент она представляла из себя замечательную мишень.

И в дело вступили проекторы огненных шаров.

К сожалению, большая часть тех, что оказались работоспособны, выпустила свои пылающие и непредсказуемые снаряды в сторону хатоварских колдунов. И лишь два малокалиберных бамбуковых шеста остались нацеленными на монстра. А один из них испустил дух, выстрелив лишь одним желчно-зеленым шаром. Тот полетел, хаотично виляя и дергаясь, но все же скользнул по боку зверя как раз вдоль шрамов, оставшихся у форвалаки после наших прежних стычек. Зато второй шест четко вlepил ей заряд в плечо.

А визжать форвалака умела.

Я не сводил с нее глаз. Госпожа непрерывно говорила, держа меня в курсе остальных событий. По ее словам, летуны нарвались на неприятный сюрприз. И это побудило меня заподозрить, что в отношениях между Лизой-Деллой Бовок и Ворошками честность отнюдь не преобладала.

Им следовало бы это понять. Всем.

Ворошки все же не были уж совсем неподготовленными к неприятностям. Они окружили себя защитными заклинаниями, отклоняющими самые легкие из шаров — обычно с пути лидера к двум ведомым. Но эти заклинания не могли отклонять все шары и быстро слабели.

Я уже принял устойчивую позу, чтобы достойно встретить атаку форвалаки, когда передо мной, но позади оборотня промчался, кувыряясь, один из летунов. Окутывающий его черный шелк полыхал. Вопль резко оборвался, когда колдун врезался в землю где-то правее меня.

Моей стратегией было направить форвалаку на меня и копье Одноглазого, причинив ей по пути как можно больше вреда. Черное копье я вставил в пустой конец бамбукового шеста длиной двенадцать футов, решив увеличить его длину. Как только копье тронзит Бовок, стрелки смогут добить ее огненными шарами. Разумеется, при том условии, что копье

не утратило магическую силу после смерти Одноглазого.

И, конечно же, при том условии, что люди с огненными шарами не окажутся слишком заняты, отбивая атаку с воздуха. Я рискнул и бросил на схватку быстрый взгляд. Летун-лидер улетал обратно, разворачиваясь по широкой дуге. Если он и собирался что-то сделать, то не сделал, потому что вместо нападения ему пришлось сосредоточиться на обороне. Оставшийся Ворошк завис, дымясь, в воздухе в нескольких сотнях ярдов восточнее. Его медленно относил ветром. Очевидно, он был жив, но не более. Перед тем, как снова обратить внимание на форвалаку, я еще успел заметить, что летун очень медленно набирает высоту.

На пантеру-оборотня со свистом обрушился ливень дротиков и стрел. Все наконечники были отравлены на тот случай, если им удастся пробить шкуру.

Чудо из чудес! Немало стрел все же застряло в шкуре! Монстра тут же окутало нечто вроде черной дымки, сделав очертания тела расплывчатыми.

Госпожа кричала, отдавая приказы. И много кричала. Дисциплина стрельбы стала критическим фактором. Мы не сможем изготовить новые бамбуковые щесты, плюющиеся огненными шарами, пока не вернемся в целости и сохранности в свой родной мир. Половина из тех, с которыми мы начали схватку, уже опустела. Парни уже несколько лет не были в настоящем сражении, но дело свое не забыли. Повторно моей жене кричать не пришлось — шары перестали улетать в небо. Зато несколько стрелков воспользовались возможностью выпустить заряды в форвалаку. У бедняжки Лизы не оказалось друзей.

Как выяснилось, она все же не была полностью неуязвимой. Яд подействовал на нее гораздо быстрее, чем я ожидал, и она стала пьяно пошатываться. Выносливость и живучесть оборотней стали легендарными. По нашему опыту могу сказать, что их превосходила лишь

яростная жизненная сила колдунов, принадлежащих к так называемым Десяти Взятым. Из которых Душелов и Ревун остались последними. Но вскоре и среди Взятых не останется живых.

Я твердо это решил. У меня целый список тех, кого я намерен отправить в ад.

К этому времени монстр опять поднялся, очевидно, избавившись от воздействия стрел, огненных шаров и яда. Форвалака собиралась с силами перед броском, чтобы оказаться среди нас и обезопасить себя от самого мощного нашего оружия, а самой пустить в ход клыки и когти.

Я не знаю, что в этот момент попытались сделать колдуны. Я знаю лишь, что огненные шары вновь полетели вверх, затем земля содрогнулась, словно в нескольких футах от меня по ней ударили молотом весом десять тысяч фунтов, и тут форвалака помчалась ко мне неуклюжими прыжками, волоча заднюю ногу. Десятки ран от огненных шаров на ее шкуре еще дымилась, и ее обгоняла вонь горелой плоти.

Я бросил взгляд на последнего Ворошка в небе за форвалакой. Его болтало в воздухе.

Прыгнув, Бовок ударила лапой мою самодельную пику. Удар оказался слабым и нерешительным. Наконечник копья Одноглазого пробил шкуру над правым плечом форвалаки, уже сильно поврежденным, и вонзился в плоть. Я ощутил, как он наткнулся на кость. Форвалака завизжала. Ее вес вырвал оружие из моих рук, хотя я прочно упер конец бамбукового шеста в землю.

Инерция прыжка развернула зверя. Бовок ухитрилась ударить меня на лету лапой и отшвырнуть в сторону. Приземлившись, она занялась торчащим из ее тела черным копьём. Доспехи выдержали удар ее когтей. Несколько секунд я не мог отличить верх от низа, зато голова удержалась на шее.

Я снова завладел бамбуковым шестом, но не копьём. Форвалака извивалась, визжа, рыча и кусая

копье, а мои товарищи проявляли осторожность, не желая угодить под удар. Время от времени кто-то пускал в нее очередную стрелу или метал дротик, когда это можно было сделать, не рискуя промахнуться.

Ворошки пока оставались вне схватки. Один горел на склоне восточнее нас. Другой взлетал все выше и выше, теперь уже таща за собой шлейф дыма. Последний осторожно кружил — то ли выжидая момент для нападения, то ли просто наблюдая. Всякий раз, когда он начинал пикировать, на него наставляли десяток бамбуковых шестов, предлагая радушную встречу. Подозреваю, что почти все эти шесты были уже пустыми. Но он мог узнать правду только самым неприятным способом.

К доспехам Жизнедава прилагался огромный черный меч, похожий на Бледный Жезл дядюшки Доя. Я извлек его из ножен, когда форвалака попыталась приблизиться ко мне. Несмотря на возбуждение и страх, я чувствовал себя почти глупо. Ведь прошли десятилетия с тех пор, как я брал в руки меч не для уроков фехтования с Доем. А этот меч я совершенно не знал. Может, он предназначен лишь для показухи и слома-ется после первого же удара.

Оборотень проковылял несколько шагов вперед. От него срикошетил пущенный кем-то огненный шар. Мелькали все новые дротики и стрелы. Форвалака снова попыталась дотянуться до раны, из которой торчало копье Одноглазого. Все стрелы и дротики через некоторое время выпадали, но только не это черное копье. Оно медленно погружалось все глубже и глубже.

Я шагнул вперед, ударил. Кончик моего меча на несколько дюймов рассек левое плечо большой кошки. Она едва заметила эту рану — кровотечение через несколько секунд прекратилось, и рана закрылась, заживая у меня на глазах.

Я ударил вновь вблизи того же места. Потом еще раз. Не от отчаяния. Ее живучесть не была сюрпризом, но раны теперь исцелялись медленнее, чем прежде. А копье погружалось все глубже и глубже. И форвалака, кажется, стала терять волю к схватке.

Крики!

Уцелевший Ворошк пикировал на меня, быстро приближаясь. Его защита отклоняла сперва взлетающие навстречу огненные шары, потом стрелы. Я сперва затанцевал, чтобы не оставаться на месте, потом остановился, чтобы отпрыгнуть, когда он окажется достаточно близко. Колдун взмахнул рукой, словно собираясь что-то бросить. Но не успел, потому что неизвестно откуда возникла моя белая ворона и ударила его сзади. В голову. И его подбородок уткнулся в грудь.

Вряд ли колдун хоть как-то пострадал от удара, зато он на секунду забыл про меня и занялся вороной. Птичка уютно расположилась у него на плече и теперь старательно пыталась выклевать ему глаза.

Даже вблизи я не смог увидеть его лица. Его скрывали складки той же ткани, которая окутывала и все прочее.

Я замахнулся, но не рассчитал скорости колдуна. Лезвие врубилось в шест, на котором он летел, примерно в футах позади его задницы и вырвалось у меня из рук. Ворошк ударился о землю, потом отскочил в воздух и полетел прочь по широкой дуге, ведущей на север, непрерывно крутясь вдоль оси шеста. Покрывало (или мантия, или что там еще) колдуна развевалось в небесах. От него отрывались лоскуты и медленно падали.

Форвалака продолжала слабеть. Некоторые из моих людей осторожно выходили из-за укрытий и окружали зверя. Госпожа и Дой встали рядом со мной на расстоянии длины меча от форвалаки. Они держали обессиливающие фетиши, которые Тобо смастерил, используя хвост и клочки шкуры, которые форвалака

оставила, когда убила Одноглазого. Фетиши были особенно эффективными еще и потому, что Госпожа и Тобо заговорили их, используя настоящее имя Лизы-Деллы Бовок.

— Лебедь, возьми взвод и проверь того колдуна, что горит на склоне, — приказал я. — Будь осторожен. Мурген, приглядывай за остальными двумя. — Подбитый было Ворошк уже управился со своим шестом и теперь медленно летел в нашу сторону, набирая высоту и приближаясь к уцелевшему коллеге, который остался в воздухе и все еще медленно поднимался вверх. Однако теперь уже он начал дрейфовать по ветру, а его черная мантия местами занялась реальным пламенем.

— Дорогая, ты сможешь приглядывать за Гоблином? — спросил я. Наш таинственно воскресший брат вел себя чрезвычайно тихо все время, пока семейство Ворошков обменивалось любезностями с Черным Отрядом. Если только я не просмотрел что-либо, пока был слишком занят.

— На него прямо сейчас нацелены два гарантированно хороших бамбуковых шеста.

— Превосходно. Ты сделаешь побольше таких штук, как только мы вернемся домой? Это лучшее оружие, которое у нас когда-либо имелось.

— Сколько-нибудь сделаю. Если будет время. Как только моя сестричка узнает о нашем возвращении, мы станем чрезвычайно заняты.

Мир внезапно залил свет цвета яичного желтка. Он поблек быстрее, чем я взглянул вверх и увидел, как на том месте, где дрейфовал дымящийся Ворошк, распустилось облако в форме тысячерукой морской звезды.

Другой Ворошк снова летел на север, на сей раз окончательно. И некто падал прямо на нас, волоча за собой огромное полотнище развевающейся черной ткани, из которой валил дым. Бревно, на котором Ворошк

летал, бесследно исчезло. Падение колдуна казалось ужасно медленным.

Тем временем со склона подал голос Лозан Лебедь — кричал, что ему нужны носилки.

— Значит, тот, на склоне, еще жив, — пришла к выводу Госпожа.

— А у нас есть заложник. Ткните кто-нибудь в эту тварь палкой. Наверное, она прикидывается дохлой. — Форвалака перестала сопротивляться и лежала на спине, слегка накренившись и сжимая обеими руками древко копья Одноглазого.

— Руки, — сказал Мурген, когда Дой потыкал монстра длинным бамбуковым шестом.

— Руки, — согласился я. У оборотня началось изменение. То самое изменение, которого она столь страстно желала с тех пор, как мы убили ее хозяина и любовника Меняющего Облик. Давным-давно, еще во времена нашего первого наступления на Дед-жагор.

— Она умирает, — сказала Госпожа. В ее голосе прозвучало и удивление, и легкое разочарование.

30. Хатовар. Затем разожгите огонь

Нарастающий вопль валился на нас с неба. Кувыркающийся Ворошк проломил крышу навеса. Вопль оборвался. Взлетели обломки крыши.

— Мурген, сходи посмотри, — велел я.

Когда я снова взглянул на форвалаку, то обнаружил, что к нам присоединился Гоблин. Он протолкался сквозь толпу и встал возле монстра, разглядывая его. Он уже наполовину изменился, густо испещренные шрамами руки и ноги стали женскими. Бовок пока оставалась в сознании и узнала Гоблина.

Коротышка с лягушачьим лицом сказал:

— Мы пытались тебе помочь, но ты не позволила. Мы могли тебя спасти, но ты напала на нас. Поэтому теперь ты расплачиваешься. Когда становишься на пути

Отряда, приходится платить. — И он протянул руку к копью Одноглазого.

Гоблина мгновенно обступили. На него направили полдюжины бамбуковых шестов. С плеч сорвали арбалеты.

Рот колдуна-коротышки несколько раз открылся и закрылся. Затем он медленно опустил руку.

Полагаю, предсмертные слова Одноглазого стали известны всем.

— Наверное, вам не следовало меня спасать, — пискнул Гоблин.

— А мы и не спасали, — заметила Госпожа, не вдаваясь в подробности. Она отвела меня в сторону. — Он как-то причастен к тому, что Бовок сейчас так легко умирает.

Я бросил взгляд на форвалаку.

— Она еще не мертва.

— Вообще-то ей положено быть более живучей.

— Даже с учетом фетишей и копия Одноглазого? Она обдумала мои слова.

— Возможно. Когда она сдохнет, советую сделать так, чтобы до этой твари было трудно добраться. Мне не нравится выражение лица Гоблина, когда он на нее пялится.

Да, было что-то в его взгляде, хотя низенький колдун и не проявлял намерения сделать нечто такое, что спровоцировало бы быстрый и жестокий отклик.

Показались Лебедь и его солдаты, четверо несли самодельные носилки. Обогнав их, Лозан пропыхтел:

— Ты только посмотри, кого мы принесли, Костоправ. Ты глазам своим не поверишь.

Как раз в этот момент Мурген тоже крикнул, требуя носилки. Значит, и второй Ворошк выжил.

Лебедь оказался прав. На его носилках лежала такая девушка, в существование которых невозможно поверить. Лет шестнадцати, блондинка и воплощение фантазий любого подростка.

— Дорогая, она настоящая? — спросил я у жены и добавил, обращаясь к Лебедю: — Хорошая работа, Лозан.

Он связал девушку и сунул ей в рот кляп, чтобы не дать ей возможности воспользоваться простейшими колдовскими трюками.

— Всем лишним отойти, — приказала Госпожа. От одежды, которая была на девушке, мало что осталось. А немалое число наших парней принадлежало к тем, кто считал бы ее законной добычей за то, что она пыталась на нас напасть. Некоторые могли бы поступить так же даже с пленниками-мужчинами. Да, они мои братья, но это не делает их менее жестокими.

Госпожа сказала Лебедю:

— Отведи Доя на место ее падения, и пусть он отыщет и соберет все, что было на ней или при ней. И одежду, и особенно ту штуковину, на которой она летала. — И, обращаясь ко мне, добавила: — Да, дорогой, она настоящая. Если не считать чуточки косметики. Я ее уже ненавижу. Гоблин! Иди сюда и встань так, чтобы я тебя видела.

Я стал разглядывать девушку, сосредоточившись не на ее свежести или привлекательности, а на светлых волосах и белой коже. Я прочел все Анналы, с самого первого тома — хотя, вероятнее всего, то была его копия, которую от оригинала отделяло несколько поколений, а тот был начат даже еще до того, как наши предшественники покинули Хатовар. И эти мужчины не были высокими белокожими блондинами. Так может, и Ворошки всего лишь очередные пришельцы из другого мира, подобно Хозяевам Теней в моем родном мире и в Хсиене?

Тут Госпожа сняла шлем — так ей удобнее было грозить мне за излишнее любопытство. И я осознал, что она и сама очень даже белокожая, пусть даже не блондинка.

Тогда с какой стати предполагать, что народы Хатоваара однороднее народов в моем мире?

Подоспел Мурген с помощниками, несущими еще одно тело на грубых носилках. Первая девушка почти не пострадала от падения и огня. Второй же повезло меньше.

— Еще одна, — заметил я. Этот факт было трудно игнорировать, поскольку одежды на ней оказалось даже меньше, чем на первой.

— А она помоложе другой.

— Но сложена не хуже.

— Даже лучше, ежели смотреть с того места, где я стою.

— Они сестры, — процедила Госпожа. — Понимаешь, что это означает?

— Вероятно, то, что Ворошки настолько мало уважали нас как противников, что выслали против нас деток, чтобы они потренировались. Но после всего случившегося папочки и дедушки проявят к нам более пристальный интерес. — Я поманил всех к себе. — Подойдите ближе, господа. — Когда все, не занятые каким-либо делом, окружили меня, я сказал: — Вероятно, очень скоро в небе над нами появятся не очень дружелюбные пришельцы. Так что сворачивайте палатки, уводите животных и уносите снаряжение обратно через врата. И чем быстрее, тем лучше.

— Ты думаешь, что третий все же дотянет до армии Ворошков? — спросила Госпожа.

— Ни за что не стал бы спорить о том, что ему это не удастся. Все детки-оптимисты моей мамочки уже лет пятьдесят как померли. — Я взглянул на форвалаку. Теперь она уже почти вся превратилась в Лизу Бовок. Кроме головы. — Она сейчас похожа на мифологического зверя, правда?

Женщина-оборотень еще не умерла. Ее глаза были открыты. И они уже не были кошачьими. Они умоляли. Она не хотела умирать.

— Внешне она выглядит не старше, чем когда я видел ее в последний раз, — сказал я Госпоже. Бовок

все еще оставалась молодой и привлекательной женщиной — для той, чьи лучшие годы ушли на выживание в мерзейших трущобах воистину отвратительного города. — Эй, Лохань. Хватай Растрепу, тащите сюда дрова и валите их на эту тварь.

— Я помогу, — вызвался Гоблин.

— А тебе я вот что скажу. Если хочешь поработать, можешь смастерить парочку хороших носилок, чтобы мы смогли унести с собой новых подружек.

— А они перенесут поездку? — засомневалась Госпожа.

— Будь старшая в сознании, она, наверное, смогла бы встать и похромать с нами сама. Однако вторую мне нужно как следует осмотреть, тогда и скажу, насколько она пострадала.

— Только смотри, куда будешь тыкать и что сжимать, старик.

— А я-то думал, что в твоём возрасте у тебя прорежется чувство юмора получше обычного, старуха. Неужели ты не понимаешь, что у каждой профессии есть свои привилегии? Хирург имеет право тыкать и сжимать.

— Жена тоже.

— Я так и знал, что мы кое-что забыли, когда устраивали ту церемонию. Надо было привести законника. Лохань! Проследи, чтобы никто не смел прикасаться к тому копыю, пока мы не разведем огонь. А все положенные прикосновения я сделаю сам. Где мои птички? Пора возвращать Черных Гончих. — Мы не могли уйти отсюда без них. Они станут решающим оружием в войне с Душеловом. Дреме, наверное, их уже отчаянно не хватает.

Подошли Лебедь и еще трое — все они с натугой тащили столб, на котором летала старшая девушка.

— Эта проклятая штуковина весит целую тонну! — пропыхтел Лебедь. Все четверо носильщиков уже собрались уронить его на землю.

— Нет! — рявкнула Госпожа. — Аккуратно! Не забыли, что стало с другой? А если забыли, то смотрите. — Она указала на небо. Дым, пыль — или что там было — все еще висели над нашими головами размытым облаком. Время от времени в нем до сих пор потрескивали игрушечные молнии. — Так-то лучше. Гоблин! Дой! Идите сюда, взгляните на эту штуковину.

— А ты посмотри на эту ткань, — предложил Лебедь, протягивая мне черный лоскут.

На ощупь он напоминал шелк и казался почти невесомым. Когда я его потянул, он растянулся, не разрываясь и не становясь тоньше. Или же мне так показалось.

— А теперь смотри. — Лебедь ткнул в лоскут ножом. И лезвие не прошло. И разрезать его тоже не смогло.

— Какой практичный фокус, верно? — заметил я. — Нам очень повезло, что у нас оставались огненные шары. Дорогая, взгляни. Покажи ей, Лебедь. Эй, вы. Хватайте это бревно и тащите его через ворота. И пошевеливайтесь! Эти ребята умеют летать. И когда сюда заявится следующая стая, вряд ли им захочется с нами дружить.

Впрочем, никому мои подбадривания не требовались. Вверх по склону к воротам уже двигалась плотная цепочка людей и животных, переносящих снаряжение. Старшую девушку уже тоже несли наверх, привязав к сооруженным Гоблином носилкам.

Когда Лебедь показал Госпоже фокус с тканью, я сказал ему:

— Попробуй подыскать в одной из хижин бревно или столб, которое сможет издали сойти за эту летающую штуковину.

На меня тут же уставились Госпожа, Гоблин и Лебедь. Но на сей раз я воспользовался своим правом командира и ничего не стал объяснять. У меня

имелось предчувствие, что Ворошкам не понравится утрата летающего бревна. Это мои товарищи могли понять, но если бы я высказал это вслух, они лишь потребовали бы дальнейших объяснений.

Осмотрев младшую девушку, я сказал:

— У нее сломаны кости, сильные ожоги, проникающие раны, порезы, ссадины и наверняка внутренние повреждения.

— И? — спросила Госпожа.

— И поэтому я считаю, что толку от нее для нас будет мало. Она наверняка умрет. Поэтому я сделаю для нее все, что смогу, и оставлю ее здесь. Пусть родственнички занимаются ею сами.

— Ты что, к старости стал сентиментальным?

— Я уже сказал, что проблем от нее будет больше, чем толку. К тому же ее сестричка очень быстро придет в себя. Поэтому если я поступлю правильно с той, которую оставляю здесь, то у местных колдунов станет меньше поводов гоняться за нами с нехорошими намерениями.

— И как они поступят?

— Не знаю. И не желаю проверять. Я лишь принимаю во внимание тот факт, что они смогли переправить Бовок на равнину, а потом вернуть ее сюда, не повредив при этом никакие врата. И я лишь надеюсь, что у них нет нужных средств, чтобы переместить подобным образом армию.

— Если бы они у них имелись, им незачем было бы нападать на нас. Все шансы за то, что Бовок эти переходы удались именно из-за того, кем она была, а также потому, что она уже однажды пробилась через врата.

Я взглянул на форвалаку. Теперь уже и голова стала головой Лизы-Деллы Бовок. Той самой Лизы Бовок, что погубила Каштана Шеда тысячу субъективных лет назад. Глаза у нее были закрыты, но она все еще дышала.

Придется это исправить.

— Сперва отруби ей голову, — сказала мне Госпожа. — А потом разожги огонь.

31. Хатовар. Открытые врата

Ворошки подкрадываться не стали. Они обрушились на нас с северо-запада разъяренным, рвущимся в бой роем. В первой волне их было не менее двадцати пяти.

Все мои люди уже находились за вратами, на подъеме к равнине, но многие из Неизвестных Теней не успели вернуться. Перед уходом я разбросал в лесу раковины улиток, чтобы им было где укрыться. Я вызволю их потом, когда суматоха уляжется.

Рой приближался, волоча за собой огромные развешивающиеся полотнища черной ткани. Хоть они и видели, что мы уже за вратами, а главные наши силы успели подняться на равнину, они все равно снизились и закружились над нашим брошенным лагерем, поливая его дождем небольших предметов, которые превращали грунт в лужицы лавы, а растения заставляли вспыхивать почти со взрывом. Ни одна хижина или загон для животных не уцелели. Но раненая девушка и погребальный костер форвалаки остались нетронутыми.

— Рад, что мне не нужно бегать под таким дождем, — заметил я. Парочка Ворошков попробовала обогатить меня подобным опытом, но барьер между Хатоваром и равниной легко отбросил их снаряды. А заодно и поглотил их магию. Снаряды не взрывались, даже падая на землю.

— Все они тоже дети, — сказала Госпожа.

Казалось, что каждый летун делает что хочет и летает там, где ему вздумается, но тем не менее они не сталкивались. Убедившись, что атака оказалась безрезультатной, почти все летуны приземлились возле раненой девушки.

Мы, стоя по свою сторону врат, оперлись на бамбуковые шесты и стали наблюдать.

Во второй волне пришельцев оказалось всего трое. И показались они через несколько минут после авангарда.

— А это наверняка лидеры, — решила Госпожа. — Раз они чуть осторожнее подростков. — Полотнища черной ткани у этой троицы выглядели еще более внушительно.

— Старейшины семейства совершают путешествие, — согласился я. — А семейка у них очень даже немаленькая. Учитывая размер армии, которую они привели.

Мои шпионы доложили, что к нам движется отряд численностью более восьмисот человек, не считая самих Ворошков. Торопящийся к нам авангард легкой кавалерии насчитывал менее полусотни. Вполне вероятно, что мы смогли бы их разгромить, если бы их не прикрывала с воздуха такая армада летунов.

Приземляясь, летуны ставили свои летательные столбы вертикально, и они еще больше становились похожи на столбы изгороди, которые не опрокидываются, если их не толкнуть.

Старейшины описали несколько кругов и приземлились. Потом долго осматривали раненую девушку и лишь затем соизволили обратить внимание на нас.

Я подал сигнал рукой. Все, кто стоял на склоне и глазел на прилетевших, двинулись вверх. Но я уже позволил вождям Ворошков увидеть, как мы уносим другую девушку и как еще четверо тащат захваченный у нее летательный столб. А мы с моей дражайшей половиной стояли у самых врат в наших лучших маскарадных костюмах. И я, не снимая шлема, ухмылялся до ушей.

Среди приземлившихся, пока игнорируемый, но замеченный, в ревущем пламени костра догорал безголовый труп нашего старого врага. Я жалел, что мы не

можем показать этим ребятам и Копье Страсти. Мои вороны так и не смогли сообщить мне, поняли ли Ворошки, кто мы такие на самом деле.

— Прошлое всегда возвращается, — заметил я и помахал им рукой. Потом сказал Госпоже: — Думаю, сейчас самое время уходить. Их хорошее отношение к нам из-за того, что мы позаботились об их девчонке, вряд ли продлится долго.

— Ты и так наверняка слишком долго занимался показухой, — ответила Госпожа и зашагала вверх по склону. А она неплохо смотрелась в своих доспехах. И темп для своего возраста держала приличный.

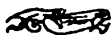
Вскоре все летающие колдуны смотрели на склон, переговариваясь и показывая на нас. Похоже, то, что мы уносим летательный столб, взволновало их гораздо больше, чем пленение второй девушки. Может, она не принадлежала к числу важных персон. А может, они решили, что она достаточно взрослая и способна сама о себе позаботиться.

Один из старших вышел из мельтешащей черной толпы. В руке он держал маленькую книгу. Он перевернул несколько страниц, отыскал нужную и стал читать вслух, водя пальцем по строкам. Второй старейшина кивнул и прочитал свою часть текста, сопровождая чтение жестикуляцией. Через секунду эстафету принял третий, которые делал такие же жесты, но не синхронно с первыми двумя.

— Это колдовской круг, — сказал я Госпоже. Мы уже догнали на склоне самых медленных из нашей команды. — Быстро сматываемся. — Я сам сделал несколько жестов. — Если вы что-то задумали, ребята, то вы об этом пожалеете.

Троица колдунов повернулась к нам спинами.

Вспышка оказалась такой яркой, что на мгновение ослепила меня. Когда ко мне вернулось зрение, я увидел еще одну многорукую морскую звезду из коричнево-серого дыма. Только не в небе, а как раз на том

месте, где находились врата. Точнехонько там, где я спрятал захваченный летательный столб под «брошенной» палаткой.

— Я ведь предупреждал, — пробормотал я.

— Как ты догадался? — спросила Госпожа.

— Сам не знаю. Наверное, интуиция. Незамутненная интуиция.

— Они только что убили сами себя. — В ее голосе почти пробился намек на сочувствие. — Им никогда не остановить поток Теней, который хлынет через такую дыру.

Некоторые из Ворошков уже осознали величину все еще разворачивающейся перед их глазами катастрофы. Черные фигурки заметались, точно внезапно попавшие под свет тараканы. Летательные столбы взмывали один за другим, устремляясь на север с такой скоростью, что от балахонов летунов отрывались клочки черной ткани, планируя вниз темными осенними листьями.

Трое старейшин остались на месте, глядя на нас. Я стал гадать, что происходит сейчас в их головах. Почти наверняка не осмысление того факта, что катастрофа стала прямым следствием высокомерия Ворошков. Никто из них никогда не признавал, что допустил хоть маленький, но промах.

И еще я не сомневался, что все оставшееся им время будет потрачено на грандиозную склоку по сваливанию вины друг на друга. Человеческая натура за работой.

— О чем ты думаешь? — спросила Госпожа.

До меня дошло, что я уже не иду, а стою, глядя на смотрящих на нас Ворошков.

— Просто заглядываю в себя, пытаюсь понять, почему это уже не волнует меня так, как волновало бы много лет назад. И почему я теперь гораздо легче признаю боль, но трогает она меня уже намного меньше.

— Знаешь, что говорил о тебе Одноглазый? Ты слишком много думаешь. И он был прав. Теперь у тебя нет перед ним моральных обязательств. Так что давай вернемся в наш мир, отшлепаем нашу непослушную дочурку и приструним мою младшую сестричку. — Ее голос резко изменился. — Но я требую одного. До сих пор. Нарайяна Сингха. Я хочу его. Он мой.

Я поморщился. Бедный Нарайян.

— У меня еще осталось тут одно дело.

— Какое? — рявкнула она.

— Когда эта троица улетит, я должен вернуть приятелей Тобо.

Она что-то буркнула и пошла дальше. Ей еще предстояло позаботиться, чтобы вход на дорогу через равнину был заперт у нас за спиной и мы тоже не стали жертвами этого взрыва.

32. Страна Теней. Протектор всея Таглиноса

Столетия приключений среди людей, считавших ее затянувшееся доброе здоровье оскорблением, отточили инстинкты выживания Душелова до бритвенной остроты. Она ощутила изменение в мире задолго до того, как поняла, каким может это изменение быть — плохим, хорошим или нейтральным, — и еще намного раньше, чем она осмелилась даже гадать о его причине.

Сперва это было просто ощущение. Затем оно постепенно превратилось в давление тысяч взглядов. Но она ничего не могла обнаружить. Вороны тоже ничего не могли отыскать, если не считать случайных и непредсказуемых встреч с их добычей, двумя Обманниками. Но это были уже старые новости.

Душелов немедленно забросила охоту. Если понадобится, к Обманникам будет совсем нетрудно снова подобраться вплотную.

До самого заката она не узнала ничего больше, разве лишь то, что ее вороны стали чрезвычайно непоседливыми, все более нервными, все менее управляемыми

и все более склонными пугаться Теней. А ясно объяснить причину своей тревоги они не могли, потому что сами ее не понимали.

С приближением вечера кое-что стало проясняться. Размышления Душелова прервали вороны-посыльные, сообщившие, что несколько из них погибли из-за внезапной болезни.

— Покажите.

Она не стала маскироваться или менять облик, следуя за птицами к ближайшему пернатому трупику. Она подняла его, не снимая перчаток, и осторожно осмотрела.

Причина смерти вороны была очевидной. Не болезнь, а Тень-убийца. Когда она приканчивала жертву, характерный внешний вид трупа позволял делать безошибочный вывод. Но такого не могло быть. Ведь ночь еще не наступила. Ее ручные Тени все еще сидят в укрытиях, а бродячих диких Теней здесь уже не осталось. Да и не стали бы дикие Тени размениваться на ворон, когда поблизости есть другая добыча — люди. Уж вопли Нарайяна Сингха и своей наглой племянницы она услышала бы раньше любой вороны... Кстати, эта птица умерла молча. Да и полдюжины других погибших ворон тоже не издали ни звука. А уцелевшие много чего пожелали ей сказать. И среди всего прочего ясно дали ей понять, что они более не собираются улетать далеко, чтобы не лишиться ее защиты.

— Но как я смогу одолеть врага, если не знаю, кто это? И если вы его не отыщете?

Но ворон нельзя уговорить или умаслить. По птичьим меркам они были гениями. А это означало, что у них хватило ума сообразить, что все их погибшие товарищи были совершенно одни, когда на них обрушилось зло.

Душелов сперва прокляла ворон, потом успокоилась и убедила самых храбрых птиц, что им все же надо отправиться на разведку, пока не стемнело окон-

чительно, но только группами по три или четыре. А ночью их сменяют летучие мыши, совы и прирученные Душеловом Тени.

Наступила темнота. Как верно подметили Обманники, темнота всегда наступает.

А с темнотой началась и безмолвная, но до ужаса яростная война, в самом центре которой оказалась Душелов.

Поначалу ей пришлось отчаянно отбиваться от неизвестных противников, пока ее собственные Тени не прислали достаточное подкрепление. Затем, безжалостно жертвуя своими Тенями, она перешла к атаке. И лишь когда наступил рассвет, а она почти лишилась в сражении всех сверхъестественных союзников, она позволила себе вспомнить об усталости. Зато она узнала частицу правды.

Они вернулись. Черный Отряд был уже здесь, с новыми батальонами, новыми союзниками, новыми чарами и, как и прежде, без капли жалости в сердцах. Эти люди были уже не тем Отрядом, который она знала в молодости, — они были духовными детьми хладнокровных убийц прежних дней. Похоже, как ни старайся, но убить можно лишь людей. Идеал продолжает жить.

Ха! Вот и закончилась скука в империи.

Однако бравада не уменьшила необъяснимый страх Душелова. Они сбежали на равнину. И теперь вернулись. И наверняка этот факт означает гораздо большее. Нужно будет допросить Тени, обитавшие на равнине в те молчаливые годы. Когда будет время. Прежде чем заниматься чем-то, еще придется заняться тем, что ей всегда так хорошо удавалось, — выживанием.

Она здесь одна и в сотнях миль от любой поддержки. Ее атакуют существа, которые не уступят ее воле или чарам и которые она, похоже, может засечь лишь с помощью ее ручных Теней или когда ее атакуют. Эти существа столь же яростны, как Тени, но странные. Они

гораздо больше не из мира сего, чем ее призрачные рабы. И еще они, похоже, гораздо более разумны.

Каждое существо из тех, кого она уничтожала лично, заражало ее одновременно и огромной печалью, и уверенностью, что она сражается лишь с наиболее слабыми представителями этой породы. Она всегда видела яркие образы демонов или полубогов, с которыми ей еще предстоит встретиться.

Но чего она не могла понять, так это почему все происходящее ее настолько пугало. Ведь в этих стычках не было ничего более смертоносного, угрожающего или опасного, чем те тысячи угроз, с которыми ей уже доводилось сталкиваться. И ничто даже в сравнение не шло с мощной темной угрозой, исходившей в свое время от Властелина.

Она до сих пор изредка тосковала по тем мрачным и древним временам. Властелин овладел ею и ее сестрой, сделал одну из них своей женой, а вторую любовницей...

Он был сильным, крепким и жестоким человеком, этот Властелин. И империя его держалась на жестокости и стали. И Душелов упивалась ее помпезностью и мрачным величием. И она никогда не простит свою соперницу, свою последнюю выжившую сестру за то, что она все это погубила. Если хотите, можете винить в смерти Властелина Белую Розу. Но Душелов знает правду. Властелин никогда не пал бы, если бы его жена не помогала его свергнуть.

А кто после их воскрешения столь упорно сражался и плел заговоры, лишь бы Властелин остался в могиле? Его любящая женушка, вот кто!

Она вернется. Она где-то там, где сейчас затаился Черный Отряд. Пока ее здесь нет, но скоро она заявится. И даже то, что она была похоронена живо, не может оттянуть неизбежное — тот мрачный момент, когда они начнут выяснять отношения лицом к лицу.

Несмотря на приобретенный за столетия циничный опыт, Душелов иногда заставляла себя не видеть то, чего не желала. А сейчас она не желала видеть, что фортуна может стать столь же переменчивой и безумной, как и она сама.

Душелов обладала поразительной способностью восстанавливать силы. Отдохнув несколько часов, она встала и двинулась на север длинными и уверенными шагами. Сегодня ночью она соберет вокруг себя армию ручных Теней. И никогда больше не подставит себя под такую угрозу, как накануне ночью.

Так она себе говорила.

Во второй половине дня она уже обрела прежнюю уверенность, а часть ее сознания уже заглядывала за краешек сегодняшнего кризиса, разведывая, что можно сделать для формирования будущего.

Душелов давно уже свыклась с тем, что с ней могут произойти и происходят ужасные вещи, но она всегда наслаждалась уверенностью в том, что выйдет живой из любых испытаний.

33. Хатовар. Уход не с пустыми руками

— На вид чисто, — сказал Лебедь. Мурген и Тай Дэй что-то буркнули, соглашаясь. Я кивнул нюень бао. Го, что он скажет, здесь кое-что значит. Глаза у него до сих пор остались такими же зоркими, как у пятнадцатилетнего парня. А я на один глаз почти ослеп, а вторым плохо видел вдаль.

— Дой! А ты что думаешь? Они сбежали? Или подкрались обратно на тот случай, если мы подкроемся обратно? — Утратив союзника в виде элемента неожиданности, я больше не желал наткнуться на Ворошков. Особенно на тех, что постарше. Они, должно быть, злы и настроены уволочь меня с собой в ад.

— Они улетели. Вернулись, чтобы готовиться к нападению. Они знают, что к ним направляются ужас и отчаяние, но еще они знают, что достаточно сильны и

могут с ними справиться, если сохранят спокойствие и станут упорно работать.

Наверное, я удивленно разинул рот.

— Откуда ты все это знаешь?

— Это лишь логическое упражнение. Возьмем то, что мы знаем о них, о колдунах как о группе, и о человеческой природе в целом, и получим вывод. Они уже пережили подобное, только в меньшем масштабе. У них уже есть план действий на случай, если такое повторится. И вся эта безлюдная местность, отсюда и до дальних склонов местного Данда-Преш, выполняет ту же роль, что расчищенная полоса вокруг крепости, ожидающей нападения.

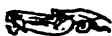
— Ты меня убедил. И будем надеяться, что они не настолько подготовлены, чтобы знать, как нас отыскать, когда разделяются с Тенями. — Впрочем, ворота и прилегающий к ним барьер были повреждены настолько сильно, что я очень сомневался, что в ближайшие несколько поколений Ворошки смогут тратить на поиски нас много сил и энергии.

— Он и меня на минуту убедил, — заметил Лебедь, — но вот приближается аргумент, подтверждающий то, что я знал всегда: дядюшка Дой полон дерьма.

Из зарослей ниже по склону выбрались шесть черных фигурок. Они шли очень медленно, попарно, разведя руки в стороны. Их летательные столбы следовали за хозяевами, зависнув в воздухе на уровне талий.

— Понятия не имею, что за чертовщина там происходит, но пусть Гоблин и Дой будут готовы ко всему, — приказал я. — Мурген, ты и Тай Дэй заходите с флангов, чтобы мы могли накрыть их с фронта и сбоку перекрестным огнем. — У нас имелись три еще действующих бамбуковых шеста — в буквальном смысле все, что осталось у нашего отряда. Госпожа сказала, что во всех трех есть только шесть огненных зарядов. Во всяком случае, она на это надеялась.

По одному на каждого Ворошка.

— А ты уверен, что нам и правда нужно собрать все оставшиеся здесь Тени? — спросил Лебедь. — Жизнь стала бы намного легче, если бы...

— Здесь. И сейчас. Но что будет дома, когда на нас навалятся Душелов и мы попросим Тобо спустить на нее Черных Гончих, а никаких Черных Гончих у него не окажется? А остальные Неизвестные Тени заявят: «Да пошли вы куда подальше! Мы не собираемся подыхать из-за парней, которые даже не попытались привести Гончих из Хатовара».

Лебедь что-то буркнул. А Гоблин фыркнул:

— Сочувствие проявляешь, Капитан? А я-то ду-мал, у тебя его уже давно не осталось.

— Когда я захочу узнать твое мнение, сморчок, я его из тебя вышибу. Что он только что сказал? — Ворошки остановились, не дойдя до нас. Один из них заговорил. О чудо! Кажется, некоторые из его слов я разобрал. — Повтори-ка, приятель.

Колдун понял и повторил фразу, произнося слова громко и медленно, как разговаривают с людьми глуховатыми, слабоумными и иноземцами.

— Что это за трескотня? — спросил я. — Теперь я точно знаю, что расслышал знакомые слова.

— Помнишь Арчу? — напомнил Гоблин. — Похоже, он пытается говорить на их языке.

— А что, вполне вероятно. Бовок была родом из Арчи. Так что слушай внимательно. — Гоблин тоже был с нами в Арче. *Очень* давно. А у меня талант к языкам. Смогу ли я вспомнить этот язык достаточно быстро, чтобы это нам хоть как-то помогло? До заката осталось не так уж много времени.

Постепенно я начал что-то понимать, хотя у колдуна был ужасный акцент, а с грамматикой он обращался вообще убийственно, обрезая времена и путая глаголы и существительные.

Мы с Гоблином по ходу дела сравнивали услышанное и понятное. Наш коротышка никогда не

говорил на этом языке хорошо, зато без труда его понимал.

— Что происходит? — возмутился Лебедь. Он держал один из бамбуковых шестов. И тот становился все тяжелее.

— Кажется, они хотят, чтобы мы взяли их с собой. Они думают, что приближается конец света, и не хотят в этом участвовать.

Гоблин кивнул, подтверждая мои слова, но тут же добавил:

— Но я и на секунду не стал бы им верить. И постоянно считал бы, что их послали шпионить за нами.

— Правильно, — согласился я. — Я так отношусь почти ко всем.

Гоблин проигнорировал шпильку и продолжил:

— Заставь их раздеться. Догола. А мы с Доем осмотрим их одежду. Как следует, словно блох поищем.

— Ладно. Только Доя я возьму с собой — пусть поможет собирать раковины улиток. — И я стал перечислять Ворошкам, что им следует сделать, если они действительно хотят уйти с нами. Услышанное им не понравилось. Им захотелось спорить. Но я спорить не стал, хотя и надеялся заполучить парочку летательных столбов, чтобы Госпожа и Тобо смогли их изучить. Проклятье, а ведь парочка таких штуковин нам и в самом деле не помешала бы.

Вместо того, чтобы спорить, я сказал им:

— Если я не увижу обнаженных тел, то предпочитаю увидеть спины тех, кто уйдет. В любом случае тот, кто не сделает того или другого, когда я досчитаю до пятидесяти, умрет на месте, сохранив достоинство. — Язык вспоминался весьма быстро, хотя свое требование я, разумеется, сформулировал не настолько четко.

Двое из пришельцев — наверное, самые сообразительные — начали раздеваться почти немедленно. Они оказались такими же светлокожими блондинами, как и девушки, которых мы уже видели, хотя и пунцовы-

ми от смущения и трясущимися от ярости. Я внимательно наблюдал за ними, особо не присматриваясь к их телам. Меня гораздо больше интересовало иное — сколько решительности они вкладывают в столь унижительную процедуру. Это могло дать мне намек-другой на их искренность.

Для одной из молодых женщин унижение оказалось слишком большим. Она дошла до стадии, когда ее пол стал очевиден, но завершить раздевание не смогла.

— Тогда лучше беги, девочка, — сказал я. И она побежала. Прыгнула на свою леталку и рванула прочь.

Ее дезертирство повлияло и на одного из юношей. Он передумал, хотя и успел полностью обнажиться. Я не стал поторапливать его, пока он одевался.

Остались четверо — трое парней и девушка, всем примерно лет по пятнадцати.

Я помахал рукой, не сомневаясь, что к этому времени Госпожа уже наблюдает и успела догадаться, что мне понадобится. Она у меня умница. И вскоре двое наших уже спускались по склону с охапками разномастной одежды, в которую предстояло облачиться пленникам.

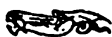
Они еще не осознали свой новый статус.

Через ворота я их провел по одному, внимательно наблюдая. Я не ожидал от них никаких фокусов, но дожидаясь до таких лет именно потому, что был готов к неприятностям, когда они казались наименее вероятными.

— Все понимают, что у того, кто выйдет через ворота обратно, будут неприятности? — уточнил я у пленников. Их еще больше унизило то, что всем им связали за спиной руки, как только они переоделись.

Парень, кое-как говоривший на языке Арчи, сказал что-то про униженное достоинство.

— Это лишь временно, — заверил я. — До тех пор, пока несколько наших остаются снаружи. — Я перешел

на таглиосский: — Мурген, Лебедь и Тай Дэй, держите этих ребят на коротком поводке.

Бамбуковые шесты рассекли воздух и уставились на пленников. Несмотря на возраст и неотделимый от него цинизм, эти ребята еще способны на энтузиазм. В основном, показной.

— Если с тобой что-нибудь случится, то от них останутся только мокрые пятна и кончики ногтей, — пообещал Лебедь.

— Ты хороший человек, Лебедь. Дой, ты пойдешь первым. — Пожилой нюень бао извлек свой меч по имени Бледный Жезл, шагнул через поврежденные ворота в Хатовар и занял там оборонительную позицию. — Твоя очередь, Гоблин. — Мургену я подал знак рукой, чтобы он не стеснялся пустить шар через ворота, если там вдруг кто-нибудь появится.

Дальше все прошло скучно. Я прошелся с мешком по всем местам, где прежде разбрасывал раковины улиток, и собрал их. Те, в которых кто-то спрятался, отличаются от пустых, если их взять.

Пока я собирал урожай, вернулись мои вороны и доложили, что Ворошки отчаянно готовятся к наступлению темноты. Ужас и паника распространялись по их миру со скоростью, с какой могли летать их посланники.

С помощью птичек поиски наших призрачных компаньонов стали намного легче. Они показывали мне, на какие раковины не стоит тратить время и где найти те, про которые я забыл. Мы вместе вернулись через ворота за час до заката.

Гоблин все еще изучал ткань, конфискованную у юных Ворошков.

— Это воистину поразительный материал, Костоправ, — пропищал он. — Кажется, он даже откликается на мысли того, кто его носит.

— А для нас он безопасен?

— Думаю, он остается совершенно инертным, пока не соприкасается с тем, на кого он настроен.

— Вот и еще задачка для Тобо. Пусть потешится, если выкроит посреди войны свободное время. Сверни ткань и погрузи на мула в голове колонны. Нам пора выступать. — Я сменил язык и сказал приунывшим пленникам: — Сейчас я вас развяжу. А потом выпущу по одному, чтобы вы забрали свои леталки. Летать на них вам не позволят. Вы пойдете в конце нашей колонны.

Пока они выполняли мои указания, я рассказал им об опасностях равнины. Их страх перед Тенями дал мне возможность удерживать их внимание. Я попытался внушить им, что неверное поведение на равнине может убить не только идиота, нарушившего правила, но и всю команду, поэтому пусть не ожидают от нас вежливости, если мы сочтем их поведение неприемлемым.

Я стал последним из Отряда, покинувшим землю Хатовара. Перед уходом я провел краткую личную церемонию прощания. А может, и экзорцизма.

Один из двух пленников, способных общаться, — тот, что помоложе, спросил:

— В чем смысл того, что ты делал?

Я попытался объяснить. Он ничего не понял. Вскоре я обнаружил, что он никогда не слышал о Свободных Отрядах Хатовара. Что он ничего не знает об истории своего мира, предшествующей временам, когда его предки захватили власть. И более того, на всю эту историю ему наплевать.

Короче, он оказался пустоголовым юнцом. Не сомневаюсь, что его товарищи недалеко от него ушли.

Отряд станет для них откровением.

Мы с Госпожой стояли возле врат у начала дороги. Нужно было проверить, действительно ли мы надежно восстановили здесь защитный барьер и не просочатся ли сквозь него Тени. Солнце село. Ощущение,

возникающее, когда вокруг собирается большое количество Теней-убийц, после наступления темноты становилось все сильнее. Об их присутствии свидетельствовало нарастающее возбуждение, словно Непрощенные Мертвецы знали, что у врат произошли какие-то изменения, хотя они и не могли выйти на разведку днем.

Небеса над Хатоваром оставались чистыми. Луна вошла как раз перед закатом, и ее серебристого света вполне хватало, чтобы высветить начальную стадию вторжения Теней. Ручеек мелких Теней постепенно просачивался сквозь поврежденную границу. Мы слышали визг умирающей свиньи. Все новые Тени спускались по склону к вратам. Они вроде бы не умели общаться друг с другом, но каким-то образом все большее число Теней узнавало о возможности поживиться.

— Посмотри туда, — сказала Госпожа. В небе, иногда мелькая на фоне луны, закружились Ворошки. Вскоре в густых зарослях на склоне начали вспыхивать светящиеся шарики. — Наверное, это нечто вроде наших огненных шаров.

Мы тоже поначалу создали огненные шары, чтобы уничтожать потоки мрака, которые Хозяева Теней упорно обрушивали на нас.

— В любом случае, они собираются дать им отпор. О, взгляни-ка туда.

Мы увидели Нефов.

— Сноходцы вышли наружу? Интересно, зачем?

— Жаль, что мы не можем выпустить с равнины все Тени, а потом запереть за ними врата.

Полагаю, даже Шевитья со мной согласился бы. Он был не очень-то рад некоторым изменениям, случившимся на равнине за последнее тысячелетие.

— Нам пора уходить, — напомнила Госпожа. — А тебе не мешало бы поразмыслить над тем, что мы станем делать с нашими новыми детишками, когда добе-

ремся до конца пути и у них появится искушение сбежать.

Да, не мешало бы. Нам вовсе не нужны новые колдуны-психопаты, путающиеся под ногами.

34. Страна Теней. Труды Тобо

Тобо кончил расспрашивать черную ворону, которая на самом деле не была птицей, и срочно отправил ее обратно к Костоправу. Свою мать и Дрему с ее обычной свитой он обнаружил за изучением карты территорий севернее Данда-Преш. Они старались отыскать наиболее удобный путь на север — после того, как армия пересвалит через горы. Маленькие цветные значки обозначали последние известные позиции Протектора и Нарайяна Сингха.

— Новости от Костоправа? — спросила Дрема.

— Дело сделано. Они уже выступили к нам. Но все оказалось куда необычнее, чем он ожидал. — Тобо пересказал сообщение полностью.

— Тебе придется вернуться, — решила Дрема. — Мы не можем рисковать, если там прорвется еще одна шайка колдунов.

— Пожалуй, — неохотно согласился Тобо.

— Мне это нравится. Почему он просто не убил их, завладев этими летательными штуковинами и замечательной одеждой?

— Потому что он так не поступает. — Не говоря уже о том, что мертвецы не очень-то сотрудничают, когда им приходит время поделиться знаниями.

— Конечно. Он всех отпускает, а потом через тридцать лет устраивает охоту. Но как я смогу двигаться дальше, если тебя не будет рядом?

— Если Костоправ уже на нашей стороне врат, то и все Неизвестные Тени тоже. И скоро впереди нас побегут Черные Гончие. А еще через день-два мы сможем увидеть, что происходит там, где мы только пожелаем что-то увидеть.

Дрема нуждалась в такой поддержке. Ее волновало все, что происходит там, где она не может следить за событиями сама. А напоминания о том, что практически все люди, включая большинство офицеров Отряда, прожили всю жизнь куда более слепыми, чем она была когда-либо, отнюдь не улучшали ее настроение.

Дрема была разбалована. Все то время, что она провела с Отрядом, мы так или иначе имели возможность узнавать, что происходит вдали от нас. Обычное дело — дайте что-либо кому-нибудь на время и очень скоро этот кто-то станет считать, что это принадлежит ему от рождения. И Дрема вовсе не была исключением из правила.

— Я понимаю, что тебе нужно дождаться Тобо, прежде чем позволить пленникам покинуть равнину, — проскрипел Гоблин. — Но почему мы, все остальные, не можем пойти вперед? Мы же не делаем ничего полезного, а просто торчим тут.

— Вы делаете то, что я вам приказываю. А теперь помолчи. Пока я не заткнул тебя кляпом.

Я и сам проявлял нетерпение, пока Тобо наконец-то не прибыл. Он был связан ограничениями обычного путешествия. У нас больше не было ковров-самолетов, хотя и оставалась надежда, что Ревун сумеет смастерить парочку, когда его разбудят. (Никто еще не пытался.) А теперь появилась еще и вероятность, что мы овладеем секретом летательных столбов Ворошков.

Тобо примчался к нам на супержеребце, который считал своей хозяйкой Дрему. Когда-то Госпожа, будучи еще владелицей Башни у себя на севере, вывела таких жеребцов для себя, и несколько их попало на юг вместе с Отрядом. Этот был последним из уцелевших.

— Сколько эти жеребцы живут, дорогая? — спросил я Госпожу, завидев подъезжающего Тобо.

— Лет сорок. Самое большое. Этот свое уже почти прожил.

— А выглядит весьма резвым. — Хотя животное и промчалось сорок миль, оно казалось почти бодрым.

— Я хорошо работала в те дни.

— И теперь по ним скучаешь.

— Да. — Мне она лгать не станет. Или меньше любить меня из-за того, что ей хочется стать такой, какой она когда-то была. Насколько я могу судить, она никогда не сожалела о содеянном — ни о хорошем, ни о плохом. Хотел бы я сам быть таким.

Тобо спешилс я у самых врат. Я провел его через них, и он сразу принялся за дело, только сперва улыбнулся и помахал отцу и дядюшке Дою:

— У вас пятеро пленников? И все опытные колдуны?

— На сей счет ничего не знаю. Вполне может статься, что они полные бездари. Но они летают на этих столбах и одеты в какую-то суперткань, которой, по словам Гоблина, можно манипулировать, отдавая мысленные приказы. Так что можешь считать, что насчет осторожности я тебя предупредил.

— Мы можем с ним общаться?

— К нам попали два брата, чей отец общался с Бовок и управлял ею, пока она была в Хатоваре. Он мог заставить Бовок принимать на час-другой человеческий облик, но удержать ее в нем оказалось ему не по силам. По его мнению, причина заключалась в том, что Меняющий Облик вплел в трансформирующие облик чары обратную связь. То есть она могла становиться человеком, лишь пока он жив. Меняющий ей не доверял. И когда Одноглазый его убил, эта обратная связь сработала.

В любом случае, эти юные Ворошки вертелись рядом с папашей и немного освоили родной язык Бовок. А когда Ворошки взорвали врата, одному из них пришла в голову блестящая идея о том, что он сможет

уговорить нас взять и его с собой в какое-нибудь безопасное место. Он прихватил нескольких таких же перепуганных друзей и явился к нам, полагая, что мы говорим на том же языке, что и форвалака. Он тешил себя странной идеей о том, что мы почему-то признаем безоговорочное превосходство Ворошков над собой и примем их как почетных гостей. Ему и в голову не приходило, что могло быть как-то иначе, потому что никак иначе в Хатоваре не бывает. Он наглый, тупой и высокомерный. Да и остальные, похоже, такие же. А братец его еще круче — он даже разговаривать с нами не желает.

Тобо чуть неприятно улыбнулся, очевидно, припомнив похожее отношение к нам хсенских военачальников:

- Полагаю, их ждало одно разочарование за другим.
- Точнее не скажешь. Для этих детишек жизнь превратилась в невообразимый ад. И я вынужден постоянно напоминать им о том, что они еще живы.
- Так пошли, потолкуем с ними. — Парня возбуждал брошенный ему вызов.

Когда мы подходили к пленникам, я предупредил его:

- Все они красавцы и красавицы, но я серьезно считаю, что мозгов у них почти нет. Во всяком случае, доходит до них очень медленно.

Мы остановились в нескольких шагах от блудных детей Хатовара. Они, присев на корточки, сбились в кучку возле дороги, по которой уже шли к воротам, выходя в наш мир, мулы и солдаты Черного Отряда. Лишь у одной девушки хватило амбиции, чтобы поднять на нас глаза. У младшей. Той, которую мы взяли в плен.

Она смотрела на Тобо примерно полминуты. Потом негромко сказала что-то своим товарищам. Те тоже уставились на него. Лишь их вожак и его брат расстались со своей прирожденной высокомерностью. А

ведь путешествие было не таким уж долгим и утомительным.

Кажется, они ощутили в Тобо нечто, неочевидное для меня. И это пробудило надежду. Несколько невинных вопросов на их родном языке.

— Когда они кончат бормотать, скажи им, кто я такой. И можешь не быть абсолютно честным.

— Небольшое преувеличение не повредит?

— А когда оно вредило?

Беседа продлилась дольше, чем я предполагал. Тобо был поразительно терпелив для своего возраста. Он упорно трудился, чтобы заставить Ворошков понять, что они уже не на земле своих отцов, что здесь не важно, кто они такие и кто их родители. И что в нашем мире им придется отрабатывать свой ужин.

Мы прервались, чтобы перекусить. Лишь Ворошки и их охранники остались у врат со стороны равнины.

— Я восхищен твоим терпением, — сказал я Тобо.

— Я тоже. Некоторым из них мне уже хотелось дать пинка. Но дело не только в терпении. Я старался узнать о них побольше, угадывая, о чем они умалчивают. И из того, о чем они проговариваются. Ты прав. Умишком они слабоваты. Впрочем, я думаю, что причина не в их прирожденной тупости, а в том, как их воспитывали. Они и понятия не имеют о собственном прошлом. Никакого! Они никогда не слышали о Свободных Отрядах. Никогда не слышали о Копье Страсти. И что воистину великие чародеи из Хатовара возвели по всей равнине каменные столбы, хотя им угрожала большая опасность от Теней. Они даже слово «Хатовар» не узнали, хотя Хади они знают как какого-то очень древнего демона, на которого всем уже давно наплевать.

— А ты откуда все это узнал? То есть про каменные столбы.

— Баладитай узнал от Шевитьи. А ты заметил, что руны на летательных столбах почти идентичны тем, что на каменных столбах с равнины?

— Нет, этого я не заметил. Был слишком занят, приглядывая за Гоблином. Это мелкое дерьмо немного говорит на языке Арчи. И постоянно ошивался возле них. И разговаривал.

Тобо пожевал губу, кивнул и ненадолго задумался.

— Ты не спрашивал его, о чем?

— Нет. Я этому типу не доверяю, Тобо. Потому что Одноглазый перед смертью наказал мне не верить ему.

— Теперь Гоблину долго никто верить не будет, Костоправ. И он это знает не хуже, чем любой из нас. И он станет таким осторожным Гоблином, какого ты никогда не видел. Ты его даже не узнаешь.

— Мы же говорим о Гоблине. Он не может помочь себе сам.

— Он нарвался на такое, потому что Одноглазый потащил его с собой. Подумай об этом, Костоправ. Если он каким-то образом превратился в инструмент Кины, то задание у него долгосрочное. Начать Год Черепов или что-то вроде этого. И он не даст себя убить из-за какой-нибудь ерунды.

Я хмыкнул. На традиционном уровне такая логика была безупречной, но все же слова Тобо меня не убедили. Гоблин был Гоблином. Я знаю его очень давно. И не все его поступки имеют смысл даже для него.

— Так что будем делать с Ворошками? — спросил я.

— Я стану их учить.

Черт! Мне не понравилось, как он это сказал.

Моих охранников Тобо заменил своими приятелями-таглиосцами во главе со старшим сержантом по прозвищу Ходящий по Реке, или Рекоход в кратком варианте. Все эти охранники бегло говорили на языке Хсиена и могли общаться на языке нюень бао, а тот,

в свою очередь, был двоюродным братом языка, на котором говорят в Стране Неизвестных Теней.

Тобо проинструктировал охранников, затем пленников. Через меня. Объяснил им прозу жизни:

— Эти люди станут вашими учителями. Они обучат вас языкам и навыкам, нужным для выживания в этом мире. Расскажут о наших религиях и законах и о том, как мы ладим друг с другом.

Паренек, переводивший для остальных, возмутился было. Но Рекоход шлепнул его по макушке с такой силой, что свалил наземь. Тобо продолжил:

— Вам необходимо понять, что вы гости. Своими знаниями вы купили себе выход из Хатовара. Ваша жизнь будет комфортной, насколько это в наших возможностях, но лишь до тех пор, пока вы с нами сотрудничаете. Но сейчас мы ведем войну со старыми и могущественными врагами. И мы не намерены терпеть тех, кто не пожелает сотрудничать. А по отношению к тем, кто покажется нам опасным, наше терпение станет особенно коротким. Вы все поняли?

Тобо подождал, пока я кончу переводить. Я попросил его еще немного повременить, чтобы до подростков окончательно дошла серьезность ситуации. Молодым всегда тяжело воспринять, что нечто жестокое и смертельно опасное относится именно к ним. И они склонны соглашаться почти на что угодно, лишь бы больше не слышать об этом.

Затем Тобо попросил перевести вот что:

— Остаток этого дня и до рассвета можете отдыхать. Завтра начнете интенсивное изучение таглиосского. Пока мы станем догонять нашу армию, я поеду с вами и помогу чем смогу.

Парень-вожак снова решил поспорить. Он плохо вслушивался в то, что переводил. Рекоход врезал ему снова.

— С этим мы нахлебаемся проблем, — сказал мне Тобо.

— Вполне возможно, что и со всеми. Они и дома не очень-то между собой ладили. — Сменив язык, я сказал пленникам: — Если вы доставите нам больше хлопот, чем сами стоите, то эти люди вас убьют. А теперь пошли. Кажется, я вижу, что с вами хочет познакомиться нечто съедобное.

Одна из девушек сказала что-то на своем языке. Захваченная, а не та, что пришла с парнями. А потом заревела.

— Скажи ей, что она не может вернуться домой. Теперь уже слишком поздно, — сказал я.

— Но все здесь от чего-то бегут, — заметил тем временем Тобо.

— Некоторые, — уточнил я. — Как думаешь, скоро нам удастся где-нибудь присесть? Мне нужно многое записать.

— Если хочешь присесть надолго, то советую устроить переворот, — рассмеялся Тобо. — Потому что Дрема не успокоится, пока не навалит столько трупов, что из них можно будет складывать заборы.

Похоже, ужин Ворошкам понравился. Впрочем, они настолько проголодались, что смели бы все подряд. Мы начали учить их таглиосским существительным. А Тобо изучал и их, и те диковины, которые они прихватили с собой. Кажется, летательные столбы впечатлили его меньше, чем одежда, которую им больше не разрешали носить.

— Эти столбы — какая-то разновидность той магии, с помощью которой Ревун управлял коврами-самолетами. С ней я со временем разберусь. Если сумею обойти заклинания, предназначенные для самоуничтожения столбов, когда они попадают в чужие руки.

Я рассказал ему о том, что случилось, когда два таких столба взорвались.

— Значит, это очень мощная магия. Я буду осторожен.

— С девушками тоже будь осторожен. Кажется, младшая уже положила на тебя глаз.

Утром мы не смогли разбудить парня-предводителя. Он был жив; но растолкать его не смог никто.

— Что ты сделал? — шепотом спросил я Тобо, сделав к вывод, что тот решил вывести из игры самого упрямого строптивца, не потеряв при этом доступ к его столбу и одежде.

— Я тут совершенно ни при чем.

После меня парня осмотрела Госпожа.

— Очень напоминает кому, в которую когда-то впал Копченый, — заметила она.

Я согласился. Но мы считали, что с Копченым поработала Душелов. На сей раз это никак не могло быть делом ее рук. Неизвестные Тени следили за ней непрерывно. И отогнали бы любых монстров, если бы она выпустила их против нас.

— А кто-либо из твоих невидимых друзей был поблизости прошлой ночью? — принялся я размышлять вслух. — Может, они что-то заметили?

— Я проверю.

Напустив на себя строгость, я запугал брата отключившегося парня настолько, что тот признался, что способен общаться. И я заставил его понять, что нужно привязать его брата к одному из столбов. Иначе его придется здесь бросить, когда мы двинемся дальше.

Всех пленников происшествие жутко напугало.

— Очень своевременная неприятность, — заметила Госпожа.

— Да. Но для кого?

35. Таггнос. Сообщение

Могаба ругался негромко, но энергично, грязно и непрерывно. Вороны одна за другой прилетали уже больше часа, и каждая несла кусочек длинного послания от

Протектора. Птичьи мозги ни одной из них не смогли бы вместить в себя много. А поскольку в пути они подвергались бесчисленным опасностям, каждый фрагмент приходилось посылать снова и снова.

Верховный главнокомандующий всегда ненавидел собирать головоломки из таких кусочков, а эта из-за своей величины оказалась хуже всех прежних. Да во всем мире не наберется столько ворон!

Над сообщением уже корпели двадцать писцов.

Некоторые его пункты стали ясны быстро.

Могаба послал за Аридатой Сингхом и Гопалом Сингхом. Это сообщение касается их всех.

К тому времени, когда эти двое прибыли, достаточно много кусочков головоломки уже сложилось, и Могаба узнал самую важную для него деталь.

— Они вернулись.

Аридата подпрыгнул и уставился на Могабу:

— Вернулись? Кто вернулся?

— Черный Отряд. Протектор их уничтожила. Правильно? Искоренила. Правильно? Но теперь сама сообщила, что они вернулись. Сейчас в соседней комнате сшивают кусочки ее послания.

— О чем это ты? — спросил Гопал.

— От нашего нанимателя до сих пор поступает огромное сообщение. Она забросила охоту. И сейчас бежит, направляясь домой. Через ворота сюда валит Черный Отряд. Их тысячи. Они хорошо вооружены, оснащены и обучены. Везут с собой Радишу Драха и Прабриндраха Драха, которые их благословляют. А у нас на сотни миль нечего выставить против них. Она направляется сюда. И ожидает, что скоро утратит способность наблюдать за ними. Вместе с Отрядом с равнины сошли какие-то незнакомые нам сверхъестественные помощники. Очевидно, это что-то вроде Теней, но гораздо опаснее их, потому что умнее.

— По-моему, это очень неплохая информированность для того, кто убегает от врага, знающего о его

возможностях, — заметил Аридата. Красивое лицо Сингха немного побледнело, а голос слегка охрип.

— Мысль, не ускользнувшая и от меня. Она ведь Душелов, в конце концов. Однако, с другой стороны, она не может узнать ничего, если нечего видеть.

Аридата и Гопал кивнули. Во всех отношениях (но не в душе) они оставались преданными слугами Протектора.

Могаба продолжил:

— То, что враг знаком с возможностями Протектора, означает, что он постарается лишить ее этих возможностей. Мы не знаем, кто ими командует, но доктрина остается доктриной. Сперва они постараются ее ослепить, потом лишить возможности общаться. И более удачного времени для этого они выбрать бы не смогли. Она в сотнях миль от ближайших поселений. Она не в силах передать что-либо быстрее, чем расходятся слухи. А вы прекрасно знаете, что новость о возвращении Радиши и ее брата распространится как чума.

— В таком случае, я запечатаю эту часть дворца, — решил Гопал. — Мы ведь не хотим, чтобы люди помчались в храмы или еще куда-нибудь и разболтали слишком много правды тем, кто использует ее как инструмент против нас.

— Сделай это. — Это станет удачным поступком для невидимых шпионов Протектора. Но с другой стороны, будет очень полезно позволить части новостей просочиться. Таглиос может впасть в хаос. А это состояние, наделяющее возможностями. Хаос может оказаться очень полезным. И стать замечательной маскировкой.

Возможно, не сейчас, а когда Протектор окажется ближе к Таглиосу.

А сейчас необходимо готовиться к сражению с Отрядом. И нападения можно ожидать с любого направления.

Где они нашли столько солдат? И собственные Тени? Какие еще сюрпризы они прячут в рукаве?

А что-то наверняка имеется. Это в их натуре.

— Нам нужно, чтобы часть новостей просочилась, — сказал Могаба. — Нравится нам это или не нравится, но нам нужно готовиться к войне. Предстоит сражение. Если только мы не сдадимся без сопротивления. Сам я этого делать не собираюсь. Потому что не переживу последствий.

Сингхи переглянулись. У верховного главнокомандующего прорезалось чувство юмора? Замечательно.

— Люди боятся Черного Отряда, — сказал Гопал.

— Разумеется. Но когда они в последний раз одерживали победу? Мы били их раз за разом во время кьяулунских войн. — Тогда Могаба гордился своей работой. Его идеи и планирование внесли лепту в каждый триумф Таглиуса.

— Но мы не стерли их с лица земли. Проблема с Черным Отрядом в том, что если оставить в живых хотя бы одного, то вскоре они нападут на тебя снова.

«Мой брат не отомщен». Этот лозунг преследовал Могабу в кошмарных снах. Ему было о чем сожалеть.

— Как скоро мы можем ожидать Протектора? — спросил Гопал. — Мне нужно подготовиться к встрече.

— Когда она начала передавать сообщение, то шла пешком, — ответил Могаба. — Но рано или поздно она дойдет до курьерской станции. И с этого момента начнет быстро наверстывать время. Если она действительно очень торопится, то я не стал бы рассчитывать на то, что у нас в запасе больше двух-трех дней.

Гопал недовольно хмыкнул.

Могаба кивнул. Ничто в жизни не дается легко.

— Она поймала Обманников? — спросил Аридата.

И опять Могабе показалось, что Аридата выдал тщательно скрываемый интерес. Возможно, даже личный.

— Нет. Я ведь сказал, что она бросила охоту. Все, хватит. Мы все прекрасно знаем, чем нам нужно заниматься. Аридата, мне как можно скорее нужен весь курьерский батальон. Надо проинструктировать командиров гарнизонов. Если поступят критические новости, я вам немедленно сообщу.

Наблюдая за тем, как сообщение принимает окончательную форму, верховный главнокомандующий мысленно оценил командиров всех подразделений и готовность и надежность их солдат. Результат его встревожил. На первый взгляд казалось, что он может пустить в ход ресурсы всей империи. Но Протектор не утруждала себя поддержанием боеготовности войск, когда ей грозила прямая и немедленная опасность. К тому же она не пользовалась популярностью и никогда этого не желала. Она предпочитала править грубой силой.

Особенно опасным стало возвращение Прабриндраха Драха и его сестры. Они были популярны в свою эпоху, а попав в тигель времени, уже прошли первую стадию на пути к объявлению их святыми. Кто-то начнет славить их как освободителей. Проклятье, если Костоправ все еще жив, ему вполне могут вернуть прежний титул.

Появятся дезертиры — как среди верховного командования, так и среди солдат. Могабу больше тревожили войска. Аристократия и верхушка духовенства, обязанные своим положением Протектору, станут вести осторожную игру. Таглиосу уже преподали несколько болезненных уроков по поводу цены, которую приходится платить за предательство Протектора.

В каком месте лучше всего дать сражение Отряду? И как навязать им это сражение, если они станут уклоняться от крупных схваток?

Могаба не сомневался, что его лучший шанс — заставить врага сразиться с ним как можно раньше. Пока имеющиеся у верховного главнокомандующего войска не начали испаряться.

36. Таггносские территории. Дикие земли

Душелов торопливо шагала по берегу ручья, глубокой и неторопливостью течения напоминающего канал, и искала место для переправы. Она ошиблась в расчетах, решив срезать путь через эти болота и низины, чтобы добраться до жалкой крепости в Нидже. Если бы она придерживалась дороги, прогулка оказалась бы более долгой, зато тогда ей встретились бы мосты.

Когда она сталкивалась с препятствиями, у нее не оставалось иного выбора, как сворачивать наугад. Эту местность она не знала. Шла она вслепую, потому что не могла послать на разведку летучих мышей или сов. Этой ночью рядом с ней не будет и Теней. Она отослала их вместе с воронами в безопасное место. И она знала, что сама сможет справиться с бродящей вокруг нее нечистью.

Позади нее из воды поднялось нечто похожее на лошадь. В ухо зашептал голос, предлагая ей сесть верхом и поехать дальше. Она бросила на существо за спиной лишь краткий презрительный взгляд. Эти придурки хоть и умнее Теней, но ненамного. Да за какую идиотку они ее принимают? Вовсе не нужно быть знатоком хсиенского фольклора, чтобы понять, что водяной конь утащит ее на дно.

Она проигнорировала монстра, не зная, что это афанк — скорее кентавр, чем конь. Полчаса спустя она проигнорировала его кузена, напоминающего гигантского бобра. Следующим стало нечто крокодилообразное, хотя от ручья было четыреста миль до ближайших теплых мест, где могли обитать гигантские рептилии. И все они шептали ей. Некоторые даже знали ее настоящее имя.

Наконец она наткнулась на дощатый мостик, очевидно, уложенный редко встречающимися туземцами-конокрадами, обитающими в местных горах. Когда она пошла по нему, из-под мостика послышался шепот. Слов она не понимала, но угроза была очевидной.

— Если не хочешь, чтобы я переходила, то покажись и сделай что-нибудь, — заявила она, выбрав голос маленькой девочки — сильно встревоженной, но не напуганной.

И из воды появилось нечто — огромное, темное и уродливое. Его шкуру покрывали светящиеся пятна. Зубов у него оказалось слишком много, и они торчали из пасти под разными углами. Когда оно станет есть, у него возникнут проблемы.

И эта зубасто-клыкастая пасть распахнулась. Монстр приготовился к броску.

Душелов взмахнула затянутой в перчатку рукой. Глаза злого духа припорошило искрящейся пылью.

Он завизжал.

Душелов прыгнула с мостика за секунду до того, как тот превратился в щепки. Она, птясь, отошла на несколько шагов, наблюдая, как корчится и тает демон. А из-под ее маски послышался девичий голосок, напевающий песенку с веселеньким припевом: «Ах, как весело смотреть, как ты дохнешь...»

37. Тагпиносские территории. Где-то севернее Чарандапраша

Похоже, Дщерь Ночи и в самом деле расцвела теперь, когда Протектор их больше не преследовала. Нарайяна это встревожило.

— Ты всегда тревожишься, — упрекнула она. Девушка была счастлива. Ее голос обрел музыкальность. Отсветы костра вспыхивали в ее глазах искорками — когда не заставляли их светиться красным. — Если нас кто-то преследует, ты боишься, что нас поймут. Если мы в безопасности, то тебя волнует, что я

соответствую облику Дщери Ночи, который ты для меня выдумал. Нарайян, Нарайян... папа Нарайян, больше всего на свете мне хочется устроить так, чтобы тебе больше не пришлось этим заниматься. Ведь ты делаешь это уже так давно... И теперь заслужил покой и отдых.

Нарайян знал, что это невозможно. И никогда не будет возможно. Но спорить не стал.

— Тогда давай начнем Год Черепов. Когда Кина вернется, мы сможем бездельничать до конца жизни.

Девушка встрепелась, на ее лице отразилось удивление. Потом она вдруг вздрогнула. И еще больше побледнела, оставив Нарайяна гадать, как ей это удалось, потому что она постоянно была бледной, как смерть. Она уставилась в ночь, явно встревоженная.

Нарайян принялся забрасывать костер специально приготовленной для этого землей.

— Слишком поздно, — сказала девушка.

За ее спиной выросла гигантская тень... и растаяла, словно унесенная ветром.

— Девчонка права, старик, — произнес голос, который Нарайян не слышал годами и услышал вновь гораздо раньше, чем надеялся.

Икбал и Ранмаст Сингхи — не родственники Нарайяна — показались на границе отбрасываемого костром света, точно сгустившийся туман. За их спинами виднелись другие — солдаты в кирасах, каких Нарайян никогда не видел. А среди солдат он увидел истекающих слюной красноглазых зверей. Таких он тоже никогда в жизни не видел.

Сердце Нарайяна заколотилось вдвое чаще.

— Теперь мы знаем, почему моя тетушка перестала на нас охотиться, — заметила девушка.

— Теперь знаете, — согласился Ранмаст. — Черный Отряд вернулся. И мы недовольны. — Ранмаст был огромным лохматым шадаритом и подавлял противника одними своими размерами.

Икбал Сингх улыбнулся, в его кустистой бороде блеснули безупречные зубы:

— На сей раз тебе придется иметь дело со своими матерью и отцом. — Икбал был почти столь же лохмат и огромен, как и его брат, но почему-то внушал меньше страха. Девушка вспомнила, что у него жена и несколько детей. Но... Неужели он имел в виду родившую ее мать? И ее родного отца? Но ведь они же мертвы.

Ее колени ослабели. Она никогда не видела своих настоящих родителей.

От слабости живой святой даже не смог подняться. Кина решила снова подвергнуть его испытанию. А у него не осталось сил, чтобы сражаться за свою веру. Он слишком стар и немощен, а вера истерлась почти до прозрачности.

Ранмаст подал знак. Солдаты приблизились к костру. Они вели себя осторожно, чтобы не оказаться между пленниками и нацеленными на них арбалетами. Руки девушки засунули в набитые шерстью мешки, затем ее запястья связали за спиной. Ей аккуратно вставили в рот кляп, потом набросили на голову просторный шерстяной мешок. Солдаты знали, что она умеет колдовать.

Нарайяна усадили на лошадь и привязали к седлу. С ним они обращались грубо, потому что торопились. Если бы его заставили идти следом, он плелся бы слишком медленно. С девушкой они вели себя вежливее, но ее ближайшее будущее станет таким же, как у Нарайяна.

Пленившие их солдаты не были жестоки, но девушка не сомневалась, что их отношение изменится, когда у них появится достаточно свободного времени. Станные молодые солдаты в полязгивающих черных доспехах казались весьма заинтригованными ее бледной красотой.

Она совсем не так представляла, как станет женщиной. А ее воображение уже несколько лет работало чрезвычайно активно.

38. Таглиосские территории. Данда-Преш

Мы были на вершине перевала через Данда-Преш, когда нас достигла новость. Изматывающая усталость, одолевшая меня, когда я волочил свои древние кости, тут же испарилась. Я шел во главе колонны. Я остановился и отошел в сторону, глядя на бредущих мимо усталых людей и мулов. И люди, и животные надеялись, что наши главные силы смели в Чарандапраше все продовольствие и фураж.

Ворошки погрузились в усталость и отчаяние. Тобо шел вместе с ними, постоянно разговаривал и пытался чему-то научить, преодолевая их боль и апатию. Ребятишкам никогда в жизни еще не приходилось куда-то ходить пешком.

Их летательные столбы дрейфовали следом за ними.

Наконец на вершине перевала показалась Госпожа. Я подошел к ней и догадался, что слухи успели до нее добраться, хотя все вроде бы настолько вымотались, что уже не желали тратить дыхание на разговоры. Слухи — штука магическая, а может, даже и сверхъестественная.

Но я все равно сказал ей:

— Ранмаст и Икбал захватили Нарайяна и Бубу. Они так и шли дальше в нашу сторону, когда Душелов перестала за ними гнаться.

— Я слышала.

— Ты так же нервничаешь, как и я?

— Наверное, больше. — Некоторое время мы брели рядом. Потом она сказала: — Мне так и не выпал шанс побыть матерью. И никогда не было возможности научиться быть ею. Когда Нарайян ее похитил, я просто снова стала прежней.

— Знаю. Знаю. И нам надо постоянно напоминать себе, чтобы мы не привязывались к ней. Она никогда не станет думать о нас, как о матери и отце.

— Я не хочу, чтобы она нас ненавидела. И знаю, что она будет нас ненавидеть. Ведь она всю жизнь прожила Дщерью Ночи.

Я задумался над ее словами, потом сказал:

— Когда-то и ты всю прожитую жизнь была Госпожой из Чар. Но теперь ты здесь.

— Теперь я здесь. — Равнодушие в ее голосе обезоружило бы и не такого мужчину, как я.

Она — и я — теперь достигли того возраста, когда люди слишком долго гадают о том, как все могло бы сложиться, если бы в прошлом они сделали иной выбор.

У меня множество поводов для таких сожалений. А у нее, не сомневаюсь, еще больше. Потому что ей пришлось отказываться от чего-то гораздо чаще, чем мне.

Мимо нас, пыхтя, протопал Лозан Лебедь, на ходу съехидничав насчет стариков, которые всех задерживают. Я спросил:

— Ребята, вы присматриваете за Гоблином?

— Он и пернуть не может, чтобы мы об этом не узнали.

— Ну, уж это однозначно. Об этом вся округа сразу узнает.

— Мы не дадим ему ничего устроить, Костоправ.

А вот в этом я не был уверен. Гоблин — скользкая мелкая сволочь. Будь у меня время, я бы сам шел рядом с ним, след в след.

— Гоблин не сделал ничего подозрительного, — сказала Госпожа.

— Знаю. Но еще сделает.

— И такое отношение начинает вызывать определенную симпатию к нему. Думаю, тебе следует об этом знать.

— Знаю. Но и предупреждение Одноглазого я тоже забыть не могу.

— Ты сам говорил, что Одноглазый попытается насолить ему даже из могилы.

— Да-да. Попробую относиться к нему проще.

— Нам нужно идти чуть быстрее. — Арьергард уже почти поравнялся с нами.

— Мы можем отстать и шмыгнуть куда-нибудь между скал.

— Значит, ты устал меньше, чем думаешь. Давай топай. — Через секунду она добавила: — Поговорим об этом вечером.

Вот у меня и стимул появился.

39. Таглиос. Верховный главнокомандующий

Пока Могабе удавалось сдерживать худшие реакции в том бурлящем котле слухов, в какой превратился Таглиос. Его наиболее полезным инструментом стала тщательно подбрасываемая полуправда. Его агенты не отрицали, что на юге происходит нечто серьезное и опасное. Однако они намекали, что это нечто вроде бунта, поднятого смутьянами из Страны Теней, которые поддерживали Черный Отряд во время кьялунских войн. И теперь они эксплуатируют эту связь с прошлым, пытаясь запугать своих противников и подбодрить друзей. А никакого Черного Отряда больше нет.

Слухи еще не обнаружили Прабриндраха Драха и его сестру. А когда такие слухи начнут циркулировать, Могаба подбросит намек на то, что это самозванцы.

— Все идет даже лучше, чем я ожидал, — сказал верховный главнокомандующий Аридате Сингху. — Никто из командиров гарнизонов не отказался выполнить приказ и вывести войска на марш. И лишь горстка верховных жрецов и аристократов изображает нейтральность.

— Хотел бы я знать, сохранится ли такое положение вещей, если мы потеряем Протектора.

Могаба уже некоторое время сам пытался найти ответ на этот вопрос. У Прабриндраха Драха пока не

имелось законного наследника. Его единственной живой родственницей была сестра, которая годами фактически, хотя и неофициально, правила Таглиосом и его вассалами. В какой-то момент она даже провозгласила себя преемницей брата на троне. И хотя местная культура не признавала женщин-правителей, ей вполне могут позволить снова взять бразды правления, если брат умрет раньше нее. Но никто не знал, что будет, если брат и сестра умрут вместе — а ведь большинство населения верило, что их уже нет в живых.

Нынче этот вопрос стал лишь исключительно интеллектуальным упражнением. Власть в Таглиосе принадлежала исключительно Протектору.

Могаба никогда не заводил свои вопросы дальше чисто предположительного уровня. И никто из отвечавших ему не мог заподозрить их глубинный смысл. Никто также не вызывался добровольно поучаствовать в попытке свержения Протектора, хотя ни для кого не было секретом, что практически все жители Таглиоса предпочли бы обойтись без Протектората Душелова.

Связь с ней оборвалась. Воронья популяция страны драматически снизилась, и до сих пор оставалось неясным — то ли из-за болезни, то ли из-за действий врага. Численность ворон уменьшалась десятилетиями, пока убийства в дикой глуши практически не прекратились. Летучие мыши не могли доставлять длинные сообщения. Совы не желали. И никто в Таглиосе не мог общаться с Тенями. То был воистину редчайший талант, а Черный Отряд, когда еще обладал здесь определенной властью, полностью уничтожил братство тех, кто этим умением обладал.

Душелов прошлась частым гребнем по Стране Теней, откуда такие люди были родом. Вдоль и поперек. Она смогла отыскать лишь нескольких старух и совсем маленьких детей, переживших все войны и напасти. Они не имели никаких родственников на юге, они

не жили здесь до появления Хозяев Теней, а между собой хранили древнюю легенду о том, что пришли сюда из совершенно другого мира. Эти старухи и малышня не имели ни полезных знаний, ни талантов.

Когда обязанности позволили выкроить немного времени, Могаба прошел по главной дороге от дворца к южным городским воротам. Стены в Таглиосе строились десятилетиями, оставаясь незавершенными, но комплекс южных ворот, самых главных, уже давным-давно был завершен и действовал. Пустив поток путников через его бутылочное горлышко, государство собирало налог со всех входящих в город.

Могаба искал безупречное место, где можно положить конец Протекторату. Четыре предыдущие вылазки оказались безрезультатными. Очевидные места как раз такими и были — очевидными. Душелов будет настороже. Она достаточно хорошо знала человеческую натуру и понимала, что слухи, подпитываемые кризисом на юге, обязательно разбудят оппозицию ее власти.

Похоже, на улицах это сделать никак не удастся. А чем дольше откладывать заговор, тем с большим подозрением она станет относиться к своим Капитанам. И скрывать нервозность для них станет невозможным.

Действовать нужно или мгновенно после ее прибытия, или немедленно после ее входа во дворец. Или никогда.

Тогда они смогут обо всем забыть, снова стать ее верными псами и дожидаться вместе с ней нашествия с юга.

Подумав об Отряде, Могаба вздрогнул и едва не поддался искушению отказаться от заговора против Протектора. Душелов станет мощным оружием в этой войне.

Ворота. Южные ворота. Это должно произойти здесь. Комплекс был задуман именно для таких целей, хотя и в большем масштабе.

Когда он вернулся во дворец, его ждал Аридата Сингх.

— Генерал, прибыл посыльный. Протектор добралась до Деджагора. Она задержится для инспекции собравшихся там войск, хотя противник, кажется, уже не очень далеко.

Могаба поморщился:

— Значит, у нас осталось мало времени. Курьер опередил ее ненадолго. — Невысказанным, но понятным остался тот факт, что у них заканчивается время на принятие окончательного решения.

Потом Могаба хмыкнул. Он внезапно понял, что Протектор может вырвать саму эту возможность из их рук. И ей это будет столь же легко, как щелкнуть пальцами.

40. Таглиносские территории. У озера Танджи

Мы догнали Дрему в холмах за северным берегом озера Танджи. Госпожа мчалась вперед. Она знала, что наше появление там ничего не изменит, но ничего не могла с собой поделать.

Рейнджеры Ранмаста Сингха до сих пор оставались где-то впереди основных сил. Они были достаточно близко, и мы видели огни костров в их лагере на холмах по ту сторону долины, но недавние проливные дожди затопили овраги и запрудили ручьи в долине. Только по этой причине мы и смогли догнать Дрему так быстро. Ее остановило наводнение в долине.

— Это ненадолго, — сказала она нам. — Если только не пройдут новые дожди. Вода в ручьях быстро спадет.

Я это знал, потому что воевал в этих холмах с Хозяевами Теней много лет назад.

Моя жена пришла в отчаяние и обрушилась на Тобо, который вместе с отцом общался с Сари после долгой разлуки:

— Ну когда ты узнаешь об этих проклятых столбах достаточно, чтобы мы могли ими пользоваться? — Если бы мы могли летать, то небольшое наводнение никого бы не остановило.

Тобо сказал Госпоже правду, которую ей меньше всего хотелось бы услышать:

— На это уйдут месяцы. Возможно, даже годы. А если нам так не терпится обрести повышенную мобильность, то почему бы не разбудить Ревуна и не заставить его сделать несколько ковров-самолетов?

Немедленно вспыхнул яростный спор, в котором почти все сочли необходимым высказаться. Гоблин, Дой, Госпожа, Тобо, Сари, Лозан Лебедь, Мурген, снова Гоблин. Даже у Тай Дзя был такой вид, словно у него имелась своя точка зрения, которую он держал при себе.

До меня вдруг дошло, что Дрема не высказала свое мнение. Более того, ее глаза словно остекленели. Она была где-то очень далеко от нас, и мне это сильно не понравилось.

Все замолчали, один за другим. Начало нарастать эмоциональное напряжение. Я огляделся в поисках Известных Теней, но ничего не увидел. Да что же происходит?

Тобо заговорил первым:

— Капитан? Что случилось?

Дрема стала бледнеть. Я уже собрался было идти за аптечкой, но тут Дрема вышла из транса:

— Тобо. — Ее голос был таким напряженным, что вокруг немедленно установилась тишина. — Ты не забыл переделать ворота, чтобы они не рухнули, если Длиннотень умрет?

Тишина стала звенящей. Мы все внезапно затаили дыхание. И уставились на Тобо. И каждый из нас знал ответ, хоть нас там и не было. И нам не хотелось, чтобы этот ответ был правдой.

— Он в Хсиене уже столько же, сколько мы здесь. Он старый больной человек. И долго не протянет.

Не сказав ни слова, Тобо начал собираться в дорогу. Застонав, я встал и тоже начал складывать вещички. Собираясь, Тобо инструктировал отца и Доя, как обращаться с Ворошками:

— Пусть они постоянно занимаются каким-нибудь делом. Заставляйте их учиться. Держите их подальше от Гоблина. Отрубившегося придется кормить насильно. Но все равно он вряд ли долго протянет.

Я не был уверен, что расслышал последнюю фразу. Он говорил очень тихо.

И был прав. Парнишка ускользал от нас. И я не мог этому воспрепятствовать.

Я уставился на Госпожу, которая так и не начала делать то, что следовало сделать.

— Тебе тоже нужно ехать с нами, — сказал я. — После Тобо ты у нас лучший специалист по вратам. — И я подал ей руку.

Мурген, как я заметил, не обращал никакого внимания на инструкции сына. Он тоже собирался в дорогу.

Лицо Госпожи стало жестким. Она оперлась на мою протянутую руку, встала и зашагала на север. Теперь костры в лагере Ранмаста не были видны за пеленой дождя.

Еще несколько человек, включая Лебеда, тоже начали молча собираться в дорогу. Никто не называл имен и не приказывал. Те, кому следовало ехать или кто считал, что его присутствие окажется полезным, просто стали набивать вещами дорожные мешки. Никто не ворчал. Все происходило почти без слов. Мы все слишком устали, чтобы тратить силы на что-то иное, кроме того, что следовало сделать.

Никто не тыкал в Тобо пальцем. Даже не гению было понятно, что Тобо был завален собственной работой, а от него каждую минуту хотели чего-то еще. Самая тяжелая вина за это упущение лежала на Дреме. Ведь это она должна была проследить, чтобы все было

сделано. Ей следовало бы составить контрольный список дел. Но тогда она была одержима желанием действовать быстрее, пока противник оказывает минимальное сопротивление.

За это ее тоже нельзя было винить. Отряд пока не вступал в сражения, хотя четверть таглиосской империи уже можно было считать разоруженной. И пусть то была наиболее отдаленная и малонаселенная четверть, эта стратегия оставалась здоровой.

Богатства, привезенные Дремой с равнины, позволяют ей эксплуатировать удерживаемые нами территории намного более эффективно, чем способность Душелова порождать страх позволяла ей эксплуатировать то, что оставалось под ее властью.

Разумеется, если врата рухнут, все это перестанет иметь значение. Наш мир окажется в куда большей опасности, чем Хатовар. В отличие от Ворошков, мы не смогли бы защититься.

Тобо даже не стал тратить время на поиск последних из оставшихся у нас бамбуковых метателей огненных шаров. Если ситуация станет настолько отчаянной, что они нам потребуются, эти жалкие несколько зарядов нас все равно не спасут.

К вратам нас отправилось восемь человек. Тобо и его отец, я, Госпожа, Лозан Лебедь и Тай Дэй, потому что Мурген никогда не удалялся от дяди Тобо дальше, чем на бросок камня. И еще два закаленных солдата средних лет из Хсиена, ветераны конфликтов между хсиенскими генералами. Одного мы называли Панда, потому что его настоящее имя звучало довольно похоже. Второго прозвали Призраком из-за его зеленых глаз. В хсиенских мифах демоны и призраки всегда имели зеленые глаза.

Неизвестные Тени эти мифы подтверждать отказывались. У тех, кого мне удалось увидеть, глаза были более традиционными — красными или желтыми.

Немало Неизвестных Теней отправились в путь вместе с нами. По ночам, когда ненадолго и робко показывалась луна, окружающая нам местность казалась движущимся морем. Сейчас приятели Тобо не возражали против того, что их видят.

Вскоре ко мне вернулись и обе вороны. Я их почти не видел с того момента, когда мы прошли через врата в наш мир.

— Я выслал вперед разведчиков, — сообщил Тобо. — И теперь сам тоже поеду вперед. — Он сидел на спине жеребца Дремы. — А вы как можно быстрее езжайте следом.

Он помчался вперед. Почти все Тени отправились за ним, но нас окружало достаточное количество призрачных охранников, чтобы никакая опасность не застала нас врасплох.

— Мне так жаль, — сказал я Госпоже.

— На сей раз ты не виноват. — Она тоже не была счастлива.

— Ты еще ничего не получала от Кины?

— Нет. Ощутила лишь несколько редких прикосновений, когда мы были возле Дремы. Очень слабых. И то, наверное, потому, что мы оказались близко к Бубу. Проклятье.

— Как думаешь, мы успеем к вратам вовремя?

— А ты думаешь, что Длиннотень станет цепляться за жизнь, если он знает, что добьется этим только одного — спасет тех, кто одолел его и выдал злейшим врагам?

Это был не тот ответ, который я желал услышать.

41. Низинные тагмиосские территории.

Утрата

Ранмаст и Икбал ехали на север медленно, выдерживая скорость, которую их отряд считал приемлемой. Походная жизнь не будет слишком тяжелой, пока их не догонит Капитан. Конечно, она выйдет из себя,

потому что рейнджеры не встретились с ней как можно скорее. Но ничего, пошумит и успокоится.

Пленникам не давали возможности наслаждаться жизнью, но и откровенным мучениям не подвергали. Сингхи такого не допустили бы, хотя и знали, что Дрема не стала бы возражать.

Между Сингхами и темными призраками из Хсиена не был заключен формальный договор, но Неизвестные Тени следовали за ними постоянно. Общения между ними практически не было. Просто когда отряду что-то грозило, у Ранмаста возникало весьма дурное предчувствие. Проблема была в нем. В его религиозных убеждениях. Они запрещали ему сотрудничество с демонами, а его чисто человеческая способность к рационализации еще не успела реабилитировать Неизвестные Тени, которые все еще оставались для него исчадиями тьмы.

Сейчас у Ранмаста как раз и начало появляться то самое дурное предчувствие. Оно быстро нарастало. Встревоженность Икбала подсказывала, что предчувствие коснулось и его. И не только его, но и некоторых солдат.

Быстрые сигналы руками. Отряд остановился. Все спешили. Во все стороны бесшумно разошлись разведчики, а дежурные по лагерю стали отводить лошадей и пленников в узкий придорожный овраг.

Солдаты из Хсиена отличались замечательным спокойствием и терпеливостью. Ранмаст восхищался их умением использовать любое укрытие на равнине, где имелись лишь корявые кусты, валуны и множество оврагов. Он бы так не сумел. Разумеется, он был вдвое крупнее самого большого и на десять лет старше самого старшего из них.

Минь Бху, один из лучших его солдат, перехватил командира по дороге к оврагу, издав знак хранить абсолютное молчание.

Минь разгреб листья и расчистил клочок земли, на котором пальцем начертил схему местности впереди и указал примерное расположение тщательно выбранного места засады.

Ранмаст подал сигнал к общему отходу и осмотрелся, выискивая ворон или других существ, традиционно ассоциируемых с врагом, но ничего не заметил.

— Как они смогли узнать о нашем приближении? — прошептал он, когда отряд удалился на достаточно безопасное расстояние. — И сколько их там?

— Мы не собирались их пересчитывать, — пожал плечами Минь. — Их гораздо больше, чем нас. А насчет того, откуда они узнали... С вершины того холма видна вся местность, которую мы прошли за последние два дня. А сюда их, наверное, послали проверить, не выберет ли Капитан этот путь на север. — Он указал обратно на юг. Даже отсюда были ясно видны поднятая армией пыль и поблескивающие оружия.

— Тогда зачем засада?

— Они увидели, что нас немного. И решили, что им подворачивается шанс захватить несколько пленных.

— Гм-м. — Ранмаст осмотрел склон. Не получится ли отплатить противнику той же монетой? Теперь он сожалел, что не установил более тесные отношения с Неизвестными Тенями. — Икбал, что скажешь?

— Мы в меньшинстве, и нам следует отступить. Нет смысла сражаться. И даже вступать в контакт. Нам нужно оберегать важных пленников. Так что давай отойдем и дождемся Капитана.

Икбал был женат. И не любил сильно рисковать.

Но, даже несмотря на это, Икбал был прав. Единственным здравым решением могло стать только отступление.

— А как они поступят, если мы сунемся в их ловушку? — спросил Ранмаст. Ему тоже захотелось раздобыть парочку пленных. Ответы на несколько

вопросов многое поведают о планах врага и о том, что думает противник о происходящем.

— Они видят, что Дрема приближается. И очень скоро отойдут.

— Тогда почему я нервничаю все больше и больше? — Ранмаст знал, что Неизвестные Тени хотят ему что-то сообщить, но он попросту не может их услышать.

На холмах впереди заржали лошади. Послышалась ругань. В воздух взмыло несколько десятков стрел, которые опустились в том месте, где противник, очевидно, ожидал застать врасплох спрятавшихся рейнджеров. Ни одна из стрел не упала близко.

Цедя под нос проклятия, Ранмаст снова подал своим людям сигнал к отходу. Отряд начал отрываться от врага. По всему склону падали выпущенные наугад стрелы.

— Идиоты, — пробормотал Ранмаст. — Устроили разведку боем.

Солдаты Протектора нападут, услышав любой вскрик. Или заметив любую иную очевидную реакцию. Сейчас они находились в положении, когда могли причинить врагу неприятности просто ожидая, пока что-либо произойдет.

Всего в десяти футах от Ранмаста из кустов с воплем выскочил таглиосский солдат. Из его задницы торчала стрела. Ранмаст замер, надеясь, что солдат слишком занят и не заметит его. Но он уже слышал, как через сухие кусты продираются другие таглиосцы, и знал, что не сумеет скрыться настолько быстро, чтобы остаться незамеченным.

У Икбала был при себе пускатель огненных шаров. Предполагалось, что он воспользуется им в качестве сигнала тревоги, а не оружия. В пускателе оставался всего один заряд. Он был старым, и не было гарантии, что он вообще сработает.

Икбал, незамеченный солдатом, который теперь увидел Ранмаста, быстро развернулся, держа палец на спусковой скобе бамбукового шеста.

Ослепительно-яркий желтый шар пронзил солдата Протектора насквозь и заскакал по кустам, ricochetая от земли. За несколько секунд десяток кустов вспыхнул.

Ранмаст и Икбал побежали. Теперь уже нет смысла делать что-то иное.

Они почти добрались до оврага, где укрывались лошади и пленники, когда шальная стрела отыскала на правом бедре Ранмаста незащищенное место. Сингх, кувыркаясь, полетел вниз по склону оврага. Борода защищала лицо, когда он пропахивал кусты, но все же он оставлял за собой выдеранные клочья волос. Ранмаст завизжал от неожиданной боли.

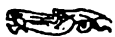
Икбал остановился, чтобы ему помочь.

— Уходи! — прыгнул Ранмаст. — У тебя Сурувайя и дети. — Икбал даже не шелохнулся.

Таглиосские солдаты беспорядочной толпой хлынули по склону, позабыв о дисциплине и не имея какого-либо плана атаки. Ни офицеры, ни сержанты или рядовые не имели практического боевого опыта и почти не были обучены. Они вышли из крепости в Нидже, потому что Душелов сказала им, что они могут одержать триумфальную победу. Но едва ситуация отклонилась от их ожиданий, они полностью растерялись.

Спотыкаясь и волоча ногу, в которой все еще торчал обломок стрелы, Ранмаст брел вперед, опираясь на Икбала. Оба слышали за спиной возбужденные крики таглиосских солдат, которые продирались сквозь кусты, быстро приближая неизбежное.

Рейнджеры же были солдатами, отобранными среди тех, кто уже воевал в Хсиене под командованием местных генералов, понимал доктрину Отряда и принимал ее. Они устроили свою засаду. И таглиосцы

бежали напрямик в ловушку, словно их направляли злобные демоны.

Результатом стала кровавая бойня. Для Черного Отряда она стала тактическим триумфом, несмотря на его плохое окончание. Под конец, в пылу схватки, рейнджеры пренебрегли доктриной и не отступили, пока противник пребывал в замешательстве и панике. Они продолжали сражаться в надежде, что Ранмаст и Икбал успеют спастись.

И братья Сингхи уцелели. Но когда к месту схватки подоспела легкая кавалерия, высланная Дремой немедленно после того, как она опознала в огненном шаре сигнал тревоги, большинство рейнджеров уже погибло под натиском более многочисленных врагов либо получило ранения. Кавалеристы бросились в погоню за убегающими таглиосцами и изрубили практически всех оставших и раненых.

К сожалению, им не удалось отбить Дщерь Ночи.

Некий особенно сообразительный таглиосский офицер понял, на кого им посчастливилось наткнуться, и немедленно отправил девушку под охраной в крепость. Ее выдала бледная кожа.

Когда закатилось солнце, оказалось трудно судить, для какой из сторон стычка имела более тяжелые последствия. Отряд потерял огромное сокровище и некоторое количество наиболее ценных солдат, во всяком случае, временно. Таглиосцы же пережили настоящую бойню, а в качестве компенсации за все эти смерти получили лишь одну хмурую, хотя и экзотически красивую, бледную и грязную молодую женщину.

42. Низинные таглиосские территории.

После битвы

Капитан появилась на месте сражения всего через час после его окончания. Разгневанная, она обошла поле боя. Забросала уцелевших вопросами. Большинство разведчиков уцелело, но лишь двое не получили серь-

езных ран. Пленных Дрема допросила еще более жестко. Кавалеристы догадались захватить нескольких таглиосцев, вовремя поднявших руки, предположив, что они заговорят и на допросе, спасая свои жизни дальше.

Никто из пленных ничего не знал о Дщери Ночи. Никто даже не слышал этого имени.

Расхаживая по лагерю, Дрема увидела Нарайяна Сингха и дала старому калеке пинка.

— Исчадие ада. — Повернувшись, она рывкнула: — Почему мы заранее не узнали об этой засаде?

— Неизвестные Тени, наверное, знали, — сказал ей правду кто-то из тех, кто посмелее. — Но их никто не спросил. Только Тобо знает, как им сказать, чтобы они отправились на разведку.

Дрема зарычала, снова лягнула Нарайяна Сингха и принялась расхаживать туда-сюда.

— Что мы знаем об этой крепости?

Вперед выступил Нож. Он спасет остальных. Гнев Дремы падал на него менее тяжелым грузом. Обычно. Некоторые считали, что она до сих пор немного побаивается Ножа. По сути, Дрема лишь не была в нем уверена, хотя он с Отрядом и дольше, чем она. Подобно Лебедю и Сари, он не был полноправным братом Отряда, принесшим клятву. Но он всегда был при Отряде и всегда действовал вместе с ним.

— Ее основал прежний Капитан, — ответил Нож. — Когда-то это была пересадочная станция на курьерском пути. Ее обнесли стенами, потому что местные пытались красть лошадей. Затем, во время кьяулунских войн, Душелов расширила форт и увеличила гарнизон, потому что хотела иметь здесь больше солдат на тот случай, если враги попытаются пробраться на север этим путем. Если предположить, что она здесь поступила так же, как и в других местах, то она позабыла про эту крепость сразу после

окончания войны. Гарнизон там может насчитывать сто пятьдесят — двести солдат. Плюс прихлебатели.

— Весьма большой отряд для этих мест.

— Так и территория большая. И половина прежних гарнизонов уже ликвидирована.

— Какие там укрепления?

— Я там никогда не был. Но слышал, что их едва хватает, чтобы остановить конокрадов. То есть они не очень впечатляющие. Какая-нибудь каменная стена, потому что здесь камень — самый доступный материал. Слышал, что там начали копать ров, но так и не закончили. Но разве вы не шли этой дорогой, когда бежали на юг? И ты ее не видела?

— Мы двигались западнее. По старому торговому тракту. Мы избегали курьерских путей.

— Можно послать кавалерию — пусть окружают крепость, пока девушка еще там.

— Наверное, мы уже опоздали, и они послали гонца за подмогой, — задумчиво сказала Дрема.

— Думаю, уже нет нужды беспокоиться о скрытности, — заметил Нож. — Сейчас Душелов уже наверняка поставила на уши всю империю.

Дрема хмыкнула. Потом послала за кавалерийскими офицерами. Отдав им приказы, она навестила Ранмаста и Икбала. Эти двое уже двадцать лет были близкими друзьями.

— Что говорит хирург? — спросила она Сурувайю, жену Икбала.

— Они поправятся. Ведь они шадариты. Они сильные мужчины. И хорошо сражались. Бог о них позаботится.

Дрема взглянула на Сари, которая помогала перевязывать раненых. Та кивнула. Значит, слова Сурувайи — не только ее благие пожелания.

— Я тоже упомяну их в своих молитвах. — Дрема ободряюще сжала плечо Сурувайи и подумала, что таких безупречных женщин просто не бывает. Во вся-

ком случае, в том смысле, в каком мужчины представляют жен. Но она тоже была шадариткой, а ее религия четко распределяла роли всех членов семьи.

Дрема задержалась, чтобы поговорить и с детьми Икбала. Они держались стойко. Как им и полагалось, потому что и они остались добропорядочными шадаритами, несмотря на то, что им довелось побывать в странных местах и видеть всякие обычаи.

Когда Дрема встречалась с детьми Икбала, она иногда даже слегка жалела о том, что позабыла о своей женской роли. Но это сожаление никогда не длилось дольше нескольких секунд.

— Нож, передай остальным: я хочу, чтобы вся армия еще до заката была у этой крепости. Если такое возможно. Я не сомневаюсь, что они сдадутся, как только увидят, сколько нас.

— Ты сама знаешь, что уже давно пора сделать остановку, — ответил Нож. — Животным нужно попасть и отдохнуть. А наши обозы растянулись отсюда до самого Чарандапраша.

Люди получали ранения, заболели или просто не могли выдержать такой темп. Это раздражало Дрему, но такова была проза жизни. Ее армия уже уменьшилась почти на тысячу человек. И сократится еще больше, если она и дальше будет мчаться вперед.

— Когда они сюда доберутся, то самые немощные могут остаться — как наш гарнизон. — Это была тактика, такая же старая, как и сама армия. Дрема ни за что не призналась бы, что и сама нуждалась в отдыхе. Но она даже представить не могла, когда ей подвернется возможность отдохнуть.

43. Таглиосская Страна Теней. Врата

— Так, по-твоему, большой был смысл тащить сюда мою усталую задницу? — спросил я Госпожу.

В утреннем сумраке едва можно было различить очертания склона, ведущего к вратам. От того места,

где мы провели прошлую ночь, нас отделяло немало миль. Эта часть путешествия была как раз из тех, когда целый день стараешься не смотреть вперед, потому что всякий раз кажется, что ты не прошел и десяти футов. Далеко слева от нас в туманной дымке укрылись Новый город и нижняя половина разрушенной Вершины. С этими местами нас связывает немало неприятных воспоминаний.

— О чем это ты? — Моя ненаглядная с утра была столь же усталой и раздражительной, как и я. А косточки у нее куда постарше моих.

— Ну, ведь нас не убили прошлой ночью. А это значит, что ворота еще не рухнули. И старина Длиннотень пока держится.

— Очевидно.

— Так разве это не означает, что у Тобо все под контролем? Тогда зачем мы из кожи лезли, лишь бы поскорее сюда добраться?

Госпожа ухмыльнулась. Отвечать не было нужды. Мы пересечем долину, потому что я захочу все увидеть своими глазами. И захочу описать это в Анналах. Правильно записать. Во время путешествия на юг она раз пятьдесят надо мной подшучивала, потому что я пытался придумать способ, как писать, сидя в седле. А ведь я смог бы делать гораздо больше, если бы научился записывать во время путешествий.

— А ты стареешь, — прощепетала она.

— Что?

— Признак наступающей старости. Появляется навязчивая мысль о том, как много тебе еще нужно сделать за оставшееся время.

Я хмыкнул, но спорить не стал. Мне были знакомы такие мысли. Равно как и бессонница, когда я лежал и прислушивался к биению сердца, пытаясь понять, все ли с ним в порядке.

А вы думаете, что человек моей профессии заключает со смертью мирный договор еще в молодости?

Мы встретили нескольких местных, пересекая долину, равнинная часть которой теперь превратилась в ухоженные поля и пастбища. С нами ни разу дружески не поздоровались. Мы не увидели ни единой приветливой улыбки. Да, на нас никто дерзко не замахивался, но я без труда ощущал неприязнь истерзанного народа. В этих краях уже много лет не было серьезных сражений, но все взрослое население здесь — это те, кто выжил в те ужасные времена, как уроженцы этих мест, так и пришлые, поселившиеся на опустошенных землях и избежавшие в других краях еще больших ужасов. И никто здесь не хотел, чтобы зло из прошлого вернулось.

Эта земля сильно пострадала во времена Хозяина Теней Длиннотени. Продолжала она страдать и после его свержения. Кьяулунские войны отняли у нее почти все, что не успели отнять Длиннотень и войны против Хозяев Теней. А теперь вернулся Черный Отряд. С равнины, из логова дьяволов. И всем казалось, что снова наступит время отчаяния.

— Не могу сказать, что виню их, — сказал я Госпоже.

— Что?

Я объяснил.

— А-а... — безразлично протянула она. Кое-какие убеждения никогда не меняются. Госпожа была могущественным правителем намного дольше, чем прожила жалкой блошкой в подбрюшьи мира. И сочувствие — вовсе не то качество, которое привлекает меня в ней.

Как оказалось, наша медлительность едва не вывела Тобо из терпения.

— Как вижу, старушка до сих пор стоит, — сказал я о вратах.

Мы с Госпожой достали свои Ключи и пропустили своих товарищей через врата. Мургена первым, чтобы он смог убедиться, что у его сыночка до сих пор на месте все ручки, ножки и пальчики.

— Стоит, — признал вундеркинд. — Но, вероятно, только потому, что Длиннотень все еще на равнине.

— Что? — раздраженно спросила Госпожа. — Мы ведь обещали. И мы в долгу перед Детьми Смерти.

— Верно, — согласился Тобо. — Но нам не позволят совершить самоубийство. Шевитья знает, что мы позабыли обезвредить ловушку Длиннотени, вот он и не дает увести его с равнины.

— Откуда ты это знаешь?

— Я посылал вестников. И они вернулись с этой новостью.

Настроение Госпожи она не улучшила.

— Шеренга Девяти наверняка уже дымится от ярости. А в роли врагов они нам не нужны. А вдруг нам придется вновь скрываться в Стране Неизвестных Теней?

— Шевитья выпустит Длиннотень, едва мы закончим переделку врат.

Мои спутники нервничали. Например, Лозан Лебедь ходил бледный, вспотевший, приплясывал от нетерпения, а самое главное, что вовсе для него не характерно, молчал. За весь день он не произнес и слова.

Мысли о Тенях могут свести вас с ума, если вы видели одну из их атак.

— Вы готовы работать? — спросил Тобо меня и Госпожу.

Я покачал головой:

— Ты что, шутишь?

— Нет, — ответила Госпожа.

— Я не смогу закончить один, — сообщил Тобо.

— Но с помощниками, уставшими настолько, что гарантированно совершат ошибку, тоже не сможешь, — возразил я. — Меня осенило предвидение. Длиннотень протянет до утра.

Тобо признал, что протянет. Шевитья об этом позаботится. Но все же согласился он с нами весьма неохотно.

— Давайте разбивать лагерь, — сказала Госпожа. Мургену, Лебедю и остальным давно следовало этим заняться, а не стоять и трястись от страха.

Когда мы пересекли барьер, Госпожа спросила:

— Почему Тобо так торопится?

— Думаю, это может быть связано с Бубу, — усмехнулся я. — Он ее давненько не видел. Дрема сказала, что он втюрился в нее по уши.

Пока я это говорил, любопытство на лице Госпожи сменилось откровенным ужасом.

— Надеюсь, что это не так, — пробормотала она.

— Там были и две весьма смазливые девицы из Ворошков, — сказал Мурген. — Так что одна из них тоже может быть к этому причастна.

44. Страна Теней. Ремонт врат

Сноходцы заявили ночью. Их присутствие было настолько мощным, что их увидели даже Лебедь, Панда и Призрак. Я четко слышал, как они говорят, хотя ни слова не понял.

Но Тобо и Госпожа все же кое-что из них вытянули.

Во время завтрака они о чем-то переговаривались между собой. В конце концов они решили, что Нефы хотят нас о чем-то предупредить.

— Вы так думаете? — фыркнул я. — Какая свежая интерпретация.

— Эй! — охладил меня Тобо. — Это связано с Хатоваром.

— Что, например?

Парень пожал плечами:

— Тут твои предположения лучше моих. Я там никогда не был.

— Когда мы в последний раз видели сноходцев, они направлялись в Хатовар, окруженные толпой Теней с равнины. Думаешь, они увидели там нечто такое, о чем нам следует знать?

— Думаю. Не догадываешься, что именно?

— А ты не просил своих приятелей, Известных Теней, поговорить с Нефами? — спросила Госпожа.

— Просил. Не получается. Нефы не могут общаться и с Тенями с равнины.

— Тогда что за проблема была этой ночью у Известных Теней? Черные Гончие так носились вокруг, что несколько раз меня будили.

— Правда? — удивился озадаченный Тобо. — А я не заметил.

Я тоже. Но я слеп и глух к этим сверхъестественным штучкам. К тому же я хотя бы сегодня не мучился бессонницей, потому что не прислушивался, не оставалось ли у меня сердце.

— Давайте приниматься за работу.

— Бубу никуда не денется, парень.

Тобо нахмурился. Потом до него дошло. Он не смутился и не стал возмущаться.

— Да? Так вы не знаете? Она уже пропала. У наших была стычка с гарнизоном из Ниджи. Отряд Ранмаста задавили численностью. И таглиосцы захватили Дщерь Ночи. Дрема уже выслала кавалерию на перехват.

Я покачал головой и проворчал:

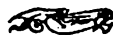
— Ничего у нее не выйдет. Теперь ей не хватит и миллиона кавалеристов.

— А ты не впадаешь в пессимизм?

— Он прав, — заметила Госпожа и переключилась на старинный северный язык, который я не слышал с молодости и никогда не понимал полностью. Кажется, она декламировала слова песни или поэму. И в ней был повтор, звучащий примерно так: «Так Судьба встает у нас на пути».

Мы находились с внутренней стороны врат и упорно трудились. Тобо вносил тончайшие и элегантные

изменения в нити и слои магии, составляющие мистический портал. Обучение, которое я получил, повысило меня до квалификации каменщика среднего разряда. Тобо по сравнению со мной был мастером-художником, создающим панорамные гобелены, но не вышивкой, а на ткацком станке. А я был всего лишь главным завязывателем узелков на ниточках, которые поступают в его станок.

Даже Госпожа в этой работе оказалась лишь более или менее опытным подмастерьем. Но ведь и подмастерья тоже нужны.

— Спасибо за комплимент, — сказал Тобо, когда я поделился с ним размышлениями. — Но я по большей части как раз и занимаюсь вышивкой и простым старомодным завязыванием порвавшихся нитей. Целые куски этого гобелена сейчас попросту искалечены. И он уже никогда не станет первозданным, пусть даже и будет прочнее, чем в начале.

— Но ты сможешь выдрать из него ловушку Длиннотени?

— Это больше похоже на вскрытие и очистку нарыва, но — да. Вообще-то он тут очень грубо поработал. Очевидно, он мало что знал об устройстве врат. Зато он знал, что в нашем мире нет никого, кому известно больше. А вот чего он не знал, так это того, что есть еще несколько Ключей.

— Еще как знал, — возразил я. — Поэтому и послал своего ученика Ашлутуша Вакишу, чтобы тот пробрался к жрецам нюень бао в храм Чангеша.

Тобо сделал вид, что удивился: мол, не слышал этой истории.

— Он знал, что у них есть Ключ, и желал его заполучить. С ним он смог бы вернуться в Хсиен. Если не знаешь этой истории, то советую расспросить дядю. Потому что именно это он рассказал Дреме.

Тобо еле заметно улыбнулся:

— Что ж, может быть. Пожалуй.

— Что значит пожалуй?

Госпожа прервала работу:

— Тобо, не играй в игры Доя. Ты никого не сумеешь одурачить. Я там была. В облике белой вороны. И знаю, о чем он говорил.

— Значит, это и была та самая история. Дой много чего Дреме рассказывал. Кое-что, возможно, и правда, но многое он попросту высосал из пальца. То, что, по его мнению, могло оказаться правдой, потому что укладывалось в то, что он знал. Мастер Сантараксита несколько лет изучал архивы в Хань-Фи. История нюень бао в нашем мире мало похожа на ту историю, которую Дою хотелось бы вам внушить. — Так какова она на самом деле? — принялся я размышлять вслух. — И он нам лгал или попросту все выдумывал? — Я знаю немало людей, которые не признались бы в своем невежестве даже при самых очевидных обстоятельствах.

— Мастер Сантараксита говорит, — начал Тобо, — что наши предки бежали из Хсиена, по-змеиному проскользывая во врата и используя для этого тайно изготовленный Ключ. Они пытались сбежать от Хозяев Теней. Предполагалось, что это станет регулярной и постепенной эвакуацией через равнину. Преследуемые верующими в Хади, они обладали организационной структурой, которая имеется и у иных групп верующих, но эти люди не были наемниками или миссионерами. Они не были Свободным Отрядом. Не были бандой душил. Они просто убегали, потому что Хозяева Теней задались целью покончить с их религией. Мастер Сантараксита говорил, что их жрецы наверняка придумали для своего народа гораздо более впечатляющую историю — когда они уже прожили некоторое время в дельте реки. Уже после того, как в течение жизни нескольких поколений они кочевали с места на место. До их появления единственными обитателями болот были таглиосские беглецы и преступ-

ники, а также несколько далеких потомков душил, которых Редрейнак пытался стереть с лица земли. Возможно, нюень бао хотели произвести на них впечатление.

Пока Тобо говорил, его руки ни на секунду не останавливались. Но их движения не имели никакого отношения к его словам. Он занимался тем, чего я не мог увидеть.

— И много ли нам наврал Дой? — Я твердо решил это выяснить, потому что никогда не доверял старому пройдохе.

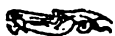
— А вот это самое загадочное. Не знаю. Полагаю, он и сам этого не знает. Он признался мне, что многое из того, о чем он рассказывал Дреме, он сперва говорил только потому, что это звучало правдоподобно и примерно так, как ей хотелось услышать. Ведь если подумать, то, не считая умения обращаться с Бледным Жезлом, дядюшка Дой куда более отъявленный мошенник, чем большинство жрецов. Ведь почти все жрецы верят в то, что проповедуют.

— Похоже, он слишком много общался с Ножом, — заметила Госпожа.

— Ключ, с помощью которого мои предки пересекали равнину, был тайно изготовлен в Хань-Фи, — продолжал Тобо. — Его вернули в Хсиен, чтобы им смогла воспользоваться следующая группа беглецов. Но они так и не получили такого шанса.

— Зато раздобыли золотую кирку. — То был Ключ, который позднее отыскала Дрема и воспользовалась им, чтобы освободить нас, Пленных, из-под крепости Шевити.

— Должно быть, то был Ключ, принадлежавший Обманникам, которые прятали Книгу мертвых еще во времена Редрейнака. А кирку они прятали под храмом Чангеша. У этого храма длинная история. Возвели его как храм Джанаки. Потом им завладели гунниты и использовали в качестве убежища. Затем

оставшиеся в живых после устроенного Редрейнаком погрома гуннитов выгнали. Но им тоже пришлось уйти. Предания нюень бао повествуют о жестоких сражениях из-за религии, происходивших в те давние времена. Столетие спустя гуннитские святые из культа Чангеша начали возвращаться на болота. Со временем большинство нюень бао позабыли о Хади и приняли культ Чангеша. Два поколения назад кирку обнаружили во время ремонта храма. Кто-то сообразил, что это важная реликвия. Но до самых недавних времен, пока про кирку не узнал Длиннотень, а затем и Душелов, никто не понимал ее истинной важности.

— А зачем были нужны паломничества?

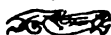
— Изначально предполагалось, что люди из Хсиена будут встречаться с нашими людьми у врат, чтобы сообщить им новости из дома и провести новую группу беглецов. Но Хозяева Теней про это узнали. Кроме того, мои предки на этой стороне утратили связь с прошлым. В противоположность легенде и в отличие от того, как обстоят дела сейчас, они испытывали не очень-то большое давление снаружи. И для сохранения самобытности нюень бао стало уже не так важно придерживаться старинных обычаев и идей.

Что бы там Дой ни говорил, большинство нюень бао не так уж и предано традициям. Многие вообще про них позабыли. Ты сам это видел, когда мы были в Хсиене. Нюень бао совершенно не такие, как местные жители.

Мы с Госпожой переглянулись. Никто из нас не верил, что Тобо рассказывает больше правды, чем когда-либо рассказывал Дой. Впрочем, совсем не обязательно, что парень лжет сознательно. Я взглянул на Тай Дзя. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Я частенько гадал, почему Дой не обнаружил там других идущих по Пути Меча, — сказал я.

— Ну, это объяснить легко. Их уничтожили Хозяева Теней. Ведь они принадлежали к касте воинов. И сражались до тех пор, пока никого не осталось.

Я годами размышлял над тем, почему культ поклонников меча развился среди потомков тех, кто поклонялся Кине. Ведь в моем мире они считают, что проливать кровь нельзя. Ответа я не знаю до сих пор. Зато теперь знаю то, что его уже никто не узнает.

— Меня удивляет, что Дрема никогда не обращала внимания на тот факт, что так называемый жрец нюень бао расхаживает с мечом и запросто разделявает людей на отбивные, — сказал я Госпоже.

— И Обманников тоже, — добавила она. — Он рубил их десятками в Чарандапраше.

Тобо — юноша умный. И понял, что его версию истории нюень бао мы сочли не более убедительной, чем версию Доя.

До сих пор не уверен, верит ли он сам в то, что говорил.

Впрочем, какая разница?

Госпожа ткнула меня в бок и прошептала:

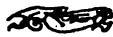
— Мурген и Лебедь обратили мое внимание на интересный феномен. Ты захочешь увидеть его сам. Тобо, бросай свои дела и тоже посмотри.

Тут я понял, что увижу нечто такое, чего не захотел бы видеть. Тай Дэй, Мурген и остальные уже спорили о том, какие места станут наиболее надежными укрытиями.

Я повернулся. Госпожа вытянула руку. Над краем равнины, точно крупные черные точки, висели три летающих Ворошка. Неподвижно, очень высоко и очень далеко.

— Кто-нибудь хочет угадать, насколько хорошо они нас видят? — спросил я.

— Они видят, что мы здесь, но не более того, — ответила Госпожа. — Если только у них нет устройства для наблюдения издалека.

— Что они делают?

— Полагаю, вылетели на разведку. Ведь их ворота разрушены, и они могут попасть на равнину, когда им угодно. А днем им ничто не угрожает до тех пор, пока они летают высоко. Пожалуй, они даже ночью могут не опасаться Теней, если не станут снижаться. Мы ведь не видели, чтобы Тени поднимались над равниной выше чем на десять — пятнадцать футов.

— Думаешь, они искали нас? Или просто смотрят?

— Вероятно, и то и другое. Они жаждут мести. А может, ищут новый безопасный мир.

Пока мы разговаривали, Ворошки не сдвинулись с места. Я заметил такие же тройки, висящие над равниной в разных местах, — вероятно, в надежде, что им удастся открыть проход и без нас.

— Тобо, они могут покинуть пределы равнины?

— Не знаю. Здесь точно не смогут — без одного из моих Ключей. Я тут установил кое-что. И если они попробуют, это их убьет.

Я восхитился его уверенностью.

— А если среди них отыщется такой же умный, как и ты? Что помешает им ликвидировать твою ловушку, как ты это сделал с ловушкой Длиннотени?

— Недостаток опыта. И тех знаний, которые мы раздобыли в Хань-Фи. Чтобы ковыряться в таких штуковинах, нужно кое-что соображать.

— А могут они прорваться через ворота в Хсиен? — спросила Госпожа.

— Не знаю. Форвалаку-то они провели. Возможно, они могут проводить через ворота и своих людей. Но медленно, по одному. До сих пор они не пытались. Но прежде они не были в столь отчаянном положении. И время не на их стороне.

— А Шевитья? Как он к этому относится?

— Выясню. Через минуту направлю к нему посланника.

— А что станет с нашими, которые сейчас с Длиннотенью? — спросил один из хсиенских солдат — кажется, Панда. — Если он все еще на равнине? Один из них — мой двоюродный брат.

Тобо медленно и глубоко вздохнул:

— Моя работа никогда не кончится.

— Если хочешь что-то сделать, то делай быстрее, — посоветовала Госпожа. — У них есть Ключ. А это риск.

— Проклятье! Ты права. Капитан, мне надо одолжить твоих ворон. Госпожа, высунься из врат и позови Большие Уши и кошку Сит. Они тебя услышат. Передай, что они мне нужны. И срочно.

— Одна чертѣва проблема за другой, — пробурчал я. — И конца этому не видно.

— Но ты жив, — заметил Лебедь.

— Не ты ли наступаешь на грабли собственного аргумента? — Мы развлекались добродушными подначками, пока Тобо отправлял вестников к Шевитье, к охранникам у врат в Хсиен, присматривающим за Длиннотенью, и к нашим на север.

Среди всей этой суматохи Мурген спросил сына:

— А что мешает этим чудикам просто перелететь через границу равнины? Я сам видел, как вороны пролетали туда и обратно. — Он и сам это постоянно делал, будучи призраком.

— Вороны могут пересекать границу, потому что они из нашего мира. А ворон из любого другого мира мы даже не увидели бы. Даже если бы они сейчас тут летали. Да, Ворошки могут вылететь с равнины когда угодно. Но, сделав это, они окажутся в Хатоваре. Каждый раз. Если они хотят попасть с равнины в другой мир, им нужно войти на равнину через свои врата, а выйти через другие. Так устроил Шевитья.

Да, от таких сложностей и крыша может поехать. Полагаю, такое случается там, где реальности накладываются одна на другую, а всем управляет бессмертный

полубог, считающий своей обязанностью помешать жалким людишкам осознать его мрачный потенциал.

45. Ниджа. Падение крепости

Стены Ниджи удерживали менее полусотни солдат, многие из которых уже были ранены, и все поголовно до смерти перепуганные после ночного нападения Неизвестных Теней.

Защитникам оказали воинские почести и позволили уйти из крепости без оружия, забрав семьи и имущество, которое они смогли унести с собой. Им также посоветовали уступать дорогу, если по ней идет Черный Отряд.

Если бы Ниджа сдалась хотя бы чуточку быстрее, то Дрема заподозрила бы, что направляется напрямиком в ловушку. Но она все равно сперва послала в крепость Доя — проверить, не оставила ли там Душелов парочку особых сюрпризов.

Не оставила.

— Суньте Нарайяна в такое место, где он не будет меня раздражать, — приказала Дрема, когда крепость была признана безопасной. — Через день-другой я решу, что с ним делать. — Она предпочла бы немедленно передать его Костоправу и Госпоже. — Командирам батальонов, полков и бригад, а также всем старшим офицерам собраться через час в здании штаба.

— Думаешь, там хватит места? — усомнилась Сари. — Я полагала, что эта крепость побольше.

— Я тоже. Хотя мы и знали, что это бывшая прославленная курьерская станция. Проклятье, как бы я хотела, чтобы Тобо сейчас был здесь, а не там.

— И я. — Сари очень переживала, что вся ее семья сейчас так далеко. За годы, прожитые в Хсиене, она успела привыкнуть к тому, что у нее снова есть настоящая семья. — Я тут подумала... Стоило ли по-

сылать сразу и Тобо, и Мургена в одно и то же опасное место?

— Вроде врат?

— Хотя бы. Или еще куда-нибудь, где они могут погибнуть вместе из-за какого-нибудь несчастья.

Дрема понимала мучения Сари. Злодейка судьба уже лишила ее двух детей и мужа. Утрата мужа ее не очень огорчала. Без него ей жилось лучше. Но редко можно встретить мать, которая не стала бы вечно скорбеть по своим утраченным малышам.

И все это произошло во время удивительной по жестокости осады Джайкура, или Деджагора, которая покорежила судьбы столь многих членов Черного Отряда и отяготила их грузом уязвимости, который будет давить на их умы и души до конца жизни.

— Хорошая идея, — согласилась Дрема. — Хотя можешь не сомневаться, что мужчины ей воспротивятся. Вот ты можешь представить, что Ранмаст и Икбал согласятся отправиться куда-нибудь и при этом не чувствовать локоть друг друга?

Сари вздохнула. Медленно покачала головой:

— Если гунниты правы насчет Колеса жизни, то я, наверное, в прошлой жизни была еще большей злодейкой, чем Хозяин Теней. Потому что эта жизнь не перестает меня наказывать.

— Тогда позволь мне сказать, что веднаиткой быть еще труднее. Потому что нельзя ни в чем обвинить прежнюю жизнь. И можно попросту сойти с ума, пытаясь догадаться, за что бог так разгневался на тебя в этой.

Сари кивнула. Момент слабости прошел. Она вновь взяла себя в руки.

— И ты полагаешь, что сейчас мне уже следовало бы смириться с этой жизнью?

Дрема подумала, что она так и поступила — насколько смогла, — но не ответила. Ей не хотелось подталкивать Сари на путь самоанализа. Он может быстро стать утомительным.

— Скоро начнется совещание старших офицеров. И мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты мыслила более широкими категориями. Я заново осмысливаю свою стратегию. Расстояния становятся слишком большими для стремительного рывка. Мы быстро становимся слабее, а враг — сильнее. И я хочу выслушать твои соображения по поводу смены тактики.

— Я буду в порядке. А поплакаться в жилетку мне время от времени необходимо, просто чтобы жить дальше.

46. Ниджа. Тьма приходит всегда

В Ниджу пришла тьма. А вместе с ней и почти сверхъестественная тишина. Внутри грубых стен крепости старшие офицеры совещались с Дремой и Сари. Снаружи солдаты готовили ужин, чинили сбрую и снаряжение или, по большей части, просто спали, измотанные за день. Ночного отдыха всегда не хватает, чтобы полностью восстановить силы после долгого дня на марше. Усталость накапливается, особенно когда приходится торопливо вышагивать много миль.

Впервые со дня своего освобождения Гоблин обнаружил, что за ним никто не следит и не наблюдает. О нем позабыли. Некоторое время он не осмеливался в это поверить. Они люди хитроумные. Возможно, его попросту проверяют.

Но вскоре стало очевидно, что сейчас он действительно свободен от всяческой опеки. Для его игры этот момент наступил рановато и далеко от того места, где он предпочел бы находиться, но вряд ли ему когда-нибудь подвернется более удачная возможность.

Нарайян встревоженно зашевелился: его отчаяние было настолько глубоким, что его мало заботило собственное все еще продолжающееся благополучие. Его уже разделили с Дщерью. Ночи дальше, если не

дольше, чем когда-либо после ее рождения. Если он ее потеряет, всякое движение вперед утратит смысл. Настанет время возвращаться домой, к Кине. Больше он уже ничего не сможет сделать. В любом случае, имелся лишь очень слабый шанс, что ему снова подвернется хоть какая-то возможность для продолжения. Да и жив он до сих пор только потому, что эти люди приберегают его как игрушку для родителей девушки. Снова.

Его дни и часы уже сочтены, а вера вновь подвергается суровому испытанию.

Он услышал слабый шипящий звук, показавшийся смутно знакомым. Но ведь он ему и в самом деле знаком! Сердце старика заколотилось. То был опознавательный знак душил, предназначенный для использования в темноте — в точности как сейчас, когда обычные сигналы руками бесполезны. Он прошипел отклик. И от этого усилия раскашлялся.

Обмен сигналами продолжался, пока Нарайян не убедился, что его отыскал брат по религии.

— Зачем ты пришел? — спросил он. — Спасти меня невозможно.

Он использовал тайный жаргон душил, что стало окончательной проверкой. Она как минимум подскажет ему статус незнакомца. Очень немногие из новообращенных продвинулись в учебе настолько далеко.

— Сама богиня послала меня передать тебе ее любовь и благорасположение. Она признательна тебе за все принесенные жертвы. И она заверяет, что награда твоя будет высока. Ты должен понять, что ее воскрешение наступит гораздо раньше, чем подозревают не верящие в нее. И она хочет, чтобы ты знал — твои усилия, перенесенные испытания и непоколебимая вера сыграли в этом решающую роль. Знай же, что ее враги скоро будут захвачены врасплох и уничтожены. Знай же, что она благословляет тебя, и ты будешь стоять рядом с ней, когда мы станем праздновать Год

Черепов. И знай же, что из всех, кто когда-либо служил ей, даже из многих ее святых, ты был ее самым любимым.

47. Врата Теней. Ремонтники

Из лагеря ниже врат проистекал поток Неизвестных Теней — Тобо пытался отвести исходящую от Ворошков угрозу. Его особенно волновала судьба тех, кто охранял Длиннотень, пока Шевитья каким-то образом не заверил его, что для глаз Ворошков они невидимы.

— И ты ему веришь? — спросила Госпожа. — Он может попытаться заключить с Ворошками сделку лучше, чем с нами.

— Какую еще лучшую сделку? Мы дадим ему то, чего он хочет. Причем не пытаюсь его контролировать и даже почти ничего у него не прося.

— Тогда спорим, что он думает, что таких хороших сделок не бывает? — Госпожой овладела ее обычная подозрительность.

— А что стало с золотой киркой? — спросил я. — Ключом Обманников к вратам.

После паузы, во время которой он решал, что именно нам можно рассказать, Тобо ответил:

— Я оставил ее у Шевитьи. Она может снова нам понадобиться. Когда настанет время убить Кину. Я не смог придумать другого места, где она окажется более недосягаемой для тех, кто в нее верит. — Он обвел нас взглядом, в котором читалась тревога. Он полагал, что сможет умолчать об этом факте. Золотая кирка была для душил чрезвычайно святой реликвией, с помощью которой можно освободить Кину.

И Тобо боялся, что как минимум один из нас наверняка расскажет кому-нибудь о том, что только что услышал.

Ночь была долгой, но наступивший день обещал стать еще более длинным.

Для тех из нашей группы, кто не помогал Тобо, настало время испытаний. Делать им было совершенно нечего. Оставалось только играть в карты и гадать, не окажутся ли жители Нового города настолько сумасшедшими, что нападут на нас.

Панда и Призрак в основном наблюдали за игрой. Когда они играли сами, у них не очень-то хорошо получалось. Тонк — одна из простейших когда-либо придуманных карточных игр в том, что касается правил, но огромную важность в ней имеет треп во время самой игры. Группа закадычных друзей — совершенно иное животное по сравнению с группой, в которой игроки едва в состоянии общаться на одном языке. Стоит Отряду остановиться на пятнадцать минут, как тут же кто-нибудь начинает играть в тонк. Эта традиция родилась еще за десятилетия до меня. И проживет еще долго после моего ухода.

Ухода. Я пытался представить, какой могла бы стать моя жизнь, если бы я много лет назад покинул Отряд. И мне не хватило воображения. Признаюсь — у меня не хватило бы силы воли бросить все, что я знаю, даже если это все — лишь извилистый и приносящий мало радости путь, слишком часто пролегающий через окраинные болота ада.

Почти весь день я провел в состоянии зомби, таская кирпичи для юного каменщика, в то время как большая моя часть находилась где-то в другом месте, отважно путешествуя по полям несбывшихся возможностей.

Уже под конец дня я сказал Госпоже:

— Наверное, мне следовало бы говорить такое чаще. Я люблю тебя и благодарен судьбе за то, что она свела нас.

Мои слова ее настолько ошеломили, что она даже ответить не смогла. И я знаю, что Лебедь и Мурген

некоторое время пялились на меня, разинув рты и гадая, уж не решил ли я, что настал мой смертный час.

Ворошки не наблюдали за нами постоянно. Они проявляли осторожность, показываясь ненадолго несколько раз в течение дня. Похоже, их обычная самоуверенность куда-то испарилась.

Едва покончив со своими обязанностями, я спросил Тобо:

— Как полагаешь, что они задумали? — Мы уже говорили об этом, но я никогда не чувствовал себя в своей тарелке, принимая мотивы колдунов за чистую монету.

— Они ищут надежду. Или что угодно, что дало бы им преимущество. Я подозреваю, что сейчас их мир куда больше напоминает ад, чем это в состоянии вообразить любой жрец. Наверняка там рыщут почти все уцелевшие Тени с равнины. И у одного клана колдунов, каким бы замечательным ни было их оружие, попросту нет шансов прекратить происходящее. Во всяком случае, раньше, чем опустошение их мира достигнет масштаба полной катастрофы.

Когда-то я еще мог посочувствовать Ворошкам и живущим в Хатоваре. Но сейчас, заглянув себе в душу, я обнаружил лишь безразличие.

— Сколько тебе еще нужно времени на завершение всех переделок? — спросила Госпожа. Ей не терпелось вернуться на север. По ее брошенным вскользь фразам я догадался, что она хочет быть с нашими главными силами, пока их не постигла катастрофа. Что она могла сделать для предотвращения этой катастрофы, оставалось выше моего понимания. Сейчас у нее не хватило бы магии даже разжечь костер без кремня и кресала.

— Не больше десяти минут, — ответил Тобо. — Вот последняя плетеная веревочка, которую нужно спле-

сти заново, и мы получим не просто совершенно исправные врата — они станут еще крепче прежних. Настолько прочными, что случившееся в Хатоваре здесь попросту не сможет повториться. Эта магическая веревочка предназначена для создания невидимого снаружи кармана мрака. В нем могут спрятаться Тени-убийцы, став невидимыми часовыми. И они будут там сидеть, готовые броситься на любого, кто попытается пройти через врата, но не получил разрешения от нас или Шевити.

— Ловко, — заметил я. Госпожа нахмурилась. Она упорно считала, что мы слишком доверяем демону.

Кажется, она не была способна понять, что доверие — лишь незначительная часть уравнения.

— Через минуту у нас будут гости, — сообщила она.

Я взглянул вверх. Вниз по склону спускались два Ворошка, паря над старой дорогой, на которой они могли бы обрести защиту, если бы не взорвали собственные врата. Третий держался вдалеке, виднеясь точкой на горизонте и взяв на себя роль отдаленного свидетеля.

— Как полагаешь, не нанесли ли они новые повреждения, пройдя через барьер и оказавшись на дороге? — спросил я.

Бросив на летунов быстрый взгляд, Тобо ответил:

— Нет. Думаю, они вошли на ее дальнем конце и прилетели сюда, держась низко над дорогами. А третий последовал за ними сверху.

Поразительная тупость, решил я. У парочки на дороге нет ни единого шанса вернуться засветло. Или они думают, что мы защитим их от ночи? Если да, то они мечтатели, каких свет еще не видывал.

Ворошки опустили в сотне ярдов от врат и направились к нам с таким видом, точно ходьба — совершенно непривычное для них занятие. Обладание летающими столбами наверняка было в Хатоваре символом высокого положения. Настолько высокого, что ногами пользовались лишь тогда, когда низшие существа этого не видели.

— Сколько еще? — спросила Госпожа у Тобо.

— Пятнадцать секунд. После этого я еще поработаю немного для вида. Потом мы все отступим через ворота. Отцу и остальным велено быть осторожными.

Осторожность — это еще мягко сказано. Целая коллекция метательного оружия была уже наготове. Включая пускатель огненных шаров. Но его не пустят в ход, пока Ворошки будут оставаться на равнинной стороне врат. Огненные шары могут повредить барьеры. Зато стрелы луков и арбалетов могут пролетать через ворота, хотя нанесенные ими раны через несколько секунд заживают.

Впрочем, вряд ли стрелы нам сильно помогут против этих старых колдунов.

Они выглядели толстяками, проецируя ауру упитанности под непрерывно шевелящимися складками черной ткани.

— Готово. Думаю, все сработает, — сообщил Тобо.

Щелк. Щелк. Щелк. Вот как быстро мы проскочили через ворота в свой мир. Тобо запечатал проход. Мы ждали.

— Один из них окажется отцом наших возмутитель спокойствия, — сказал Тобо.

Возможно. Кажется, Ворошки заинтересованы в общении. И они знают, что кто-то на нашей стороне говорит на языке форвалаки.

Им повезло. Из всех членов Черного Отряда, которые могли отправиться сюда вместе с Тобо, они получили меня и Госпожу.

Однако радости им это не принесет. Их племя со мной не любезничало. И от меня они тоже ничего не получают легко.

48. Ворота Теней. Летающие повелители

Оба этих Ворошка, которые представились как Нашун Исследователь и Первый Отец, говорили на языке Арчи. Нашун владел им лучше. А поведение обоих вряд ли вызвало бы улыбку у многих матерей. Было

ясно, что проявление вежливости и каких-либо манер за пределами семьи есть малознакомое для них упражнение.

После взаимных представлений я высказал очевидное:

— Ваш народ навлек на себя крупные неприятности.

Все буквально почувствовали, как Ворошки закрывают глаза и вздыхают под черной тканью.

— Мы выживем, — заявил Ворошк-босс, с усилием избавив голос от гнева и высокомерия. С уверенностью у него получилось хуже, и я задумался: а может, они и правда в этом не сомневаются?

— Несомненно. Увиденные мной возможности вашей семьи произвели на меня впечатление. Но если честно, то вы ведь понимаете, что для ее выживания потребуется нечто большее, чем просто изгнание Теней.

Нашун нетерпеливо махнул затянутой в перчатку рукой:

— Мы пришли к вам, потому что желаем вернуть своих детей.

Он говорил достаточно четко и медленно, чтобы его поняла Госпожа. И она издала негромкий удивленный звук — вполне возможно, что и смешок.

— Тут вам не повезло. Они могут оказаться полезными для нас. К тому же, у нас нет никакого интереса их возвращать. ▲

Теперь их гнев стал настолько плотным, что его можно было пощупать. Тобо это тоже ощутил и сказал:

— Предупреди их, что любая сила, с помощью которой они попробуют пробиться через врата, срикошетит в них. И еще скажи, что чем упорнее они станут пробовать, тем сильнее пострадают.

Я перевел. Слова парня не произвели на наших гостей впечатления. Но и экспериментировать они не стали, припомнив события у собственных врат.

— Мы готовы предложить обмен, — сказал Исследователь.

— И что вы можете предложить?

— На равнине все еще есть ваши люди.

— Попробуйте их захватить. Они прикрыты. И когда пыль рассеется, вы снова станете подбирать мертвых членов вашей семьи. — В этом я не сомневался. Потому что Тобо полностью доверял Шевитье. — Вы могущественны, но невежественны. Как быки. Вы не знаете равнину. Она живая. И она наш союзник.

Теперь я не удивился бы, увидев, как у них из ушей повалил дым. Гоблин в старые добрые времена проделывал такой фокус. Но у этих двоих не было чувства юмора.

И все же их отчаяние преодолело гнев.

— Объясни, — прошипел Нашун.

— Вы ничего не знаете о равнине, но настолько самонадеянны, что верите, будто сильнее кого угодно на ней. А это обитель богов. Очевидно, вы даже не знаете историю собственного мира. Те, кто стоит сейчас перед вами и кому, по вашему мнению, вы можете угрожать, — духовные наследники солдат, вышедших из Хатовара пятьсот лет назад.

— То, что происходило до Ворошков, не имеет значения. Однако ты и сам проявляешь невежество.

— Это *имеет* значение. Вы чего-то хотите от последнего Свободного Отряда Хатовара. И вам нечего предложить взамен. За исключением, возможно, собственной надменной истории и толики современных знаний.

Оба колдуна промолчали.

— Спроси, почему они так отчаянно хотят вернуть этих детей, — сказала Госпожа. — Ведь они здесь в безопасности.

Я спросил.

— Они — наша семья, — ответил Первый Отец. В его голосе чувствовалась искренность и нечто такое, из-за чего я ему поверил.

— Они далеко отсюда. После их появления здесь мы долго шли на север. Один из них смертельно болен.

— При них остались их *рейтгейстидены*. И они смогут долететь сюда за несколько часов.

— По-моему, он говорит всерьез, — сказал я Госпоже. — Он и правда вбил себе в голову бредовую мысль, будто ему достаточно сказать — и я верну ребятишкам их игрушки и отпущу. Нет, в Хатоваре им точно не приходилось работать, чтобы выжить.

Исследователь выхватил одно слово из моей фразы:

— Я уже говорил о вашем невежестве. Так слушай, пришелец. Хатовар — не наш мир. Хатовар был городом тьмы, где проклятые души поклонялись богине ночи. Этот город зла был стерт с лица земли еще до Ворошков. Его жителей выслеживали и уничтожали. Ныне они позабыты. И они останутся позабытыми. Потому что ни одному Солдату Тьмы никогда не будет позволено вернуться.

Как-то давным-давно, в один ленивый день, за десятки лет до того, как превратиться в сосуд, тот, что он есть сейчас, Гоблин сказал мне, что я никогда не попаду в Хатовар. Никогда. Он навсегда останется для меня за горизонтом. Я буду подходить к нему все ближе и ближе, но никогда не дойду. Вот я и вообразил, что вступил в Хатовар. Но то оказался лишь мир, где когда-то находился Хатовар.

— Само время сравнивало счет. Те, кого послал Хатовар, вернулись. А мир, убивший Хатовар, умрет.

— Ты обратил внимание? — спросила Госпожа.

— На что?

— Он употребил слово «зло». А мы редко слышали его в этой части мира. Люди не верят в него.

— Эти ребята из нашей части мира. — Я перешел на язык Арчи: — Если вы дадите нам полные современные сведения о конструкции и работе ваших летающих бревен, а также о материале, из которого изготовлена ваша одежда, то и мы согласимся вернуть тех, кто нужен вам.

Госпожа изо всех сил старалась, переводя нашим сказанное. Но и ей не всегда удавалось понять все.

Нашун Исследователь не сумел осознать всего масштаба моего требования. Он трижды пытался ответить, трижды не смог подобрать слова и, наконец, с немой мольбой повернулся к Первому Отцу. Я не сомневался, что его прикрытое черной тканью лицо искажено отчаянием.

— Думаю, сейчас вам самое время отойти от врат, — сказал я своим. — Колдуны начинают терять терпение.

Я упивался ощущением собственного злодейства. Я всегда его испытываю, когда довожу до отчаяния могущественных и никому не подвластных типов, воображающих, будто вселенная создана исключительно для их удовольствия и удовлетворения их прихотей.

— Скоро стемнеет, — сказал я Ворошку. — И тогда выйдут Тени. — Когда Ворошки переглянулись, я одолжил цитату у Нарайяна Сингха: — Когда имеешь дело с Черным Отрядом, надо накрепко запомнить: тьма приходит всегда.

Повернувшись к Госпоже, я не увидел на ее лице стопроцентного одобрения.

— Все могло пройти и лучше, — сказала она.

— Я позволил вмешаться чувствам. Хотя и знал, что не следовало бы. Но этот разговор нас все равно ни к чему не привел бы. Они слишком много думают о себе и слишком мало о других.

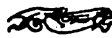
— Тогда можешь расстаться с мечтой о возвращении в Хатовар.

И тут Ворошки предприняли первую за время встречи яростную попытку прорваться через врата.

Я их предупреждал.

Но они не захотели слушать.

Результат оказался даже хуже, чем предсказывал Тобо.

Взрыв безмагии швырнул обоих колдунов вверх по склону, к самому краю равнины — словно тряпичных кукол. Каким-то чудом защитный барьер дороги не пострадал. Возможно, об этом позаботился Шевитья.

Один из колдунов так и остался лежать, когда мне надоело за ними наблюдать.

— Думаю, теперь можно и уходить, — сказал я Тобо. — Пожалуй, на сей раз эти ребята усвоили урок.

Уходя, я не стал оглядываться. Испытания, с которыми столкнулись Ворошки в своем мире, наполняли меня уверенностью в том, что они никогда не станут проблемой в нашем.

Когда мы спускались с холма, я спросил:

— Никто не считает, что между Ворошками и Хозяевами Теней может существовать связь? Похоже, они стартовали примерно в одно время. И Хозяева Теней тоже пытались в Хснене обрубить все связи с прошлым. И не удалось им это лишь потому, что работа оказалась слишком большой. Интересно, что бы мы узнали, если бы потолковали о прошлом с каким-нибудь местным крестьянином?

— Я могу спросить Шевитью, — вызвался Тобо. — И пленников. — Но особого желания я в его голосе не расслышал.

49. Ниджа. Место смерти

Сари велела принести побольше факелов. Словно яркий свет обернет катастрофу вспять. К кому времени, когда пришла Дрема, бывшую крепостную конюшню освещало уже с полсотни факелов, ламп и фонарей.

— Задущен? — спросила Дрема.

— Задущен.

— Меня так и тянет произнести слово «ирония», но, боюсь, никакой иронии во всем этом нет. Дой, возле конюшни летала белая ворона Костоправа. Отыщите ее. И еще тут было несколько человек. Некоторым полагалось

присматривать за Сингхом. Я хочу знать, что они видели.

Дрема хорошо представляла, что она услышит от Незвестных Теней — вариации уже услышанного.

— И еще я хочу, чтобы эту новость сообщили на юг, — добавила она.

Ни одно событие в Черном Отряде не остается незамеченным. Солдаты из Хсиена превосходно это понимали. И принимали как должное. И не совершали глупостей. Зато кто-нибудь иной, не имевший опыта жизни в Хсиене, не стал бы воспринимать Незвестные Тени всерьез.

Минуту спустя Дрема спросила:

— Полагаю, Гоблина никто не видел? И вряд ли кто-нибудь знает, кому полагалось за ним присматривать?

— Он был там еще минуто назад, — ответил Рекоход.

Дрема посмотрела, подумала и процедила:

— Несомненно, до той самой секунды, когда я решила посоветоваться с Незвестными Тенями о том, что они видели. — В тот момент он как раз и понял, что его недавние поступки ни для кого не являются тайной. И что Дрема, общаясь с Тенями, уже покупает для палача веревку, на которой Гоблин будет повешен.

— Прикажешь поймать его? Живым? — спросил Рекоход.

— Нет. — Не сейчас. Только не в такой ситуации, когда лучший из находящихся рядом с ней магов — старик, чьего умения, если не считать обращения с мечом, не хватит даже, чтобы наслать порчу на людей или животных. — Но мне хотелось бы знать, где он сейчас. — Это Дой сможет. Незвестные Тени с ним общаются. Иногда. Когда у них есть настроение. — Зато нужно немедленно усилить охрану Ворошков. Гоблин проявлял к ним большой интерес, когда мы ехали сюда. Поэтому я не хочу, чтобы с ними что-то случилось.

Или чтобы они сбежали. — Ей не пришло в голову усилить охрану коматозного Ревуна. Но на сей раз фортуна оказалась на ее стороне.

Гоблин, как выяснилось, украл пару быстрых лошадей и кое-какие припасы, а затем выбрался из Ниджи и направился на север — и все это он проделал практически незаметно. Выслушав рапорт, Дрема едва не разразилась обвинениями в разгильдяйстве. Кто-то напомнил, что колдун-коротышка всегда отличался умением действовать незаметно.

— Тогда за ним следовало постоянно наблюдать, чтобы лишить его этого преимущества, — прорычала Дрема.

— Я не могу остановить его или манипулировать им, зато могу сильно осложнить ему жизнь, — высказался Дой.

— Как?

— Через лошадей. Черные Гончие любят с ними развлекаться. А когда он попытается привести их на водопой... — Дой злобно ухмыльнулся.

— Тогда посылай их. — Дрема поманила Сари. — Во время совещания я разрывалась на части. И ждала подсказки, чтобы принять решение. Мы только что ее получили. Отныне мы перестанем мчаться вперед. Мы медленно двинемся вперед, доберемся до более гостеприимных краев и остановимся там, где снабжение перестанет быть проблемой. Там подождем, пока подтянутся отставшие. И объявим призыв добровольцев, желающих поддержать Прабриндраха Драха и Радишу. — Если тут их вообще хоть кто-нибудь помнит.

— И особенно будем ждать моего сына. Да. — Сари была сердита и недовольна, но слишком устала, чтобы спорить. — Ведь Мурген теперь уже не главный инструмент.

— Да, особенно для Тобо. Сегодня всем стало ясно, что без Тобо у нас возникнет куча проблем.

Сари промолчала. Она устала вести битву, в которой даже те люди, которых она хотела защитить, отказывались считаться с ее беспокойством.

50. Таглиосские территории. Дворец

Таглиосская полевая армия медленно собиралась по обе стороны Каменной дороги в малонаселенной местности примерно на полпути между Деджагором и укрепленными переправами через реку Майн у Годжи. Вторая, менее мощная армия, состоящая из войск южных провинций, стягивалась у Деджагора. А третья армия окружала сам Таглиос. Не было причин полагать, что войска у Деджагора не сумеют защитить город от натиска той армии, которую Черный Отряд привел с собой. Могаба ожидал, что противник, спустившись с гор, свернет на запад и продвинется до реки Нагир, вдоль которой пройдет на север, после чего опять свернет на восток и попыбует форсировать Майн на одной из второстепенных переправ ниже по течению. Он намеревался измотать противника непрерывными маршами. И пусть делают что хотят, пока он не захлопнет дверь у них за спиной. Едва они окажутся севернее Майна, он возьмет их в кольцо и начнет медленно его сжимать.

Верховный главнокомандующий пребывал в хорошем настроении. Таглиос оставался беспокоен, но до бунта не дошло. А командиры даже самых отдаленных гарнизонов привели своих солдат в места сбора полностью, хотя до конца месяца в дальних южных районах еще предстояло собрать остатки урожая.

В сезон сбора урожая количество дезертиров неизменно возрастает.

И, что самое главное, Протектор держалась в стороне. Ее советы и указания всегда делали поставленную перед Могабой задачу более трудной. А когда искалеченный с ее помощью исходный план с треском проваливался, то виноватым, разумеется, всегда оказывался Могаба.

Верховный главнокомандующий собрал старших офицеров и своих приближенных, к числу которых относились десяток генералов, а также Гопал и Аридата Сингхи.

— Похоже, наш план воплощается безупречно, — сообщил Могаба. — Думаю, что, применив парочку уловок и точно рассчитанные отступления, мы сумеем заманить их к Ведна-Ботскому броду. Жаль, что у нас до сих пор нет надежной связи с Протектором. Но она не смогла набрать достаточное количество ворон. Их косит какая-то болезнь. Поэтому я редко получаю от нее сообщения чаще, чем раз в день. Кроме того, ей придется тратить время и на эпидемию в Пребельбеде. — Во дворце сейчас не было ни Теней, ни других шпионов Протектора. Но об этом Могаба умолчал. Таглиосцы — прирожденные конспираторы. Пусть они и дальше думают, что за ними могут тайно наблюдать.

Продвигаться вперед должен только его собственный заговор.

Мысли верховного главнокомандующего занимало нечто большее, чем только планы изоляции и уничтожения противника. Он подозревал, что существует и четкий вопрос: кто является наиболее опасным врагом Таглиоса.

Нечто в этом пришествии Черного Отряда настолько встревожило Душелова, что она твердо решила посвятить все свое внимание исключительно этой проблеме. Нечто в этом пришествии Черного Отряда затронуло практически каждого, имеющего какой-то вес в таглиосской империи, хотя новость об их возвращении едва успела распространиться, а тех, кто видел Отряд собственными глазами, и вовсе не было. А вся обычная вражда и внутренние трения странным образом почти прекратились, причем именно в то время, когда фракционализму полагалось расцвести пышным

цветом из-за того, что старые противники попытались бы воспользоваться ситуацией для собственной выгоды.

И еще Могаба поймал себя на том, что все меньше и меньше думает о шагах по устранению Протектора и все больше становится одержим мыслью об уничтожении Черного Отряда. И не просто об их разгроме, а о физическом уничтожении. До последнего мужчины, женщины, ребенка, лошади, мула, блошки и вошки.

После десятилетий неудач второй натурой Могабы стала подозрительность — включая собственное эмоциональное состояние.

В день, когда он принял решение предать Душелова, он начал вести дневник, чтобы отслеживать свои мысли и эмоции в последующие напряженные дни. Этот дневник он раскрывал только при ярком дневном свете. И он собирался уничтожить его перед тем, как предпринять реальные действия против Душелова, потому что упоминал в нем имена тех, кого не хотел предать в случае поражения — если ему настолько повезет, что он умрет быстрее, чем она его пленит.

Позднее, перечитывая дневник, она заметил эволюцию своих мыслей об Отряде. Ускоряющуюся эволюцию. Пугающую эволюцию.

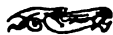
И он стал с подозрением относиться к своим же мыслям и побуждениям.

После общего совещания, на котором обсуждалась политика империи, Могаба собрал тех, кто отвечал за столицу.

— Кина снова активна, — прошептал Могаба. Гопал и Аридата вежливо слушали. Он упомянул события, происходившие еще до них, о которых они знали лишь понаслышке. — Она взялась за старое и постепенно меняет предрассудки каждого из нас.

Собеседники ответили ему непонимающими взглядами.

— Вы что, плохо историю знаете? Ведь самое странное тогда было в том, что никто даже не задумывался над тем, почему их охватил такой ужас. И никто и не вспомнил, что всего три года назад никто даже не слышал о Черном Отряде.

— Ты клонишь к тому, что богиня душил особенно опасается Черного Отряда, — сказал Гопал. — И хочет, чтобы весь мир навалился на них и уничтожил. Даже если придется пролить кровь.

— Какая любопытная последовательность, — проговорил Аридата. — Если мы сумеем одолеть Черный Отряд, то все равно придется потом заняться Протектором. Если мы свалим и ее, то придется иметь дело с Киной и душами, чтобы предотвратить Год Черепов. Волна за волной. И конца не видно.

— Конца не видно, — согласился Могаба. — А я к тому времени стану уже стариком. — Он начал возвращать в себе гнев едва ли не с того момента, когда решил, что им манипулируют. — Я хочу проверить кое-какие старинные записи. Хочу, чтобы вы были здесь завтра в это же время.

Храбрости у верховного главнокомандующего хватало. На следующий вечер он привел Гопала и Аридату в ярко освещенную комнату. И весьма убедительно доказал, что Кина проснулась, зачитывая длинные цитаты из копий Анналов Черного Отряда, хранившихся в дворцовой библиотеке.

— Теперь я тебе верю, — заявил Аридата. — Я лишь гадаю, какое событие разбудило ее вновь.

— Гопал?

— Я не уверен, что понял. Но, полагаю, понимать не обязательно. Главное, что понял Аридата. А я доверяю его мудрости.

— Тогда я стану говорить с Аридатой. А ты слушай. — Могаба усмехнулся.

Аридата выслушал его идею и мотивы в ее поддержку. Все это время он хмурился. Гопала, похоже, услышанное

ужаснуло, но он молчал. Выслушав, Аридата задумался. Через некоторое время он неохотно кивнул и сказал:

— У меня есть брат в Деджагоре. Я придумаю повод для поездки туда. Я знаю кое-каких людей, которые могут выслушать то, что имеешь сказать, если говорить стану я.

— Что?

— Помнишь, как несколько лет назад люди из Отряда, тайно находившиеся здесь, начали похищать людей? Лозана Лебеда, Пурохиту и так далее? Я был одним из тех, кого они похитили.

Гопал захотел узнать, почему, а Могаба поинтересовался, как ему удалось сбежать.

— Я освободился, потому что меня отпустили. Они взяли меня только потому, что хотели показать тому, кого захватили раньше. — Аридата набрал в грудь побольше воздуха и выдал свой величайший секрет: — Моему отцу. Нарайяну Сингху. Хотели продемонстрировать ему свою силу.

— Нарайяну Сингху? Тому самому Нарайяну Сингху? Душиле? — изумился Гопал.

— Тому самому. Я ничего не знал. До того дня. Мать говорила нам, что наш отец умер. Полагаю, она сама в это верила. Хозяева Теней заставили его работать в трудовом батальоне во время их первого вторжения, еще до того, как с севера пришел Черный Отряд. А я был младшим из четырех детей. И уверен, что старшие знали правду. Мой брат Сугрива перебрался в Деджагор и сменил имя. Сестра Хадитья тоже сменила имя. Ее муж умер бы от унижения, если бы узнал правду.

— Ты никогда об этом не говорил.

— Думаю, ты сам понимаешь, почему.

— О да. Это тяжелая ноша для души. — Могаба уже поймал себя на том, что реагирует на связь Аридаты с Обманниками. Именно тем самым параноидаль-

ным страхом, который охватывает любого при упоминании Обманников. Это было неизбежно. Но вслух он произнес: — Я всегда гадал, как эти люди доверяют друг другу?

— Я подозреваю, что надо войти в их круг и стать частицей целого, чтобы это понять, — ответил Аридата. — И полагаю, что основную роль играет их вера в богиню.

Могаба посмотрел на Гопала Сингха:

— Если у серых есть возражения, то я хочу услышать их сейчас.

Гопал покачал головой:

— Обо всем этом будет знать только один серый. Пока. Другие не поймут.

— Аридата, у тебя есть надежный человек, которому ты сможешь передать командование на время отъезда? — Городские батальоны не знали, что они — часть заговора по освобождению Таглиуса от Протектора. И было жизненно необходимо поддерживать в казармах твердый контроль.

— Есть. Но в наши планы не посвящен никто. Если у тебя появятся необычные просьбы, их придется оправдывать событиями, происходящими в городе. — Солдаты понимали, что их роль — поддерживать порядок, если горожане настолько разойдутся, что одни лишь серые с ними не справятся.

— А провокаций достаточно, чтобы мои просьбы прозвучали обоснованно? — спросил Могаба.

Гопал улыбнулся, блеснув зубами. Шадариты гордились своими хорошо ухоженными зубами.

— Удивительно, но с тех пор, как в городе узнали, что Черный Отряд действительно вернулся, надписей на стенах стало меньше. Впечатление такое, словно реально симпатизирующие Отряду больше не желают рисковать, а всяческим вандалам, которые в основном их и малюют, вдруг расхотелось, чтобы их ассоциировали с любым реальным ужасом.

— Ужасом?

— Ты был прав в том, что сказал вчера вечером. В городе нарастает страх перед Отрядом. Совсем как в прежние времена, судя по твоим словам. Я этого не понимаю. Зато страх помогает поддерживать спокойствие в городе именно тогда, когда я ожидал намного больше проблем.

— Если нужны провокации, а злодеи не преподносят их на блюдечке, то не стесняйся создавать их сам. Аридата, ты знаешь, что надо делать. Действуй. И как можно быстрее. Пока события не начали развиваться с такой скоростью, что лишат нас всяких шансов. — Хотя все могло произойти почти моментально, Могаба отбросил любую реальную надежду застать Протектора врасплох при ее возвращении в город.

А сейчас создавалось впечатление, что она даже не планирует возвращаться, пока со вторжением Черного Отряда не будет покончено.

51. Таглиосские территории.

В центре империи

Душелов, облаченная в черную кожу и кипящая от гнева, обходила периметр укрепленного лагеря на полпути между Годжей и Деджагором. За ней следовал десяток перепуганных офицеров. Каждый мысленно молил о милосердии своего бога или богов. Разгневанная Протектор равнялась стихийному бедствию, с которым никто не хотел столкнуться. А в ее эксцессах логики было не больше, чем в траектории торнадо.

— Они не сдвинулись с места. Вот уже шесть дней, как они не сделали и шагу. После того, как мчались на север подобно буре — так быстро, что мы едва не сдохли, пытаясь выставить на их пути хоть какой-нибудь заслон и остановить. Чем они занимаются? Что внезапно изменилось?

Как и всегда во время сильного волнения, речь Душелова была мешаниной спорящих голосов. Это еще

больше нервировало бредущих следом офицеров. Никто из них прежде не видел ее наяву. Действительность оказалась куда более пугающей, чем предсказывали слухи. Душелов проявила себя жестокой и капризной, как и любой бог. Несколько свежих могил неподалеку от лагеря свидетельствовали о том, что в гневе она страшна.

Эти подхалимы никогда этого не узнают, но те, кто оказался в могилах, были отобраны на роль покойников только после тщательного шпионажа. Никто из них не был преданным слугой Протектората. Каждый признал это вслух. Кроме того, никто из них не был особенно компетентным лидером, и это было очевидно как для солдат, так и для сослуживцев. А должности свои они получили благодаря родственным или приятельским связям, а не способностям.

Душелов чистила свой офицерский корпус. И была разочарована тем, что обстоятельства мешают провести чистку тщательнее. Офицеры у нее оказались отвратительные. Но она за это ответственности не несет. Разумеется.

А насколько хуже было бы офицерство без усилий верховного главнокомандующего? Наверное, она видела бы толпу кретинов-бездельников. И если бы не Могаба, она мало что смогла бы собрать в этом лагере.

Но как удержать их здесь? Процент дезертиров был приемлемо низким, но постепенно возрастал. А вдруг в этом и заключена стратегия врага? Подождать, пока таглиосская армия сама растает, потому что нужны рабочие руки для уборки зреющего урожая? Станут ли они потом наступать на север? Такое было вполне в духе Черного Отряда. Имелись сведения, что у них достаточно денег, чтобы долго кормить и снабжать свою армию в полевых условиях.

В сообщениях Могабы указывались и его подозрения насчет такой же стратегии. Его же планы были

направлены на то, чтобы отправить противника в долгий обходной путь, ведущий в капкан.

Но Душелов не верила, что есть хотя бы малейший шанс загнать Черный Отряд в ловушку. Слишком уж хорошо у них действует разведка. Ее же ресурсы таяли с каждым днем. Все виды ворон оказались в опасности. Мыши, крысы, летучие мыши и совы не могли преодолевать длинные расстояния. Ей никак не удавалось раздобыть качественный кусок хрусталя или достаточно ртути, чтобы наполнить магическую чашу. Все еще имеющиеся у нее Тени были немногочисленны и напуганы, и она не рисковала часто направлять их на вражескую территорию, потому что после каждой такой вылазки несколько не возвращались. А теперь ее отрезали и от единственного источника новых Теней.

Душелов взглянула на небо и увидела стервятников, кружащих на севере — над лесом, тянущимся слева направо так далеко, сколько она могла видеть. Вдоль опушки леса текла мелкая река. Давным-давно, вскоре после того, как Черный Отряд потерпел поражение, приведшее к осаде Деджагора, ее сестрица одержала здесь небольшую победу над Хозяевами Теней.

— Я пойду туда и посмотрю, что интересного отыскали там стервятники.

Протестовать никто не стал.

А вдруг стервятники пообедают и ею?

— Никому из вас не нужно идти со мной.

Всеобщее облегчение было нескрываемым.

52. Низинные тагпиосские территории.

Госпожа ворчит

Госпожу трясло от ярости. Даже не припоминая, была ли она когда-либо столь близка к утрате контроля над собой.

— Ну *как* они могли такое допустить? Ведь каждую секунду за этим мелким дерьмом кому-то полагалось наблюдать!

Никто не осмелился ответить. Да она и не желала ответов. Ей хотелось кого-нибудь избить.

Тобо тихо занимался делом, разговаривая с существами, которые видны, лишь когда смотришь в сторону. Существами большими и маленькими, похожими на человека и такими, что словно сбежали из кошмаров сумасшедшего. Гоблин будет обнаружен. Гоблина выследят, и ему будут досаждают, если такое вообще возможно, круглые сутки. Сейчас и отныне для нашей части Отряда поиски Гоблина становятся главной миссией. Его нужно отыскать и обезвредить — или уничтожить, — пока он не сумел устроить новые подлянки в пользу Кины.

Несмотря на долгое отсутствие практики и то, что подобное явно было не в ее привычках, Госпожа обрушила убийственное заклинание на беззащитную сосенку. Дерево почти немедленно начало рассыпаться в труху.

— Это еще что за чертовщина? — изумился я. — Я-то думал, что ты не...

— Помолчи. Дай подумать. — Госпожа оказалась настолько удивлена, что даже позабыла о гневе на Гоблина.

И я замолчал. Я дал девушке подумать столько, сколько она хотела.

Неужели эта паршивейшая ситуация вознаградила нас и чем-то хорошим?

— Тобо, — обратилась моя не очень-то счастливая в тот момент женушка, — когда станешь посылать на север очередное послание, спроси, не прихватил ли этот мелкий мерзавец один из Ключей к вратам. Или еще что-либо необычное.

Тобо сделал несколько пассов, потом ответил:

— Это я уже проверил. Он сбежал, имея при себе только две лошади и седло. Даже без куска колбасы. И сейчас, наверное, жрет насекомых. А единственное необычное заключалось в том, что его никто не заметил.

И эта необычность почти наверняка имеет искусственное происхождение.

— Потому что?..

— Потому что его даже сейчас оказалось чертовски трудно заметить. Я ожидал, что Черные Гончие без труда обнаружат его и пристроятся следом. Но ошибся. Он неуловим, как призрак. И каждый их контакт оказался возможен только потому, что он движется по избранному маршруту, никуда не отклоняясь, и они могут просто обогнать его и подождать, пока он не покажется.

— И куда он идет?

— На север. К перекрестку с Каменной дорогой. Впрочем, он постоянно молчит, поэтому его планы неясны.

Даже после всего произошедшего Тобо сохранил чувство юмора.

— Как ты ухитрилась убить то дерево? — спросил я Госпожу.

— Хороший вопрос, — задумчиво пробормотала она. — Но без хорошего ответа. Я никогда не ощущала какого-либо обостренного присутствия Кины.

— Думаешь, это могло быть как-то связано с Гоблином? Мы ведь знаем, что Кина наверняка поместила в него кусочек себя, иначе он просто не выжил бы.

— Нет, я бы уже что-нибудь ощутила. Я так думаю. Тобо, ты не ощущал в Гоблине чего-либо зловещего?

— Конечно, — раздраженно отозвался парень. Мы мешали ему работать. Старики вечно путаются под ногами. — Он уже не был дядей Гоблином. Но и не стал более могущественным, чем прежде.

— Может, это было нечто такое, что не проявлялось, пока он не получил шанс убить Нарайяна? — предположил я.

Наши споры о мотиве убийства все чаще склонялись к тому, что старый Нарайян был уже слишком немощен, чтобы сбежать или делать что-либо во имя

своей богини, и, будучи оставлен в наших руках, мог со временем выдать нам под принуждением все, что знал. И хотя многие из нас рассматривали его убийство как предательство со стороны богини, наши знания о доктрине Обманников намекали, что он мог воспринять свою смерть как награду. Задушенный самой богиней, Нарайяи отправился напрямик в рай Обманников, где, несомненно, получил щедрое вознаграждение за свою верную службу.

Когда речь заходит о религии, я склонен становиться циничным.

После молчания, затянувшегося настолько, что я уже решил, будто она меня не слышала, моя женушка заговорила:

— А можно просто быть умнее, чем кажешься. Ведь Кина ожидала, что у нас хватит подозрительности следить за каждым вздохом Гоблина. Поэтому она и хотела, чтобы он вел себя как можно более нормально, пока не получит верный шанс сбежать. — Она принялась расхаживать туда-сюда. — Бедный Гоблин. Ведь он по большей части остался самим собой. И может, даже честно старался помочь по мере сил старым друзьям. Он так и останется частично Гоблином, но уже пленником внутри собственного тела. — Сочувствие в ее голосе подсказывало, что ей, возможно, некогда самой довелось испытать подобное.

— Но это ничего не говорит нам о его цели. Или о цели Кины.

— Она в тюрьме. И хочет из нее вырваться. Тут и догадываться нечего.

— Но у нее должен быть масштабный план. Ведь душу Гоблина она сожрала вовсе не для того, чтобы просто метнуть его камешком по поверхности мирового пруда. Он должен куда-то попасть и что-то там сделать. И если ему это удастся, мы все очень пожалеем.

Госпожа хмыкнула. Она все еще не отошла от гнева.

— Он движется на север, — напомнил я. — Что там есть такое, что могло бы заинтересовать Кину?

Тобо оторвался от разговора со своими любимцами.

— Бубу... — Его голос был столь же мрачным, как и мои чувства. — Гоблин займет место Нарайяна и станет заботиться о Дщери Ночи.

— Да. С той лишь разницей, что он несет в себе большой кусок богини и поэтому станет намного опаснее Нарайяна.

Госпожа осмотрелась с таким выражением на лице, что мне стало ясно — она без труда видит приятелей Тобо.

— Как думаешь, моя сестрица захочет выслушать одного из них?

Стало так тихо, что можно было бы расслышать писк комара. Даже животные притихли.

— Ты что-то задумала? — спросил я.

— Да. Мы пошлем ей сообщение. Расскажем, что произошло с Гоблином. И остановить его — настолько же в ее интересах, насколько и в наших.

— К тому же у нее есть и личный интерес, — напомнил Тобо.

Я понял его немедленно, но Госпоже пришлось пояснить:

— Она хромотает как раз из-за Гоблина.

— О, конечно. Теперь вспомнила.

А как же иначе? Во время похищения Радиши она тоже была там, наблюдая за всем глазами белой вороны. А в ту самую ночь Гоблин ухитрился загнать Душелова в одну из своих ловушек. В результате ее правая пятка получила серьезное и неизлечимое повреждение.

— Сейчас-то она неплохо справляется, — сообщил Тобо. — Ходит в специальном сапоге, и поддерживает ногу несколькими специализированными чарами. И хромотает, только когда сильно устает.

— Ага. Значит, она точно захочет потолковать с Гоблином. Потому что никогда не любила проигрывать.

— Просто мысль, — вставил я. — А что произойдет, если Душелов превратит Гоблина в собственную версию Взятного? А может, заодно и Бубу? Говорят, бывали случаи, когда она проявляла свою магическую силу.

— Сделать из богини рабыню? — засомневалась Госпожа. Я приподнял бровь. Она запротестовала: — То, что делала я, было совсем иным. Это был чистый паразитизм. Я проникала внутрь, и она не могла от меня избавиться, не навредив себе.

— И теперь это к тебе отчасти вернулось?

— Нет, ощущение совсем другое. Тобо, так ты можешь послать сообщение моей сестрице или нет?

— Попробовать могу. Вернее, точно смогу. Запросо. Но главный вопрос в том, захочет ли она его выслушать.

— Выслушает, или я дам ей пинка.

До нас не сразу дошло, что она шутит. Она так редко это делает.

И Тобо занялся делом — составлением длинного послания Душелову.

— Это рискованно, — снова предупредил я.

Госпожа лишь хмыкнула. Она превращается в ворчливую старую ведьму.

53. Таглиосские территории. Лес с призраками

Прежде чем войти в лес, Душелов оглянулась.

— Ну, и где же они все? — И твердым мужским голосом спросила: — Что случилось со всеми этими подхалимами?

Другим голосом:

— Ведь кто-нибудь захотел бы сорвать поцелуйчик.

Удивленный голос:

— А они что, всегда хотят?

— Неужели мы здесь проигрываем?

— Мне это не нравится.

— Это уже не доставляет удовольствия. — Капризный детский голос.

— Мы почти все время лишь играем на мотивах. В этом нет никакого вызова.

— А даже когда есть, то почти невозможно увлечься настолько, чтобы результат волновал.

Почти все голоса были деловитыми, но усталыми.

— Трудно двигаться дальше, подпитываясь лишь стремлением к мести.

— Трудно быть одиноким, и точка.

Это замечание вызвало длительное молчание. У Душелова не нашлось подходящего голоса, чтобы выразить цену своего существования такой, какой она была. Только не вслух. Яростно-безумные колдуны-убийцы не хнычут из-за того, что их никто не любит.

Заросли вдоль речушки имели четкую границу. Наверное, когда-то люди эти земли возделывали. Душелов прислушалась. В лесу шириной чуть более мили было поразительно тихо. Сейчас в нем полагалось шуметь рабочим командам, заготавливающим дрова и бревна для лагеря. Но их не было. А день отдыха она не объявляла. Что-то спугнуло солдат.

И все же она не ощущала опасности.

Однако через мгновение обнаружила присутствие чего-то сверхъестественного.

Она посмотрела вверх. Стервятники все еще кружили, но уже ниже. Похоже, кружат они как раз над тем существом, которое она ощущает.

Душелов осторожно прошупала лес дальше и глубже. Когда она удосуживалась сосредоточиться, все ее чувства поразительно обострялись.

С таким существом она никогда прежде не сталкивалась. Нечто вроде могущественной Тени, но с четким

ощущением работающего разума. Однако не демон или иное иномирное существо. Нечто, являющееся частью природы, но все же словно к этому миру не принадлежащее. Но как такое может быть? Не из этого мира, но и не иномирное?.. Нечто могучее, но движимое не злобой. Сейчас. Нечто не имеющее возраста, привычное к терпению, в данный момент слегка нетерпеливое. Снова нечто умное и тенеподобное, какими были те разведчики на юге.

Душелов расширила все чувства до максимума. Это существо ждет ее. Только ее. И отогнало всех, кроме стервятников. Нужно соблюдать осторожность. Несмотря на скуку, ей вовсе не хотелось угодить в фатальную засаду.

Но никакой засады нет.

Она зашагала вперед, одновременно наполняя колчан быстрых и смертоносных заклинаний. Прищурилась под маской, отыскивая существо, пожелавшее встречи с ней.

По мере приближения его присутствие становилось сильнее, но менее сфокусированным. На мгновение ей даже показалось, что оно вокруг нее — хотя в действительности оно находилось где-то впереди. И когда она дошла до места, где, как подсказывали ее чувства, ему следовало быть, она не увидела ничего.

Место это оказалось полянкой неподалеку от Каменной дороги, на другом берегу мелкой речушки. Она увидела несколько веднаитских могильных маркеров и гуннитских мемориальных столбиков с изъеденными временем молитвенными колесами наверху. Должно быть, именно здесь ее сестра сражалась с тенеземской кавалерией во время бегства из Деджагора. Во времена столь отдаленные, что тогда она еще верила, что Нарайян Сингх — ее друг и защитник.

Солнечный свет пробивался сквозь листву над головой. Душелов уселась на полусгнившее бревно, торчащее из останков земляного укрепления.

— Я здесь. Я жду.

На краю ее зрения переместилось нечто большое. У нее создалось впечатление, что это был огромный кот. Но повернув голову, она ничего не увидела.

— Так значит, все и дальше так будет?

— Как это должно быть. Всегда. — Казалось, что ответ прозвучал неизвестно откуда, и она даже не поняла, как слышит его — ушами или в голове.

— Чего ты от меня хочешь? — Душелов воспользовалась низким мужским голосом, полным угрозы.

— Я принес послание от твоего старого друга Костоправа.

Костоправ не был другом. Наоборот, она испытывала по отношению к нему четкую обиду. Он не пошел ей навстречу, когда она попыталась его обольстить, а потом отказался остаться в могиле, когда она попробовала его убить. И все же во многом благодаря ему ее голова до сих у нее на плечах. И как раз это мелкое обстоятельство могло стать причиной, почему послание пришло от его имени.

— Говори.

Существо заговорило. Слушая, она старалась разгадать его истинную природу. И уловить какую-нибудь зацепку, ухватившись за которую, она смогла бы превратить его в своего агента.

Оно заметило ее попытки, но не встревожилось. Не испугалось. Не собралось отреагировать. Оно просто развлекалось.

Когда призрак закончил рассказ, Душелов мысленно повторила его с начала и до конца. Он был правдоподобным, хотя и неполным. Но стоит ли ждать от них откровенности в подобной ситуации?

Как она ни старалась, откровенной ловушки она отыскать не смогла. Похоже, они там действительно встревожены. И эта новость вполне объясняет внезапную смену их стратегии.

Гоблин захвачен Киной. Нарайян Сингх мертв. Дщерь Ночи сбежала... Да никуда она не сбежала!

Она в руках ее солдат и сейчас на Каменной дороге где-то южнее Деджагора. И почти наверняка ищет возможность сбежать.

А Гоблин может устроить ей побег.

Она вскочила с трухлявого бревна, позабыв о недавней скуке.

— Передай Костоправу, что он может считать общение состоявшимся. Я предприму нужные действия, чтобы справиться с ситуацией. Иди! Иди!

Мерцание. словно рядом мелькнула убегающая Тень. Она оставила после себя четкий холодок и еще один смутный образ чего-то невероятно большого и похожего на кошку, убегающего с поразительной скоростью.

Со стороны недалекой Каменной дороги донеслось побрякивание и стук копыт большого отряда, идущего на юг. Похоже, едут на верблюдах. А это означает гражданских. В ее армиях верблюдов нет. Она их ненавидела. Грязные животные с отвратительным характером даже в лучшие дни.

Она перешла вброд речушку и торопливо направилась к опушке. Из леса она вышла всего в сотне футов от того места, где караван сделал то же самое. Точно, гражданские, но большинство фургонов, верблюдов и мулов везет грузы в ее лагерь.

Караванщики увидели ее. Вздрогнули. И испугались.

Душелов окончательно позабыла о скуке. Она всегда наслаждалась впечатлением, которое производили ее внезапные появления.

Когда она отвернулась и взглянула в небо, выматривая кружащихся стервятников, у нее мелькнула мысль, что среди купцов и караванщиков она заметила знакомое лицо. Аридата Сингх? Здесь? Как? Почему? Она вновь повернулась и присмотрелась внимательнее, но не увидела Аридату. Наверное, там ехал кто-то похожий на Сингха. И может, ее заново

пробудившаяся энергия напомнила ей, что она уже давно не наслаждалась мужчиной. А Аридата Сингх обладал несомненной мужской привлекательностью. И редкая женщина этого не замечала, хотя он, казалось, совершенно не подозревал о том, какое впечатление на них производит.

Но об этом еще будет время подумать. Потом, когда она предупредит Деджагор и вышлет кавалерию — чтобы окружить ее племянницу, это упрямое и трудное дитя.

Наверняка найдется способ получить над ней контроль и добавить ее таланты к арсеналу Протектората. Не исключено, что она сумеет захватить и Гоблина — несмотря на тот факт, что им овладела Кина.

Гоблин никогда не был сильным колдуном.

Ах, как сладка месть, когда она становится доступна после долгой отсрочки!

А потом пусть приходит и сучка Ардат со своими псами! Она еще выплатит ей много старых должков.

Подходя ко рву вокруг лагеря, она обернулась и снова поискала взглядом стервятников.

Птицы уже разорвали круг, и лишь несколько все еще оставались на виду, вновь паря в небе в поисках чего-нибудь протухшего и вкусенького.

Душелов отыскала голос, которым не пользовалась еще с молодости. И этим голоском стала напевать песенку о весне и юной любви, и пела ее на языке, на котором говорила весной своей жизни, когда в мире все еще жила любовь.

Часовые в лагере перепугались до ужаса.

54. Тагпиосские территории.

Нечто в выгребной яме

— У меня вопрос, — сказал Мурген, когда впереди показалась крепость в Нидже. — Кто скажет Дреме, что мы в постели с Протектором?

— Полагаю, никому говорить и не нужно, — ответил я. — Во всяком случае, не изобразив дело именно так.

— Она женщина разумная, — высказалась Госпожа. — И поймет, что мы сделали и почему.

Тобо рассмеялся. Мурген лишь слабо улыбнулся.

— Должно быть, вы не обращали на нее внимания, — сказал Тобо. — Или перепутали ту Дрему, которую я знаю, с кем-то еще.

— Ничего, переживет, — отозвался я. — Как Душелов собирается перехватить Бубу?

— У нее выставлена линия пикетов южнее Деджагора. Она раздвинет эту линию — по обе стороны Каменной дороги. И она не до конца верит тому, что я переслал ей полную информацию. А я не пересказал ей все, что знаю, потому что не хочу, чтобы она догадалась, насколько хорошо я могу за ней следить. Кстати, она ничего не сказала своим Капитанам. Думаю, она боится, что начнет их терять, если они станут бояться Кины.

Какие мы храбрецы. Когда Отряд впервые появился на таглиосских территориях, в местную культуру твердо вошло правило: богиню никогда нельзя называть по имени, чтобы не привлекать ее внимание. А если без имени никак нельзя было обойтись, то люди пользовались ее аватарой из гуннитского мифа — Хади.

И тот факт, что имя Кины теперь широко используется в повседневной речи, есть еще одно указание на величину того воздействия, которое Отряд оказал за два прошедших десятилетия.

Как знать, может, не зря мы тогда нагоняли на людей ужас. Ведь мы потрясли их цивилизацию до основания. И ее будущее отнюдь не представляется светлым.

Она сами напросились. Ведь мы всегда хотели только одного — пройти через их земли на пути в Хатовар.

— Нам еще пару дней не придется иметь дело с Дремой, — напомнил Тобо. — Сейчас она ведет армию с гор на равнину по южному берегу реки Виллиуош. И проходит всего несколько миль в день. Припасов в

той местности с лихвой хватает на обеспечение армии. Она объявила набор добровольцев. От имени Прабриндраха Драха. Князь и его сестра теперь заявили о себе.

У меня имелось предчувствие, что в этих краях они будут плохо продаваться. Эту территорию Черный Отряд когда-то завоевал для Таглиоса.

— А где сейчас Бубу?

— Добралась почти до линии пикетов Протектора. Двигается к Каменной дороге. Черные Гончие получили инструкции обеспечить ее поимку.

— А я думала, что она уже поймана, — пробурчала Госпожа. — И что она пленница.

— Верно. Но сейчас она этим вроде бы довольна. Как я понял, ее охранники вовсе не столь внимательны к ее безопасности, как следовало бы.

Я не удивился, потому что читал Анналы Дремы. Бубу обладает способностью превращать в болванов находящихся рядом мужчин.

— Тогда и моя сестра должна об этом узнать. Иначе она может получить сюрприз, который никому из нас радости не доставит.

Мы приближались к стенам Ниджи. Я сказал:

— Вам, специалистам, следует тщательно осмотреть всю крепость. И проверить, не оставил ли наш старший приятель каких-либо улик. — Ответом мне стали нахмуренные лица. Подворачивался шанс отдохнуть, а я говорил о новой работе. И не для себя, а для них. Я сменил тему и спросил Госпожу: — Ты говорила, что Дрема сожгла Книги мертвых. Они были настоящие? У тебя есть прямые свидетели?

— Я сама это видела глазами белой вороны. Она сожгла все три. Пепел забрал Шевитья. И поручил Баладитаю избавиться от него щепотка за щепоткой, передавая его тем, кто путешествовал по равнине.

— Да, я сам перевез немало пепла, когда мы с Суврином исследовали равнину. А что?

— Пожалуй, древнее человеческое любопытство. Все, и Обманники с этим тоже вроде бы согласны, полагают, что Дщерь Ночи — или тот, кто унаследует ее работу в случае ее неудачи, — должна иметь Книги мертвых, чтобы завершить ритуалы Года Черепов. А раз нет книг, то нет и воскрешения. Я прав?

Ответа я не получил. Потому что его никто не мог дать. Ведь точный ответ фактически не знал никто. Возможно, даже моя сбившаяся с пути дочурка или бедный старый обманщик, а теперь очень мертвый Нарайян Сингх.

— Но ведь старая ведьма все еще пытается, разве нет? — напомнила Госпожа.

— Кто бы спорил?

Госпожа и Тобо не нашли в Нидже ничего интересного. Гоблин не сбросил кожу и не оставил в укромном месте секретный знак Обманников. Он просто сбежал, едва подвернулась возможность и едва кто-то понял, что он может быть причастен к убийству Нарайяна.

В Нидже к нам присоединился дядюшка Дой, а с ним и оставшие от армии солдаты, собравшиеся здесь. У Дремы не будет проблем с дезертирами. Эти парни не знали никого за пределами Отряда и не знали ни слова на таглиосском или любом другом местном языке.

Вместе с ними численность нашего отряда перевалила за сотню, когда мы двинулись дальше. Из исходной группы не хватало лишь Призрака и Панды, которым была оказана сомнительная честь остаться и следить за воротами.

Закончив поиски улики, Госпожа отвела Доя в угол и спросила:

— Где тело?

— Что? ▲

— Нарайян Сингх. Что вы сделали с его трупом? Мы с Тобо переглянулись. Этот вопрос никому из нас не пришел в голову. А ведь не помешает еще разок убедиться, кто именно был задушен. Ведь Нарайян Сингх не зря слыл принцем Обманников и любимцем Кины.

Один из раненых, оставленный в гарнизоне Ниджи, вызвался ответить:

— Его бросили в старую выгребную яму, а потом засыпали землей и камнями из новой, госпожа. А новую выкопали так, как вы велели, господин.

Я приобрел репутацию сторонника строгой дисциплины в этих делах еще с тех дней, когда только вступил в Отряд. И когда к здоровью, гигиене и избавлению от отходов относились так, как я приказывал, в Отряде становилось заметно меньше проблем с болезнями, чем среди людей, которые все делали по-своему. Однако кое с кем спорить было невозможно, поэтому я просто отдавал приказы и добивался их выполнения.

— Выкопайте его, — приказала Госпожа. А когда никто не бросился за кирками и лопатами, она вдруг тускло засветилась, начала разбухать и даже отрачивать клыки.

Вот тогда все и кинулись за лопатами.

— Интересное было зрелище, — заметил я.

— Я над этим работала с того дня, как превратила в труху то дерево. Усилий и энергии отнимает немного, зато внешне, наверное, впечатляет.

— Даже очень.

Эксгумация Госпожу удовлетворила. В яме лежало тело. Оно имело сходство с Нарайяном Сингхом и даже покалеченную ногу. И еще оно неестественно хорошо сохранилось — если принять во внимание то место, где его закопали.

— Итак? — спросил я, когда она зашла настолько далеко, что даже выпотрошила покойника. Понятия не имею, что она ожидала обнаружить.

— Похоже, что это он. Учитывая, кому он служил и кто его любил, я была почти уверена, что тела мы там не найдем. А если и найдем, то не тело Нарайяна.

Если честно, она и не хотела обнаружить тело Нарайяна. Потому что не желала, чтобы Сингх столь легко избежал ее мести.

— В реальной жизни не хватает драматичности, — сказал я. — Прибереги ее, чтобы потом обрушить на Гоблина.

Она ответила мне зловещим взглядом.

— Точнее, на того, кто овладел Гоблином. — Настоящий Гоблин сейчас был бы моим старейшим оставшимся в живых другом.

Госпожа разрешила труп Нарайяна на кусочки. И в последующие несколько дней оставляла за собой дорожку из этих кусочков — для насекомых и стервятников. Но голову, сердце и кисти рук она положила в кувшин с уксусом.

Я не спросил, зачем или есть ли у нее какой-либо план. Бегство Нарайяна привело ее в настроение, слишком не подходящее для светской болтовни.

Несколько раз я подслушал, как она проклинает тот факт, что в мире больше не осталось великих некромантов.

Она еще вызовет Нарайяна из рая или ада и заставит его заплатить за похищение нашей дочери.

К нам пришла младшая из Ворошков — та, которую мы взяли в плен.

— Седвод только что умер, — сказала она на неплохом таглиосском. Все это время она смотрела на Тобо.

Я пошел проверить. Большой парень действительно скончался. А я так и не понял, из-за чего.

И решил, что в его смерти тоже, пожалуй, можно обвинить лже-Гоблина.

55. Низинные тагтносские территории. Вдоль Виллиуоша

Дрема удивила нас всех. Сперва она взвилась, узнав о нашем общении с Душеловом, но большого скандала не устроила.

— Я к такой ситуации не готова. Тобо, полагаю, ты предпринимаешь меры к тому, чтобы помешать Протектору наблюдать за нашими действиями?

— Она видит только то, что мы хотим ей показать. И это означает, что она видит не то, что мы делаем, а лишь то, что делают наши общие враги.

Бубу не удалось добиться многого. Несмотря на отчаянную попытку сбежать в ту ночь, когда ее охранники натолкнулись на пикеты Душелова, она так и осталась пленницей. И через день-другой ее доставят к Душелову.

Гоблин, перемещавшийся быстрее охранников девушки, быстро ее настигал и, по расчетам Тобо, находился лишь в тридцати милях позади нее. Я предположил, что он причинит Душелову гораздо больше хлопот, чем когда-либо причиняла Бубу.

Размышляя вслух, я сказал:

— Интересно, не так ли зарождаются мифы?

Все посмотрели на меня так, словно им не очень-то хотелось знать, о чем я говорю. Я пояснил:

— Вот у нас есть группа людей, побывавшая в очень странных местах, куда большинство прочих не сможет попасть, даже если захочет. И еще у нас есть близкие родственники, которые ссорятся и даже пытаются убить друг друга.

— Как трогательно, — заметил Мурген.

— А мне нравится, — отозвался Тобо. — И через тысячу лет меня будут помнить как бога бурь. Или еще кого-нибудь.

— Кого-нибудь? — спросил его отец. — Тогда как насчет мелкого божка, который крошит валуны в щебенку?

Не так давно Тобо застукали, когда он взрывал валуны. Делал он это чисто ради удовольствия видеть это зрелище и слышать свист рикошетиющих камешков. Тобо тогда смутился. Но надо же человеку хоть иногда развлекаться. Сейчас в Отряде развлечений куда меньше, чем в дни моей молодости.

Я фыркнул:

— Мы проходили по сорок миль в день. И все время в гору. По снегу. Когда не вязли в болотах.

— Что?

— Это я так, понемногу тренируюсь в стариковском брюзжании, пока еще не окончательно одряхлел. А как ты заставляешь камни взрываться?

— О, это нетрудно. Надо лишь почувствовать камень изнутри. Отыскать в нем воду. И сильно ее нагреть. И тогда как бабахнет!

Отыскать воду. В камне. И тогда бабахнет. Правильно. Я должен был спросить. Я сменил тему:

— Как там успехи у Ворошков? — Несмотря на занятость, Тобо выкраивал время и на общение с пленниками.

Просто поразительно, сколько парень успевает сделать за день.

Припоминаю, что и у меня когда-то была подобная жизнь. В те времена, когда мы топали в гору. Мокрыми и окоченевшими ногами.

— Дядюшка Дой научил их таглиосскому, и теперь они говорят на нем так, словно родились в дельте в тени храма Чангеша.

— Превосходно. — Разумеется, он шутил.

— Они схватывают язык. С Шукрат и Магаданом уже можно разговаривать. У Арканы проблемы, но она

догоняет. Никто из них не скорбит по Седводу. А его брат Громовол упрямится. Его раздражает, что он перестал быть единственным каналом общения с остальными. Ему нравится быть главным. Или что-то вроде того. Но даже он делает успехи.

— Значит, Громовол стал у нас шилом в заднице? Кстати, кто из них кто? Я до сих пор не слышал их имен.

— Это потому, что они прежде не раскрывали их, надеясь, что семья выручит их после их собственной дурацкой ошибки. Они еще даже больше гуннитов верят в то, что их имена могут быть использованы против них. Потому что они связаны с их душами.

— А это означает, то Шукрат, Магадан и как-там-его на самом деле не их настоящие имена.

— Это их реальные имена в обществе. Рабочие. Но не настоящие.

— Никогда не понимал эту концепцию, но научился с ней жить. Так кто из них кто?

— Шукрат — та девушка, что пониже. Та, которая разбилась.

— И которая теперь пытается разбить твое сердце.

Тобо меня проигнорировал. Похоже, способность игнорировать неразрывно связана с магическими способностями.

— Ледяная королева — это Аркана. Вот ее я точно был бы не против растопить. А Магадан — спокойный парень.

Магадан, по моим прикидкам, станет самым опасным. Если захочет. Он наблюдал, учился и готовился. Не проклинал нас и не грозил подмогой из иного мира.

— Ты рассказал им, что произошло возле врат?

— Они не захотели мне верить, но все же поверили настолько, что решили представиться. И настолько, что пришли к выводу, что им придется-таки надолго стать частью нашего мира.

— А ты напомнил им, что именно об этом они и просили?

— Конечно. Шукрат даже смогла на эту тему пошутить. У нее отличное чувство юмора. Для девушки. Которая *не* просила, чтобы ее прихватили с собой.

Учитывая его опыт общения с женщинами, я мог понять, почему он пришел к выводу, что слабое чувство юмора есть характеристика, связанная с полом. Лишь жена Икбала изредка улыбалась и шутила. А ведь участь Сурувайи была самой незавидной из всех женщин, связанных с Отрядом.

— Но ты видишь лишь длинные ноги, длинные светлые волосы, большие голубые глаза и монументальный набор выпуклостей. — Как только придем в обжитые края, надо будет подыскать парню шлюху. Ему двадцать лет, а он все еще девственник.

С другой стороны, я могу лишь рекомендовать обуздание всей этой энергии — если учесть нашу нынешнюю ситуацию. Впереди нас ждала не та эра, когда мы можем позволить нашему самому талантливому чародею отвлекаться на зов природы.

Может, отыскать ему походную спутницу?

Представляю, что скажет на это его мать.

— Будущее! — воскликнул я, подняв руку, точно произносил тост. — Надо заставить Лебеда и Ножа открыть пивоварню или перегонный заводик.

— Да, мне тоже этого не хватает после кончины Одноглазого, — согласился Мурген.

— Мысль! А вдруг Гоблина настолько замучит жажда, что он пошлет Кину подальше и соорудит самогонный аппарат?

Мне пришлось упомянуть Гоблина. Это лишило момент всего удовольствия.

Всем, кто помнил старого Гоблина, приходилось иметь дело с воспоминаниями всякий раз, когда произносилось его имя. А эти воспоминания окажутся предательскими, если нам доведется встретиться с

оборотнем лицом к лицу. Даже если они вызовут лишь секундное замешательство.

Если нам понадобится заняться Гоблином всерьез, то лучше послать против него людей из Хсиена. Они не станут с ним сентиментальничать.

Но я не хочу торопить этот день.

— Тобо, раз уж мы сбросили темп, то что ты собираешься делать с Ревуном? — спросил я. С того самого дня, когда мы извлекли из-под земли спящего колдуна и Длиннотень, его таскала за собой целая рота пехотинцев. И у этой роты не было иных обязанностей, кроме как перевозить и охранять Ревуна. — С ним нужно что-то решать. Если Дрема не станет его будить и заключать с ним сделку, то лучше его убить. Пока Душелов не узнала, что он у нас, и не выкрала, чтобы использовать его самой.

Меня тревожило, что Дрема не воспринимала Ревуна достаточно серьезно. У нее не было опыта общения с ним. И она не могла понять, насколько он может быть опасен. — почти настолько же, насколько Душелов. И он был еще безумнее ее.

Ревун не был нашим заклятым врагом, хотя против нас он работал гораздо чаще, чем с нами. По своей натуре он был существом ведомым. Его буквально притягивало на сторону того, кто имел перевес над противником. И обладал такой мощью, что я предпочел бы видеть его с нами, а не наоборот. А если не с нами, то мертвым.

— Мы тут немного поспорили. Дрема предпочла бы оставить его шакалам. Мама тоже, если бы не предчувствия. А ты сам знаешь, насколько сильными предчувствиями обладают женщины в семье Кы.

— Одно из них свело вместе твоих мать и отца.

— Поздно рыдать над разлитым молоком, — вмешался Лозан Лебедь. — А вот не намекает ли кто-нибудь Дреме, что раз уж она никуда не торопится, то почему бы нам не остановиться где-нибудь на не-

сколько дней? Меня уже задолбало каждый день собирать и разбирать манатки, если мы никуда не идем.

Наш медленный дрейф на север оставлял много свободного времени в лагере. Я использовал его для работы над этими Анналами. Госпожа воспользовалась передышкой, чтобы нагрузить несколько фургонов большими бамбуковыми шестами, чтобы потом начать производство нового поколения пускателей огненных шаров. Тобо обучал Ворошков. Я иногда присоединялся к нему. Похоже, у Магадана имелся дар целителя, и нам нужно было его развивать.

Аркана все еще оставалась ледяной королевой. Шукрат же все больше к нам привыкала. А Громовол решил, что хочет стать моим приятелем — для поддержки какой-то схемы, созревающей внутри него.

Тобо хотя и помалкивал, но уже успел освоить основы передвижения на летательных столбах Ворошков. Точнее, на одном конкретном столбе. Подозреваю, что Шукрат ему помогала. Именно ее столб он тайком уволок посреди ночи, по-мальчишески упиваясь этим приключением.

56. Низинные таглиосские территории.

Поместье Гархавнес

За десять дней марша вдоль Уиллиуоша мы прошли всего миль сорок пять. Треть из них мы покрыли за один день, когда, ко всеобщему изумлению, стало очевидно, что на таглиосских территориях и в самом деле есть те, кто не собирается праздновать освобождение от диктатуры Протектора. Некая коалиция провинциальных аристократов и жрецов сперва пыталась оказать сопротивление, а затем укрылась в поместье под названием Гархавнес. Во время первой стычки Тобо применил свои таланты, чтобы ослабить их волю к сопротивлению, и наши солдаты не успели как следует им врезать.

Поместье мы окружили уже в сумерках. Заполыхали пожары. А наружная стена хозяйского дома словно вскипела темным туманом, когда Неизвестные Тени пошли на штурм.

Результаты не были очевидными еще несколько часов. Приятели Тобо предпочитают косвенное воздействие. И под прикрытием темноты.

Поместье было окружено, и наши костры отбрасывали безобидные тени, пляшущие на его стенах. Я сказал Дреме:

— Это местечко выглядит уютным и комфортабельным, Капитан. А мы никуда не торопимся. И можем задержаться на некоторое время. Достаточно долго, чтобы узнать его название.

Мое предложение ее ошеломило.

— Гархавнес.

— Ты так добра.

— Гархавнес — это название поместья, идиот.

— И оно лучшее из всего, что мы до сих пор видели. Не поселить ли нам здесь князя и его сестру? Пусть постепенно привыкают к королевскому образу жизни. — Боги свидетели, что среди нас им такая возможность не выпадала. Мы просто тащили их за собой, как заплечный мешок, — на тот случай, если они нам когда-нибудь пригодятся.

— А тебе не надо что-нибудь записать? Или вскрыть парочку нарывов?

— Сейчас — нет. Я весь в твоём распоряжении и переполнен советами.

Дрема не успела сочинить достойный ответ, не содержащий бранных слов, как из поместья выскользнула группа из нескольких мужчин, ведущих с собой женщин и детей.

Наш лагерь выглядел весьма впечатляюще.

Мы хотели, чтобы он выглядел, как лагерь кочующей орды.

Откуда-то материализовался Тобо с родителями и сказал:

— Призраки сработали даже быстрее, чем я рассчитывал. — Он вытянул руку ладонью вниз и прошептал нечто, прозвучавшее будто на языке Хсиена. Секунду спустя из окна на втором этаже поместья вырвался яростный вопль. Там сидели два лучника, собравшиеся было выстрелить в беглецов. Один из них даже ухитрился вывалиться в узкое окошко.

— Пусть твои приятели начнут нашептывать, что всем, кто сдастся до рассвета, мы разрешим взять личные вещи. Мы даже позволим им разойтись по домам и не причиним вреда, если они принесут клятву верности Прабриндраху Драху. А пленники, взятые завтра после восхода солнца, попадут в наши трудовые батальоны.

У нас не было трудовых батальонов. Но они становились частью осадной войны и нередко — судьбой военнопленных и крестьян, не успевших вовремя бежать. Так что угроза была веской. А Черный Отряд давно приобрел репутацию людей, на которых не производят впечатления ни каста, ни аристократическое происхождение, ни жреческий статус.

Едва стало ясно, что мы можем прикрыть беглецов от мстительного огня из поместья, они хлынули потоком. Обычно первыми сдаются как раз те солдаты, которых ставят охранять запасной выход, чтобы через него не просочились дезертиры.

Как выяснилось, организаторы сопротивления нам не пользовались популярностью среди своих насильно собранных сообщников.

Итак, кое-кто не желал расставаться с Протекторатом, но рабочий люд это не интересовало. С несколькими я поговорил, и они не были нашими убежденными противниками. Их жизнь мало зависела от того, кто находится у власти. Зато приближалось время уборки урожая.

Здесь мы вновь убедились в великой правде жизни.

На рассвете в поместье вошли наши солдаты. Я все еще спал. Приятели Тобо сеяли панику. Наши

люди шли следом и подчищали. Никто из наших не погиб, лишь некоторые получили незначительные раны. В порыве великодушия Дрема передала почти всех пленников с положением Радише и ее брату — для суда. И лишь тех, на кого Тобо указал, как на безнадежных прихвостней Протектора, судили по законам Отряда.

— Разнеси эту весть по округе, — велела Дрема Тобо. — И можешь преувеличить размер нашей победы.

— Сегодня маленький народец станет нашептывать это в ухо каждому спящему на двести миль вокруг.

57. Низинные таглиосские территории. Воскрешение

До сих пор таглиосская провинция имела общие религии с остальными таглиосскими территориями, где большинство составляли гунниты. Местный язык был близок к тому, на котором говорят в окрестностях Деджагора. После небольшой практики Дрема сумела его освоить.

То, что я называл поместьем, в действительности больше напоминало деревню, полностью находящуюся внутри единого здания. Главным строительным материалом для него послужил необожженный кирпич. Сложенные из него стены тщательно оштукатурили, чтобы их не смыло дождями. Внутри здания расположена открытая центральная площадь — как с цистернами для воды, так и с хорошим колодцем. По всему периметру на площадь выходят конюшни и мастерские. Остальную часть здания занимает лабиринт коридоров и комнат, где люди, очевидно, жили, работали и торговали, словно огромное здание и в самом деле было чем-то вроде городка.

— Вылитый термитник, — сказал мне Мурген.

— Князь и его сестричка почувствуют здесь себя совсем как дома. Он такой же кошмарный, как и дворец в Таглиосе. Только размером поменьше.

— Хотел бы я знать, чем они тут питались. Запах просто ошеломляющий. — Ароматы специй плотным облаком наполняли каждый коридор. Но это характерно для любого таглиосского поселения или города.

Нас отыскал Тай Дэй. Он и в самом деле оставил Мургена на несколько минут без присмотра. Тоже, наверное, стареет. Он передал сообщение:

— Тобо велел передать, что Дрема решила рискнуть и разбудить Ревуна.

Вот теперь я точно мог сказать, что Тай Дэй встревожен, потому что столь длинные фразы он произносил лишь несколько раз в жизни.

Дрема решила оформить пробуждение с полной помпой, церемонией и драмой. После ужина мы собрались там, где прежде был храмовый зал, — когда все отдохнули, хорошо поели и предположительно расслабились. Зал был плохо освещен и обильно уставлен по углам многоголовыми и многорукими идолами, что далеко не придавало мне благодушия.

Никто из этих идов не изображал Хади, но все гуннитские идолы производят на меня неприятное впечатление.

Я и сам выступал в роли полубога, появившись в ужасающих доспехах чудовищного Жизнедава. Удовольствия мне эта роль не доставляла.

Однако моя дражайшая супруга просто обожает любой повод принять обличье Вдоводела. Тогда она может на несколько часов облачиться в уродливые доспехи и сделать вид, будто еще не кончились старые добрые деньки, когда она была куда большей злодейкой, чем Вдоводелу предполагается быть сейчас.

Роль наша на этом представлении была скромной — сидеть в темном углу и излучать ауру мрачного колдовства. Короче, производить впечатление, пока другие делают настоящую работу.

Тобо пришел просто как Тобо. Он даже не удосужился переодеться в чистые штаны и рубашку. Зато привел своих учеников-Ворошков.

Остальные зрители состояли из старших офицеров и провинциальных аристократов, пришедших в основном для знакомства с Прабриндрахом Драхом, а заодно и разнюхать, что им нужно сделать, чтобы избавиться от нашего присутствия.

Завоеватели приходят и уходят.

Зал был переполнен. Толпа источала немало тепла. А я прел в доспехах, неподвижно сидя у стеночки на стуле и держа в правой руке копьё Одноглазого. Большого, собственно, от меня и не требовалось.

Главное — не хлопнуться в обморок у всех на глазах.

Дрема прекрасно подготовила сцену — как тусклым освещением, так и заранее пущенными слухами, чтобы зрители поняли: Ревун безумен, как бешеная собака, и одновременно чародей, чье могущество не уступает могуществу Протектора.

Бедный Ревун. Несмотря на его участие в войне с Хозяевами Теней, нынче о нем почти позабыли.

Ворошки, как я заметил, уселись в переднем ряду. Тобо обращался с ними, как с хорошими друзьями — особенно с пухленькой и веснушчатой блондиночкой. Он болтал с ней до тех пор, пока Дрема на него не рявкнула и не велела начинать.

Даже меня процедура пробуждения слегка разочаровала. Тобо обошелся без шаманства и разных мумбо-юмбо. Очевидно, он считал свою задачу не более интересной, чем работа в конюшне.

Но для вдумчивого ума его усилия были куда более впечатляющими. Лишь немногие — возможно, толь-

ко избранные — поняли, что Тобо настолько хорош, что может даже такую нелегкую задачу подать как нечто обыденное.

Я подумал, что поведение парня многое говорит и о его характере. Его это не нуждается в сильной подпитке.

Я заметил, что трое из четырех наших Ворошков поняли это сразу. Громовол тоже это понял, но он страдал эго-болезнью.

Тобо освободил Ревуна от долгого транса всего за несколько минут.

Я не знаю всей его истории. Когда речь идет о таких, как он, это практически невозможно. Но я знаю, что Ревун на несколько веков старше даже Госпожи. Он был одним из тех, кто помог ее мужу Властелину построить империю, которая рухнула в северную пыль примерно в то время, когда первоначальный Черный Отряд вышел из Хатовара. Боли и уродства Ревуна — наследие тех времен. Равно как и образ мышления, заставивший Душелова объявить себя Протектором.

Но у этой женщины нет той одержимой сосредоточенности и упорства, необходимых для создания точной копии той древней империи тьмы.

Я никогда не видел Ревуна без его многослойных лохмотьев, которые он не менял так долго, что между кожей Ревуна и внешним миром развилась целая экология. Она включает многочисленных беспозвоночных, плесень и разнообразнейшие зеленые растения.

Росточком Ревун ниже, чем Гоблин или Одноглазый, но Госпожа настаивает, что так было не всегда.

Когда Тобо закончил, почти бесформенный комок тряпок втянул воздух в длинном вдохе и испустил один из тех воплей, в честь которых его и называли. В нем в равной степени слышались мука и отчаяние. Я вздрогнул, несмотря на жару. Давненько

я не слышал этих воплей. И согласен не слышать их еще дольше.

Колдун-карлик сел.

Звякнули извлекаемые мечи. Опустились наконецники копий. Полдюжины новеньких, недавно изготовленных Госпожой пускателей огненных шаров нацелились на Ревуна.

Но тот больше ничего не сделал. Потому что был дезориентирован, в точности как и мы, когда проснулись.

Тобо подал знак. Вперед вышел человек с кувшином воды. Ревун сейчас испытывает безумную жажду. В ближайшие несколько дней он будет пить ровно столько, сколько ему позволят. Первые из нас, кто проснулся четыре года назад, выпивали столько воды, что их начинало рвать.

И мы научились дозировать воду.

Ревун тоже хотел пить воду галлонами.

Но не получил столько.

Он открыл рот. Оттуда вырвался жуткий рев. Это кошмарную привычку он не мог контролировать.

Когда к колдуну стал возвращаться рассудок, он огляделся, и ситуация ему не понравилась. Он никого не смог узнать сразу. Он спросил: «Сколько времени прошло?» Заговорил он на одном из северных языков, но настолько древнем, что его поняла только Госпожа. Она и перевела его вопрос на язык Хсиена, добавив:

— Сейчас он думает, что воскрес в совершенно новую эпоху.

— Разбей ему сердце, и побыстрее, — посоветовал я. — У нас мало времени, чтобы терять его зря.

Ревун снова принялся задавать вопросы на различных языках, пытаясь добиться понятного ответа.

Я наблюдал, как он никнет, начиная понимать, что, вероятно, проспал так долго, что даже народы времен его молодости полностью забыты. Но все же полным тупицей он не стал, потому что узнал доспехи — мои

и Госпожи, хотя они и несколько отличались от оригинала. И вспомнил, кому эти доспехи принадлежали, потому что обратился к Вдоводелу, но уже на том языке, на котором он в свое время общался с Госпожой. Когда-то я умел на этом языке читать, но о смысле произнесенных вслух слов мог лишь догадываться.

И едва все начали понемногу расслабляться, как он испустил еще один душераздирающий вопль.

— Общую ситуацию Ревун понял, — объявила Госпожа. — Когда ему объяснят немного больше, то, думаю, он согласится и на союз.

Для ответа ей я выбрал язык Хсиена:

— Почти всю мою жизнь Ревун был ее частью. И все это время он был одним из тех, кто пытался меня убить. И вряд ли я стану чувствовать себя спокойно, даже если он окажется на нашей стороне.

— Что за глупости? Мы ведь не обязаны ему доверять, дорогой. Неизвестные Тени позаботятся о том, чтобы он был верным союзником.

Разумеется.

— И еще ты помнишь его истинное имя. И сообщишь его Тобо.

— Если придется.

Я кивнул, подумав, что это весьма удачная идея — назвать его имя Тобо прямо сейчас. Поскольку Ревун не из боязливых и не ждет, когда опасность исчезнет сама собой.

Ревун издал очередной жуткий крик.

Дрема начала закипать, потому что не понимала, что происходит.

Госпожа принялась объяснять Ревуну ситуацию, а я стал вводить Капитана в курс произошедшего.

Ревун завыл, и в этом вопле слышалась тоска. Ситуация ему совершенно не понравилась. Но он уже попадал в похожие переделки, а моя дорогая откровенно дала ему понять, что кроме союзничества есть только один иной выход.

Одна из причин, почему Ревун стал тем, кто он есть, — его мощное отвращение к собственной смерти. Не имел он и причин любить Душелова, похоронившую его в надежде, что это навсегда. И она же в прошлом несколько раз обращалась с ним весьма жестоко.

Колдун-карлик снова завыл.

Я спросил на языке Хсиена:

— Тобо, как думаешь, Шевитья сумеет излечить это мелкое дерьмо от привычки вопить? — Иногда его вопли весьма отвлекают.

— Возможно, — пожал плечами Тобо. — Могу узнать. — На вопли он почти не обращал внимания, потому что пытался расслышать, что Рекоход шепчет Дреме. Пару минут назад Рекохода вызвали из зала. Теперь он вернулся с Суврином и офицером-кавалеристом по имени Ти Нанг. Отряд Нанга сегодня был назначен в пикет, поэтому я предположил, что произошло нечто важное.

Дрема кивнула, сказала что-то утвердительное. Рекоход, Суврин и Ти Нанг вышли. Дрема крикнула им что-то вдогонку, но опоздала — они ее уже не услышали. Тогда Дрема переключила внимание на происходящее, однако я заметил, что прежней сосредоточенности в ней уже нет. Она сидела, ерзала, а потом ее озарило.

Она наклонилась к Сари и что-то ей прошептала. Сари вздрогнула, но тут же заулыбалась и приняла заговорщицкий вид. Быть может, даже вызывающий.

Капитан заметно смутилась.

Госпожа кашлянула, намекая, что настала очередь Жизнедава заговорить с нашим лидером. И я сказал:

— Капитан, Ревуну будет оказана честь связать свою судьбу с Черным Отрядом. Он сделает для нас ковры-самолеты и поможет с нашей программой вооружения. Однако я не стану верить ему ни на грош. И еще его надо держать подальше от Ворошков. — Все

это было сказано на языке Хсиена, чтобы Ревун ничего не понял.

Молодежь сидела угрюмой кучкой, пытаясь понять. Но веселая малышка Шукрат уже достаточно хорошо понимала таглиосский и сообщила соплеменникам то, что было сказано на этом языке.

Вернулись Рекоход и Суврин. С ними пришел высокий красивый мужчина — весь в пыли и предельно усталый, но бдительный. Он обвел присутствующих внимательным взглядом и, кажется, кое-кого узнал. Он даже слегка поклонился Радише.

Дрема встала, приветствуя его. В ее поведении чувствовалась уважительность, которую я поначалу не заметил, настолько трудно уловимая, что таилась на границе воображения. Очевидно, она этого мужчину знала, но не потрудилась его представить. Пожав гостью руку, она выскользнула с ним из зала, прихватив с собой Сари, Рекохода и еще нескольких, включая Радишу.

Я немедленно стал гадать, уж не совершили ли они глупость, приведя этого человека в переполненный зал, если общаться с ним следовало наедине. Однако, глянув в зал, увидел, что перешептываться никто не стал. За исключением тех, кто был с Дремой в подполье в Таглиосе.

Может, к нам пришел брат из Отряда, которого мы там оставили? Или какой-то союзник из прошлого?

Оглянувшись по сторонам, я обнаружил, что все гуннитские идолы явно зашевелились. И это начало отвлекать внимание публики. Тобо работал, сосредоточенно нахмурясь. Его невидимые союзники тоже упорно работали.

Этот симпатичный парень еще станст выдающейся личностью.

Секунду спустя Жизнсдав впервые за все время пошевелился и внезапно встал. Наконечник его копья резко опустился и проколол покрывавшие тельце

Ревуна лохмотья — тот ухитрился подавить рвущиеся из глотки вопли и уже собирался потихоньку смыться.

Через мгновение опустился и огромный черный меч Вдоводела и неподвижно повис перед глазами Ревуна.

58. Гархавнес. Генерал-предатель

Была глубокая ночь, когда прихрамывающий Ранмаст Сингх вытащил меня из постели. Из настоящей постели. В которой я лежал в последний раз сто лет назад. А сейчас — даже рядом с настоящей женщиной. Ранмаст настоял, чтобы и она встала. Капитан вызвала нас вместе.

Когда мы вышли из нашей каморки, Госпожа пробормотала что-то о перестройке командной цепочки. Мы сразу же наткнулись на Мургена. Он ждал Тай Дэя, который не удостоился персональной побудки. Сари я нигде не заметил.

— Когда вы, наконец, перестанете ходить друг за другом? — спросил я. Тай Дэй был преданным телохранителем, коих среди нюень бао было немного.

— Вряд ли до такого когда-нибудь дойдет, — ответил Мурген. — После смерти Нарайяна ему больше нечем заняться.

— А... — Сын Тай Дэя был убит душами. И Тай Дэй тоже стоял в очереди на получение старых должков.

Обязанность защищать Мургена стала удобным предлогом для обоих мужчин. Мне давным-давно следовало бы это понять. Именно мне, столько лет и столь часто твердившему об отрядном братстве.

Подошел Тай Дэй, и мы зашагали вслед за Ранмастом.

— Сингх, надо бы осмотреть твою ногу. Что-то уж больно медленно она заживает.

— Она быстро заживет, как только я получу настоящий отдых. А мы, кажется, на некоторое время здесь задержимся.

Только что толку от отдыха, если человек отказывается от возможности отдохнуть?

Попросить Тобо ввести его в кому, что ли?

Ранмаст привел нас в комнатушку, где едва поместилась бы дюжина человек. Там уже были Дрема и Суврин, Прабриндрах Драх с сестрой, Тобо и Сари. А также симпатичный незнакомец.

— Садитесь, — сказала Дрема. И сразу перешла к сути: — Это Аридата Сингх. — Сидящая рядом со мной Госпожа поморщилась. — Аридата командует Городскими батальонами Таглиоса. Он, верховный главнокомандующий и Гопал Сингх, командующий серыми, составляют триумвират, управляющий Таглиосом, пока Протектора нет в городе. Аридата рассказал, что они — главная опора Протектора — решили, что им нужно от нее избавиться.

— Гопал Сингх теперь генерал? — проворчал откуда-то сзади Нож. — Он был долбаным сержантом, когда служил у меня.

— Протектор гордится своей способностью распознавать выдающиеся таланты, — ответил Аридата.

Эта парочка разыграла нечто вроде шутки. Наверное, чтобы ее оценить, необходимо разбираться в ситуации.

Пока мы сидели, разинув рты и с умным видом, Дрема сказала пришельцу:

— Эти люди пришли, чтобы дать совет. Это Костопправ. Когда-то он был Освободителем. Это Госпожа. Это Мурген. Все они в свое время возглавляли Отряд. Остальных ты помнишь по нашей последней встрече. — Она не упомянула Тай Дэя, что придавало его присутствию оттенок таинственности. Не представила она также и Прабриндраха Драха.

— Тебя послал Могаба? — спросил я.

— Я вызвался сам. Потому что ваш Капитан меня знает. И потому что у меня в Отряде нет личных врагов.

Госпожа шевельнулась. Ей захотелось отыскать хотя бы одного.

— Кажется, даже терпение Могабы имеет предел, — сказала Дрема. — И Душелов ухитрилась его обнаружить.

— У вас старая неприязнь к верховному главнокомандующему, — заговорил Аридата. — Так вот, хочу вам сообщить, что он не злодей. Да, он человек отчаянный, хотя его отчаянность с годами ослабела. Он понял, что история не внесет его имя в списки великих завоевателей. И времени изменить это уже нет. Он не до конца с этим смирился, но видит, что это не его вина. Из-за своего предательства во время осады Деджагора он был вынужден поочередно служить безумным и невежественным хозяевам. Но речь сейчас не об этом.

Он, Гопал и я пришли к заключению, что Таглиос следует избавить от мучений, которые обрушивает на него Протектор. Она подобна смертоносной гнили. И уничтожает все медленно. Даже нашу религию и культуру. И единственная сила, способная положить этому конец, — Черный Отряд.

— Ребята, вы можете пришить ее сами, — предложил Мурген. — Она не бессмертна. И она вам доверяет. Насколько она способна хоть кому-то доверять. Вы достаточно близки к ней, чтобы...

— Такой план у нас уже был еще до вашего возвращения. Но она не оставалась в городе с самого начала этого кризиса. Все ее послания к верховному главнокомандующему подтверждают ее решимость преследовать вас до тех пор, пока она не рассчитается лично с каждым членом Черного Отряда. Вы чрезвычайно ее разозлили, потому что столько людей, которым полагалось быть мертвыми, неожиданно объявились живыми.

— Уж поверь, я-то знаю, насколько это раздражает, — вставила Госпожа. — Я двадцать лет преследовала Обманника Нарайяна Сингха. У него было больше жизнью, чем у кошки.

Аридата уловил прошедшее время.

— Так, значит, живой святой Обманников получил свою награду?

— Он сбежал от меня через единственный выход, который у него остался, — ответила Госпожа со злостью. Словно думала, что Сингх победил ее, прибегнув к наглому обману. Ее ненависть к Нарайяну оказалась сильнее, чем я подозревал.

— Значит, об этой помехе мы можем больше не беспокоиться.

— Неверно, — вмешалась Дрема, беря нити разговора в свои руки. — Дщерь Ночи все еще жива. А Кина до сих пор надеется начать Год Черепов. Что бы ни происходило, нам и сейчас нужно помнить о Кине и ее последователях. Так скажи моим товарищам, почему мы должны верить тебе, Аридата.

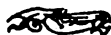
— Я, разумеется, обречен вечно оставаться в тени человека, которого видел лишь раз в жизни, уже когда стал взрослым, всего несколько минут, несколько лет назад и в вашем присутствии. Таково наследие Обманников. Их культ уничтожает доверие. Мой ответ таков: обо всех нужно судить по одному критерию — их поведению. По их делам и поступкам. А жест доброй воли, который я сейчас делаю, по-моему, весьма великодушный.

Дрема прервала его:

— У Аридаты есть брат, он живет в Джайкуре. Под другим именем. И этот брат, чье настоящее имя Сугрива, поможет нам захватить город. Он разведает, через какие ворота нам лучше всего войти в него посреди ночи. И мы ворвемся в Джайкур и захватим его быстрее, чем нам окажут хоть какое-то сопротивление.

Я уже открыл рот, чтобы возразить, но остановился, пока не ляпнул глупость. Дрема уже приняла решение. И я мог лишь по мере сил помогать, чтобы все прошло как следует.

— У Душелова есть армия между нами и Джайкуром. Как я слышал, она превосходит нас численностью.

— И она же, по словам Аридаты, есть не более чем толпа. Некоторые из ее бедных солдатиков вооружены лишь молотками, вилами, серпами и тому подобным.

— Стоит уйти лет на двадцать, как все идет прахом, — пожаловался я. — Когда-то я вооружил всех, даже тех, у кого хватало роста дотянуться до мамочкиной руки. Куда подевалось все это оружие?

— Когда Протектор захватила власть, — принялся объяснять Рекоход, — настали такие плохие времена, что почти все, у кого было что-то на продажу, все продали. А оружие шло на рынках нарасхват. Из стали выковывали другие предметы.

— А Протектору было плевать, — добавил Аридата. — В конце концов даже верховному главнокомандующему надоело доказывать ей, что нужно и в мирное время сохранять арсеналы. Думаю, она очень скоро поймет, о чем он говорил.

— Чтобы проверить оборону Джайкура, совсем не обязательно доверять Аридате или Могабе, — сказала Дрема. — Противник ожидает, что мы свернем на запад, к реке Нагир. И мы это сделаем — для виду. Но Нож во главе легкой кавалерии отделится от арьергарда колонны и вернется на восток. Тени отыщут дорогу, по которой кавалеристы смогут приблизиться к Джайкуру незамеченными. Тем временем главные силы снова повернут и направятся к Каменной дороге севернее Джайкура. Этот маневр должен разворошить осиное гнездо. И заставить Душелова полностью позабыть о Джайкуре на несколько дней.

И зачем только Дрема нас собирала? У нее уже готов план. И весьма разумный, на мой взгляд.

— У нас есть более срочная проблема, Дрема, — напомнил Тобо. — Ты привела генерала Сингха в зал

во время церемонии оживления. И его видели в лагере. Кто-то из гостей наверняка окажется приверженцем Душелова. И кто-то из них, возможно, его опознал.

— Я недостаточно быстро сообразила, — призналась Дрема. — И готова выслушать предложения, как это исправить.

— Я уже работаю над этим. Но хочу тебя предупредить. Не могу дать стопроцентную гарантию, что сумею их всех обнаружить и обезвредить.

— Тогда советую подумать над тем, как лучше всего предупредить остальных заговорщиков в Таглиосе.

— Гопал и верховный главнокомандующий не будут застигнуты врасплох, — сказал Аридата. — У Протектора нет возможности передвигаться быстрее, чем слухи о ее прибытии. Когда она направится в Таглиос, они узнают об этом раньше, чем она там появится. И то, что она привезет с собой, выдаст ее намерения.

Я кивнул. Его логика выглядела здравой. А чтобы перехитрить Могабу, надо быть истинным пронырой. Душелов же сейчас такой не была. Она приобрела привычку ломиться напролом, потому что сильнее ее никого вокруг не было.

Дрема решила изобразить, будто мы намерены остаться здесь и отдохнуть. А Тобо тем временем тщательно разведывал местность севернее Гархавнеса, иногда даже отправляясь на разведку лично и улетаая вместе с Шукрат.

Эта парочка становилась весьма дружной.

Оставшись с Госпожой наедине, я сказал:

— Все это нравится мне все меньше и меньше. Мы союзники с Душеловом против нашей дочери и Кины. Мы союзники с предателем Могабой против

твоей сестры. И мы союзники с полубогом, который за свою поддержку просит, чтобы мы его убили.

— Тебя послушать, так все это прямо заколдованный круг, — слабо усмехнулась Госпожа.

— Знаешь, что я тебе скажу? Это меня пугает.

Она уставилась в никуда, дожидаясь моего объяснения.

— Я боюсь вообще, не так, как в бою. Боюсь облика, который может принять будущее.

У меня возникли очень и очень скверные предчувствия. Потому что внешне для Черного Отряда все выглядело слишком замечательно.

59. Центральная армия. Когда прибывают гости

Оборотня-Гоблина оказалось трудно поймать. Задача на пару дней растянулась на две недели и под конец потребовала личного вмешательства Душелова — причем ей, к ее великому раздражению, пришлось действовать под руководством похожего на кошку существа, которое ей так и не удалось толком разглядеть, равно как и заставить врасплох и заставить служить себе.

А тем временем она коротала время с девушкой.

В палатке Душелова стояла клетка, в которой была заключена Дщерь Ночи. То была самая большая и роскошная палатка в лагере. Девушку сперва раздели догола, а затем украсили всевозможными цепочками и амулетами. Никому из мужчин не позволяли ее охранять и даже приближаться к палатке. Душелов слишком хорошо знала, как умеют манипулировать мужчинами ее кровные родственники.

Хотя девушка делала вид, будто не слушает, Душелов сказала:

— Я до сих пор не совсем понимаю, как вам со стариком удавалось от меня ускользать. Но кое-что подозреваю. И такое не повторится. Ты слишком важна

для своей мамочки, чтобы бегать на воле. — Для этой тирады Душелов выбрала раздражительно-педантичный голос.

Девушка не отреагировала. Она одиноко пребывала в собственной реальности. Ей было уже не впервой становиться пленницей того, кто намеревался ее использовать. Она умела быть терпеливой. Ее час еще настанет. Кто-нибудь проскользнет в палатку. Или ей назначат впечатлительного охранника. Что-нибудь да случится. Где-нибудь и когда-нибудь она получит возможность и обманом заставит кого-нибудь полюбить ее настолько, чтобы освободиться.

Безразличие девушки уязвило Душелова, и она решила причинить ей боль известием, приберегаемым на потом:

— Знаешь, а он мертв. Твой старик. Нарайян Сингх. Его задушили. А тело бросили в выгребную яму.

Этот удар попал в цель. Однако, вздрогнув и метнув в Душелова мрачный взгляд, Дщерь Ночи опустила глаза и вновь приняла позу терпеливого безразличия.

— Твоя уродливая богиня забросила тебя, — рассмеялась Душелов.

Теперь девушка ответила ей, заговорив впервые со дня пленения:

— «Все их дни сочтены».

Ее слова Душелов восприняла как пощечину. Это был лозунг, которым подстрекаемые Черным Отрядом мерзавцы дразнили ее годами, малюя его на стенах.

Душелов выхватила плетку и взмахнула ею, но особого вреда девушке не причинила — помешала клетка.

У входа в палатку кто-то крикнул, привлекая внимание Душелова. В этом отношении ее солдаты были прекрасно вымуштрованы. И по мелочам ее не отвлекали.

Выглянув, Душелов увидела кучку солдат возле грубых носилок, на которых лежал мертвец. Тело было

сильно искалечено, черты застывшего лица искажены гримасой муки. С него слезами стекали капли дождя.

— Ты! — рывкнула Душелов, выбрав одного из солдат — заляпанного грязью кавалериста, наверняка держурившего в пикете. — Говори.

— Этот человек пришел с юга. Подал правильный опознавательный знак. Он сказал, что принес для вас важные известия о предателях, но нам больше ничего не скажет.

— Он приехал здоровым? Что с ним случилось?

— Мы уже собрались ехать в лагерь, как он вдруг привстал на стременах и закричал. Лошадь встала на дыбы и сбросила его. А упав на землю, он стал дергаться, корчиться и вопить. А потом умер.

— О предателях? — Несомненно, до окончания войны их наберется немало, и все они за это заплатят. В такой ситуации предатели плодятся под каждым камнем и кустом.

— Это все, что он сказал, госпожа.

— Внесите его в палатку. Быть может, я все же сумею хоть что-то от него узнать. И поосторожнее там, не заляпайте все грязью.

Она шагнула в сторону и даже придержала для солдат полог палатки. Неохотно несколько солдат все же набрались храбрости и перенесли тело в палатку. Солдаты Душелова единодушно считали, что попасться на глаза Протектору — плохой знак. Шагали они осторожно, стараясь оставлять за собой как можно меньше грязи.

Душелов уже успела частично раздеть труп, разбирая его одежду ниточка за ниточкой, когда у входа в палатку снова возникла суматоха. Раздраженная, она все же отозвалась в надежде, что это та самая новость, которую она так долго ждала: Гоблина наконец-то поймали.

Она уже собралась выйти, когда краем глаза заметила движение и мгновенно развернулась. На секунду ей почудилось, будто она увидела человечка ростом не более восьми дюймов, спрятавшегося за труп.

Шум снаружи становился все громче и настойчивее.

Новость оказалась не той, которую она ждала. Солдаты — они всегда ходили группами — вытолкнули одного из своих вперед.

— Только что прибыл курьер, госпожа. Враг снова выступил. На запад.

Значит, Могаба угадал правильно.

— Когда это произошло?

— Курьер будет здесь через минуту, госпожа. С депешей. У него возникла некая физиологическая потребность, которую он не смог отложить до встречи с вами. Но командир приказал, чтобы главную новость вам сообщили немедленно.

— Похоже, дождь кончается, — небрежно произнесла Душелов.

— Да, госпожа.

— Доставьте сюда курьера как можно скорее.

— Да, госпожа.

Сообщения с юга действительно указывали на то, что отдохнувший Черный Отряд движется на запад, но не по той дороге, по которой предполагалось. Часть их маршрута пролегла по местности, где вообще не имелось дорог.

— Они наверняка идут в Балихор, причем по кратчайшему пути, — сказала Душелов. — Зачем? Может кто-нибудь сказать мне, что в этом Балихоре такого особенного? — Душелов управляла огромной империей, о которой почти ничего не знала.

После затянувшегося молчания кто-то робко предположил:

— Это самая дальняя точка вверх по течению, куда доходят тяжелые баржи. А дальше грузы нужно перегружать на лодки или в фургоны.

— Там еще какая-то проблема с подводными скалами, — вспомнил кто-то другой. — А... точно! Водопад. Освободитель как-то приказал вырыть обходной канал, но проект был заброшен...

Понадобилось несколько тычков в ребра, чтобы говорящий вспомнил, кто именно виноват в последнее время в пренебрежении к гражданским проектам.

Впрочем, Душелов не отреагировала. Она уже сосредоточилась на транспортной идее.

После бегства из Таглиоса пять лет назад немалая часть Отряда отправилась на баржах вверх по реке Нагир. Уж не решила ли и их новый Капитан двинуться по проторенной дорожке? Или она думает, что может застать Таглиос врасплох со стороны реки, где нет ни стен, ни защитных укреплений, а люди в тех бедных краях все еще хранят ностальгические воспоминания о Прабриндрахе Драхе, Радише и даже Освободителе?

— Никто случайно не знает, сколько времени нужно барже, чтобы спуститься по Нагиру, пройти через каналы в дельте и дойти вверх по течению до Таглиоса? — спросила Душелов. Она знала, что баржи с экипажами из ветеранов могут плыть днем и ночью, в отличие от пеших или конных солдат.

Никто еще не успел дать заслуживающий доверия ответ, как у входа вновь поднялась суматоха.

Душелов обнаружила, что моросящий дождь прекратился. Тем не менее, солдат, требовавших ее внимания, покрывала грязь. Они привезли ей подарок.

— Для меня? А у меня сегодня даже не день рождения.

Подарок в облике Гоблина казался совершенно непригодным к употреблению. Он был связан, изо рта торчал кляп, а голову и руки ему для верности еще

и замотали тряпками. Те, кто взял его в плен, твердо решили не рисковать.

— Он угодил в одну из моих ловушек, — злобно ухмыльнулась Душелов.

— Да, госпожа.

Ловушек она расставила сотни, и самых разнообразных. Душелов взялась за это, едва стало очевидно, что новая, улучшенная версия Гоблина запросто обводит вокруг пальца ее солдат.

— Он все еще жив? — Если мертв, то ее тревога по поводу того, что он позволил себя поймать, переместится далеко вниз в списке ее забот.

— Ваши инструкции были совершенно ясны, госпожа.

Душелов запомнила лицо того, кто это сказал. Он издевался над ней, укрывшись за маской почтительности. А она предпочитала открытое неповиновение, которое можно раздавить, не озадачивая причиной остальных.

— Снимите с него маску и кляп. И уложите в палатке.

Дщерь Ночи, как заметила Душелов, настолько заинтересовалась, что даже позабыла, что надо притворяться равнодушной.

Но она ведь не может знать, настолько важен колдун-коротышка?

Нет. Невозможно. Она поступила так же, как поступала всегда, когда в палатке что-то происходило. И внимание обратила потому, что надеялась узнать нечто полезное.

Душелов подождала, пока Гоблин придет в себя, и сказала ему:

— А твои бывшие братья и впрямь не любят перебежчиков, верно?

Гоблин устремил на нее взгляд еще более холодный, глубокий и равнодушный, чем у Дщери Ночи. И не ответил.

Она приблизилась. Ее маска оказалась всего в футах от его лица.

— И они пришли ко мне, чтобы я помогла им с тобой рассчитаться, — промурлыкала Душелов.

Гоблин дернулся, но снова промолчал. Потом огляделся.

И улыбнулся, увидев Дщерь Ночи.

— Мне рассказали о тебе все, коротышка, — сказала Душелов. — О том, кто ты теперь. Все думают, что я просто убью тебя за то, что ты сделал с моей ногой. Они очень желают твоей смерти. — Она потерла руки. — Но я подумала и решила поступить еще более жестоко. — Она захихикала.

— Все их дни сочтены, — прошептал Гоблин. Его голос лишь смутно напоминал голос того человека, который отправился в подземелье бросить вызов Матери Ночи.

— И у некоторых точнее, чем у прочих, — уточнила Душелов равнодушным старческим голосом. Ее правая рука хлестнула Гоблина поперек лица. И полудюймовые лезвия на кончиках ее пальцев рассекли ему глаза и переносицу. Гоблин взвыл — сперва от удивления, а потом от боли.

Протектор повернулась к солдатам, доставившим пленника:

— Принесите мне еще одну клетку. Такую же, как для этого отродья. — Клетку она заказала заранее — настолько была уверена, что Гоблин от нее не уйдет.

Кузнец получил заказ еще на три. Для ее сестры, муженька сестры и для предателя Лозана Лебеда.

Позднее, в Таглиосе, она планировала заказать стеклодуву огромные бутылки, затолкать в них пленников и выставить их напоказ у входа во дворец. Их будут кормить и поить, пока они не утонут в собственном дерьме.

Такова была участь, которую Властелин — в свое время — приберегал для самых важных врагов.

60. Гархавнес. Тобо и Ворошки

Ревуна завалили работой. Первый действующий четырехместный ковер-самолет он изготовил уже через два дня после того, как солдаты отправились на запад. Гархавнес выглядел заброшенным; хотя нас, оставшихся, хватило, чтобы расквасить несколько носов как-то утречком, когда бывшему хозяину пришла в голову блажь украсть свой бывший дом.

Дрема заказала десяток ковров — от одноместных разведывательных до настоящего монстра, способного, как она надеялась, перевезти двадцать солдат. Понятия не имею, кому, по ее мнению, предстояло ими управлять. Лишь Рёвун и Тобо — а возможно, и Ворошки — владели этим умением.

Я потребовал, чтобы раньше всех была сделана парочка ковров среднего размера. Времени на их изготовление уйдет не слишком много, а грузоподъемность сразу позволит найти им полезное применение. А поскольку меня назначили командиром отряда, которому предстоял захват Деджагора, я получил то, что хотел. То есть один ковер.

Тобо к тому времени разобрался и с летательными столбами. Теперь и Шукрат, и Аркана вроде бы охотно ему помогали. Одна из них одалживала Тобо свою леталку, когда ему хотелось слетать к Дреме, что он всегда проделывал по ночам, не желая, чтобы его заметили. Мне его ночные полеты не нравились. Уж слишком много оставалось в поместье потенциально неприятных и недружественных людей. Включая немалое число заложников из главных тутошних семей.

Чем дальше — тем больше, и Магадан с Громовом не желали предлагать свою дружбу, и каждый по собственной причине. Я сказал Магадану:

— Меня так и тянет отправить вас домой, чтобы не волноваться о том, что делается у меня за спиной. —

На самом-то деле я не очень волновался. Призрачные друзья Тобо видели все.

— А я не хочу домой, — ответил Магадан. — Дома больше нет. Я хочу быть свободным.

— Конечно. Уж вы, Ворошки, показали, на что вы способны, когда свободны. Я всю свою жизнь убивал таких, как вы. Тех, кто считает, что их судьба — делать рабов из таких, как я. И как раз сейчас я воюю с одним из таких умников. И я не намерен отпускать тебя, чтобы ты начал губить жизнь другим.

Ничто из моих слов не было абсолютной правдой, но прозвучало неплохо. И Магадан купился. Кое на что. На то, о чем я говорил всерьез. И поверил, что я скорее убью его, чем отпущу на свободу.

Как раз тогда он и решил, что все-таки имеет смысл вернуться домой. С того дня он заговаривал о возвращении при каждой нашей встрече. Тайный народец подтверждал, что говорит он искренне. Он даже стал уговаривать своих земляков обменять все их знания на наше согласие провести их обратно через равнину.

Госпожа ему не верила. И полагала, что нам следует прикончить и его, и Громовола, поскольку они могли доставить нам неприятности.

У моей ненаглядной очень прямой подход к решению проблем.

А я иногда обнаруживаю, что еще сохранившаяся у меня совесть чертовски мешает.

Зато Ревун успешно работал над тем, чтобы вычеркнуть свое имя из первой десятки в моем списке дерьмовых личностей. Тобо обратился к Шевитье с просьбой помочь ему, и голем ответил, что сможет помочь Ревуну избавиться от проблем с воплями и усыханием тела. Шевитья не имел репутации лжеца, поэтому даже Ревун поверил ему на слово. После чего вонючий колдун-коротышка стал чрезвычайно деловым.

Но и после этого у нас не было причин доверять его далеко идущим намерениям. Да и у него не имелось причин доверять нам.

— У нас возникла опасная ситуация, — заявила Госпожа Тобо, загнав его в угол. — И она нас рано или поздно укусит, как ручная кобра. Нужно что-то делать.

— О чем это ты? — изумился Тобо. — Что делать и с чем?

— С этими Ворошками. Не такие уж они могучие и умные, как мы предполагали, но их четверо, а ты всего лишь один.

— Но они же не...

— Ты уж прости старого циника, — смешался я, — но Магадан мне только и твердит, что хочет быть где угодно, только не с нами. И есть как минимум вероятность, что он пойдет на что угодно, если мы не поможем ему вернуться домой. И Громовол тоже со временем станет проблемой, потому что этого требует его натура. А когда ты улетаешь к Дреме или просто катаешься с девочками, мы остаемся здесь одни и можем надеяться лишь на помощь Ревуна.

— И, кстати, о полетах, — добавила Госпожа. — Никогда больше не смей улетать с обеими девушками сразу. Молчи! Ты знаешь лишь женщин, среди которых вырос. Так вот, запомни, что Аркана — точная копия Магадана. Но у нее есть оружие, которого у него нет, и она намерена им воспользоваться, чтобы запудрить тебе мозги.

— Но...

— Насчет Шукрат я не уверена. Возможно, она именно такая, какой кажется.

Я согласился. Девчонка вела себя искренне. И тайный народец, по словам Тобо, тоже так считал. У нас пока не имелось причин ей не доверять.

Тобо не привык спорить с кем-либо, кроме матери, даже когда считал себя правым. Он не желал плохо думать об Аркане, но спорить с нами тоже не хотел.

— Так как нам их проверить? — не унималась Госпожа. — Ты должен что-то придумать еще до нашего похода на Деджагор. Выступив, мы рассредоточимся и станем чрезвычайно уязвимыми. А ты проводишь время и с девушками, и с нами, поэтому все четверо будут знать, как развиваются события. И строить планы, исходя из этого.

— Так будет, — подтвердил я, не дав Тобо возможности вставить слово.

— Ты никогда не был пленником, — напомнила Госпожа.

— Ничего себе шуточка! Да я родился пленником. Пленником пророчества старой женщины, умершей за несколько лет до моего рождения. Пленником ваших ожиданий. Боги, как мне хотелось бы, чтобы Хонь Тэй ошиблась и я родился нормальным ребенком.

— Никаких нормальных детей не существует, Тобо, — сказал я. — Есть лишь дети, которые притворяются такими удачнее остальных.

— И еще мое имя. Тобо. Это же мое детское имя. Почему меня до сих пор им называют? Почему до сих пор не провели церемонию и не дали мне взрослое имя?

Ньюень бао так поступают. И Тобо уже много лет, как отпраздновал соответствующий день рождения.

— Поговори об этом с дядюшкой Доем, — посоветовала Госпожа. — А пока есть более важные дела. Нож уже выступает. Еще через три дня Дрема повернет на северо-восток, и уже будет поздно что-либо остановить. И я хочу быть уверена, что мы не получим удар в спину в самый разгар событий.

Через час после бурного разговора с нами Тобо пригласил Шукрат полетать. Сам он одолжил леталку у Арканы. Ей это не понравилось. Когда час спустя она сказала мне, что Магадан не будет против, если она полетит на его столбе к Шукрат и Тобо, я ответил:

— Зато я против. Если тебе нужно поговорить с Тобо, то подожди, пока он вернется.

Из всех Ворошков Аркана была самой сообразительной. И поняла, что кольцо вокруг них сжимается.

Когда Тобо вернулся, то задержался ровно настолько, чтобы прихватить в полет Магадана. Тому в первый раз после пленения позволили взлететь. Как я и ожидал, восторга он по этому поводу не выказал.

Вернулись они через полчаса. Обноски Магадана, одолженные у прежних обитателей поместья, превратились в лохмотья. Выглядел он так, словно подрался с другим парнем и тот от души его отмутил. На всю катушку.

Тобо распорядился запереть Магадана, потом отыскал Аркану и улетел с ней.

Я заметил, что ледяная королева переоделась, сменив конфискованную одежду на прихваченный из дома наряд, в котором выглядела заметно привлекательнее.

— Уймись, парень! — велела мне Госпожа.

— Правда, хорошо, что тебя я встретил раньше, чем ее?

Этими словами я заработал не совсем игривый подзатыльник.

Аркана вернулась еще более потрепанной, чем Магадан. И уже не улыбалась.

Тобо отправил Аркану к Магадану. И отыскал Громова.

Тому вовсе не хотелось лететь куда-то с Тобо. Но тот настоял. Отсутствовали они недолго. После возвращения Тобо отправил Ворошка к остальным, затем собрал все их леталки в главном зале. Я прихватил Госпожу и отправился к нему.

— И что все это значит? — поинтересовался я.

— Я устраивал с ними дуэли. Со всеми, кроме Шукрат.

Я остановил Госпожу, пока она не принялась объяснять — и, вероятно, весьма пространно, — какой глупостью это могло оказаться. Иногда она умеет закатывать скандалы не хуже Сари.

— Я уверен, что на то имеется причина, — вовремя вставил я.

— Мне хотелось выяснить, насколько реально мы можем их опасаться.

— И?

— Они халявщики. Всю магическую силу они черпают из своих столбов и одежды. А без них даже Шукрат не сильнее Одноглазого, каким он был незадолго до смерти. Громовол примерно равен Дою. Госпожа, даже при всей твоей нынешней магической слабости ты способна справиться с любым из них, кроме Шукрат.

Я фыркнул.

— Пожалуй, это объясняет, почему папаше Громова так не терпелось вернуть деток домой. Значит, таланты большинства Ворошков весьма ограничены? И они идут за наиболее сильными членами клана?

— Такое вполне вероятно. Суть, однако, в том, что сейчас Ворошки скорее всего нападут на нас с ножом в руке, а не с помощью магии. — Тобо посмотрел на наши лица и не увидел готовности принять его теорию. — А вам не кажется, что, обладая они реальной силой, они воспользовались бы ею, чтобы попытаться бежать?

Я понял, что парень огорчен. Ведь он верил, что стал для Ворошков другом. Наши тревоги заставили его подвергнуть эту дружбу испытаниям, и он понял, что она не столь прочна, как он надеялся.

— Значит, по твоим словам, нам нет нужды их убивать, чтобы чувствовать себя в безопасности, — подвела итог Госпожа.

— И это тоже.

— Ты командуешь Неизвестными Тенями, но узнал это только сегодня? — Госпожа умеет во всем отыскать повод для подозрения. Как мне кажется, если мы удалимся на покой и поселимся где-нибудь, где нас не будут постоянно одолевать заботы, она и там начнет подозревать меня в скрытых побуждениях.

— Я давно об этом думал, — угрюмо признался Тобо. — Но Тени не могут сообщать о том, чего они не слышали. А Ворошки свои слабости не обсуждали. Да они и вообще мало разговаривают между собой. Потому что в их нынешнем положении не очень-то любят друг друга.

— Я в любом случае не хотел бы их убивать, — сказал я. — Правда, Громовола я иногда с удовольствием бы отшлепал, но...

— Итак, вопрос решен. Можешь даже их отпустить, если захочешь. Они сами вернутся, как только получат хорошую дозу реальной жизни. А мне позволь пока поработать над этими штуковинами.

— Ты наконец разгадал их секрет? — спросила Госпожа. — И можешь делать их сам?

— Я научился делать так, чтобы они признавали своим хозяином другого. Никто из Ворошков понятия не имеет, как делаются столбы. Они не знают, по какому принципу они действуют. Я и то знаю больше них, просто потому, что изучал эти леталки. Но и я все еще не выяснил, откуда они черпают магическую силу. Правда, я не знаю, откуда я черпаю свою. Но когда-нибудь узнаю. Но процесс познания станет долгим, медленным и опасным. Потому что леталки начинены ловушками.

— Жизнь тоже полна ловушек, мальчик, — сказал я.

Когда мы шли по коридору, Госпожа принялась вслух размышлять о том, сами ли Ворошки изобрели эту магию или украли ее у гениальных, но беспечных

предшественников. Но меня это не волновало до тех пор, пока Ворошки не делают мою жизнь еще труднее, чем она есть.

61. Таглиосские территории. Ночные летуны над Деджагором

Три летательных столба выстроились клином. Тобо летел первым, за его спиной в седле пристроился Лозан Лебедь. Лебедя явно охватил внезапный религиозный экстаз, потому что он непрерывно бормотал молитву из одного-единственного слова. При его любви к высоте он наверняка цеплялся за Тобо так крепко, что царапал его ногтями. А глаза зажмурил с такой силой, что ему гарантировались судороги до самых лодыжек.

Госпожа и Шукрат восседали на двух других столбах. За спиной Госпожи расположился Аридата Сингх. Шукрат везла дядюшку Доя.

Мурген, Тай Дэй и я делили ковер-самолет с Ревуном, чьи вопли заглушались большим стеклянным пузырем, который Госпожа нахлобучила ему на голову. Идея вполне себя оправдала, поэтому мы могли рассчитывать на секретность подлета к цели.

Мурген и Тай Дэй полетели с нами только потому, что на этом настояла Сари. Она не пожелала, чтобы ее дитя отправлялось навстречу опасностям в одиночку. Это лишь прибавило нам хлопот и раздражительности, потому что Мургена и Доя предстояло еще вернуть в Гархавнес до начала рейда. Но Сари оказалась упрямой и шумной, и Дреме пришлось сдаться, чтобы не потерять подругу.

Сари до сих пор не могла без содрогания вспоминать ужасы осады Деджагора.

Я надеялся, что Мурген и Тай Дэй справятся со страхом высоты. При взлете Мурген вспотел, побледнел, слегка задрожал и вроде бы даже с трудом дышал. А Тай Дэй лишь погрузился в себя глубже, чем обычно.

Я поговорил с каждым из них наедине и сказал, что рассчитываю на его помощь. Пусть он в полете приглядит за товарищем и поддержит его, если эмоциональное напряжение станет слишком сильным. Я давно обнаружил, что, поручая такие ответственные задания, я помогаю многим братьям по Отряду пережить сильный стресс.

Ревун вел ковер вплотную за треугольным строем лидеров. Мы двигались на север со скоростью, создающей такой сильный холодный ветер, что на глазах выступали слезы. Мы с Мургенем сидели в задних углах ковра.

— Я уже успел забыть, насколько не люблю эти полеты, — сказал я ему. — И почему я не послал вместо себя кого-нибудь молодого и шустрого из Хсиена?

— Потому что ты такой же, как и все бывшие Капитаны Отряда. Тебе непременно нужно сунуть свой нос в любую дырку и убедиться, что все делается по-твоему.

Летающий впереди Тобо поднял заслонку красного фонаря и несколько раз им помигал. Мы увидели с земли ответный сигнал — на пару миль в стороне от нас гораздо дальше впереди, чем я ожидал.

Нож и его кавалеристы взяли хороший темп и уже находились внутри кольца холмов вокруг Деджагора. Через час взойдет луна, и при ее свете они смогут просочиться через холмы и спуститься по внутренним склонам.

Мы пролетели над вершинами холмов и увидели редкие огоньки Деджагора. Сбросив скорость почти до нуля, три столба сблизилась. Аридата объяснял Тобо, что нам нужно сделать.

— Тебе следовало бы отправиться с Тобо, — сказал я Мургену. — Ты знаешь Деджагор лучше, чем кто-либо из нас.

— Тот Деджагор, каким он был двадцать пять лет назад, — возможно. Но теперь это иной, новый город.

И идти должен Аридата. Он был там всего несколько недель назад.

При лунном свете различались лишь немногие детали, но когда мы приблизились, то расположение и внешний вид стен и главных зданий практически совпало с моими воспоминаниями о них.

Столбы перестроились в цепочку. Теперь ее возглавляла Госпожа с Аридатой. Ревун опять пристроился последним. Мы снова двинулись вперед.

Десять минут спустя мы приземлились. Еще через пять минут Аридата скрытно привел нас к лавке своего брата.

Сугрива Сингх оказался копией Аридаты, но ниже ростом и постарше. Он неплохо устроился в жизни, отведя весь нижний этаж своего дома под торговлю, а верхний — для себя и семьи. Никого из его домашних мы не увидели.

Наше вторжение вызвало глубокое неудовольствие богатенького Сугривы. Среди его любимых овощей вдруг появились десять злодеев, а среди них лишь Аридата и пухлая блондиночка не выглядели так, словно им очень хочется зажарить его на вертеле. Ему было что терять, и немало. А при отказе от сотрудничества, возможно, еще больше. Культ душил в Деджагоре ненавидели чрезвычайно. И даже шепоток о его родстве с живым святым Обманников мог уничтожить как Сугриву, так и всех, с кем он хотя бы раз в жизни разговаривал.

Аридата обошелся без представлений. Сугриве не зачем было знать, кто его ночные гости. Но не исключено, что кое-кого из нас он все же узнал.

— Наш отец мертв, — сообщил брату Аридата. — Его убили несколько недель назад. Задушили.

Сугрива сразу постарел на десять лет. Он помнил Нарайяна Сингха, который продавал овощи и обожал своих детей — до вторжения Хозяев Теней. И новость поразила его сильнее, чем в свое время Аридату.

— И в этом нет ничего удивительного? Ты это имел в виду? — выговорил Сугрива сквозь слезы отчаяния, смешанного с болью утраты.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки.

Надо отдать Сугриве Сингху должное — он не стал роптать против неизбежного. Он прекрасно понял, как ему выкрутили руки, и, хотя событиям предстояло развиваться не совсем так, как Аридата поведал ему во время предыдущего визита, согласился сотрудничать. Ему хотелось покончить со всем этим как можно быстрее, а затем он станет молиться о том, чтобы новая городская власть оказалась к нему столь же равнодушна, какой была нынешняя.

События в любом случае стали развиваться не совсем так, как надеялся Аридата.

— Вы выбрали для дела не самую удачную ночь, — сообщил Сугрива. — Луна осветит любого, кто станет приближаться к городу.

— Вы будете удивлены, но ночь — наш друг, брат Сугрива, — усмехнулся Тобо.

— Не удивлюсь, если вам известно, что мой отец верил в то же самое, молодой человек.

А сын этого отца? Когда мы заявили, Сугрива был недоволен, даже зол, но не очень удивлен. А какой торговец овощами не удивится, если его разбудят посреди ночи? Да еще в городе, где с фанатичным рвением запирают ворота, едва солнце коснется вершушек холмов на западе.

Так ли уж прост и понятен старший брат Аридаты?

— Мы потревожили тебя только потому, что не знаем, как охраняются ворота, — сказал брату Аридата.

— Ты уже говорил. Я все проверил. Каждые ворота охраняет отряд солдат. Западные охраняют тщательнее всех, потому что через них проходит народу

больше, чем через трое остальных вместе взятых. — Одной из особенностей нынешнего Деджагора как раз и было то, что ведущие к нему дороги сходились перед ним на западе, а по остальным почти никто не ходил. Через северные и южные ворота в город проходили только крестьяне.

— Похоже, восточные ворота проще всего захватить и удержать, — продолжил Сугрива. К этим воротам вела отдельная дорога, но вдоль нее располагались лишь далекие деревушки. — Охранники у всех ворот — лентяи. Все они не местные. И настолько молодые, что уже не помнят, когда на Джайкур в последний раз нападали. — Приняв деджагорское имя, Сургива принял и местный акцент, и местное название города.

Восточные ворота создавали одну проблему: Нож находился к западу от города. Но он опережал график. И если поторопится, то еще успеет до рассвета.

— Госпожа, почему бы тебе не отправиться к Ножу и не сказать ему, что захватывать мы будем восточные ворота?

— Потому, что мне нужно переодеться.

Вдоводела и Жизнедава тоже пригласили на вечеринку. А то они слишком долго оставались без дела. Полминуты спустя Шукрат сказала:

— Думаю, настало время выяснить, можешь ли ты мне по-настоящему доверять, Тобо.

Я вмешался, не дав парню ответить:

— Я тоже так думаю. Передай Ножу, чтобы он не терял зря времени. Чем больше ночного времени окажется в нашем распоряжении, тем лучше. А когда заварушка начнется, мы не сможем долго оставаться незамеченными. Скажи, что мы станем ждать, когда он подойдет к воротам.

На веснушчатом личике Шукрат блеснула улыбка. Она приподнялась на цыпочки и чмокнула Тобо в щеку. Смелое, очень смелое поведение по любым стан-

дартам этой части мира. Наверное, у Ворошков иные обычаи.

Девушка упорхнула, изящно покачивая бедрами. Тобо покраснел, как вареный рак. Я ухмылялся, пока Госпожа не ткнула меня в ребра. Очевидно, я слишком долго любовался тем, что мне демонстрировали.

— Предлагаю взяться за работу, друзья, — сказал Мурген. — Не хочу даже лишнюю минуту оставаться внутри этих стен. — Он неплохо держался, но его напряженность была очевидной.

Тай Дэй тоже чувствовал себя не лучше и имел на то даже более вескую причину. Во время осады здесь умерло много его близких родственников. И, каким бы крепким человек ни казался, такие утраты гложут его душу. Если, конечно, он человек.

— Он прав, — согласился я. — Начинаем подготовку.

Главные роли предстояло сыграть мне и Госпоже. Мы удалились в уединенную комнатку, где было холоднее, чем в самой лавке. Когда мы корячились, превращая друг друга в ходячие кошмары, я спросил:

— Дорогая, ты и правда освоила управление этой леталкой?

— Тут нет ничего трудного. Главное — не свалиться. А с управлением справится и идиот. Там есть такие черные стерженьки и ползунки, и их надо двигать, чтобы подниматься и опускаться, лететь быстрее или медленнее и так далее. А что?

— Мне пришло в голову, что и для нас, и для Аридаты будет лучше, если мы вернем его в Таглиос. Его там не было уже давно. А Могабе он нужен, чтобы показать всем, когда разойдется новость о сегодняшних событиях.

Госпожа, не перестававшая возиться со своими доспехами, одарила меня взглядом, который я видел очень редко. Таким, словно она смотрит сквозь меня и видит все тайные местечки внутри. Иногда это меня пугает.

— Хорошо. Тогда нам надо действовать быстро, если ты хочешь, чтобы я вылетела до рассвета.

— А столб сможет залететь настолько далеко? — Не зная, как работают эти штуковины, я не знал, чем их надо кормить — как лошадь. Похоже, принцип их работы отличался от принципа работы ковров-самолетов Ревуна, которым для управления требовался сильный и волевой маг. И каждую секунду полета коврику следовало уделять внимание.

— Я уверена, что сможет. Что передать Могабе?

На ум сразу пришли суровые слова: «Мой брат не прощен», а следом: «Все их дни сочтены». Но время еще не настало.

62. Деджагор. Оккупация

Мой первоначальный план предполагал сделать из нашего вторжения масштабное шоу. Я люблю большие порции драмы. Гром, молнии, фейерверк. Но для начала мне предстояло дожидаться, когда мы откроем ворота.

Сперва на южной стене поднялась тревога, когда вдоль нее пронеслась волна мрака и шепота. Но ни единого всадника часовые не увидели. Они заметили лишь расплывчатые силуэты, разбудившие тайные страхи, в которых действовали существа куда более мрачные и жестокие, чем любой солдат-завоеватель.

В городе поднялась тревожная суматоха, но о нашем присутствии никто не догадался. Город ощутил приближение перемен.

Гром и молнии начались, когда через ворота хлынули кавалеристы Ножа — шестьсот человек в странной хсиенской броне, которым настрого приказали не открывать свою человеческую сущность, пока город не окажется захвачен. Почти все деджагорцы были гуннитами. А гунниты верят в демонов, способных принять человеческий облик и воевать с людьми. А к этому времени почти все на прилегающих таглиосских

территориях уже прослышали, что Черный Отряд взял себе в союзники призраков и демонов.

У каждого солдата на спине крепился бамбуковый шест с флажком. Каждое подразделение имело флажки своего цвета, на которых были написаны боевые девизы. Во главе атакующей колонны ехали Жизнедав и Вдоводел. Госпожа помахивала пылающим мечом, а Жизнедав гарцевал с копьем Одноглазого, по которому ползали светящиеся червячки. На плечах у него восседала разномастная компания ворон.

И, даже несмотря на это, почти весь город продолжал спать.

По нашим жутким доспехам ползали уродливые огненные червячки. Впереди вышагивали знаменосцы, размахивая огромными знаменами с якобы нашими личными гербами.

Зеваки, привлеченные вспышками, шумом и перестуком копыт, вспоминали старинные предания и с воплями разбегались.

И все равно почти весь город продолжал спать.

Дой, Мурген, Тай Дэй и Лебедь остались у ворот вместе со взятыми там заложниками. Аридата укрылся от посторонних глаз в доме своего брата. Высоко над городом кружили Ревун, Тобо и Шукрат. Нахлобученный на голову Ревуна стеклянный колпак успешно глушил его вопли. Мы надеялись, что его воскрешение еще на какое-то время останется секретом.

Настоящий фейерверк начался, когда мы добрались до цитадели, где все еще сонный губернатор сдуру решил, будто может отказаться сдаться, и подкрепил свой отказ делом.

Вылетели огненные шары. Ворота цитадели взорвались. В стенах появились дыры. Ее защитники завопили.

В каждом темном местечке на улицах что-то шевелилось. Сотни непонятно чего, многие из которых

становились смутно знакомыми в те мгновения, когда можно было хоть что-то разглядеть.

Они хлынули в цитадель через разрушенные ворота. Они протискивались через дыры в стенах.

Через несколько секунд за ними последовали Вдоводел и Жизнедав.

До ужаса запуганные защитники башни практически не оказали сопротивления. Единственным нашим пострадавшим оказался болван, ухитрившийся споткнуться о собственную ногу, скатиться по крутой лестнице и сломать руку.

Мы с Госпожой стояли на вершине цитадели. Лежащий внизу город все еще не осознал, что его завоевали.

— Войти сюда сегодня оказалось куда легче, чем в прошлый раз, — сказал я.

— Как раз в ту ночь мы и сделали Бубу.

— И она получилась настоящим страшилищем.

— Не смешно.

— И в ту же ночь Одноглазый обрел врага, который преследовал нас двадцать лет.

— На сей раз мы заведем новых врагов. А мне пора идти, если я хочу хотя бы надеяться доставить Арида-ту в Таглиос незамеченным.

— Вряд ли ты сегодня успеешь. Для этого придется лететь так, что ветер сорвет с твоего лица кожу.

— Спрошу Тобо. Может, он сумеет помочь.

Мне было трудно поцеловать ее на прощание. Мы еще не успели снять свои маскарадные доспехи.

63. Таглиосские территории. Центральная армия

Разведчики предупредили Душелова о том, что происходит нечто необычное, и это подтвердило ее подозрения. Призрачные шпионы Протектора так и не смогли выследить врага. А это означало, что враг не поленился принять меры, чтобы стать как можно более незаметным.

Душелов объявила в войсках повышенную готовность и удвоила время на тренировки. Ускорила она и свои личные приготовления.

Когда до нее дошло известие о катастрофе в Деджагоре — одному кавалеристу удалось добраться до нее с этой новостью, — она уже четырнадцать часов как знала о том, что главные силы Отряда, двигавшиеся на запад, изменили направление и теперь шли по линии, отсекающей ее Центральную армию от ее только что осиротевших войск вокруг Деджагора.

По ее оценкам, эти войска испарятся за несколько дней. Многие из этих солдат были родом из самого города — и немалую часть их составляли офицеры, — а остальные теперь намного четче расслышат зов урожая.

Проклятье, но что же там произошло? Курьеры привозили очень мало подробностей, в основном лишь весть о том, что город, проснувшись, обнаружил себя оккупированным. Захватчики действовали быстро и решительно. Похоже, их разведка поработала блестяще. Не исключено, что тут была использована мощная магия.

— Следующая схватка не будет столь односторонней, — пообещала она своим офицерам. — В следующий раз им придется иметь дело со мной. И я стану такой, какой они меня не видели очень и очень долго. — Ее подстегивала злость, а о скуке она давным-давно позабыла. Уже целое поколение она не ощущала себя настолько энергичной и полной ненависти.

За несколько часов ее новое настроение наэлектризовало всех, кто ее окружал.

Офицеры, не сумевшие быстро и в должной степени наэлектризоваться, были навсегда разжалованы в рядовые.

64. Деджагор. Осиротевшая армия

Потеряв базу в Деджагоре, генералы тающей и ошеломленной армии неумело попытались блокировать город таким образом, чтобы не вызвать экономическую катастрофу. Но через шесть дней до них дошло

известие, что к городу стремительно приближаются главные силы противника.

У них уже случались стычки с оккупировавшей Деджагор кавалерией. Местные не добились в них особых успехов, скорее наоборот. А теперь на них хотела обрушиться десятикратно большая, хорошо дисциплинированная, превосходно вооруженная армия обученных убийц.

В первую же ночь после получения этой новости треть армии разбежалась под покровом темноты. А оставшихся некие невидимые существа подвергли почти непрерывной психологической пытке.

Кровожадная армия с севера так и не материализовалась. В этом отпала нужда. Все деджагорские солдаты дезертировали из таглиосской армии. А занявшая Деджагор кавалерия рассеяла самых стойких из оставшихся и без посторонней помощи.

65. Таглиос. Дворец

После возвращения Аридаты беспокойство Могабы — он даже мысленно не мог произнести слово «страх» — усилилось. Ставки продолжали повышаться. Риск продолжал расти. Дворцовые слуги заметили Госпожу. Пока они еще верили, будто видели Протектора, чьи появления и исчезновения всегда были тайными и непредсказуемыми. Но когда-нибудь Душелов подслушает разговоры слуг и поймет, что она не могла находиться в двух местах одновременно. Не поверит она и в то, что слуги видели очередного призрака, которого теперь регулярно замечали в знаменитом лабиринте дворцовых коридоров.

— Меня одолевает искушение бросить все и бежать, — признался Могаба Гопалу и Аридате.

— Да? И куда же ты сбежишь? — спросил Гопал. Если Черный Отряд снова захватит Таглиос и восстановит правящую династию, судьба Гопала будет предreshена, как и судьба Могабы. Жизнь повернется жес-

токой стороной к любому шадариту, связанному с серыми.

— Вот именно. — Могаба провел ладонью по макушке. С каждым годом ему становилось все легче брить голову. — Поэтому я напомнил себе о том, чего требует честь.

Аридата промолчал. После возвращения он стал немногословным. Могаба понял, почему. Сингх увидел вещи, в правдивость которых ему не хотелось верить. Когда он понял, насколько высоки ставки, его парализовала нерешительность. Он не видел перед собой ни единой дороги, ведущей к свету. Куда бы он ни свернул, он всякий раз видел очередное лицо мрака.

А для Аридаты было важно поступать так, как он считал правильным.

Навестив брата, Сингх твердо решил компенсировать хотя бы часть совершенного отцом зла.

Аридата был гуннитом, но по характеру ему гораздо больше подходила религия веднантов. Он считал, что зло надо исправлять в *этой* жизни, а не в следующей.

— Новости с юга попросту ужасные, — продолжил Могаба. — Черный Отряд почти не встречает сопротивления. У них превосходство в магии, оружии, солдатах, оснащении и командовании. Не говоря уже о том, что их разведка настолько хороша, что мы лишь зря тратим время на попытки сохранить что-либо в секрете. Так что получается, что наша судьба и в самом деле зависит от того, насколько быстро они смогут сюда добраться. Протектор их не остановит. Они станут дергать за веревочки ее самолюбия, щекотать ее гордость, а в тот момент, когда она решит, что готова нанести им смертельный удар, они сами врежут ей по голове молотом, который она и заметить не успеет. Чтобы иметь дело с этими людьми, мало быть просто сильным, умным и изворотливым. Нужна еще и толика безумия.

— Тогда почему мы не едем в войска и не берем командование на себя? — спросил Гопал и ухмыльнулся.

— Ничего смешного тут нет. Причин две. Во-первых, она не хочет, чтобы командовал я. Она до сих пор полагает, что мы сумеем зажать их в клещи между двумя армиями. Понятия не имею, как такое можно проделать. А второе, самое главное, — если я окажусь рядом с ней, то никак не смогу скрыть свои мысли и лишусь всякой возможности воплотить наши планы до того, как она сумеет защититься. Вам двоим может повезти чуточку больше.

— Несмотря на новость, город остается поразительно спокойным, — заметил Гопал.

Последствия падения Деджагора были очевидными, но практически никто не считал, что опасность грозит лично Протектору. Беспорядков в городе не наблюдалось, однако надписи на стенах стали привычными — в основном прежние угрозы, хотя надпись «раджахарма» появлялась чаще, чем прежде. Затем ее сменила новая: «Ты будешь лежать пеплом десять тысяч лет, питаюсь только ветром». И заново появилось предупреждение, которого не видели годами: «Тай Ким идет».

Никто не знал точно, что это значит. Возможно, даже те, кто это писал. Некоторые полагали, что «Тай Ким» — имя на языке нюень бао, и в таком случае оно означает нечто вроде «Ходячей Смерти».

А если не на языке нюень бао, то смысла становилось еще меньше. Или он вообще пропадал.

— Если мы ничем не станем ей помогать и она потерпит поражение, то как мы тогда будем защищаться? — спросил Аридата.

— Скажу прямо сейчас: если Протектор проиграет, у *тебя* проблемы не возникнут. У Отряда и королевского дома к тебе претензий нет. Ты хорошо командовал Городскими батальонами. И если в нужный

момент не станешь вмешиваться, то потом вполне можешь унаследовать мое дело.

Аридата пожал плечами:

— Наверное, вы все это уже обсудили, когда *она* была здесь.

— О да. И она сказала, что меня никто не станет упорно преследовать, если у меня хватит ума сбежать до того, как они захватят город.

— Они настолько уверены? — удивился Гопал. — Настолько, что могут обойтись и без твоей помощи? А как же я?

— Да, настолько. Возможно, она слишком уверена. А насчет тебя она ничего не говорила. Потому что не знает твоего прошлого. Но намекнула, что если у тебя, как ты сам считаешь, имеются причины опасаться возвращения монарха, то тебе следует составить мне компанию в ограблении казны, прежде чем сбежать.

— Если шадарит дает клятву верности, он ее никогда не нарушает.

Аридата, которому мало что грозило в случае поражения, предложил:

— Давайте просто делать свое дело. Как мы всегда его делали. А там посмотрим, какие возможности даст нам судьба.

— Разумеется, — ехидно отозвался Гопал. — Ведь Черный Отряд и Протектор могут уничтожить друг друга. Как два сцепившихся рогами барана.

Этот образ заставил всех троих задуматься. Особенно Могабу, который принялся размышлять над тем, как судьба может написать шутку, достойную завершить это удачное сравнение.

66. Тагпиосские территории. На полпути

О, как хорошо мы выглядели — десять тысяч солдат, выстроившихся, как на параде. Каждый в доспехах. Над каждым ветерок развеивает личный флажок. У каждого батальона доспехи своего цвета. Оружие

каждого солдата безупречно отточено и начищено. Каждая лошадь ухожена, как перед смотром. Каждое знамя на месте, и все полотнища новенькие. Мы были мечтой любого генерала. Весьма опасной мечтой — для врага.

Войско напротив нас хотя и превосходило нас численностью втрое, но выглядело так, словно справиться с ним сможет и ребенок. Солдаты там до сих пор носились взад-вперед, отыскивая свое место в строю.

Несмотря на столь замечательную картину, я и сейчас сомневался в мудрости решения предложить противнику сразиться — несмотря на всю уверенность наших парней и неуверенность тех, кто сейчас стоял напротив нас. Но Дрема возжелала сокрушить их быстро и заставить Душелова вернуться в Таглиос, где события закрутят ее настолько, что она может утратить бдительность и угодить в ловушку, подготовленную Могабой и другими заговорщиками.

Дрема слишком уверилась в том, что все пойдет так, как нам хочется. А оберечь спину нужно именно тогда, когда все идет хорошо.

Но командовал Отрядом не я. Мне оставалось лишь давать советы, а после принятия решения делать свое дело.

Тобо верил в успех даже больше, чем Дрема. Он был уверен, что врага надо лишь подтолкнуть, и он сломается. Один могучий удар — и его армии конец. Он за это ручался головой.

Трубы дали сигнал готовиться. Заговорили барабаны, отсчитывая ритм наступления. Тысяча человек останутся в резерве. Далеко позади них мы расположили новобранцев. Они окружали Радишу и ее брата, номинально исполняя роль королевских телохранителей. Бросить их в бой мы могли только от отчаяния.

Трубы пропели сигнал к наступлению. Шеренги двинулись вперед — ровно, безупречно шагая в ногу, оружие как по линейке. Расположившиеся на флан-

гах Жизнедав и Вдоводел полыхнули ослепительными магическими вспышками и тоже выступили вперед, но остановились вне пределов досягаемости в вражеского огня.

С этой более близкой позиции я разглядел, что Душелов выстроила свои войска в три последовательные линии на расстоянии около ста ярдов. Первая была самая многочисленная, но солдаты в ней казались самыми паршивыми. Во второй линии они выглядели куда лучше.

Я понял ее идею, потому что сам ее применял. Тут главное — не сомневаться, что задние бойцы не подхватят панику, когда передняя шантрапа побежит с поля боя.

За третьей линией войск Душелова что-то происходило, но она располагалась слишком далеко, и я ничего не смог толком разглядеть.

Вскоре поле зрения мне заслонили наступающие солдаты. А потом меня окутала очередная порция чар, скрывая от вражеских глаз и не давая мне что-либо разглядеть.

67. Тагпиосские территории. Внутри Центральной армии

— Прodelать это будет нелегко, — напомнила Душелов штабным офицерам, побуждая их уверовать в ее гениальность. Ее предыдущая демонстрация сил во времена кьяулунских войн должна была запомниться надолго.

Вражеские трубачи просигналили о готовности войска. Их барабаны зарокотали.

— Как только они подадут сигнал к атаке, то сразу окажутся слишком заняты, чтобы шпионить за нами, — сказала Душелов.

Послышался сигнал к атаке.

— Я хочу, чтобы по второй линии передали: прорыв первой линии есть часть моего плана. Это уловка,

и я требую, чтобы вторая линия стояла, даже когда первая побежит. И напомните всем во второй линии, что каждый сбежавший с поля боя гарантированно пойдет на корм червям. Затем скажите третьей линии то же самое насчет первой и второй. Пусть они верят, что я заманиваю противника туда, где смогу уничтожить его магически. И еще я хочу, чтобы резервы переместили на опушку леса. Немедленно.

— Но это означает...

— Про лагерь забудьте. Если мы в этом сражении проиграем, нам будет не до лагеря. Итак, распределите солдат из резерва вдоль опушки леса, чтобы они перехватывали бегущих и сколачивали из них отряды. Но сперва они понадобятся мне здесь, чтобы перенести моих гостей на северный берег ручья.

Ее слова встретили непонимающими взглядами.

В ее голосе зазвучал гнев. Тот самый гнев, в результате которого, как всем было прекрасно известно, на кладбище возле лагеря появляются новые могилы. Когда гнев Душелова достигал определенного накала, она даже не позволяла гуннитам сжигать и тем самым очищать тела казненных.

— Выстроить их на опушке! Пусть будут готовы убить любого труса! — Затем спокойным и почти умиротворяющим голосом она добавила: — Если солдаты не смогут собраться и отбросить врага, их генералы после поражения проживут недолго. — Душелов очень четко представляла, как должно развиваться это сражение. — Более того, умный генерал поймет, что ему нет смысла жить дольше своего знаменосца. Тогда его кончина станет менее болезненной.

Она готовилась много дней. Но теперь вынуждена сражаться негодным оружием. Кроме того, необходим жесточайший контроль.

— За дело! — Она вышла из палатки и поднялась на наблюдательный помост, откуда просматривалось поле боя. Едва она там расположилась, как про-

тивник, все еще парадным строем, врубился в ее передовую линию.

Бойня оказалась не столь жестокой, как она предполагала. Кажется, противник задался целью разбить вражеский строй. Они не преследовали бегущих. Они время от времени останавливались, отводили в тыл раненых и смыкали ряды. И при этом не торопились, что понравилось Протектору. Ведь это означало, что у разбитых батальонов будет больше времени, чтобы собраться на опушке леса.

Душелов обернулась, наблюдая, как из ее палатки выносят клетки с пленниками. Гоблин, чьи глаза уже успели регенерировать, издевательски ей отсалютовал. Девушка посмотрела ей в глаза и улыбнулась.

Если она еще раз так сделает, то Душелов швырнет это отродье солдатам — пусть потешатся с ней пару часов. Это собьет с нее спесь.

Солдаты, несущие клетки, выглядели достаточно спокойными, хотя в лагере уже появились первые перепуганные беглецы.

Душелов мысленно дала себе пинка. Ну как она ухитрилась не предусмотреть возможность того, что беглецы могут направиться не к лесу, а в лагерь? Надо было приказать, чтобы палисад снесли.

Впрочем, неважно. В лагерь попадут лишь немногие.

Она приказала закрыть ворота.

Враг возобновил наступление.

Вторая линия продержалась дольше, но исход оказался таким же — солдаты побежали, не причинив противнику особого урона.

На сей раз никто из бегущих в лагерь не попал.

Противник снова остановился — позаботиться о раненых и сомкнуть ряды. Командиры уже с трудом сдерживали кавалеристов, прикрывающих вражеские фланги. Душелов предположила, что дисциплина ее солдат даст трещину, как только развалится третья линия таг-лиосцев.

Тем идиотам в лесу лучше быть готовыми.

Душелов спустилась с помоста, когда противник снова просигналил атаку.

— Их новый Капитан весьма деловита. Но вот насколько прочно она стоит на ногах?

Тоже весьма деловито, Душелов направилась в лее, где отдала офицерам новые приказы, а затем уединилась в палатке, заранее поставленной в лесу — якобы как убежище и место встречи с посыльными от союзников, которые теперь старались ее убить. В палатку уже принесли Гоблина и Дщерь Ночи.

Ей показалось, что ее появление пленников развешило, словно за секунду до ее прихода кто-то из них выдал другому идиотскую шуточку, выставляющую ее полной дурой.

Душелов не обратила на них внимания. Сейчас ее больше заботило то, насколько встревожилась ее сестра из-за отсутствия магии на поле боя. И если еще минут пятнадцать ни у кого не зародится подозрения...

68. Таггносские территории.

Пламя на поле боя

Когда сверкающий световой туман накрыл Жизнедава, я слез с коня и пересел на летательный столб, который мне предстояло разделить с Мургенем. На столбе значилось имя Магадана, написанное символами языка Ворошков. На левом фланге Вдоводел тоже готовился воспарить вместе с известным энтузиастом полетов на большой высоте — Лозаном Лебедем. Все летательные столбы уже были подготовлены к атаке, и каждый снабжен абсурдным на вид каркасом из прутьев и бамбука для установки многочисленных самодельных приспособлений.

Где-то далеко позади Тобо и Ревун готовились поднять ковер-самолет, потрескивающий от тяжести сюрпризов для врага. Вопящий колдун все еще бормо-

тал что-то себе под нос, потому что его заставили поделиться с Тобо секретами управления ковром.

Нам предстояло поднять в воздух огромное количество убойных штук, чтобы пустить их в ход или когда Душелов обнаружит свое местонахождение, или когда наша атака начнет выдыхаться.

Последнее не произошло. Бегство передовой линии таглиосцев стало для нас сбывшейся мечтой. Вторая линия продержалась лишь чуть дольше. Третья линия, состоящая, очевидно, из лучших войск Протектора, проявила больше упрямства. Проведя слишком много времени рядом с Душеловом, я понял, почему третья линия имела чуть больше дополнительной мотивации: Душелов не принадлежала к числу командиров, прощающих своих солдат.

Однако, надо отдать ей должное. От тех, кто стоял над ней, она тоже не ожидала любви или прощения. В мире, откуда она вела происхождение, такое считалось нормой. Тот мир северной империи требовал безжалостности и жестокости. И не прощал ни доброты, ни сочувствия.

Упрямство третьей линии не устояло против четких действий и уверенности наших солдат. Слабодушные стали покидать ряды и побежали к далекой опушке леса, где кто-то собирал и организовывал уцелевших.

Мы только начали взлетать, когда внизу прямо перед нами вспыхнул купол ярко-красного света и через несколько секунд угас. Я еще неуклюже набирал высоту, когда второй световой купол, на сей раз карминовый, вспыхнул и угас слева.

За ними последовало еще пять-шесть вспышек — каждая красноватого оттенка. Через некоторое время я убедился, что набрал достаточную высоту, и лишь тогда рискнул отвлечься от управления столбом и посмотреть на то, о чем Мурген у меня за спиной бормотал на протяжении всего взлета.

Какая-то магия превратила землю в круги равномерной черноты. На этой черной поверхности кто-то до сих пор рисовал красные цветы, мгновенно распускающиеся от крошечной точки до полного размера — почти черные в центре и огненно-желтые на краях. Диаметром они достигали ярдов двенадцати. С высоты мне были видны только эти внезапно и бессистемно распускающиеся красные хризантемы. Земля внизу напоминала игровую доску, на которой целый сад цветков смерти продолжал распускаться и постепенно увядать.

Что бы там ни происходило, оно было пассивным и не нацеленным на нас. Эту магию разместили заранее, а привели ее в действие наши наступающие солдаты. И теперь расплачивались за это.

А Душелов так нигде и не показалась.

Далеко слева от меня Госпожа и Лебедь окутались облаком дыма — прикрепленные к их столбу бамбуковые шесты поливали вражеский лагерь огненными шарами. Десятки шаров попали в цель, но среди наших солдат продолжали распускаться красные круги.

Я переместил наш столб на полмили вперед.

— Обработай лес, — сказал я Мургену. — Она где-то там. И где мои вороны, прах их побери? Вечно их где-то носит именно тогда, когда они мне нужны. — Вороны смылись еще во время взлета. Наверное, им не нравилось подниматься слишком высоко.

Я нигде не замечал признаков работы Неизвестных Теней. Но я и не ожидал их увидеть. Почти всех Тобо прошлой ночью отослал подальше, ради их же безопасности.

Иногда в момент стресса замечаешь странные вещи. Я отметил отсутствие ворон возле поля боя. Весьма зловещее отсутствие. Такого я не припоминаю. Но над лесом уже начали кружить стервятники.

Мурген прокричал что-то о том, что наша неудача приободрила врага.

— Тогда пускай шары вдоль опушки, — посоветовал я. Но выполнять совет пришлось бы мне самому, потому что для прицеливания нужно направить столб в нужную сторону.

Малышка Шукрат, лучше обученная управлять своей леталкой, вынырнула с востока и промчалась низко над опушкой, поливая огнем таглиосцев. Она почти ни разу не промахнулась.

Наша наземная атака остановилась. Дрема не отступила, но и не желала наткнуться на новую смертоносную магию.

Я оценил последствия лишь после приземления. А вернуться и сесть пришлось довольно скоро, потому что, когда мы с Мургенем исчерпали запас огненных шаров, делать нам наверху стало нечего.

Я без труда представил, как хохочет где-то в лесу Душелов, видя, какой урон нам причинила.

Таглиосцы провели беспорядочную и неуклюжую контратаку, которая обернулась катастрофой, когда они снова побежали. Магия Душелова не различала своих и чужих, а улавливала лишь направление движения.

Мы приземлились далеко в своем тылу. Я снова сел на лошадь и направился вперед. Душелов пустил в ход жуткую магию. Место, где распускался каждый огненный цветок, выделялось красным такого темного оттенка, что он граничил с чернотой. На границе круга чернота слабела, постепенно уступая место пожухлой траве. Но внутри кругов смерть собрала обильный урожай.

Там были люди, погружившиеся в землю — кто до лодыжек, а кто до бедер и глубже. Застывшие во время наступления, все еще сохраняя свое место в строю. Но внутри их доспехов теперь не теплилась даже искра жизни.

Кто-то попробовал открыть несколько доспехов, но увидел внутри лишь обугленную плоть и кости. По быстрым подсчетам выходило, что мы потеряли

от четырехсот до пятисот человек из-за этого ужаса, причем быстрее, чем все это можно описать.

— Тут что-то не так, — сказала я. — Душелов остановилась.

— Что? — отозвался Мурген. Он исследовал смертоносный круг и обнаружил, что теперь он холодный, а его видимая поверхность не толще ногтя. — Ты о чем? — Позднее, собирая мертвецов, мы обнаружили, что они не погрузились в землю. Откапывая то, что не виднелось над поверхностью, мы не нашли под ней ничего. Вероятно, тела и доспехи как бы расплавились.

— Душелов перестала с нами играть. А ведь она наверняка как-то управляла этими кругами. Иначе они убили бы ее собственных солдат во время первого отступления. Но теперь блокировка не действует. Что изменилось? И что случилось?

Внезапно стервятники над лесом стали быстро снижаться по спирали, словно желали на кого-то напасть.

— Давай-ка узнаем, чем занята Дрема, — решил я.

Дрема выслала разведчиков, чтобы выяснить границы опасной зоны. На наших флангах цветки смерти пока не распускались.

Стервятники прекратили снижение над самыми верхушками деревьев. Но одному из них захотелось опуститься чуть ниже.

Золотисто-коричневая лента цвета мочи взметнулась вверх гигантским жабым языком. Птицу окутало сияние, превратив ее в черный силуэт. И этот силуэт распался на сотни осколков, которые посыпались вниз, словно падающие листья.

Оставшиеся стервятники решили, что их ждут неотложные дела где-то в другом месте.

Кажется, никто, кроме меня, не заметил случившееся.

Да где же мои проклятые вороны? Ведь я мог бы послать их на разведку, оставив свою драгоценную зад-

ницу на безопасной высоте. И какой смысл прикидываться мифическим персонажем, если не в моих силах совершать достойные этого персонажа подвиги?

Очень скоро над лесом показались Тобо и Ревун и принялись деловито забрасывать таглиосцев прозаическими зажигательными бомбами.

Госпожа присоединилась к нам еще до возвращения разведчиков Дремы. У нее при себе имелась карта, которую она уже успела показать Капитану. Даже краткого взгляда на карту мне хватило, чтобы понять: моя ненаглядная не тратила время зря, пока летала. Она нанесла на карту смертоносные круги. И общая картина стала очевидной — мы с легкостью определили, где расположены еще не сработавшие магические ловушки. Если только Душелов не догадалась, что мы можем летать и определить эти места с воздуха. В таком случае круги смерти предназначались лишь для того, чтобы направить нас туда, где нас поджидает нечто еще более жестокое и смертельно опасное.

Дрема немедленно вызвала к себе командиров батальонов.

69. Там же. Непредвиденное

Некоторое время солдаты Душелова упрямо держали оборону на опушке, но их уже успели сильно потрепать, и они не могли долго отбивать решительную атаку наших профессиональных душегубов.

Очень многие таглиосцы не испытывали желания оставить своих жен вдовами, а детей сиротами. И Дрема приказала отпустить всех, кто сложит оружие.

Таглиосской экономике, которую предстояло унаследовать Прабриндраху Драху, пойдет лишь на пользу, если ее не подкосит крупномасштабное убийство имперской молодежи. Ведь численность населения только-только восстановилась после ужасных потерь во времена кьяулунских войн и сражений с Хозяевами Теней.

— Победа оказалась далеко не столь значительной, как я надеялась. Но я согласна и на такую, — заявила Дрема. — Несмотря на наши потери. Сегодня мы могли выиграть войну.

В ответ она получила немало изумленных взглядов. Ведь Душелов еще оставалась на свободе, причем теперь она как следует разозлилась. И от нее теперь можно ждать новых неприятных сюрпризов.

— Но если мы возьмемся ее преследовать, то она обезумеет, когда доберется до Таглиоса.

Но Могаба строит долгосрочные планы. Я напомнил об этом, добавив:

— И какие бы приятные пустячки ни нашептывала ему совесть месяца два назад, спасение собственной шкуры станет для него гораздо важнее, когда старые враги постучатся в его дверь.

Дрема начала было говорить что-то об Аридате Сингхе, но передумала.

Где-то в отдалении полыхнула карминовая вспышка. Прихватив карту Госпожи, Тобо заставил ловушку сработать, сбросив на нее бомбу с ковра.

— Когда Тобо закончит, прогони нескольких пленных через те же места, — приказала Дрема Ранмасту Сингху. — Туда и обратно. Не хочу, чтобы там осталась хотя бы одна действующая ловушка. Вдруг туда забредет какой-нибудь ребенок и погибнет. — Можно подумать, что вокруг нас носится множество глупых детей.

— Мне бы понравилось больше, если бы мы сумели раздобыть парочку таких штуковин для себя. И если передать одну из них Могабе, у него будет больше шансов убить Душелова.

— Она ее почует, — разбила мои мечтания Госпожа. — Ведь она сама их делала. И там наверняка есть предохранители, которые не дадут ловушке сработать против нее.

Из леса слышались громкие крики. Тобо и Шукрат помчались в ту сторону — помочь солдатам, если

понадобится. Через минуту показался летящий обратно ковер.

Тобо даже не стал приземляться и крикнул сверху:

— Нашли Дщерь Ночи! Она в клетке. Душелов сбежала, а ее бросила.

Мы с Госпожой переглянулись. Нам в это совершенно не верилось. Если только девушку не сделали приманкой в поистине смертоносной ловушке. А такое вполне возможно. Душелов засеяла поле смерти, погубившее наших солдат, причем ухитрилась сделать это так, что Неизвестные Тени ничего не заметили.

70. Там же. Захват

Клетка стояла в полуобвалившейся палатке. Несколько огненных шаров продырявили ткань, но не смогли ее поджечь.

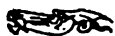
— Будьте чрезвычайно осторожны, — предупредил я всех. — Если Душелов решила подложить нам свинью, то произойдет это именно сейчас.

Охранники Дремы оттеснили любопытных солдат. Мы подошли к палатке уже достаточно близко. Госпожа забеспокоилась: ей хотелось все увидеть, но она боялась, что мы наскочим на магическую ловушку.

Но пока никто никаких ловушек не заметил и не ощутил.

— Проверь все еще трижды, — велела Госпожа Тобо. — А затем проверь еще раз. Ревун, ты тоже этим займись. Где Гоблин? — спросила она и, не получив ответа, подошла к тем, кто обнаружил палатку. Все они пребывали в добром здравии, хотя ненадолго задержались в палатке, чтобы прихватить там что-нибудь на память, а уже потом доложили о находке. — Где коротышка? Тот, что сбежал в Нидже.

Солдаты пожали плечами. Возможно, они не поняли, о ком она спрашивает. Но один храбрец все же ответил:

— Там есть еще одна клетка. Она повалена и сломана. Может, он смылся?

Мы с Госпожой переглянулись. Почему Гоблин сбежал без девушки?

Он не стал бы этого делать.

— Здесь безопасно, — объявил Тобо.

Ревун захотел подтвердить его слова, но его голос сорвался на вопль.

— Тут явно что-то не так, — решил я. — Тобо, пошли своих невидимых друзей на разведку. Нам особенно нужно знать, где сейчас Гоблин и Душелов. И как можно скорее. Нам нельзя от них отрываться.

Дрема согласно, хотя и раздраженно, кивнула.

Мы с Госпожой осторожно приблизились к палатке.

Ловушку можно замаскировать под что угодно.

Как нас и предупредили, сломанная клетка оказалась пуста. Вторая лежала на боку, дверцей вниз. На ней, словно расплескавшись, лежала красивая женщина. Совершенно обнаженная.

Госпожа меня просто ошеломила, когда едва не бросилась к ней, бормоча что-то о своем несчастном ребеночке. Я успел поймать ее за руку:

— Спокойно.

На мой взгляд, тело лежало так, словно его специально уложили в такой позе. И Душелов десятилетиями будет хохотать, вспоминая, как она заставила нас броситься на верную смерть из-за ребенка, который испытывал к нам чувства не более нежные, чем к лошадям, коровам и прочей скотине.

Госпожа замерла, но терпения у нее хватило ненадолго.

— Что?

— Это не Бубу. Я так думаю. — Но ведь эта обнаженная плоть не может быть иллюзией, верно? Правда, Гоблин когда-то баловался такими фокусами... Но Тобо сказал, что никакой активной магии здесь нет.

Я присел на корточки, кряхтя и прислушиваясь к треску в коленях, потом просунул руку между прутьями решетки и отвел в сторону темные волосы, прикрывающие шею женщины.

Затем я поманил Госпожу. Она присела рядом со мной. Ее колени затрещали столь же громко, как и мои.

— Посмотри на ее шею. Я тогда отлично поработал, верно? Шрамы почти не видны. — Я преувеличивал. Шрамы у нее остались уродливые. Но кто станет жаловаться на такие пустяки, если тебе пришили отрубленную голову?

— Проверь ногу. Какая из них была ранена? Правая, да?

Я повернул правую ногу женщины. Мы сразу увидели след от раны, нанесенной ловушкой Гоблина, и грубые результаты лечения, предпринятого Душеловом.

— Я ее ненавижу даже больше обычного, — проговорила Госпожа. — Если позабыть о раненой пятке и шрамах, она даже сейчас выглядит точнехонько как в свой девятнадцатый день рождения. Но что с ней?

— Отсюда не скажешь. Но приближаться к ней я не стану, пока не буду уверен, что это безопасно. Куда подевались Тобо и Ревун? Тащи их сюда.

Ситуация оставалась потенциально взрывоопасной, даже если активной магии в палатке не было. Придя в себя, Душелов будет рвать и метать.

— Наверное, наше чадо низко оценивает наши умственные способности, если полагает, что мы попадемся на этот трюк.

Я задумался. Может, мы появились тут быстрее, чем она успела окончательно подготовить ловушку?

Вернувшийся Тобо сообщил:

— Кошка Сит только что обнаружила Душелова на северной опушке леса. Гоблина она держит на поводке. Ей удалось собрать какое-то число солдат,

и они теперь возводят земляное укрепление. — Пялясь на мою свояченицу, он отвлекался все больше и больше.

Ну, разве это не интересный поворот событий?

— Дщерь Ночи изображает Протектора? — изумилась Дрема.

Тобо едва не хлопнулся в обморок от возбуждения, и тут до него дошло, что у него поехала крыша из-за женщины, которая старше него на пятьсот лет.

Госпожа, всегда склонная к быстрым и решительным действиям в тех случаях, когда ей приходилось командовать, заявила:

— Нам нужно на нее давить. В любом случае. Каждая секунда, потраченная ею на подготовку, обернется для нас новыми потерями и трудностями в будущем.

Дрема не стала возражать. Против правды не попрешь. Она вышла из палатки — восстанавливать порядок и возобновлять наступление. Мне не понравилось, что таглиосцы, уже дважды разбитые и не имеющие ни достаточной подготовки, ни причин, снова готовились к обороне. Но Тобо настаивал на том, что они занимаются именно этим, а он не склонен к фантазиям. Подобного рода.

Маловероятно, что таглиосцы окажутся хорошо вооружены. Почти все их солдаты побросали оружие еще во время первого бегства с поля боя.

Госпожа на секунду сжала мне руку:

— Ты еще веришь, что мы когда-нибудь увидим ее своими глазами?

— А ты уже начинаешь гадать, не стала ли она ближе или реальнее, чем Хатовар?

В палатку ворвался Лозан Лебедь:

— Это правда? Мы снова поймали Душелова?

— Новости разлетаются быстро, — буркнул я. — Да. Это она. Я в этом уверен. Можешь присоединиться, когда я стану ее осматривать. Для верности.

Лозан был ближе к ней, чем когда-либо оказывался я, будучи в свое время ее целителем и хирургом. И ему будет легче заметить физические доказательства того, что это хитроумный трюк Душелова. Конечно, если он хоть что-то вспомнит через пять лет.

Но я не верил, что это трюк. С младшей сестричкой моей ненаглядной случилось нечто весьма нехорошее. И я понял это еще до начала внимательного осмотра.

Лебедь тоже осмотрел ее тело и хмыкнул. То, как Душелов с ним тогда обращалась, не наградило его приятными воспоминаниями. Но и особого зла или ненависти он на нее тоже не держал.

— Хорошенько помни то, что эта женщина с тобой сделала, Лозан Лебедь, — напомнила Дрема. — И я не желаю увидеть повторение. А если я хоть что-то замечу, ты об этом сильно пожалеешь.

Лебедю захотелось вспылить и заявить, что эта ведьма никогда и никак не сможет снова запудрить ему мозги. Но он промолчал. Ведь он — всего лишь плоть, и он понимал, что плоть не способна мыслить рационально рядом с женщиной, в жилах которой течет кровь семейства Душелова.

Воспоминания говорили сами за себя.

— Тогда почему бы нам просто не убить ее? — спросил он. Сквозь его внешнее спокойствие пробивалась уязвленная гордость. — Прямо здесь. И сейчас. Пока у нас есть прекрасный шанс покончить с ней навсегда.

— Мы не можем ее убить, потому что не знаем, что с ней сделали Гоблин и Бубу, — рывкнул я, поскольку Госпоже почему-то не захотелось разочаровывать парня, чья страсть когда-то была направлена на нее. Не могло ведь у нее в таком возрасте проснуться сочувствие? Или дело в родственных узах? Ведь они с сестрой теперь друг для друга два самых старинных оставшихся в живых врага. — Душелов поможет нам

не больше, чем это необходимо для нее, но все-таки поможет. Некоторое время.

Госпожа кивнула. Ее сестра безумна, но ее безумие прагматично.

Сестричка Душелов все никак не приходила в себя.

Я не стал этого говорить, но моя эмоциональная вспышка была отчасти весельем на поминках. У меня росла уверенность, что с Душеловом что-то очень не в порядке. И опасался, что она может умереть. Я видел те же симптомы, что и у ныне покойного Седвода. Но никто иной этого не замечал.

Всех слишком взволновала перспектива делать с ней все, что нам захочется.

71. Там же. Горькая правда

Некоторое время Госпожа и Лебедь увлеченно старались разбудить Душелова и привести ее в чувство, чтобы она осознала ситуацию и начала страдать. Потом к ним присоединились Мурген, Тай Дэй, Сари и дядюшка Дой. Все они надеялись со временем заставить Душелова помогать нам, но сперва желали досыта наесться на пиру ее мучений.

Но Душелов не пошла им навстречу. Она упрямо не реагировала ни на что — в точности, как в свое время Седвод.

Где-то в отдалении то возникал, то замирал шум кратких стычек, так и не переходя в гвалт сражения. Наши парни рвались в бой не больше, чем их противники. И я не виню их за нежелание оказаться убитыми, когда исход битвы уже предрешен.

Подбежал Рекоход:

— Капитан передает свои наилучшие пожелания и спрашивает, не можете ли вы все срочно к ней прийти? Она в затруднительной ситуации. И просит вашего совета.

— Будь я проклят, — пробормотал я. — Стоило мне решить, что я перевидал уже все на свете...

— А что за ситуация? — поинтересовался Мурген. Возня вокруг Душелова его не увлекла. И он понимал, что, когда слово «ситуация» произносится при подобных обстоятельствах, это означает, что его сына скоро попросят прыгнуть в нечто весьма горячее.

— Мы не можем добить то, что осталось от вражеской армии.

— А почему бы сейчас не оставить их в покое? — сказал я. — Они и так бегут.

Рекоход проигнорировал мои слова.

— Ярдов примерно за сто солдаты начинают терять интерес к атаке. Те немногие, кто сумел преодолеть себя и приблизиться ярдов на пятьдесят, утверждают, что начинают думать о том, какие они плохие, раз мешают Ей, и что на самом деле им надо помогать Ей выполнить Ее священное предназначение. Кто такая Она, они не смогли сказать точно, но полагают, что думали о Протекторе, потому что Протектор есть дьявол, которого они знают и которого преследуют.

Госпожа поманила меня к себе и прошептала:

— Я займусь своей сестричкой. А ты бери ковер и леталки и начинай бомбить таглиосских командиров с такого расстояния, где чары не действуют.

— У нас опять почти кончились огненные шары.

— Так бросай камни. Или горящие сучья. Что угодно, лишь бы у нее появилось сильное желание поскорее смыться. Потому что после каждого ее перемещения несколько ее солдат выйдут из зоны действия чар. И тогда они сразу поумнеют и пустятся наутек.

Ее уверенные предсказания намекали на то, что сей эффект ей давным-давно известен.

— Первым делом пустим в ход стрелы, — распорядился я. — Станем запускать их повыше, чтобы она не смогла их отбить. А падая с высоты в пятьсот футов, они будут убивать не хуже, чем выпущенные в упор. —

Мой желудок сжался — ведь я приказывал обстреливать собственную дочь.

Но все же я почему-то не сомневался, что девушка не даст себя ранить. И еще я верил в то, что конфронтация была заложена в ситуацию еще с того момента, когда Нарайян Сингх выхватил нашу малышку из рук Госпожи.

Моя идея сработала. Девушка, облаченная в костюм своей тетушки, носилась по лесу, таская за собой Гоблина. Мы потратили последние огненные шары и зажигательные бомбы. Неизменные промахи бомбардиров лишь укрепили мою циничную оценку наших шансов быстро покончить с этим делом и хоть немного отдохнуть.

Парочка пыталась огрызаться. Всякий раз, когда летун снижался до определенной высоты, вверх взлетала лента желтовато-коричневого света. Но я упорно гонял их с места на место и не давал им как следует прицелиться. Я так и не понял, что было источником этих смертоносных лент.

И еще я отметил, что девушка, похоже, не подозревает, что гоняющий ее как зайца некий тип в уродливых доспехах и есть ее любящий папочка.

Наши солдаты быстро разобрались в ситуации и воспользовались возможностями, которые им предоставлял перемещающийся периметр вокруг остатков таглиосской армии.

Дщерь Ночи не была солдатом, но она проявила быстроту и решительность, а советы ей давал человек, воевавший более столетия.

Гоблин велел ей атаковать, чтобы хоть как-то использовать солдат, которых она себе подчинила. И она атаковала. Направив острие атаки на Дрему и не обращая внимания на падающие вокруг нее стрелы и снаряды. У наших парней не осталось иного выбора, кроме как убегать, стараясь при этом поразить ее с предельного расстояния. Ведь любой, кто

оказывался слишком близко, внезапно становился перебежчиком и начинал сражаться на стороне мессии Обманников, даже не понимая, что с ним произошло.

Бубу было все равно, сколько ее защитников погибнет, поэтому она могла преследовать нас повсюду, разрушая любые наши попытки организовать и получая нового рекрута взамен двух или трех потерянных. Она заставляла наших лучников страдать, когда они целились в солдат, совсем недавно бывших их товарищами. Девчонке даже едва не удалось снова захватить Дуцелова.

А потом Тобо облажался.

Он предположил, что его магической силы, дополненной силой Ревуна, хватит, чтобы ошеломить нетренированную девушку, если они обрушатся на нее внезапно и с неожиданной стороны. И возможно, он не ошибался. Но он забыл, что ее спутник — не тот Гоблин, рядом с которым он вырос. В этом Гоблине затаилась частица зловещей богини.

И желтоватая световая лента зацепила их ковер буквально за мгновение до того, как Тобо и Ревун собрались показать, на что они способны. Солидный кусок ковра рассыпался черными обломочками. А Тобо и Ревун по инерции пролетели вперед на остатках ковра. Они не опасались ее чар, но ничего не смогли сделать, чтобы избежать жестокого удара о ветви деревьев. Ревун лишь коротко и испуганно завопил.

Световая лента сыграла роль магического толчка под локоть в самый ответственный момент — как юному, так и старому чародею. Их заклинания сильно потрепали защитников Бубу. Они даже сумели ошеломить и ее, и Гоблина. Но поскольку сами чародеи кувыркались в кронах деревьев, вместо того чтобы сообщить нам об этом, мы так и утратили шанс воспользоваться полученным преимуществом.

72. Там же. Спасатели

У нас получилось нечто вроде ничьей. Мы не смогли добраться до Гоблина и Дщери Ночи, когда они были наиболее уязвимы. Их приспешники не знали, что мы утратили свое самое мощное оружие — во всяком случае, временно. Мои вороны, очень удачно вернувшиеся, только когда им пришло время стать посыльными Тобо, сообщили, что Ревун и Тобо остались в живых, но ранены. Они спрятались в лесу в нескольких десятках ярдов от того места, где лежат Дщерь Ночи и Гоблин. Они едва-едва оправились после магического удара, и теперь у них есть силы только дышать.

Я попытался сообщить эту новость Дреме незаметно, но Сари была настороже. И через несколько секунд она довела себя до такого состояния, что даже Мурген не смог ее успокоить.

— Вы должны что-то сделать! — вопила она.

— Тебя Дщерь Ночи услышит, — рявкнул в ответ Мурген.

— Вы должны вытащить его оттуда!

— Помолчи!

Я был согласен. Кому-то нужно что-то сделать. И этим кем-то могу стать и я. Но единственную пользу я мог принести, лишь отдав в помощники своих ворон. Те по очереди сообщили, что Тобо или без сознания, или бредит. Они так и не смогли получить от него четких указаний, И отказывались передать приказы Неизвестным Теням. А те уже собрались в таких количествах, что их становилось просто невозможно не заметить, когда резко поворачиваешься или двигаешься.

— Мы не можем до него добраться, — сказал Мурген Сари и встряхнул ее. Она не слушала. Потому что если бы стала слушать, то ей бы пришлось услышать тяжелую правду.

Шукрат вышла вперед и сказала:

— Я могу его привезти.

Сари заткнулась. Даже Дрема перестала собирать остатки нашей армии и обратила на нее внимание.

— Для этого мне нужна лишь моя одежда, — добавила Шукрат. Ее акцент в последнее время стал почти незаметен, а на таглиосском она говорила достаточно свободно. — Под ее защитой чары меня не затронут.

Истерика у Сари мгновенно прекратилась. Никогда не пойму эту женщину. Я готов был поспорить, что она лишь станет сильнее.

Мы переглянулись. Без Тобо нам в живых не остаться. Только не в этом мире. Только не против таких врагов. Мы должны вернуть его быстрее, чем Дщерь Ночи обнаружит, какую возможность фортуна подбросила к ее ногам.

— Когда-нибудь вам пришлось бы мне поверить, — продолжила Шукрат. — По-моему, сейчас самое подходящее время рискнуть.

Похоже, не такая она дура, какой прикидывается.

А Тобо ей доверял.

Я взглянул туда, где Дрема что-то сердито выговаривала Икбалу Сингху и офицеру в сильно помятых хсиенских доспехах. Она услышала слова Шукрат, махнула рукой и кивнула, давая понять, что решение принимать мне. Я знал юных Ворошков лучше нее.

— Хорошо, — сказал я Шукрат. — Но я полечу с тобой.

— Как?

— Надену одежду Громовола...

Мои слова ее скорее развеселили, чем насторожили. Но она действительно тревожилась за Тобо.

Я обладаю почти навязчивыми представлениями о преданности, братстве и верности прошлому, поэтому мне иногда трудно поверить, что другие могут столь гибко реагировать на ситуацию, как они это делают. Я, например, не сумел бы настолько легко принять такое

драматическое изменение обстоятельств, как это сделала Шукрат.

— Что, ничего не получится? — понял я.

— Нет. Одежда создана для каждого из нас специально. Индивидуально. — Акцент у нее был не сильнее моего, но запас слов не столь большой. И говорила она более простыми фразами, чем ей хотелось бы. — Впрочем, ее может переkreить портной с достаточными умениями. Правда, этим умениям учатся лет двадцать.

— Хорошо. Где сложена ваша одежда? В фургоне Тобо? — Парень обзавелся таким количеством всяческого барахла, что ему потребовался собственный фургон с возницей, чтобы таскать все это за собой. А в фургоне он возил все подряд — от магических принадлежностей до всяческих безделушек. Отличаясь бережливостью, он не любил что-либо выбрасывать. — Пошли.

Надеюсь, он не защитил фургон заклинаниями, которые помешают взять из него то, без чего мы не сможем спасти его задницу.

73. Там же. Спасение

Облаченная в семейную униформу, Шукрат выглядела гораздо внушительнее, чем прежняя симпатичная веснушчатая девчонка, вертевшаяся возле Тобо. Ее одевание казалось живым и даже восторженным после возвращения к хозяйке. Окутывающая ее черная ткань развевалась, и Шукрат напоминала Неизвестную Тень, решившую сделаться видимой. Ее голубые глаза блестели.

— Я и отец Тобо полетим с тобой так далеко, как только сможем, — сказал я ей, хотя она, похоже, в ободрении не нуждалась. Она понимала, что если полетит Мурген, то рядом окажется и Тай Дэй. А Тай Дэй не доверял ей ни на грош.

Впрочем, наши иногда странные личные отношения Шукрат не интересовали. И уж тем более она не

собиралась *обсуждать* их со старым хрычом вроде меня.

Шукрат забыла, что в тот день, когда она попала к нам руки, она тоже была облачена в ту же самую одежду. И была при этом не одна. Она забыла, что неуязвимых не бывает.

Чародеи всегда отличаются самоуверенностью. Особенно молодые.

Те, чья самоуверенность оправданна, остаются в живых и становятся старыми чародеями.

Следом за нами отправится взвод элитных бойцов — достаточно далеко, чтобы не уязвить гордость Шукрат, но достаточно близко, чтобы спасти ее пухленькую задницу, если уверенность юной чародейки окажется не совсем оправданной.

Уж ради Тобо я постараюсь, чтобы она хотя бы на день приблизилась к тому, чтобы стать старой чародейкой.

Мурген добыл пускатели огненных шаров для себя и Тай Дэя. Дядюшка Дой добыл сам себя вместе с Бледным Жезлом и пригласил себя поучаствовать в игре. Может, он и в несколько раз старше меня, зато до сих пор проворнее. Он и его ученики крались через искалеченный сражением лес настолько тихо, что я уже начал гадать, не оглох ли я ненароком. Мои старые кости заупрямились, и кончилось тем, что я очутился в арьергарде. Сегодня все тело упорно напоминало, что я был тяжело ранен, и не очень давно. Впрочем, оно это проделывало почти ежедневно.

Я так и не успел снять доспехи Жизнедава. Хотя их хсиенская копия вела себя потише изготовленного Душеловом металлического оригинала, я громыхал, как повозка с железным ломом.

Несмотря на совет Госпожи, я все же прихватил копье Одноглазого.

Летательный столб Шукрат дрейфовал следом за ней. На нем восседали мои вороны. Одна указывала направление, вторая вскоре отправилась передать праздничный привет в тыл.

Где-то в мире сегодня наверняка отмечали праздник. И судьба позволила мне разглядеть вдалеке Гоблина — явно в отключке, каким он обычно бывал в те дни — полжизни назад, когда вдрызг напивался, придумывая себе повод для праздника. Я перехватил черное копьё поудобнее.

Девушку я тоже заметил. Она уже ходила, но совсем как пьяный, который вот-вот вырубится. Мне вспомнилось, как давным-давно я вместе с братом по имени Ворон устроил по поручению Душелова засаду на чародейку Шепот. Ирония судьбы. Тогда эта безумная женщина была нашим нанимателем. А теперь работает на нас. Точнее, получит возможность работать на нас, если я сумею сохранить ей жизнь. А это может оказаться нелегко.

А теперь мне было больно видеть девушку и своего старого друга. Жаль, нет у меня оружия, которым я мог бы завершить все здесь и сейчас.

Копьё Одноглазого шевельнулось в руках.

Я указал на зловещую парочку Мургену и Тай Дэю и выдохнул:

— На обратном пути. Когда вынесем Тобо и Ревуна. — И показал на их бамбуковые шесты.

Мурген изобразил невозмутимость. Тай Дэю даже изображать не пришлось. Насколько я могу судить, лицо Тай Дэя не способно отображать эмоции. Дой кивнул. Дядюшка Дой и неприятная необходимость — старые приятели.

— Я сам это сделаю, если ты не сможешь, — сказал я Мургену. Иногда нужно уметь окружить сердце каменной стеной.

Приблизившись еще на несколько шагов, мы ощутили то эмоциональное явление, о котором доклады-

вали солдаты. Но девушка все еще не отошла от шока, поэтому мы смогли сохранить здравость рассудка. Мне пришлось лишь сосредоточиться, чтобы не раствориться в любви к Дщери Ночи.

Могу представить, насколько хуже обстояло дело, когда она полностью владела всеми своими магическими способностями.

До Тобо мы добрались без происшествий. Ревун лежал футах в десяти от него и каким-то чудом хранил молчание. Боги иногда играют в поразительные игры...

Я осмотрел Тобо, прежде чем позволил его трогать. Пульс оказался сильным и ровным, но все его тело покрывали порезы и ссадины, усугубленные множественными переломами костей. Да, парень надолго вышел из строя.

— Он был бы цел, если бы надел вот это, — прошептала Шукрат, показывая на свое одеяние. Кажется, оно защищало еще и от чар — как девушка и обещала, она совершенно не ощущала действия эманаций, выпускаемых Дщерью Ночи.

Зато всем остальным приходилось с ними бороться, и борьба эта становилась все труднее по мере того, как Бубу приходила в себя.

Мы уложили Тобо на грубые носилки и подвесили их к летательному столбу. Ревуна мы уложили прямо на столб и привязали. Он пострадал не очень сильно, просто никак не мог прийти в сознание. Лохмотья защитили его лучше всякой брони.

Но ему придется отыскать какой-нибудь переулок и порыться в выброшенном тряпье. Ему отчаянно требовался новый «костюм», потому что оставшиеся на нем тряпки не дотягивали даже до стандарта лохмотьев.

Я велел Тай Дэю и Мургену собрать как можно больше обрывков ковра-самолета, не привлекая к нам внимания таглиосцев. Вдруг они смогут что-нибудь

узнать, изучив эти лоскуты? Нам вовсе не хотелось, чтобы у Гоблина и Бубу появились блестящие идеи о повышении своей мобильности.

А Ревун выбрал как раз этот момент, чтобы очнуться, потянуться и поприветствовать мир добрым воплем. Я зажал бронированной перчаткой рот этой мелкой сволочи, но на секунду опоздал.

И вокруг нас стали собираться защитнички Бубу. Гоблин тоже очнулся и принялся озиаться, все еще ошарашенный. Некто, кому не терпелось закрыть Дщерь Ночи от опасностей своим телом, бросился к ней и врубился в Бубу с такой силой, что свалил ее с ног и оглушил едва ли не больше прежнего.

Чары «любви меня» заметно ослабели.

Материализовались шестеро таглиосских солдат. Первые двое мгновенно остановились, увидев меня и Шукрат. Идущие следом наткнулись на них, и вся компания повалилась.

Дой с юношеским проворством бросился вперед. Бледный Жезл засверкал в танце смерти.

Появились новые солдаты. Гораздо больше. Мурген и Тай Дэй опустошили принесенные с собой бамбуковые шесты, затем выхватили мечи и начали плести стальной гобелен вместе с Доем.

— Уходи. Немедленно, — сказала мне Шукрат. — Просто толкай рейтгестиден. И он полетит перед тобой. — Только по прямой, как я немедленно обнаружил, — если только несколько человек не навалятся на него как следует и не заставят двигаться по прямой, но уже в другом направлении.

Но сейчас мне никто не мог помочь. Родственники Тобо были заняты, превращая таглиосскую армию в мелко нашинкованный корм для ворон. А Шукрат играла в прятки с группой таглиосских лучников.

Когда их стрелы достигали ее, она словно на мгновение теряла очертания. Черная ткань окутывала ее непроницаемым облаком.

Внезапно Шукрат выбросила облако поблескивающих обсидиановых чешуек. Хотя ветер дул нам в лицо, облако направилось к таглиосцам, и через секунду вражеские солдаты уже отчаянно бранились, хлопая себя по всему телу и позабыв обо мне.

Превосходно.

Я видел, как Гоблин и Одноглазый устраивали друг другу похожие подлжки, обычно с пчелами или осаами. Как-то раз один из них напустил на другого армию муравьев. Почти всю жизнь немалая часть их изобретательности уходила на выдумывание новых способов досадить друг другу.

Как мне их теперь не хватает...

Те, кто вольно или невольно стал таглиосским защитником мессии Обманников, выбрали для этого неудачное время. Родственники Тобо пускали им кровь ручьями.

И тут проклятый Гоблин подпрыгнул, точно выскочивший из могилы изголодавшийся вампир, и приземлился среди своих солдат. Трое из четырех упали. Доя, Тай Дзя и Мургена расшвыряло, как тряпичных кукол. Казалось, их мечи не способны причинить ему хоть какой-то вред, а самые яростные удары словно натыкаются на пропитанный водой древесный ствол. И вреда наносят примерно столько же, сколько такому стволу.

Я вспомнил последние часы Одноглазого и бросился вперед, вытянув копье. Его наконечник уже начал светиться.

Лже-Гоблин успел увернуться, и я не смог насадить его на копье. Все же я нанес ему рану, которую пришлось бы зашивать, будь он настоящим Гоблином.

Его плоть оказалась тверже, чем старый копченый окорок.

На лице Гоблина отразилось сперва изумление, затем жуткая боль. Копье в моей руке вспыхивало и дымилось. Гоблин завизжал, и на мгновение я увидел полные муки глаза настоящего Гоблина.

Я принял более устойчивую позу и попытался нести ему смертельный удар.

Но не смог его даже коснуться. Он сбежал, охваченный ужасом перед моим оружием. А рана его выглядела так, точно в ней уже развилась гангрена.

На все эти события ушли считанные секунды. Солдаты, которых я попросил идти следом за нами, бросились на помощь. Все еще оглушенная, Бубу не смогла повлиять на их способность сражаться. И наши ребята стали вытаскивать нас из опасной зоны.

— Я могу ходить сам! — рявкнул я, хотя сил у меня почти не осталось. Я ухватился за летательный столб и принялся толкать его вперед.

Солдаты понесли Доя и Тай Дэя. Мурген обвил рукой плечо другого бойца, который сам ухитрился получить рану.

Сегодня был плохой день для семьи Кы.

Подбегали все новые наши солдаты.

Я налег на столб, стараясь не волноваться. Стычка за моей спиной становилась все ожесточеннее. К обоим противникам прибывали подкрепления. Удача менялась по мере того, как девушка обретала силы или слабела. Очевидно, излучение чар «любви» высасывало из нее силы.

— Ненавижу такие сражения, — сказал я Дреме, когда она пришла проведать уцелевших. К погибшим она упорно не хотела поворачиваться.

Ревун пришел в себя и уже расхаживал. Над Тобо трудилась целая команда. Мурген выживет. Ему нужно только время. Но время Тай Дэя и Доя кончилось. Солдаты живут.

Я продолжал делать все, что мог для Душелова, — в основном тогда, когда моя жена не видела.

— Можно потерять много людей, ничего при этом не добившись. — Я счел эти слова легким намеком.

— Они поняли, что не могут победить. И уже начали отходить на север. Пока мы не окружили их окончательно. — Никакого разочарования в ее голосе я не заметил. — Насколько плох Тобо?

— Меньше, чем его дядя и Дой.

— Костоправ...

— Извини. Мы вышли из игры. Возможно, надолго. Если у Тобо и осталась целая кость, то я ее найти не смог. — Я лишь слегка преувеличил. Парень сломал ногу, большой палец на ноге, руку в двух местах, получил сотрясение мозга и целый набор сломанных ребер. — Но, может, ты готова выступить против Могабы без Тобо?

— В меньшинстве против лучших войск противника во главе с их единственным умным командиром? — Она имела в виду генерала, против которого воевала во времена кьяулунских войн, но так ни разу не победила. Дрема посмотрела на Душелова. — В расчете на то, что Ревун выдаст все, на что способен? Думаю, нет.

— Тогда нам лучше отойти к Деджагору и устроиться там поудобнее. Или двинуться к Годже.

— Годжа, — мгновенно решила она. — Нам нужен контроль над этой переправой. И этим барьером.

— Могаба вряд ли выступит против нас немедленно. Сперва он захочет узнать точную обстановку, а уже потом примет решение. Черт, да он вообще может отказаться от выступления, если мы просветим его насчет Дщери Ночи.

Дрема согласилась.

— Если мы дадим ему знать, то он, возможно, отыщет шанс сделать что-либо полезное для всех нас. Проследи, чтобы он получил всю информацию.

И как я, интересно, это сделаю?

Я не стал спрашивать.

Я опустился на колени возле Душелова. Дыхание у нее стало прерывистым. Кажется, она еще больше ослабела.

— Как там Сари?

— Ничего с ней не случится. Она много лет жила с этой идеей. И знает, что никто не уйдет отсюда живым. Даже если у них нет тех серебряных значков. Я тебе сообщу, что она решит насчет похорон.

Я хмыкнул.

Дрема ушла, предупредив напоследок:

— Ты, главное, не дай ее сыну умереть. Иначе нас ждут неприятности.

74. Там же. Мастера побегов

В какой-то момент всей этой заварушки Ворошки решили сбежать. Но еще до побега они начали спорить о том, как это осуществить и кто из них потом станет главным. И они продолжали грызню, пока не потратили зря почти все время, когда мы занимались сперва Душеловом, а потом Бубу.

Они так ничего и не решили окончательно. После заката они удивили своих охранников слабеньким заклинанием дезориентации. Громовол убил нескольких солдат — в основном назло Магадану, который велел ему никого не трогать. Едва вырвавшись на свободу, Ворошки принялись искать свои леталки. Аркана и Магадан считали, что гораздо важнее отыскать их одежду. Без нее они были почти беспомощны. А Громовола они уже списали. Они достаточно хорошо успели узнать Черный Отряд и теперь хотели оказаться как можно дальше от ожидающей Громовола участи.

— Нам нужно прихватить и Ключ от их врат, — сказала Аркана Магадану. — Иначе мы не сможем выбраться из этого мира.

— Если подвернется шанс — да. Но сейчас для нас самое главное — отделаться от этого безумца. — Даже через несколько месяцев Магадан все еще не понимал, что происходит в этом мире. Он был для него слишком чужим. Ничто в нем не имело для него смысла.

Его собственный мир не знал настоящей войны с тех пор, как его предки пришли к власти.

В двух сотнях ярдов от них Громовол совершил какую-то глупость и выдал себя, пытаясь украсть летательный столб. Прозвучал сигнал тревоги. Через несколько минут лагерь затопила ярость. Обнаружили убитых охранников.

— Какой же он идиот! — выругалась Аркана. — Нам нужно немедленно сдаться какому-нибудь офицеру. А если побегим, то солдаты, которые нас поймут, никаких объяснений слушать не станут.

— Шукрат...

— Шукрат стала местной. Она решила, что никогда не сможет вернуться домой, поэтому лучше приспособиться к этому миру. Наверное, все дело в ее матери.

— Что?

— В ее матери. У Шукрат просто крыша поехала с тех пор, как Первый Отец выгнал ее мать ради Салтиревы. К тому же, она потеряла голову из-за Тобо.

— А он красавчик, верно?

— Магадан!.. Вообще-то да. Во всяком случае, внешность у него экзотическая.

— Я слышал, что в молодости его мать была одной из самых красивых женщин своего мира. Зато его отец вырос, питаясь только жидким супом. — Все это время Магадан постепенно удалялся от лагеря. Он не знал, куда идет, но сдаваться не собирался. Такой шанс, как сейчас, может уже не выпасть никогда.

— Быть может, Шукрат и права.

— В чем?

— А что, если она только прикидывается? И хочет лишь завоевать их доверие? Тогда в один прекрасный день она может сбежать, прихватив Ключ, и покинуть этот мир.

— Проклятье.

— Шукрат этого не сделает. Но мы могли бы воспользоваться ее стратегией. — У Шукрат ушло совсем

немного времени, чтобы получить обратно и свою леталку, и одежду. И она уже становилась важной частью Черного Отрада.

— Ну почему мы об этом не подумали? — пробормотал Магадан.

— Потому что мы почти такие же тупые, как Громовол, — ответила Аркана. — И слепы ко всему, что не так, как в нашем мире. Шукрат не очень-то умна. Но она поняла, что здесь не дом и этот мир никогда не станет домом. Я возвращаюсь. А ты поступай как хочешь. Я хочу, чтобы, когда крики стихнут, меня нашли на том же месте, где оставили. Я отказалась убежать. И во всем виноват идиот Громовол.

Но, дорогая ледяная принцесса, знаешь ли ты, что ты никогда не оставалась одна?

До Ворошков так и не дошло, что Неизвестные Тени всегда рядом с каждым из нас. И имей Тобо такое желание, он смог бы узнать о каждом подслушанном ими вздохе. Невидимый народец улавливал эмоции. Они научились понимать смысл сказанного даже намного быстрее нас — тех, кто пользовался для этого словами. И Ворошки больше не могли хранить секреты.

Иногда невезению нравится вступать в игру.

— Возвращайся, — сказал Магадан. — Будь приветливой. Флиртуй. Поступай так, как Шукрат. А когда раздобудешь Ключ, отыщи меня. Я отведу тебя домой.

— Вернись со мной.

— Не могу. Меня обвинят в том, что натворил Громовол.

Упомянутый дьявол появился внезапно, выбежав прямо на них. Свет костров падал на его искаженное ужасом лицо. Громовол ожидал, что распахнет дверь на свободу, но обнаружил, что это дверь в ад, а по другую ее сторону всем наплевать, кем он был в своем мире.

Выяснить никто и ничего не стал, и, когда солдаты успокоились, Магадан оказался убит, Громовол тяжело ранен, а Аркана несколько раз изнасилована. Она добавила к моим заботам сломанную ногу и несколько треснувших ребер. А я со временем узнал все подробности от ворон. Теперь, когда Тобо вышел из игры, они стали охотнее общаться со мной.

Солдаты, у которых убивают друзей, становятся жестокими. В Отряде без Госпожи и с женщиной-Капитаном ни о какой серьезной дисциплине речь даже не шла. Наказание было легким и коснулось в основном тех, кто насиловал Аркану. На такое сквозь пальцы смотреть было нельзя.

75. Таглинос. Дворец

Могаба еще не знал о катастрофе, постигшей Центральную армию, когда обнаружил в своей комнате двух женщин. Госпожу он узнал. А юную блондинку — нет. И предположил, что она тоже колдунья. Его желудок стиснул страх, пульс подскочил вдвое. Но внешне он своих эмоций не проявил.

Ему десятилетиями приходилось их скрывать от всяческих безумцев обоего пола. Безумцы канули в прошлое. А безумная женщина, если ему повезет, отправится следом за ними. И он поможет ей изо всех сил.

Он слегка поклонился:

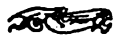
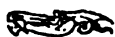
— Госпожа. Чем обязан столь неожиданной чести?

— Несчастьям. Разумеется.

Верховный главнокомандующий бросил взгляд на молодую женщину. Какая экзотическая красота. Таких женщин ему видеть еще не доводилось. Будучи светлокожей и блондинкой, она тем не менее ничем не походила на Лозана Лебеда. В ней ощущалось нечто чужое.

Она наверняка из тех мест, где Черный Отряд скрывался последние несколько лет.

— Уверен, что вы проделали такой путь не для того, чтобы стоять здесь с загадочным видом.

— Дщерь Ночи и существо в облике Гоблина каким-то образом сумели ошеломить Протектора. Девушка переделалась в одежду Душелова и изображает ее. Она погубила девяносто пять процентов твоей Центральной армии. И теперь направляется сюда. А мы не в состоянии ее преследовать. Мой муж решил, что тебе следует об этом знать. И просил напомнить, что Дщерь Ночи живет только для того, чтобы начать Год Черепов. А я добавлю: знай, что Кина реальна. Можешь сомневаться в реальности любого иного бога, но только не в Кине. Она там. Мы ее видели. И если она вырвется на свободу, то все наши дрязги не будут стоить и ломаного гроша.

Могаба не нуждался в напоминании, что Год Черепов станет бойней несравненно большего масштаба, чем любая из выбранных наугад жестокостей Душелова. Душелов означала всего лишь Хаос. А Кина означала Уничтожение.

— У нас имеется план нейтрализации Протектора. И он сработает не хуже против того, кто Протектором притворяется. Возможно, даже лучше. — Он не спросил, что стало с Душеловом. Ему хватило надежды на то, что эта фаза его жизни завершилась.

— У девушки нет тонко настроенного могущества Душелова, зато у нее хватает самобытного таланта. Она каким-то образом окружает себя аурой, заставляющей любого в радиусе ста футов любить ее и делать все, что ей хочется. Такое у нее проявлялось и прежде, но в меньшей степени, поэтому я опасаюсь, что такое умение станет возрастать по мере того, как она будет его исследовать и понимать.

— Это плохо. Очень плохо. В нее будет очень трудно попасть. А можно как-нибудь это преодолеть?

Судя по реакции блондинки, Могаба понял, что слова Госпожи: «Мы пока такого способа не знаем»

далеко не честны. Но на ее месте он тоже приберет бы что-нибудь про запас. А то, что у них есть, наверняка ненадежно. В противном случае они сами воспользовались бы этим способом.

— Спасибо за предупреждение, — поблагодарил верховный главнокомандующий. — Мы им воспользуемся. Хотите что-либо добавить? — В глубине души он надеялся на примирение. Хотя и знал, что надежда на него нереальна. Но каждый лелеет невозможные мечты: Даже боги стремятся к невозможному.

Могаба изложил факты так, как их услышал. И специально это подчеркнул.

— Мы не их друзья. Они лишь хотят, чтобы еще кто-то взял на себя часть трудов по уничтожению врагов, через которых им нужно пройти, чтобы добраться до нас.

— А как насчет правдивости их сообщения? — спросил Гопал Сингх. — Может, они лишь подталкивают нас к нападению на Протектора? И если им это удастся, а мы такую попытку совершим и потерпим неудачу, когда они станут следовать за Протектором по пятам, то они окажутся у городских ворот как раз в тот момент, когда Таглиос рухнет в хаос.

— Ведь это мы обратились к *ним*, Гопал, — простонал Аридата. — Вспомни, ведь именно мы послали через половину империи весть о том, что хотим попробовать избавиться от Протектора. И помнишь, как помогли им захватить Деджагор в качестве знака нашей доброй воли?

— Обстоятельства изменились.

— Гопал, — вмешался Могаба, — я немало над этим размышлял. Думаю, они сказали нам правду. Протектор выбыла из игры. Возможно, лишь на очень краткое время. Да, почти наверняка. Она и прежде возвращалась совершенно неожиданно. Но

мои чувства, разумеется, задевает то, что эти люди не считают нас серьезными противниками в борьбе более крупного масштаба.

— Что вполне обосновано, если подумать об этом бесстрастно, — пробурчал Аридата.

— И уверен ли ты также, что Центральная армия уничтожена? — усомнился Гопал. Даже военная верхушка еще не до конца усвоила новости о потере Деджагора и Южной армии, которая цеплялась за городскую юбку. А многие до сих пор ждали новостей о том, как отреагировал Деджагор на смену власти.

И суть этой реакции будет иметь последствия по всей таглиосской империи.

Будет ли праздноваться возвращение королевских персон? Или отвергнуто? Реакция Деджагора наверняка станет образцом для всех остальных городов, попадающих под власть Отряда.

— Уверен, — ответил Могаба. — Зато я меньше уверен в положении самих агрессоров после сражения. У меня возникло четкое впечатление, что разгром Центральной армии не был для них ни легким, ни дешевым.

— Нам нужна разведка лучше, чем сейчас, — сказал Аридата.

Могаба секунду помедлил с ответом, подавляя сарказм, затем признался:

— Я готов выслушать идеи. Любые идеи.

Немедленное вдохновение никого не озарило.

— Мы всегда способны на поступок, достойный легенд, — заметил Аридата. — Например, проклясть себя, взяв в союзники того, кто хуже врага. Того, кто сожрет нас, завершив то, ради чего мы заключали с ним союз.

Могаба и Гопал оценили усилия Аридаты, но не воздали должное его шутке.

— Это намек. Или притча. Или еще что-то, — пояснил Аридата. — Наподобие всех этих мифов о Кине. Повелители Света то ли создали ее, то ли призвали

на помощь во время войны с демонами равнины. И, может быть, для всех стало бы лучше, если бы ракшасы победили.

Чувство юмора у Могабы имелось. Он просто не прихватил его сегодня с собой.

— Полагаю, чтобы об этом судить, надо было там находиться. В любом случае, нам на помощь призвать некого. Мы предоставлены сами себе. Поэтому нам требуются предложения. Предложения практичные будут приветствоваться особо. — Судя по его словам, часть своего чувства юмора он все же прихватил.

— Мы можем лишь послать еще больше шпионов и основать новые курьерские станции, чтобы донесения шпионов попадали к нам быстрее, — предложил Аридата.

— А у нас всего один батальон курьеров. — С полминуты Могаба сидел молча. Потом спросил: — Какая у нас поддержка среди духовенства и горожан? У них было время поразмыслить насчет возвращения королевских персон. Они планируют дезертировать от нас?

— Мы — дьявол им знакомый, — ответил Гопал. — Протектор стала для них благодетелем. И лишь считанные из них могут надеяться на выгоду для себя, если нас вышвырнут. Мы упорно поработали над устранением друзей Радиши, когда уже не смогли скрывать факт того, что она исчезла, а не просто уединилась где-то и жалеет себя.

— Так давайте воспользуемся такой же стратегией, — предложил Могаба. — Заставим всех поверить, что мы не потеряли Протектора. Аридата! Ты, кажется, отвлекся.

— Я все думаю о девушке. О Дщери Ночи.

— И?..

— Я видел ее однажды. Пять лет назад. В ней есть нечто такое... Хочется повалить ее на спину. И одновременно хочется ей поклоняться. Возникает желание

делать что угодно, лишь бы доставить ей удовольствие. А когда отходишь на достаточное расстояние и понимаешь, что произошло, становится страшно.

— В этом она уже стала взрослой. — Могаба пересказал то, что поведала Госпожа о событиях на юге. — Из-за этой девушки уже погибли сотни человек. И нам нужно придумать способ убить ее издалека. Изобрести какое-нибудь механическое устройство.

— У меня вопрос, — сказал Гопал.

— Спрашивай.

— Что это за штуковину ты вертишь в руках? Ты ею играешь с тех пор, как я вошел.

— А-а, эта... Раковина какой-то улитки. Они во дворце повсюду валяются. Никто не знает, откуда они берутся, потому что никто не видел там ни единой ползающей улитки. А когда перекатываешь раковину между пальцами, это успокаивает.

Оба Сингха уставились на Могабу так, словно подумали, что его поведение весьма даже странно.

— Кстати, о Дщери Ночи, — заговорил наконец Гопал. — Можно обсудить вариант с ядом. В Чор Багане, на воровском рынке, есть талантливые отравители.

Годы изменили Могабу. Он отверг предложение, недостойное человека чести... но не сразу.

76. Тагтносские территории. Очередная легенда о происхождении

— А как насчет метательного оружия, которое можно пустить в ход из-за пределов ее влияния? — предложил я. — Дьявол меня побери, да ведь если поднять леталки или ковры достаточно высоко, то мы сможем просто забрасывать ее камнями, пока не пришибем. — Тут я проявил чрезмерный пока оптимизм. После того, как Бубу сбила Ревуна и Тобо, у нас не осталось ни единого ковра. У нас имелись лишь рамы и куски ткани для полудюжины ковров, которые Ре-

вун мастерил в перерывах между остальными своими делами.

Госпожа метнула в меня настолько раскаленный взгляд, что я уже начал гадать, скоро ли начну плавиться.

Убийство Бубу не входило в ее список допустимых действий. Тут ее эмоции включались гораздо сильнее моих, хотя проблема девушки мучила и меня.

Но с одним отличием: меня больше связывала сама идея ребенка, чем конкретной дочери.

А Госпожа *хотела* обманывать себя, веря, что Бубу можно будет каким-то образом переделать.

— Вы теряете время, — сказал Прабриндрах Драха. Разгром Центральной армии Душелова его воодушевил. И он внезапно поверил, что для его возвращения на трон достаточно лишь прийти маршем в Таглиос и крикнуть: «Я вернулся!» Он охотно кинулся в объятия самообмана.

И не только он.

Мурген присоединился к нам, когда князь начал спорить с Дремой из-за ее планов — такие ситуации гарантированно не длятся долго. Дрема еще даст ему понять, кто командует парадом. Мурген объявил:

— Я только что дочитал очень долгое послание от Баладитая. Он жив, здоров и наслаждается каждой минутой своей новой жизни, за что передает Дреме большое спасибо. Причем передает несколько раз.

— А с чего это старый хрыч начал слать тебе письма? — удивился я.

— Он писал не мне. Мы с ним не знакомы. Послание предназначалось Тобо.

Дрема, которая уже с трудом сдерживалась, потому что совещание пошло совершенно не так, как ей хотелось, пробурчала:

— И ты наверняка поделишься каждой восхитительной подробностью этого письма еще и с нами, хотя нам нужно совсем другое — хорошенько выспаться.

— Ну, раз ты настаиваешь... — ухмыльнулся Мурген. Он сейчас числился выздоравливающим, не имел постоянной работы в Отряде и поэтому мог заниматься чем угодно. — Он пишет в основном о пленниках, которых Шевитья держит у себя. Первом Отце и папаше Громовола. А пленниками он их сделал в основном, чтобы защитить от Теней. Которых теперь почти не осталось. Они с Ворошками практически уничтожили друг друга. Мне очень жаль. — Он сочувственно пожал плечо Шукрат. Этот жест ни от кого не ускользнул. Мургену пришлось по душе подружка Тобо — если она и в самом деле была его подружкой.

Интересно, зачем он притащил Шукрат на штабное совещание?

Сари, разумеется, тут же ошетичилась не хуже дикобраза. На двести миль вокруг достойных девушек нюень бао не имелось, а сама она вышла за иноплеменника Мургена по любви, но какое это теперь имеет значение?

Нынче Сари научилась сдерживаться. На людях. Если поблизости находился Мурген, который мог ее успокоить и напомнить, что Тобо уже не четыре годика. Но сейчас она испытывала огромный дополнительный стресс, ведь все члены ее семьи или погибли, или оказались ранены. Она все еще не смогла прийти в себя настолько, чтобы заняться похоронами своего брата и дядюшки Доя.

Мурген успокоил ее и сейчас — всего лишь легким прикосновением.

— У тебя есть что-то конкретное? — спросила Дрема. — Или я уже могу вернуться к работе и дальше думать над тем, как нам добиться своих целей на подходящих нам условиях?

Лебедь пробормотал нечто о девочке, которой для расслабления нужно принять хорошую порцию мужской ласки. Дрема оскалилась.

— А я что, вызвался добровольцем? — пробурчал Лебедь. — Вроде нет. И недавно тоже. Так что нечего на меня рычать.

— Ребята, — торопливо заговорил Мурген, — Шевитья поведал очередную версию происхождения Кины. Он ее услышал от одного из Ворошков. Очевидно, они не прочь поговорить об истории, когда им скучно. По этой версии муж Кины усыпил ее. Когда она никак не желала уgomониться, выиграв для богов войну с демонами равнины и высосав при этом кровь из всех демонов. Эта Кина имела не четыре руки, а десять. А ее муж, известный в мире Ворошков под именем Чеви, имел четыре руки и весьма напоминал ту Кину, какую мы знаем. Иногда его называли еще и Уничтожителем. Но его иногда можно было ублажить и упротить смилостивиться, а Кину — нет.

Слушатели взволнованно зашептались. В некоторых мифах Хади, одна из более мягких гуннитских разновидностей Кины, имела мужа Биму, и одним из его многочисленных имен тоже было Уничтожитель.

У всех гуннитских богов куча имен. Из-за этого незнакомцу с ними трудно разобраться, потому что вместе со сменой имени меняются и атрибуты бога. Особенно запутывает, когда две разновидности одного и того же бога начинают друг с другом состязание по пинкам под зад.

— И какое отношение этот Чеви имеет к происхождению Кины? — поинтересовалась Дрема.

— О, именно он и устраивал ей всяческие гадости. Например, рубил на кусочки и разбрасывал их где попало. Но она тоже его убила. А потом оживила.

— Мурген. Я уже подумываю над тем, чтобы послать тебя к таглиосцам — пусть они над тобой еще немного поработают.

— Ладно-ладно. У Чеви имелось якобы несколько жен. Но на самом деле только одна — Камундамари. А у нее, естественно, было несколько имен. И очень

темная кожа. Другие боги насмехались над ней и называли Чернушкой.

Интересно. Слова «хади» и «кина» в некоторых таглиосских наречиях означают «черный», хотя общее и обычно употребляемое слово — «сиам».

— Когда сам Чеви начал ее дразнить, — продолжал Мурген, — она впала в ярость, содрала с себя кожу и превратилась в Гоури, то есть в «Молочно-белую». А содранная кожа наполнилась высосанной из демонов кровью и стала сперва Каликаустики, а затем Хатхи, что означает «Черная».

— Кина — это оболочка! — воскликнул Суврин, напугав всех. «Оболочки» или «ходячая кожа» представляли собой демонический ужас, малоизвестный за пределами родины Суврина. Оболочки убивали человека, высасывали его плоть и кости, надевали его кожу и крали его жизнь. Подробности тут весьма мерзкие. Мифы о «ходячих кожах» всегда поражали меня как способ, с помощью которого невежественные люди пытаются объяснить резкие и радикальные изменения личности, вызванные, как я полагаю, болезнями, суть которых люди плохо понимают. Или, возможно, просто возрастными изменениями.

Возглас Суврина напугал и Мургена. Я тоже решил, что он перегибает палку.

— Она «оболочка» не в том смысле, в каком ты это понимаешь, — сказал Мурген.

Интересно, а как Суврин мог понимать это иначе?

Концепция монстра, способного похитить подобным способом чью-то личность, особенно гротескна. Мне довелось увидеть немало странного и даже уродливого. Призрачные друзья Тобо — лишь последние в этом списке. Но оболочки — единственный ужас, который кажется слишком кошмарным, чтобы быть правдой.

Подобно самим богам, надежных свидетелей их существования не имелось. Сегодня мы говорим о древ-

них мифах. И Суврин сослался на один из наиболее непонятных.

— Ты уж поверь, Суврин, — сказал я, — если бы «оболочки» существовали реально, то можешь не сомневаться, что Хозяева Теней их отыскивали бы и использовали. Представляешь, какое из них получилось бы оружие, а?

— Пожалуй, — неохотно признал Суврин.

— Все это замечательно, — буркнула Дрема. — Но время для страшных сказочек кончилось, ребята. А теперь пусть Мурген договорит. Он ведь когда-нибудь договорит? Потому что я хочу вернуться к тому, ради чего мы сегодня собрались. — Она погрозила пальцем. — И попробуй только выдать новую идиотскую шуточку, Лебедь.

Лебедь поморщился. Его оружие уже было готово выстрелить, а мишени не оказалось. Потом он ухмыльнулся. Время еще настанет.

— Итак, Мурген?..

— Я уже почти закончил. По словам Баладитая, почти все основные идеи обеих мифологий согласуются. Однако в них ей приписывается больше черт богини смерти. Например, всегда упоминается, что она живет на кладбище.

— Но ведь она и здесь живет на кладбище? — спросил я. — Когда Дрема, Госпожа и особенно ты описывали свои ночные кошмары, то помните, как вы говорили о месте со множеством костей? Это могло быть гуннитское кладбище.

Гунниты сжигают своих покойников, очищая их перед тем, как их души выстроятся в очередь за новым предназначением в следующей жизни. Но жара огня никогда не хватает, чтобы поглотить самые крупные кости. Если погребальная площадка расположена возле крупной реки, то останки обычно сбрасывают в воду. Но множество их расположено вдали от крупных рек. А бывает, и там, где не хватает дров. И

некоторые семьи не могут накопить достаточно денег, чтобы купить дрова, даже когда они есть.

И растут холмы из костей.

Такие места редко посещает кто-либо, кроме жрецов. Эти люди в желтых одеяниях поклоняются Маджаяме, но постоянно ходят настороже, потому что Кина и ее шайка демонов живут, как многие полагают, как раз под горами костей. Пусть даже Кина, как всем известно, прикована цепями под Сияющей равниной до наступления Года Черепов.

— Сейчас у меня много времени для размышлений, — сказал я. — И одна из тем, занимавших мои мысли, — почему существует так много различающихся мифов о Кине. И я, кажется, понял причину.

Мое эго раздувалось от тщеславия. Даже Дрема заинтересовалась — несмотря на свой характер. Моя жена — возможно, менее очарованная, велела: «Так говори», — причем ее тон подразумевал, что ей прекрасно известно, что меня уже не остановить.

— В те дни Отряд был на службе у...

— Костоправ!

— Извиняюсь. Просто хотел проверить, слушаете ли вы. К разгадке меня подтолкнул тот факт, что единой гуннитской доктрины не существует. Да и особой иерархии среди гуннитских жрецов тоже, только местная. Нет центрального арбитра, разделяющего приемлемые и неприемлемые догмы. Кина не одинока в том, что является субъектом сотен конфликтующих мифов. Таких богов целый пантеон. Выберите любого. Путешествуя от деревни к деревне, вы увидите, что он носит различные имена, участвует в различных мифах, его путают с другими богами и так далее. А мы видим разницу, потому что мы путешественники. Но ведь до самых войн Хозяев Теней почти никто в этих краях не путешествовал. Поколение за поколением, столетие за столетием люди рождались, жили и умирали на одних и тех же нескольких квадратных милях. По

стране перемещались лишь немногочисленные торговцы украшениями и шайки душил. А они идеи не переносят. Поэтому каждый миф постепенно мутировал в соответствии с местными особенностями и предрассудками. А сейчас сперва Хозяева Теней, а следом и мы очутились в центре всего этого...

Мы? Я быстро огляделся и увидел лишь троих, кто вырос не на этом конце света. На мгновение я ощутил себя древним ископаемым, которому здесь нет места, и вспомнил старинное стихотворение, где говорилось примерно так: «Солдаты живут. И гадают, почему». В том смысле, почему именно я из всех тех, кто маршировал с Отрядом в годы моей молодости, все еще жив и трепыхаюсь? Ведь я заслуживал этого ничуть не больше, чем любой из них. А может, и меньше.

Когда размышляешь об этом, всегда испытываешь вину. И слегка радуешься, что не повезло кому-то другому, а не тебе.

— Вот в чем суть. Мы путешественники. Вот почему нам все кажется чужим и противоречивым. Откуда бы мы ни были родом, здесь мы почти все чужаки. Даже если принадлежим к религиозному большинству. — Я огляделся: судя по всему, и гуннитов среди моих слушателей почти нет. — Короче, это я и хотел сказать.

— Вот и хорошо, — подхватила Дрема. — А теперь вернемся к практическим проблемам. Что будем делать с Дщерью Ночи и этим лже-Гоблином?

— А ведь он фактически и есть «оболочка», — заметил Суврин. — Кина надела его на себя, как одежду. — Суврин сегодня явно мог думать только об этом.

— Дщерь Ночи! — рявкнула Дрема. — Я хочу говорить о Дщери Ночи! А не о Кине. Не об «оболочках». Не о старых колдунах-Ворошках, не о старых библиотекарях или еще о чем угодно. И еще, Госпожа... Если ты действительно не хочешь, чтобы девушку убили, тогда придумай, как ее обезвредить. И пусть

твоя идея окажется более удачной, чем идея об ее устранении. Потому что только ты из всех нас позволяешь чувствам влиять на решения.

77. Возле Годжи. Поиски укрытия

Гоблин и девушка ехали верхом, хотя их лошади оставались пугливыми, а лошади Гоблина даже пришлось надеть шоры, чтобы она не могла видеть своего седока. Никому из животных не позволяли оглядываться. У Гоблина самого на голове была повязка, прикрывающая его поврежденные, но уже заживающие глаза.

Горстка солдат, бежавшая вместе с ними с поля боя, быстро растаяла. Притянутые чарами «любимая», они сперва держались следом, но рано или поздно каждый из них оказывался вне пределов действия чар и немедленно исчезал.

Поэтому лишь двое отмеченных печатью Кины пересекли мост в Годже. Они выехали на северный берег как раз тогда, когда рассвет начал окрашивать небо на востоке. То было всего лишь следующее утро после разгрома Центральной армии таглиосцев. Парочка загнала насмерть несколько почтовых лошадей, но так и не смогла опередить молву о катастрофе, постигшей таглиосскую армию.

— Наши враги здесь уже побывали, — сказал лже-Гоблин. Он хотел, чтобы она называла его Хадидас, то есть «Раб Хади». Но девушка попросту отказалась. — Этих людей предупредили и запугали, но они не поднимут на тебя руку, потому что думают, что ты — это не ты. — А не из-за того, кто она есть.

Дщерь Ночи изображала Протектора, демонстрируя сочетание высокомерия и мелочности, совершенно не присущее ее тете, но командиры гарнизонов находили ее достаточно убедительной. При этом она каждую секунду страдала — ведь ей было ясно, что эти неверующие никогда не станут служить Матери

Ночи. И знала, что они попытаются ее убить, если разоблачат. Этот мир заслуживал Года Черепов.

Излучаемая девушкой аура помогала им выпутаться из кратких конфликтов.

— Я безумно устала, — простила она. — Я не привыкла ездить верхом.

— Мы не можем здесь задерживаться.

— А я не могу ехать дальше.

— Ты будешь ехать. Пока не окажешься в безопасном месте. — Голос Хадидаса не оставлял сомнений в том, кто из них двоих командует. — Есть святое место, до него еще несколько лиг пути. Мы отправимся туда.

— Роковой перелесок. — В голосе девушки не слышалось энтузиазма. — Я туда не хочу. Мне там не нравится.

— Там мы будем сильнее.

— И там же они станут искать нас в первую очередь. Если нас там уже не поджидают солдаты. — Она знала, что такое маловероятно. Эти люди еще не были готовы объявить своим солдатам, что женщина в черной коже — уже не Протектор. Зато у них имелась способность быстро передвигать фигуры по игровому полю. И в любой момент нарушить планы богини.

— Они уже знают, что мы собираемся сделать, — сказала она. — Потому что мы только что об этом говорили.

— Мы поедem в перелесок. Я стану там гораздо сильнее. — О спорах не могло быть и речи.

Преданность Дщери Ночи своей духовной матери не ослабела и сейчас, но ей не нравилось это существо, несущее в себе частицу Кины. Ей было трудно признаться даже самой себе, но ей не хватало Нарайана. Потому что он ее любил. И она по-своему тоже любила его настолько, что теперь ее жизнь превратилась в тропу одиночества, ведущую... куда? Похоже, этой новой руке богини знакомо только одно чувство — гнев. И еще он категорически отказывался проявлять

к ней хоть какую-то снисходительность и даже признать ее чисто человеческие слабости.

Она была орудием. И то, что она при этом была еще и живым существом, со своими желаниями и чувствами, стало для него лишь помехой, неудобством и поводом для раздражения. И она уже слышала строгие требования о том, что ей следует избавляться от этих отвратительных качеств. Или она пожалеет.

— Нам нужно место, где мы будем в безопасности, а наша сила возрастет, потому что нам нужно очень многое сделать, прежде чем мы начнем ритуал воскрешения, — сказал Гоблин. Девушка поняла, что он имеет в виду начало Года Черепов.

И обратилась в слух, несмотря на сильное желание воспротивиться его решению. Похоже, Хадидас наконец-то решил поделиться действительно важной информацией. До сих пор этот одержимый коротышка лишь демонстрировал свои честные намерения, но потом принялся ей указывать. Они были вместе всего несколько дней, но все это время почти не общались.

— Но как мы сможем начать Год Черепов? Наш культ уничтожен. Сомневаюсь, что во всем мире наберется хотя бы сотня верящих в нас.

— Помощников для свершения священной задачи у нас хватит. Нарайян Сингх хорошо поработал в последние годы. Но, прежде чем их собирать, нам нужно восстановить Книги мертвых.

Дщери Ночи пришлось сообщить жестокую правду, которой ее терзали все время, пока она была пленницей Черного Отряда:

— Книги мертвых больше не существуют. Женщина, которая командует нашими самыми заклятыми врагами, сожгла их лично. Даже клочка не уцелело. А монстр, обитающий на Сияющей равнине и не дающий моей матери восстать, сделал так, что даже их пепел оказался рассеян по мирам, соприкасающимся с равниной.

— Это так. — Хадидас зловеще ухмыльнулся. — Но книги — это знание. А знание, содержавшееся в Книгах мертвых, не утрачено. Оно заключается и в самой богине. И то, что хранилось в ней и что следовало передать в этот мир, она поместила в меня, прежде чем послала меня сюда.

— Ты знаешь Книги мертвых наизусть?

— Да. Поэтому нам и нужно отыскать безопасное место. Скрижали бесполезны, пока заперты внутри меня. Они должны быть записаны, дабы обрести полную силу. А Книги нужны, чтобы жрецы смогли непрерывно напевать гимны во время воскрешения. Поехали. Нам нужно двигаться быстрее.

И Дщерь Ночи поторопила лошадь, ненадолго забыв об усталости после только что услышанной поразительной новости.

Священные книги не утрачены!

И она устыдилась, что ее вера пусть чуть-чуть, но пошатнулась.

78. Посередине. Скверная новость

Люди начали суетиться, словно их вот-вот охватит паника. Мне эти признаки знакомы. Пришли новости, и эти новости плохие. И я предположил, что кавалерийский отряд, посланный прощупать оборону Годжи, потерпел серьезную неудачу.

Я направился к палатке Дремы, не дожидаясь, пока меня вызовут. К тому времени, когда я в нее вошел, я уже успел услышать полдюжины слухов, и все отнюдь не ободряющие.

Порождение слухов есть единственное дело, с которым даже самая необученная армия справляется превосходно.

Дрема уже совещалась с Суврином, Ранмастом, Рекоходом и несколькими бригадными командирами родом из Хсиена. Тобо тоже находился в палатке, но плохо соображал, напичканный болеутоляющими. Ревун и

Шукрат отсутствовали. У Тобо был слегка раздраженный вид, и я предположил, что скверную новость сообщил именно он, но у него не хватило сил добавить что-либо, кроме самой новости.

Я уже махнул на него рукой. Если ему нравится носиться на леталке и заниматься делами, не обращая внимания на свои повязки и переломы, то я его за это больше шпынять не собираюсь. Пусть этим занимается его получокнутая мамочка.

Дрема взглянула на меня и на секунду не сумела сдержать крайнее раздражение. Оно тут же сменилось покорностью, когда следом за мной вошли остальные бывшие Капитаны Отряда. Даже Лозан Лебедь сам себя пригласил.

Дрема вообще оказалась в уникальной ситуации. Никакой другой Капитан в истории Отряда не имел такой свиты бывших Капитанов, заглядывающих ему через плечо. И хотя никто из нас не вмешивался и даже не предлагал непрошенных советов, Дреме постоянно казалось, будто ее постоянно оценивают перед всеми нами — достойна ли она быть Капитаном. И мы ее, разумеется, оцениваем, хотя, как добропорядочные старые дамы, делаем это лишь у нее за спиной.

— Поскольку все, кроме кашеваров и конюхов, уже собрались, полагаю, я могу начать... Нет, здесь Тобо. И он расскажет лучше меня. — Она все свалила на парня, едва ее взгляд упал на него. Вот ведь зараза...

Глаза Тобо сфокусировались. Он закрыл их, сделал глубокий вдох и заговорил:

— Тени выслеживали Гоблина и Бубу, насколько это было в их силах, потому что это тяжело, даже когда мы знаем, по какой дороге им придется идти. — Сейчас он представлял весьма жалкое зрелище — привязанный к летательному шесту Ворошков и так перемотанный повязками и шинами, что мог пользоваться лишь одной рукой. — Они передвигаются внутри своеобразного облака тумана из... как бы это лучше ска-

зять... божественного мрака и обмана. Однако, зная их маршрут, я смог отправить Черных Гончих засеять их путь раковинами улиток... и мне повезло. Кое-кто из невидимого народца подслушал спор между Гоблином и девушкой. — Его негромкая речь лилась быстрым потоком, и слушатели невольно подались вперед, храня тишину.

Тобо сделал паузу. При обычных обстоятельствах я заподозрил бы, что для эффекта. Парень любил спектакли. И теперь сделал мрачное объявление:

— Тварь внутри Гоблина знает Книги мертвых наизусть. И как только Дщерь Ночи запишет их на бумаге, они плашируют начать ритуал начала Года Черепов.

Лиса в курятнике! Проклятье!

Несколько минут Дреме пришлось успокаивать аудиторию. Тобо воспользовался передышкой, чтобы отдохнуть. Когда относительное спокойствие установилось, он добавил:

— Все не так плохо, как кажется. Запомните — их всего двое. Если мы убьем хотя бы одного, оживление не состоится. До конца нашего столетия и дальше. И я, как и любой, кто работал с Анналами, могу подтвердить, что написание книги отнимает очень много времени. Даже если ее просто копировать. А я видел Книги мертвых перед тем, как Дрема их уничтожила. Они были огромными. И Дщери Ночи необходимо переписать их без ошибок. Поэтому немедленная катастрофа нам не грозит, хотя мы столкнулись с проблемой, которую никогда не предвидели.

— Если кто-то из твоих приятелей смог подобрать ся настолько близко, чтобы все это услышать, — вмешался я, — тогда ты наверняка знаешь, где они. И мы можем устроить им засаду. — Госпожа и Ревун уже наверняка копались на затянутых паутиной чердаках своей памяти, пытаясь вспомнить некую древнюю уловку, с помощью которой Гоблина и девушку можно

будет отвлечь, дезориентировать, ошеломить и уничтожить. Или просто обезоружить — как в случае с моей ненаглядной. Будучи реалистом и прагматиком, она тем не менее тешит себя слепыми иллюзиями, что заблудшую доченьку можно вернуть к мамочке. Хотя она, разумеется, никогда этого не признает.

— Ладно, мастер стратег и архитектор уничтожения зла Хозяев Теней, скажи-ка мне, как ты устроишь засаду на того, в кого влюбишься раньше, чем она подойдет на расстояние арбалетного выстрела? — поинтересовался Тобо.

— А парень прав, — подтвердила Госпожа, выжидательно поглядывая на меня.

— Но ведь твой шпион в улиточной раковине в нее не влюбился, верно? Он просто сидел там и подслушивал, пока не решил, что пора мчаться к тебе с новостями.

— И?..

— Значит, на Нсизвестных Теней чары Дщери Ночи не действуют. Или нет?

— Они не могут причинить ей сильного физического вреда.

— Кто? Скрипун не может? Черный Панцирь? Эта огромная прыгающая утка? Ты что, издеваешься?

— Нет, честно.

— Так им ведь это и не нужно. Главное для них — изматывать ее. Не давать ей спать. Сводить ее с ума. Подталкивать под локоть, когда попытается писать. Короче, оправдывать дурную репутацию, заработанную в Хсиене. Пусть они мочатся ей в чернильницу. Прячут перья для письма. Заливают написанное всякой дрянью. Делают так, чтобы еда у нее протухла, а молоко прокисло.

— И не дают ее мужу исполнить супружеские обязанности в брачную ночь, — рывкнула Дрема. — Ты забрался слишком далеко в будущее, Костоправ. И, возможно, выбрал не ту мишень. Ведь это у твари Гобли-

на хранятся Книги мертвых в его уродливой тычке на плечах. Возможно, он сумеет обойтись и без Дщери Ночи. Зато я уверена, что она без него обойтись не сможет.

Довод, достойный размышления.

— И он, и она есть лишь эфемерные орудия, — объявила вдруг Сари бесцветным пророческим голосом. — И он, и она могут быть заменены. Со временем. До тех пор, пока Кина не перестанет повторять такие попытки, исходящая с равнины угроза останется.

Все сразу посерьезнели.

И усталились на мать Тобо, включая самого раненого парня. В поведении Сари было нечто зловещее, словно кто-то овладел ею и говорил ее устами.

Мурген позднее сказал, что она выглядела и говорила в точности как ее бабушка Хонь Тэй, когда она десятилетия назад произносила свои пророчества.

Сари до смерти перепугала и Мургена, и Тобо. И они дружно принялись ее уверять, что тревога Дремы о Гоблине и Дщери Ночи еще не достигла критической точки.

79. Таглиосские территории. В движении

Дрема подтвердила свое решение двигаться на север. Мы побрели следом, оставив раненых выздоравливать. У Годжи мы не встретили прямого сопротивления, хотя верные Протектору войска повредили главный пролет большого моста через Майн. С его ремонтом наши инженеры провозились более недели. И всю эту неделю Прабриндрах Драха и его сестра выступали в Годже перед жителями и солдатами. Им удалось завоевать сердца и преданность большинства.

Князь оказался весьма хорош в общении с людьми, когда мы предоставили ему полную свободу. Он агитировал за свое восстановление на престоле со страстью проповедника. И обрел особо благосклонных сторонников среди пожилых людей, тоскующих по

спокойному постоянству, отличавшему мир их молодости — до прихода Хозяев Теней и Чёрного Отряда.

За исключением небольшого памятного пастбища, где битва была наиболее кровавой, поле сражения на северном берегу, где Отряд одержал знаменательную победу, за прошедшие годы полностью застроили. Тогда там располагались деревушка и сторожевая башня на южном берегу рядом с бродом, которым можно было воспользоваться лишь половину года. Теперь же Годже грозило превратиться в город. Мост, строительство которого началось по моему совету, оказался ценностью как для военных, так и для торговцев. И теперь на обоих берегах стояли сильные форты и располагались крупные рынки.

Девушке и лже-Гоблину предстояло как следует постараться, чтобы помешать нам переправиться.

Мы разбили лагерь в двенадцати милях севернее моста, в дикой местности, еще не видевшей крестьян. Сомневаюсь, что земля здесь годилась на нечто большее, чем для выпаса скота. А это означало, что для вегетарианцев она совершенно бесполезна. Но даже если бы земля здесь была получше, я очень сомневаюсь, что сюда перебралось бы много крестьян. Слишком уж близко отсюда находилось священное место Обманников — Роковой перелесок.

Мы оставили князя и его сестру в Годже с большим количеством рекрутов из местных. Дрема решила, что им пора вкусить независимости. Она была уверена, что они не станут снова плести заговоры против Отряда. Их достаточно часто приглашали на наши военные советы, и они знали, что тайный народец Тобо всегда будет где-то рядом с ними.

Через десять часов после того, как был разбит лагерь, посреди ночи, Дрема передумала. Ей захотелось подойти поближе к Таглиосу и расположиться между городом и Роковым перелеском.

Когда Рекоход принес эту новость, я не спал — писал при свете лампы и приглядывал за нашими ранеными. Некоторые из них плохо переносили путешествие. Меня особенно волновала Душелов.

Изменение планов вывело меня из себя гораздо меньше, чем Госпожу — она крепко спала, и ей пришлось протосыпаться. Слыша, как она огрызалась и сыпала угрозами, я забеспокоился: уж не начала ли она вновь видеть во сне кошмары?

— Я сматываюсь. Мне нужна фора, — прошептал Рекоход.

— Беги, парень, беги. Чем быстрее смоешься, тем целее будешь.

Госпожа наградила меня таким взглядом, что я подумал: может, крикнуть ему, чтобы подождал?

Новый лагерь мы разбили неподалеку от рощи, которая, как я узнал, окружала и скрывала разрастающееся тенеземское кладбище, появившееся после первого вторжения Хозяев Теней на таглиосские территории. Еще до появления Отряда. Почти никто ничего толком не знал об этих войнах. Даже я, хотя мы воевали в тех краях. Из всех наших лишь Суврин проявил хоть какой-то интерес: он полагал, что на том кладбище у него могут оказаться один-два родственника.

Ему не раз представится возможность поискать их могилы. До тех пор, пока Тобо и другие наши раненые не поправятся, Дрема собиралась оставаться на месте, набирать и обучать новых рекрутов и разведывать опушку Рокового перелеска. Но проблема состояла в том, что время не пощадило очень многие могильные столбики, когда-то наспех установленные тенеземцами.

Лже-Гоблин и Дщерь тоже оставались на месте — им действительно ничего не оставалось, кроме как сидеть сложа руки. Они не начали переписывать Книги

мертвых, потому что не имели ни бумаги, ни чернил. Не общались они и с Обманниками, совершающими паломничества в священную для них рощу. Мы их не трогали, предоставив Неизвестным Теням отслеживать каждый их шаг, чтобы мы знали обо всех их поступках после возвращения домой. Живых душил осталось немного, и теперь мы могли узнать, кто они и где живут.

Роковой перелесок всегда был зловещим местом, полным древнего зла. Тайный народец ненавидел его, но все же пробирался туда ради Тобо.

Их преданность парню казалась страшноватой, когда я долго думал об этом.

Громовол и Аркана поправлялись так же быстро, как и Тобо, — то есть поразительно быстро, но не по волшебству. Постигшее Громовола невезение не сбilo с него спесь. Аркана, по понятным причинам, стала замкнутой.

Душелов волновала меня все больше и больше. Она не только не пошла на поправку, но еще больше ослабела. И теперь спускалась под горку по зловещей тропке, проложенной Седволом.

Многие высказывались за то, чтобы позволить ей спускаться туда и дальше, а заодно, может быть, подтолкнуть на ту же темную тропку и Громовола, пока он спит. К Аркане симпатий тоже никто не испытывал, хотя тайный народец оправдал ее во всем, кроме расчетливости и махинаций. Иногда, очень редко, мне даже становилось ее жаль.

Я помнил одиночество.

За исключением Громовола, с ней разговаривал только я. А от него она отворачивалась всякий раз, когда он открывал рот. Во время наших нелегких бесед с Арканой я пытался узнать побольше о ее родном мире и особенно о Хатоваре. Но ей почти нечего было рассказать. Она ничего не знала, в полной мере обладая характерным для молодости безразличием к прошлому.

Шукрат же всячески избегала Арканы. Ей буквально не терпелось приспособиться, стать частью этого мира. У меня возникло сильное ощущение, что у себя на родине она была чужой, изгоем — в отличие от Арканы, и это могло объяснить отношение Шукрат к ней.

80. Таггиносские территории. В лагере

Жизнь никогда не бывает похожа на канал, плавно текущий по прямому и предсказуемому руслу. Она скорее похожа на горный ручей, зигзагом стекающий по склону, ворочающий камни и иногда разливающийся сонной заводью, прежде чем сделать внезапный и бурный поворот.

Нечто в этом роде я высказал Госпоже и Шукрат, осматривая Тобо и проверяя, может ли он уже опираться на сломанную ногу. Сам он считал, что чувствует себя лучше, и становился все более непоседливым — обычно это является признаком, что пациенту и в самом деле стало лучше, но не настолько, насколько ему хочется верить. Мы находились в моем госпитале для особо важных персон, где лежали еще Душелов и Аркана. Шукрат разыгрывала спектакль, обхаживая Тобо и в упор не видя Аркану. Госпожа стояла на коленях возле койки сестры — обнимая ее за талию, неподвижная. Она стояла так уже почти час. Поначалу я думал, что она медитирует. Или впала в какое-то состояние вроде транса. Но потом я начал беспокоиться.

Женщины выглядели скорее как мать и дочь, а не сестры. Бедная Госпожа. В битвах со временем все люди обречены на поражение. А последние годы стали особенно немилостивы к моей любимой.

Теперь, когда мы стояли лагерем и нам нечем было заняться, кроме как ждать, когда поправятся раненые, Госпожа приходила к Душелову каждый день. А за чем — сама не могла объяснить.

Наконец она пришла в себя, обернулась и задала мучивший ее вопрос:

— Она умирает?

— Думаю, да, — признался я. — И я не знаю почему. Очень похоже на то, что погубило того молодого Ворошка. Понятия не имею, что тут можно сделать. Рсвун тоже не знает. — Впрочем, вопящий колдун никогда не славился талантами целителя... Наверняка Гоблин с ней что-то сделал, но это не колдовство, — добавил я. — Во всяком случае, не такое, которое можно распознать. И не болезнь из тех, что мне доводилось наблюдать. — В большинстве армий от дизентерии солдат умирает больше, чем от руки врага. И я горжусь, что такого в моей армии не было никогда.

Госпожа кивнула и снова уставилась на сестру.

— Хотела бы я знать, что это. Тут поработал Гоблин. И нам нужно ее разбудить, чтобы выяснить причину, правда? — Она помолчала. — Ведь эта мелкая сволочь была рядом и тогда, когда заболел Седвод. Был?

— Увы, да. — Я передал Тобо заботам Шукрат. — Ты с ним полегче, девочка. Или нам придется поставить для вас отдельную палатку.

Тобо покраснел. Шукрат расплылась в улыбке. Я повернулся к Аркане:

— Ну, а ты уже готова снова начать карьеру танцовщицы?

— Для тебя в жизни нет ничего серьезного?

Она застала меня врасплох. Меня редко обвиняют в таком преступлении, как легкомыслие.

— Абсолютно ничего. Никто из нас не выйдет из этого живым, так что лучше смеяться, пока можем. — Так обычно говорил Одноглазый. Я наклонился к ней и прошептал: — Что, тебе уже с утра паршиво? Мне бы тоже так было на твоем месте. Сломанные кости не шутка. Уж я знаю. Сам несколько раз ломал. Но

все же попробуй улыбнуться. Худшее для тебя уже позади.

В ответ она скривилась. Худшее все еще сидело у нее в голове. Она может никогда не выздороветь эмоционально. Ведь она выросла в таком месте и имела такое общественное положение, что никому и в голову не могло прийти, что с ней могут приключиться подобные ужасы.

— А ты посмотри на дело так, детка. Как бы плохо тебе ни было сейчас, всегда может стать хуже. Я долго тянул солдатскую лямку, и уж поверь — таков закон природы.

— Да как моя жизнь может стать еще хуже?

— А ты подумай. Ты могла остаться дома и там погибнуть. Или пройти через ад. Или стать пленницей, а не моей гостьей. А это означает, что каждый твой день мог стать таким же, как тот, когда ты пострадала. Многие наши парни до сих пор считают, что ты слишком легко отделалась. И это напомнило мне о другом законе природы. Едва ты покидаешь круг людей, согласных считать тебя не такой, как все, ты становишься обыкновенным человеком. Просто телом. А для женщины такая ситуация вряд ли приятна. По сути, здесь, где командуют женщины, тебе намного лучше, чем где бы то ни было.

Аркана ушла в себя, очевидно, решив, что я ей угрожаю. Но у меня и в мыслях такого не было. Я просто размышлял вслух. По-стариковски.

— Если тебе нужно на ком-то отыграться, — сказал я ей, — то поставь Громова первым в списке.

— Она — единственная связь, которая у меня осталась, с большей частью моей жизни, — проговорила Госпожа. — И единственная связь с моей семьей.

Ручей делает внезапные повороты.

— Если ты как-нибудь сумеешь ее спасти, то она, поправившись, первым делом постарается отрезать тебе ноги ниже колен и заставит плясать на обрубках.

Тобо хотел было что-то сказать, но я велел ему помолчать. Мы уже несколько раз обсуждали судьбу Душелова. И его мнение окрашено кровью.

— Знаю-знаю. Но всякий раз, когда я оглядываюсь вокруг, мне начинает казаться, что ушел кто-то еще и мы становимся все более чужими...

— Понимаю. Я сам перестал ориентироваться во времени после смерти Одноглазого. От моего прошлого ничего не осталось. — Последним напоминанием о нем стал Мурген. Мы с Госпожой избрали свой путь и теперь стали беженцами — бежали из своего места и времени. Впрочем, почему я так поздно этому удивляюсь? Ведь Отряд всегда был тем, чем остается, — сборищем утративших родину и надежду беглецов и изгоев.

Я вздохнул. Неужели я вскоре начну создавать другое прошлое в качестве душевной поддержки?

Я опустил на колени рядом с Госпожой.

— Думаю, она вряд ли протянет больше недели. Мне уже с трудом удастся ее кормить. И еще труднее заставить ее удержать съеденное. Но я придумал, как оттянуть ее кончину. И может, даже поставить правильный диагноз.

Госпожа уставилась на меня так пристально, что я вздрогнул, припомнив старые времена, когда я был пленником Госпожи в ее Башне в Чарах, а она устремляла на меня Око Правды.

— Я слушаю.

Я заметил, что даже сейчас она далека от сестры. Всеми ее чувствами руководил эгоизм. Она хотела сохранить жизнь своей безумной сестрице, но исключительно для своей выгоды.

— Мы можем отвезти ее к Шевитье. Мы ведь знаем, что он может вылечить Ревуна...

— Это он сказал, что может. Сказал то, что мы хотели услышать.

И что хотел услышать Ревун. Меня-то здоровье этого огрызка не волновало. На мой взгляд, мир без него станет только лучше.

Тон Госпожи противоречил ее словам. Во мне вспыхнула искра надежды.

— Пусть Ревун доделает новый ковер, — сказал я, — и тогда мы сможем слетать на равнину, вылечить Ревуна и выяснить, что Шевитья может сделать для Душелова. Но даже если ничего, мы сможем поместить ее в ледяную пещеру до тех пор, пока у нас не найдется время выяснить, что же с ней случилось. Это станет серьезной задачей для Тобо.

Я предпочел бы поступить именно так, посчитав, что, когда мы засунем Душелова в пещеру, Госпожа со временем потеряет к ней интерес. А общий эффект станет таким же, как если бы мы ее убили прямо сейчас. Госпожа при таком раскладе может и дальше цепляться за свои семейные корни, делая вид, что в один прекрасный день вернется к сестричке и оживит ее.

— Мне нравится эта идея, — согласилась Госпожа. — Я узнаю, насколько быстро Ревун сможет изготовить ковер.

— Хорошо. — Я приподнял веко Душелова. И не увидел ничего обнадеживающего. У меня создалось впечатление, что ее внутренняя сущность покинула тело и теперь где-то бродит, потерянная и одинокая. Возмездие, мог бы сказать Мурген, если это так.

Едва Госпожа вышла, Тобо сказал:

— Ты сказал ей не все, что думал. Я прав?

— Да? — Я пожал плечами. — Есть у меня парочка идей. Но кое-что нужно обсудить с Капитаном.

И тут Шукрат сказала такое, что лишило ее в моих глазах образа глупенькой блондиночки:

— А знаешь, ведь Душелов проделала такой долгий путь сюда с севера по той же причине, по какой Госпожа теперь хочет сохранить ей жизнь. Могу поспорить, что если бы она очень сильно захотела, то смогла бы убить вас всех, когда ей вздумается.

Я уставился на нее. Посмотрел на Тобо. Потом снова на нее.

Шукрат покраснела. И пробормотала:

— Никто из них так и не научился говорить: «Я люблю тебя».

И я ее понял. Именно поэтому Гоблин и Одноглазый столько лет устраивали друг другу подлянки, только не такие смертельно опасные. Когда были трезвы. И именно это я постоянно видел среди братьев по Отряду, которые не могли — или верили, что не осмелятся, — выразить свои истинные чувства.

— Только эта парочка даже не знает, что им нужно это сказать, — ответил я.

81. Тенеземское воинское кладбище.

Прощание

Лозан Лебедь сунул голову в палатку:

— Костоправ. Мурген. И все, кому это интересно. Сари готова прощаться с Тай Дзем и дядюшкой Доем.

«Ну наконец-то», — подумал я, но вслух ничего не сказал. В последнее время мне не раз хотелось выстроить всю общину нюень бао и как следует отшлепать. Они волокли два трупа сто пятьдесят миль и при этом до хрипоты спорили, что с ними делать. Я сдерживался и не вмешивался, но мне так и хотелось заорать: «Да ведь им уже все равно! Сделайте с ними хоть что-нибудь! Они воняют. И сильно!»

Но так со скорбящими родственниками, разумеется, не поступают. Если только человеку не кажется, что у него стало маловато врагов.

Нюень бао приготовили два погребальных костра на возвышении возле центра тенеземского воинского кладбища. И хотя людей с болот среди нас осталось совсем немного, они и сейчас разбились на группки приверженцев того или иного — наиболее подходящего, как они считали, — способа похорон.

Ну кто бы поверил, что похороны могут стать политическим событием? Но эти люди способны отыскать повод для ссоры в чем угодно.

В случае с Тай Дэем споров, разумеется, возникло меньше. Сам он мало во что верил, кроме как в собственную честь. И нестигаемого воина ждало ритуальное прохождение сквозь очистительный огонь, против чего возражало лишь несколько упертых стариков, считавших такую церемонию чужеземной. Зато дядюшка Дой стал для всех камнем преткновения.

Тут сторонники сжигания сцепились со сторонниками «открытых» похорон, желавшими уложить тело на высокий помост и оставить его там, пока не останется чистый скелет.

Такой ритуал они считали наиболее подходящим для верховного жреца Пути Меча — хотя никто не мог сказать как, почему и когда эта идея зародилась. Никто из хсиенцев, многие из которых выросли в хсиенских монастырях боевых искусств, не слышал о подобной практике. Жители Хсиена своих мертвых хоронили. А соплеменники Доя настаивали на том, что его предшественников хоронили «открыто» — именно так, как они хотели поступить с ним сейчас.

Проходя мимо погребального костра, каждый из нас бросал на дрова пучок травы и сложенный кусочек бумаги с молитвой, которую пламя пошлет на небеса вместе с покойным.

— Наверное, они приняли этот обычай, когда впервые побывали в моей стране, — предположил Суврин. — Некоторые из моих соплеменников хоронили покойников «открыто», особенно когда опасались, что умершего похитит «оболочка».

Опять «оболочки». Одни из тех монстров, которых никто никогда не видел, вроде вампиров и оборотней. Ну почему, когда в мире на свободе рыщет столько реальных монстров, которых достаточно часто видят и от которых страдают, так много людей забивают себе

головы монстрами, коих ни разу не видел ни один надежный свидетель?

— А разве пламя поработало бы хуже?

— Сжигание было не принято. И его не признают даже сейчас, хотя через Данда Преш прошло уже много северян.

Я хмыкнул. Наверное, дело тут связано с религией, а в религии я редко нахожу логику.

— Простых людей, бедняков, и всех, кто не представляет интереса для «оболочки», хоронят обычно. Вот так. — Суврин указал на могилы вокруг нас. — А тех, кто может привлечь «оболочку», хоронят «открыто». Чтобы монстр не получил хороший кожаный костюм. — Он показал в сторону. — Видите эти курганчики? Наверное, в них временно поместили жрецов и Капитанов, чтобы потом устроить им подходящие «открытые» похороны. Думаю, их армия поспешно отступала. И они так и не вернулись, чтобы заняться мертвецами.

И в самом деле, я разглядел несколько кучек, где лежали шесты, кости и обрывки тряпок, — наверное, когда-то здесь собирались установить погребальные помосты.

— Похоже, «оболочки» не добрались сюда, коль не воспользовались такой халявой.

Ответом мне стал угрюмый взгляд.

Я так до сих пор не понял, почему Суврин стал фаворитом Дремы и ее вероятным преемником. Но я никогда не понимал и того, почему Мурген выбрал Дрему. Однако выбор был удачным. Дрема провела Отряд сквозь кьялулунские войны и времена Пленения. А сколько я видел удивленно поднятых бровей, когда выбрал Мургена летописцем? И ведь Мурген справился, хотя и сомневался в здравости своего рассудка.

Вот и Дрема что-то увидела.

Суврин не соглашался. И упорно твердил, что покинет Отряд. Но я заметил, что он уже упустил несколько замечательных возможностей для ухода.

Сари по праву ближайшей родственницы Тай Дэя попросила Мургена помочь ей и Тобо бросить факелы в погребальный костер Тай Дэя. И правильно, решил я, хотя старики немного поворчали. Мурген и Тай Дэй очень долго были близки как братья.

Но помочь ей зажечь костер Доя Сари попросила только Тобо.

И даже я отдал честь погибшему мастеру меча, хотя никогда не доверял ему при жизни.

Госпожа прижалась к моему левому боку.

— Полагаю, тебе стоит признать, что уж сейчас-то он заслуживает доверия, — сказала она, словно прочла мои мысли.

— Ничего я признавать не обязан. Просто он смылся раньше, чем успел подставить всех нас.

— Старый дурак — всем дуракам дурак.

Я не стал спорить. Она выиграет любой спор, просто пережив меня. И я сменил тему:

— Тебе до сих пор кажется, что ты становишься сильнее?

Уже давным-давно она почти не могла красть у Кины магическую силу. Но еще раньше ей удавалось воровать столько, что она сравнялась с Душеловом. По ее мнению, красть стало почти нечего именно после того, как Гоблин ранил богиню.

И мне казалось вполне логичным, что возвращение Гоблина в роли орудия Кины означает, что магический источник снова доступен. Но я ошибся. Он стал доступен лишь после того, как Гоблин и девушка обосновались в Роковом перелеске.

— Сила возвращается. Мало-помалу. — В ее голосе прозвучало нетерпение. — Я уже могу показать парочку балаганных фокусов. — По ее меркам это означало, что она пока способна лишь уничтожить деревушку, просто щелкнув пальцами. — Надо подобраться поближе и проверить, поможет ли это.

Я не стал развивать эту тему, потому что чувствовал: Госпожа взволнована. Она хорошо скрывала волнение, но если дать ей волю, она с ума меня сведет разговорами о том, в чем я совершенно не разбираюсь.

Да и я мог отплатить ей той же монетой, заведя разговор или о своих теориях болезней, или об истории Отряда.

Наш брак определенно заключен на небесах.

— Как ты считаешь, не отыскать ли нам Ревуна после похорон? — спросил я. — И проверить, не заставила ли его моя идея работать над коврами быстрее.

— Если ты дашь ему сейчас то, что он хочет, ему незачем будет оставаться с нами.

— Да куда ему бежать?

— Он найдет куда. И всегда находил.

А затем его путь каким-то образом всегда пересекался с нашим.

— Тогда надо на него надавить, чтобы он сделал два или три ковра. А пока он этим занимается, ты можешь вертеться рядом и изображать ученицу, сестричка Шукрат.

— Ага! Ни за что! Он противный. И воняет. И еще у него больше рук, чем у этих четырехруких гуннитских богов.

— Он же коротышка, — вставил Тобо, сидя на стуле, который принесли для него, чтобы он смог отдохнуть между церемониями. — Возьми и отшлепай его.

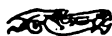
— А может, он только этого и хочет?

— Найди кого-нибудь, чтобы таскал меня, и я отправлюсь с тобой, — сказал Тобо Шукрат. — Ревун рядом со мной нервничает. Костоправ, а как мы станем его называть, если Шевитья излечит его от воплей?

— Думаю, Вонючка вполне подойдет.

Пламя погребальных костров взметнулось выше. Тобо перестал обращать на меня внимание. Я тоже замолчал. Настало время прощаться, старина. Тай

Дэй и Дой никогда не произносили отрядной клятвы, но в душе были нашими братьями. И истории их жизни уже вплетены в гобелен наших Анналов.

82. С Отрядом. Отправляемся на юг

Дрема всегда воспринимала безделье как пустоту, требующую наполнения. И она ни за что не позволила бы десяти тысячам мужиков бить баклуши, если не считать часа-другого на ежедневные тренировки.

А ведь всего в паре миль от нас находился запущенный лес, отчаянно нуждающийся в очистке.

Если выпустить в такой лес толпу солдат и заставить их работать от опушки к центру, не пропуская даже мельчайших прутиков и хворостинок, то можно развести огромные костры. К вечеру второго дня весь горизонт заволокло дымом.

Дрема буквально *заставляла* Гоблина и девушку продемонстрировать, на что они способны.

Я сомневался в мудрости подобного решения. Дрему вовсе не впечатлял тот факт, что внутри Гоблина затаился кусочек Кины. А Кина не зря заслужила репутацию гнусной твари.

Но командовал Отрядом не я. Да, я мог советовать, но не мог заставлять кого-либо подчиняться. И на все мои опасения Дрема ответила лишь одной из своих загадочных улыбок.

— Ты готов лететь? — спросила Госпожа. — Ревун уже сделал ковер.

— Ты торопишься?

— Сам же говорил, что ей осталась неделя. А это было три дня назад.

— Верно, говорил. А ковер большой?

— Места хватит.

— Я серьезно. На нем должны разместиться шестеро.

Несколько секунд Госпожа изумленно молчала.

— Я даже спрашивать не стану, — наконец проговорила она. — Нет, задам только один вопрос: кто?

— Ты и Душелов. Ревун. Громовол. И Аркана, если захочет.

— Все еще играешь в игрушки, дорогой?

— Это не игрушки. Это прогресс. Когда убили Магадана, мы потеряли наиболее многообещающего из парней. Для него это стало неудачным ходом в карьере. А Громовол столь же бесполезен, как вымя у быка. Еще немного, и я бы его убил. Но если мы вернем его старым Ворошкам, которых Шевитья держит у себя на коротком поводке, то можем заработать пару очков в свою пользу.

Она нахмурилась.

— Хоть ты и была мастером манипуляций в огромной империи... — Она указала на меня пальцем, и невидимая игла начала сшивать мне губы. Да, к ней точно возвращается сила. — Тогда я просто объясню, хорошо?

— И это человек, за которого я вышла!

Чушь собачья. Но спорить я не стану.

— Так вот, два самых главных Ворошка сейчас заперты на равнине. Насколько нам известно, дома у них больше нет. Точнее, это известно со слов Шевитья. У них нет будущего, им некуда идти. И явное проявление доброты может пополнить наши ряды двумя тяжело-весами — в самый подходящий для этого момент.

— Ты злодей.

— Стараюсь. Схожу-ка я подую Аркане в ушко.

— Только попробуй — и утром проснешься, гадая, откуда у тебя фингал под глазом.

Так-так... Похоже, это объясняет кое-какую недавнюю раздражительность. Ее. Мою же вызывало тупоголовое упрямство тех, кто упорно старался меня стреножить. Это совсем другие пироги.

И я пошел подуть Аркане в ушко. Словесно.

— Громоволу я выбирать не дам, — поведал я Аркане. — Возможно, для меня это шанс помириться с его папашей. И это единственная польза, которую можно выколотить из этого идиота. Если я оставлю его здесь, то он со временем выкинет нечто еще более тупое и идиотское, чем уже натворил. А тебе я уже говорил, что занимаюсь своим делом давно. И когда натыкаешься на такого кретина, как Громовол, то нужно искать способ, как его использовать. Или сразу убить. А я к старости стал сердобольным.

Скептическое выражение на лице Арканы тут же поведало, насколько удачно я впарил ей свою сказочку.

— А ты особая. И у тебя есть выбор. Если хочешь, можешь вернуться к своим. Или прокатиться к ним в гости, а потом вернуться с нами. Или сразу остаться здесь и никуда не лететь.

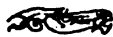
— О, я полечу. Не могу упустить такую возможность. А когда прилетим, тогда я и решу, что еще мне нужно сделать.

Мы вылетели ночью, при свете полной луны. Госпожа, Душелов, Громовол и Аркана вместе с Ревуном — на новом ковре. Тобо, Шукрат, Мурген и я — верхом на леталках. Несмотря на возражения Дремы и боль заживающих переломов, Тобо настоял на том, чтобы отправиться с нами, потому что полетела Шукрат. А Мургену пришлось лететь со мной, потому что Сари лететь отказалась. Юная парочка бесстрашно носилась вокруг нас, поглощенная неким стрекозиным брачным ритуалом.

Мы с Мургеном сделали краткую остановку в Деджагоре. Дрема потребовала, чтобы мы проверили, как обстоят дела у Ножа и его армии.

— Так ты думаешь, что у Сари бывают видения? — спросил я, спускаясь к цитадели Деджагора.

— Что? — отозвался Мурген, занятый собственными мыслями.

— Помнишь ее припадки материнской любви? Клянусь, ей становится все хуже. Вот я и подумал: может, ты заметил, не было ли у нее психических припадков? Или чего-то в этом роде.

— Она не сказала бы. Даже если бы и были.

— А ты как думаешь?

— Думаю, что если припадков и не было, то она явно опасается, что они могут начаться.

— Да?

— Когда мы были молоды, она боялась превратиться в свою мать.

— Иногда она становится чертовски раздражительной. — Но все же она не Гота, бабушка Тролль. Тело не причиняет ей сильных страданий. Поэтому теперь она боится превращения в Хонь Тэй. В свою бабушку.

— И?..

— Может, и превратится. Он все больше начинает на нее походить. А когда начинает на это жаловаться, я ей напоминаю, какой спокойной и уравновешенной всегда была Хонь Тэй. Как валун в бурной реке.

— Но это не помогает, верно?

— Ни на секунду... Ага, кажется, кто-то почуял наше прибытие.

Мы еще успели опуститься на вершину башни цитадели, а Нож уже вышел нас встречать вместе со своими лейтенантами.

— Тени так всполошились, что мы ожидали увидеть Тобо, — крикнул нам Нож.

— Вам повезло. Парень ранен, поэтому вместо него к вам прилетели два старых хрыча. Капитан велела проверить, как у вас дела. Так что если выставите нам побольше горячительного, мы ей доложим, что ты тут отлично поработал и ей о вас даже думать нечего.

— Договорились.

83. Таглинос. Решение

Даже самого зоркого шпиона можно сбить с толку, если знаешь, за чем он наблюдает. Будучи некогда членом Отряда, а затем неоднократно потерпев от него поражение, верховный главнокомандующий понял суть отрядной политики секретности. И это понимание сослужило ему хорошую службу во время кьялулунских войн, когда уловки Отряда почти не срабатывали против него.

Он стоял вместе с Аридатой Сингхом на стене крепости, возведенной на холме чуть южнее Таглиноса, и наблюдал за крупномасштабными войсковыми учениями. В последнее время солдаты стали проявлять определенный интерес к повышению своего боевого мастерства. Приближение могучего противника стало тому существенной причиной.

— Они улетели все? — уточнил Могаба.

— За последний час я получил донесения от двух независимых источников. Они вылетели сразу после восхода луны. Ковер и три летательных столба. Направились на юг. И пролетели настолько близко от дерева, на котором сидел Хабанд, что он смог опознать Ревуна, Госпожу, Костоправа, Мургена, парня-чародея и трех светлокожих детей-колдунов — я их видел, когда был у них. Мы им совершенно безразличны.

— Их должно быть больше.

— Я уверен, что слухи верны. Они многократно подтверждались. Остальные мертвы.

Когда дело касалось Отряда, Могаба отказывался верить очевидному.

— Куда они полетели?

— Возможно, что-то случилось в Деджагоре. Или южнее.

Если южнее, то за Данда-Преш. Как докладывали Могабе его агенты, Протектора уже не поддерживали

на территориях, не находящихся под прямым контролем верховного главнокомандующего, хотя и вспышек энтузиазма возвращение королевских особ не вызвало. Империя отнеслась к ним безразлично — за исключением тех, кто мог так или иначе на этом заработать.

И Могаба вспомнил, что так было всегда.

Разговаривая, Могаба поигрывал раковиной улитки, что стало для него почти навязчивой привычкой. Внезапно, к удивлению Аридаты, он отшвырнул раковину изо всех сил.

— Пора провести полномасштабные полевые учения. Посмотрим, насколько хороша их разведка без чудо-мальчика.

Аридата задал несколько коротких вопросов. Сейчас он уже командовал дивизией, которая станет левым крылом армии Могабы. Ядром этой дивизии стали Городские батальоны.

— Готовься к учениям в точности так, как если бы мы отправлялись сражаться, — приказал Могаба. — Выдай сухие пайки. Но не торопись. Мы лишь хотим проверить, насколько мы готовы. И понять, где нужно поработать дополнительно. Вопросы не поощряй. И отныне я хочу лично выслушивать донесения шпионов.

Аридата ушел, гадая, что на самом деле задумал Могаба.

Верховный главнокомандующий вызвал остальных членов штаба и командиров. А особенно долго — под ярким полуденным солнцем — он разговаривал с Капитанами кавалеристов.

84. Возле кладбища. Переполох

Лозан Лебедь сунул голову в хижину Дремы, построенную для нее из отборных бревен, позаимствованных в Роковом перелеске.

— Очередной контакт с кавалерией Могабы. Три мили западнее Каменной дороги.

Такое случалось периодически. И служило для Могабы одним из способов проверить боеготовность противника. Когда такие проверки учащались, это значило, что Могаба хочет спровоцировать ответные действия. Дрема хмыкнула, но не встревожилась.

— Я немного озабочен, — сообщил Лебедь. — На сей раз они давят сильнее. А поскольку мы ничего не можем узнать от тех Теней, которые не увязались следом за Тобо, то мы и понятия не имеем, что сейчас делает Могаба. Мы так же слепы, как и он.

— Его главные силы маневрируют под прикрытием кавалерии?

— У меня создалось такое впечатление.

— Тогда он снова пытается нагнать на нас панику. — Таглиосские войска уже дважды выступали на юг и теребили противника, пока Дрема не переходила в контратаку, после чего поспешно отступали. Таким способом Могаба прививал своим рекрутам уверенность в своих силах, доводя обстановку почти до боевой. А на сей раз он, несомненно, захочет еще больше сблизить их с противником.

— Выведи одну бригаду за линию пикетов, и пусть наведут там шороху. Вторую бригаду оставь в лагере. Все остальные пусть занимаются обычными делами. Думаю, мы очень скоро дождемся реакции Дщери Ночи.

Ее кампания против мессии Обманников и лже-Гоблина очень напоминала ту, которую верховный главнокомандующий вел против нее.

— Мы теперь знаем официальные титулы Обманников для этой парочки, — напомнил Лебедь. Эти сведения кто-то из призрачного народца разведal в далеком Ашаране, как раз перед отлетом Тобо. Ашаран, городок на юго-западе, вряд ли мог хоть как-то повлиять на события, разве что через живущую там группу Обманников. — Хадида. Хадида.

Раб Хади. Или Кины.

— Это одно имя или два?
— Это женская и мужская формы.
— Лозан, эту девушку никто не посмеет назвать рабыней. В ней течет та же кровь, что и в ее матери и тетке. И имя Дщерь Ночи прекрасно ей подходит.

Лебедь пожал плечами и вышел. По словам Тобо, девушка и Хадидас, мягко говоря, недолгобливают друг друга. И постоянно ссорятся. Более того — кажется, девушка почти рассталась с иллюзиями.

Кавалерия Могабы продолжала тревожить разведчиков и пикеты Дремы. Повсюду вспыхивали стычки. Торговое движение по Каменной дороге практически прекратилось. Крупные отряды кавалерии прощупывали стойкость бригады, выдвинутой для прикрытия Отряда. Кавалеристы были в основном веднаитами, а те традиционно считались превосходными всадниками. И эти всадники хорошо проявили себя в действиях против профессиональной хсиенской пехоты. Дрема вывела из лагеря вторую бригаду, оставив в резерве местных рекрутов.

— Я начинаю тревожиться, — признался Лебедь Дреме.

— Все идет по нарастающей. Прежде ты был лишь озабочен.

— И я о том же. Почему Могаба столь упорно заставляет нас поверить, будто готовит прямую атаку? Зачем хочет добиться от нас ответных действий?

— Потому что хочет увидеть, как мы поступим. Если только не пытается отвлечь нас от чего-то другого. Существует ли вероятность, что он мог заключить сделку с Обманниками?

— Один из его приспешников — сын Нарайяна Сингха.

— Аридата Сингх не Обманник! — вспыхнула Дрема. — И не сторонник Обманников.

— Ладно-ладно. Не кипятись.

Однако уже через несколько секунд стало ясно, что спокойствие никому сохранить не удастся. Неожиданное и смертельно опасное все же произошло.

Кавалерия Могабы отошла. Ее сменила пехота Второй дивизии, по численности равная всей армии Дремы. Таглиосцы двинулись прямо на обороняющихся, тесня их назад. По флангам наступающей линии стала просачиваться кавалерия.

Дрема успела разослать посыльных и отдать приказы горнистам еще до того, как стало совершенно ясно, что Могаба ее не просто дразнит.

— Мы не должны пустить их в лагерь. Любой ценой! — рявкнула она, обращаясь к Лебедю.

— Я с этим справлюсь, — ответил тот, хотя он и не был официальным членом отрядной иерархии. — Обойдусь рекрутами. А ты хватай всех остальных, кого сможешь отыскать.

И он умчался. Если Могаба захватит лагерь, то овладеет и сокровищами, привезенными с равнины. А это будет означать его победу во всей войне.

Отыскав хсененских сержантов, муштровавших новобранцев, Лебедь принялся ликвидировать уже начавшийся в лагере переполох. Он объявил, что противник начал разведку боем. И некоторые из его солдат могут попытаться проникнуть в лагерь.

Собрав новобранцев и развернув их лицом к врагу, Лебедь послал надежных людей перевезти сокровища в тайник, подготовленный на старом тенеземском воинском кладбище. И еле успел. Атака Могабы оказалась гораздо энергичнее, чем ожидалось. Когда она достигла лагеря, новобранцы не смогли долго ее сдерживать. И солдаты Могабы все же очутились в лагере.

Однако это не принесло успеха верховному главнокомандующему. Вскоре после того, как его дивизия отвлекла противника на себя, вторая дивизия, выполняя отданный заранее приказ, должна была быстро

переместиться восточнее Каменной дороги и перехватить разрозненные части, бросившиеся из Рокового перелеска на помощь Дреме. Но командир этой дивизии, не уверенный в том, что его самого не заманивают в хитроумно подготовленную ловушку, медлил до тех пор, пока его атака не потеряла все шансы на успех. Вскоре ему придется начинать военную карьеру заново. В компании с многими младшими офицерами.

На крайнем левом фланге Аридаты Сингх начал атаку точно в намеченный срок. Ее первоначальной целью значился захват Рокового перелеска. Затем ему предстояло наступать на юго-восток и отрезать противнику путь к отступлению. Но не успела дивизия Аридаты продвинуться далеко вперед, как он получил от Могабы депешу с приказом отойти. Противник уже собрался с силами. Вскоре ожидалась контратака. И Могаба опасался, что, если Дрема обнаружит Аридату, она его отрежет и уничтожит его дивизию. Ведь Аридата на поле боя был еще новичком.

85. Роковой перелесок. Большой сюрприз

Дщерь Ночи была готова выть от скуки — жизнь в Роковом перелеске действовала ей на нервы. Да, жизнь с Нарайяном Сингхом не была идеальной, зато она ее понимала. Жизнь с Хадидасом оказалась невыносимой, а сам одержимый коротышка — страшным занудой. Каждый день с утра до вечера он мучил ее уроками. И почти всегда вдавливал ей то, что она уже знала. Лишь изредка он перемежал это философской чепухой о том, что она должна полностью отдать себя воле Кины. И что она должна упорно стараться избавиться даже от самых упрямых клочков своей личности и превратиться в сосуд для Кины, стать не Дщерью Ночи, а Хадидасой.

Она сидела на ступенях храма Обманников, обняв колени и положив на них голову, а Хадидас бубнил

свои аргументы. Приходили и уходили Обманники-пилигримы, убирающие в храме. Она не обращала на них внимания. Потому что вспоминала другие времена, когда сидела здесь с папой Нарайяном. Сейчас эти дни казались почти нормальной семейной жизнью.

Она начала перебирать свои мысли из прошлого, немедленно ощутила волнение и удивилась — почему? Она не думала о мужчинах в этом смысле с того дня, как узнала о смерти Нарайяна.

Кто-то вышел из храма, стал спускаться по ступенькам мимо нее, неся ведро с грязной водой. Послышался глухой стук. Человек с ведром испуганно пискнул и повалился навзничь рядом с девушкой, уставившись на свою мессию изумленными глазами. Она увидела, как в них угасает искра жизни.

Из груди мужчины торчала стрела, поразившая его точно в сердце. Девушка не заметила цветных пометок на древке, обозначающих не только отряд лучников, но и самого стрелка. Она огляделась. Отовсюду слышались крики и удары. Совсем рядом с ней просвистела стрела и с глухим стуком вонзилась за спиной девушки в ее нового попутчика. Она встрепелась, попробовала напустить чары «любви меня» — но стрела ударила ее в ключицу. Вторая вонзилась ниже, и девушка перегнулась пополам.

Казалось, Хадида даже не заметил первые несколько стрел. Но они пронзали его снова и снова. Внезапно повсюду замелькали таглиосские солдаты.

— Отрубайте головы! — крикнул офицер. — Мы прихватим их с собой. А тела бросьте на свалке костей. Для стервятников.

Другой офицер быстрыми шагами направился к Дщери Ночи. Все таглиосцы расступались перед ним. Девушка не смогла не заметить его поразительную красоту и сразу же вспомнила, что уже видела его несколько лет назад, когда была пленницей Черного Отряда. Его приводили к Нарайяну.

— Брат мой Аридата, — выдохнула она. — Кажется, моя судьба — быть пленницей до конца своих дней. — Она прижимала руки к пронзенному стрелой животу. Чуть выше нее стоял огромный солдат-шадрит, готовый оглушить ее при первой же попытке оказать сопротивление.

Таглиосский офицер удивился, но лишь на мгновение. Он понял слова о том, что он ей брат.

— Ты Дщерь Ночи. А моя работа — сделать так, чтобы ты не исполнила свое предназначение. — Он взглянул на лежащее рядом с ней существо. Уже неподвижное, но не мертвое. В обычном смысле. Гоблина он тоже видел в ту ночь.

— Теперь это Хадида, — пояснила она. — А не тот колдун. Он не мертв. И ты не сможешь его убить. Внутри него частица богини.

Аридата подал знак солдатам. Те связали лже-Гоблина и затолкали в мешок, выдернув сперва из него стрелы.

— Я бы на это не рассчитывал.

— В нем Кина.

— А если я разрублю его на кусочки, Бубу? А потом прикажу своим людям закопать каждый кусочек на расстоянии сотни миль. Я не знал своего отца и уж точно не уважаю то, кем он был и чем занимался. Пусть так. Но это существо его убило.

— Как ты меня назвал?

— Что? Ты имеешь в виду Бубу?

— Да. Почему ты назвал меня так? — Она заставила себя отвернуться и не смотреть, что делают с убитыми Обманниками.

— Твои мать с отцом и все в Черном Отряде называют тебя Бубу. Потому что это не столь вычурное имя, как Дщерь Ночи. Давай, вставай. Мне пора уводить своих людей. И никаких фокусов. Станешь себя плохо вести — будет очень больно. Потому что мои солдаты очень тебя боятся.

По телу девушки пробежала дрожь. Удивительно. Она им настолько небезразлична, что для нее даже придумали ласкательное имя? Даже Нарайин не осмелился зайти настолько далеко, хотя она и знала, как он ей предан.

Несмотря на предупреждение Аридаты, она снова попыталась задействовать «люби меня». Ничего не вышло. Она так и не поняла, то ли причиной стал ее испуг, то ли помешал Хадида. Лже-Гоблин уже демонстрировал свою способность влиять на нее — обычно, когда она не соответствовала установленным им нормам.

На краткий миг она поверила, что ее пленители и в самом деле изрубят Хадида, а кусочки разбросают по сотням выгребных ям. Но потом заставила себя позабыть о личных чувствах. Сейчас не время. Нужно сосредоточиться на том, чтобы она и Хадида остались в живых и отыскивали возможность начать свою великую работу.

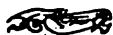
В том же, что такой шанс подвернется, она не сомневалась. Кина найдет способ. Кина всегда его находила. Ведь Кина — это тьма. А тьма приходит всегда.

И девушка покорилась. Но она ничего не могла поделать с волнением, которое охватывало ее всякий раз, когда к ней приближался красавец генерал. Однако тот был слишком занят, чтобы обращать на нее внимание. Потому что получил приказ, изменяющий его задачу.

86. Возле кладбища. Неразбериха усиливается

— У них есть еще одна дивизия, где-то восточнее Каменной дороги, — сообщил Лебедь Дреме и ее штабу. — У меня сложилось впечатление, что перед ней поставлена задача обойти нас с тыла. Но она внезапно повернула на север. И мы никогда не узнаем почему, пока не возьмем пленных или не попросим призрачный народец о помощи.

Неизвестные Тсни стали популярной темой. Небольшое их число осталось с нами, но заставить их помогать мы так и не сумели. Тобо, видите ли, не сказал им, чтобы они нам помогали.

За время совещания настроение ни у кого не улучшилось. Все вымотались, стали нервными и нетерпеливыми. Особенно Дрема. Не имея абсолютно никаких доказательств, она решила, что Могаба снова нанес ей поражение. И что сражение еще не закончено.

Верховный главнокомандующий так и не разорвал окончательно контакт между нашими армиями. Похоже, он желал, чтобы стычки между патрулями продолжались бесконечно.

— Я считаю, что мы справились, — заявил Лебедь. — Соотношение потерь несомненно в нашу пользу.

— Зато стратегически Могаба наверняка празднует победу, — огрызнулась Дрема. — Он доволен достигнутым. — Разумеется, она не могла знать, доволен ли Могаба. Зато точно знала, что сама недовольна. Могаба удивил ее вновь.

Она упустила из виду тот факт, что в ходе сражения ей удалось отбить атаку превосходящих сил врага и что Могаба, возможно, маневрировал настолько хитроумно, что перехитрил сам себя.

Зато Лебедь это отметил и сказал:

— Могаба может вернуться. Как только поймет, что сумел заставить нас врасплох и мог попросту раздавить нас, если бы бросил в атаку все силы, отказавшись от хитростей.

Все закивали. Один из командиров бригад заметил, что на месте врага он атаковал бы снова, даже если бы знал, что противник его ждет. Просто чтобы посмотреть, что из этого получится. И заставить противника постоянно держать ушки на макушке. А постоянная готовность к отражению атаки за несколько дней психологически перемалывает любую армию.

Вошла Сари. Она опоздала, потому что совещание ее не интересовало. Ни к кому не обращаясь, она проговорила:

— Начинается дождь.

То была важная новость, она могла серьезно повлиять на наши планы. Лебедь вышел посмотреть.

Небо затянули тучи. В воздухе пахло дождем. Но он пока не пошел и вряд ли начнется раньше полуночи. Впрочем, до нее уже недолго оставалось. Лебедь вернулся и покачал головой.

То, о чем Сари говорила фигурально или метафорически, стало очевидно очень скоро, когда от патрульных поступило известие о том, что Роковой перелесок очищен от Обманников.

— И там нет Дщери Ночи и лже-Гоблина? — встрепелась Дрема.

— Мы не нашли их тел, Капитан. А трупов там хватает. И все обезглавленные. Может, эти двое ухитрились сбежать?

— Возможно. Уж скорее бы Тобо вернулся. Мне осточертело действовать вслепую.

— Он тебя совершенно избаловал, — заметил Лебедь.

— А я наслаждалась каждой минутой. Цо Лиен, для твоих разведчиков есть новая работа. Выясни, что там произошло. И не сможем ли мы кого-нибудь догнать. Но помни, что Могаба очень порадует, если сумеет завлечь нас в смертельную ловушку.

— Будет сделано, мой Капитан.

Лебедь фыркнул, услышав цветистый ответ Цо Лиена. Тот был родом из провинции, где стиль речи считался столь же важным, как и суть сказанного. И он был одним из самых знающих профессиональных офицеров, которые хотели стряхнуть феодальные цепи с Хсиена в надежде разбогатеть.

Этим выходцам из Страны Неизвестных Теней лучше побеспокоиться о том, как остаться в живых, а не о

победе в войне, подумал Лебедь. Потому что их будущее богатство уже находилось в руках Отряда и было спрятано на этом кладбище.

87. Равнина. Безымянная крепость

О, какая настороженность читалась во всех глазах, когда мы с Госпожой открыли врата! Я даже прошёл сквозь них, сделав несколько совершенно необязательных шагов, лишь бы добавить сцене драматизма. А потом мы двинулись дальше и помчались над защищённой с боков дорогой на юг, к обиталищу Шевити.

На сей раз равнина была холодной, серой и ветреной, утратившей все свое сияние. Торчащие по сторонам дороги обелиски казались старыми, усталыми и не очень-то склонными повествовать о славе прошлых лет. Новых обелисков я не заметил. А ветер ни разу не стал хоть чуточку теплее, чем сердце ростовщика. Мы даже замечали под ногами пятна снега и льда.

Тобо высказал идею, что эта погода пришла на равнину из какого-то другого, неизвестного места, где сейчас другое время года.

— Ты думаешь? — усомнился я. — Ведь хатоварские врата полностью разрушены.

Сегодня равнина не навевала чувство опасности. Может, из-за того, что Теней на ней почти не осталось?

— А у нас дома сейчас самый разгар лета, — сообщила Шукрат.

Я хмыкнул и прибавил скорости своему летательному столбу. Молодежь попевала за мной без всяких усилий. Я услышал, как позади коротко выругалась Госпожа, когда управляемый Ревуном ковер отстал. Ревун не мог лететь быстрее, потому что ковер по ширине почти равнялся защищённой полосе дороги. Ему приходилось соблюдать осторожность.

Когда мы приблизились к крепости Шевиты, Тобо завопил:

— Теперь можно подняться и повыше!

И он с Шукрат взмыли вверх, к солнцу. Точнее, туда, где полагалось находиться солнцу, не будь погода столь отвратительной.

— Не смей! — рявкнул за моей спиной Мурген.

— Слишком поздно, приятель. Держись. — Я тоже набирал высоту, хотя и не с бесшабашностью бессмертного юнца. Когда Мурген пискнул, я добавил: — Если не нравится летать, слезай и иди пешком.

Через несколько секунд мы увидели Сияющую равнину глазами бога.

Такой вид предстал перед моим взором впервые, и его еще никто не описывал. С высоты в полмили равнина напоминала пол в главных покоях крепости. Это меня не удивило. Зато удивили ее границы.

В центре каждого из шестнадцати секторов находились врата. А за каждым вратом — своя погода, время года и суток, которые становились все более размытыми и нечеткими по мере приближения к точке, расположенной посередине между вратами.

— Мы словно смотрим на мир изнутри хрустального шара, — пробормотал Мурген.

— А почему ты никогда не говорил, что сверху равнина выглядит именно так?

— Потому что сам вижу такое впервые. Возможно, из мира призраков ее нельзя увидеть сверху.

С высоты равнина обрела и цвета. Никогда еще я не видел на ней такого разнообразия красок.

Мимо нас сверху вниз промчались Тобо и Шукрат, визжа от восторга.

— Ну все. Хватит веселиться, — сказал я, заметив внизу ковер Ревуна, ползущий по дороге, что начиналась у врат в наш мир.

Мы влетели в крепость через дыру в крыше. Похоже, эта дыра осталась единственным повреждением,

так и не исправившим самое себя. Или же демон-страж счел дыру более полезной, чем сухой пол. Уж погода его точно не волновала. Хотя на дворе стоял день, наш местный агент, почтенный Баладитай, дрыхнул. Полагаю, в таком возрасте он спит больше, чем бодрствует.

К тому времени, когда мы с Мургенем приземлились, Шукрат уже успела сцепиться в яростном споре с Нашуном Исследователем и Первым Отцом. Репликами они обменивались, разумеется, на своем языке, но точный смысл слов не имел значения. Суть ссоры была стара как мир: тупоголовое старичье сцепилось рогами со всезнающей молодостью.

— А тут пахивает, — заметил Мурген.

Здесь не просто пахло, а воняло. Очевидно, Ворошки ждали, пока слуги за ними уберут.

— Наверное, Шевитья лишен обоняния. Я бы на его месте перестал их кормить до тех пор, пока они не научатся за собой убирать. — Баладитай, как я заметил, свою долю домашней работы выполнял, несмотря на склонность к рассеянности и научную увлеченность.

Начатая Шукрат и ее родственничками перебранка наконец-то потревожила сон ученого старца.

Баладитай напоминал растрепанное старое пугало, отчаянно нуждающееся в смене одежды. Сколько я его помню, он всегда ходил в одних и тех же лохмотьях — почти таких же, как у Ревуна, только укутанными менее плотно.

Ему не помешало бы и близкое знакомство с ножницами, расческой и лоханью теплой воды. Вокруг его головы и лица развевались спутанные пряди жидковатых седых волос. Я не удивился бы, если бы они стали разлетаться клочками по ветру, как семена одуванчика.

В крепости было жутковато. Я никогда не мог там расслабиться. Она действовала на мою психику так же, как дядюшка Дой, — вызывая ощущение неправильности. Подозрительной неправильности. Ползучей и не-

заметно подкрадывающейся. И не позволяющей расслабиться.

Баладитай тут же пристал к Мургену и подверг его форменному допросу. Как дела у Дремы? Как поживает его старый друг Сантараксита? Чем занят Тобо? В нем обитал жучок-летописец. К тому же, хотя он и вызвался жить здесь, считая такую жизнь интеллектуальным приключением, он скучал по людям.

Подозреваю, что Ворошки не составили ему превосходную компанию. Они наверняка непрерывно жаловались на непонятном языке, и все их попытки общаться сводились лишь к громким воплям.

Я взглянул вверх, гадая, когда соизволят прибыть остальные. Затем отошел на несколько шагов в сторону, к внешней границе купола неизвестно откуда исходящего света, освещающего рабочее место Баладитая. И уставился на огромную тушу демона Шевитьи.

Мрак вокруг него оказался глубже, чем мне помнилось. Он смазывал очертания огромного деревянного трона. Пригвожденная к нему серебряными кинжалами человекообразная махина демона тоже показалась менее объемистой, чем прежде. И я задумался: уж не становится ли голем более изящным, питая своих гостей?

Гости должны есть. А Шевитья кормил своих визитеров и союзников, выделяя из своего тела большие грибообразные комки манны. Мне вспомнилось, что на вкус она сладковатая и чуть пряная — как раз настолько, что начинаешь угадывать, какая именно пряность придает ей такой привкус. Всего лишь несколько кусочков манны наполняют человека огромной энергией и резко повышают уверенность в себе. И никто не растолстел, питаясь ею. Как раз наоборот: вкус у нее не очень приятный, и человек ест ее только тогда, когда очень голоден или ранен.

Очевидно, Шевитье тоже не суждено остаться толстяком.

Я заметил, что его большие красные глаза открыты. Шевитья разглядывал меня с большим интересом, чем я его.

Голем не говорит вслух. Мы полагаем, что он этого не умеет. Когда у него возникает желание общаться, его голос слышится прямо у тебя в голове. Для кого-то услышать его голос не проблема. Но мне его услышать так и не довелось, поэтому описать его я не могу. Если Шевитья и вторгался в мои сны, когда я лежал заколдованный в пещере под ним, то я и этого не припоминаю. У меня о тех годах вообще никаких воспоминаний не сохранилось.

А вот Мурген и Госпожа помнят. Кое-что. Но говорить об этом не желают. Предпочитают, чтобы то, что записано об этом в Анналах, говорило само за себя.

Наверняка приятного в этом не было ничего.

Из-за полумрака создавалось впечатление, что у Шевитьи собачья или шакаля голова, и это сразу вызывало воспоминания об увиденных в детстве идолах. Полагаю, что он и в самом деле был кем-то из владык подземного мира.

Огромный глаз закрылся, потом приоткрылся. Демон проявил чувство юмора. Ведь знает, зараза, что это его подмигивание на несколько дней лишит меня покоя.

Кто-то взял меня за руку. Я отвел взгляд от Шевитьи. Прибыла моя ненаглядная. И при этом тусклом свете она казалось намного моложе и счастливее.

— Ну наконец-то добрались, — прошептал я.

— Ревун превращается в робкого старикашку. Потому что вбил себе в голову, что у него может быть будущее.

— Давай отойдем в ту сторону на полмили и потеремся на полчаса.

— Хм-м... Ты меня искушаешь. Интересно, что на тебя нашло?

Я щипнул ее пониже спины. Она взвизгнула и вернула мне руку.

— Ай! — прокомментировал я.

Оба глаза Шевитьи уставились на меня.

— Так подобные моменты лучше запоминаются, верно? — сказала Госпожа.

Я согласился. И несколько пар глаз, наблюдающих за нами со стороны, тоже. Молодежь мы потрясли особенно.

— Ну что тут сказать? Жизнь — штука сволочная.

88. Безымянная крепость.

Радости вербовки

Склока между Ворошками все тянулась и тянулась, время от времени ненадолго затихая. Я даже подозреваю, что несколько раз наступали моменты, когда у старых хрычей появлялось желание нас наказать, но Шевитья их сдерживал. Тобо не обращал на них внимания — он был занят общением с Баладитаем или големом. Последний, кажется, пополнял и без того внушительный арсенал магических возможностей парня.

Когда у Арканы или Шукрат не выдерживали нервы, они отступали туда, где в этот момент находился я, и обычно усаживались на пол, спиной к родственничкам.

— Они тебя боятся, — пояснила Аркана. — Думают, будто это ты на самом деле великий и ужасный, а Тобо у вас лишь для показухи. И верят, что именно ты уничтожил наш мир.

— Да ничего я не уничтожал. — Любопытно. Здесь, когда ей требовалась защита, у нее почти пропадал акцент.

— Это знаю я. Это знаешь ты. Возможно, даже они это знают. Но они не хотят, чтобы в этом винили их. Внутри они почти такие же плохие, как Громовол и Седвол. Вот уже две сотни лет быть Ворошкой означает быть безупречным. Во всем без исключения.

— Тогда из-за чего у вас склока?

— Потому что Шукрат хочет остаться у вас. Потому что Седвол умер без положенных ритуалов. Потому что они не хотят верить, будто Громовол совершил столько идиотских поступков и из-за него погиб Магадан. Когда это известие дойдет до дома, оно вызовет ужасный семейный политический скандал. Ведь отец Магадана — брат Первого Отца, а они ненавидят друг друга.

Очевидно, уцелевшие Ворошки предпочитали делать вид, что их семья все еще правит в стране, уже опустошенной Тенями-убийцами.

— А на тебя-то они за что набросились?

Аркана вздохнула и опустила голову между коленями, чтобы я не смог увидеть выражение ее лица.

— Наверное за то, что я сказала, что и мне не хочется возвращаться домой.

— Несмотря на все случившееся?

— Об этом они пока не знают. И незачем им знать.

— От меня они ничего не узнают. Но Громовол может...

— Даже Громовол не такой болван, чтобы об этом трепаться. Потому что ему никак не отмазаться и не изобразить, будто не он во всем виноват. По законам нашего народа даже родной отец вытолкает его в шею, если эта история всплывет.

К нам направилась Шукрат со все еще слегка ошарашенным после семейной беседы лицом. Аркана слегка отодвинулась, но более никак не признала ее существование. Шукрат тоже не соизволила заметить Аркану и уселась на каменный пол, обняв ноги руками и положив подбородок на колени.

— Ну? — поинтересовался я. — Хочешь, я пойду и кое-кого отшлепаю за то, что он нагрубил моим девочкам?

Шукрат устало рассмеялась:

— Но бить тебе придется по другому концу. Примерно десять тысяч раз. Кузнечным молотом.

— И то лишь чтобы только привлечь их внимание, — добавила Аркана. Сейчас, когда они сидели рядом, ясно виделось их семейное сходство. Разными они казались, когда пребывали в вертикальном положении и поддавались порывам своих разных характеров.

А ведь девочки правы. Даже гибсли собственного мира не хватило, чтобы сдвинуть два старых валуна из пересохшего русла их упрямого мышления.

— Аркана, ты уже пришла в себя? — спросил я. — Не хочешь пойти и попереводить для меня? — Разумеется, я мог бы пообщаться с ними и на языке Арчи, но так мне подворачивался шанс доказать девушке, что она нам полезна.

Аркана на секунду задумалась. Потом они с Шукрат переглянулись и обе посмотрели на меня.

— Я их только слегка подражаю, — пообещал я.

Старые хрычи не давали своим клыкам затупиться, обтачивая их о Громовола. Я, пожалуй, даже пожалел бы парня, если бы он не наломал таких дров. Его я в наш мир возвращать точно не намеревался. И ему предстояло вынести все, что собиралась обрушить на него эта парочка.

— Вы тут немного обидели моих девочек, — заявил я Первому Отцу. — И вообще пора переходить от слов к делу. У кого-нибудь из вас есть желание вернуться и посмотреть, что творится у вас дома?

Ни слова в ответ. Только злобные взгляды.

— Значит, вы и в самом деле не знаете, как там дела... Аркана, детка, они попросту сбежали. А то, что они якобы явились за вами, — просто предлог. И теперь, используя его, они не могут вернуться. Спорю на что угодно, но вряд ли Шевиття удерживал их тут силой. — Мне вспомнилось, что сперва их было трое. Третий наверняка отправился обратно. И вполне мог погибнуть по дороге, так и не донеся новости.

Так эти старые прохиндеи трусы? Все сходится.

Впервые за несколько поколений Ворошки столкнулись с тем, с чем их клан не сумел справиться столь же легко, как человек может прихлопнуть комара. И для некоторых из них единственным выходом стало бегство.

А эти двое не желали возвращаться по той простой причине, что дома кто-то мог уцелеть.

— Я сейчас вернусь, — предупредил я и направился к Тобо. Оторвав его от дел, я кратко изложил свои выводы. — Сколько времени мы здесь еще пробудем? Успею ли я слетать со старыми хрычами к вратам Хатовара, чтобы мы смогли сами увидеть, что там натворили Тени?

Глаза Тобо стали пустыми.

Я уже собрался пошлепать его по щекам, чтобы снова привлечь к себе внимание, но взгляд его вдруг снова стал осмысленным, и он поведал:

— Шевитья говорит, что это станет огромным риском для здоровья. Шевитья говорит, что ты прав в том, что касается Ворошков. Они действительно сбежали. Шевитья говорит, что более храбрые члены клана все еще активны. И немало Теней тоже активно. Шевитья говорит, что врата постепенно зарастают и закрываются. И почти все уцелевшие Тени сейчас находятся по другую их сторону. Шевитья говорит, чтобы мы оставили их в покое. Шевитья говорит: действуй по своему плану. Шевитья говорит, чтобы ты не забивал себе голову Хатоваром. Ты не сможешь туда попасть. А попытавшись это сделать, погибнешь. Никуда он не денется, пока не будет сделано все остальное.

Кто это говорил — Тобо или демон шевелил его губами?

— Боюсь, у Шевитьи внутри огромное количество вонючего коричневого вещества. Для парня, который никогда не ест.

— А по-твоему, разве не логично, что он проявляет легкий эгоизм, указывая нам, в каком порядке следует

делать дела? Если учесть величину его вклада в наше дело.

— Чушь! — Я направился обратно к Аркане. На ходу я размышлял о том, как можно убить богиню и при этом уцелеть. Но не просто уцелеть, а не отправиться сразу же по темной дорожке следом за ней. — Детка, скажи этим старым пердунам, что они должны полететь вместе со мной к вашему миру. И что я желаю увидеть, что там делается. И что мне очень хочется узнать, что осталось от Хатовара.

Аркана сделала несколько мелких шажков и встала передо мной, спиной к Нашуну и Первому Отцу.

— Ты это серьезно?

— Да. Для них — серьезно, — ответил я шепотом, потому что полудурок Громовол стал проявлять интерес к нашему разговору.

Старые хрычи даже не стали выдумывать предлог, чтобы не отправляться в познавательное путешествие домой. Они попросту заявили, что не полетят.

— А какие у вас вообще планы на будущее? — поинтересовался я. — Шевитья не позволит вам вечно здесь бездельничать.

Они сразу заподозрили, что их во что-то втягивают. И, разумеется, были совершенно правы.

— В Отряде всегда найдется местечко для парочки хороших людей, — добавил я. Или парочки плохих, если уж на то пошло. Насчет трусов и лицемеров я был не столь уверен — хотя возможность завербовать двух лишних чародеев стоила такой попытки.

Правда, тут сразу возникала проблема: если мне удастся охмурить эту парочку, то как потом держать их под контролем?

Похоже, это задачка как раз для Госпожи. Ей постоянно приходилось ее решать до того, как в ее жизнь вломился я.

Я услышал, как в черепушках Ворошков со скрежетом закрутились колесики, перемалывая вполне

очевидные мысли. Пообещаем Костоправу что угодно. Пусть услышит то, что хочет услышать. Выберемся с этой жестокой и страшной равнины. Потом сбежим. Отыщем местечко, где еще не слыхали про Ворошков и где нет местных сильных чародеев. Откроем там свою лавочку и сколотим потихоньку новенькую империю.

Точно так поступили до них Хозяева Теней.

— Скажи им, что я даю им на размышления день-другой, а потом вернусь за ответом.

Уходя вместе со мной, Аркана сказала:

— Если они согласятся присоединиться к вам, то проблем у вас станет куда больше, чем было с Громо-волом.

— Правда? — Я сказал это так, чтобы стало ясно: я не такой болван, каким выгляжу. — И как, по-твоему, мы сможем это предотвратить?

Кое-какие идеи у нее имелись:

— Поступите с ними так же, как с нами. Пусть разденутся догола. Отнимите у них рейттейстидены и шефсепокены — черную одежду. Заставьте их оставаться на земле, где они наиболее уязвимы. Но пообещайте все вернуть, когда они докажут, что им можно доверять. А доказывать это они смогут бесконечно.

— Я тебя удочерю. Из тебя выйдет замечательная дочурка. Эй, хитромудрая будущая дочка номер два. Ты слышала Аркану. А ты что думаешь?

— Думаю, что она права, — неохотно признала Шукрат.

— Превосходно! Теперь давайте узнаем мнение вашей будущей зловещей матушки.

Мы отыскиали Госпожу за чтением того, что Баладитай написал за последние годы, — ни больше, ни меньше, как биографии Шевиты.

— Дорогая, я решил, что нам просто необходимо удочерить этих двух замечательных деток. Они становятся такими же злодейками, какой мы всегда мечтали видеть нашу Бубу.

Госпожа наградила меня подозрительным взглядом, решила, что я дурачусь, но при этом говорю серьезно. Ни больше, ни меньше.

— Рассказывай.

— Начинайте, девочки, — сказал я.

89. Возле кладбища. Неразбериха нарастает

Дрема знала: мало ожидать, что верховный главнокомандующий сохранит наступательный порыв. Ей нужно перехитрить его. На сей раз она не может допустить, чтобы Могаба ее обошел.

И она создала два независимых штаба, занимающихся составлением планов. Первый состоял из Икбала и Ранмаста Сингхов, Рекохода, Сари, Лозана Лебеда и других — тех, кто был с Дремой со времен кьяулунских войн. Она даже вызвала из Джайкура Ножа, потому что тот знал Могабу лично и одно время ходил в числе его приближенных.

Второй генеральный штаб состоял исключительно из хсиенских офицеров. Они знали Могабу только как пугало. И об окружающей местности знали только то, что было отражено на картах и что им доносила разведка.

Дрема надеялась отыскать нечто полезное в промежутке между различными видениями проблемы.

Она не давала своей кавалерии засиживаться: гоняла их на разведку, заставляла преследовать разведчиков Могабы, ввязываться в стычки с патрулями противника — она старалась определить, где находятся главные силы верховного главнокомандующего.

Могаба поступал так же. Обе стороны весьма полагались на сведения, полученные от гражданских. Движение по Каменной дороге сильно сократилось, но не остановилось полностью.

Каждый из штабов выдал несколько возможных вариантов действия противника. Дрема предложила дублерам разработать планы противодействия. Кончилось

все тем, что через двое почти бессонных суток ясности у нее имелось не больше, чем в начале.

И она решила положиться на интуицию. Она помогала ей лучше всего — во всяком случае, во время ее предыдущих игр с верховным главнокомандующим.

90. Район кладбища. Все еще неразбериха

— Меня все больше беспокоит, что все эти уловки помогают им больше, чем нам, — заявил Могаба своим командирам. — Сейчас уже нет сомнений, что они лишились магической поддержки. Но каждый час, затраченный на маневры, приближает момент, когда они вернут себе это преимущество.

— Но разве мы не уступаем им до сих пор при непосредственном столкновении? — спросил Аридата.

— На уровне «солдат против солдата» — возможно. Но у нас солдат в три раза больше. А они до сих пор пытаются оборонять линию от Рокового перелеска до позиций вблизи их лагеря. И для десяти тысяч человек это слишком растянутый фронт.

Вопросов никто не задавал. Предложений тоже не поступало. Могаба редко спрашивал совета. Собирая своих Капитанов, он намеревался раздавать указания. А их дело — обеспечивать выполнение.

— Я возвращаюсь к первоначальному плану. Вторая дивизия нанесет удар в центре. Я навязу противнику бой и удержу его на месте. Сингх, будешь наступать в прежнем направлении, имея ту же задачу. Как только выйдешь к ним в тыл, перестроишь дивизию в боевой порядок и будешь наступать в направлении Каменной дороги. Если остальные из нас сделают свое дело, тебе останется лишь перехватывать беглецов.

Могаба опустил руку на плечо молодого офицера по имени Наренда Нат Сарасвати, отпрыска старинной аристократической семьи. Уже третье поколение этой семьи избирало военную стезю — еще со времен первых стычек в войнах с Хозяевами Теней. Два дня

назад Сарасвати был еще командиром полка с агрессивными наклонностями. И когда верховного главнокомандующего разочаровали вялые действия оставшейся у него дивизии, агрессивная натура Сарасвати предоставила ему шанс блеснуть.

— Наренда, — заговорил Могаба, — как только я завяжу бой с противником, немедленно выдвигай всю свою дивизию вперед на узком фронте вдоль опушки этого леса. — После предыдущего сражения эту дивизию перебросили на правый фланг. — Захвати их лагерь. Это будет нетрудно — его обороняют только новобранцы. Как только очистишь лагерь, перестраивайся и наступай так, чтобы ударить противнику в левый фланг, по его тылам и резервам. Но не начинай атаку, пока я плотно не сцеплюсь с противником.

И еще одно. Я хочу, чтобы вы оба оставили свои главные штандарты со мной. Если враги их увидят, то могут поверить, что я сосредоточиваю все силы в одном месте.

Могаба выдержал паузу. Вопросов не последовало. Все это уже обсуждалось и планировалось. Теперь оставалось лишь заново поднять боевой дух.

— Я вступлю в дело утром. После разведчиков и патрулей. И проследите, чтобы ваши люди были всем обеспечены и хорошо накормлены. Я лично задушу любого офицера, который не сумеет добиться благополучия своих солдат.

Взгляды верховного главнокомандующего были хорошо известны, однако далеко не все офицеры их одобряли. Коррупция настолько глубоко въелась в таг-лиосское общество, что даже после периода общественных противоречий и регулярных кровавых пертурбаций все еще находились такие, кто никак не мог усвоить, что воровство у солдат, которыми командуешь, не есть приемлемый метод пополнения своих доходов.

Несмотря на все свои различия, Черный Отряд, Протектор, верховный главнокомандующий и прочие

северяне, получившие власть, упорно старались повысить эффективность своих режимов, искореняя воровство и коррупцию. И это гораздо больше, чем что-либо иное, делало пришельцев невероятно чуждыми.

— Аридата, погоди. Мне пришло в голову, что если все пройдет хорошо, то Сарасвати разобьет врага быстрее, чем ты успеешь занять позиции у него в тылу.

— Я подумывал о том, чтобы выступить ночью, а утром укрыться в Роковом перелеске.

— Хорошая идея. Я к ней кое-что добавлю. Когда выйдешь из перелеска, построь своих людей в длинную линию, чтобы перехватить как можно больше тех, кто побежит на юг. Меня особенно интересуют те, кто в свое время ушел в подполье, а пять лет спустя объявился, да еще с новенькой армией.

— Сделаю все, что в моих силах.

Могаба зарычал. Такие обещания он ненавидел. Они звучали как заранее высказанное оправдание неудачи. Впрочем, Аридата никогда не принадлежал к тем, кто оправдывает собственные упущения. Он предпочитал находить оправдания тому, почему потерпели неудачу другие.

91. Там же. Неразберихи еще больше

— Сегодня решающий день, — сказала Дрема своим Капитанам. — Я это чувствую. — Потом она разнесла Костоправа, Тобо и остальных за то, что они так долго не возвращаются. Затем начала отдавать распоряжения. Ей сразу начали возражать, и она рявкнула: — Могаба снова разделит свои силы! И он за это поплатится. А если хотите со мной спорить, то я приму вашу отставку немедленно. У меня найдутся офицеры, которые выполняют то, что им приказано, и при этом помалкивают.

Несколько часов спустя Могаба объявился почти в точности там, где она его ожидала. Он растянул свои войска широким фронтом, и она некоторое вре-

мя опасалась, что неправильно предугадала его намерения и он сейчас пойдет в лобовую атаку, навалившись всеми силами. Но атаковал он не столь энергично, как в том случае, если бы ее предположения оказались верны.

Дрема, в свою очередь, тоже не стала давить. Время еще не настало. Она не желала делать очевидным тот факт, что и она не сконцентрировала свои силы. Дрема продолжала тактику стычек и кратковременных набегов на противника, но отступала всякий раз, когда Могаба отвечал, бросая в бой значительные силы. Ему приходилось продвигаться вперед и потому, что он был вынужден сохранять контакт, и потому, что Дрема отступала, заманивая его в ловушку. Похоже, он сам хотел наступать в этом направлении.

Когда дивизия Могабы, прежде укрытая за грядой холмов, бросилась вперед на правом фланге, она утратила всякий боевой порядок. От противника ее отделяла почти миля, а ее командир стремился нанести удар быстрее, чем враг успеет отреагировать, и ему было не до красоты наступающих рядов.

Зато солдаты в разноцветных доспехах, показавшиеся со стороны кладбища, маршировали в безукоризненном боевом порядке. Некоторые несли недавно изготовленные пускатели огненных шаров. И они начали косить наступающую толпу, не дав таглиосцам времени осознать, что на сей раз судьба сдала им крапленую карту с низа колоды. А продержались они так долго только потому, что их было очень много.

92. Там же. Неразбериха все сильнее

— Они начинают сопротивляться на своем правом фланге, — сообщил Могабе один из офицеров. — А на левом отходят.

— Тут что-то не так, — заявил Могаба. — Их должно быть больше.

— Почему мы на них не давим?

— Объяви общее наступление. Но в медленном темпе.

Первое убийственное сообщение поступило всего несколько минут спустя. Дивизия Наренды Сарасвати бежит. Сам Сарасвати погиб. Большинство его офицеров захвачено в плен или тоже убито.

Еще не успев осознать это известие, Могаба услышал справа звуки горнов и увидел наступающего противника — разноцветные прямоугольные каре, у каждого солдата за спиной флажок. Кавалеристы сметали с пути пехотинцев отбившихся от своих частей солдат Могабы, беглецов и дураков, решивших оказать сопротивление.

Верховному главнокомандующему хватило секунды, чтобы понять — Дрема решила нанести его Второй дивизии удар в почки, бросив на это свои отборные полки.

— Атака всеми силами! — приказал он. — В самом быстром темпе! — Если он сумеет двинуть солдат вперед быстрее, чем они осознают опасность, то есть шанс задавить врага численным превосходством. — Эта ведьма все-таки подловила меня. — Но в тылу у Дремы все еще находился Аридата. Так что еще посмотрим, кто кого.

Острые атаки Могаба нацелил на вражеский лагерь. Если ему удастся пробиться за палисад...

93. Возле Рокового перелеска. Неразбериха нарастает

Аридата узнал о развивающейся катастрофе от кавалериста-веднаита, вынужденного бежать в его направлении — огибая восточную окраину поля боя, — потому что вражеские пикетчики уже перекрыли путь на север. И Аридата сумел вызнать правду, выудив ее из мешанины противоречивых донесений.

Он приказал дивизии построиться в боевой порядок.

Ядро дивизии составляли его Городские батальоны — хорошо вымуштрованные солдаты, почти ветераны. Через два часа Сингх увидел противника. Интервенты и их союзники из числа местных предателей перемешались в огромной кровавой мясорубке со всеми таглиосскими войсками, которые Могаба сумел удержать на поле боя, или теми, кто не успел вовремя сбежать. Очевидно, находящаяся в тылу дивизия Сингха не очень-то их и волновала.

Появление Аридаты стало для врага почти полной неожиданностью. Что же до эффективности этого появления... Его солдаты не умели противостоять ужасу. И все они знали, что их братья из других дивизий уже проиграли сражение и теперь лишь дорого продавали свои жизни.

Смертельно вымотанные армии разошлись незадолго до заката. Солдаты обеих сторон увидели за этот день столько ужасов, что под конец перестали мешать врагам, которыми, казалось, овладело единственное желание — уйти, если им не станут мешать.

Но кто же победил?

В тот день аргументы были одинаково вескими в отношении любой из сторон. Окончательные выводы предстояло сделать тем историкам, которые станут изучать влияние этой битвы на таглиосское общество и культуру. Она могла стать или водоразделом, или ничем не примечательным событием — в зависимости от последствий и реакции населения.

94. Возле кладбища. Время скорбеть

Даже у Дремы не осталось физической или умственной энергии, чтобы делать что-либо полезное. Она рухнула возле мертвой лошади, прислонилась к седлу и погрузилась в волны сумерек и усталости. Она не испытывала волнения даже при мысли о том, что

сломала хребет последней таглиосской армии и впервые удержала за собой поле боя после сражения. А вот Могаба — если он еще жив — ускользнул.

Этому настроению немало способствовал тот факт, что вклад Суврина в победу оказался не меньшим, чем самой Дремы. Только Суврин постоянно помнил о третьей таглиосской дивизии. И когда враг появился, он сумел выставить против него свою бригаду. Если бы не хладнокровие Суврина, верховный главнокомандующий снова удержал бы за собой поле боя и теперь праздновал победу. Хотя число мертвых и умирающих оказалось бы, скорее всего, примерно таким же.

Суврин сел рядом с ней и долгое время молчал. Дрема тоже. Впервые за десятки лет ей захотелось кого-то обнять и чтобы ее тоже кто-нибудь обнял. Но она подавила это желание.

— Лозан Лебедь мертв, — сказал наконец Суврин. — Я недавно видел его тело.

Дрема хмыкнула.

— У меня такое предчувствие, что когда мы соберем мертвых, то придется оплакивать много старых друзей. Я видела, как погибли Икбал и Рекоход.

— Нет! Только не Икбал! Кто теперь позаботится о Сурувайе?

— Отряд, Суврин. Если только она сама не захочет нас покинуть. — И Ранмаст, если он уцелел. По законам шадаритской религии он был обязан заботиться о жене погибшего брата. — Она одна из нас. А мы своих не бросаем. У нас остались люди, у которых хватит сил пойти сегодня в пикеты?

Суврин что-то вопросительно буркнул.

— Ведь там верховный главнокомандующий. Железный Могаба. И если он не свалился с тяжелыми ранами и сумел собрать сколько-нибудь солдат для ночной атаки, то он вернется. Даже если ему придется все делать самому.

Суврин несколько раз глубоко и задумчиво вздохнул.

— У нас есть немало новобранцев, которые почти ничего не делали, а лишь прятались на кладбище. Я уже отчитал кое-кого за то, что они грабили мертвецов.

— Даже если они побегут — неважно. Лишь бы бежали в нашу сторону.

— Угу.

— Лебедь... Он никогда не... Он так и не нашел свою мечту.

— Я всегда представлял его обывателем. Он всегда лишь дрейфовал туда, куда нес его поток жизни. Иногда вспыхивал, но никогда по-настоящему не стремился возвыситься и взять судьбу в свои руки. Возможно, он был еще и безнадежным романтиком. В Анналах написано, что он когда-то влюбился в Госпожу. А потом в Протектора. Тут ему повезло намного больше, но он еще успел пожалеть о таком везении. Думаю, когда-то он вздыхал и по тебе.

— Мы были друзьями. Просто хорошими друзьями.

Суврин не стал спорить. Но голос Дремы дрогнул, и этого оказалось достаточно, чтобы Суврин задумался: не было ли когда-нибудь, пусть всего раз или два, чего-то такого, что дало повод для пересудов о Лебеде и Дреме?

А хоть бы и было. Не его это дело.

— Мне не следовало ввязываться в драку до возвращения Тобо и остальных.

— Могaba все равно не дал бы тебе передышки, — заметил Суврин. — Так что не казни себя. Он в любом случае стал бы тебя упорно преследовать, пытаясь воспользоваться их отсутствием.

Дрема знала, что это так, но от правды ей легче не стало. Множество людей погибло. Многие из них были ее давними товарищами. А ее задачей было уберечь их, а не погубить. И это ей не удалось.

А полный и мрачный масштаб трагедии ей еще предстояло узнать.

95. Безымянная крепость. Подземелье

— Она выглядит такой умиротворенной, — нараспев проговорила Госпожа. Мы стояли возле ее сестры в пещере древних. Душелов теперь лежала на том самом месте, где покоилась Госпожа в годы Пленения.

Я не сразу понял, что произнесла она это с сарказмом, повторяя ту чепуху, что обычно говорят на похоронах. Госпожа не сомневалась, что Душелов частично осознает происходящее. А более интимно общаться с сестричкой она не могла.

— Мы сделали то, ради чего прилетели. Теперь нужно подумать о возвращении в Отряд, — сказал я, хотя еще не избавился от искушения слетать к вратам в Хатовар, пока они не закрылись окончательно.

И еще я намеревался взглянуть на то мрачное существо, которое играло нашими жизнями и судьбами задолго до того, как мы слышали любое из его имен.

— Да, — согласилась Госпожа. — Мы ведь так и не знаем, какие подлжки успели подбросить им Бубу, Хадида и Могаба, пока за ними не присматривали Тобо и Ревун.

— Если Могаба поймет, что Дрема осталась без чародеев, то он накинется на нее, как змея на дерьмо.

— Выражение цветистое, но бессмысленное. — Я отметил, что она не перечислила себя вместе с Тобо и Ревуном. И тем не менее я сильно подозревал, что теперь она способна сосать магическую силу Кины не хуже королевы вампиров. Иногда я гадаю, чем это обернется в тот день, когда настанет час расплачиваться с Шевитьей. Она *очень* не хотела превращаться в нечто старое, морщинистое и седое и слишком похожее на ее мать, которую она едва помнила.

— Просто вспомнил одного отрядного сержанта. Это было еще до тебя. Его звали Ильмо. Он любил выдавать необычные фразы.

— А ты стареешь.

— Я всю свою жизнь провел в прошлом, дорогая. Нам пора седлать коней. — В пещеру мы спустились вдоль длинной лестницы верхом на летательном столбе Ворошков. Какой замечательный способ иметь дело с лестницами, когда тебе уже не двадцать лет!

Госпожа протянула руку, чтобы похлопать сестричку по плечу. Обычный безобидный жест.

— Стой! — рывкнул я так громко, что где-то в глубине пещеры обломилось несколько маленьких ледяных сталактитов.

— Ой... Я не подумала.

Вдоль стен пещеры тянулись ряды покрытых корочкой льда старцев. Никто не знал, кто они такие. Кроме, возможно, Баладитая. Почти все были еще живы. И все, подобно Душелову, беглецы, спасающиеся от некой неприветливой к ним силы. Но некоторые — и среди них слишком много братьев по Отряду времен Пленения — стали мертвым мясом. И чтобы убить их, хватило бы бездумного легкого или дружеского прикосновения.

Госпожа направилась к выходу, а я напоследок обвел взглядом местное население. Как и всегда, создавалось впечатление, будто все открытые глаза смотрят на меня. Я встретился взглядом с невидящими глазами Душелова и, сам не знаю зачем, подмигнул ей. Мы с ней старые конспираторы. И давно знаем друг друга. А с ней я познакомился куда раньше, чем с ее сестрой, — в давние, полные ужасов времена.

То ли сработала игра света, то ли мое воображение, но мне показалось, что она подмигнула мне в ответ.

Когда мы вернулись наверх, остальные уже начали собираться в обратный путь. Ревун громко похвалялся перед всеми желающими его послушать своей недавно обретенной способностью молчать. Он выглядел почти благодарным. Будучи старым циником, я весьма скептически оценивал истинную стоимость человеческой благодарности. Это валюта, чья ценность падает каждый час.

Оба старых чародея-Ворошка тоже готовились к путешествию. И это означало, что они поддались уговорам Тобо, пока мы с Госпожой находились в подземелье. И еще то, что для них оказалось легче расстаться с летательными столбами и магической одеждой, чем заставить себя вернуться в родной мир.

Выходит, что новости оттуда оказались весьма неприятными.

— Ты понимаешь, что это означает? — спросил я Тобо.

— Что? — Парень расслабился, флиртуя с Шукрат. Судя по их глуповато-счастливым взглядам, у меня создалось впечатление, что эта парочка вот-вот начнет уединяться в темных углах. Они уже не могли обходиться друг без друга.

И это вряд ли доставит Сари великую радость.

— Это означает, что нам нужно оставить внизу и Громовола. Или убить его. Что явится неверным политическим ходом. Но что-то делать с ним надо, поскольку я ни за что не позволю ему вернуться вместе с нами и создавать нам новые проблемы.

— Я поговорю с Нашуном и Первым Отцом. — Тобо повернулся к Шукрат: — Пойдем, дорогая.

Ха! Дорогая.

Процессия из нескольких летательных столбов спускалась в пещеру древних. О, насколько же это легче, чем топать пешком вниз и вверх. Старые Ворошки,

облаченные в одолженные лохмотья, восседали за спиной Тобо и Шукрат. Громовол ехал позади Арканы, и это ничуть не мешало ей управлять леталкой.

Громовол рыдал и умолял, пока его вопли не достали всех.

Я могу заявить, что я человек безжалостный, но это не так. Будь я воистину безжалостным, кусочки Громовола разлетелись бы по всему миру после парочки моих острых замечаний насчет его характера и скверного поведения.

Сейчас я ощущал себя одним из Ворошков. Да я и *выглядел* как Ворошк. И моя ненаглядная тоже. Заключив со старыми хрычами сделку, мы вынудили их передать нам свои замечательные черные костюмчики.

Они станут восхитительным дополнением к доспехам Жизнедава и Вдоводола.

Тобо и Шукрат выглядели не менее внушительно — Тобо позаимствовал для себя черное одеяние Громовола.

У нас ушло всего несколько минут, чтобы уложить Громовола неподалеку от замерзших трупов тех, что некогда были моими друзьями. Не успели отзвучать его последние мольбы, как я сказал Госпоже:

— Я собираюсь спуститься на дно этой дыры. Хочу взглянуть на старую сволочь, которая отравляет нам жизнь уже полсотни лет.

— Ты что, рехнулся? — завопил Тобо. — Я туда точно не пойду. Я нервничаю уже от того, что она так близко.

— Тогда возвращайся наверх. Шукрат, ответь-ка мне на парочку технических вопросов, пока не ушла. Пожалуйста.

Черный барьер, приводивший Ножа в такое отчаяние, снова оказался на месте. Он жутко давил на мое

сознание, но летательный столб совершенно его не за-
мстил. Он полетел дальше. Надетое на меня черное оде-
яние Ворошка слегка зашевелилось, плотнее окутывая
меня магической защитой.

Я уже знал, как называются столб и черный кос-
тюм на языке Ворошков, но не желал произносить эти
длинные гроыхающие слова. Язык можно сломать.

Столб преодолел барьер. Сидящая за моей спиной
Госпожа издала негромкий звук, напоминающий те, ко-
торые я от нее слышу, когда мы занимаемся любовью.

Нам открылась именно та сцена, которую описыва-
ли другие: гигантская подземная полость без явных
границ, освещенная чрезвычайно тусклым светом, ис-
ходящим неизвестно откуда. Мы смогли разглядеть
лишь распростертую на полу огромную гору уродли-
вой плоти цвета глянцевого баклажана. Она не шеве-
лилась, даже не дышала.

Кина выглядела как старшая сестра Шевиты. Она
казалась воплощением всех тайных пороков, которые
ей приписывали под всеми ее многочисленными име-
нами с тех самых пор, как я узнал о ее существовании.

Мои воспоминания о следующих нескольких ми-
нутах совершенно ненадежны.

Почти немедленно большая лысая голова повер-
нулась в нашу сторону. Рот Кины открылся, обнажив
уродливые темные клыки. Кажется, язык у нее был
как у змеи или ящерицы. Не припоминаю, чтобы преж-
де кто-то описывал ее язык именно таким, хотя ему и
положено быть длинным, чтобы удобнее лакать кровь
демонов.

Глаза богини стали открываться.

Сокрушительный напор ее воли обрушился на
меня приливной волной. Свет погас. Для меня.

— Похоже, на сей раз тебе повезло, — сказал
Тобо. — Леталка сама вынесла тебя оттуда.

Мне хотелось ответить, что везение тут ни при чем. Я все именно так и спланировал и с помощью его подружки настроил леталку на автоматическое возвращение. Но сейчас сил у меня едва хватало, чтобы дышать.

— Как Госпожа? — кое-как выдохнул я.

— Получше тебя. Она сейчас спит. Просила тебе передать, чтобы ты тоже отдыхал. Вот, возьми, это манна Шевитья. Она тебя подкрепит. Если сумеешь ее проглотить.

Я с трудом повернул голову и увидел демона.

Шевитья смотрел на меня. На его плече сидела белая ворона. Но не одна из моих. Демон продемонстрировал мне парочку зубов — наверное, решил, что умеет улыбаться. Странно. Что-то я не припомню, что прежде он выказывал хоть какие-то чувства.

Наверное, он успел пошарить у меня в голове. И знает, что у меня появилась идея, как прикончить Кину.

Надеюсь, богиня не успела тоже заглянуть мне в мозги.

Когда-нибудь. Не сейчас. Если сумею собрать все нужные кусочки воедино.

Белая ворона фыркнула. Кажется, они это умеют.

Тобо понял: что-то произошло, но не догадался, что именно. Думаю, мои новые дочурки соображают быстрее, чем он.

96. Врата Теней. Плохие новости

Я стоял у врат и сплетничал с Пандой и Призраком, которые рассказывали, что такого приятного поручения, как приглядывать за вратами, они никогда еще не выполняли. Работенка легкая, местные дружелюбны. И если бы не досаждали занудливые призраки с равнины...

Через врата прошли Тобо и Шукрат. И почти немедленно Тобо отчаянно воскликнул:

— Тут было сражение!

Секунду спустя он уже взмыл в небо, направляясь на север и волоча за собой развевающийся черный шлейф. Следом за ним тут же взлетела Шукрат, медленно догоняя Тобо.

— Означает ли это, что нам следует волноваться? — спросила озабоченная Госпожа.

— Думаю, да. Наверное, этот прохиндей что-то узнал от своих приятелей.

— И новость оказалась настолько плохой, что он помчался туда сломя голову.

Если во время нашего отсутствия произошло сражение, то ничего хорошего ждать не приходится.

— Ты тоже полетишь туда выяснять, что случилось? — спросила она.

— Не вижу смысла. — Я ткнул пальцем в сторону ковра, который потрескивал и прогибался под тяжестью тех, кому мы не могли доверять. — Я в любом случае ничем не смогу им помочь. Взгляни-ка туда. — По земле, вдогонку за Тобо и Шукрат, мчалась некая зыбкая рябь, искажение ткани реальности. — Тайный народец отправился вслед за своим героем.

— А что они здесь делали?

— Дожидались Тобо.

— Но им следовало находиться рядом с Дремой. Какая от них нам польза возле врат, когда... О, поняла. Им наплевать, приносят ли они нам хоть какую-то пользу.

— Вот именно. Им нужен только Тобо. И если они что-то для нас и делают, то исключительно, чтобы доставить приятное ему. И поэтому же две трети времени я не вижу своих двух ворон, которым положено быть моими постоянными наплечными украшениями, посыльными и зоркими глазами. Они вечно забывают, что им нужно держаться рядом со мной. И отправляются на поиски Тобо. Однако могу по-

спорить, что они вернутся быстрее, чем мы доберемся до Дремы.

— Тут и спорить не о чем.

Перевалив через Данда-Преш, я направил ковер по курсу, повторяющему направление, в котором шла Дрема, двигаясь на север. Когда Госпожа спросила, почему я не полетел прямо на север, выжимая из ковра всю дозволенную скорость, я ответил:

— Мне показалось, что я кое-что заметил, когда мы снижались. И мне надо это проверить. Надеюсь, то была игра воображения. — Но из краткого разговора с охранниками врат я сделал вывод, что кошмар может стать реальностью.

Госпоже стало любопытно, но она удержалась от вопросов. Мы могли лететь так быстро, что небольшое отклонение от курса не задержит нас надолго.

Я нашел то, что искал, пролетев вдоль пути, по которому Дрема шла из Гархавнеса, и почти в точности в том месте, где она свернула к Деджагору.

— Смотри! Там! — крикнул я Госпоже, заметив нечто быстро движущееся в рощице корявых дубов.

— А что там? — Она ничего не заметила.

— Нефы.

— Нефы? Нефы сейчас в мире Ворошков. И заперты в нем.

— По словам Призрака и Панды — нет. Они сказали, что Нефы приходили к ним почти каждую ночь.

— Да, но как они прошли через врата?

— Не знаю. — Я уже летел по спирали, сбрасывая высоту. Снизившись до вершин деревьев, я стал летать над рощицей зигзагами, но ничего не заметил. Ничего я не увидел и тогда, когда снизился еще больше и заскользил между стволами деревьев.

Я ничего не обнаружил. Даже намека.

Моим спутникам это надоело, и они начали на меня покрививать.

Ладно. Тут они правы. Нас ждут дела на севере.

97. Возле кладбища. Среди мертвецов

После сражения прошло больше суток, но хирурги до сих пор работали без отдыха. Раненые все еще лежали длинными рядами, дожидаясь своей очереди, — стонали, кричали, кто-то бредил. А некоторые умирали. Похоронная команда обходила их ряды, унося скончавшихся. Как много их умерло в одиночестве среди сотен других, не дождавшись утешения.

Величие войны.

Первобытный страх. Для меня, во всяком случае.

Я быстро проверил, соблюдаются ли мои указания насчет чистоты и антисептики. Хотя бы у нескольких раненых повысятся шансы выжить, если хирурги и их помощники станут скрупулезно придерживаться правил. Даже когда они вымотаны как сейчас, и искушение схалтурить хоть в чем-то становится почти непреодолимым.

Неподалеку от наших раненых лежали раненые из армии Могабы. Они, скорее всего, вообще никакой помощи не дождутся — если только не сумеют помочь себе сами. Я не сомневался, что медикаментов у нас не хватает так же, как и медиков. Похоже, сражение оказалось гораздо масштабнее, чем я предполагал. Или как минимум солдаты дрались отчаяннее, вот и появилось столько раненых за такое короткое время.

Ранмаст Сингх, ковыляя на костылях, отвел меня к Дреме.

Она выглядела так, словно утратила ориентацию во времени и пространстве. Мне знаком этот стариковский взгляд, потому что я сам там побывал. Она балансировала на грани обморока, потому что после начала сражения спала лишь урывками.

— Ты не можешь делать все сама, Капитан. И от тебя будет гораздо больше пользы, если ты поручишь дела нам, а сама отдохнешь. Если Могаба сейчас вернется, то ты не сможешь мыслить быстро и четко, чтобы командовать.

Она взглянула на меня раздраженно, но сил на спор у нее уже не осталось.

— Насколько я поняла, идя сюда, ты не прошел мимо мертвых.

— Я побывал в госпитале. — Она знала, что первым делом я загляну в госпиталь. А после нашего разговора вернусь туда и предложу ту скромную помощь, которую можно ждать от старика с покалеченной рукой и почти слепого на один глаз.

— Значит, ты еще не знаешь, что не осталось почти никого, кому я могла бы доверить дела, пока сплю. Лебедь мертв, Костоправ. Нож мертв. Икбал Сингх мертв. Рекоход мертв. Добавь к списку Фама Ху Кли, Ли Вана, обоих братьев Чан и твоих старых инженеров, Клетуса и Лофтуса. Открылось огромное число вакансий. Назови любое имя, и тебе почти наверняка ответят, что этот человек мертв или ранен. Черт, даже Сари, возможно, погибла. Мы пока не смогли ее отыскать.

— Мы вернулись, — напомнил я. Это должно снять груз с ее плеч. — И с успехом, должен добавить. А где Суврин?

— Суврин уцелел. Это он спас нас от поражения. Мы с ним договорились отдыхать по очереди, пока не убедимся, что Могаба не вернется. А сейчас мы с ним по очереди держим все под контролем.

Судя по тому, что я уже увидел и услышал, Могаба в ближайшее время не вернется — если только не заявится один. Его солдаты уже навоевались выше крыши.

Могаба уже вернулся бы, окажись у него хоть какие-то боеспособные войска. Осторожность и

медлительность — не те грехи, в которых можно обвинить верховного главнокомандующего.

Я услышал снаружи голос Тобо. Он обращался к своим призрачным приятелям. Вскоре мы узнаем о ситуации в лагере Могабы все, что пожелаем. А через несколько секунд тысячи невидимых существ отправятся на поиски Сари — и всех остальных пропавших без вести.

Парень взял командование на себя.

— Мне нельзя было начинать сражение, пока Тобо не вернулся, — пробормотала Дрема.

Я невольно повторил то, что ей уже говорил Суврин:

— Могаба не предоставил бы тебе выбора. У него нет наших возможностей в разведке, зато он умеет использовать то, что имеет. Вот в чем оказался наш просчет. Мы про это забыли. И нам следовало хотя бы сделать вид, что у нас в лагере остался чародей.

Дрема кивнула.

— Машешь кулаками после драки. Спасибо за напоминание. Я о нем вспомню, когда начну жалеть себя и винить в том, что не поступила иначе.

— Ты странная птичка, малышка.

— Что?

— Извини. У меня последнее время не выходит из головы Одноглазый. — Я не стал ей ничего объяснять. До тех пор, пока я не выпускаю свою гениальность из черепушки, остается неплохой шанс на то, что Кина ничего не узнает и не заставит меня пожалеть о своих замыслах. — Что известно о Гоблине и девушке? Было ли сражение в Роковом?..

— Пока не знаем. Полагаю, Тобо тебе все доложит. И вообще, думаю, что после возвращения Тобо все пойдет как по маслу. — Она попыталась придать голосу сарказм, но у нее не получилось. У нее остались лишь силы произносить слова монотонно.

— Через несколько минут здесь будут Госпожа и Мурген. Пусть они займутся Тобо, а ты пока отдохни.

Я отправился на экскурсию туда, где лежали негребенные мертвецы. Чтобы попрощаться. Они лежали рядами, дожидаясь похорон. Погода стояла холодная и сырая, поэтому разложение еще не зашло далеко, но все же сильно пахло кровью и выпотрошенными внутренностями. Мух было мало — не сезон. А вороны нынче стали редкостью. Стервятники кружили в небе, но садиться не осмеливались, потому что живые устраивали им весьма неласковый прием.

Когда кто-то опознавал одного из павших, таглиосские пленные переносили тело к соответствующей похоронной команде. Новобранцы и пленные в поте лица складывали гребальные костры, сжигали трупы, копали и заполняли могилы или возводили гребальные помосты для тех немногих, кому судьба предназначила покинуть землю именно таким способом.

Множество трупов уже обрело последний покой, но я понял, что, несмотря на прохладное время года, без массовых могил для таглиосских павших нам не обойтись. У нас попросту не хватит времени обеспечить каждому достойные похороны. Хотя уже начали появляться гражданские — родственники тех, кто воювал на стороне Могабы, — надеясь опознать и забрать тела своих близких.

Я задумался: не появились ли уже на Сияющей равнине неким мистическим образом новые обелиски с ползущими по их поверхности золотыми памятными знаками?

Ко мне подошел младший офицер из Страны Неизвестных Теней. Было видно, что его не радует назначение в похоронную команду. Наверное, заработал эту неприятную обязанность не тем поведением на поле боя.

— Господин, — обратился он ко мне, так четко отдав честь, что этого хватило бы для смягчения наказания, — вы мне очень поможете, если сообщите, как именно следует хоронить ваших старых товарищей.

Он отвел меня туда, где собрал не-таглиосцев родом не из Хсиена. Этот пяточок земли заняли мои бывшие приближенные и несколько нюень бао.

— Солдаты живут, — пробормотал я. Теперь из тех, кого я впервые увидел на дальнем берегу моря Мук, остались лишь Мурген и Госпожа. — Лебедя и братьев-инженеров похороните. На том кладбище. Но только четко обозначьте их могилы. Я хочу потом их отыскать и поставить достойные надгробия. Они заслуживают большего, чем краткое упоминание в Анналах. — Интересно, что подумал бы Лебедь о том, что ему придется лежать рядом с тенеземцами? В свое время он помог Ножу и Корди Мотеру уложить многих из них на этом кладбище.

О том, какие погребальные обычаи приняты у соплеменников Ножа, я не имел ни малейшего понятия. К тому же ни я и никто иной так и не узнал, кого он называл своими соплеменниками.

— Темнокожего мужчину похороните рядом с Лебедем. Может, они и ином мире смогут остаться приятелями. И наконец-то откроют пивоварню, о которой всегда мечтали.

Офицера мои слова озадачили, но комментировать их он не стал. Солдаты из Страны Неизвестных Теней успели привыкнуть к религиозным нелепостям нового мира. Я зашагал дальше — вдоль тел людей, которых Дрема приняла в Отряд в годы Пленения. Число павших меня встревожило. Пройдет немного времени, и она окажется без своих сверстников точно так же, как я теперь оказался без своих.

Очень много превосходных солдат из Страны Неизвестных Теней тоже лежали сейчас на этой холодной и твердой земле. И, что меня ничуть не удивило, множество солдат из местных, присоединившихся к нам недавно. Хуже всех обученные, они имели минимальные шансы уцелеть в сражении.

Я смотрел на всех этих мертвецов и надеялся, что сегодня Дрема дошла до определенной черты и отны-

не станет искать решения, которые не потребуют упрямого столкновения лбами до тех пор, пока кто-то из противников не рухнет, заработав сотрясение мозга. Впрочем, я не могу возложить вину за это только на нее. Судя по доступной мне информации, ни одно из ее решений я не смог бы назвать неверным. А тактиком она оказалась куда лучшим, чем был в свое время я.

98. Севернее кладбища. Могаба согмашается

Через двадцать шесть часов после приказа разорвать контакт с противником Могаба отказался от всякой надежды собрать ударный отряд для атаки, которая воспользовалась бы тем, что в лагере противника царят отчаяние и неразбериха. Его солдат тоже настолько потрепали, что они уже не могли забыть о своих отчаянии и неразберихе. Лишь дивизия Аридаты Сингха сумела сохранить целостность. В награду ей досталась задача отлавливать остатки отступающей армии Могабы.

Они состояли в основном из уцелевших солдат Второй дивизии. В дивизии же Сарасвати, некогда стоявшей на правом фланге, уцелел в лучшем случае один из десяти.

Вражеская кавалерия оставалась очень активной. Похоже, Дрема твердо решила не подпускать Могабу близко.

Низко над его головой пронеслись две черные тени, испускающие леденящий психический вопль. Внезапно и инстинктивно Могаба сообразил, что за ним наблюдают некие существа, которых он не может разглядеть, потому что попросту не успевает это сделать. И он понял, что его лучшей возможности воевать с Отрядом на равных пришел конец. Он вызвал своего нового адъютанта, занявшего эту должность всего несколько часов назад. Несколько его предшественников уже лежали на поле боя.

— Приведи ко мне пленников-Обманников.

— Господин?

— Пленников, которых генерал Сингх захватил в Роковом перелеске. — Могаба решил предложить им сделку. Пусть девушка еще некоторое время изображает Протектора. Если Протектор вскоре покажется где-либо на людях, в Таглиосе будет спокойнее.

— Эти пленники отправлены на север, господин. По особому распоряжению генерала Сингха, поскольку они, по его словам, представляют большую опасность.

— Он прав. Это наилучшее решение. Мы не хотим, чтобы они попали в руки неприятеля. — На людях Могаба настойчиво твердил, что завершившееся сражение следует считать триумфом. И ожидал, что офицеры станут поступать так же.

Могаба ненадолго задумался, оценивая имеющиеся у него варианты выбора. Ему хватило минуты, чтобы заключить — наилучшим решением сейчас станет отход к Таглиосу.

О, как ему этого не хотелось! Какими бы ни были реальные факты, молва назовет это поражением и отступлением. И это ему еще дорого обойдется.

Могаба присмотрелся к адъютанту. Он еще не успел узнать его получше и ничего не знал о его происхождении.

— Ты ведь Тонжон, верно?

— Тан Джань, господин. Мой дальний предок по мужской линии был нюень бао. Но вся моя семья — веднаиты.

— Превосходно. В таком случае тебе представится возможность обмениваться религиозными анекдотами с вражеским Капитаном.

— Господин?

— Я посылаю тебя на юг с белым флагом. Для заключения перемирия. Чтобы мы могли собрать тела своих павших. — Если верховный главнокомандующий и снискал расположение таглиосцев, то в первую оче-

редь тем, что неустанно прилагал усилия по возвращению павших сыновей семьям, чтобы их могли похоронить со всеми полагающимися ритуалами.

Но на сей раз многим придется смириться с горечью утраты. Они никак не смогут собрать всех таглиосских мертвецов.

— И еще пришли ко мне жрецов. Всех религий, какие у нас есть. — Ему нужно было с кем-то посоветоваться, как поступить с таким количеством тел и так близко от дома.

Могаба не сомневался, что Отряд просто свалит таглиосских мертвецов в одну большую яму, зароем ее и забудет про них.

99. Возле воинского кладбища. Пропавшие без вести

Тобо едва не обезумел от горя. Мурген был не лучше. Он бродил, натываясь на все подряд, запертый в капкане своего внутреннего мира. Я не видел его таким с тех пор, когда он был отрядным летописцем.

Даже Неизвестные Тени не сумели отыскать каких-либо следов Сари. Пока Тобо точно установил лишь одно — в руки врага она не попала. Таглиосцы ее не искали.

Сари всегда умела уходить незаметно.

— Она мертва, — сказала мне Госпожа. — Ее ранили, она заползла в какое-нибудь укрытие и умерла там. — Вполне правдоподобная версия. Мы уже обнаружили несколько тел при обстоятельствах, укладывающихся в подобный сценарий. И не только Сари пропала без вести. В каждой роте таких насчитывалось несколько. Большинство наверняка или сбежали, или попали в плен. Однако тайный народец продолжал находить мертвецов в таких местах, где никому и в голову не приходило искать.

Я надеялся, что простое объяснение Госпожи верно. Меня страшила даже мысль о том, что Сари захватил

некто, кто станет использовать ее для манипулирования Тобо.

Утешало меня лишь то, что тех, кого это могло бы заинтересовать, было немного. Могаба был реабилитирован. Душелов похоронена. Бубу и Хадидас заперты в большой крепости, охраняющей южные подходы к Таглиосу, а ключ от двери их темницы из крепости увезен. Прочие, кто мог бы попытаться устроить такую диверсию — скажем, Ревун или Ворошки, — имели безупречное алиби.

Так что все сводилось к тому, что Сари мертва и потеряна для нас или же потерялась и где-то бродит, получив настолько глубокое потрясение, что даже за-была, кто она и где должна находиться.

Дрема объявила огромную награду за «поимку пожилой женщины нюень бао, разыскиваемую для допроса по поводу шпионажа против агентов Прабриндраха Драха». Мурген предоставил ее описание, включающее форму и расположение родинок и родимых пятен, не известное никому другому.

— Все это почти бессмысленно, разве не так? — прошептала мне моя ненаглядная. — Люди умирают в самое неожиданное время и от весьма неожиданных причин.

— Солдаты живут, — пробормотал я.

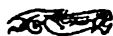
— Для тебя эти слова превратились в мантру.

— Сперва ощущаешь вину. И гадаешь, почему он, а не я. Затем радуешься, что погиб он, а не ты. Потом снова испытываешь вину. Солдаты живут. И гадают, для чего.

— Один из солдат живет, потому что богам известно, что я еще не получила свою справедливую долю любви. Бросай перо и иди сюда.

— А ты точно превратилась в весьма страстную бабенку. Для своих лет.

— Да? Видел бы ты меня четыреста лет назад.

— Могаба перевез Хадида и Дщерь Ночи во дворец, — объявил Тобо. — По весьма замечательному совпадению всего несколько часов спустя Протектор впервые за несколько месяцев показалась на публике. Она была чрезвычайно зла на таглиосцев и обрушила на их головы одно из своих фирменных наказаний. — Он ухмыльнулся. — Вероятнее всего, это как-то связано с надписями на стенах, которые снова начали появляться. Все те же старые и давно знакомые. «Воды спят». «Мой брат не прощен». И даже такие, которые не моих рук дело. «Ты будешь лежать в пепле десять тысяч лет, питаюсь лишь ветром». Мне понравилось.

Эти слова привлекли мое внимание. Я их уже где-то слышал. Впрочем, я все их уже где-то слышал.

— «Раджахарма» написано повсюду. Похоже, любой, умеющий писать, малюет это слово где попало. Есть еще и «Мадхупрайя», что в переводе означает «Друг вина». Это популярное прозвище Гопала Сингха. Кажется, командир серых любит закладывать за воротник. Но одну надпись я не понял, а она серых бесит даже больше, чем «Мадхупрайя». «Тай Ким идет». Чепуха какая-то. Все думают, что к этому причастны нюень бао, потому что «тай ким» переводится только с их языка. Как «смерть идет». Да только написаны эти слова как имя.

— Если они использованы как имя или титул, — сказал я, — то их будет правильнее перевести как Ходячая Смерть. Почему бы и нет? Прежде Ходячей Смертью называли подозреваемого переносчика чумы.

— Гоблин, — решила Госпожа. — Это Обманники объявляют о пришествии Хадида. То есть мертвеца, который еще ходит. Благодаря милости или проклятию Кины. И переносчика чумы тоже, если учесть религиозный оттенок.

— Возможно. — Ее слова Тобо не убедили, и я его не виню. У меня самого возникло ощущение, что тут кроется нечто более зловещее. Правда, ни на чем не

обоснованное, потому что предположение Госпожи должно оказаться правильным.

Я кивнул примерно в том направлении, где сейчас находилась Дрема:

— Она говорила что-либо о своих планах?

— Нет, если не считать жалоб на бесконечные конфликты с нашими друзьями из Страны Неизвестных Теней. Каждый бригадный командир стонет о том, что ему нужно пополнение. Но никто из них не желает брать местных новобранцев — в основном из-за языковой проблемы. И в то же время никто из них не желает, чтобы его бригаду расформировали, а солдатами восполнили потери в остальных.

Но иного выхода не имелось, и этот факт признавали все. Лучший ответ был достаточно прост. И Дрема нашла его, не советуясь со мной.

Вместо того, чтобы расформировывать свои лучшие ударные отряды, она выбрала один из них, наименее пострадавший, и распределила его солдат среди остальных, сохранив при этом исходные взводы и роты. Для солдата очень важно иметь рядом товарищей, которых знаешь и на которых можешь положиться. А офицеров она, если представлялась возможность, повышала в звании. Командир же расформированной бригады стал ее начальником штаба, получив при этом ее заверения в том, что он со временем станет командиром всех местных новобранцев независимо от того, сколько нам их удастся набрать.

Максимум результата и минимум разочарований для командирского тщеславия. Лишь считанные офицеры остались совершенно разочарованными.

Жизнь превратилась в возню с управленческими мелочами.

Неужели такое приходит с возрастом? И начинаешь больше беспокоиться о людях и их взаимных трениях, чем о драматических событиях и насилии и жестокостях, которые эти люди совершают?

Это мы. Черный Отряд. Нам совершить что-либо жестокое — раз плюнуть. Но берегитесь! Будьте готовы, когда настанет время расплачиваться. Иначе, если придется, мы вернемся даже из могилы, лишь бы подвести баланс в нашей бухгалтерии.

Как-то днем я произнес часть этих мыслей вслух. И Тобо сказал мне:

— Ты сумасшедший старик.

— Безумный, как шляпник, — согласился я. — Кстати, о шляпах. Не знаешь, куда подевалась старая шляпа Одноглазого? — Скоро мне понадобится этот отвратительный питомник блох. Отчаянно понадобится. Одноглазый предупреждал меня, но я слушал его невнимательно. Зато я прислушивался к другим его словам и понял, что замечательное копые Одноглазого следует использовать так, как коротышка-колдун задумал еще давным-давно, когда был намного крепче и здоровее. Зато его шляпа была для меня предметом настолько обычным и настолько пакостным, что слова о ней я едва не пропустил мимо ушей.

— Возможно, отыщется в фургоне с моим барахлом, — ответил Тобо. — А если не там, то среди вещей мамы. — Он поморщился. Сари так и не нашли. — Уходя из Хсиена, мы прихватили все вещи — и ее, и бабушки Готы.

— Мне нужно ее найти. И срочно.

Тобо удивился, но спрашивать не стал. Какой хороший мальчик.

— Я бы на твоём месте уже начал собирать вещички, готовясь в дорогу, — сказал Тобо. У меня, ревностного летописца, все эти свитки, бумага, чернила, перья, заметки и прочее барахло накопились в таких количествах, что еле влезали в фургон. — Дрема собиралась задержаться здесь, заняться казной, набором новобранцев, тренировками и прочим, но я ее убедил, что так мы сильнее не станем. События не дадут нам передышки. А сейчас в нашем распоряжении гораздо больше магии, чем когда-либо в истории Отряда.

— Я сам такое говорил. — И не раз, раздражаясь тирадами на тему о том, что мы слишком полагаемся на умение и силы, не входящие в традиционный арсенал Отряда.

— Да, говорил. Но ничего не говорил о том, что этой магии станет меньше.

— Конечно, говорил.

— Ты хочешь, чтобы ее стало меньше. И ее станет меньше. Потому что мы имеем дело с магами, вовсе не заинтересованными делать то, что мы от них требуем. Поэтому нам и нужно использовать их, пока мы это можем.

— А вывод? — Нам нужно вступить на Таглиос, пока у нас хватает сил для нанесения мощного удара.

Неужели он заговорил с интонациями всезнайки или мне показалось? Так, словно он лучше Капитана знает, что нам следует делать. И собирается доказывать это Дреме? Именно сейчас, когда матери нет рядом?

Надо будет приглядывать за нашим малышом. Ему еще предстоит переболеть этими детскими болезнями.

— Возможно, ты и прав, — сказал я.

100. Таглиос. Дворец

Доклад Гопала Сингха не был ободряющим:

— Надписи повсюду, но мы никак не можем поймать тех, кто их делает. Ситуация гораздо хуже, чем пять лет назад. Сейчас многие на нашей стороне, и, казалось бы, нам должно быть легче выйти на след. Но нам лишь несут всякую чушь про демонов и призраков и про существ, которые можно увидеть, только если на них не смотришь.

Могаба сплел пальцы и оперся на них подбородком.

— Дело в том, Гопал, что я собственными глазами видел и демонов, и призраков. Когда я только-только

стал частью Черного Отряда, у одного из отрядных колдунов был ручной демон. Позднее выяснилось, что он наш враг, но важно не это. А то, что это был демон. И во время осады Деджагора призраки часто появлялись и исчезали. Мы все их видели, хотя почти никто про них не говорил. Многие полагали, что это дело рук колдунов нюень бао.

— Реальность или нереальность демонов и призраков на ситуацию не влияет, — заметил Аридата Сингх. — Кто бы ни делал эти надписи — призраки или умные агитаторы, — надписи появляются. А читать умеет достаточное число людей, поэтому все знают, что именно пишут на стенах.

— Так что ты намерен предпринять? — спросил Могаба.

— Продолжать поиски вандалов, а все остальное игнорировать. Если люди поверят, что мы безразличны к критике, то и они не станут относиться к ней всерьез.

— Именно это я собирался предложить сам, — добавил Гопал. — Потому что люди на улицах тоже понятия не имеют, кто эти надписи делает. И из-за этого нервничают не меньше нас.

Могаба поморщился:

— В таком случае одобряю. С одной поправкой. Часть этих лозунгов не вписывается в традиционные рамки. «Тай Ким идет». Мы до сих пор не понимаем, что это означает.

— «Ходячая Смерть идет», — перевел Аридата. — Думаю, имеется в виду спутник Дщери Ночи.

— В таком случае это, по-твоему, работа Обманников?

— Это мое предположение.

— Но «тай ким» — это слова на языке нюень бао. А я никогда не слышал о нюень бао, ставших Обманниками.

Гопал хмыкнул. Эту деталь он упустил.

— Мы его узнаем, когда он придет, — решил пошутить Аридата. — Тогда люди начнут умирать.

— Ха, и еще одного прикончат из милосердия, — парировал Могаба. — А тем временем нам нужно принять решение относительно наших гостей. Удерживать их под контролем весьма нелегко. Особенно колдуна. Гоблина. Который настаивает, чтобы его называли Хадидасом. Он помог охмурить толпу, когда девица изображала Протектора. Но у него нет интереса к нашему делу. И он сожрет нас в ту же секунду, когда перестанет считать нас полезными для *своего* дела. То есть провоцирования конца света.

Оба Сингха промолчали. Каждый понимал, что в словах верховного главнокомандующего имеется глубокий смысл. И то, что будет сообщено нечто особенно деликатное, стало очевидно уже с того момента, когда Сингхи поняли, что совещаться они будут только втроем.

— Я считаю, что нам необходимо от него избавиться. Немедленно. Пока он не стал слишком уверен в себе.

— А Дщерь Ночи? — спросил Аридата.

— Сама по себе она особой угрозы не представляет. — Это означало, что Дщерь Ночи можно пощадить. Если это именно то, что хотел услышать Аридата. — Хотя, как мне кажется, она зашла уже настолько далеко, что освободить ее нет смысла.

Кожа Аридаты была достаточно светлой и выдавала его смущение.

— Я не *это* имел в виду.

Его выручил Гопал. Непреднамеренно, поскольку не сумел уловить несказанное.

— Но как мы подберемся к ним настолько близко, чтобы хоть что-то с ними сделать? Она заставит полюбить ее так сильно, что ради нее мы согласимся отрубить себе пальцы.

— Должен же существовать способ обойти это.

— Буду рад выслушать предложения.

— Что ж, совершенно очевидно, что она не может внушать такое чувство всякий раз, как только пожелает, иначе Аридата не сумел бы пленить ее.

— Если только она сама этого не пожелала.

Могаба со страхом подумал, что это предположение может оказаться верным.

— И еще сила ее внушения не действует на оружие. Или яды.

— Можно попробовать магию, — предложил Гопал. — Как думаешь, кому-нибудь известны их истинные имена?

— Сомневаюсь, что даже наши враги смогли бы в этом многого добиться, — покачал головой Могаба. — У девушки вообще нет никакого имени, кроме как Дщерь Ночи. А Гоблин и вовсе два существа в одном теле, причем правит этим телом Кина. А тот, кто знал секреты самого Гоблина, уже мертв. Так что можем сосредоточиться на ловушках и яде.

— Не хочу накликать беду, — проговорил Аридата, — но должен напомнить, что родители девушки уже недалеко. И сейчас наши перспективы выглядят отнюдь не блестящими.

Могаба заподозрил в этих словах тонкое приглашение обсудить его планы. Но он его не принял.

Не принял потому, что в эти дни у него не было нового великого плана. Он верил, что дни его сочтены, как сообщали некоторые надписи на стенах. «Все их дни сочтены». Но все то, что делало его Могабой, — как положительное, так и отрицательное, — побуждало его продолжать борьбу.

101. Возле кладбища. Планы

После нашего визита в крепость к Шевитье Госпожа была очень занята. Более, чем обычно. Несколько раз я наткнулся на нее, когда она практиковалась в магии. Я не стал ничего спрашивать. Ответ

был очевиден. Ее способность красть магическую силу у Кины вернулась в полной мере именно тогда, когда Хадидас овладел Гоблином.

Госпожа замкнулась, держа свои чувства под жестким контролем. А поскольку за эти годы я очень хорошо ее узнал, то понял, что она борется за надежду.

Ее пьянила власть.

Она отказалась от своих магических способностей — и не совсем по собственной воле, — чтобы помешать этому древнему ужасу, ее первому мужу Властелину, оживить себя. А потом сбежала со мной, зная, что, лишившись силы, она не сможет выжить в мире, который сама же и создала. Но она помнила, как была Госпожой. И с годами тосковала по тем временам все больше и больше. И, полагаю, сильнее всего тосковала именно в те моменты, когда стояла перед зеркалом.

Симпатичный юноша из Деджагора по имени Михлос Седона обходил лагерь, предлагая избранным присоединиться к Дреме и Тобо. Парнишке всего шестнадцать, но он сумел очаровать Дрему, и та сделала его личным мальчиком на побегушках. Улыбка и личная привлекательность стоят больше, чем хмурая геннальность.

Я и сам был хорошего мнения о Седоне. Он не забыл пригласить на вечеринку и меня.

Лагерь напоминал муравейник. Дрема приказала готовиться к выступлению на Таглиос. Обладающие необходимым опытом мастерили части метательных или осадных орудий, которые будут собраны на месте будущего сражения. Те же, кто таким опытом не обладал, изображали тягловых животных. Я задумался, зачем Дрема приказала всем этим заниматься, когда мы сами еще не знаем, понадобятся ли эти орудия вообще. Наверное, она просто хотела, чтобы все были заняты делом.

Умеют ли птицы фыркать или усмехаться? Белая ворона наблюдала за мной, сидя на ложке недоделанной передвижной катапульты. На мой взгляд, она умела делать и то, и другое.

— Что, налеталась? Только что прилетела?

Птица подпрыгнула, но не улетела.

— Будь хорошей птичкой. Я знаю, кто ты и где живешь.

Ворона рассмеялась. Солдаты, помнившие времена, когда ворон летало без счета и они были опасны, остановились на нее поглазеть.

Ворона полетела в сторону кладбища.

— Кажется, наш старый приятель Шевитья подстраховывается, — буркнул я.

День стоял холодноватый, зато небо прояснилось. Похоже, Капитан решила, что совещание на свежем воздухе пойдет на пользу всем. Я обошел штабную палатку и присоединился к остальным. Первым заговорил Тобо.

— Могаба и его приспешники намерены продолжать сопротивление, несмотря на наше преимущество. Оба генерала Сингха полагают, что лучше признать Прабриндраха Драха и спасти Таглиос от разрушений, неизбежных при осаде и штурме. Но лояльность для них тоже вопрос гордости и чести. К тому же верховный главнокомандующий — не Протектор. Они считают его своим другом. И до тех пор, пока он прочно стоит на ногах, боюсь, они останутся на его стороне.

Это для нас не сюрприз. Не говоря уже о том, что у Гопала Сингха нет особого выбора. Поскольку он командир серых, у него нет друзей за пределами правящей верхушки. Он связал свою судьбу с Протектором, а не с Таглиосом.

Аридата, с другой стороны, несмотря на его участие в недавнем сражении, может считаться аполитичным и преданным Таглиосу. Работа, которую он выполняет, ничем не отличается от работы, которую от него потребовал бы любой находящийся у власти.

В этом мы были единодушны. А может, попросту искали оправдания. Аридата вызывал симпатию у любого, кто с ним общался. И желание пожелать ему удачи.

— Довольно об этом! — рявкнула Дрема. — Можно подумать, он не мужчина, а ходячий идеал. За которого все мечтают выдать своих дочек. Ну и прекрасно. Тобо, продолжай.

— Прошлой ночью генералы решили уничтожить Хадида. Он и Дщерь Ночи не умеют читать мысли, но опасность они почуяли. И вырвались из своих темниц. А это означает, что у одного из них оказалось больше сил, чем они показывали. Они прячутся где-то в заброшенной части дворца. Серые и дворцовая стража пока не смогли их отыскать. Хадида сделал нечто такое, что искажает вокруг них реальность. Даже мои Тени их потеряли. Не смогли отыскать их снова. Вскоре после их исчезновения кто-то ограбил кухню. И украл большой запас еды. Затем кто-то проник в кабинет главного инспектора архивов и похитил огромное количество бумаги и чернил.

— Они будут восстанавливать Книги мертвых! — выдохнул Мурген. Он впервые проявил эмоции после исчезновения Сари.

— Очевидно, — согласилась Дрема. — Быстро с такой задачей не справиться, но рано или поздно они ее завершат. Если мы не вмешаемся. А мы вмешаемся. Сегодня в Таглиос полетит большой десант. Вам предстоит повторить тот же фокус, что и в Джайкуре. И использовать все доступные вам возможности. Я хочу, чтобы вы взяли в плен Гопала Сингха и Могабу. Захватили девушку и Гоблина. Поставили у власти Аридату. А потом затаились. Армия выступит завтра. Как только мы пройдем через городские ворота, я пошлю за Прабриндрахом Драхом.

Я попытался поймать взгляд хоть кого-нибудь вокруг меня. Никто не проявил интереса. Все выглядели

смущенными. Или вроде того. Словно каждый подумал, что Дрема неожиданно стала дурочкой, но пусть ей об этом скажет кто-нибудь другой, а не я.

Могу поспорить, что такие сцены нередки вокруг Могабы. И еще чаще наблюдались вокруг Душелова до ее вынужденного ухода на пенсию.

— Будет исполнено, — провозгласил новый начальник штаба Дремы. Хотя говорил он на таглиосском, сама формула ответа уходила корнями в Страну Непознанных Теней.

Мне не хватало Одноглазого. Одноглазый — или в свое время Гоблин — придал бы этой официозной мелкой выскочке мистическое ускорение. Не сходя с места. А может, одарил бы мешочком блох. Размером с таракана.

Золотые были деньки. Да только эти ребята не всегда понимали шутки. Пару раз они и мне устраивали подлянки.

Вспыхнул короткий спор о том, подключать ли к рейду старших Ворошков. Противники их участия упирали на то, что Тобо может и не уследить за таким числом персон с сомнительной лояльностью сразу. Аркана вроде бы стала одной из нас, но пока мы этого еще не *знали*. Правда, именно она в свое время посоветовала Магадану не дурить... Ревуна мы теперь тоже уже не держали мертвой хваткой. Колдун-коротышка стал почти невидимкой с тех пор, как перестал каждые несколько минут напоминать о своем присутствии громким воплем. А старшим Ворошкам, разумеется, можно доверять только до тех пор, пока они не придумали, как от нас смыться. В лучшем случае. Похоже, они оказались не умнее Громова.

— Не будь слишком уверенной только потому, что до сих пор все шло по-нашему. — Я все же решил предупредить Дрему. Не только она, но и многие остальные взглянули на меня с досадой. — У нас впереди еще очень много шансов наломать дров.

Я не сомневался, что нарвусь на возражения, но я подумал, что уж больно прямой и гладкой была до сих пор наша дорога. А вдруг нас и в самом деле отделяет от расплаты с предателем Могабой всего несколько часов? А еще несколько минут спустя мы захватим Бубу и разведем все надежды Обманников? События развивались с прямолинейной неизбежностью едва ли не с самых первых наших минут в Стране Незвестных Теней.

— Что? — Но вопрос Дрема адресовала не мне, а Тобо.

— Мы не сможем вылететь раньше полуночи. Поэтому что мы с Госпожой проведем обряд вызова мертвых. Так мы сможем узнать, что случилось с мамой.

Дреме захотелось возразить, но она мгновенно поняла, что эту битву ей не выиграть. Тобо поступит так, как ему нужно, да еще получив на это благословение Мургена. А спорить перед подчиненными командиру не пристало.

— Только не провозись всю ночь.

102. Дворец. О пользе чистоты

Могаба поднял раковину улитки, повертел.

— Этих шуток здесь все больше и больше. Но никто еще не видел живой улитки.

— Будь это мой дом, я поручил бы слугам навести в нем чистоту, — сказал Гопал.

По коридорам разнесся отдаленный треск. Серые и дворцовые стражники ломали в случайно выбранных местах стены, чтобы Обманникам стало труднее прятаться. В тех же участках дворца, которые они с уверенностью могли назвать чистыми, каменщики закладывали кирпичами двери и замуровывали целые коридоры. Кроме того, к охоте подключились несколько личностей, объявивших себя телепатами и охотниками на призраков.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Могаба и махнул рукой одному из юношей, хвостом сопровождав-

ших его повсюду. Парень слегка поклонился и ушел. Вскоре каждый дворцовый слуга уже принимал самое активное участие в генеральной уборке. — Мы ведь не можем допустить, чтобы во дворце царил бардак, когда сюда заявятся наши враги, — заметил Могаба.

Их разыскал запыхавшийся посыльный. Люди, шаривающие заброшенные коридоры, наткнулись на несколько трупов. Старых. На покойниках были только набедренные повязки. Похоже, они заблудились в лабиринте дворцовых коридоров, но умерли от ран, полученных еще до этого. Нашедшие их люди встревожились, потому что тела почти не пострадали от грызунов или обычного разложения.

— Не делайте с ними ничего, — приказал Могаба. — Даже не прикасайтесь. Просто замуруйте их там, где нашли. — Он пояснил Гопалу: — Наверное, это некоторые из Обманников, пытавшихся убить Освободителя и Радишу, еще когда ты лежал в пеленках. — Он вздохнул. — Как бы мы ни пытались все ускорить, на их поиски уйдет целая вечность.

— Но им же надо что-то есть.

— Да. Со временем у них кончится еда. Я выставлю у всех кухонь постоянную охрану. — И он добавил — мысленно, потому что нынче самым безопасным способом общения стал обмен записками, — что любая еда, легко доступная по ночам, будет отравлена.

— Продолжай эту работу, Гопал. Днем и ночью. Брось на это всех людей, которых можно оторвать от других дел. — Могаба ожидал, что к нему придут враги, и теперь готовился устроить им теплый прием.

Могаба удалился в свои покои. Там он потратил час на одно из своих увлечений, затем перешел в покои Протектора, намереваясь поспать. Теперь он спал именно там, потому что в эти помещения никто не входил. Лишь верховный главнокомандующий осмеливался это делать. И лишь Могаба мог пройти через

охранное заклинание, которым Душелов защитила все двери и окна.

Ее покои стали его убежищем.

Шпионы доложили Могабе, что Костоправ и его спутники вернулись в Отряд оттуда, где находились все это время, привезя с собой новые дьявольские инструменты.

Теперь кризис мог разразиться в любой момент.

103. Возле кладбища. Поиски потерянной души

Мне уже доводилось бывать рядом с местами, где занимались некромантией и прочими магическими действиями высокого порядка, но никогда так близко, как в ту ночь. И я не намерен когда-либо приближаться так снова. Если моей ненаглядной понадобится, чтобы рядом находился тот, кто спасет ее задницу, если что-то пойдет не так, то я привяжу длинную веревку одним концом к ее лодыжке, а вторым — к лошади. И в случае чего дам лошади хорошего пинка.

А этот сеанс магии не удался. И до его окончания я вдоволь насмотрелся на то полное костей место, куда так часто попадали во сне Мурген и Госпожа.

Запах там стоял тяжелый, но холод оказался еще хуже. Никогда еще мне не было настолько холодно. Когда все кончилось, я несколько часов поджаривался у костра, но даже пламя из нашего мира почти не имело силы против этого замогильного холода. Нам стало так плохо, что мы не отправились в ту ночь в намеченный Капитаном рейд. И даже в следующую. А когда отправились, то лишь потому, что ее высочество начало вслух и публично размышлять, уж не дожидаются ли эти лентяи, когда наступит лето.

Во время вызова духа Сари присутствовали Мурген, Дрема и я. Никого больше не пригласили, даже Шукрат, Суврина или кого-либо из друзей Сари. И с самого начала все пошло не так. Едва начав, Госпожа

стала массировать правый висок. Вскоре и я начал улавливать мимолетные и случайные ощущения того, что не принадлежало нашему миру. Сперва холод, затем запах. А до того, как я что-либо увидел, было несколько моментов, когда мое психическое равновесие стало очень неустойчивым.

По мере того, как события отказывались развиваться в нужном направлении, Госпожа тревожилась все больше и больше. Она дважды начинала сначала. А когда под конец отчаянно рванулась вперед, то попала не туда, куда хотела. В конце концов она сдалась. К этому времени мы успели получить солидную порцию кошмарных снов Кины.

— Мне очень жаль, — сказала Госпожа Тобо. — Кина пытается добраться до меня через нашу связь. И чем больше силы я откачиваю у нее, тем сильнее облегчаю ей задачу.

Паршиво. Госпожа могла сделать себя невероятно могущественной — и сразу оказаться в полном подчинении у богини.

Похоже, Госпожа прочла мои мысли и устремила на меня возмущенный взгляд:

— Эта сука никогда не сумеет подчинить *меня!*

Я задумался: не напомнить ли ей, о ком мы говорим. О Матери Обмана. Кине нет нужды кого-то контролировать, когда она может манипулировать. А манипулировать она способна целыми народами. Во сне. Вместо этого я спросил:

— Мы узнали что-нибудь о Сари?

Вопрос не улучшил настроение Госпожи.

— Определенно не то, что мы узнали бы, если бы эта старая жирная чертова свинья не решила спутать нам все карты. — Все это как-то повлияло на ее разум, и она казалась почти пьяной. — Мы не смогли вызвать Сари. Даже коснуться ее не смогли. А это означает, что результат мы получили равновероятный. — Язык у нее слегка заплетался, и она это сознавала, но все

равно упорно старалась произносить трудные слова. — Я считаю, что она мертва. Будь она жива, Тобо и его приятели нашли бы ее. От Черных Гончих никто не в силах укрыться надолго.

— Солдаты живут, — прошептал я. — И когда нечто подобное происходит, то это несправедливо. — Но судьбе наплевать. Если только судьба не насмехается над людской болью. — Во всем этом должен быть более глубокий смысл...

— Ты что, Костоправ, стал на старости лет мистиком? — фыркнула Дрема. — Ты же сам всегда говорил, что ни в чем нет иного смысла, кроме того, какой мы сами вкладываем.

— Слова точно мои. А не избавиться ли нам от отчаяния, отправившись попинать задницу Могабы?

Но Дрема дала нам отсрочку, не желая посылать нас на дело, пока мы пребываем в столь унылом настроении. Мы могли стать опасными для самих себя.

Но мы и потом ее не порадовали. Никому из нас не стало лучше. И в конце концов она отменила все отсрочки и велела нам отправляться.

Ревун смастерил большой ковер, способный перевозить двадцать пассажиров. Сегодня ночью он вез шестнадцать плюс груз. Среди этих шестнадцати были старшие Ворошки, Мурген и солдаты из Хсиена, натренированные на диверсантов. Мурген после неудавшейся попытки Госпожи ходил как зомби. Он случайно услышал ее слова о том, что Сари мертва.

Я умолял его остаться, но он настоял на своем и отправился с нами.

Мне следовало бы проявить больше упорства. Он станет для нас не помощью, а обузой.

Тобо был в менее удрученном состоянии. Рядом с ним постоянно находилась Шукрат, и он легче пере-

носил исчезновение матери. Но все же и за ним следовало приглядывать.

Мы с Госпожой обрядились с головы до ног, набросив поверх доспехов Жизнедава и Вдоводола еще и черные одеяния Ворошков. Обе мои вороны летели следом. Аркана тоже полетела с нами. Для нее этот рейд станет проверкой, и она это прекрасно понимала.

Далеко внизу струился поток темных существ. Начался он сразу после заката.

Таглиос никогда не спит. И сегодня те, кто окажется на улицах после наступления темноты, получат повод опасаться того, что может таиться в Тениях. Эй, Могаба! Выгляни в окошко. Тьма приходит всегда.

Мы еще набирали высоту, когда я подлетел к Госпоже. Мы полетели нога к ноге, а позади нас на двадцать ярдов развевались черные полотнища. Сперва мы обсудили, за кем из наших спутников следует приглядывать внимательнее всего, затем встали анализировать неудавшуюся попытку связаться с духом Сари. В двадцатый раз.

— А я верю, что она там, — настаивала Госпожа, — и так же отчаянно пытается связаться с нами, как и мы с ней. Но уродливая богиня хочет держать нас врознь.

— Так Кина бодрствует?

— В гораздо большей степени, чем раньше. Как минимум с тех пор, как к ней спустился Гоблин. А может, еще с той поры, как она почуяла, что надвигается ее погибель, и объявила нам войну еще до того, как мы вошли в ту страну.

Еще до того? Ого.

— У меня вопрос на другую тему. Он мне уже давно не дает покоя, но я никак не мог его правильно сформулировать.

— Артист.

- Магическая наркоманка.
- Так что у тебя за вопрос, старая развалина?
- Что стало с Тенями Душелова?

Госпожа ответила мне непонимающим взглядом.

— Не прикидывайся. Не могли же твои старые мозги настолько заплесневеть. Она была опытным повелителем Теней. Правда, их у нее осталось мало, потому что приятели Тобо постоянно их приканчивали. Но у нее имелся и припрятанный где-то запас. На черный день.

— Чернее, чем сейчас, вряд ли бывает, — буркнула Госпожа. Но спорить не стала, размышляя над моим вопросом. — Ставлю на то, что Неизвестные Тени прикончили их всех. И Теней-убийц больше не осталось. Если бы они уцелели, к нам и сейчас поступали бы сообщения о неожиданных смертях.

— Возможно. — Не исключено. Если бы Тени где-то уцелели, то поднятый ими переполох стал бы куда масштабнее по сравнению с их количеством. Люди на таглиосских территориях уже очень давно страдают от Теней-убийц.

Но я все же взлетел повыше и поравнялся с Тобо. И летел рядом с ним, пока Шукрат это не надоело и она не отстала от нас.

— Я не собираюсь вмешиваться в твою жизнь, — успокоил я Тобо и поведал ему о своих опасениях.

Похоже, он согласился с тем, что они небезосновательны.

— Я выясню, есть ли у нас повод для тревоги.

Я сбросил скорость и снова присоединился к Госпоже.

— Ну, и что он сказал?

— Что проверит.

— По-моему, вид у тебя не очень радостный.

— Он сказал это так, как соглашаются с занудой, лишь бы он отстал и не пришлось тратить время на болтовню о том, что тебя совершенно не волнует.

104. Таглиос. Вид из окна покоев Протектора

Веки Могабы становились все тяжелее и тяжелее. Он дважды засыпал, потом резко просыпался, в первый раз разбуженный каким-то шумом на улице, а во второй — криками внизу, которые могли означать, что охранники заметили Хадида. Стояли тоскливые предрассветные часы, когда даже пульс мира бился с трудом.

Сегодня ночью они не придут. Не приходили они и прошлой ночью, и позапрошлой. Возможно, дожидаются полнолуния.

Что-то темное мелькнуло перед стеклом окна, из которого Могаба видел свои покои и большую часть северного фасада дворца. Включая все главные входы. Верховный главнокомандующий затаил дыхание.

Неизвестные Тени не смогут проникнуть через стекло и преодолеть установленную Протектором постоянную защиту. Могаба задышал вновь. Медленно, невидимый в темной комнате, он встал и подкрался к окну, откуда было видно гораздо больше.

Они пришли. Не в то время, когда он их ждал, зато именно в то место. То самое место, куда каждый раз прибывали их посланники. На верхушку той же самой башни.

Особой радости Могаба не ощутил. Более того, ему даже стало грустно. Все жизни — и их, и его — сошлись именно в этой точке. На мгновение он едва не поддался искушению крикнуть и предупредить их. Крикнуть, что тот самый горделивый дурак, сделавший давным-давно такой глупый выбор в Деджагоре, вовсе не желает им такого конца. Но нет. Слишком поздно. Судьба сделала ход. И жестокая игра должна быть доиграна до конца, независимо от чьего-либо желания.

105. Дворец. Покои верховного главнокомандующего

Госпожа шла первой — мрачная, какой она становилась всякий раз, когда изображала Вдоводела. Мне это не нравилось. Первым по лестнице следовало бы спускаться более могучему чародею. Но Тобо был уверен, что ему нужно идти последним. Иначе у Ревуна и Ворошков не хватит решимости участвовать в нашей вылазке. А Ревун не мог пойти первым, потому что ему предстояло удерживать на месте ковер, пока с него не сойдут все.

На лестнице было тесно. Никто не желал оставаться в темноте, хотя лишь Госпожа, Мурген и я помнили те времена, когда темнота была нашим абсолютным врагом. Я старался держаться поближе к Госпоже, потому что в моей дурацкой голове почему-то засела мысль о том, что я должен ее защищать.

Шутка космического масштаба.

До конца лестницы мы добрались без происшествий. И даже, несмотря на ужасающий топот, не подняв тревоги.

— Могаба, навернее, дрыхнет, как невинный младенец. Такой грохот и покойника бы поднял, — прошептала Госпожа.

— Что?

— Его покои прямо перед нами.

Я это знал. Перед отлетом мы все отрепетировали. Кое-как. То есть недостаточно тщательно — я был недоволен.

— Он всегда спал крепко, — напомнил я. То был один из его недостатков. Это и еще его буйная энергия, которую даже его собратья-нары находили угнетающей. Но я произнес свои слова в ночь. Она уже ушла вперед.

Кто-то сотворил свет — тусклый световой шар, летящий у нас над головами. Он имел какой-то чужой

оттенков, и я предположил, что поработал кто-то из Ворошков. Свет постепенно становился все ярче, а вместе с ним нарастало и ощущение уверенности.

— Свет — мой друг, — прошептал кто-то на одном из хсиенских диалектов. В этой фразе чувствовался ритуальный ритм. Позднее я узнал, что это часть заклинания, предназначенного отгонять Неизвестные Тени, которых не любил никто, кроме Тобо.

Его приятели тоже были здесь, вокруг нас. И настолько встревоженные, что это ощутил даже я.

— Тут что-то странное, — прошептал Тобо. — Я заслал во дворец сотни Теней. Но не одна из них не откликается. Насколько я могу судить, их здесь вообще нет. — Он зашептал что-то в зловещую темноту. Невидимые существа засуетились, заструились вперед, прихватив с собой часть давящего на меня напряжения.

Госпожа жестами велела солдатам выдвинуться вперед. Настал момент прорыва в покои Могабы. Как выяснилось, мы бросили на это больше сил, чем требовалось. Его дверь оказалась не заперта. Впрочем, по словам Госпожи, она никогда и не заперлась.

Теперь вперед вышли Госпожа и Шукрат. Они здесь уже бывали и могли провести нас. Если только хитромудрый Могаба не переставил мебель.

За ними следовали солдаты. В дверь прокрались Ворошки и Ревун, за ними Мурген. Госпожа и Шукрат принялись яростно спорить шепотом, кто из них станет искать в темноте лампу. Кто-то на что-то наткнулся. Кто-то упал. Опять кто-то наткнулся. И сразу же послышалось категоричное:

— Вот дерьмо!

Аркана — на шаг впереди меня — едва проскользнула в комнату, когда Тобо у меня за спиной процедил то же восклицание и оттолкнул меня в сторону.

— Да отойди же, черт тебя подери!

Громкий треск бьющейся керамики. Я и не знал, что Могаба коллекционер, хотя в этой части света есть замечательные мастера...

Впереди кто-то завопил.

Не успели его легкие опустеть, как к первому воплю присоединились другие. Из малокалиберных бамбуковых шестов вылетели огненные шары. И я понял, почему многие вопят и почему они настолько запаниковали, что принялись прожигать друг в друге дырки.

Тени.

Древнее зло. Тени-убийцы.

Смертоносные Тени с Сияющей равнины. Те самые, власть над которыми дала имя Повелителям Теней. Те самые, с помощью которых Душелов держала в страхе весь Протекторат, пока здесь не появились союзники Тобо из Страны Неизвестных Теней.

И я узнал ответ на вопрос, который задавал Госпоже и Тобо.

Паника стала абсолютной. Огненные шары полосовали воздух, отыскивая куда больше жертв, чем изголодавшиеся безумные Тени. Один из них продырявил мой черный балахон. Ткань словно взвыла от боли, но сразу же окутала меня еще плотнее. В меня ударилась Тень. Черная ткань отогнала ее — факт, который я не смог не заметить, несмотря на возрастающий хаос. Она отразила и следующий отыскивавший меня огненный шар.

Я увидел, как в Госпожу попали подряд несколько шаров. И как один из Ворошков пал жертвой Теней.

Я пытался перекричать это безумие, успокоить всех, но паника оказалась сильнее. Ей поддались даже Госпожа и Ревун.

Зато Шукрат сумела не потерять головы. Скорчившись в уголке, она прикрылась своим балахоном, создав барьер, непроницаемый как для шаров, так и для Теней.

Люди едва не дрались, пробиваясь к двери. Ревун выпустил заклинание, после которого полыхнула вспышка настолько яркая, что ослепила всех, на ком не было защитного одеяния Ворошков, включая самого колдуна-коротышку. Но его усилия пропали зря, и секунду спустя он завопил с еще большим энтузиазмом, чем до лечения.

— С дороги! — взревел Тобо, отшвыривая меня в сторону. В комнате находился его отец.

Не успел я подняться, как башня затрещала под физической массой невидимых друзей Тобо. Их битва с убийцами-невидимками стала краткой, но запоздалой. И, вероятно, бессмысленной, потому что огненные шары пожирали Тени живьем. Любые тени — как Неизвестные, так и традиционных обитателей темноты.

Я сидел на полу и размышлял, хочу ли я встать. Теперь в соседней комнате было тихо, если не считать рыданий Арканы. Но встать нужно. Необходимо действовать. В остальной части дворца уже не было тихо. Звучали сигналы тревоги. И сейчас к нам заявятся люди с острыми инструментами.

Невозможно было сказать, кто мертв, кто умирает, а кто лишь легко ранен. Некоторое время в комнате царил полный мрак.

Я попросил Тобо посветить. И начал переносить погибших на верхушку башни. Аркана, Шукрат и друзья Тобо сдерживали дворцовую стражу. Выволакивая тела, я отключил эмоции. В те минуты я не мог себе позволить отдаться чувствам.

— Как мы сможем справиться с леталками и ковром? — спросил я Тобо. Госпожа, оба старших Ворошка, Ревун и Мурген были уже ни на что не годны. Равно как и практически все десантники.

— Мы с Шукрат управимся с ковром. А вы с Арканой сядете на леталки.

— Ты слышала, моя новая дочь? — За минуту до этого мне пришлось дать девушке пару пощечин, чтобы вывести ее из шока. Но она быстро пришла в себя и теперь перетаскивала убитых и раненых — самообладания у нее оказалось побольше, чем у большинства из нас.

— Знаю. Мне нужны какие-нибудь веревки, чтобы связать их.

— Найди что-нибудь, только быстро. А я стану привязывать тела.

Просвистела арбалетная стрела, не причинив никому вреда. Мгновение спустя участок стены в том месте, откуда она вылетела, взорвался осколками камней и кипящим пламенем.

Тобо был не расположен шутить.

— Уводи эти леталки отсюда немедленно, — велел я Аркане. — Оставь только мою. — Она принесла веревку, прихваченную с ковра.

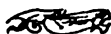
Хорошая девочка эта Аркана. Занимается делом. Как и Шукрат, она сосредоточивается на том, что нужно сделать в первую очередь.

Забавно, подумалось мне. Похоже, Отряд привлекает хороших женщин.

На сигналы тревоги откликнулись дворцовые стражи и удивительное количество серых. И они упорно отказывались бояться яростной магии Тобо и его призрачных друзей. Храбрые они ребята. Среди наших врагов всегда оказываются храбрые и достойные люди. Все гуще летели стрелы и дротики. Некоторые угодили в цель.

И я задумался: не пора ли пересмотреть принцип, которому я следовал всю жизнь, — никогда не оставлять врагу тела павших братьев по Отряду?

Но я никак не мог улететь без своей жены. И еще мне были нужны старшие Ворошки. Даже если они мертвы.

106. Дворец. Вид с высоты

Могаба не испытал восторга, наблюдая, как его враги угодили в ловушку. Более того, он еще больше встревожился. Он понял, что останутся уцелевшие. У этих людей еще хватало сил сдерживать стражников и серых, пока остальные уносили на вершину башни раненых и убитых. А это означало, что если только ему не подвалит неслыханная удача и уцелевших не успеют убить стрелами быстрее, чем они скроются, то Могабу еще ожидает последняя и окончательная битва.

А в запасе у него больше не осталось трюков.

Тени проявили себя недостаточно эффективно, а это доказывало то, о чем он уже некоторое время подзревал: в распоряжении врага имеется аналогичное оружие. И это оружие было пущено в ход вовремя и спасло некоторых нападавших.

Он сам видел, как обычные и арбалетные стрелы и даже дротики отскакивают от людей в огромных развевающихся черных одеяниях. Только один из них оказался ранен.

При вспышке огненного шара, выпущенного в тот момент, когда ковер поднимался над парашютом, Могаба успел разглядеть доспехи Вдоводела.

— Госпожа, — прошептал он, охваченный благоговейным страхом.

Наверное, при той же вспышке блеснули белки его глаз или зубы, и это выдало его. Потому что когда Могаба перевел взгляд на тех, кто сидел на летательных столбах, то увидел, что один из них, в доспехах Жизнедава, мчится прямо на него. Полотнище его черного одеяния заслоняло небо.

107. Таггнос. Солдаты живут

Я увидел за окном Могабу, и меня захлестнула ярость. Я помчался на него, набирая скорость. Но даже

в эти мгновения некий уцелевший островок рациональности заставил меня гадать: реально ли то, что я заметил за окном, или же разум заставляет меня видеть Могабу, потому что мне нужен кто угодно, кому можно причинить такую же боль, какую тогда испытывал я.

Но даже если Могаба, которого я видел, был галлюцинацией, то она исчезла еще до того, как я врезался в оконную раму.

Стекло не разбилось. А рама даже не прогнулась. Мой столб мгновенно остановился. А я — нет. Столб отбросило назад. А я врезался в стекло. И тоже отскочил. И упал. У меня хватило времени испустить весьма энергичный вопль, но тут страховочная веревка натянулась, и я повис в десяти футах под ленткой.

Та продолжала биться об окно. Я попытался взобраться на нее по веревке, но не смог это сделать лишь одной здоровой рукой. Подобно грузу на конце большого маятника, я раскачивался в такт движениям столба. И то и дело вступал в тесный контакт с дворцовой стеной.

Черное одеяние защищало меня хорошо, но через некоторое время я все же потерял сознание.

Когда я очнулся, то обнаружил, что все еще болтаюсь под летательным столбом. Земля находилась всего в нескольких ярдах подо мной и медленно перемещалась. Кажется, я летел вдоль Каменной дороги, едва не задевая головы путников. Я попытался извернуться и посмотреть наверх, но не смог. Узел страховочной веревки располагался на спине, чуть выше талии. А перевернуться у меня не хватало сил.

Когда я шевелился, меня пронзала боль.

Я снова потерял сознание.

Когда я снова очнулся, то оказался там, где и положено быть людям, — на земле. Какой-то заостренный кусок камня пытался продолбить дыру у меня в спине. Кто-то обратился ко мне на одном из диалектов Хсиена, затем повторил то же на скверном таглиосском. Передо мной материализовалось нахмуренное лицо Арканы.

— Жить собираешься, папуля?

— Раз у меня все тело болит — непременно. Что случилось?

— Ты поступил очень глупо.

— И это, по-твоему, новость? — спросил второй голос. Напротив лица Арканы появилось лицо Дремы. — Ты когда сможешь встать, хотя бы ненадолго? Мне нужна кое-какая помощь. Образцовый провал, который вы устроили, едва не вывел нас из игры.

— И моргнуть не успеете, начальник. Как только расплету ноги и пристегну пятки к лодыжкам.

Я попытался встать, потому что хотел отыскать свою жену, и это усилие столкнуло меня обратно в беспомощность.

В следующий раз меня привели в чувство капли дождя на лице. Острая боль во всем теле ослабела, стала ноющей. Мне дали какое-то обезболивающее. Произведя инвентаризацию всего тела, я пришел к выводу, что заработал изрядное число синяков и ссадин, но избежал переломов и ран.

Едва я решился на попытку сесть, как взмыл в воздух. После секундной паники до меня дошло, что я лежу на носилках, которые несут куда-то под дождем. И пришел в себя как раз от того, что меня положили на носилки, а не от морозящего дождя.

На сей раз я чувствовал себя лучше и остался в сознании, когда подошла Дрема.

— Как моя жена? — спросил я. Мой голос лишь слегка дрогнул.

— Жива. Но в плохом состоянии. Впрочем, если бы не защитная одежда Ворошков, ей было бы гораздо хуже. Думаю, она сможет выжить. Если заставим Тобо взять себя в руки и помочь.

Я услышал в ее словах невысказанное предложение поработать.

— А за проблема у парня?

— У него погиб отец. А где в это время был ты?

— Боялся, что это произойдет, — буркнул я. Пора с этой темой завязывать. А то станет больно.

Похоже, Дрема считала, что у нас нет времени на боль.

Я начал доверять ее инстинктам.

— Ты был прав, Костоправ. Солдаты живут. Только трое вырвались из этой мясорубки невредимыми. Тобо, Аркана и очень везучий солдат по имени Там До Линь. Ревун, Первый Отец, Нашун Исследователь, Мурген и несколько солдат погибли. Все прочие ранены. Тобо считает себя виноватым. Думает, что должен был сделать больше. И распознать ловушку.

— Понимаю. В каком состоянии Шукрат?

— Синяки, ссадины и эмоциональное потрясение. Ее спасла одежда Ворошков. Она знала хозяйку настолько хорошо, что среагировала на ситуацию быстрее, чем одежда Госпожи. Во всяком случае, я так думаю.

— Мурген мог тоже надеть защитную одежду. — Но он отказался. Идиот.

После исчезновения Сари в нем почти не осталось бойцовского духа.

— Я хочу, чтобы ты привел Тобо в чувство. Он нам нужен. И Неизвестные Тени тоже. На месте Могабы я бы уже выслал против нас ударный отряд.

— Я так не думаю.

— Он не из тех, кто дожидается подходящего момента, Костоправ. Его девиз: перехватывай инициативу.

Я мог лишь выставить себя ослом, споря с женщиной, воевавшей с Могабой дольше, чем я его знаю. И прожившей в Таглиосе столько же лет, сколько и я, только совсем недавно. Очевидно, я давно стал для нее очередной старой развалиной, поднимающей шум, чтобы привлечь к себе внимание. За исключением тех случаев, когда ей что-либо от меня требовалось.

— Тогда нужно сделать так, чтобы ему грозила очень серьезная опасность, если с кем-нибудь из нас что-то случится.

Еще не договорив, я назвал себя болваном. Потому что у Могабы остался весьма незначительный шанс, что его жизнь когда-либо станет еще опаснее, чем уже есть.

Я позабыл один из основных уроков. Старайся мыслить, как противник. Изучай его, пока не научишься думать, как он. Пока не *станешь* им.

— И еще ты должен найти себе ученика, — заявила Дрема. — Если ты и дальше намерен участвовать в смертельно опасных приключениях. — «В твоём-то возрасте», — подразумевала Дрема, но сказала иначе: — Но тебе уже прыти не хватает лезть в самую гущу событий. Так что пора тебе немного расслабиться и потихоньку передавать секреты своего ремесла.

Дрема ушла, оставив меня в раздумьях. И кому изволите передать эстафету? Я был склонен выбрать ее шустрого парнишку, Михлоса Седону, но у него имелся один огромный недостаток. Он не умел ни читать, ни писать. И я совершенно не собирался гробить неизвестное количество часов, чтобы изменить эту ситуацию.

И тут человек, о котором мне следовало бы подумать, объявился сам.

— Суврин? Что за блажь пришла к тебе в голову? Ты ведь со дня на день нас покинешь.

— А вдруг на меня нашло прозрение? А может, мне необходимо прочесть Анналы, потому что я решил разглядеть свою судьбу?

— Мне почудилось или ветерок и в самом деле разносит аромат дерьма? — Будучи старым циником, я решил, что причина такого решения, скорее всего, куда более прозаична: Суврин надеялся, что, став отрядным летописцем, каким-то образом сумеет и пробраться в постель к Дреме. Но я не стал распространяться о своих предположениях, а просто принял его решение. И очень скоро застонал, обнаружив, что сей замечательно образованный молодой человек не умеет ни читать, ни писать на таглиосском, то есть на том языке, на котором Анналы велись последние лет двадцать пять.

Госпожа писала свои книги на другом языке. Затем Мурген перевел их, кое-что подредактировав, а заодно проделал ту же операцию и с парочкой моих книг, вовсе не нуждавшихся в какой-либо полировке.

— Так ты полагаешь, что сможешь научиться писать и читать на таглиосском? — поинтересовался я. — Но ведь ты вполне можешь обойтись и без этого...

— Если только не хочу прочесть Анналы. Священные скрижали Черного Отряда.

— Да. И если меня не станет, ты останешься один — если Дрема не выкроит время или не поправится Госпожа. — Прошло уже достаточно времени, и я сумел изобразить безразличие, произнося эти слова. Но никого из нас они не убедили.

Суврин смотрел на меня, ожидая завершающей фразы.

Но мне нечего было добавить. Пожалуй, только одно: ему надо постараться, чтобы у меня хватило здоровья на все время, пока он будет учиться.

Через два дня после того, как Суврин стал моим учеником, Дрема организовала церемонию, на которой официально назначила его лейтенантом Черного Отряда и своим преемником.

Мы находились возле той большой и безымянной крепости, что стоит на холме и охраняет подступы к Таглиосу со стороны Каменной дороги. Широкую равнину под холмом разровняли и расчистили, превратив в такое место, где войска могли стать лагерем или отрабатывать действия в боевом строю, необходимые для победы. Или где обороняющие город войска могут встретить наступающего врага.

Нас здесь не тревожил никто, кроме небольших отрядов веднаитской кавалерии — в основном юнцы, желающие продемонстрировать свою храбрость. Но я посоветовал и Дреме, и Суврину не оставлять в нашем тылу крепость с гарнизоном.

Дрему мои советы интересовали не больше, чем прежде, но сейчас она хотя бы делала вид, будто выслушивает их. Ведь ее тактика завоевания Таглиоса обернулась катастрофой, и смягчить ее мог лишь тот факт, что кое-кому из нас удалось уцелеть.

108. Таглиос. Кое-кто у двери

Когда мы отбили пробную вылазку отряда из Таглиоса, командир крепости, поразмыслив, предложил сдать ее на почетных условиях. Он потребовал отпустить под честное слово самого себя и почти всех, кто когда-либо держал оружие в трех соседних округах. На мой взгляд, не такие уж чрезмерные требования, если учесть, что мы собирались вернуть все эти территории Прабриндраху Драху, едва сделка будет заключена, а князь притащит свою монархическую задницу из Годжи.

Даже прожив столько лет в реальном мире, Дрема ухитрилась сохранить кое-какие веднаитские понятия о справедливости и несправедливости, совершенно не стыкующиеся с практическими обстоятельствами ситуации.

— Даже если этот Лал Миндрат и в самом деле наихудшее чудовище в человеческом облике со времен

Хозяев Теней, ты все же обязана задуматься, во что обойдется всем нам твоя моральная неуступчивость, — сказал я Дреме. Очевидно, Лал Миндрат предал кого-то из наших союзников во время Кьяулунских войн. Я даже не слышал о нем до того, как Дрема уперлась рогом, так что наверняка это предательство не имело особых последствий.

Немалое число друзей Отряда нынче находилось на стороне Протектора. Душелов обладала властью и богатством.

— Будь гибкой, — посоветовал я. — Но предавай лишь тогда, когда это *абсолютно* необходимо.

Она поняла. Воспользовавшись неохотной помощью Тобо и его друзей, мы обменялись взаимными обязательствами и договорились об условиях сдачи крепости. Дрема разрешила врагам покинуть ее, и насилия при этом произошло ровно столько, сколько его бывало, когда Лал Миндрат выходил из крепости в окружении своих телохранителей.

Так Капитан завершила дела с мелким предателем из своей эпохи. Временно.

Могаба превратил наш поход на Таглиос в ад — как минимум для тех, кто находился в разведке, пикетах и авангарде. Его кавалерия трепала нас непрерывно. А когда она становилась особенно настырной, на разборку вылетали я и девушки-Ворошки.

И все же настал день, когда мы увидели южные ворота Таглиоса. В мое время их еще не было, а теперь в обе стороны от ворот тянулась весьма внушительная крепостная стена. Настолько внушительная, что солдаты на ее вершине казались слишком маленькими. Стена возвышалась могучим известняковым утесом.

— Ого! А тут произошли кое-какие перемены, — сказал я Дреме. Вход в город стал настоящим фортом — выдвинутым из стены, но сливающимся с ней.

Снизу мне было трудно судить, но я не сомневался, что расположенные внутри форта городские ворота имеют не менее внушительную систему обороны.

Дрема хмыкнула:

— Да, кое-что изменилось с тех пор, как я тут бывала в прошлый раз. Думаю, верховный главнокомандующий каким-то образом ухитрился выцыганить ассигнования у самого Протектора. Городские стены нарастили на несколько футов. А эта навесная башня... — Она содрогнулась.

Насколько я помнил городских политиков, общественные работы всегда привлекали воров и взяточников.

— Наверное, кто-то из казначейства шепнул пару слов Протектору.

Дрема снова хмыкнула. Мое мнение ее не интересовало. Она наблюдала, как Суврин выстраивает войска перед городской стеной, вызывая противника на бой. Ответа мы не ожидали. И не дождались.

— И на чью-то собственность им тоже было наплевать, — заметил я. Куда больше, чем внушительность стен, меня поразила полоса расчищенной земли шириной в тысячу футов, тянущаяся вдоль всего их подножия. На что пришлось пойти, чтобы выселить всех, кто там жил? И как государство не дает им вернуться?

— Через несколько месяцев здесь будут поля зерновых и овощей. Видишь сеть тропинок? Это границы участков. Поля возле города начали возделывать вскоре после того, как мы с Сари пришли туда впервые.

— Тобо предстоит немало потрудиться.

Дрема оглядела наши войска. На фоне городских стен они выглядели отнюдь не угрожающе. Да и солдаты на этих стенах не казались особо озабоченными.

— Да, предстоит. Я хочу, чтобы он и девушки с самого начала нанесли мощный удар всем, что у них есть. Надо ошеломить защитников яростью нашего напора. Он сможет этого добиться?

— Не могу гарантировать, что он отдастся этой задаче всем сердцем.

— А ты? Что говорит твое сердце?

Я вздохнул.

— Как у нее дела? — спросила Дрема. Ого, еще один важный знак.

— Честно? Я очень встревожен. Она просто лежит, застряв на полпути между жизнью и смертью. Ей не становится ни хуже, ни лучше. И я уже начинаю гадать, насколько к ее состоянию причастна ее магическая связь с Киной.

Говоря это, я сделал над собой немалое усилие. Потому что если Дрема сумеет предвидеть все последствия, то она задумается. А кое-что она ухватила сразу.

— Если я сумею развлечь Тобо, попробую его уговорить: пусть проверит, не обрела ли Кина над ней контроль. — Мне даже думать не хотелось о том, что Темная Мать, возможно, подготавливает мою жену как запасной путь бегства из своей древней тюрьмы. Ведь я с легкостью вообразил сценарий, по которому я убиваю спящую богиню и освобождаю Шевитью, а после этого вижу, как тьма возвращается через мою любимую женщину.

И Мать Ночи для этого вовсе не требуется. Моя жена охотно впустила бы в мир свою разновидность тьмы.

А разве все мы не желаем того же?

— Я не услышала прямого ответа, — проговорила Дрема. — Так могу я рассчитывать, что ты обратишь внимание на стрелы, когда они полетят?

Мне вспомнилась очень старая формула, еще тех лет, когда я был совсем молод:

— Я солдат. — Я произнес эти слова сперва на языке, на котором говорил тогда, затем повторил Дреме на ее родном деджагорском диалекте. — В последнее время меня отвлекли. Но я все еще жив.

— Да, солдаты живут. Ты совершил лишь одну ошибку, Костоправ.

— Шла бы ты учить свою бабушку яйца высасывать. — Вряд ли до нее дошло. Местным уроженцам смысл этого выражения не понять.

— Что это? — спросила вдруг Дрема, указывая на нечто, поднимающееся над городом.

— Похоже на большого воздушного змея.

109. Таглиос. Оправдания не принимаются

Проклятье! Как бы мне этого ни хотелось, Могаба упорно отказывался становиться тупицей. Есть потенциальная проблема проникновения летающих чародеев? Зато в это время года над городом почти непрерывно дуют ветры. И надо лишь запустить тысяч десять воздушных змеев на плетеных шнурах, которые почти невозможно перерезать, и прицепить к их хвостам отравленные колючки.

Теперь над Таглиосом нельзя будет полетать с юношеской беспечностью. Особенно после наступления темноты. Змеи не причинят нам вреда, если надеть одеяния Ворошков, зато в их шнурах и хвостах можно запутаться и свалиться с леталки. А если кого-то выбьют из седла, то еще кому-то придется лететь на выручку. Если только не...

Шукрат как-то научила меня настраивать леталку таким образом, чтобы она была способна вернуться сама, если хозяин не сможет ею управлять.

Я отдал приказ.

И всего несколько часов спустя леталка Шукрат вернулась с девушкой, буквально обмотанной веревками и утыканной смертоносными колючками. Еще часа два нам пришлось ее освобождать, зато перед этим она очистила небо от десятков воздушных змеев.

Распутывать ее я поручил Тобо. Я столкнулся с реальной проблемой, выводя его из эмоционального ступора, а Шукрат для него важна.

Она, несомненно, считала так же. Едва Тобо закончил ее освобождать — провозившись, по ее мнению, слишком долго, — она шлепнула его ладонью по лбу.

— Может, хотя бы притворишься, что я тебя еще интересую? А то я уже начинаю гадать, не дура ли я.

Тобо оказался воистину молодым мужчиной и начал протестовать. Я попытался остановить его, покачив головой. Не хватало еще, чтобы он и здесь сломался. Шукрат прервала его, не желая выслушивать никаких оправданий. После этого я старался не слушать, о чем они говорят.

Меня восхитило, как быстро и почти без усилий Шукрат овладела таглиосским. Сейчас она на нем говорила практически без акцента. И к любым странным для нее традициям она приспосабливалась с той же легкостью.

У Арканы все это получалось чуточку труднее, но и она продвигалась вперед в поразительном темпе.

Предоставив Шукрат время высказать свои аргументы, я подошел к Тобо:

— Тобо, нам нужно знать, что происходит за этими стенами.

Он ответил мне равнодушным взглядом. Ему было все равно.

Шукрат легонько ткнула его в ребра.

— Ты должен забыть... — сказал я.

Он взглянул на меня с неприязнью.

— Ты должен забыть. Ты ни в чем не виноват.

Я сомневался, что от моих слов будет какой-то толк. Такие эмоции никогда не бывают рациональными. Разум продолжает гоняться за иррациональным, даже если *знает* правду. Если Тобо хочет чувствовать себя виноватым из-за отца и матери, то он будет так себя чувствовать, несмотря на любые аргументы, любые доказательства и весь здравый смысл вселенной. Уж я-то знаю. Сам несколько раз проходил через такое.

Да и сейчас я немного напоминал Тобо в том, что касалось моей жены.

— Тобо, это сделал Могаба. Главный командир таглиосцев. И он за этими стенами.

Правильно, девочка. Взывай ко мраку внутри, к запасам ярости и ненависти. Нам очень нужно, чтобы эти эмоции вызрели в самом могучем чародее, оставшемся в этой части мира.

110. Таглиос. Несчастья

Неизвестные Тени поведали Тобо, что Могаба и его приспешники успокоились, ожидая нашего ухода. Они полагали, что вскоре наша армия начнет таять — несмотря на все наше богатство.

И они могут оказаться правы. Хотя у Дремы осталось еще немало сокровищ, многие солдаты из Хсиена согласились отправиться с нами только на год. Я не сомневался, что немало их останется с нами до тех пор, пока им вовремя платят, но не сомневался и в том, что когда-нибудь тоска по дому начнет сокращать наши ряды.

Мы срезали змеев быстрее, чем Могаба успевал запускать новые. И каждую ночь устраивали парочку налетов на большой высоте, сбрасывая зажигательные бомбы на собственность известных сторонников Протектора, Могабы и серых. Но огонь — союзник жестокий и неуправляемый. Некоторые из устроенных нами пожаров уничтожали и соседние дома. В таких случаях завеса дыма над городом становилась плотнее.

Повторный ночной налет на жилую часть дворца принес нам весьма неприятную новость. Мы узнали, что усилия Могабы захватить наш лагерь возле тенеземского кладбища, хотя и оказались тактической катастрофой для его приверженцев, тем не менее позволили им уйти не с пустыми руками.

Начальник штаба Дремы решил, что ему нужно самому взглянуть на дворец. Чтобы лучше планировать. Он был человеком обстоятельным. По настоянию Дремы он и еще несколько избранных осваивали управление летательными столбами Ворошков. У нас их имелось семь, а регулярно использовалось только пять, причем Госпожа своей леталкой временно не пользовалась. А Дрема терпеть не может, когда ресурсы пропадают зря. Дрема есть Дрема.

Начальник штаба прихватил на разведку и Михлоса Седону. Михлос оказался самым способным из летунов-учеников, хотя возможность тренироваться он получил только потому, что нравился Капитану. А теперь она пожелала ознакомиться с его наблюдениями. Сама же Дрема не полетела бы ни за что на свете.

Я полетел тоже, чтобы прикрыть эту парочку, если с ней что-либо приключится. Перед вылетом я заставил и их облачиться в защитные балахоны Ворошков. Если нас заметят, то начнут обстреливать. Люди Могабы никогда не отказывались от попыток нас подстрелить.

Хватит лишь одного удачного попадания.

Михлос Седона по молодости еще не успел усвоить, что он не бессмертен. И подлетел к врагам слишком близко. Тут-то мы и узнали, что прихватили солдаты Могабы в нашем лагере.

Темноту пронзил огненный шар. Парень избежал худшего, свесившись набок. И шар нанес ему лишь скользящий удар. Которого, однако, хватило, чтобы выбить Михлоса из седла.

Генерал Чу проигнорировал мой окрик и помчался выручать Седону. И даже подобрался настолько близко, что ухватился за его леталку. Но тут из полуожюины шестов вырвались огненные шары.

И один из них угодил точнехонько в столб генерала.

Столб взорвался с такой силой, что сдетонировал и второй. А мощность сдвоенного взрыва оказалась такова, что целый акр дворца расплющило. Словно нога великана-невидимки наступила на яичную скорлупу.

И после этого стены дворца начали рушиться внутрь, точно карточный домик.

Мощнейший порыв ветра отшвырнул меня, как пушинку одуванчика. И я не сумел удержаться и вылетел из седла. Болтаясь на веревке, я наблюдал, как в развалинах дворца начинают разгораться островки пожаров, а уцелевших солдат охватывает паника.

111. Тагпиос. Летающая Дрема

— Теперь мы станем тебя привязывать, папуля, — заявила Аркана, волоча меня на буксире в лагерь. Она вылетела на обычную очистку неба от воздушных змеев, и тут произошел взрыв. Помчавшись посмотреть на его результат, она сама едва не свалилась из-за дьявольской болтанки.

— Ты просто спусти меня на землю. Поскорее. И желательно перед палаткой Капитана. — Дрема должна узнать. Немедленно. И кому-то нужно вылететь, чтобы наблюдать за дворцом. Если все это проклятое строение развалилось... Если Могаба и его приспешники погибли после взрыва... Если Хадидас и Дщерь Ночи сбежали, воспользовавшись наступившим хаосом...

Во дворце уже полыхали сильные пожары. На их фоне четко виднелся силуэт городской стены.

Я все еще объяснял ситуацию, когда в палатку Капитана стали сходитьсь офицеры. А я доказывал Дреме, что если она готова действовать, то свой ход она должна сделать немедленно. Противник никогда больше не окажется в таком смятении, как сейчас. Она согласилась, но отметила, что и мы сейчас далеко не идеально организованы.

Капитан решила эту проблему настолько поразительным способом, что он мне и в голову не приходил.

Поручив Суврину начать подготовку к атаке, она сказала мне:

— Отвези меня туда. И покажи, что там произошло.

— Тебя?

— Меня. Пока смотреть будет не на что, я стану сидеть зажмурившись. А перед отлетом положу на седло старое одеяло, так что твоя леталка не намокнет.

Я печально покачал головой:

— Эх, жаль, что с нами больше нет Лебеда. Какие у вас могли бы получиться замечательные детки. Ладно, пошли.

— погоди. Суврин!.. — Она дала ему еще несколько распоряжений. Чтобы ему было чем заняться в свободное время.

Ее отсутствие ничего не должно замедлить.

— Привяжись как следует, — посоветовал я Дреме. — А то вдруг мне захочется сделать в небе парочку пируэтов.

Она зарычала, как стая сердитых крыс. Я понял, что если она свалится, я могу просто лететь дальше.

— Ладно. Но вернуться домой, вися на веревочке, словно карп на леске, все же лучше, чем вообще не вернуться.

— Если не боишься помереть от стыда.

— Если я остаюсь жив, то мне совершенно все равно, красное ли у меня лицо. — С годами кое-чему учишься. Или, во всяком случае, следует научиться.

Мы уже пролетали над воротами, когда до меня вдруг дошло, что я сразу отправился обратно, даже не забежав поговорить с женой. Не слишком ли я староват, чтобы переживать из-за всего? За столь короткое время ничего у нее не изменится.

Теперь подобраться ко дворцу опасно близко стало невозможно — пламя над ним полыхало гигантское. Невыносимый жар чувствовался даже сквозь во-

рошский балахон. И чем выше мы поднимались, тем более турбулентным становился воздух. Ни одного воздушного змея поблизости не осталось.

Полагаю, Могаба скоро откажется от змеев совсем. Никакого вреда они нам не причинили.

Дрема вцепилась в столб с такой силой, что у нее побелели костяшки пальцев. Я всерьез задумался: не понадобится ли нам долото, чтобы разжать ее пальцы после приземления. Тем не менее, она ухитрилась произнести вполне нормальным голосом:

— Ну что там может гореть? Ведь дворец — всего лишь большая куча старых камней.

Теперь пожар уже не ограничивался дворцом. Занялись и близлежащие дома. Все прилегающие улицы были забиты людьми, в основном зеваками, которые лишь путались под ногами у солдат, чиновников и добровольцев, пытавшихся сделать хоть что-нибудь.

— Кто-то среди них еще способен мыслить, — сказал я Дреме. — Они выставили вокруг дворца оцепление из солдат. — Я снизился настолько, что сумел узнать Аридату Сингха, который расставлял солдат в две шеренги: одну лицом к толпе, чтобы ее сдерживать, а вторую, усиленную, — лицом к дворцу. Солдаты этой линии были и лучше вооружены. Любой выходящий из дворца подвергался тщательному досмотру. — Надеюсь, они успели оцепить дворец до того, как Хадидас и девушка сбежали.

— Возвращайся к воротам. Если мы когда и решимся на штурм, то лучшего момента нам не найти.

— Ты уже отыскала необходимое количество лодок? Она напряглась и ответила не сразу.

— Все же догадался...

— Логика подсказывает, что, имея столько людей, сколько у нас есть, штурмовать эти стены бессмысленно. Особенно когда Таглиос почти не защищен со стороны реки. — Довод, который наверняка приходил в голову и верховному главнокомандующему.

— Легкого пути в город нет вообще, — отрезала Дрема. — А система обороны со стороны реки просто не столь очевидна. — И она объяснила мне о забитых в дно сваях и цепях, контролирующих все движение по реке и направляющее его в узкие каналы, отлично простреливаемые катапультами с берега. Баржу с атакующими они смогут превратить в щепки и корм для рыб за пару минут.

— Я вижу, к чему все идет.

— Неужели? Так когда мне атаковать — днем или ночью?

— Сейчас темно, но к тому времени, когда ты выведешь кого-нибудь на рубеж атаки, солнце уже взойдет.

— Вези меня обратно. Надо ускорить подготовку.

112. Таггнос. Осада

Гопал Сингх выглядел ужасно. Опаленная борода, лицо и руки в волдырях, тюрбан пропал. От одежды остались лишь пропахшие дымом лохмотья.

— Стрелой смотр ты не пройдешь, — съязвил Могаба.

Сингху сейчас было не до шуток.

— Огонь мы смогли остановить. Пожар во дворце прекратится, когда там все выгорит. Зато пожары в городе... Молись, чтобы начался дождь.

— Везение не всегда оборачивается успехом, верно?

— Мы никак не могли знать заранее, что случится, если огненный шар угодит в эту летающую штуковину, — угрюмо проговорил Сингх.

— Конечно, не могли. А вот и Аридата. Мрачный, как ворона. С новой порцией плохих новостей. — Могаба взглянул на восток. До рассвета еще не скоро. Ну почему эта ночь тянется так долго? — У тебя правая штанина запахкана пеплом, Аридата.

Командир Городских батальонов попался на уловку и принялся чистить штанину, и лишь потом до него дошло, что Могаба его поддразнивает.

— Они пытаются воспользоваться суматохой, — сообщил Аридата. — Ко мне поступили сообщения о том, что призраки запугивают солдат в районе южных ворот и речных фортов.

— Они и в самом деле атакуют? — Гопал никак не мог поверить, что враг начал штурм Таглиоса столь малыми силами. Он ожидал, что они начнут долгую и неторопливую осаду, надеясь заключить союз с кем-либо из недовольных внутри городских стен. — Где?

— На реке, — предсказал Могаба. — У них имелось время на разведку. И они знают, что здесь у нас оборона самая слабая.

— А может, они лишь хотят, чтобы мы в это поверили?..

— Им нужно время, чтобы собрать ударный отряд и вывести его на исходную позицию. Когда они начнут атаку с воздуха, мы поймем, что штурм начался — и в том месте, где, как они полагают, они сумеют добиться успеха.

Несколько минут спустя пришло донесение: ковер высадил вражеских десантников на стену в полумиле западнее южных ворот. К ним быстро доставили подкрепление. Ни Городские батальоны, ни серые не имели в этом районе больших сил. Почти вся Вторая дивизия была стянута к берегу реки. Гарнизон барбакана — навесной башни — отбивал атаку в меру своих возможностей.

Могаба взглянул на восток. Едва рассветет, враг лишится своих невидимых союзников, а вместе с ними и преимущества. Вот тогда защитники города и воспользуются своим численным превосходством.

Десять минут спустя поступило новое сообщение. Пловцы, вооруженные небольшими пускателями огненных шаров, перебили цепи и разрушили заграждения выше по течению. Огненные шары уже падают среди катапульт.

— Ты был прав, — признал Гопал. — Штурм начнется со стороны реки.

— Возможно. Где их чародеи? — Могаба очень хотел это знать. Теперь он понимал, что летать на столбах могут не только маги. — Пока мы их не увидим, нам следует с сомнением относиться к их намерениям начать штурм в каком-либо конкретном месте. Пока я вижу лишь диверсии.

— Не перебраться ли нам туда? — предложил Аридата.

— Куда «туда»? Ты готов поспорить, что вскоре начнется еще одна атака? Здесь для нас лучшее место. В центре событий. — Ему пришло в голову, что за ним наблюдают. И что планы Дремы могут зависеть именно от его поведения. А его поступки могут направить усилия врага туда, где его в тот момент не будет. Он сам бы так поступил на их месте и при их возможностях. — И мы останемся в центре. Надо выставить более плотный кордон у тех помещений дворца, где может оказаться девушка. А для этого надо высвободить часть солдат из оцепления.

Сотни солдат уже высвободились, потому что толпа зевак стала таять, когда пламя разбушевалось настолько, что его жар стало невозможно терпеть. И теперь Могаба мог выслать подкрепления туда, где начнется серьезная атака.

Пришло сообщение, что теперь уже сам комплекс южных ворот подвергся яростной воздушной атаке. Плотные залпы огненных шаров изрешетили каменную кладку тысячами дыр. Пробивная способность шаров потрясала всех.

— А в этом и состоит их цель, — заметил Могаба. — У этого Капитана больше желания сражаться, чем было у ее предшественников, и когда она начинает драку, то сразу доходит до предела своих возможностей. Она хочет ошеломить противника настолько, чтобы он утратил возможность реагировать. — Присмотревшись к соратникам, Могаба понял, что здесь и сейчас тактика Капитана оказалась вполне успешной.

И ни один из Сингхов не горит желанием выслушать лекцию по боевой психологии. Поэтому Могаба лишь отметил: — И она будет сохранять преимущество, пока мы не поймем, какая из пробных атак превратится в реальный штурм.

А этого, как подозревал Могаба, пока не знает и сама Дрема. Вполне возможно, сейчас она лишь старается выяснить, какие из ее инвестиций дадут наибольший доход. Капитаны Отряда никогда не любили напрасно губить своих солдат.

— В данный момент командиры на местах должны сами справляться с возникающими проблемами. И мы вышлем им подкрепления только чтобы предотвратить катастрофу. А от вас двоих мне нужна регулярная оценка настроения толпы. До сих пор им, похоже, было все равно, но неприятные сюрпризы мне не нужны.

— Я бы даже сказал, что настроение масс — в нашу пользу, — произнес Гопал. — Не мы ведь начали все эти пожары.

Могаба взглянул на восток. Небо там слегка по-светлело, но радости он не испытал. Гопал напомнил, какое удручающее количество работы ждет его, как только будут отбиты вражеские атаки. Пожары оставят ему десятки тысяч бездомных в городе, где треть населения уже оказалась на улице.

А может, и в самом деле плюнуть на все и уйти? И пусть Дрема сама расхлебывает эту кашу.

113. Таглинос. Штурм

Мне стало ясно, что Дрема хочет взять под контроль южные ворота. Она повсюду перебрасывала людей и припасы, используя при этом тех из нас, кто мог летать, но когда я подвел итог, то понял, что половина ее усилий направлена на участок в пределах полумили от барбакана. Сам барбакан весьма пострадал от атак с воздуха и в некоторых местах, продырявленный тысячами отверстий, напоминал решето.

Я был информирован лучше Могабы. Но знал, что он достаточно скоро разберется в ситуации. На любые боевые действия у него имелся отлично натренированный инстинкт.

А насколько гибко умеет планировать Капитан? Сможет ли она быстро переместить острие атаки, когда Могаба разгадает ее намерения? Этого я не знал. На каком бы уровне наши действия ни планировались, меня поучаствовать не приглашали. Один лишь Суврин реально представлял общую картину. Но даже насчет него я не был полностью уверен. Когда дело касалось обсуждения замыслов с остальными, Дрема становилась такой же скрытной, каким в свое время был и я.

Кажется, такое приходит вместе с должностью. Мои предшественники были такими же. Когда-нибудь мы об этом пожалеем.

Сразу после полудня, неожиданно ударив со всех направлений и максимально используя поддержку с воздуха и от Тобо, наши войска ворвались в барбакан. Казалось, защитники обречены с того момента, когда штурмовые отряды пробились внутрь и открыли наружные ворота.

Могаба не отвечал. Улицы вблизи ворот опустели, когда горожане решили, что настал самый подходящий момент скрыться с глаз долой. Кучки раненых таглиосских солдат отступали в город. Но никто так и не прибыл поддержать или сменить защитников барбакана. Солдаты Второй дивизии Могабы уже открыто проклинали своего командира.

Тут явно было что-то не так. Могаба проявлял слишком большую пассивность. А ведь он наверняка знал, что должен предпринять хоть какие-то действия до наступления темноты, когда мощь Отряда неизмеримо возрастет за счет Неизвестных Теней.

Получалось, что мы делаем именно то, что нужно Могабе, раз он не делает ничего, чтобы нам помешать.

Да. Можно свихнуться, пытаюсь разобраться во всех этих хитросплетениях.

Дрема послала всех, кроме Тобо, на усиление атаки оборонительных сооружений на берегу реки. Очевидно, нам удалось малой кровью захватить там хороший плацдарм, и теперь Капитан хотела его расширить.

Я начал подозревать, что у Дремы и в самом деле нет четкого плана. По сути, она лишь захватывала то, что Могаба соглашался ей отдать.

Час спустя, когда его войска ответили на угрозу со стороны реки, центром атаки вновь стали южные ворота.

Я надеялся, что она вскоре на что-либо решится. Я уже вымотался. А до сумерек оставалось еще несколько часов.

Я с самого начала оказался прав. Она выбрала ворота.

Поначалу, когда наши солдаты наконец-то ворвались в башенки у ворот, они подали сигнал, предупреждая Капитана и лейтенанта. Башенок было две, и обе предстояло очистить. Защитники одной из них оказались упрямее, чем в другой. Тем временем все, кто не сражался в другом месте, собрались снаружи, готовые к атаке.

И теперь Дрема дала сигнал к началу штурма. Все офицеры уже получили приказ пробиться сквозь барбакан и наступать к центру города. Путь им должны будут указывать проводники. Капитан хотела захватить дворец быстро, полагая, что если символическое сердце Таглиоса остановится, то в остальной части

города мы не встретим активного сопротивления. Говорили, что Прабриндрах Драг уже едет сюда, чтобы объявить о восстановлении прав на свой семейный доминион.

Я бы на месте Дремы держал его, готового немедленно покрасоваться перед толпой, в кармане. Или вообще поручил бы ему возглавить штурм. Но меня уже давно не спрашивают, как поступил бы я на чем-то месте.

114. Таглинос. Плохие новости и белая ворона

Могаба отреагировал на новость о штурме южных ворот угрюмым и внешне равнодушным молчанием. Он не стал задавать вопросов, лишь посмотрел на запад, уточняя, сколько дневных часов у него еще осталось. Потом повернулся к Аридате и Гопалу. Последний слегка кивнул.

Едва посыльный удалился, Могаба спросил:

— Они продолжают атаку на берегу?

— По последним донесениям, они усилили натиск, — ответил Аридата.

— Вышли туда подкрепление. Их главные силы будут наступать на дворец. При поддержке всей их магии. И контратака на берегу имеет превосходные шансы на успех.

— А что мне делать с теми, кто штурмует ворота? — спросил Аридата.

— Там уже несколько месяцев как все готово. Просто действуй по плану.

Аридата кивнул, искренне сожалея, что нет никакого способа уменьшить кровопролитие. Он был менее пессимистичен относительно исхода этого конфликта, чем верховный главнокомандующий. Но опасался, что цена окажется настолько высока, что победа любой из сторон станет для города в целом еще большим злом.

— Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся в штаб, — приказал ему Могаба. — Продолжай руководить своими войсками оттуда.

— Но...

— Если все закончится плохо и ты будешь рядом со мной, когда они придут, то с тобой обойдутся более жестоко, чем необходимо. Делай, как я сказал. Гопал, а ты принимай на себя командование здесь. Никто не должен ни войти во дворец, ни выйти из него. Если враг сумеет добраться до дворца, обязательно сделай так, чтобы они узнали о Хадидасе и Дщери Ночи. Но сам в это не лезь. Информацию лучше всего передать двоим, облаченным в устрашающие доспехи. Вдоводел и Жизнедав. Они к тебе прислушаются. Потому что они родители девушки. Аридата, почему ты еще здесь? Ты получил приказ.

— А что станешь делать ты? — спросил Гопал.

— Готовить парочку контратак, которые заставят этих странных иноземных солдат пожалеть о том, что они пришли сюда оттуда, где родились. — Могаба излучал непоколебимую уверенность.

Но в самом деле уверенности у него не осталось ни капли.

Тем не менее, от дворца он удалялся походкой высокомерного завоевателя, сопровождаемый свитой посыльных и функционеров. На ходу он раздавал приказы.

•

Могаба заметил сидящую на карнизе белую ворону и поманил ее:

— Садись сюда. — Он похлопал себя по плечу.

Птица перелетела к нему на плечо, изумив свиту Могабы.

— Ты именно та, кого изображаешь? — спросил верховный главнокомандующий.

115. Тагниос. Особый отряд

Есть задания настолько важные, что их нельзя доверить никому, кроме членов семьи. Ключевые посты Капитанов отрядов, охранявших южные ворота, всегда занимали родственники Гопала Сингха, хотя они и служили в Городских батальонах. Никто из них не посмел бы решиться на предательство, потому что их прошлое было неразрывно связано с серыми, Могабой и Протекторатом.

Кроме того, они обладали достаточной выдержкой и дисциплиной, чтобы отступить, не убегая. Они готовили себя и своих сторонников к этому дню. С той лишь разницей, что первоначально они готовили смертельную ловушку для Протектора.

116. Тагниос. Произвол фортуны

Проход через барбакан изнутри казался лабиринтом, хотя в нем было всего полдюжины поворотов. Сверху он выглядел не так уж и скверно. Пока из стен не вывалились огромные каменные блоки, преградив путь вперед и назад и загнав в ловушку Дрему, ее штаб и еще десяток человек.

Падающие блоки запустили скрытые механизмы, первый из которых изверг ливень отравленных дротиков. Заржали лошади, раздались проклятия. И, едва я направил свою леталку вниз, пытаясь выручить Капитана, из отверстий в стенах выплеснулось горящее масло.

Значит, вот как они собирались избавиться от Дущелова.

Меня отогнал жар пылающего масла. Даже черное одеяние Ворошков мало смогло мне помочь.

Дрема ехала в середине колонны. И это означало, что наши силы только что оказались разрезанными надвое.

Мощная контратака стала неизбежной.

Я набрал высоту и подлетел к оцепеневшей от ужаса Аркане.

— Возьми себя в руки! Отыщи Суврина. Передай ему, что я взял на себя командование внутри городских стен. Он может сделать лестницы, чтобы перебросить остальных солдат через стены, в обход этой ловушки. Пусть возьмет бревна, предназначавшиеся для осадных машин. Лети! Быстрее!

И снова мне не пришлось давать ей пощечины, чтобы вывести из ступора.

И снова Могаба сдал нам крапленую карту с низа колоды. На сей раз наши шансы на выживание выглядели паршиво.

Мы обязаны были такое предвидеть. Ведь он сам сказал нам, что готов встретить Душелова.

Иногда тебе говорят, а ты не слышишь.

Прежде чем приземлиться, я взглянул на солнце.

Нам предстояло продержаться чуть дольше, чем у меня хватит запаса оптимизма.

— Это ненадолго, — доказывал я командирам на земле. — Нам нужно занять такую позицию, чтобы продержаться до заката. А как только стемнеет...

— Неизвестные Тени.

Крики. Падают шальные стрелы.

— Пошлите роту вдоль стены в том направлении. — приказал я. — Мы обязаны удержать те лестницы под контролем, когда остальные начнут к нам присоединяться. — Мне приходилось изображать оптимизм, которого я не испытывал. Я лишь надеялся, что Суврину удастся его половина атаки.

Никто не посмел бы усомниться в храбрости солдат из Хсиена. Они крепко потрепали Городские батальоны. И подкрепления из Второй дивизии тоже. К сожалению, солдаты Аридаты и элитные отряды

Могабы дали им достойный ответ. И очень скоро стало ясно, что Дрема откусила больше, чем могла проглотить. У верховного главнокомандующего оказалось достаточно резервов, хотя посылал он их в бой весьма неохотно.

От разгрома нас спасла лишь энергичная поддержка Арканы, Шукрат и Тобо.

Едва Тобо пришел в себя настолько, что смог мыслить не только механически, перевес стал склоняться на нашу сторону. Когда он вспомнил, что умеет сбрасывать на врага не только камни и горшки с горючей смесью. Как только он добавил свои магические таланты к более слабым умениям девушек, на врага обрушились и жалящие насекомые, и огненные червяки, и лимонно-желтые снежинки, прожигающие и доспехи, и плоть.

Тем не менее, противник сдерживал нас до самой темноты.

Тьма приходит всегда.

117. Тагниос. Ночь и город

Могаба лично возглавил оборону выходящих к реке укреплений. Когда он прибыл туда вместе с резервами из Второй дивизии, моральное состояние солдат было чрезвычайно скверным. Длинная вереница военных неудач привела их к мысли, что поражение неизбежно, а их понапрасну губят в безнадежной войне.

Верховый главнокомандующий сам повел своих телохранителей в атаку, причем с такой яростью и решительностью, что противник вскоре утратил почти все, что ему удалось захватить в течение дня.

Нападающие не имели поддержки с воздуха. Из этого Могаба сделал вывод, что у южных ворот кипит отчаянная схватка.

Между отрядами защитников города почти не было связи. Никто не знал, каково положение у других. И лучшее, что оставалось в подобной ситуации, —

как можно точнее придерживаться планов и надеяться, что противник добьется не слишком многого, воспользовавшись своим преимуществом.

Нападающие попробовали бросить в бой подкрепление из новобранцев. Это практически не дало результата, потому что они вступали в сражение слишком мелкими группами, чтобы оказать какое-то влияние на его результат.

Остатки атакующих отступили на тех же баржах, на которых утром высадили десант. Баржи понесло вниз по течению, потому что среди набившихся в них солдат Отряда было слишком мало здоровых, чтобы грести против течения. Все баржи оказались перегруженными, причем одна настолько, что черпала воду при малейшем наклоне. Она недолго оставалась на плаву.

Могаба позволил себе долгую передышку. Он изгнал из головы все мысли, закрыл глаза и подставил разгоряченное тело холодному зимнему воздуху.

Успокоившись и отдышавшись, он разрешил себе вернуться в реальность.

Он еще мог развить преимущество. Если он ответит этих солдат к южным воротам и нанесет мощный удар, то сможет причинить врагу такой урон, что защитники города получают реальный шанс пережить ночь. В случае такой удачи он одержит победу. Потому что тогда уже *они* не смогут выстоять против того, что он бросит на них утром.

Он открыл глаза.

На ободе сломанного колеса от телеги всего в футах от его лица сидела белая ворона и смотрела на него.

Ворона заговорила.

Эта птица оказалась гораздо лучшим посыльным и шпионом по сравнению с теми, которых он знал прежде.

Могаба долго слушал. И гадал, знает ли о его неверности та, кто говорит сейчас с ним через птицу-посредника.

Верховный главнокомандующий заставил себя встать, не обращая внимания на протест ноющих от усталости мышц.

— Сержант Магварт. Передать мой приказ всем офицерам. Собрать всех, кто может ходить. Мы идем на смену тем, кто обороняет южные ворота.

Воздушная разведка врага заметила их приближение быстрее, чем ловушка успела захлопнуться. Могаба оставил солдат делать свое дело, а сам торопливо направился к дворцу. Когда он до него добрался, уже наступали сумерки. С возвышенности, где он находился, были видны несколько все еще догорающих пожаров. В разрушенной части дворца тоже кое-где мелькали язычки дымного пламени.

Его уже поджидало известие о том, что противник разрушил почти всю систему обороны на берегу реки. Их отряды получили подкрепление из тех солдат, кто до этого сражался выше по течению. Захватчики проявили себя упорными бойцами.

— Выслать подкрепления? — спросил Гопал.

Могаба на секунду задумался. Иноземцы наверняка сражаются уже на пределе своих возможностей.

— Да, высылай. Ты хочешь послать всех своих людей, которые сейчас оцепили дворец?

— Думаю, так будет лучше всего. Это все, на кого я могу положиться.

— Пусть их сменяют солдаты Аридаты. А своих пошли на берег. И собери своих братьев и кузенов. Всех, кто еще жив. Они нужны мне здесь.

— Что?..

— Сделай это. Быстро. И собери все трофейные пускатели огненных шаров.

— Думаю, мы почти все уже использовали.

— Значит, хоть несколько штук да осталось. И они нужны мне все.

Пришла тьма. И вскоре к Могабе стали поступать донесения, сообщающие о том, что противник на обоих плацдармах устраивается на ночь и не намерен продолжать штурм даже при поддержке своих невидимых союзников.

Верховный главнокомандующий отказывался бояться темноты. И своим примером вдохновлял тех, кто его окружал. Выходит, вражеские призраки и в самом деле мало на что способны, кроме как пугать исподтишка.

Могаба реорганизовал оборону города, возложив почти всю ответственность на Аридату Сингха. После чего повел Гопала Сингха и его родственников, вооруженных пускателями огненных шаров, к плацдарму на берегу.

— Что мы делаем? — спросил Гопал.

— Это ложное спокойствие, — ответил Могаба. — Сегодня днем они потеряли своего Капитана. Ловушка в воротах сработала превосходно. У них погибли и почти все штабные командиры. — Он не стал пояснять, откуда у него такие сведения. — Теперь им нужно решить, кто станет командовать и что им теперь делать. Возможно, они решают этот вопрос прямо сейчас. — Он вздрогнул, но тут же сказал себе, что причиной тому зимний воздух.

Однако Могаба знал, что Костоправ остался в живых. И что Отряд не уйдет. И что преемник Дремы был назначен заранее, а новый Капитан постарается завершить дело, начатое старым.

118. Таглиос. Новая администрация

— Я не готов взять командование на себя, — доказывал Суврин.

— А я для этого слишком стар, — парировал я. — А единственный другой подходящий кандидат сейчас в коме. — Строго говоря, Госпожа находилась не в коме, но результат был практически таким же — она ничем не могла нам помочь.

Суврин что-то негромко пробормотал.

— Дрема выбрала тебя. Она считала, что ты справишься. И дала тебе возможность попробовать себя на этой работе.

Дрема сама стала немалой частью проблемы. Ее смерть, столь внезапная и жестокая, потрясла всех. Многие из нас до сих пор ходили ошеломленные.

— Если мы с тобой затайем этот разговор, то дадим Детям Смерти слишком много времени для размышлений. А мы ведь не хотим, чтобы они задумались, насколько меньше их стало с того дня, когда они оказались по нашу сторону Сияющей равнины.

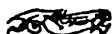
Сказав это, я на секунду испытал отвращение к себе. Именно такой образ мышления я находил наиболее циничным среди нанимателей Отряда.

Суврин ненадолго задумался:

— Мы ведь не можем скорбеть бесконечно, так? Нам нужно идти вперед. Или отступить, признав поражение.

— Тут мы еще не приняли решение. Думай. Я попробовал передать сообщения Аридате Сингху. Он создает впечатление хорошего человека, и для него Таглиос важнее всего прочего. Возможно, он захочет облегчить участь города.

— Если ты сумеешь убедить его, что верховный главнокомандующий не собирается съесть нас живь-

ем. По сведениям от Тобо, Могаба не очень-то и встревожен.

— Еще встревожится. Как только мы решим нашу проблему, я пошлю девушек на вольную охоту.

Суврин все еще сохранял присущий ему облик пухленького младенца. Пора ему заняться делом и приобрести пиратский облик Капитана.

И он решил уступить своим тайным мечтам:

— Хорошо. Я стану Капитаном. Но сохраню за собой право уйти с этой должности.

— Превосходно. Тогда я сообщу о твоём решении, а потом отправлюсь задать Могабе трепку. — Впрочем, моя ненависть к Могабе давно уже не была яростной. Нынче она стала чем-то вроде дурной привычки.

— Так я теперь Капитан, правильно? И обладаю безраздельной властью?

— Да, — ответил я с легкой подозрительностью.

— Тогда вот мой первый приказ: отныне я запрещаю тебе подвергать себя риску.

— Что? Но...

— Костоправ, ты остался единственным, кто может вести Анналы. Ты единственный, кто способен прочесть большую их часть. Ты не закончил меня обучать, и не обучил никого другого. И я не намерен в последний момент утратить связь с нашим наследием. Следовательно, отныне тебя не будет там, где твоя жизнь подвергается опасности.

— Ах ты, сукин сын! Ты меня обвел вокруг пальца! Да как ты посмел!

— Я Капитан. И, конечно, я посмел. Только что. И если понадобится, то я к тебе и охрану приставлю.

— Не понадобится. — Потому что мистикой Отряда я пропитался, как религией. Потому что не могу не выполнить приказ только потому, что он мне не нравится. Ха-ха. Интересно, сколько мне понадобится времени, чтобы отыскать лазейку в обход этого приказа,

если мне это позарез потребуется? — Но мне нужен Могаба.

— Мы его тебе поймаем. И ты сможешь содрать с него шкуру — или что ты там еще собирался с ним сделать.

Я вышел из палатки и сообщил, что у нас есть новый Капитан и он вызывает к себе офицеров. Затем отправился на поиски Арканы. У нее есть привычка тратить немалую и драгоценную часть жизни на сон.

Пока я бродил по лагерю и то и дело вздрагивал, потому что невидимые существа носились в ночи повсюду, я понял, что Суврин, сам того не подозревая, отдал мне приказ невероятной важности. Если я и дальше стану совать свой нос куда попало, встречать в каждую заварушку и когда-нибудь при этом погибну, то мной умрет не только умение читать и вести Анналы. Умрет и небольшой план, который я разработал, план выполнения наших обязательств перед Шевитьей.

Я не делился этим планом ни с кем. И не стану делиться, пока четко не пойму, что умираю.

Спящая богиня не сможет подслушать слов, не произнесенных вслух.

119. Таглинос. Посланица

Направляемая и маскируемая невидимыми друзьями Тобо, Аркана проникла в штаб Аридаты Сингха незамеченной, хотя прилетела на леталке и в черном балахоне. Генерал был один. За час до этого он свалился от переутомления, и сердобольные подчиненные перенесли его в постель. А затем выставили у двери охрану, чтобы отдых Аридаты никто не потревожил.

Аркана влетела в комнату через открытое окно, распластавшись на летательном столбе. Она не особенно нервничала, будучи уверенной, что сумеет справиться с любыми неприятностями — во всяком случае, в то краткое время, которое ей понадобится, чтобы смыться.

Ей наказали улетать при первых же признаках опасности. И она верила в эти инструкции с рвением новообращенного.

Оказавшись внутри, она слезла со столба и вернула его к окну, чтобы улететь без задержек. Веревку, которой она привязалась к леталке, девушка отвязывать не стала. Так столб сможет ее вытащить, даже если ее не будет в седле. Или она окажется без сознания. А может, даже если ее станут удерживать трое солдат.

Она отыскала и зажгла лампу. Потом разбудила Аридату Сингха.

Генерал проснулся не сразу. Он сделал это медленно и осторожно, понимая, что оказался в опасной ситуации. Возможно, рядом с ним Неизвестные Тени. Ощущение их присутствия было сильным. Потому что они и в самом деле окружали его со всех сторон.

Сингх сел, скрестив ноги. Он двигался медленно, держа руки на виду. И задал вопрос одним лишь выражением лица.

Аркана старалась не встречаться с ним взглядом. Ее предупреждали... И она не идиотка вроде Громова.

— Капитан хочет знать, получил ли ты послание летописца. Капитан хочет знать, готов ли ты избавить Таглиос от мучений затянувшейся осады. — Она выговаривала слова четко, чтобы избежать недопонимания.

— Конечно, готов. Но как я смогу заставить ваших людей уйти? — Он не узнавал ночного гостя под черным одеянием Ворошков.

— Идея такова — твои солдаты могут сложить оружие. — Такое заявление, предназначенное чужаку, несколько не взволновало бы Аркану как члена клана Ворошков. Но здесь и сейчас она была лишь одной из беглецов и наемников. К тому же очень юной, не очень уверенной в себе. Может, зря Костоправ говорил ей, что не сомневается в ней?

Умный старикан. Он так ее подставил, что теперь она скорее рискнет свободой, чем подведет его.

Таковы все старики. Во всяком случае, старики по ее понятиям.

— Более всего прочего мне хочется прекратить войну быстрее, чем пострадает еще хотя бы один человек, — признал Аридата. — Но у меня нет власти там, где делается выбор между войной и миром. Я принял на себя обязательства. Я дал слово. Сейчас судьба Таглиноса зависит от верховного главнокомандующего. Если он отдаст приказ прекратить сопротивление, то я выполню его мгновенно.

Здесь он замолчал, и его молчание было красноречивее любых слов. То, в чем он признался, тревожило его совесть.

— Значит, таков твой твердый ответ? — уточнила Аркана, чья уверенность стала крепнуть.

— У меня нет иного выбора. Твой Капитан поймет.

— Твое благородство может тебя погубить. И некому будет произнести за тебя молитву.

Аркана улетела быстрее, чем Сингх успел понять смысл ее слов. Ему показалось, что они прозвучали как некая плохо переведенная с чужого языка фраза.

Аридата не успел отдохнуть за столь короткое время. Но он еще долго не смог заснуть — и вовсе не из-за явного ощущения, что в его спальне есть кто-то чужой, которое так никуда и не делось. Он вновь и вновь мысленно повторял последние слова гостя и вспоминал своего отца, Нарайяна Сингха. Благороднейшего человека — среди своих единомышленников. А теперь некому помянуть его в молитвах. Разве что его любимая богиня напевает теперь ему колыбельные в своих кошмарных снах.

А убийца Нарайяна все еще прячется где-то в развалинах дворца.

120. Тагпинос. Тай Ким всегда был здесь

Могаба почти не участвовал в сражении. Он сказал Гопалу:

— Мой дух рвется в бой, но тело слишком состарилось и устало. Уж лучше я буду сидеть здесь и давать тебе указания.

Но во дворце он не засиделся, а расхаживал по городу с белой вороной, летавшей для него на разведку, несмотря на таящихся в темноте враждебных призраков. Птица видела их весьма ясно и потому регулярно предупреждала Могабу, когда следует помалкивать.

Когда Могаба предположил, что эти невидимые существа не очень-то охотно помогают захватчикам, ворона пояснила, что обитатели призрачного мира полностью преданы лишь одной идее — делать своего хозяина счастливым. А скромную помощь Отряду они оказывают в ответ на пожелания своего мессии Тобо, которому поклоняются почти как богу. Как Тай Киму. А это имя на каноническом языке жрецов, создавших Неизвестные Тени, означает «Тот, Кто Идет с Мертвыми».

— Так ты хочешь сказать, что это не язык нюень бао?

Нет, это язык, родственный языку нюень бао, — такой, каким он был четыре столетия назад.

— Значит, Ходячая Смерть — полукровка?

Не Ходячая Смерть, а Тот, Кто Идет с Мертвыми.

Могаба слишком устал, чтобы думать о разнице в смыслах.

— Отыщи Аридату Сингха, — велел он птице. — Я хочу знать, что он делает.

Вороне не нравилось, когда ей приказывали. Но все же она улетела.

Могаба немедленно вызвал Гопала и спросил:

— Как ты относишься к этому городу? — Он и так знал ответ, но хотел выслушать его из уст Сингха.

— Сам не понимаю, — пожал плечами Гопал. — Как и все, кто здесь живет, я его и люблю, и ненавижу.

— Наши враги восстановили командную цепочку. Сейчас они отдыхают. Но возобновят атаку, пока еще достаточно темно для их невидимых союзников. Сейчас я уверен, что мы эту ночь продержимся и у нас останется более чем достаточно сил для завтрашней контратаки. Думаю, мы сумеем нанести им серьезный урон, но их проклятые колдуны снова их спасут, а когда наступит ночь, их союзники нас прикончат. — Могаба сказал это, хотя ни разу не видел доказательств того, что Неизвестные Тени способны убить человека. — И еще я думаю, что на сей раз разрушения в Таглиосе будут гораздо сильнее. Полагаю, что рано или поздно обе стороны настолько ослабнут, что ни одна из них — кто бы ни победил — не сумеет сдержать соперничество религиозных фракций, умерить амбиции главарей разбойничьих банд, жрецов и кого угодно, кто пожелает извлечь преимущество из будущего хаоса. Может, мы даже увидим столкновения между приверженцами основных религий.

Гопал кивнул, невидимый в темноте. Работой начальника серых был всеобщий контроль. Особенную безжалостность он проявлял к бандитам. Могаба не вдавался в детали, но знал, что некое событие в прошлом Гопала побуждало его нещадно давить криминальную активность.

— К чему ты клонишь? — спросил Гопал.

— К тому, что если мы продолжим войну так, как воюем сейчас, то мы сможем победить — возможно, — но при этом уничтожим Таглиос. А если проиграем, то результатом станут анархия и разрушение.

— И?..

— А нашим врагам на это наплевать. Они пришли сюда не город завоевывать. Они пришли за тобой и мной. И за Хадидасом и девушкой. Особенно за Дщерью Ночи.

Могаба ощутил нарастающее подозрение Гопала. Ничего, белая ворона вскоре вернется.

— Думаю, нам лучше уйти, Гопал. И избавить Таглиос от мучений. Гарнизоны восточных провинций нам верны. И мы сможем продолжить борьбу оттуда.

Гопала его слова не обманули. Но он не возразил, что у них практически не будет надежды одолеть армию, засевшую в столице, подкрепленную отрядом чародеев и не испытывающую затруднений с деньгами.

Он давно знал своего командира. Верховный главнокомандующий — упрямый военачальник, не имеющий никаких слабостей. Если не считать его тайной любви к принявшему его городу — любви, которую он в последнее время проявлял уже несколько раз. И Гопал без труда поверил, что Могаба скорее уйдет из Таглиоса, чем позволит его уничтожить и превратить в памятник генеральскому эго. Нынешний Могаба уже не был тем высокомерным юнцом, который оборонял Деджагор против худшего, что смогли двинуть против него Хозяева Теней.

— И куда мы пойдем?

— В Агру. Или в Мухру в Аджитстане.

— Оба города — веднаитские твердыни. И группу еретиков-шадаритов вряд ли там примут тепло. Особенно если падение Таглиоса подвергнет новым испытаниям религиозную терпимость.

— Такое может случиться, — признал Могаба. — А может и не случиться.

— Кроме того, мы не подумали о семьях. — Семейные связи для шадаритов чрезвычайно важны. — У меня есть только братья и кузены. Но у большинства из них есть жены и дети.

— Полагаю, они могут остаться здесь, сбрить бороды и прикинуться людьми, редко бывающими на солнце, — ответил Могаба. — Гопал, сейчас я поведу себя в высшей степени несправедливо. Возлагаю тяжесть решения исключительно на тебя. Остаться и сражаться? Или уйти и пощадить город?

И, словно ставя точку в словах Могабы, над центром города поднялся огненный гриб. Мгновение он напоминал гигантский, светящийся изнутри мозг. На его фоне мелькали летающие силуэты.

— Передышка закончилась, — проговорил Могаба.

121. Таглинос. Спящая красавица

Меня сводило с ума то, что мне приходилось торчать над нашей территорией и лишь оттуда наблюдать за воздушной атакой на группу ключевых зданий, занятых теми, кто упрямо блокировал наше наступление на дворец. Мы принесли в эту часть мира знания о войне, а наши ученики усвоили их слишком хорошо. Эти таглиносцы отказывались уступить даже магии и Неизвестным Теням.

Кто-то отметил, что солдаты в Городских батальонах были в основном веднаитами и шадаритами. Обе религии обещали реки вина и толпы нетерпеливых девственниц любому, кто пал на поле боя. Хотя первоначально все это предназначалось лишь для воинов, павших во славу бога.

Хотел бы я знать, пришелся ли по вкусу Дреме веднаитский рай?

Мы пока так и не смогли опознать ее тело. Трупы угодивших в ловушку очень сильно обгорели.

«Почему бы нам этих ребят не обойти?» — спросил я сам себя. И понял — они не дадут нам это сделать. У них там тщательно продуманная система перекрывающихся оборонительных позиций. Единственный путь к дворцу — пройти сквозь них. Или над ними.

Над ними мы пройти могли.

И прошли — по двадцать безумно храбрых Детей Смерти зараз, которых перебрасывал на самом большом ковре столь же безумно уставший Тобо.

Неизвестные Тени поддерживали своего приятеля со всех возможных направлений, иногда настолько очевидно, что я четко видел их даже с того места, где висел в воздухе, не делая абсолютно ничего полезного для наших ребят.

Жену я оставил в лагере неподалеку от города. И прошло уже немало времени с тех пор, как я навещал ее в последний раз. Пожалуй, это тоже можно счесть полезным делом.

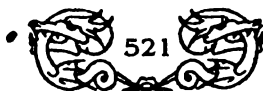
Поэтому я оставил своих отрядных братьев и отправился к жене. А в это время шло сражение. Сражение, которое, вне всяких сомнений, станет совершенно уникальным в списке всех сражений Отряда, поэтому кому-нибудь просто необходимо было бы находиться в самой его гуще и записывать каждый его нюанс.

Состояние Госпожи не изменилось. Она зависла на полпути между жизнью и смертью. И продолжала разговаривать сама с собой в этом сне. То, что я увидел, не прибавило мне надежд. То, что я услышал, лишь смутило меня. Она в основном бормотала что-то неразборчивое. А слова, которые мне удалось разобрать, не складывались в разумные фразы.

Несколько минут, проведенные рядом с ней, напомнили мне, почему я всегда сопротивлялся необходимости навещать ее до тех пор, пока не забывал об отчаянии, которое вызывали эти визиты.

122. Таггнос. Неизвестные Тени

Лишь два неженатых кузена Гопала решили покинуть город вместе с Могабой и командиром серых. Остальные, семейные люди, предпочли рискнуть и остаться в городе.

Могаба их понимал. В предстоящем после захвата города смятении десятки его сторонников сменят облик, пока завоеватели будут прочесывать кварталы в поисках врагов. И вскоре окажется, что многие якобы даже не слышали о серых и уж тем более не участвовали в творимых ими жестокостях.

— Вот, — сказал Могаба, приведя их к старому покосившемуся причалу. — Сойдет и эта. — Он указал на лодку длиной футов восемнадцать, которая, судя по запаху, привозила в город рыбу еще в прошлом столетии.

Могаба перебрался на борт. За ним осторожно последовали Гопал и остальные. Отношения, сложившиеся между шадаритами и большими водоемами, напоминали те, что связывают кошек и корыта с водой.

— Отвяжите эти веревки, — распорядился Могаба. — Ты *точно* умеешь грести? — Гопал заявил, что умеет.

— Умею, но не на скорость, — буркнул Сингх.

К удивлению Могабы, украсть лодку оказалось проще простого. Он изумился, увидев, что довольно большое судно было брошено без присмотра. На его борту сейчас должно было находиться минимум одно семейство. Но сегодня весь берег был тих и безлюден, словно прибрежные ночи наполнились невыносимым ужасом.

Происходившая в душе Могабы внутренняя борьба постепенно стихла и растаяла. Он напомнил себе, что очень быстро приближается момент, когда станет слишком поздно менять решения, уступая своей гордости или высокомерию. Именно они в конечном итоге привели его к этим ужасным последним дням. Насколько иными могли бы стать и его жизнь, и весь мир, если бы он сумел обуздать своих внутренних демонов во время осады Деджагора.

Вряд ли он был бы сейчас ненавидимым и одиноким стариком, и ему вспомнить-то было нечего, кроме

того, что он верой и правдой служил хозяевам, которых презирал.

Белая ворона отыскала их, когда они пытались разобраться с механизмом, поднимающим залатанный парус лодки. Дул ровный бриз, способный нести судно вверх по течению куда быстрее, чем неуклюжее размахивание веслами.

Птица уселась на перекладину мачты.

— Что ты делаешь? Я не разрешала тебе покидать город. Почему ты бежишь? Битва еще не проиграна.

Шадариты разинули рты. Могаба ударил себя в грудь:

— Нет. Я выиграл великую войну. Здесь. Наконец-то. И теперь направляюсь туда, где никогда и никому уже не смогу причинить вреда.

Гопал переводил взгляд с Могабы на ворону и обратно. До него постепенно доходила суть происходящего. И чем больше он понимал, тем сильнее его охватывали возбуждение и страх.

Птица умела разговаривать разными голосами, хотя выглядела просто общипанной вороной.

— Разверни лодку к берегу. Немедленно. Неповиновения я не потерплю.

— Тебе больше меня не запугать, старая шлюха, — ответил Могаба. — Ты уже не властна надо мной. И я не стану твоей игрушкой или марионеткой ни сегодня, ни до конца своих дней.

— Ты и понятия не имсешь, как сильно тебе придется об этом пожалеть. Когда я вернусь, ты станешь первым в моем списке. Гопал Сингх, разверни это отвратительное корыто и... Ай!

Гопал ударил птицу веслом. Каркая, хлопая крыльями и теряя перья, она шлепнулась с мачты в вонючую и мутную воду реки.

— Эта птичка выражалась поразительно непристойно, — заметил отставной командир серых и ухмыльнулся. Потом стал рыться в прихваченном в дорогу

мешке. Ему сейчас очень требовался глоток вина. Родственники Гопала нахмурились. — Верещи, пока не надоест, сорока драная! Я теперь сам себе хозяин!

Поток непрекращающихся птичьих жалоб внезапно иссяк, и в голосе вороны послышался откровенный ужас. Птица в панике захлопала крыльями — ее приподняла вздыбившаяся поверхность воды.

Неизвестно откуда взявшаяся волна опасно накренила лодку. Гопал от неожиданности выронил бутылку. Один из его кузенов с размаху ударил веслом по медленно обретающему очертания существу, выбив из него около галлона воды. Но его усилия не дали очевидного эффекта.

— Срань божья! — выдохнул Гопал, валяясь на дне лодки и пялясь в темноту поверх плеча Могабы. — Это еще что за дьявольщина?!

На фоне полыхающих в городе пожаров из воды поднималось нечто. Существо напоминало гигантскую утку, чей ухмыляющийся клюв усеивали зловеще поблескивающие зубы. И оно было не одно.

— Боже! — ахнул один из кузенов Гопала. — Они нас окружают. Кто это такие?

Могаба вздохнул. Но не сказал, что эти монстры не оставляют после себя свидетелей, способных их описать.

123. Таглинос. Вороний разговор

Аридата Сингх только-только снова заснул, как кисть его правой руки пронзила сильная боль. Он резко сел и взмахнул рукой. Сперва Аридата решил, что из лампы каким-то образом пролилось горящее масло и испугался, что загорится одеяло. Но лампа в комнате не горела.

Огня нет. Значит, его кто-то укусил. Или царапнул. А он отбросил этого кого-то через всю комнату к стене — оно сейчас там копошится и издает неразборчи-

вые цыплячьи звуки. Неужели те люди напали на него? Аридата крикнул, вызывая часовых.

Когда комнату залил свет, он обнаружил, что его незваный гость — белая ворона. Кто-то из его людей замотал птицу в одеяло. Другой осмотрел руку Аридаты.

— Эта растрепанная тварь вроде как грязная, генерал. Вам надо показать ранку врачу. Она могла занести в нее заразу.

— Пусть принесут мыло и горячую воду... Кажется, кожа лишь немного поцарапана... А это еще что такое?

Сверток с птицей заговорил.

— Она разговаривает, — пробормотал солдат — настолько изумленный, что смог лишь подтвердить очевидное.

— Закройте окно. Заприте дверь. И приготовьтесь ударить ее чем-нибудь, когда мы ее выпустим. — Аридата вспомнил, что кое-кто из главарей Отряда иногда ходил с вороной на плече. И одна из них была белой.

Отрезав птице все пути к бегству, Аридата приказал:

— Теперь выпускайте ее.

Ворона выглядела так, словно ее кто-то сперва пытался утопить, но потом передумал и решил ощипать. Вид у нее был хуже некуда.

Ободранная птица склонила голову направо, потом налево, осмотрела спальню. Она явно старалась обуздать свой гнев и набраться гордости и достоинства.

К этому времени Аридата понял, что это не та ворона, которую он видел на плече у Костоправа. Его ночная гостья казалась поменьше, зато более материнской.

Птица уставилась на Сингха сперва одним глазом, затем другим. Потом по очереди осмотрела его охранников. Казалось, она чего-то ждала.

— Если хочешь что-то сказать, то говори, — сказал Сингх.

— Пусть они уйдут.

— Я этого не хочу. — Аридата жестом велел солдатам встать так, чтобы им было легче поймать ворону.

— Я не привыкла к...

— Я тоже не имею привычки выслушивать указания от птиц. Насколько я понял, ты принесла сообщение. Говори. Или я сверну тебе шею и займусь своими делами.

— Ты еще доживешь до того дня, когда пожалеешь об этом, Аридата Сингх.

И в тот момент, когда голос птицы изменился, Сингх понял, что разговаривает с Протектором. Но ведь враги похоронили ее под Сияющей равниной. Или нет?

— Я жду сообщения. А если буду слышать лишь угрозы, то прикажу Васуде наступить тебе на голову.

— Хорошо. Твой день еще настанет, Аридата Сингх. Аридата Сингх, я назначаю тебя своим заместителем в Таглиосе. Могабы и Гопала больше нет. Я дам тебе указания, какие шаги следует предпринять...

— Извини. Верховный главнокомандующий и генерал Сингх убиты?

— Они пытались совершить одну глупость. И за это вражеские невидимые существа их убили. Поэтому я повышаю тебя в...

Аридата повернулся к вороне спиной:

— Джитендра, передай мой приказ. Я хочу, чтобы каждый наш отряд прекратил сражаться и отступил на исходные позиции. Единственным оправданием может стать только то, что противник не позволил им этого сделать. И вышлите к противнику парламентария с известием, что я готов обсудить условия сдачи.

Белая ворона разразилась потоком брани.

— Васуда, накрой эту тварь одеялом. Возможно, потом она нам пригодится, но сейчас я не желаю выслушивать ее оскорбления.

— Заведи себе для этого жену, генерал.

124. Таглинос. Песчаная отмель

На улицах уже говорили о том, как верховный главнокомандующий пожертвовал собой, чтобы обойти ограничения всех клятв, связывающих его с союзниками. Потому что хотел спасти город от разрушения бунтовщиками и захватчиками. Потрясающе. Мы только-только начали перенимать власть, а люди уже тосковали по старым добрым временам Протектората.

Пожалуй, их трудно в этом винить. Ведь Прабриндрах Драх последний раз видел свою столицу несколько десятков лет назад.

Пусть относятся к нам как угодно. Лишь бы не путались у меня под ногами.

Мы с Тобо летали над дворцом, осматривая развалины. Над кучами камней все еще вился дымок. Каждые несколько часов обрушивалась еще какая-нибудь стена. Третью дворца полностью развалилась. Эта треть включала в себя почти весь обитаемый современный сектор. Наверное, заброшенные части дворца были возведены из более прочного материала, потому что пережили десятки лет запустения.

Даже в самый разгар сражения за город Аридата посылал добровольцев из Городских батальонов прочесывать руины в поисках уцелевших — чтобы их спасти — и тел погибших — чтобы доставить их безутешным родственникам. Он и сейчас продолжал эту работу, пополнив поисковые отряды солдатами, которые до этого сражались. И теперь повсюду целые батальоны сражались с огнем, оказавшимся противником более упорным, чем захватчики.

— Ты правда думаешь, что они все еще где-то там? — спросил я Тобо, имея в виду Бубу и Гоблина.

— Я знаю, что они там. Мои Тени их видели. Только не смогли запомнить, как до них добраться.

— Пусть это покажется странным, но они нужны мне живыми. Без них я не смогу сдержать обещание, данное Шевитье.

Тобо хмыкнул. Я не посвящал его в свои планы. Более того, весь круг посвященных до сих пор состоял из меня одного. И я не собирался ничего менять. Молчание нельзя подслушать.

— Кажется, Аркана влюбилась. — Недавно она придумала очередной повод, чтобы посоветоваться с Аридатой Сингхом.

Тобо опять хмыкнул. Ему уже немного полегчало, но победа не принесла ему удовлетворения. И он еще не скоро придет в себя после утраты матери и отца.

— Ты не отыскал никаких следов Могабы или Гопала Сингха? — спросил я. Аридата сказал, что они мертвы. И утверждал, что ему сообщила об этом белая ворона — не совсем надежный свидетель.

Прежде чем ответить, парень присмотрелся ко мне.

— Они утонули. Пытаясь уплыть вверх по течению. На лодке. Очевидно, лодка перевернулась.

— Понятно.

Мой тон заставил его пристально взглядеться мне в глаза. Я, разумеется, не мог видеть выражения его лица — его скрывало одеяние Ворошков. Мое лицо тоже скрывал черный балахон. Мы носили их почти постоянно, потому что многим наша победа не нравилась. Нередко случались инциденты.

Однако в целом Таглиос испустил один мощный коллективный вздох облегчения и снова занялся прозой жизни. Мы до сих пор практически не преследовали тех, кто служил поверженному режиму. А многие горожане, похоже, и вовсе считали, что серые совершили больше хорошего, чем плохого, потому что

подавляли преступность намного жестче, чем боролись с врагами Протектора и верховного главнокомандующего.

Если же рассматривать общую картину, то очень многим всегда было абсолютно все равно, кто именно правит Таглиосом и подчиненными ему землями. Потому что смена правителей редко — тем или иным образом — затрагивала их жизнь достаточно глубоко.

Человечество как вид никогда не перестанет меня изумлять. Я согласился бы побиться об заклад, что наступившие перемены взволнуют их гораздо сильнее. Но когда смотришь изнутри, то никогда не видишь то, что можно увидеть снаружи.

В городе продолжали появляться надписи «Раджахарма». Есть люди, которые всегда и всем недовольны. Периодически я стал наткаться на нечто новенькое: «Тхи Ким здесь». Когда Тобо не пожелал на эту тему говорить, я не стал давить на парня.

Я поступил бы так в любом случае, хотя и не раскрыл эту тайну настолько, чтобы ответ меня удовлетворил. В его отношениях с Неизвестными Тенями наверняка таится нечто большее, чем пока кажется очевидным.

Я оставил его и стал кружить над дворцом. Наши люди уже сменили Городские батальоны по его периметру, образовав многоцветную линию. Городские солдаты расчищали завалы, особенно тщательно в тех местах, где друзья Тобо отыскивали угодивших в ловушку людей. Многие из них остались живы, засыпанные обломками в уцелевших внутренних комнатах. И теперь их неумолимым врагом стала жажда.

Все шло, как тому следовало. Казалось. Но меня точило беспокойство. Меня не покидало чувство, что где-то и что-то идет не так. Интуиция. Основанная на намеках подсознания.

Я полетел прочь от дворца, помахав мелькнувшей рядом Шукрат. Она мчалась к Тобо, только что слетав курьером к Прабриндраху Драху и Радише, приближавшимся к городу. Когда она скрылась из глаз, я прибавил скорости и направился к реке.

Долетев до границы города ниже по течению, я продолжил поиски, двигаясь вверх по реке. На ней виднелось множество лодок — они были бы там, даже если бы сражение до сих пор продолжалось. Я задал перепуганными рыбакам несколько вопросов, до сих пор не уверенный, что именно я могу отыскать. Времени было более чем достаточно, чтобы и тела, и обломки течение унесло к болотам в дельте.

А может, и нет.

Сразу за поворотом реки вдоль ее северного берега на несколько миль тянется песчаная отмель. Она здесь уже так давно, что ныне превратилась в остров, заросший травой на берегу, кустами — в местах повыше и деревьями — в самых возвышенных частях. Протока в северной части острова узкая, мелкая и забита илом. В устье этой протоки я увидел перевернутую лодку. Рядом с ней в грязи лежал мертвец. Десяток таглиосцев в одних набедренных повязках деловито переворачивали лодку, собираясь стянуть ее с отмели. Никто из них не проявлял к трупу ни малейшего интереса. Правда, покойник явно был шадаритом, а все они — гуннитами.

Стервятникам сразу захотелось оказаться где-нибудь подальше, когда над их головами закружил некто, закутанный в развевающееся черное облако. Двое прыгнули в протоку и поплыли к северному берегу. Остальные поспешили укрыться в зарослях на острове. Еще двое на бегу передумали и свернули к лодке, доставившей их на остров и вытащенной на отмель в сотне ярдов ниже по течению.

Судя по одежде, мертвый шадарит был офицером серых. Под лодкой я обнаружил и второй труп,

тоже шадарита. На деревьях неподалеку густо расселись встревоженные вороны. А это уже интересно, потому что вороны давно уже стали птицами весьма редкими.

Я совершил над деревьями парочку неторопливых кругов, чтобы окончательно спугнуть ворон, и лишь после этого осторожно опустил между ветвями.

Могабу я опознал только по необычному цвету оставшихся на его теле клочков кожи. А Гопала Сингха — методом дедукции. Обоих пытали. Безжалостно и долго. Могабу, возможно, несколько дней. Его труп выглядел свежее. Я полетел вниз по течению, пока не отыскал своих, а среди них — Аркану.

— Нам надо поговорить, приемная дочь. — Я ткнул пальцем вверх. — Где-нибудь в небе, под ярким полуденным солнцем.

Она сразу заметила мою озабоченность и поднялась на тысячу футов, направляясь на юг, словно мы летели проверить, насколько далеко от города сейчас Прабриндрах Драх. И точно, далеко на юге уже виднелось внушительное облако пыли.

— Что случилось? — спросила она.

— Я думаю, что Тобо может выйти из-под контроля. Или почти выйти — что, собственно одно и то же. Если мы не проявим осторожности, то все мы можем пожалеть, что рядом с Тобо нет матери, которая его сдержала бы. И что Дрема и Мурген погибли. Может, он уже и взрослый, но все еще нуждается в руководстве. — И я рассказал ей о том, что обнаружил на песчаной отмели.

— Почему ты мне все это рассказал? Ты же всегда такой скрытный, папочка.

— Потому что видел, как ты строила глазки генералу Сингху. А он был союзником Могабы и Гопала Сингха. И если Тобо по-настоящему свихнется, то следующим в его списке может стать Аридата Сингх.

— Но почему ты винишь в этом Тобо?

Я привел ей свои доводы, во многом опирающиеся на мою оценку характера верховного главнокомандующего:

— Могаба знал, что Аридата хочет избавить Таглиос от штурма и разрушения. Он сам этого хотел. Однако сдаться не мог. А присущее Аридате благородство не позволило бы ему предать Могабу. Поэтому Могаба и решил устроить все так, чтобы развязать Аридате руки. А Тобо убил Могабу.

— Ты так и не сказал, почему винишь именно Тобо.

— Потому что только Тобо мог знать, что делает Могаба. И где будет находиться. В ту ночь возле реки творилось что-то неладное. Все, кто живет на берегу, почувствовали это и укрылись в городе.

— Хорошо. Допустим, это так. И что ты собираешься делать?

— Уже сделал. Велел тебе соблюдать осторожность. А теперь полечу проверить, не стало ли моей жене с утра лучше.

Я знал, что лучше Госпоже не стало. И уже начал терять надежду.

125. Таглиос. Дневная прогулка

Я повез Госпожу на пикник. С помощью приемных дочерей. И с тщетной надеждой, что немного солнца и свежего воздуха склонят чашу весов в нужную сторону, хотя даже отчаянные усилия Тобо не смогли рассеять сковывающие ее чары. Судя по словам юного чародея, я еще мог считать себя счастливчиком. Окажись на месте Госпожи обычная женщина, она уже давно была бы мертва. Тобо заверил меня, что здесь мы имеем дело не с теми чарами, которые погубили Седвола и все еще держат воистину мертвой хваткой Душелова. Сам я не видел между ними явной разницы, кроме одного — Госпоже не становилось хуже.

Лучшее, что смог посоветовать мне Тобо, — задать все вопросы тому, кто эти чары навел, — когда мы его поймаем.

Девушки оставили меня наедине с моей ненаглядной. Я держал ее за руку и болтал о тысяче мелочей: воспоминаниях, текущих делах, надеждах. Поделился я с ней и своими подозрениями и тревогами насчет Тобо, что могло оказаться опасным, поскольку я не знал, кто мог подслушивать.

Ничего из предпринятого мною не помогло ей хоть немного, да и мне нисколько не облегчало. Я уже давно вел серьезную войну с отчаянием.

Поскрипывая кожей безупречно надраенных доспехов, ко мне подбежал капрал из Хсиена:

— Капитан передает свои наилучшие пожелания, господин, и просит вас срочно прибыть во дворец. Кажется, они смогли отыскать Хадидаса и Дщерь Ночи.

— Проклятье! Да. Я там буду, как только смогу. Передай им, чтобы ничего не начинали. И были *очень* осторожны. Эта парочка чрезвычайно опасна.

Разумеется, они это знали. И Тобо тоже напомним им об осторожности. Но повторение никогда не повредит. Особенно, когда помогает пережить смертельно опасные ситуации.

Ко мне уже бежали Шукрат и Аркана.

— Что случилось? — спросила Шукрат.

Объясняя, я заметил, насколько лучше девушки стали между собой ладить. Кажется, они перестали конфликтовать.

Когда мы втроем приготовились отвезти Госпожу обратно в мою палатку, я спросил Аркану:

— Ты хочешь когда-нибудь вернуться домой?

— Что?

— Домой. Туда, где ты родилась. В мир, который я привык называть Хатоваром. Хочешь туда вернуться? Полагаю, я смогу такое устроить.

— Но ведь тот мир уничтожен.
— Не совсем. Так утверждали Первый Отец и Нашун Исследователь, но то было лишь оправдание для их трусости.

— Мне не хочется в это верить.

— Хорошо. Превосходно. Такими я и хочу видеть своих деток. Скептиками. По словам Шевитьи, это правда. А я не на сто процентов уверен в искренности нашего демонического друга.

— А почему ты не спрашиваешь, не хочу ли и я вернуться? — поинтересовалась Шукрат.

— Потому что ты не хочешь. А хочешь быть там, где Тобо.

— Ну, это давно не секрет. Кстати, и не преступление. Но я не рабыня своих чувств. И ты никогда не увидишь, как я потеряю голову или совершу какую-нибудь глупость из-за любви. Так что если вы туда соберетесь, скажите и мне. Тогда я и решу, чего хочу.

126. Таглиос. Возвращение королевских особ

До дворца я так и не добрался. Шукрат меня опередила и сразу же вернулась, передав, что мне нужно лететь к южным воротам. К город вот-вот войдет Прабриндрах Драг, и Суврин хотел, чтобы хоть *кто-то* встретил человека, которого мы провозгласили законным правителем Таглиоса.

Выполняя его указания, я прихватил нескольких солдат из Городских батальонов и горстку офицеров и направился с ними к воротам, непрерывно ворча. Я предполагал, что возвращение князя в родные пенаты станет для него и его сестры огромным разочарованием.

Таглиосу на них было наплевать.

По дороге я перехватил нескольких горожан, сообщил им новость и велел поскорее ее распространить и организовать хоть что-то.

Толку от моей суеты оказалось очень мало. По краям ведущей к воротам дороги я увидел лишь жалкую кучку зевак, а редкими и робкими здравицами князя приветствовали только очень старые люди.

Ненавижу тратить помпезность и шик понапрасну. Хотя тратить было особенно и нечего. Аридата с некоторым запозданием, но все же прислал военный оркестр. Лучше бы он его не присылал. Играли они ужасно. И вовсе не потому, что звуки, называемые здесь музыкой, резали мне слух. В конце концов, я половину жизни провел в этой части мира.

— Эти ребята часто репетируют? — спросил я Аридату.

— Они были слишком заняты, выполняя солдатскую работу.

У Аридаты есть качество, которое я очень ценю в командирах. В каждом из своих людей он в первую очередь видит солдата, а все остальное — вторично.

— Должен тебе сказать, что князь выглядит не очень-то впечатляюще, — заметил Аридата. — Надеюсь, что править он умеет лучше, чем держаться на людях.

Теперь я и сам начал сомневаться, что возвращение князя пойдет Таглиосу на пользу. И город, и его жители очень изменились. И у них с князем может не оказаться ничего общего.

Я пожал плечами.

— Князь стар. И если он не сможет дать Таглиосу то, что ему нужно, то и Таглиос не станет терпеть его долго.

Когда-то я с князем ладил. Пока он не переметнулся на сторону врага. Будучи офицером под моим командованием, он проявил страсть к учению и стремление поступать наилучшим образом. Поэтому, когда мы встретились у южных ворот, я откровенно сказал ему, что теперь, когда он вернулся на трон, его первым и важнейшим делом должно стать обеспечение приемлемой для

всех линии наследования. Иначе после его кончины наступит хаос.

— Раджахарма, старина. Так что дело надо сделать.

В ответ я услышал от князя лишь усталое ворчание. Он выглядел измученными и равнодушным. Сестра его казалась живее, но она была фактически старше брата, потому что не разделила с ним годы, проведенные в Пленение. Поэтому не исключено, что она, даже будучи младше его по рождению, скончается первой.

Она в любом случае не могла стать титулованным правителем. Все эти годы, что она управляла страной, она официально считалась регентом, который занимает место законного правителя до его возвращения. Поскольку Прабриндрах Драх был жив, только находился где-то в другом месте. Ни обычаи, ни законы Таглиоса не позволяли женщине править от своего имени.

Подоспела Аркана с новостями:

— Они точно нашли Хадидаса и Дщерь Ночи, папуля. — Теперь она тоже желала поучаствовать в этой шараде и все чаще назначала себя на роль моего личного помощника. Эх, мне бы научить ее письменному таглиосскому... Впрочем, я подозревал, что некоторое отношение к ее нынешнему поведению имеет и частота моих встреч с Аридатой Сингхом. А тот, как я отметил, уже успел оценить, какой лакомый кусочек представляет из себя моя дочурка, хотя одеяние Ворошков редко облегает фигуру.

У Тобо хватило терпения дожидаться, пока я доберусь до дворца. И только из вежливости, потому что под развалинами находились моя родная дочь и мой бывший друг.

Моя родная дочь. Взрослая женщина, которую я никогда не видел. Аркана, которую я знал меньше года, и то была для меня в жизни больше до-

черью. А Нарайян Сингх был для Бубу отцом больше, чем я.

Аридата уже прибыл на место и ходил с заинтересованным видом. Интересно, почему? И тут я вспомнил, что он уже несколько раз видел Бубу, а у женщин есть свойство кружить мужчинам головы, даже не прилагая для этого усилий.

Мне в голову не могло прийти, что он больше думает не о ней, а о Хадидазе.

Поначалу князь оскорбился, когда все вдруг утратили к нему интерес... и тут он хорошенько присмотрелся к тому, что стало с дворцом.

И, издав классический возглас отчаяния, застонал. И даже весьма впечатляюще заскрипел зубами.

К нему подошел Суврин. Наш пухленький младенец умел весьма ловко обращаться с людьми, когда хотел. Что во все времена считалось идеальным талантом для лидера. Я повернулся к Аркане и дал ей некие особые инструкции. Девушка умчалась в мои комнаты в здании, где мы разместили наш штаб. Некогда там находились казармы серых.

Большая часть серых куда-то исчезла. А мы делали вид, будто не замечаем, что в Городских батальонах сейчас непропорционально большее количество шадаритов — скажем, по сравнению с временами, когда мы играли с ними в прятки на городских улицах.

Аридата делился со всеми своей удачей. Хотя и без этого стремление мстить оказалось в среде горожан в целом менее популярным, чем я предполагал. И направлялось исключительно на конкретные личности.

Увидев развалины дворца, Радиша Драх тоже издала весьма немелодичный вопль. Они с братом засыпали на месте и простояли молча несколько минут.

После чего Радиша разорвала тишину новым горестным стоном.

— Надеюсь, они не придут к выводу, что во всем этом виноваты исключительно мы и с нами нужно расквитаться, — сказал я Суврину. Вряд ли они окажутся настолько глупы, пережив все, что они получили в наказание за то, что предали нас, но, имея дело с королевскими персонами, никогда нельзя зарекаться. Они мыслят не так, как обычные люди. Потому что обычный мир, похоже, отчасти представляется им некой абстракцией.

Там и сям из развалин все еще поднимались струйки дыма. На наших глазах ослабевшая кладка одной из стен превратилась в небольшую лавину кирпичей и рассыпалась.

— Наверное, во время землетрясения кладка пострадала больше, чем мы думали, — предположил князь.

— Что? — Это произошло так давно, что я и забыть успел. — Наверное, вы правы. К тому же Протектор, когда жила во дворце, не потратила и медяка на уход за ним. — Я подошел к нетерпеливо переминающемуся с ноги на ногу Тобо: — Так где мои сокровища?

Как раз в этот момент над нами пронеслась Аркана. Полотнище ее черного балахона развевалось и хлопало на ветру. Она везла копье Одноглазого и его уродливую старую шляпу. Шляпа до сих пор пахивала носившим ее старым колдуном.

— Там, где красный флажок.

Шесты с разноцветными флажками указывали места, где Неизвестные Тени обнаружили под развалинами людей. Красных флажков было всего два, остальные черные. Возле черных с раскопками можно было не торопиться. Возле второго красного флажка — не того, на который указал Тобо — кипела бурная деятельность.

— А что там? — спросил я.

— Человек десять-двенадцать, запертые в одном из хранилищ казны. Мы спускаем им на бамбуковых шестах воду и суп. Им уже ничто не грозит.

— Гм-м. — Я представил, какие кошмарные сны будут изводить их до конца жизни. — Держи эти причиндалы наготове, — сказал я Аркане и принялся разглядывать камни у основания шеста с красным флажком. — Тобо, они там, внизу, в сознании?

— Думаю, нет.

— Мне очень не нравится мысль, что они только и ждут момента, чтобы совершить какую-нибудь гадость, когда мы их откопаем.

— А мы можем их там и оставить, — предложил Тобо. — Без воды они умрут.

— Да, это решение. — Но не из тех, что представляло для меня интерес. Реально пострадает лишь Бубу. — Суврин, можно? — Когда он кивнул, я подозвал нескольких солдат, стоявших неподалеку в ожидании указаний. Если девушка в сознании, то я не сомневался, что мы очень быстро получим дозу ее «любви меня». А это означало, что последнюю стадию раскопок смогут провести лишь люди в одеяниях Ворошков.

Когда дворец начал рушиться, Хадидас и Дщерь Ночи заползли в уголок своего убежища. Его стены выдержали. Но они не успели прихватить пищу и воду.

Как ни печально, но у моей дочки оказались под рукой лампа и запас нужных принадлежностей, и она сделала отчаянную попытку продолжить восстановление Книг мертвых. Возможно, она надеялась, что тем самым придаст Кине достаточно сил и та их спасет. Больше ей надеяться было не на кого.

Я много думал о том, что довелось пережить Бубу за ее почти четверть века жизни. И что с ней сделали, и кем она себя считала. И любящая часть моей души

склонялась к мысли, что избавление от жестокости повторного оживания могло бы стать для нее актом бесценного милосердия.

Но через границу этой мысли я не переступал никогда. Никакие мыслимые и немыслимые аргументы никогда не смогли бы убедить Госпожу в оптимальности такого решения. Ей страстно хотелось обнять маленькую Госпожу.

Я обнаружил рядом с собой Радишу. Поразительно, насколько сильно она постарела. Она даже ходила с тростью.

— А знаешь, это правда, — проговорила она усталым голосом.

— Что именно? — уточнил я, хотя знал, что услышу в ответ.

— Что приход Черного Отряда означает конец Таглиоса. Просто он оказался не таким, каким мы его представляли.

— А мы всегда хотели только одного — пройти через Таглиос дальше.

Она с горестным видом кивнула.

— Так по-вашему, мы сурово обошлись с Таглиосом? Тогда подумайте, насколько повезло Хозяевам Теней.

— Но вы еще не покончили с Таглиосом, — заметил присоединившийся к нам Прабриндрах Драг. — Я только что узнал о том, что случилось с Госпожой. Как она себя чувствует?

— Она стабильна. — Князь тоже входил в число мужчин, некогда влюбленных в мою жену. — И вы правы. Отчасти. До тех пор, пока люди пытаются нами манипулировать, они будут страдать. Но вам недолго осталось нас терпеть. Мы уже недалеко от того места, куда направлялись. И куда уйдем. — Я шагнул вперед и сказал тем, кто копал, — сперва на языке Детей Смерти, затем на таглиосском: — Вы уже близко. Перестаньте копать и подождите, пока вам помогут

те, кто защищен. Тобо! Девочки! Они до них уже почти добрались.

Неподалеку еще одна внутренняя стена уступила соблазнительному призыву силы тяжести.

127. Таглинос. И моя детка

Солдаты прокопали узкий туннель, через который мог протиснуться один человек. Я попросил фонарь, намереваясь пролезть туда первым, но, когда его принесли, фонарь перехватил Тобо. Я не стал спорить. Он оснащен лучше меня.

А через несколько секунд после того, как Тобо пролез в туннель, из отверстия вырвалась струя желтовато-коричневого света. Она отразилась от Тобо, ударилась в каменный блок и рассеялась. То было мощное оружие. Камень расплавился. А одна из срикошетивших струек отыскивала Прабриндраха Драха.

Результат оказался весьма неприглядным. И мгновенно фатальным.

— Вот и все, — крикнул из туннеля Тобо, не подозревавший о несчастье. — Это все, что у него было. Костоправ, помоги мне их вытащить.

Радиша по-бабьи завывала.

Тобо мгновенно осознал масштаб разразившейся катастрофы. Таглиосская империя в настоящий момент не имела приемлемого рулевого. И законного наследника.

— Придется тебе минутку подождать, — сказал я Тобо. — Князь ранен. И мне надо немедленно оказать ему медицинскую помощь. — Быть может, нам еще хотя бы раз удастся запудрить всем мозги сказкой, что у верховной власти все в порядке и они лишь предпочитают не показываться прилюдно. Душелову такое удалось. Могабэ тоже удавалось. Почему бы и нам не повторить их уловку?

К сожалению, свидетелей трагедии было слишком много, хотя Суврин и Аридата мгновенно подключились

к моему притворству, а через несколько секунд к ним присоединилась и Радиша. И даже весьма достоверно пригрозила мне серьезными неприятностями, если ее брат умрет.

Осознав, какая политическая катастрофа нам угрожает, Тобо запустил серию отвлекающих маневров. Я почти не обращал на них внимания, потому что отчаянно старался убрать князя подальше от посторонних глаз. За моей спиной замелькали вспышки, по развалинам забегали разноцветные огоньки. С грохотом обвалился большой кусок кирпичной стены. Шукрат уже помогала Тобо вытаскивать Хадидаса.

Люди Аридаты потащили прочь носилки с князем.

Позабывшись о князе, мы с Арканой пробрались через развалины к входу в туннель. Я подозревал очередных носильщиков. Существо, только что извлеченное на свет, не казалось опасным. Оно напоминало старую и потрепанную версию Гоблина, который был уже мертв.

— Они тебе уже нужны? — спросила Аркана.

— Подожди еще минутку. Тащите его сюда, ребята. На носилках. Полегче. Полегче! Тобо, можешь его разбудить? Всего на секунду? Лишь бы он успел меня узнать и понять, что я делаю.

— Возможно. Если ты захочешь рискнуть, — ответил он сдавленным голосом. Тобо смотрел на копье Одноглазого и его уродливую шляпу и хотел верить, что у меня есть способ добраться до Гоблина, запертого внутри Хадидаса. Гоблина, который всегда был ему как родной дядюшка.

— О, дерьмо! — буркнул я. — Погоди! Погоди!

— Что?

— Только что пришла в голову мерзкая мысль. О том, как Кина может отреагировать через Госпожу, если мы начнем выгонять дьявола из Гоблина.

Тобо набрал в грудь ведро воздуха и медленно его выпустил.

— Не вижу, как она сможет такое проделать. Но к чему рисковать? Она ведь Мать Обмана. Шук, милая, окажи мне услугу. Привези из моей комнаты маленький ковер. Просто сложи и тащи его сюда. Мы на нем перевезем эту парочку.

Шукрат запрыгнула на леталку и умчалась. Дожидааясь ее, Тобо соорудил навес, чтобы прикрыть Гоблина от возможного дождя, и снова нырнул в тоннель. О помощи он не просил, поэтому я остался рядом с Аридатой и Арканой. Внутри у меня все сжималось от волнения — ведь сейчас я впервые увижу Бубу.

— Огонь под развалинами никак не угасает. Что там может так долго гореть? — спросил я Сингха.

— Архивы за пятьсот лет. И все, что принадлежало Генеральному инспектору архивов. Нас еще ожидают интересные времена, когда мы попытаемся хоть что-то из этого восстановить.

Симпатяшка Шукрат, очевидно, хорошо знала, где и что лежит в комнате у Тобо. Она вернулась с небольшим сложенным ковром даже быстрее, чем голова парня показалась из туннеля. На пару с Арканой она собрала раму ковра и плотно натянула на нее ткань.

Аркана наконец-то набралась храбрости и обратилась к Аридате Сингху сама, и не по какому-то делу:

— Как думаете, дождь пойдет?

Было видно, что ей хочется растаять подобно куску льда, посыпанному солью. Но она настолько перенервничала, что у нее хватило сил лишь еле слышно пробормотать эту жалкую фразу, когда за минуту до этого уже начали падать первые смачные капли начинающегося дождя.

Эх, совсем еще девчонка.

Хадида са к тому времени переложили на ковер. А два солдата — один из Таглиоса, а второй из Хсие-на — уже ухватились за показавшиеся из туннеля лодыжки...

— Ты в порядке, папуля? — спросила Аркана, прижавшись к моей левой руке.

— Она выглядит в точности как Госпожа в день нашей первой встречи. — Во времена ужаса. Здесь сейчас тоже ужасов хватает, но уже совершенно другого сорта.

— Значит, твоя жена в молодости была жуткой грязнулей.

— Зато ей не терпелось стать чистюлей. Тобо, сможешь сделать так, чтобы Бубу не очнулась до тех пор, пока я этого не пожелаю? — Мне совершенно не хотелось нарваться на ее колдовские штучки. — И отныне будем держать эту парочку порознь. Нам вовсе не нужно, чтобы они сговорились.

— Они вообще нам не нужны, и точка, — пробормотал кто-то. Я узнал голос Шукрат. Ей очень не понравилось, как Тобо пялится на Дщерь Ночи. Не очень-то она одобряла и задумчивые взгляды Арида-ты Сингха.

— Костоправ, а ты сам не хочешь проснуться? — окликнул меня Тобо. — Хотя бы на минутку. И осмотреть ее. Может, у нее что-то поранено или сломано?

Один из городских солдат сказал другому, что у нее вроде бы все в порядке. Немного мыла и чистая одежда...

Я никогда не думал, что стану настоящим отцом, и предпочел не расслышать подобные замечания.

Солдат оказался прав. Моя дочурка была красавицей. В точности как ее мать. И, подобно Госпоже, большая часть ее красоты была лишь внешней. Мне пришлось напомнить себе, чтобы я не доверялся тому, что вижу или хочу чувствовать. Эмоциям нельзя ве-

рить. Они могут оказаться вовсе не моими. Мать Обмана еще не вышла из игры.

Я опустил на колени возле дочери. Эмоции меня воистину переполняли. Я казался самому себе на тысячу лет старше и совершенно бессильным. И, чтобы прикоснуться к ней, мне потребовалось напрячь всю свою силу воли.

Кожа у нее оказалась холодной. Вскоре я сообщил:

— У нее много синяков и ссадин, но серьезных повреждений нет. Ничего хронического тоже. Она лишь обезвожена. — Всякий раз, когда я к ней прикасался, она вздрагивала, словно я массировал ее кусочком льда. — Она поправится, если мы о ней позаботимся. Положите ее рядом с Госпожой.

— Тогда тебе потребуется тот, кто станет за ней присматривать. Причем способный ее контролировать.

— Я стану.

— Я стану.

И Шукрат, и Аркана вызвались добровольцами.

Однако... Неужели их настолько тревожит соперничество с измученной и лежащей без сознания женщиной, которая к тому же абсолютно ничего не знает о мужчинах?

Готов поспорить, что Тобо ухмыльнулся, когда сказал:

— Ладно, дамы. Составьте себе график дежурств. Костоправ, а что ты собираешься сделать с Гоблином?

Кажется, Суврина наша возня раздражала. События развивались, не спрашивая совета у нового Капитана Черного Отряда. Но в том, что касалось Хадидаса и Бубу, он не был экспертом.

— Свяжите его. Им я займусь, когда хорошенько отдохну. А за это время кто-то должен пролезть в ту дыру и собрать все каракули Бубу. Желательно, кто-то из Хсиена. И неграмотный. Чтобы случайно это не прочел. Я обо всем позабочусь. Но сейчас я иду спать. Устал, как собака.

128. Таггнос. Новый верховный главнокомандующий

Меня грызла тревога. Я переминался с ноги на ногу, как пришедший на свадьбу мальчик, которому очень захотелось в туалет. Новый день давно наступил, а я так и не занялся Бубу и Хадидасом. А давать им и их богине передышку — это верный путь к поражению.

Однако у меня нашлись более срочные дела и обязанности. Война закончилась. И теперь следовало выполнить обязательства перед павшими. А огромный город, в котором погибло и немало горожан, следовало держать на коротком поводке. Недавние несчастья могли вдохновить заговорщиков и конспираторов.

Дети Смерти знали, как следует отдать последний долг павшим товарищам. Басовито рокотали барабаны. Трубы, несмотря на яркое и безоблачное зимнее небо, каким-то волшебным образом навевали настроение, возникающее хмурым, холодным и дождливым утром. Четкими колоннами маршировали солдаты в ярких доспехах, тысячи личных флажков трепетали на ветру. На местных они произвели немалое впечатление. Мы проводили Дрему в последний путь с пышностью, на которую она вряд ли могла надеяться при жизни. Мы прощались со множеством товарищей и соратников.

Затем мы отошли в сторонку и отдали соответствующие почести, когда Аридата Сингх начал распорядиться столь же величественной и почти столь же драматичной церемонией в честь тех, кто пал на стороне Протектората. А когда она завершилась, мы присоединились к местным солдатам и именитым горожанам на церемонии прощания с Прабриндрахом Драком.

Никогда еще мне не доводилось присутствовать на столь грандиозных похоронах. Однако у меня сложилось четкое впечатление, что все эти именитые люди собрались, чтобы подозрительно приглядываться друг к другу, а не скорбеть о кончине правителя, которого они не видели со времен своей молодости.

Аридата Сингх пользовался среди них популярностью. Потому что Аридата приобрел уважение у солдат, уцелевших от Второй дивизии Могабы, серых и командиров ближайших к столице сельских гарнизонов. Аридата Сингх стал человеком, обладающим самой большой властью на таглиосских территориях, хотя для приобретения этой власти он сделал очень мало — всего лишь показал себя компетентным и порядочным человеком.

Говорят, что, когда приходит время, приходит и подходящий человек. Иногда судьба даже устраивает заговоры, чтобы компетентный и честный человек оказался на нужном месте в нужное время. И всего за ночь-другую надписи на стенах уже величали Аридату прежним титулом Могабы — верховный главнокомандующий.

Теперь ему осталось последнее испытание — выйти сухим из воды, не настроив против себя оккупантов.

Я старался не сводить глаз с Тобо, но это очень трудная задача, когда имеешь дело со столь талантливым парнем.

129. Таглиос. Открытая могила, открытые глаза

Многочасовые церемонии меня утомили. Мне хотелось прилечь где-нибудь и как следует выспаться. Но я не желал дарить Повелительнице Тьмы долгую отсрочку.

— Вот они, — сказала Аркана на весьма бойком, но скверном таглиосском, указывая на восемь старых

деревянных бочонков. — Восемь разных человек по очереди залезали туда и наполняли их бумагами и всем прочим, что там отыскилось. Каждый бочонок я велела закупоривать сразу, как только человек вылезал. И делал это неграмотный бондарь.

— Ты вонистину сокровище, дорогая дочурка. Господа, пора разводить костер. — Я уже подготовил несколько тележек с дровами, купленными у торговца, обычно продававшего их тем, кому требовалось топливо для погребального костра. Меня весьма удивило, что у него отыскался запас, — если учесть недавние события.

Все господа, к которым я обращался, были родом из Хсиена. Они знали только то, что эти восемь бочонков содержат надежду на жизнь для чудовища куда более кровожадного, чем легендарные Хозяева Теней, терзавшие Страну Неизвестных Теней. И это все, что им следовало знать.

Кучу дров мы сложили быстро, засунув бочонки между поленьями. Частица моей души скорбела о судьбе, ожидавшей последнее воплощение Книг мертвых. Ненавижу смотреть, как уничтожают книги. Но я не стал вмешиваться, когда на дрова плеснули масла и подожгли их огненными шарами.

Не исключено, что именно Кина внушала мне нежелание жечь книги.

Я стоял возле костра, пока не убедился, что работа всей жизни моей родной дочери полностью поглощена огнем.

В некоторых мифах Агни, бог огня, — смертельный враг Кины. А в некоторых, где она действует в своей аватаре Уничтожителя, он ее союзник.

Чем больше я знакомился с гуннитским пантеоном, тем сильнее в нем запутывался.

— И что нам предстоит теперь? — задумался я вслух.

Все, кроме Арканы и нескольких любопытных уличных мальчишек, которые обычно вертятся поблизости во время похорон (местные называют их дженгали), уже ушли. Ободранная белая ворона крутилась поблизости, но ей было нечего сказать. В последнее время она предпочитала держаться рядом, но клюва не открывать.

— Пора кого-то будить, папуля. Твою жену, твою дочь или Хадида. —

Я постоял, наблюдая за рабочими, расчищающими завалы. Сейчас тут работали в основном гражданские под присмотром солдат, следивших, чтобы те не украли что-либо ценное, если откопают.

Стены перестали рушиться. Пожары угасли. В городе единодушно говорили, что на месте расчищенных развалин старого дворца следует построить новый.

Даже представить не могу, какие сокровища и сюрпризы могут появиться на свет, если это беспорядочно построенное чудовище снесут целиком. Никто и никогда не знал всех закоулков дворца. Никто, кроме давно умершего колдуна по имени Копченый.

Погребальный костер Книг мертвых привлек новых дженгали, решивших возле него погреться.

Шукрат пыталась пронзить взглядом Аркану. Кажется, Аркана отлынивала и не приглядывала положенные ей часы за Бубу. А злится Шукрат или нет, Аркану не волновало.

Я заметил в состоянии Госпожи перемену: кажется, она больше не пребывала в коме и теперь спала обычным, хотя и глубоким сном. Я распахнул окно. Я твердо верю, что свежий воздух полезен для здоровья. Почти немедленно появилась неряшливая белая ворона.

— И давно это началось? — Я повернулся спиной к Бубу. Отмытая, причесанная и пристойно одетая, она

выглядела вылитой спящей красавицей. Я старался не смотреть на нее подолгу. Это зрелище до сих пор разрывало мне сердце.

— Что? — спросила Шукрат и показала Аркане язык.

— Храп. Прежде Госпожа не храпела. — То есть с тех пор, когда ее свалили эти чары. А так она храпела все время, что я спал рядом с ней. Хоть она и отказывалась в это верить.

— Она начала храпеть сразу после того, как мы привезли сюда Дщерь Ночи, — сообщила Шукрат. — Но я не придавала этому значения.

— У тебя не было для этого причины.

Аркана кивнула:

— А я и не замечала, что она не храпит.

На подоконнике хихикнула белая ворона.

— А в детстве она храпела? — спросил я ее.

Ворона снова хихикнула. Девочки взглянули на меня, потом на птицу. И, поскольку не были дурочками, сразу догадались, что это не просто белая ворона с дурными привычками. А будучи чародейками, вскоре поняли и то, что это настоящая ворона, а не некое существо, для которого обычной формой является ее отсутствие.

— Если допустить, что она спит, то дрыхнет она уже давно. И пора бы ей уже проснуться. — Я легонько прикоснулся к жене. Она не отреагировала. Я потряс ее, уже не столь нежно. Она застонала, что-то пробормотала, повернулась на бок и подтянула колени к животу. — Нечего тут прикидываться! — заявил я. — Пора вставать.

Девочки заулыбались, уловив мое облегчение.

Теперь она действительно просто *спала*, пусть уже давно и могла проспять еще немало.

— Вставай, женщина! Нас ждет куча работы. Ты и так выдрыхнулась за десятерых.

— Мою долю она проспала точно.

Госпожа приподняла веко. И одновременно пробормотала нечто неразборчивое, подозрительно напоминающее одну из ее традиционных утренних угроз.

— Даже такая лошадиная доза сна ни на волос не улучшила ее характер, — констатировал я. — Я это ей припомню, как только она снова заявит, что такая злая, потому что не выспалась.

— Хочешь, я вылью на нее ведро холодной воды? — предложила Аркана. При желании она могла быть и нахальной ведьмочкой.

— Да, купание ей не помешает.

Госпожа снова зарычала, но на сей раз в неуклюжей попытке показаться веселой.

— Даже не пытайся быть хорошей девочкой, — сказал я. Человеческое тело устроено так, что возвращение из комы в хорошем настроении попросту невозможно.

За это время в горле у нее пересохло. Когда мы дали ей напиться, она спросила:

— Где мы? И сколько я продрыхла на сей раз?

Я успел потерять счет дням.

— Дней пятнадцать? Минимум. А может, и дольше, — ответила Шукрат. — Ты отсыпалась за всех нас. Мы были слишком заняты.

Госпожа осмотрелась и поняла, что не была здесь прежде. Она не могла видеть Бубу с места, где сидела.

— Война закончилась, — сказал я. — Мы победили. Вроде того. Аридата Сингх сдался. И мы предложили им хорошие условия.

— И Могаба ему позволил? — удивилась Госпожа, все еще медленно соображая.

— Его больше нет с нами.

— Мне нужно поговорить с тобой об этом, папуля, — вмешалась Шукрат. — Я побывала на той песчаной отмели...

Я жестом велел ей помолчать. Рядом мог оказаться кто-то из приятелей Тобо.

— С нами больше нет очень многих, — продолжил я. — Включая почти всех, кто отправился с тобой в город в ту ночь, когда тебя накрыло. И Дрему тоже, только позднее. Она угодила в засаду. Ее сменил Суврин. Он повзрослеет и еще станет настоящим Капитаном. Пока мы ему помогаем.

— И не забудь князя и генерала Чу, — добавила Аркана. — И Михлоса. Мне его не хватает.

— Потому что он ходил за тобой по пятам и вздыхал, как озабоченный кобель, — фыркнула Шукрат. — А ты вертела им, как хотела.

— А кто вертел задницей и строил глазки, когда он оказывался поблизости?

— Девочки!

— Что?

— Я просто ревную. Ну где вы были, когда мне было столько, сколько сейчас Михлосу?

— Что еще мне нужно знать? — вмешалась Госпожа.

— Дворец пал. Мы заняли город. Сейчас там командует Аридата Сингх и заставляет Аркану вертеть задницей и строить глазки, когда оказывается поблизости от нее. Мы пока не знаем, как решится вопрос с наследованием власти. Мы захватили Бубу и Хадидаса. Уничтожили Книги мертвых. А Бубу здесь. И можешь на нее посмотреть, если захочешь. — Я протянул руку, чтобы помочь ей встать. Если она захочет. — Она красавица.

— Хочу. Но не смогу встать сама. Я даже сидеть вряд ли смогу долго, если мне не помогут.

Ворона фыркнула.

Госпожа устала на птицу долгим и суровым взглядом. Потом осчастливила меня таким же.

— Как твоя связь с Киной? — поинтересовался я.

— Что значит, как моя связь?

— Я что, заикаюсь? Она сохранилась? Стала сильнее? Или слабее?

— А что?

— А то, что я хочу это знать. Почему ты не отвечаешь?

Девочки испугались. Вид у них стал такой, точно им захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

— Она не овладела мной, пока я спала, — если тебя именно это интересует. Однако у меня были кошмарные сновидения. Я словно целый век провела в ловушке ее воображения. Но она не обращала на меня внимания. У нее на уме было нечто другое. — Госпожа едва не скрежетала зубами, выговаривая каждое слово. Ей не хотелось об этом рассказывать. — Но эти кошмары давно прекратились.

Я ее понимал. Единственное место, где я хотел появиться, находится здесь, где это вряд ли кто-либо даже заметит.

— У тебя сохранилось какое-то чувство времени? Я вот думаю... может, что-то из случившегося здесь изменило то, что происходило с тобой там?

— Чувство времени? Это длилось вечность. Или мгновение. Кина ощущает время совсем не так, как мы. Но это ее совсем не угнетает. Пойдем. Покажи мне мою дочурку. Пока я не свалилась.

Она попыталась встать. Шукрат и Аркана подхватили ее под руки и подняли.

— Она всегда такая вредная, когда просыпается, папуля? — спросила Аркана.

— Если хочешь стать частью семьи, то привыкай. Это нетрудно, если не принимать ее слова на свой счет. — Я усмехнулся, когда Госпожа поинтересовалась, понравится ли мне, если она перестанет переходить на личности. — Сегодня она не очень занудная.

Ворона зашипела. Ее явно не волновало, поймет ли ее Госпожа. Более того, то, что она произнесла,

звучало как: «Сестра, сестра». Именно так над ней поиздевалась Госпожа несколько лет назад, когда смотрела на мир глазами другой вороны.

Любопытные существа, эти белые вороны. Одна из них постоянно ошивалась поблизости, то улетаая, то прилетая, еще со времен осады Деджагора. С того времени, когда ее глазами смотрел Мурген. Чаше всего. Я так думаю. Но не Шевитья ли определял, чей разум станет управлять вороной? Настолько ли велика его власть, что он способен влиять и на события за пределами равнины?

А это объяснило бы очень многое. Возможно, даже трудности с перемещением во времени, которые когда-то испытывал Мурген. Но это также означало бы и то, что Душелов не причастна ко многим преступлениям, которые мы ей приписывали. А я вовсе не уверен, что мне хочется, чтобы это оказалось именно так.

Птица фыркнула. Словно прочла мои мысли.

Душелов всегда умела их угадывать.

— Мы потеряли и Мургена, — сказал я, когда мы уселись лицом к лицу возле дочери.

— Я это уже поняла. Ты ведь сказал, что мы потеряли очень многих. Наверняка всех тех, на ком не было одежды Ворошков. Правильно?

— За исключением одного чрезвычайно везучего солдата из Хсиена. Он ухитрился в нужный момент укрыться за нужным человеком. Теперь у Там До есть официальное прозвище — Счастливчик.

— Наверное, это у нас в крови, — пробормотала Госпожа, заставив себя взглянуть на девушку. — Все мои кровные родственницы обречены большую часть жизни проводить опутанными чарами и во сне. — Она оперлась на девочек и протянула руку, чтобы коснуться щеки Бубу. — Свою мать я видела только спящей примерно так, — проговорила она на языке Самоцветных Городов. — Именно про нее стали рас-

сказывать первые сказки о спящей красавице. Да только ее прекрасный принц так никогда и не пришел. А пришел мой отец. И она его устроила как раз в таком состоянии, в каком пребывала.

Ничего себе, приятные детские воспоминания, оставшиеся на всю жизнь: знать, что твоя мать даже не подозревала о твоём рождении.

А мы еще стонем о том, каким жестоким стал нынче мир...

В старые времена жили гиганты.

Мы сами станем гигантами лет через пятьсот.

— Так вот какая у нас дочурка. — Госпожа не сводила с нее глаз. — Зачатая на поле боя. — Все ее чувства ясно читались на лице. Никогда прежде я не видел ее настолько растроганной.

— Да, это наша дочурка.

— Мы станем ее будить?

— Не стоит. Во всяком случае, сейчас. Жизнь сейчас и так достаточно безумна, и незачем напрашиваться на новые неприятности.

Мои слова ее не убедили. Совершенно. Госпоже страстно хотелось начать волнующий диалог с плотью от плоти ее. А я обнаружил, что мое внутреннее напряжение постепенно тает. И вряд ли моими мыслями управляли всяческие «возможно» и «хорошо бы».

Но все же Госпожа признала, что не стоит будить Бубу, пока рядом для подстраховки не будет стоять Тобо.

Пока она не совершила никаких глупостей, но все же заставила девочек некоторое время понервничать.

130. Таглинос. Хадидас

Тобо пришел помочь, когда я будил своего старого друга Гоблина, ставшего против своей воли оболочкой для Хадидаса.

Задача оказалась нетрудной. Тобо снял свои же фиксирующие чары и потряс Гоблина за плечо.

Я просто стоял рядом. А когда коротышка зашевелился, Тобо отошел в сторону, и Гоблином занялся уже я.

Его веки внезапно поднялись. Но под ними я увидел не глаза старого колдуна Гоблина — я заглянул в два осколка тьмы. Казалось, эти глаза стремятся втянуть меня в себя.

Рот Хадидаса открылся, готовый извергнуть нечто подлое или гнусное. И я заслонился от раба Кины драной старой шляпой Одноглазого. Эффект оказался поразительным: тело Гоблина забилося в конвульсиях, словно я пронзил его раскаленной кочергой. Я мгновенно нахлобучил шляпу ему на голову.

— Поднимай, — бросил я Тобо. Он стоял возле кушетки за головой Гоблина, чтобы Хадидас не смог его увидеть. Я удерживал шляпу на месте, пока Тобо усаживал Гоблина. — Сработало. Даже лучше, чем я надеялся,

— И лучше, чем я думал, — уж это точно.

— Одноглазый всегда преуменьшал свои успехи, когда делал что-либо правильно. — Глаза Гоблина уже утратили зловещий блеск. Теперь они казались пустыми. Словно в их глубине на тысячу ярдов ничего нет. Скорее даже он вовсе лишился разума.

— Давай копье.

Я взял копье. О боги, как мне не хотелось доверяться мудрости покойного Одноглазого! Ведь мне предстояло вложить столь мощное оружие в руки дьявола.

Я стоял перед сидящим Гоблином, поставив древко копья между его слегка разведенных ног. Взял его руки, заставил обнять черное древко. Еще плотнее нахлобучил вонючую фетровую шляпу Одноглазого. И только *потом* положил его ладони на древко и прижал их к инкрустированному серебром черному дереву.

В его глаза стала возвращаться жизнь.

— Не столь впечатляет, как наблюдение за родами, но достаточно драматично, — сказал я Тобо. — Даже болвану вроде меня не нужно пояснять, что мы расколдовали настоящего Гоблина.

Гоблина настолько страдающего, что я мгновенно понял — только Госпожа сможет по-настоящему его понять.

Я уселся на стул. Тобо помог Гоблину пересесть в кресло с высокой спинкой и расположился рядом на краю кушетки. Гоблин медленно вертел головой, по очереди глядя на нас. Он плакал, но не мог произнести ни слова, хотя очень старался. И протянул руку к Тобо, безмолвно моля о прикосновении.

— Поаккуратнее со шляпой, — предупредил я. — А то я уже подумываю, не прибить ли ее к голове. — И еще я подумал о том, каким замечательным другом был Одноглазый. Потому что предвидел вероятность вроде этой и потратил последние годы жизни на то, чтобы сделать спасение друга возможным.

Я даже на секунду позавидовал Гоблину — ведь у меня никогда не было друга, который пошел бы ради меня настолько далеко. И потом вспомнил, как Дрема работала пятнадцать лет ради спасения Пленных. А теперь — еще и пяти лет не прошло — из всех них в живых остались только Госпожа и я. Остальные всплыли вверх брюхом. Улетели с дымом.

Солдаты живут.

Дрема ни разу не повела себя так, словно полагала, что зря тратит свою жизнь. Но я уверен, что иногда такая мысль приходила ей в голову. По отношению к некоторым личностям.

— Ты должен постоянно держать хотя бы одну руку на копье, Гоблин, — сказал я. Мы ведь ничего не сделали, чтобы избавить его от Хадидаса. А всего лишь загнали монстра в глубокую яму, где он затаился, дожидаясь момента, когда сможет выпрыгнуть и сно-

ва захватить контроль. Нас отделял от него лишь жалкий барьерчик. Это чудовище гораздо сильнее Гоблина. И, чтобы удержать его за барьером, нам придется упорно поработать.

— И что нам теперь с тобой делать? — спросил я. И ощутил укол вины. Потому что уже придумал планы, в том числе относительно Гоблина. Планы, способные изменить мир.

— А ты что думаешь, Гоблин? Поможешь нам помочь тебе продержаться?

Гоблин уже немного лучше владел своим телом. И смог выдать слабое «да» и даже кивнуть.

— Право принимать любые решения я оставляю за вами, — сказал Суврин и вежливо кивнул Гоблину. — Я почти не знаю этого человека. А если и слышан, то в основном о шуточках, которыми они с Одноглазым развлекались, подначивая друг друга. Я это к тому, что не смогу быть объективным, даже если постараюсь. Что это за дрянь, которой вы намазали ему эту штуковину на голове?

— Клей. А эта *штуковина* — шляпа. Ты наверняка видел ее на голове Одноглазого. Старый пердун начинил ее кое-какими чарами, поскольку предвидел, что может случиться нечто в этом роде.

— Ты уже говорил.

— Вот и хорошо. А приклеили мы шляпу для того, чтобы ее нельзя было снять. Никогда. И если бы мы смогли придумать способ, как ему питаться и чесать задницу без помощи рук, то и их приклеили бы к копыю Одноглазого.

Есть нечто такое в Капитанской должности, что начисто лишает человека чувства юмора. На Суврина это нечто уже подействовало. Он даже не улыбнулся.

— Вы уже узнали от него что-либо полезное? —

спросил он. — Еще нет? А когда?

— Пока не знаю. Он все еще приходит в себя. Буквально. Не забудь, что все эти шесть лет он был практически мертв. И теперь с трудом вспоминает, как надо пользоваться телом. Особенно языком. А Хадида до сих пор у него внутри и жаждет снова овладеть его телом.

— А как дела у Госпожи?

Сейчас жена тревожила меня больше, чем Гоблин. Она вела себя как-то странно. Мне даже стало казаться, что она превратилась в незнакомую женщину. И у меня возродилась прежняя озабоченность насчет ее связи с Киной. Ведь Кина мастерски умеет планировать и манипулировать. Она выстраивает многослойные схемы, рассчитанные на века.

Но Кина действует медленно. Очень медленно. Вот почему она предпочитает планы, которые созревают годами. А когда удача ускользает из ее рук, она не может реагировать быстро.

— Сейчас Госпожа стала для меня загадкой, — признался я. — Но вполне разрешимой.

Гоблин что-то прохрипел. Хадида упорно мешал ему говорить.

— Ты знаешь что-нибудь о самых важных людях в городе? — спросил Суврин.

— О нынешних — ничего. Только в общих чертах. Мой тебе совет: никогда не подставляй спину никому из них. Можешь посоветоваться с Ранмастом Сингхом. Если он уцелел в последних сражениях. — Он вполне мог оказаться рядом с Дремой в той засаде. — Или попроси Аридату Сингха одолжить тебе пару советников.

Для Капитана Отряда Суврин проявил необычное стремление с кем-либо советоваться.

— Нам нужно продолжить наши занятия, — сказал он мне. — Чтобы я смог изучать Анналы.

— Для этого нам нужен мир. Хотя бы на пару лет.

За это время мы сможем создать новый Отряд.

Гоблин снова захрипел и кивнул. Сейчас он в некоторых отношениях очень напоминал щенка.

— Мне надо поговорить с Гоблином, — сказал я Суврину. Когда наш новый командир вышел, я повернулся к Гоблину: — Нам нужно придумать способ, как обойти вмешательство Хадидааса.

Кивок.

— Пожалуй, именно так мы это и станем делать. Если он контролирует только твою речь, а не тело. — Я уставился на коротышку. Он не отвечал, и тут до меня дошло, что я неправильно задал вопрос. — Он управляет твоим телом?

Нет.

— Вот и прекрасно. Теперь ключевой вопрос. Находится ли Хадидаас в прямом контакте с Киной?

Нет. Да. Пожатие плеч. Мы продолжили эту игру в тысячу вопросов. Мне все время казалось, что, куда бы я ни шел, я двигаюсь в неверном направлении, потому что Гоблин постоянно хрипел, отчаянно стараясь заговорить. Но его усилия завершались от силы одним-двумя осмысленными звуками.

В конце концов, несмотря на всю мою тупость, я узнал, что хотел. Хадидаас мог общаться с богиней только когда контролировал тело Гоблина.

Смысл в этом был. Определенный. Но я не забывал, что Гоблин, которого я сейчас расспрашиваю, по сути лишь дух, не сумевший покинуть тело, когда оно умерло, а потом заново было оживлено дыханием богини.

— Замечательная новость, Гоблин. Слушай, у меня есть план. — Преодолевая себя, я все же решился и извлек его из потайного местечка внутри себя, надеясь, что богиня не сможет меня подслушать. Мой план полностью зависел от того, насколько хорошо я понимал того Гоблина, которого знал так давно, и основывался на надежде, что он мало изменился за прошед-

шие два десятилетия. А ведь человек за такое время может очень сильно измениться — особенно если часть этого времени он пробыл покойником и рабом Матери Обманников.

Насколько я мог судить внешне, Гоблину мой план понравился — в том виде, в каком я его изложил. И он вроде бы пожелал участвовать в его осуществлении. Похоже, ему не терпелось вонзить копьё Одноглазого в самое черное из всех сердец.

— Я не желаю терять зря даже минуты. Ты меня понял?

Кивок. Даже полуразборчивое «Да!». С энтузиазмом. И откровенным нетерпением.

— Я скоро вернусь.

Я ощутил себя почти мерзавцем, потому что не сказал мертвому другу всю правду.

131. Таглинос. Воздушная разведка

Я отыскал Аркану и спросил, не хочет ли она полетать. При этом я кивнул, подсказывая, что у нее обязательно должно появиться желание прогуляться в небесах. Для любопытных я добавил, что хочу проверить слухи о том, что к городу движутся верные Протекторату войска. Один отряд якобы переправился через Майн в Ведна-Боте, а второй собирается к востоку от нас, вблизи Мухры в провинции Аджитстан, где Могаба всегда был довольно популярен среди местных племен. А поскольку из-за этих слухов многие уже начали нервничать, то никто не удивится тому, что я захотел их проверить.

Именно этим мы и занялись, когда вылетели, потому что это в любом случае следовало сделать. А заодно я получил возможность поговорить с Арканой.

— Я вижу одну большую проблему в твоём плане, — сказала она, выслушав меня. — Что станет с равниной и вратами? Ты спрашивал меня, хочу ли я

вернуться домой. Мой ответ — да. Однако оставаться там я не собираюсь. Я лишь хочу увидеть, как там сейчас и что изменилось. Похоронить своих покойников, как сказал бы ты. Но ведь твоя задача сильно усложнится, если мне сперва придется слетать туда, потому что потом это станет невозможно.

— Ты права. И я должен сделать то, что обязан сделать, как можно скорее. Пока не вмешалась Кина. — Если она уже не предвидела такую возможность. Или не узнала о ней от Гоблина. Или от Шевити. Или от Госпожи, которая достаточно умна, чтобы догадаться о моих намерениях. Иногда. — И особенно пока не догадалась моя жена.

Мы приближались к реке Майн, направляясь к Ведна-Ботскому броду. К северу от него, вдаль от местных деревушек, виднелись столбики дыма. Но немногочисленные.

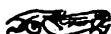
— Если это армия, то небольшая, — заметила Аркана.

— К тому же, как мне кажется, она не рвется в бой. До конца дня еще долго, и за это время они могли пройти немалый кусок.

Они в самом деле не торопились. А когда мы снизились, чтобы разглядеть их получше, то фигурки на земле бросились во все стороны перепуганными тараканами.

— Кто-то прикрывает свою задницу, — решил я. — Делает вид, будто выполняет свои обязательства. Эта шайка вряд ли когда-нибудь доберется до Таглиоса.

Мы снова набрали высоту и некоторое время разговаривали — не только о том, что нужно сделать. Похоже, Аркана сумела обрести внутреннее спокойствие и смириться с переменами в своей судьбе. Некоторым такое удастся сравнительно легко. Другие остаются калеками на всю жизнь. Такие не задерживаются в солдатах надолго. Они становятся солдатами

бывшими и заводят тесное знакомство с вином или соком маковых головок.

Я спросил, как заживает ее нога.

— Я теперь совсем как старушка, — рассмеялась она. — Могу по ноге предсказывать погоду.

— Но в остальном все в порядке?

— Да.

— Я хорошо поработал.

— Много практиковался.

— Ты без работы не останешься.

Мы летели обратно в сторону Таглиоса, болтая о всякой всячине, и я подумал, что так бы все и было, если бы Бубу выросла с родителями. Но зачем себя дурачить? И лгать самому себе. Никакой ребенок не вырос бы нормальным — хотя бы как Аркана — при таких родителях, как мы с Госпожой.

А может, я уже отыскал выход. Надо просто усыновлять детей, когда они становятся достаточно взрослыми.

Мы пролетали южнее Таглиоса, собираясь на разведку в Аджитстан, когда Аркана заметила направляющуюся к нам фигурку в развевающемся черном балахоне.

— Это Шукрат.

— Вы помирились? По-настоящему?

— Да вроде бы. В основном из-за того, что у нас есть только мы. В том смысле, что нас осталось двое. Если бы не это, то мы и разговаривать бы не стали. Отчасти причиной тому семейные дразги. Наши родители сделали друг другу немало гадостей. А отчасти причина в нас самих. Уж слишком она смазливая и при этом без царя в голове. Зато если она хочет кого-то охмурить, ей достаточно построить глазки. Или споткнуться и прикинуться беспомощной.

— А ты девушка умная. И от тебя всегда ждали, что ты сама о себе позаботишься.

— Да.

— Что ж, зато ты вскоре станешь красивее ее. А Шукрат через несколько лет превратится в сплошные веснушки и округлости.

Мы сбросили скорость, поджидая Шукрат. Она догнала нас и пристроилась рядом со мной.

— Что случилось, другая дочь?

— Костоправ, я хочу поговорить с тобой о том, что случилось с теми людьми на острове. Это меня напугало. Очень напугало. Я правда люблю Тобо. Очень. — Я не сомневался, что после таких слов ее прикрытое черной тканью лицо стало пунцовым. Она очень легко краснела. — Но я не хочу быть рядом с тем, кто способен на такое!

— Мы все на такое способны, Шукрат. Человека нужно лишь поместить в нужное место и в нужное время и снабдить его мотивом. И лишь те, кто нас окружает, удерживают нас от таких поступков.

— О чем это ты?

— О том, что ты дорога Тобо. Возможно даже намного дороже, чем он хочет признать. Он парень страстный. И именно из-за того, что он таков, какой есть, он всегда был способен на огромное зло, Шукрат. Понимаешь, никто не стремится и не стремился стать злодеем. Ни Хозяева Теней. Ни моя жена или ее сестра. Ни даже Ворошки. Но власть может превратить человека в злодея. Потому что тогда ничто уже не мешает ему делать то, что он хочет. Кроме того, что у него внутри. Для Тобо этим «нечто» долгое время были любовь и уважение к родителям. Он каждый день ругался с Сари, но никогда и ни за что не совершил бы поступок, который бы ее разочаровал. Пока она была жива. Когда же она исчезла, его сдерживал отец. Но теперь с нами нет и Мургена. Поэтому остался лишь один человек, чье мнение для Тобо достаточно важно, чтобы он сдерживался и не позволял себе поступать как вздумается.

Шукрат пришлось на некоторое время задуматься. Она вовсе не была такой уж дурой, как ее расписала Аркана, просто иногда ей не сразу удавалось делать достаточно сложные выводы.

— Так ты хочешь сказать, что мое отношение к нему сможет удержать его от повторения таких ужасов?

— Да. Я так думаю. Но еще я думаю, что ты должна сказать ему, что тебе все известно, и дать ему понять, что не примешь *никаких* оправданий такого поведения. Не упрекай. Не угрожай. Выскажи свое мнение четко и ясно, а потом замолчи. Не торгуйся. Ты должна обозначить абсолютный предел, о котором он всегда должен помнить. И стой на своем. Ты тоже должна постоянно помнить, что такой предел существует.

Шукрат кивнула.

Пока я ждал, желая убедиться, что она все поняла, я сказал Аркане:

— Глядишь, я еще и стану специалистом по части отцовских советов.

— Красноречия у тебя точно хватает.

— Большое спасибо.

— А если серьезно, то я думаю, что ты прав. В том, что ей сказал.

— Так ты знаешь, о чем она говорила?

— Она меня предупредила. На тот случай, если я захочу охранять генерала Сингха. Вскоре после того, как меня предупредил ты. И мне пришлось слетать и посмотреть, из-за чего вы так всполошились.

Мое мнение об этой девочке становилось лучше каждый божий день.

Войска, собирающиеся возле Мухры, оказались гораздо более серьезной угрозой, чем возле Ведна-Бота. И это могло означать новую крупную проблему, если Аридата, как новый верховный главнокомандующий, не сумеет договориться о мире с прежними союзниками Могабы.

132. Тагниос. Жена и ребенок

Госпожа снова сидела возле Бубу. Или все еще. Я пододвинул стул и уселся напротив нее.

— Хочешь, я тебя на время сменю? А ты сходи погуляй, разомни ноги. В роте Зеленого Дракона скоро будет готово рагу из баранины. Только не спрашивай меня, где они отыскивали барана в этом сумасшедшем доме.

Она подняла голову. Я заметил на ее щеках дорожки от слез.

— Помоги мне, Костоправ. Я все время думаю о том, сколько всего отнял у меня Нарайян Сингх, когда украл ее. И как сильно одно-единственное событие изменило мою жизнь.

Оно изменило жизнь всех нас. Затронуло каждого в этой части этого мира и еще сотни тысяч как минимум в двух других. Но сейчас она думала исключительно о себе.

— Встань, сходи куда-нибудь, — предложил я. — Поешь. Полетай. Сегодня чудесный прохладный день. Все идет к тому, что со дня на день пойдет в рост трава и распустятся листья. Полюбуйся природой. Я хочу, чтобы ты окончательно пришла в себя до того, как я улечу. И я не смогу оставить тебя одну, пока ты не решишь, что у тебя все в порядке.

— Улетишь? Куда ты собрался?

— Через несколько дней закончится контракт у первого из отрядов Детей Смерти. Кому-то из нас придется слетать на разведку и проверить путь на юг и через равнину. И сказать ребятам у врат, чтобы собирали продовольствие. Почему бы и тебе не полететь со мной? Развеешься немного.

— Нет. Не могу. Здесь больше никто не сможет о ней позаботиться.

Проклятье! Теперь я увидел ее уязвимое место. Дверцу, через которую тьма постарается до нее добраться. Если уже не добралась.

Ну и дурак же я! Я ведь знаю, как захлопнуть эту дверцу. Навсегда. И только что настроился заняться этим без помех.

— Сходи к ребятам, попробуй рагу. Прогуляйся. И заставь солдат возненавидеть меня за то, что мне настолько повезло в жизни, что я на тебе женился. — Было время, когда ко мне все именно так и относились. И когда каждый в Отряде реагировал на Госпожу так, как женщины реагируют на Аридату Сингха. Но те дни давно прошли. А из всех тех братьев по Отряду остался только я.

Я посмотрел на Бубу, потом на молчаливую белую ворону, сидящую на подоконнике распахнутого окна. Похоже, это и впрямь у них в крови.

В последние дни белая ворона почти все время вертелась поблизости, но помалкивала. Пока что я не забывал оглядываться, прежде чем сказать то, что не предназначалось для чужих ушей. Мне нужно было пожелать удачи самому себе.

Госпожа смутилась.

— Если ты никуда не пойдешь, — пригрозил я, — то я позову нескольких парней и заставлю их дергать тебя, пока буду шлепать.

На мгновение я вновь увидел ту Госпожу, которую любил. Она улыбнулась.

— Обещаешь? Может, мне еще и понравится.

Когда она ушла, я взял Бубу за руку и на время предался такому же отчаянию. Ее пальцы были холодны, как смерть. Но все же она дышала.

Белую ворону это развеселило.

— Ты стал до отвращения домоседом, любовничек.

Я буркнул что-то в ответ.

— Ах, знаю, знаю. Когда ты принадлежал мне, то был таким упрямым. Пожалуй, интересно будет взглянуть,

что случится, если через столько лет тебе кто-нибудь скажет, что не очень-то ты и упрямился.

Я что-то проворчал.

— Что ж, может, тебе это не так уж и интересно. — И она с сожалением добавила другим голосом — почти как у маленькой девочки: — А ведь у нас все могло получиться просто потрясающе.

Несомненно. И, кстати, наверняка фатально.

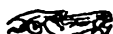
133. Равнина. Опасная игра

На юг мы полетели вчетвером. То есть впятером, если считать и ободранную ленивую ворону, восседающую на кончике гоблиновой леталки. Гоблин летел самостоятельно, но его движения ограничивали буксирная веревка и страховочные ремни, каждым из которых он был привязан к одному из спутников. Мы сказали ему, что сделали так ради его безопасности, но даже мертвый он сохранил достаточно ума, чтобы раскусить наше вранье. Мы не хотели, чтобы он сбежал, если Хадида одержит над ним верх.

За прошедшее время Гоблин значительно окреп. Он теперь мог следить за собой без посторонней помощи и справляться со многими другими несложными делами. Его словарь увеличился примерно до тридцати слов. И он уже мог на несколько минут отложить копье Одноглазого, не рискуя разбудить заставившегося внутри него демона.

Мы мчались под голубыми небесами, щеголяя струящимися на тридцать ярдов черными балахонами, так низко, что наводили панику на пасущийся скот, а детишек заставляли бежать с поразительными рассказами к недоверчивым родителям. Девочки распевали песни и улюлюкали, развлекаясь на всю катушку.

Весна могла наступить в любую минуту. А с такими детками она могла обернуться сезоном приключений.

С весной начнутся и дожди. Частые яростные грозы промочат все насквозь.

Я дважды ненадолго отклонялся от маршрута. В первый раз заглянул в Деджагор, где жизнь приобрела некое подобие нормальной и никто не скорбел о кончине одной из самых знаменитых дочерей этого города. За пределами гарнизона хорошо если один из тысячи знал, что Дрема называла Деджагор своим домом.

Второе путешествие я предпринял, отыскивая следы пребывания Нефов в тех местах, где, как мне показалось, я видел их прежде. Но ничего не нашел.

А поскольку никаких признаков того, что эти призраки находятся на равнине, не имелось, то я практически не сомневался, что видел тогда не настоящих Нефов, а нечто иное.

Тобо предположил, что если мне не померещилось, то видел я кого-то из его приятелей, примеряющих новое обличье.

Он считал, что некоторые из них занимаются этим просто ради развлечения. Фольклор Страны Неизвестных Теней эту мысль подтверждал. Более того, подобные приколы пользовались огромной популярностью.

Поэтому Нефы, скорее всего, станут меньшей проблемой, чем я опасался. Но все равно проблемой. Если только они *действительно* не оказались в ловушке, пробравшись в мир Ворошков.

Панда, встретивший нас у врат, лишил меня и этой надежды.

— Они на равнине, Капитан. Являются каждую ночь, все воют и о чем-то умоляют.

— А вы, ребята, устроились тут как дома. — Парни успели построить для себя целую деревушку с женщинами и домашним скотом. И те и другие уже дожидались потомства.

— Лучшее задание за всю жизнь, Капитан.

— Что ж, вот ваша лафа и кончилась. — И я выдал длинную череду приказов. А потом я, мои дочурки, моя приятельница белая ворона и мой мертвый друг пролетели через врата. И, хотя я никого не увидел, мне все же показалось, что я ощутил присутствие Нефов.

Равнина пестрела тысячами пятен грязного снега. Ветер намел возле каменных столпов целые сугробы с западной стороны. Морозный воздух жестоко кусал щеки. Погоду на равнине определял какой угодно мир, но только не мой. А выглядела она какой-то запущенной, словно ее обитатели перестали следить за порядком.

Внутри безымянной крепости запустения оказалось поменьше. Вон тут уже не было — очевидно, Баладитай тут прибрался, когда явившиеся к Шевитье в гости Ворошки улетели. Но зато здесь явно пахло мертвечиной.

— Нужен свет, — сказал я девочкам. Все еще кое в чем соперничая, обе торопливо сотворили парочку светящихся шариков — вроде блуждающих огоньков. Похоже, этому трюку первым делом учится любой начинающий чародей.

И мы сразу увидели источник запаха. Баладитай заснул за своим рабочим столом, но так и не проснулся. В холодном сухом воздухе его тело неплохо сохранилось.

Я опечалился, но не удивился. Баладитай был стар еще тогда, когда я только родился.

Аркана и Шукрат что-то сочувственно пробормотали.

— Очень некстати, — буркнул я, разглядывая останки архивариуса. — Я рассчитывал, что он поможет мне поговорить с Шевитьей.

— Привет, солдатик, — весело произнесла откуда-то из темноты ворона. — Ищешь, где бы хорошо провести время?

— Ах да. Есть еще и ты, — отозвался я, бродя в поисках масла, чтобы заправить лампу Баладитая. — Еще не все потеряно. Но ничего и не найдено.

— Что? — пронзительно взвизгнула ворона. Я снова поразился тому, как она ухитряется разговаривать таким количеством голосов, используя для этого горло птицы.

— Доверие. — Я вспомнил времена, когда любая ее фраза пугала меня до полусмерти. И решил, что фамильярность порождает... нечто. Общение с ней уже стало для меня почти привычным. — С чего ты вообще решила, что я стану доверять тебе хоть в чем-то?

Мою храбрость подкрепляло сознание того, что она похоронена и пребывает в свособразной коме.

— Шевитья не даст мне солгать.

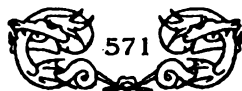
Да, как же. Можете назвать меня циником, но я вбил себе в голову, что за все эти годы голем, возможно, вмешивался в нашу жизнь больше, чем Кина. И что его манипуляции невозможно отделить от происков богини. И вообще не исключено, что он такой же обманщик, какой становилась Кина, придумывая уловки для приближения конца света.

— Ну хорошо. Ты ведь дала мне слово, верно? И меня это устраивает. Богиня знает, что мы здесь? И что я задумал?

— Ее внимание обращено не на вас.

Девочки тем временем сменили меня, наполняя и зажигая лампы. Хорошие они девочки. Научились о себе заботиться и все делать самостоятельно. И еще они с уважением и восхищением наблюдали, как папочка работает. Или, во всяком случае, гадали, что это на меня нашло, раз я разговариваю с полудохлой на вид вороной. А та мне отвечает, словно разумная.

— Если научишься читать и писать на таглиосском, — сказал я Аркане, — то сама все поймешь, потому что сможешь прочесть Анналы.

— Нет уж, папуля, спасибо. Даже не старайся. Я сказала «нет» вчера, снова говорю сегодня и отвечу «нет» завтра. Потому что не собираюсь влезать в ваши отрядные дела глубже, чем уже залезла.

Суврин тоже так говорил, слово в слово. Попал он к нам в плен, а стал Капитаном Отряда.

— А на меня можешь даже не смотреть, — заявила Шукрат.

Про Шукрат я не думал. И не стану. А вот из Арканы, на мой взгляд, летописец мог бы получиться. Если она согласится попробовать. У нее подходящий характер, чтобы работать в команде.

— Ну, сезон вербовки закончен? — осведомилась ворона.

— Пока. — Я уставился в темноту, стараясь лучше разглядеть голема. Света не хватало. Но демон вроде бы спал.

Или, во всяком случае, не проявлял к нам интереса. И это меня озадачило, потому что я пришел его освободить.

Я пожал плечами. Его безразличие мне не помешает.

Я отвел Гоблина на другой конец огромного зала, где восседал Шевитья, подальше от чужих ушей. Если бы я прихватил с собой лампу, то увидел бы, насколько точно пол в зале отображает все детали равнины за стенами крепости.

— Кина думает очень медленно, — повторил я для Гоблина основные выводы. — Поэтому нам нужно все сделать быстрее, чем она сообразит, что мы уже здесь, что мы собираемся нанести ей удар и что у нас есть оружие — достаточно мощное, чтобы ее прикончить. — Копье Одноглазого здесь постоянно мерцало. По нему проворно скользили ниточки света, складываясь в непредсказуемые узоры. Лезвия наконечника стона-

ли, разрезая воздух. Казалось, копьё чувствует, что его принесли домой.

Никто не смог бы спорить, что это копьё — шедевр особого рода искусства. И никто не смог бы отрицать, что, создавая этот шедевр, Одноглазый достиг таких высот вдохновения, каких не видел за всю свою долгую, но довольно жалкую жизнь.

Многие из шедевров искусства попадают в ту же категорию: единственный триумф гения своего создателя.

— Как только мы доберемся до черной завесы поперек лестницы, она начнет осознавать опасность. И тебе придется действовать быстро. Разгонись как следует, чтобы вонзить в нее копьё как можно глубже. Копьё Страсти оказалось недостаточно мощным, чтобы ее убить. Но оно для этого и не предназначалось. Зато копьё Одноглазого создано специально для богоубийства. Можешь его так и называть — Богоубийца. Сам знаешь. Ты ведь был рядом с ним почти все время, пока он над ним работал. А когда мы оказались в Хсиене, он только им и занимался.

Гоблин тоже там был. Но тот Гоблин был живым, а не духом, запертым в оболочке из плоти, которую он носил всю жизнь. И этот Гоблин как минимум часть своей псевдожизни был агентом того самого монстра, которого он же собирается убить. Или покалечить. Или хотя бы вывести из себя.

Сомнения принялись кружить вокруг меня подобно невидимым друзьям Тобо, но я продолжал говорить, объясняя снова и снова, почему именно он — единственный из нас, кто может нанести удар. И он счел мои доводы убедительными. Или же сам принял такое решение, а надежды и желания остальных для него уже ничего не значили.

Гоблин уселся на свой летательный столб.

Я подал свою леталку вперед, чтобы увидеть кончик его столба с именем прежнего владельца и еще

раз убедиться, что точно знаю, на чьем столбе он сидит.

— Тогда полетели вниз, — сказал я. — Я полечу сразу за тобой. Твой столб настроен так, что вернется сам, если ты потеряешь сознание. — Гоблин это знал, потому что стоял рядом, когда Шукрат это проделывала. — Если у тебя ничего не получится, то я быстро подлечу к тебе, схвачу и вытащу обратно. Если хочешь, я прихвачу лишнюю сотню ярдов веревки и привяжу ее к твоим страховочным ремням, а конец обвяжу тебе вокруг пояса.

Гоблин взглянул на меня так, словно подумал: «Напрасно стараешься». Он уже настроил себя на самоубийственную миссию, убежденный, что лишь уничтожение собственной плоти избавит его от паразита и позволит обрести покой.

Всю эту чепуху я сочинял на ходу. Я не знал точно, чего на самом деле хочет Гоблин или чего надеется достичь в той фальшивой жизни, которую ему навязали. У меня не очень-то получалось угадывать мотивы его поступков, еще когда он был жив. Но единственное, что я знал наверняка, — он стал калекой. Для него работать без Одноглазого — все равно что без одной руки.

И он хотел уничтожить Кину. В этом я никогда не сомневался.

В результате нашего долгого и трудного спора я наконец-то с досадой уяснил, что Гоблина не очень-то интересует поддержка на тот случай, если у нас ничего не получится. А требовалась ему подстраховка, чтобы наверняка довести дело до конца, даже если он потерпит неудачу.

Сам не знаю, почему я потратил столько времени на выяснение и уточнение программы Гоблина. Наверное, потому, что я сосредоточился на идее, что все должно быть проделано именно так, как я хотел. А Гоблин мне почти все это уже говорил в разное

время, когда у меня имелось настроение его спрашивать.

Поскольку сам я не намеревался идти на самопожертвование, мне было нелегко преодолеть свою циничную натуру — особенно по отношению к Гоблину, который всю жизнь привык потакать только своим желаниям.

Гоблин взял копье Одноглазого и повторил то, что я ему уже сказал, но не сделал:

— Пора отправляться вниз, Костоправ. — Он произнес эти слова единым и совершенно четким предложением.

Я уселся на леталку. Последняя проверка. Я все еще не был уверен, что готов на такое.

134. Таггнос. Рекомендуются подавать холодным

За Тобо могла приглядывать лишь Госпожа, но она не проявляла к этому особого интереса. За Госпожой мог приглядывать лишь чудо-мальчик. А у него на уме было совсем другое. И слишком многое из этого другого уже было помечено печатью тьмы.

Ни Шукрат, ни Костоправ, ни Госпожа не обратили на это внимания. А ночи в городе уже утратили свое традиционное шумное очарование. Некоторые даже начали сравнивать новую эпоху с теми временами, когда Протектор натравливала на город свору Теней-убийц — просто чтобы спустить с поводка невидимый ужас.

И тот факт, что сейчас, в отличие от прошлых лет, практически никто не погибал, остался неотмеченным.

Неизвестные Тени развлекались на всю катушку, запугивая живых. Равно как и Тобо, обнаруживший, что волен поступать, как ему хочется.

Но только не во сне.

В снах Тобо начала преследовать женщина. Прекрасная нюень бао, выглядевшая воплощением печали.

Сердцем Тобо понимал, что это его мать — такая, какой она была в молодости, еще до встречи с его отцом. Обычно она появлялась не одна. Иногда ее сопровождала молодая, еще не сгорбленная бабушка Гота. А иногда другая женщина — всегда спокойная, всегда улыбающаяся, но выкованная из более прочной стали, чем Бледный Жезл — меч дядюшки Доя. Эта женщина — скорее всего его прапрабабушка Хонь Тэй — всегда молчала. Но один ее неодобрительный взгляд говорил больше, чем сотня слов Сари.

Переполюнявившее Тобо желание мстить оказалось неприемлемым для всех этих женщин, сотворивших и сформировавших его.

Тобо так и не смог понять, то ли к нему являются духи его предков — а такая возможность полностью укладывалась в религиозные представления нюень бао, — то ли эти женщины есть продукт некоего пораженного совестью уголка его сознания. Но наполнившая его тьма уже стала настолько сильной, что появилось желание избавиться от них.

Никто из женщин не желал, чтобы за них мстили.

— Ты лишь навредишь себе, — предупреждал дух Сари. — Если ты и дальше будешь идти по этому пути, то угодишь в ловушку. Забудь о своей боли. Обними свою истинную судьбу и позволь ей возвысить тебя.

Хонь Тэй всматривалась в него глазами, похожими на холодные стальные шарики, соглашаясь, что он стоит на перепутье. И что ему предстоит сделать выбор, который определит всю его оставшуюся жизнь.

Разумеется, он знал, что слова, произносимые женщинами-духами, да и сами они, — почти наверняка метафоры.

Когда Тобо просыпался, совесть его не тревожила. Поэтому он старался не спать.

Но недосыпание еще сильнее затуманивало ясность его суждений.

Ночной народец неизменно докладывал Тобо одно и то же: Аридата Сингх не покидает свой рабочий кабинет. Он работает днем и ночью и почти без сна, отчаянно стремясь сохранить целостность таглиосского мира. Борьба за предотвращение анархии должна была всего за несколько дней измотать его и поколебать решимость. Многие на его месте уже начали бы резать глотки, лишь бы порядок восстановился быстрее, а отчаяние отступило. Аридата же побеждал противников разумными доводами и открытостью. Он ни с кем не вел секретных переговоров. И обязательно называл тех, кто отказывался вести городские дела открыто.

Имена обструкционистов становились известны всем. А люди, пережившие осаду и пожары, уже не прощали традиционного кучкования по фракциям и кланам.

Произошло прежде немыслимое. Несколько человек из высших каст жестоко избили. В толпе видели шадаритов, поощрявших насилие. Однако над этим никто не стал задумываться. А Аридата Сингх, похоже, об этом даже не узнал.

Стояла глубокая ночь, но поток людей, приходивших и покидавших казармы Городских батальонов, где находился штаб Аридаты Сингха, все еще не иссяк, хотя и превратился в тонкий ручеек. Здание начал медленно окутывать темный туман. Людей охватывала сонливость. Из тени в тень крались живые тени. На мгновение то там, то сям можно было увидеть человечков или маленьких животных — но заметить их не смог бы уже никто.

Среди всей этой кутерьмы вышагивал Тобо — настолько усталый, что у него слипались глаза, и настолько уверенный в себе, что не прихватил леталку и не защитился черным балахоном. Настолько

уверенный, что не перепроверил донесения Неизвестных Теней.

Он собирался войти, свершить возмездие и уйти незамеченным. И судьба Аридаты Сингха останется великой и ужасной тайной.

Тайный народец ничего не мог ему поведать о кабинете Аридаты. Они не могли в него проникнуть, потому что в нем отсутствовали окна, а дверь всегда плотно закрыта. Но часовые перед ней сейчас храпели.

Тобо толкнул дверь. Слегка скрипнув, она распахнулась. Он вошел, взволнованно дыша, и увидел трех человек: двое спали на стульях, один уткнулся лицом в стол.

— Плохо, — пробормотал Тобо, заметив потенциальных свидетелей. Впрочем, это его сейчас не волновало.

— Совсем плохо, — проговорил Аридата, выпрямляясь за столом.

Тобо успел лишь услышать, как сзади что-то зашуршало, и тут же нечто тяжелое ударило его по затылку с такой силой, что треснула кость. И он рухнул во тьму, зная, что его предали, что он угодил в ловушку. Неизвестные Тени рассеялись во все стороны, превращая Таглиос в город ночных кошмаров.

Сари, Гота и Хонь Тэй уже поджидали Тобо на другом берегу сознания. И все трое заявили ему, что случившееся — дело исключительно его рук. Он мог бы этого избежать, просто поступив правильно.

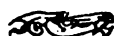
Его предупреждали. Но он не прислушался.

Никогда еще Тобо не видел Сари в такой глубокой печали.

135. Таглиос. Сезон безумия

После того, как Костоправ улетел, Госпожа несколько дней легко справлялась с искушением. Она постоянно напоминала себе, что ей нужно лишь продержаться до его возвращения. К тому времени Дщерь

Ночи уже перестанет быть мессией Обманников. И превратится просто в Бубу.

Рассудок велел Госпоже быть терпеливой. Но эмоции не знают терпения. И грозили захлестнуть ее с головой. И, несмотря на опыт всей ее долгой жизни, эмоциям удалось одолеть самоконтроль.

Она сломалась всего через четыре дня.

Госпожа быстро выглянула в коридор, желая убедиться, что ей никто не помешает, затем уселась на стул возле кровати дочери. Отыскала кончик цепочки заклинаний, не дающих девушке проснуться, и принялась ее распутывать. Работала она быстро и сноровисто. Она изучала оковы Бубу все эти четыре дня.

И чары спали с такой легкостью, как если бы она сплела их сама.

Госпожа действовала с не свойственной ей наивной торопливостью. Та ее часть, что закалилась в суровом реальном мире, высмеивала детскую непосредственность другой половины. Таков мир. Ее мир. Реальный мир. И нет оснований ожидать от него хоть чего-то хорошего.

Глаза Бубу распахнулись с механической внезапностью. Они оказались того же цвета, что и раньше, но они не были ее глазами. Или глазами Костоправа. Они оказались холоднее, чем глаза Госпожи в те моменты, когда она творила наивысшую жестокость. То были глаза змеи, нага. Или божества. На мгновение Госпожа застыла подобно мыши, угодившей под взгляд змеи. Потом проговорила:

— Я неисправимый романтик. А суть романтизма — в непоколебимой убежденности в том, что в следующий раз все окажется иным. — И она попыталась перехватить инициативу, пока девушка была еще слишком слаба физически, чтобы действовать.

Но Госпожи уже коснулась ее аура «любви меня». Однако настолько незаметно, что поначалу она этого даже не осознавала. Пока не стало слишком поздно.

На Госпоже не было одеяния Ворошков. И укрыться от бури оказалось нигде.

Где-то внутри нее возникла слабая, медленно нарастающая вибрация. Она видела, как вместе с ее усилением Дщерь Ночи постепенно наполняется силой богини. А в вибрации она ощутила оттенок злорадства. Она поняла, что ее нерастраченные материнские чувства обнаружены и подвергнуты манипуляциям. Очень тонким и очень долгим. настолько тонким, что она ни о чем не подозревала. Но, что еще хуже, настолько тонким, что она оказалась не готова адекватно отреагировать на любую неудачу.

Тем не менее она была женщиной с несгибаемой волей, и у нее были века для тренировки этой воли.

Имелся лишь один ответный ход.

Госпожа мгновенно приняла самое жестокое решение в своей жизни. Она будет сожалеть о нем всегда, но она знала, что лишь это решение оставит наименее болезненные раны.

Госпожа из Чар веками училась выполнять даже жуткие решения быстро и столько же лет — мириться с их последствиями.

Она вынула из-за пояса напоминание о ее кратком пребывании в должности Капитана Черного Отряда. Рукоятку кинжала венчал серебряный череп с единственным рубиновым глазом. Этот рубин всегда казался живым. Госпожа медленно подняла лезвие, пристально глядя в глаза Дщери Ночи. Ощущение присутствия между ними Кины непрерывно нарастало.

— Я люблю тебя, — ответила Госпожа на вопрос, никогда не заданный и живущий лишь в сердце девушки. — И буду любить тебя вечно. Всегда. Но я не позволю тебе сотворить такое с моим миром.

Госпожа могла это сделать, несмотря ни на что. Ей доводилось убивать, еще когда она была моложе ребенка, лежащего под ее ножом. И по менее веским причинам.

Она ощутила, как в нее прокрадывается безумие. Попыталась сосредоточиться.

Она могла убить, потому что была абсолютно уверена — ничего лучшего она сделать не сможет.

И Кина, и Дщерь Ночи отчаянно пытались сломить ее несокрушимую волю. Но кинжал неумолимо приближался к груди девушки. А Дщерь Ночи превратилась в загипнотизированную жертву, будучи не в силах поверить, что лезвие в руках Госпожи продолжает опускаться.

Кончик кинжала коснулся одежды. Пронзил ее, отыскал плоть, затем ребро. Госпожа переместила вес тела, чтобы вогнать лезвие между костями.

Она ничего не успела ощутить. Удар — ей показалось, что ее ударили по голове справа — оказался настолько мощным, что отшвырнул ее на несколько футов и впечатал в стену. Сомкнулся мрак. И на мгновение она увидела сон, в котором она пыталась задушить свое дитя, а не пронзить кинжалом.

Когда несостоявшуюся убийцу отбросило к стене, Дщерь Ночи ощутила, как ее грудь залило пламя. Она закричала. Но мучительная боль исходила не от раны. Причиной стал черный взрыв в ее сознании, внезапная волна острых осколков тысяч мрачных снов, скрежет более пронзительный, чем десять тысяч острых мечи точильных камней, ярость столь безбрежная и кроваво-безумная, что ее можно было назвать Пожирателем Миров.

Этот удар оказался настолько силен, что и ее подбросил вверх и в сторону. Она упала, распростершись поперек неподвижного тела родной матери. Но она

этого не знала. Потому что потеряла сознание задолго до того, как ее телом овладело земное притяжение.

В комнате резко запахло старой смертью и кладбищенским тленом.

136. Безымянная крепость. Богоубийство

Гоблин отчаянно рвался вперед. Мне дважды хотелось крикнуть ему, чтобы он летел не так быстро. Он мчался вдоль темной лестницы с такой скоростью, что я за ним не поспевал. Хотя на мне было черное одеяние Ворошков, скользящие удары о стены слишком действовали мне на нервы.

Мы не спустились даже до ледяной пещеры, где лежала Душелов, когда я не выдержал и крикнул, чтобы он остановился. И — чудо из чудес — на сей раз Гоблин меня услышал. И выслушал. И отреагировал, когда я сказал, что нам придется вернуться.

— Что? — Его шепот отозвался эхом, точно в старинном склепе.

— Мы не можем спускаться в темноте. Потому что забудем себя до потери сознания быстрее, чем окажемся внизу. Или, по крайней мере, зашибемся так, что перестанем соображать.

Гоблин издал звук, означающий неохотное согласие. Он и сам испытал парочку весьма неприятных столкновений.

— Поэтому нам нужно вернуться за лампами. — И почему я позабыл о столь очевидном? Наверное, потому, что был слишком занят, упорно размышляя над разными тонкостями и мелочами.

На лестнице было так тесно, что мы не смогли развернуть леталки. Пришлось двигаться задним ходом. Подъем оказался медленным, неловким и иногда болезненным. А когда мы добрались до начала лестницы, то ощутили еще большую неловкость.

Нас поджидали девочки и белая ворона. С таким ехидным видом, что не заметить это было невоз-

можно. Дамы были одеты по-походному. Аркана помахивала фонарем.

На мгновение я ощутил совершенно необоснованную тревогу, потому что не прихватил с собой костюм Жизнедава. Он отлично подошел бы к ситуации. Но нужды в нем не было никакой.

Эти доспехи всегда были только костюмом, и ничем иным.

Шукрат тоже помахала фонарем. И засмеялась.

— Ни слова! — прорычал я.

— Разве я что-то сказала?

— Нет, зато подумала, дражайшая дочурка.

Она подняла фонарь повыше, чтобы лучше разглядеть, во что я одет. Черная ткань моего балахона совершала медленные текучие движения, восстанавливая обширные повреждения.

— Ты не услышишь от меня ни слова, о ветеран. Ты ведь знаешь Шукрат. Она уважает старших, даже когда они совершают ошибки. Но сейчас я смеюсь. Только, пожалуйста, не делай поспешных выводов и не думай, будто я смеюсь над тобой.

Аркана хохотала еще громче, чем Шукрат.

Гоблин издал серию звуков, быстро исчерпав свой словарь.

— Он прав. Давайте сюда фонари. Нам нужно покончить с этим делом. — Я надеялся, что моя идиотская забывчивость не стала той мелочью, которая нас погубит. И что это последняя мелочь, о которой я по своей тупости позабыл.

Гоблин взял у Шукрат фонарь и снова направился вниз. Теперь он уже не так торопился. Возможно, его жажда мести начала слабеть.

Я взял фонарь Арканы. Белая ворона уселась на кончик моей леталки. И не успел я сказать, что поездка со мной может оказаться неудачной идеей, как Шукрат зажгла другой фонарь и стала помогать Аркане зажигать еще один.

Девочки ждали нас во всеоружии.

Я собачился с ними всю дорожку до ледяной пещеры. Это их только веселило. Они отказывались прислушиваться к моим предупреждениям.

Белая ворона решила, что для нее пещера древних — самое подходящее место. И ей лучше дожидаться нас здесь.

— Только не прикасайся тут ни к чему! — взревел я. — Особенно к себе! — И шепотом добавил: — Ну когда же я научусь держать свой длинный язык за зубами? — А ведь какой великолепной и замечательной иронией было бы то, что прикосновение птицы угробило бы Душелова — после стольких лет везения.

Гоблин снова заторопился. Я попытался его при тормозить, но он сказал:

— С Киной что-то происходит! Она начинает шевелиться.

— Вот дерьмо!

Пока мы не добрались до черного барьера, сделать что-либо было невозможно. И тут у Гоблина сдали нервы. Он застыл, вспоминая ужас всех лет, проведенных по другую его сторону.

— Гоблин! Мы уже почти добрались. Нам нужно это сделать. И немедленно. — Хотя я практически нечувствителен к сверхъестественному, но даже я ощутил близость Кины и ее настороженность. Но мы никак не могли быть тому причиной. Ее внимание сосредоточилось на чем-то другом.

— Давай! — приказал я, придав голосу власть.

Позади зашептались встревоженные девочки. Они ощущали гораздо больше, чем было доступно мне.

— А вы немедленно возвращайтесь наверх, — велел я. — Гарантирую, что потом вы будете очень рады, если послушаетесь меня. Особенно, если результат обернется не в нашу пользу. Гоблин!

К нему вернулась былая храбрость. А может, и ненависть. Его лицо окаменело. И он двинулся вперед.

— Не торопись, — предостерег его я, когда он прошел сквозь черный барьер. — Девочки, я говорю серьезно. Возвращайтесь немедленно. Потому что должен уцелеть хоть *кто-то*.

И я пробился сквозь жуткий барьер следом за Гоблином, едва не наделав под себя от страха. Хотя я и велел Гоблину не торопиться, на раздумья времени у нас не было. Как только мы пересекли барьер, Кина узнала, что мы здесь. И ее медлительность станет нашим единственным союзником.

Оказавшись по другую сторону барьера, я быстро отлетел в нечто вроде прихожей перед входом в тюрьму Кины. Гоблин уже изготовился для атаки. Мне предстояло делать несколько дел одновременно: подбодрять его, готовиться к тому, что вот-вот произойдет, и вносить свою лепту, чтобы весь замысел сработал.

Нужно держать в голове всю картину. Сделать все в свое время, в нужном порядке — именно так, как обдумывалось последние несколько месяцев.

Едва Гоблин бросился вперед, я уложил свою леталку в угол у левой стены, затем распластался по стене и мысленно приказал черному балахону прикрыть меня и столб защитным барьером. Потом при тусклом и почти бесполезном свете отыскал нужную страницу в книжечке Первого Отца. В своей защите я оставил крохотную щелочку, сквозь которую увидел, как Гоблин подскочил к Кине и, к моему удивлению, нацелил копьё Одноглазого ей в голову. Я ожидал, что целиться он станет в сердце.

Договорив заклинание, которое должно было уничтожить леталку Гоблина, я замуровал наблюдательную щелочку. А потом обозвал себя последней и гнуснейшей сволочью за то, что сделал.

Месяцами я упорно подыскивал себе оправдания. И действовал. Но сейчас это произойдет. А когда все кончится, мне придется жить с этой подлостью до конца своих дней.

Вселенная содрогнулась. Пещера, в которой лежала Кина, была большой, но все же замкнутой. И продукты этого катаклизма имели единственный выход — лестницу. На меня молотом обрушилась ударная волна.

Несмотря на множество слоев черного материала, меня расплющило по стене. Вселенная ревела и тряслась. Я поклялся, что если Кина окажется настолько могущественной, что сумеет уцелеть после *такого*, то я сам поступлю к ней на службу, потому что круче нее могут быть только те ребята, которые засунули ее в эту тюрьму. А их уже несколько тысячелетий никто не видел.

Грохот начал стихать, но я с трудом это осознал, потому что из-за безумного рева оглох.

Я надеялся, что девочки послушались меня и вернулись.

Я надеялся, что взрыв не нанес ущерб где-то еще. Впрочем, такое маловероятно. В свое время мощное землетрясение раскололо равнину, но не повредило ни ледяную пещеру, ни тюрьму Кины.

Я мысленно приказал одеянию Ворешков приоткрыть щелочку. Если возникнет необходимость, если Кина *все же* уцелела, но ранена, я вытолкну наружу свой летательный столб и взорву его. И если переживу второй взрыв, то мне останется лишь надеяться, что я не скончаюсь от сердечного приступа или от голода, пока одолею несколько миль ступеней.

Защищающий меня материал настолько пострадал, что отреагировал на мою команду лишь минут через десять. Он дергался, морщился и полз, переме-

щаясь крошечными рывками, словно пытался исцелить себя.

Отыскав наконец глазок, я обнаружил, что смотреть не на что. В обители Кины все еще стояло ярчайшее сияние. Возможно, оно ослабевало, но происходило это очень медленно.

Прошло полчаса, прежде чем я смог разглядеть хоть какие-то детали, не повредив глаза. Оно и к лучшему. Как раз столько времени понадобилось моему защитному одеянию, чтобы более-менее исцелиться и расслабиться, позволив мне отойти от стены.

Эти балахоны очень умно сделаны. Они восстанавливаются достаточно долго, чтобы не дать их владельцу второпях совершить какую-нибудь глупость.

Я вскарабкался на леталку и медленно двинулся вперед, уже поняв, что моя защита не выдержала бы второго взрыва вскоре после первого.

Сперва я вообще ничего не смог отыскать. И лишь позднее, когда сияние еще больше ослабело, я стал замечать вонзившиеся в различные поверхности кусочки чего-то, что могло быть костями или зубами. От плоти — что Гоблина, что богини — не осталось и следов.

Я сомневался, что эти кусочки костей и зубов могли принадлежать простому смертному. Уж больно мощным оказался взрыв. Даже мощнее того, который уничтожил ворота в мир Ворошков. Или наполовину разрушил дворец в Таглиосе.

Гибель Кины каким-то образом увеличила его энергию.

Мой столб тоже пострадал — двигался рывками и медленно реагировал на команды. Очевидно, его все же ударило обо что-то взрывом, хотя я и старался защитить его по мере своих возможностей.

Когда сияние еще больше потускнело, на том месте, где лежала Кина, я увидел нечто вроде длинной черной змеи. Если не считать меня, то был единственный не белый предмет во всей пещере.

Я осторожно приблизился. Это вполне могла быть кость мрака, покоившаяся рядом с сердцем Кины. И я уже приготовился поверить в то, что все увиденное и пережитое здесь окажется иллюзией.

Кина — Мать Обмана.

А одна из сильных сторон Обманников — их умение заставить человека сомневаться во всем и не верить никому.

Черный предмет оказался не змеей. А искривленным копьем Одноглазого. Оно на удивление мало пострадало от взрыва. Лишь немного погнулось и слегка обуглилось. Металлические инкрустации только чуть-чуть оплыли от нестерпимого жара.

Ого! Выходит, Одноглазый снабдил эту штуковину еще и искусными защитными чарами.

Я подобрал копьё, проверил, надежно ли привязан к леталке, и дал ей команду вернуть меня на исходную точку.

137. Таглинос. Меланхоличная жена

Мы тащились в небесах, напоминая семейку запаршивших стервятников. Мое черное одеяние еще не восстановилось полностью. Девочек потрепало еще больше, чем меня. Взрыв настиг их, когда они поднимались по лестнице, и теперь их с ног до головы украшали синяки.

Но настоящим чудом следовало бы назвать то, что леталки нас довезли, хотя и пострадали.

А вот и Роковой перелесок, встречающий нас, как мать встречает заблудившихся детей.

Теперь меня постоянно точили зловещие мысли и образы. Они меня тревожили. И заставляли сомневаться, что Кина действительно мертва, а не укрылась где-нибудь.

Шукрат в шутку сказала, что мне теперь следует опасаться отца или мужа Кины: а вдруг они пожелают отомстить? Я не рассмеялся. Мне эта мысль показалась заслуживающей внимания.

Роковой перелесок был пуст. Точнее, там не было людей. Но в нем уже поселились птицы, а в кустах я заметил и мелких зверюшек.

Это место уже не вызывало мрачных предчувствий. Ни у кого.

— Мы прикончили ее, — выдохнул я. — Наконец-то. И окончательно. Кины больше нет, и некому терзать миры.

Девочек это обрадовало меньше меня, но ведь они не прожили всю жизнь в страхе перед наступлением Года Черепов.

Белая ворона уселась на ветку неподалеку от меня и выщипала себе грязное перо.

— Ты уверен? — Эта носатая курица развлекалась, щекоча мои страхи. Похоже, нас с ней ждут долгие и неприятные отношения — пока я не сдержу данное Шевитье обещание.

— Если в этом мире и есть место, где сразу станет ясно, выжила ли Кина, то именно здесь, — ответил я. — С самого зарождения ее культа этот перелесок стал как бы ее частицей. Поэтому она вряд ли смогла бы освободиться от него, даже если бы захотела.

— Тогда полетели дальше, — предложила Шукрат.

— Ей не терпится снова прибрать к рукам Тобо, — фыркнула Аркана. Впрочем, ехидничать она не стала. В ответ Шукрат напомнила, как трепетно прощались Аридата Сингх и Аркана, и Аркана сразу стала серьезной.

— Послушай, папуля, а как по-твоему, что будет означать для Дщери Ночи смерть Кины? — Аркана вступила на тонкий лед, но ее тревожили взгляды, которые Сингх бросал на девушку. Она до сих пор не верила, что так реагировал любой мужчина. — Она станет нормальной?

Шукрат тоже проявила к этой теме внезапный интерес.

— Не знаю, куколка. Мне это тоже не дает покоя. Ведь она была связана с Киной еще с момента зачатия. Пожалуй, ей сейчас так же паршиво, как было бы тебе или мне, если бы нам вырвали печенку.

Однако еще сильнее меня тревожила жена. Для нее утрата связи с Киной будет катастрофой. Ведь она стала такой, какова есть, потому что была могущественной чародейкой. А лишившись Кины, у которой она высасывала магическую силу, она превратится в обычную женщину средних лет, стареющую и седеющую.

Всю дорогу от врат нас изводила погода. Нам постоянно приходилось огибать ливни и грозовые облака. Это задержало нас более чем на день.

Теперь, когда до конца пути осталось всего миль двадцать, уже не было смысла уклоняться от непогоды. Мы лишь то поднимались высоко, где воздух становился холоден как лед и дышать им было почти невозможно, то зигзагом проносились мимо облачных гор, где нас швыряло и трепало воздушными потоками. Шукрат и Аркана скорее согласились бы умереть, чем угодить в грозу.

— Подумай, что может случиться, если в тебя угодит молния, — сказала Аркана.

Сообразил я очень быстро. Не было на свете человека, которого я желал увидеть настолько отчаянно, что ради него рискнул бы путешествовать на леталке, которая в любую минуту может взорваться у меня между ног. И я направил ее к земле.

Мы приземлились в гуннитской деревушке. Ее жители отнеслись к нам с настороженным уважением, какое оказали бы троице нагов — злобных змеелюдей, которые, согласно гуннитским мифам, живут глубоко под землей, но частенько вылезают на поверхность и гадают людям. Правда, это всегда проис-

ходят в соседних деревнях, а не там, где живет рассказчик.

Мы не стали красть у них ни младенцев, ни девушек, ни их священный скот, ни даже овец. Я считал любопытным тот факт, что они проявляют определенную религиозную гибкость и разводят овец для продажи тем же веднантам, которые всегда не прочь полакомиться мясом.

Дождь перестал молотить по земле вскоре после полуночи. На прощание мы оставили хозяевам столько монет, что у них наверняка появилось желание благословить наши имена. Которые мы ни разу не упомянули.

Молнии уже не сверкали, зато пошел моросящий дождь. Одежда Ворошков помогала, но лишь отчасти. Я быстро замерз и преисполнился жалости к себе, а моя любимая ворона, перебравшаяся вперед, чтобы укрыться под складкой черного балахона, погрузилась в такую глубокую меланхолию, что даже перестала жаловаться.

Казармы Отряда показались мне неестественно тихими и приведенными в состояние ненормально повышенной боевой готовности. Повсюду расхаживали вооруженные часовые.

— Кажется, Суврин опасается нападения.

— Наверное, что-то случилось.

— Девочки, вы ничего не ощущаете?

— Что-то явно не так, — проговорила Аркана. — Только не знаю, что именно.

— Тогда нужно узнать, и поскорее. — Нас не было менее двух недель — а все уже накрылось медным тазом?

Суврин все объяснил. Я сдержался и не помчался к Госпоже, не выслушав его до конца.

— Генерал Сингх держит Тобо в одиночной камере, чтобы к нему не могли пробраться Неизвестные Тени. Увидеться с Тобо он не разрешает никому. Однако мы узнали, что парень ранен.

— Очевидно. Иначе его не удержали бы никакие стены. Он пытался сделать какую-нибудь глупость?

— О да. А у меня не было лошадей, чтобы его вызволить.

— Теперь есть. Если захочешь с этим возиться. Как Госпожа?

— Мы не знаем, что произошло. Там никого не было. И мне докладывали довольно давно. В последний раз мне сказали, что она в сознании, но очень угрюма и не желает разговаривать. А девушке стало хуже. А тебе все удалось сделать?

— Очень многое. И это, вероятно, как раз и объясняет то, что случилось с Госпожой и Бубу. — В подробности я вдаваться не стал. — А тут у тебя страшно.

— И каждую ночь становится все хуже. Друзья Тобо недовольны. И с каждым часом их недовольство возрастает. Но Аридату они не запугали.

— Попробуем это изменить. Но после того, как я увижу жену. — Или ту, которая была моей женой.

Аркану я прихватил с собой. На всякий случай.

— Ничего не говори. Просто будь рядом и прикрывай меня, — сказал я ей.

Возле моего дома дежурил часовой, но поставили его не для того, чтобы он никого не впускал. Или не выпускал. Суврин поставил часового, чтобы тот вовремя его предупредил, если что-то произойдет. Мы с часовым кивнули друг другу. И Аркана жутко расстроилась: парень не заметил, какая она привлекательная юная женщина. Я-то полагал, что это видно, несмотря на балахон Ворошков.

Госпожа сидела за столиком, уставясь в никуда. Перед ней лежал начатый пасьянс, но она давно про него забыла. В стоящей рядом лампе заканчивалось масло. Она коптила, потому что фитиль давно следовало подрезать.

Куда бы она ни глядела, во взгляде ее отчетливо проступывалось отчаяние.

Она даже утратила всякий интерес к своей внешности.

Я положил руку ей на плечо.

— Дорогая, я вернулся.

Она отреагировала не сразу. Но, узнав мой голос, резко отстранилась.

— Это сделал *ты*, — скорее размышляя вслух, чем действительно разговаривая со мной, сказала она. — *Ты* сделал что-то с Киной. — Лишь в этом «ты» я уловил человеческую эмоцию.

Я оглянулся на Аркану — она внимательно нас слушала. Наступил решающий момент.

— Я ее убил. Потому что нас к этому принудили. — Если в ней сохранилась частица богини, то мои слова должны были спровоцировать реакцию.

И я ее увидел. Но не физическую попытку отомстить, что я предпочел бы. Наверное, предпочел бы.

Она просто заплакала.

Я не стал напоминать ей о том, что ей было прекрасно известно, что этот день настанет. А вместо этого спросил:

— Как там Бубу? Как она это восприняла?

— Не знаю. Я ее не видела.

— Что? Ведь перед моим отлетом ты не хотела отойти от нее, даже чтобы поесть.

Плотину прорвало. Хлынули слезы. Она стала женщиной, какой я ее никогда прежде не видел, — распахнутой до самой глубины, словно лопнувший переспелый фрукт.

— Я пыталась ее убить.

— Что? — не понял я. Она говорила очень тихо.

— Я пыталась ее убить, Костоправ! Пыталась убить собственную дочь! Пыталась изо всех сил и напрягая всю свою волю. Я приставила кинжал к ее сердцу! И убила бы, если бы мне что-то не помешало.

— Я знаю тебя. И знаю, что для этого у тебя имелась веская причина. Какая?

Госпожа заговорила. Вздохнул. Все, годами удерживаемое внутри, вырвалось потоком слов, сметающим на своем пути все преграды.

По времени это совпадало с моментом нападения на Кину. А охватившая Госпожу жажда убийства могла быть вызвана исходящим от Кины страхом. Он же мог вызвать и реакцию Бубу.

Госпожа еще долго всхлипывала. Я обнимал ее. И боялся за нее. Она погрузилась очень глубоко. А я был балластом почти на каждом фута ее пути вниз, во тьму.

Я ли во всем виноват? Или искрометность романтического лета юности, превратившегося в полную отчаяния дождливую осень старости?

Аркана — хорошая дочь. Она терпеливо стояла в сторонке, переживая эту эмоциональную бурю. Она делала это ради меня, не нарушая своим вмешательством самые тяжелые минуты жизни моей жены. Когда мы вышли, я от души поблагодарил ее за это.

— Как думаешь, она сможет снова стать прежней? — спросила Аркана.

— Не знаю. Не знаю, как заставить ее захотеть этого. Если такое желание у нее появится, то мне уже не о чем будет беспокоиться. У нее железная воля, когда она хочет ее на что-то направить. А сейчас я буду лишь стараться любить ее и надеяться, что произойдет нечто такое, что зажжет в ней искорку надежды.

— Не знаю, смогла бы я смириться с тем, что полностью утратила магическую силу. Я даже могла бы покончить с собой.

— Девятьсот девяносто девять человек из тысячи живут всю жизнь, не имея и миллионной доли твоей силы. И ничего.

— Только потому, что они совершенно не представляют, чего лишены. Никто ведь не скорбит об утрате того, чего у него никогда не было.

На это мне возразить было нечего.

И я не смогу в полной мере понять охватившую Госпожу апатию, потому что мне никогда не было дано ощущать жизнь так, как ощущала ее она — во всех ее мыслимых крайностях. Она же мой образ жизни представляла себе очень даже хорошо.

И это тоже могло усугублять ее отчаяние.

138. Таглинос. Утраченное дитя

Бубу было хуже, чем Госпоже, — она потерялась внутри себя. Ее охраняли настоящие часовые. Они сказали, что она лишь лежит, уставившись куда-то в бесконечность, с тех самых пор, как пришла в сознание. Но они ни разу не испытывали непреодолимое желание прислуживать или поклоняться ей.

Одним из часовых оказался шадарит, служивший под командованием Дремы еще во времена кьяулунских войн.

— О ней заботятся Сурувайя Сингх и ее дети, — сообщил он.

Я ощутил легкий укол совести. Вдова Икбала Сингха. Дрема его ценила. Но я и не подозревал, что его семья уцелела после сражений южнее Таглиноса. Я слишком сосредоточился на собственных переживаниях и позабыл о благополучии тех, кто зависит от Отряда.

Дщерь Ночи отмыли, причесали и переодели в чистое. Она сидела в кресле-качалке — весьма необычная вещь в этих краях. За пределами своего сознания она не замечала ничего. Из уголка ее рта стекала струйка слюны на красивое белое сари — лишь

чуть более светлое, чем ее кожа альбиноски. Кто-то подложил тряпочку в то место, куда попадала слюна.

Кстати, об альбиносах. Белая ворона ухитрилась примчаться сюда быстрее меня. Но нынче она велась очень осторожно, опасаясь меня рассердить.

Я подслушал в разных местах немало любопытного. И теперь подозревал, что могу во многом повлиять на ее будущее.

Шевитья оказал нам огромную помощь в обмен на обещание избавить его от бесконечного присмотра за Сияющей равниной. И я намеревался это обещание сдержать. Я стараюсь выполнять все данные Отрядом обещания. Именно выполнение обещаний отличает нас от людей, подобных Радише, предпочитающих обмануть, но не сдержать слова, когда это представляется им невыгодным.

Я дважды обошел вокруг Бубу. Она даже не заметила моего присутствия. Я опустился перед ней на колени. Зрачки ее распахнутых глаз превратились в точки. Я пошевелил перед ними пальцем. Никакой реакции.

Я отошел и задумался. Потом вывел Аркану в коридор, рассказал о том, что хочу попробовать сделать и как она может помочь.

Мы вернулись к Бубу и птице. Обе выглядели так, словно за все это время даже не шевельнулись.

Медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, мы с Арканой обошли Бубу справа и слева, остановились у нее за спиной и стали ждать.

Хладнокровие — черта, не свойственная молодости. Время от времени Аркана шевелилась и, услышав шорох собственной одежды, замирала, затаив дыхание.

Время шло. В конце концов я тоже потерял терпение и подал Аркане знак. Из всех сил стараясь двигаться бесшумно, она приблизилась к Бубу и опустилась на колени за ее левым плечом. Девушка не мог-

ла видеть Аркану, хотя ее лицо было совсем рядом с ухом Бубу — настолько близко, что та смогла бы ощутить тепло ее присутствия. Я занял такую же позицию слева. Мы застыли и простояли в такой позе так долго, что я едва не взвыл от боли в коленях. Мы старались даже не дышать на Бубу.

Наконец я кивнул.

— Соса, соса, — прошептала Аркана так тихо, что я ее поначалу даже не услышал. Насколько тихо, что даже если бы она нашептывала эти слова кому-то прямо в ухо, их вряд ли можно было разобрать.

Понятия не имею, откуда она взяла эти слова. Я подошел ближе, чтобы Бубу могла почувствовать и мое присутствие. И кивнул.

— Соса, соса. — Так же тихо, как прежде.

Кожа на шее Бубу слегка дернулась.

Я улыбнулся Аркане и подмигнул.

Уловка сработала.

— Соса, соса.

Девушка стала медленно поворачивать голову к Аркане — ребенок внутри нее не сумел сдержать любопытства.

Все это время Бубу не притворялась. Просто за глухую стену отчаяния, которой она отгородилась от мира, не могло пробраться нечто обыденное.

Я встал и отошел, чтобы девушка не смогла меня случайно заметить.

Аркана посмотрела на меня. «Как ты узнал, что до Бубу можно достучаться?» — говорил ее взгляд. Я пожал плечами. Наверное, просто интуиция. И убежденность в том, что ее любопытство можно разбудить, если раздражить его достаточно хитроумно.

Но что дальше? Как удержать ее внимание, не дать ей снова уйти в себя?

Вскоре Бубу уже прекрасно видела и слышала. Но не желала общаться и не отвечала на вопросы.

У нее не осталось воли к жизни. И я понимал, почему. В ее жизни всегда были лишь Кина и борьба за освобождение богини. И ничего иного, кроме стремления начать Год Черепов.

Вошла Сурувайя. Я не видел ее в те дни, когда они с мужем присоединились к Отряду. Возможно, тогда она была красавицей, но сомневаюсь. Сейчас красавицей ее не назвал бы никто. Да и дети ее не вызывали желания обнять их и погладить по головке. Но все они люди хорошие, хотя и невеселые.

— Ты смог ее пробудить! — воскликнула Сурувайя. — Как здорово.

— И теперь нужно, чтобы она не стала прежней. Есть идеи?

— Зачем?

Мы все повернулись к девушке.

— Что? — спросил я.

— Зачем вы влезли ко мне? Зачем освободили? Мне незачем жить. Потому что нет будущего. Теперь не будет ни спасения, ни воскрешения. И время чудесного возрождения никогда не настанет.

Она уже полностью пришла в себя, но осталась унылой и безрадостной. Я опустился перед ней на колени и взял ее за руку, чтобы крепче удерживать в реальном мире.

— Что это означает? То, что ты сейчас сказала.

Мой вопрос ее озадачил. И я еще несколько минут делал вид, что не понимаю, о чем она говорит. Я надеялся, что, дав ей возможность объяснить, я ее расшевелю.

Мне еще не доводилось встречать искренне верующего человека, который сумел бы устоять перед искушением поделиться своей конкретной и выстраданной истиной. И Бубу не стала исключением, хотя и взяла медленный старт.

Я не прерывал ее почти до самого конца. До этого момента она не упомянула ничего такого, чего я

уже не слышал прежде в той или иной версии. Но потом...

— Извини. Кажется, я что-то пропустил. Так ты сказала, что Год Черепов не станет концом мира?

Бхиджар, старший сын Сурувайи, принес еду и питье. Я попросил его подойти сперва к Бубу. Она жадно выпила кружку воды, потом сказала:

— Да, это *конец* мира. *Этого* мира, какой он *сейчас*. Это *очищение*. Время, когда все зло и *порок* будут сметены с лица земли и лишь души, имеющие *истинный* шанс на искупление, останутся в Колесе Жизни.

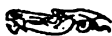
Я окончательно запутался. Потому что не понял. Я знал, что Обманники хотели ускорить наступление Года Черепов. Это как раз и было сутью их культа. Я знал, что большинство гуннитов желает противоположного, но верит, что Год Черепов неизбежен. Когда-нибудь. Потому что это одна из Эпох Творения, четвертая по счету, если считать от начала времен. Но сейчас я впервые услышал, что и после него ожидается нечто. И нечто явно положительное.

— Все зло умирает там бесконечной смертью, — пробормотал я. Потом спросил: — Так ты утверждаешь, что главной задачей Кины было избавить человечество от всяческой швали, чтобы хорошие и праведные люди смогли попасть в рай?

Раздраженная моей непонятливостью, она яростно затрясла головой и принялась объяснять сначала.

— Пусть приведут мою жену, — шепнул я Аркане.

Я вовсе не такой болван, каким прикинулся в тот вечер перед дочерью, но должен признать, что так и не понял всего, что она пыталась объяснить. Однако я уяснил — она искренне верила в то, что, уничтожив Кину, я лишил мир возможности перейти от нынешней эпохи греха и разврата к эпохе всеобщего блаженства.

Очевидно, предполагалось, что Кина вновь сожрет всех демонов, только на сей раз это будут демоны в человеческом облике, превратившие жизнь и историю в камеру пыток.

А затем Повелители Света займутся своим делом, предварительно придумав совершенно новую схему всемирного искупления грехов. Разумеется, при том условии, что они к тому времени еще где-то уцелют.

Бхиджар привел Госпожу. Увидев, что Бубу пришла в себя, она расплакалась.

Ошеломленный, я смотрел, как она заняла мое прежнее место, встав на колени перед Дщерью Ночи. И это моя жена? Это воплощение сопливой сентиментальности и есть та самая Госпожа, некогда одним своим именем нагонявшая ужас на целую империю?

Я не прислушивался к ее воркованию. Должен признать, что меня смутило ее поведение. Потому что я никогда не догадывался, что внутри у нее таится такой запас чувств. Оставаясь наедине со мной, Госпожа всегда примеряла на себя остатки своего прежнего образа... когда не удалялась во внутренний мир, где упивалась жалостью к себе.

Дщерь Ночи эта сцена откровенно изумила. Она явно не знала, как себя вести дальше.

Сурувайя тоже смутилась и торопливо вывела своих отпрысков из комнаты. Мальчики ушли быстро — они были не в силах выдержать лошадиные дозы сентиментальности. А Сурувайя, прежде чем закрыть дверь, взглянула на меня с сочувствием.

Я хотел сказать ей, что мне хочется пить, но не успел. В горле у меня пересохло, и я вышел следом за ней. Подходя к двери, я споткнулся. Впрочем, физическая неуклюжесть — чепуха. Мой настоящий недостаток — неуклюжесть умственная.

Выйдя в коридор, я окликнул уходящую Сурувайю:

— Принеси, пожалуйста, еще воды. Мы еще не напились.

Она понимающе кивнула. И снова смутилась, на сей раз потому, что оказалась наедине с мужчиной, который не был ее мужем. Я уже собрался сказать ей что-то бодренькое, но тут услышал крик Арканы. Она звала меня.

Секунда — и я ворвался в комнату.

В руках Бубу я увидел румель — шарф-удавку, которым пользовались душилы. И этот румель сейчас стягивал горло ее матери. В потемневших глазах Бубу маячил призрак Кины — он-то, очевидно, и придал сверхъестественную силу. Аркана безуспешно пыталась оторвать ее руки от румеля, а ведь эта блондиночка весьма сильна.

Мне не нужно было умереть, чтобы очутиться в аду. У меня имелась секунда — чтобы выбрать, от какой пытки я желаю страдать до конца своих дней.

Я вlepил Бубу пощечину. Она не разжала пальцы. Я ее ударил. Она покачнулась. Из носа у нее хлынула кровь, но желтый шарф она не выпустила. Я выхватил кинжал — он у меня всегда с собой, и я им обычно пользуюсь только когда ем — и ткнул ей в лицо под левым глазом.

Она и тогда не остановилась.

— Это месть Кины, Костоправ, — промолвила белая ворона.

Какой ад мне понравится больше?

Госпожа почти не дышала.

Я ударил девушку кинжалом в руку.

Из раны даже кровь почти не пошла.

Я ударил снова, целясь в локтевой сгиб.

Бесполезно.

Я попытался перерезать ей сухожилия на запястьях.

Все это время Аркана старалась оттащить ее, вцепившись сзади, оторвать ее пальцы от шелковой ткани или перерезать румель.

Я снова ударил ее — яростно, вложив в удар все свои силы. Голова Бубу дернулась, но румель она не выпустила. И тогда я утратил над собой контроль. Как говорится, «его глаза затуманила кровь».

Когда Аркане удалось меня остановить, я успел нанести родной дочери более двадцати ударов кинжалом. Но, несмотря на это, так ее и не убил. Однако ее пальцы, стискивавшие шарф-удавку, все-таки разжались.

Наверное, слишком поздно. Госпожа рухнула на пол, судорожно хватая воздух ртом. Она задыхалась. Я присел и попытался осмотреть ее горло. Похоже, у нее была повреждена гортань.

Но Аркана не потеряла головы. И позвала на помощь.

— Откуда у Бубу шарф-удавка? — спросил я. — У нее не было румеля, когда мы улетали на юг. — Ее раздели донага, вымыли и переодели. А уж потом поместили в эту комнату. Значит, румель ей кто-то принес. Тайный Обманник. — Нам нужно точно знать, кто входил к ней в комнату. — Мне очень не хотелось, чтобы виновной оказалась Сурувайя, хотя, если рассуждать логически, на нее подозрение падало прежде всего. Если позабыть о том, что она женщина. До сих пор лишь моя жена и дочь были единственными известными нам женщинами, допущенными в тайное братство.

Впрочем, сейчас было время великих перемен. А печаль и туповатость Сурувайи могли оказаться притворными.

Люди называли их Обманниками не зря.

139. Таглиос. Верховный главнокомандующий

Как выяснилось, злодеем оказался не Обманник. Он даже не знал, кто такие Обманники. То был Бхиджар, сын Сурувайи, которого Бубу приманила чара-

ми «люби меня», причем обрабатывала она мальчишку лишь тогда, когда рядом никого не было. Она отравила его к тайному члену братства душил, и тот передал ей шарф. Случилось это еще в то время, когда мы возвращались с равнины.

Мальчик получил лишь то наказание, которое Суврайя сочла для него подходящим. Однако Обманник, передавший румель, скоро отправился следом за своей богиней. В компании нескольких своих друзей. Жалости к душилам не будет до тех пор, пока последний из них не умрет.

Пока другие докапывались до истины, я хлопотал возле Госпожи и Бубу. И вскоре понял, что у меня не хватит умения, чтобы спасти кого-либо из них. Я вызвал лучших лекарей из Страны Неизвестных Теней. И все они до единого повторили то, чего я не хотел услышать.

Оставалась единственная надежда — магия. А единственным, кто владел необходимыми навыками, был Тобо. Аркана и Шукрат мало чем могли помочь. О целительстве они почти ничего не знали.

— Независимо от моих личных мотивов, парень — один из нас. И мы не можем бросить его в таглиосской тюрьме, — сказал я Суврину.

В характере Суврина оказалось слишком много от политика. Слишком много в том смысле, что ему было проще пожертвовать индивидуумом, лишь бы не причинять неудобств остальным. А сейчас он хотел избежать столкновения с Аридатой Сингхом.

— Тебе *нужно* прочесть Анналы, Капитан. И четко усвоить, что значит быть братом Черного Отряда.

— Может, и прочту. А до тех пор буду вести дела так, как сейчас.

Я не стал спорить. Иного ответа я и не ожидал. Выйдя от Суврина, я подошел к Шукрат и покачал головой. А она испытала сонные чары на человеке, которого Суврин ко мне приставил, чтобы я не посмел его послушаться. Чары сработали превосходно.

И мы с Шукрат отправились на поиски верховного главнокомандующего.

Аркана любезно согласилась прикрывать нас с воздуха.

Мы намеревались освободить Тобо.

У нашего плана имелся существенный недостаток — мы не знали, где держат Тобо.

Вот мы и отправились спросить об этом Аридату. Проявляя больше осторожности, чем Тобо, когда он вломился в штаб верховного главнокомандующего. Шукрат расчищала путь сонными чарами. Все началось настолько гладко, что я буквально заставил себя забыть о неверности фортуны и не ожидать ловушки.

Справиться с заснувшим Сингхом оказалось не легко. Во всяком случае, для старика и двух девушек. Тем не менее, мы усадили его на мою леталку быстрее, чем его исчезновение заметили, а затем вознеслись с ним к облакам, а потом и еще выше, к лунному свету.

Я попросил Шукрат разбудить его.

— Нам надо поговорить, Аридата. А тебе во время разговора дергаться не советую. Потому что до земли почти миля.

Сингх был не робкого десятка и быстро овладел собой:

— Что вам нужно?

— Тобо. Где он? Я спрашиваю, полагаясь на то, что тебе и теперь безразлична судьба Таглиоса. И ты представляешь, что останется от города после нового сражения.

Сингх промолчал.

— Ты неплохо справляешься, усевшись верхом на тигра, — продолжал я. — Но этот тигр получит шанс вырваться на волю, если мне придется сбросить твою задницу с такой высоты.

Предположив, что я, возможно, и не блефую, он задумался.

— Ты можешь начать новую войну.

— Это *ты* можешь.

— Он пытался меня убить.

— Такое не повторится, — пообещала Шукрат. — Я собираюсь серьезно поговорить с Тобо. И после нашего разговора он навсегда перестанет совершать глупости. — Она абсолютно в этом не сомневалась. И говорила таким тоном, что я понял: Тобо ждет сюрприз.

— Честно скажу: меня нисколько не волнует, начнется между нами новая война или нет. Не переживай, — сказал я. — Меня к этой жизни мало что привязывает. И я могу сжечь Таглиос дотла без малейшего сожаления. В отличие от некоторых, я не люблю этот город. Он не сделал ничего, чтобы добиться моей любви.

— Если он тебя убьет, оберегать Радишу будет некому, — добавила Аркана.

Радиша стала регентом наперекор традициям, потому что Аридата Сингх настоял. Твердо. А спорить с верховным главнокомандующим не желал никто. Даже в провинциях сопротивление новому порядку слабело — создавалось впечатление, что никому не хотелось ввязываться в драку из-за разных там традиций, когда во всем остальном дела шли настолько хорошо.

За благополучие Радиши Аркана не дала бы и ломаного гроша. Ей просто хотелось, чтобы Аридата остался в живых после этого маленького приключения.

— Просто скажи, где сейчас Тобо, — попросил я. — А мы с Шукрат его освободим. — Я очень медленно

и осторожно наклонил нос леталки к земле. Как раз в этот момент в облаках образовался просвет, и просочившийся в него лунный свет отразился от речной глади. Я давно знал, что Аридата боится высоты, когда ясно видит, какое расстояние отделяет его от земли. А страх высоты — это чувство, не подвластное контролю разума.

Мы высадили его на северном берегу реки. Аркана осталась с ним. Любопытно, хватит ли у нее храбрости намекнуть на свой интерес к красавцу Аридате?

140. Таглинос. Операция на мозге

Прежде чем Тобо сможет помочь мне с моими женщинами, мне и лучшим целителям и хирургам из числа Детей Смерти предстояло помочь ему и исцелить его разбитую голову. Таглиносские тюремщики и пальцем ради него не шевельнули. Тобо уже прошел две трети пути к одинокой могилке.

В Отряде и при нем больше не осталось ньюень бао. Горстка тех, кто добрался вместе с нами до Таглиноса, очень скоро смылась в свои родные болота.

Тобо требовалась искусная операция по извлечению из мозга более десятка острых осколков костей. Большую часть работы я выполнил сам, а то, чего я не смог сделать своей покалеченной рукой, сделали за меня мои коллеги-хирурги. Операция затянулась на двенадцать часов. И все это время при мне неотлучно находилась Шукрат. Иногда мне казалось, что через мое плечо заглядывает дух его покойной матери.

Я свалился через несколько секунд после окончания операции, полностью исчерпав все физические и душевные силы. Кто-то сжалился надо мной и уложил в постель.

141. Таглинос. Дела семейные

Наверное, был уже день. Стоял сезон дождей, и раскаты грома сотрясали старые казармы серых. Шум ливня пожирал почти все прочие звуки. Стало холодно. Когда дождь прекратится, жара вернется. А воздух станет таким влажным, что можно будет готовить овощи на пару.

Постепенно ветер усилился настолько, что стены казарм заходили ходуном. Посыпался град. Крупный. Скоро на улицах будет полно ребятишек, собирающих ледяной урожай. Некоторых наверняка ранит крупными градинами. Такое часто случается.

Вошла Шукрат. Вид у нее был не очень радостный. Следом шла Сурувайя с едой и питьем.

— Как дела? — спросил я. — Инфекция?

Шукрат на секунду замялась.

— О нет. У Тобо все в порядке. Недавно он даже пришел в себя на минуту.

Ясно. Я и без слов понял, в чем проблема.

Я вскочил так быстро, что едва не упал.

— Спокойно! — рявкнула Шукрат. — Спешка до добра не доведет. — И, желая меня успокоить, добавила: — Ты никому не сможешь помочь, если не возьмешь себя в руки.

Она была права. Старик вроде меня, да еще с такой профессией, за всю свою жизнь не раз имел возможность убедиться в справедливости этих слов. С ума может свести не только страх, но и сильное волнение. И, отдаваясь чувствам, мы совершаем глупости. А потом вынуждены расхлебывать эту кашу до конца дней своих.

Я несколько раз глубоко вздохнул и выпил холодной воды. А потом сказал себе, что меня не выбьют из колеи даже наихудшие известия, потому что всю жизнь я имел дело именно с такими.

— Веди, — велел я Шукрат.
Солдаты живут. А плохие известия — часть жизни.

У Госпожи и Бубу я застал Аркану и белую ворону. Мимо меня прошмыгнула Сурувайя и выскользнула за дверь, пробормотав на ходу слова благодарности за то, что я избавил ее сына от худших последствий совершенной им глупости.

Физически я тоже чувствовал себя паршиво. И, идя сюда, был вынужден опираться на трость.

Обе мои женщины неподвижно лежали на спине, и я не сразу понял, у кого из них наступил кризис. По полочке над кроватью Госпожи взад и вперед расхаживала ворона. Уставшая Аркана скорчилась на стуле возле моей дочери.

Сначала я подошел к жене.

Госпожа дышала. Еле-еле. И каждый судорожный вздох давался ей с огромным трудом. Я застонал.

— Я мог бы сделать ей надрез на горле, — пробормотал я. Такая операция могла бы спасти ей жизнь — но нанесла бы ощутимый ущерб ее женскому самолюбию. Ибо следы выглядят весьма непривлекательно.

Потом я повернулся к девушке — и почувствовал облегчение. И стыд, оттого что облегчение было очень большим.

Солдаты живут.

Бубу скончалась. Только что.

А я опоздал. И меня захлестнула мучительная боль утраты.

— Рядом с ней все время кто-то был, папуля, — сказала Аркана. — Просто ей не захотелось жить дальше. — Она заставила меня сесть на стул.

— О, это я понимаю, Жизнь потеряла для нее смысл. Ведь мы отняли у нее все, что хоть что-то для нее значило. Но пусть даже я знаю здесь, — я постучал

себя по голове, — что она хотела покинуть этот мир... Все равно это знание не помешает мне истекать кровью здесь, — я стукнул себя в грудь. Потом глубоко вздохнул и медленно выдохнул. — Найди Сурувайю, попроси ее вернуться.

Когда низенькая шадаритка вошла, я попросил ее:

— Купи как можно больше льда. Я хочу положить в него дочь.

Я прикоснулся к Бубу. Она была еще теплой.

— Зачем? — удивилась Шукрат. — Что ты собираешься делать?

— Отвезу ее в ледяную пещеру. — Нам в любом случае предстояло вернуться, чтобы провести Детей Смерти через равнину и сдержать данное Шевитье обещание. Так что лучше раньше, чем позже.

Белая ворона негромко каркнула, привлекая мое внимание.

— Она первая в моем сердце, — сообщил я вороне. — И если иного способа спасти ее нет, я положу ее там рядом с тобой.

Сурувайя вышла. Надеюсь, ей удастся купить лед. А если кто-либо посмеет помешать ей добыть деньги, то у меня появится искушение переломать кое-кому кости.

Я даже думать не стал, как на месте Капитана я бы отнесся к подчиненному в моем нынешнем состоянии. Есть Бессмертные Слова: «Так надо».

Вскоре принесли первую порцию льда — четверть тонны. Бубу выбрала для смерти идеальный момент и время года. Мы засыпали ее градинами, обмотали толстыми одеялами и накрепко их сшили. Летательный столб Госпожи, перенастроенный на подчинение Аркане, как раз выдержит такой вес.

Меня грыз червь сомнения. Мне не терпелось перевезти девушку под спасительные своды пещеры, пока природа не взяла свое. И в то же время мне не хотелось покидать Тобо и жену: а вдруг им станет хуже, а я не смогу помочь?

— Можешь на меня положиться — уж я сделаю все, чтобы Тобо поправился, — заверила меня Шукрат. — А как только он окрепнет, я заставлю его помочь Госпоже. Если ты к тому времени не вернешься. А теперь иди. И делай то, что надо сделать.

— Пойдем, папуля, — позвала Аркана. — Когда мы наберем высоту, лед станет таять медленнее.

— Да. Шукрат... если что-либо случится... Раздобудь побольше льда. И лети к нам. Может, Шевитья сумеет помочь.

Перед отлетом я зашел к Суврину и рассказал ему о своих планах, чтобы он знал, как следует поступить, если судьба распорядится так, что Костоправ уже никогда не вернется.

До безымянной крепости лететь долго даже при попутном ветре. А когда тебя грызет тревога за самого дорогого тебе попутчика, путь кажется бесконечным. От белой вороны толку не было никакого — если не считать ее аварийным запасом продовольствия. Аркана — дочурка исполнительная и помогает мне даже больше, чем я ее прошу, но она еще слишком молода. Почти все сказанное ею искренне кажется наивным и даже глупым. Впрочем, мне трудно вспомнить то время, когда и я был таким же молодым, азартно мчался по жизни и верил, что правда и справедливость обязательно восторжествуют.

Но свои мысли я держал при себе. После всего, что ей довелось пережить, Аркана вовсе не заслуживала, чтобы ее жизнерадостный оптимизм вступил в неравный бой с моим горьким цинизмом.

Возможно, ее юное легкомыслие служило своеобразной защитой. И оно еще поможет ей избежать преждевременных ударов судьбы. Я знал людей, подобных ей, — тех, кто живет лишь настоящим.

142. Сняющая равнина. Горькие десерты

Вскоре после того, как мы уложили Бубу в пещере древних, всего в нескольких ярдах от ее тетки, меня охватили ужасные мысли.

Прежде всего меня встревожило то, что глаза лежащей неподалеку Душелова словно следили за мной все время, пока мы вносили и укладывали девушку, а Аркана произносила заклинание стасиса. Это были глаза белой вороны.

Параноя проникает глубоко.

Душелов управляла птицей. И она прекрасно знала заклинания, необходимые для того, чтобы запереть кого-нибудь в ледяной пещере — или освободить пленника. Она могла освободить себя.

Когда эта мысль поразила меня, вороны поблизости не было. Иначе она поняла бы, что я догадался о такой возможности. Но я успел взять себя в руки.

Я долго стоял, залитый слабым, бледным и холодным светом, исходящим неизвестно откуда. Уставясь в никуда, ничего не замечая. Моя девочка. Как трудно поверить.

— Я никогда не знал тебя, дорогая. — По щеке скатилась слезинка. Я вспоминал всех безжалостных и суровых людей, с которыми свела меня жизнь, и гадал, что они подумали бы, если бы увидели меня сейчас. Слезливого старика.

Они могли позавидовать мне — ведь я сумел дожить до старости.

Откуда-то прилетела белая ворона и уселась мне на правое плечо, хлопая крыльями меня по лицу.

— Демон тебя побери! — Прежде она не позволяла себе таких вольностей.

Не знаю, долго ли я упивался жалостью к себе, пока меня не растормошила птица. Гораздо дольше, чем мне показалось. Птица вернула меня в мир суровых испытаний и жестокой боли.

— Аркана. Нам нужно возвращаться. Немедленно. — Пока мы доберемся до Таглиоса, моя разлука с Господой продлится уже больше недели.

Но ей предстояло продлиться еще дольше.

Аркана не откликнулась.

— Аркана?

Ее здесь не было.

И леталок не было тоже.

Эмоции — убийцы рассудка.

В тревоге за своих женщин я позабыл, что моя приемная дочь — одна из Ворошков, не обделенных мозгами. И она сама сказала, что будет дожидаться подходящего времени и момента.

Похоже, этот момент наступил и прошел. А в пещере остались только я и растрепанная белая птица.

Я не назвал бы ее совсем бессердечной. Да, она прихватила Ключ от врат, чтобы старик-инвалид не смог уйти с равнины, но не заставила его топать по лестнице до самого верха. Мне нужно было одолеть только часть пути. Мою леталку она оставила на ступенях выше входа в пещеру, обеспечив себе пару часов форы. Ровно столько, чтобы я не успел ее догнать.

Манна Шевити быстро надоедает, хотя, отведав ее, первые несколько часов чувствуешь себя превосходно. Жалость к себе и самоедство — горькие десерты. А старейший и дражайший враг в облике белой вороны — далеко не идеальный партнер в заточении.

Когда гнев растаял, а отчаяние утихло, я позаимствовал бумагу, перья и чернила из запасов Баладитая и принялся за обновление Анналов.

Время здесь не ощущается, поэтому не знаю, как долго я провозился. Наверное, на самом деле времени прошло меньше, чем мне показалось. Я уже начал

тревожиться, потому что никто так и не прилетел узнать, почему мы не вернулись. Я боялся и иного: не означает ли это, что прилететь некому. И скорей всего прилететь не смогут Тобо и Госпожа.

Но Шукрат-то здорова. Почему же она не прилетела?

Не имея иных собеседников, я поймал себя на том, что все чаще обращаюсь к вороне. И все чаще для того, чтобы одолеть копящееся отчаяние. Шевитья наблюдал за нами со своего огромного деревянного трона, явно развлекаясь моей озабоченностью. А меня тем временем развлекала Душелов.

Она знала, как выбраться из ледяной пещеры. У нее просто-напросто не было рук. А я не мог этому нарадоваться.

В своем заточении я спал уже пять или шесть раз, когда вернулись Нефы. Сначала в моих снах.

143. Безымянная крепость. Сны с демоном

Душелов не давала мне забыть, что она общается с демоном. И что все время, пока она остается внутри белой вороны, она фактически не более, чем инструмент Шевитьи. Эта информация не казалась мне достойной внимания или особенно важной до тех пор, пока меня не навестили Вашан, Вашен и Вашон.

Прежде я не был к ним особенно чувствительным. Я гораздо лучше знал их по описаниям, чем по личным впечатлениям. На сей раз мне стало ясно, почему это было именно так.

Их уродливость вторгалась в мои сны, но лишь как ощущение присутствия чего-то чуть более конкретного, чем Неизвестные Тени. Золотистое сияние жутких звериных масок, замеченное краем глаза, и краткие фрагменты звуков, с помощью которых они пытались что-то сообщить, — вот и все, что я вспоминал, просыпаясь, — потный, дрожащий и переполненный беспричинным ужасом.

Направленный на меня взгляд Шевитьи казался веселее, чем когда-либо.

Но вскоре я узнал, что его веселье имеет пределы.

Я дал ему обещание. Он мог заглянуть в мое сознание и убедиться, что я намерен его сдержать. Но он мог увидеть и то, что я собираюсь оттягивать выполнение обещания до тех пор, пока окончательно не устрою свою жизнь.

Он хранил терпение десять тысяч лет. Но сейчас его терпение неожиданно стало таять.

Сперва я осознал это во сне. В ту ночь, когда Нефы едва не пробились в мое сознание, мои сны внезапно наполнились присутствием чего-то огромного, проникшего в них с той же легкостью, с какой кит проплывает сквозь стаю дельфинов. Большого и невидимого, надвигающегося подобно тьме, но не зловещего. Просто чего-то необъятного и неторопливого.

Я знал, что это, и догадался, что оно пытается установить мысленный контакт, как и с теми, кто был до меня. Но мой разум окружала прочная оболочка. И мысли проникали сквозь нее с трудом.

Хорошо, что со мной уже нет Гоблина и Одноглазого. Они потешались бы надо мной несколько часов.

Однако прошло несколько ночей, и мое сознание превратилось в сито. А мы с Шевитьей принялись болтать, как два старых приятеля за партией в тонк. Белая ворона оказалась не у дел, потому что услуги переводчика мне больше не требовались. Наверное, демон мог установить контакт с кем угодно, пустив в ход грубую ментальную силу.

Я учился у голема, как до меня учился Баладитай. Я узнавал все больше и больше, проникая внутрь сознания демона, где прошлое почти неотличимо от настоящего. Где хранились чудесные живые картины истории равнины и миров, которые она соединяет, — с теми подробностями и деталями, которые Шевитья

пожелал в свое время запомнить. Я многое узнал о Черном Отряде. Демон избрал Отряд орудием своего избавления очень давно, задолго до того, как Кина решила сделать Госпожу своим орудием в лагере врага и сосудом, которому предстояло породить Дщерь Ночи — орудие ее собственного освобождения. Задолго до того, как любой из нас хотя бы задумался о препятствиях, ожидающих нас на пути в Хатовар. Но выбор Шевитьи оказался удачнее, чем у Кины. Богиня не смогла достаточно хорошо изучить характер Госпожи. А та была слишком упряма и эгоистична, чтобы долго служить чьим-то орудием.

Нас осталось всего семеро, когда у меня возникло непреодолимое желание проследить и повторить старые маршруты Отряда. А теперь из тех семи остался лишь я.

Солдаты живут.

Черный Отряд теперь в руках Суврина. Такой, какой он есть. Сейчас, по сведениям Шевитьи, он движется на юг, утолив жажду мести, и намерен пересечь равнину, чтобы попасть в Страну Неизвестных Теней. Лишь малочисленные таглиосцы, деджагорцы и сангельцы будут тосковать там по нашему миру. Отряд станет новым явлением в новом мире. А пухленький Суврин — его творцом.

В Черном Отряде никогда не было долгожителей, и никто не успевал увидеть, какие огромные перемены навязывает время отряду, твердо намеренному не расставаться со своим прошлым.

Когда мои мысли начинали бродить по этим унылым болотистым равнинам, Шевитья наполнял мою голову волнами веселья. Потому что все эти перемены были ничтожно малыми по сравнению с тем, что видел он за свое время. А видел он, как приходили и уходили империи, цивилизации, целые расы и народы. Он помнил самих богов, уродливых строителей равнины и всех могущественных существ, которые

приходили на равнину и перестраивали его владения, а затем вновь уходили в небытие. Он даже помнил времена, когда был в безымянной крепости не один, когда его преданность долгу заставила товарищей Шевитья прибить его к трону, чтобы он не помещал им дезертировать.

И еще я наконец-то начал понимать, что происходило с Мургенем давным-давно, когда ему становилось так трудно цепляться за свое место во времени. Тут сыграли роль и безумие Мургена, и вмешательство Душелова — это происходило в те дни, когда Душелов обнаружила способ пробраться на равнину, — и Мурген понятия не имел о том, что происходит, но за всем этим стоял Шевитья, тщательно прокладывающий себе путь к освобождению. Голем, разумеется, воспринимает время совсем не так, как мы. Если мы не требуем его внимания здесь, в настоящем, то он перемещается в любое желаемое место и время, скорее заново переживая события, чем вспоминая их.

Боги, как я ему завидовал! Он *знал* историю целых шестнадцати миров. И он мог не просто ее изучать и интерпретировать, но и *жить* в ней — если были желание и настроение.

У меня имелся вопрос. Причем вопрос чрезвычайной важности — если я соберусь освободить демона. И его ответ должен меня удовлетворить, если он желает, чтобы я выполнил условия нашего соглашения.

Что случится с равниной, когда Шевитья перестанет ею управлять?

144. Безымянная крепость. Рассказ Арканы

Шевитья никогда не обладал могуществом Кины, зато мыслил чертовски быстрее. У спящей богини ушли годы, чтобы нанести удар внешнему миру и породить истеричную паранойю по отношению к Черному Отряду. Шевитья же на его планы потребовались всего недели. Он справился бы и быстрее, если

бы не наткнулся на того, чей разум был окружен еще более толстым барьером, — Шукрат.

С Тобо демон решил не связываться. Прежде Тобо был его хорошим приятелем, но его недавнее поведение намекало на потенциально опасные недостатки характера.

Через некоторое время до Шукрат наконец-то дошло, что причина затянувшегося отсутствия Арканы и ее любимого приемного папочки — какая-то проблема. Однако, даже начав волноваться, она не хотела покидать Тобо. Среди Детей Смерти он был гораздо менее популярен, чем среди Неизвестных Теней. И люди из Хсиена могли не приложить все усилия для того, чтобы Тобо выжил.

Выздоровление Тобо затягивалось. И этому отнюдь не помогало то, что армия выступила в поход.

Шевитя мог показать мне, как Отряд продвигается на юг. И он это делал регулярно. Но я не хотел смотреть на Госпожу. Моя жена находилась в еще более тяжелом состоянии, чем Тобо. Я ничем не мог ей помочь, и это нагоняло на меня такую тоску, что я предпочитал не находиться там, где меня настигала боль. Иногда неведение — наилучший способ страдать. В тех случаях, когда ничего нельзя исправить.

И еще я тревожился за Аркану.

Юная блондиночка сбежала в соответствии со своей же доктриной. Домой, в мир Ворошков. И, чтобы войти в него, воспользовалась Ключом, с помощью которого мы попали на равнину. А некогда разрушенные ворота в мир Ворошков ныне практически полностью восстановились, потому что этого пожелал Шевитя.

В родном мире Арканы война с Тенями все еще продолжалась, но нерегулярно. Тени понесли огромный урон, уцелела лишь каждая десятая. Ворошки пострадали столь же сильно, а их мир был практически уничтожен. Лишь один из сотни крестьян

пережил нашествие Теней. Их армия оказалась настолько велика, что нынче на равнине отыскать Тень почти невозможно.

Тени убивают. Они предпочитают людей, но накидываются и на все живое. Даже на мокриц и слизней, живущих под камнями. У людей хватает ума придумать способы, как пережить ночь. А прочая живность этого не умеет.

Немногие уцелевшие в мире Ворошков голодали. Они потеряли так много рабочего скота, что не могли пахать и сеять. Мясной скот полег практически весь — его съели или Тени, или сами Ворошки. Клан Ворошков не собирался страдать наравне со всяческим быдлом.

Аркана прилетела туда, увидела все своими глазами и приняла окончательное решение. Это не то, чего она хотела. Но она слишком промедлила с возвращением.

Ее заметили и быстро поймали уцелевшие родственники. Отняли леталку и балахон. И она стала пленницей своих родичей, которые немедленно принялись строить планы использования ее в качестве родильной машины.

После катастрофы с воротами у Ворошков осталось очень мало женщин детородного возраста.

И Аркану избрали на роль царицы-матки нового роя Ворошков.

Чтобы выжить, ей пришлось подчиниться. Она еще дождется удобного момента для бегства. Дяди отобрали у нее Ключ от врат, но они не знали, что это такое. А она не сказала. Они были из тех, кто без колебаний бросил бы опустошенный по их же вине мир и отправился на поиски нового. Завоевать другой мир куда проще, чем восстановить свой.

Хорошо, что поврежденные ворота могут самовосстанавливаться по воле Шевитьи, однако это может означать и то, что неисправные ворота остались та-

ковыми из-за его нежелания с ними возиться. А ведь Тобо и Суврин, обследовав равнину, сообщили, что все прочие врата в той или иной степени повреждены.

Нынче Шевитья не расположен встречать гостей.

— У меня еще осталось несколько незавершенных дел, — сообщил я ему. Поскольку мой разум давно перестал быть для него тайной, он это уже знал. А немного терпения у него еще осталось.

Он весьма терпеливый сообщник, этот старый дьявол.

145. Сняющая равнина. И тут прилетела Шукрат

Шукрат прилетела, когда я спал, и спустилась в крепость через дыру в крыше. К этому времени я уже настолько был связан с Шевитьей, что знал: она явилась сюда, никого не уведомив. Тут же заявила моя подружка белая ворона и сделала за Шукрат черное дело — разбудила меня. Я сел, вознаградив птицу парочкой грубых фраз.

— Просто стараюсь помогать. Ведь мне сейчас по твоей милости почти нечем заняться.

— Забавно, как пребывание в тюрьме сокращает возможности, верно? Все идет своим чередом, и ничто не меняется. Но мы и сейчас можем остаться друзьями, согласна? Привет, красавица дочурка. Наконец-то я тебя дождался.

Шукрат выглядела усталой, но готовой действовать.

— Так что случилось, папуля? Где Аркана?

— Аркана съехала с катушек, сбежала домой и теперь по колено в дерьме. — Я рассказал ей все подробно.

— Однако!.. — отреагировала Шукрат.

— Послушай, ведь и ты сможешь стать самой популярной девушкой в городе, если дашь им такой шанс.

— Попробовать они могут. Да только потом сильно пожалеют. Я ведь с Тобо не только в игрушки играла — кое-чему научилась. Но откуда ты все это знаешь, раз она украла у тебя Ключ? Ты ведь не мог слетать на разведку.

— А мы с Шевитьей стали знакомиться. А чем тут еще заниматься, дожидаясь, пока твоя заторможенная дочка задумается, уж не случилось ли чего с ее папулей?

— Вижу, ты еще и много написал.

— У меня осталось мало времени, дочка, — открыл я секрет, которым никогда не делился даже с женой. — Мне так долго и так часто везло, что по закону вероятности моя удача может в любой момент иссякнуть. И осталось лишь одно-единственное дело, ради которого я готов рискнуть. Поэтому я хочу привести все свои дела в порядок, пока что-нибудь не случилось. Я хочу уйти, зная, что сделал все, что Отряд мог у меня попросить, и даже немного больше. — Предчувствие того, что времени у меня осталось совсем немного, все больше не давало мне покоя с тех пор, как мы вернулись из Страны Неизвестных Теней. А когда я очутился в безымянной крепости, оно превратилось в навязчивую идею.

Пока мы разговаривали, Шукрат деловито разгружала свою леталку. Сбросив большой дерюжный мешок, внутри которого что-то застучало, она сказала:

— Дай мне сперва немного отдохнуть, а потом полетим спасать Грязную Задницу. И вовсе не потому, что меня так уж волнует, что они с ней сделали, — сам понимаешь. А чтобы сделать приятное папуле.

— Понимаю. И ценю. Как знать, может, и она когда-нибудь выручит тебя.

— О да, я бы не отказалась.

— Что в мешке?

Сперва ей не хотелось отвечать, но потом она поняла, что молчать нет смысла:

— Раковины улиток. Тобо не хотел, чтобы я летела без защиты. Он за меня волнуется.

— Как он?

— Когда лучше, когда хуже. Но чаще хуже. И в смысле физического здоровья, и в смысле душевного. Это меня пугает. Никто не может сказать, выживет ли он. А если выживет, то сохранит ли здравый рассудок. Боюсь, все это теперь зависит от его матери.

— Что? Сари вернулась?

— Нет. Она точно мертва. Но ее дух, а заодно духи ее матери и бабушки, следуют за Тобо по пятам. Едва его одолевает лихорадка, они тут как тут. Он говорит, что они с ним разговаривают и все время его упрекают. А ему это не нравится. Но я считаю, что ему давно пора к ним прислушаться. Потому что жар и лихорадка начинаются у него всякий раз, когда он делает нечто такое, что его матери не понравилось бы, будь она жива. Даже если это какая-нибудь мелочь — например, забыл почистить зубы.

— Ты и правда веришь, что его преследуют эти женщины?

— Неважно, верю ли я, папуля. Главное, что *он* в это верит. Даже когда у него проходит жар и с головой все в порядке, он упорно твердит, что мать твердо решила оставаться рядом с ним до тех пор, пока он не перестанет нуждаться в ее опеке. Тогда она обретет свободу и воссоединится с Мургенем. А Тобо просто бесит, когда ему заявляют, что он еще сопливый мальчишка, а его дурное поведение не дает матери отдохнуть. А Сари, очевидно, тоже раздражает его незрелость, потому что ей надоело торчать здесь и нянчиться со взрослым оболтусом.

— И почему мне кажется, что ты недоговариваешь?

— Потому что ты прав. Есть кое-что еще. Тобо думает, что у этих женщин может кончиться терпение. И он боится, что они утащат его с собой.

— То есть убьют?

— Нет! Она же его мать, папуля. Не убьют, а возьмут с собой. Извлекут из тела. Так, как по их словам, покидал свое тело Мурген. С той лишь разницей, что они не позволят ему вернуться. И если такое произойдет, то его тело через какое-то время умрет. А прежде чем сказать, что Сари не даст родному сыну умереть, вспомни, что этот дух — уже не та Сари, которую ты знал. Эта Сари уже побывала на той стороне, среди духов, которые там уже очень давно. И как минимум один из этих духов предвидел различные варианты будущего Тобо еще до того, как Мурген и Сари встретились.

У меня создалось впечатление, что Шукрат поверила во все это не меньше, чем Тобо.

— Хорошо. Отдыхай, малышка. А я пока придумаю для нас план.

Взгляните-ка на меня. Крутой мужик. Старее грязи, хромой, один глаз почти не видит, одна рука короче другой, умеет читать и писать, но, несмотря на все это, — крутой мужик.

146. Мир Ворошков. Крепость Рукнавр

За вратами в мир Ворошков наблюдали с той стороны. Дяди Шукрат надеялись, что она тоже отыщет дорогу домой, и им не терпелось заполучить еще одну производительницу.

Мы не особенно таились от наблюдателей. Но к вратам мы прилетели ночью. Чтобы отвлечь часовых, Шукрат выпустила через врата нескольких своих весьма необычных спутников.

Тобо не смухлевал, когда дал ей в помощники своих невидимых друзей. Мне он в свое время подсунул парочку якобы ворон, которые постоянно где-то шлялись. Я их месяцами не видел. Зато ей он подарил несколько самых крупных и умных Теней, готовых ее защищать и делать все, что она им скажет.

Черные Гончие принялись наводить страх на двух дозорных, не позволяя им добраться до леталок. А мы тем временем прошли через врата и тоже приняли участие в этом веселье. Неизвестные Тени здорово перепугали Ворошков, но Шукрат все же сумела их усыпить.

И очень скоро мы поняли причину.

— Да они же совсем дети! — воскликнул я, раздевая одного из них. — Этому от силы лет одиннадцать-двенадцать.

Тот, которого раздела Шукрат, оказался еще младше.

— Эти двое — самые младшие из семьи Тологев. Да, хреновые у них тут дела, раз папаша послал их сюда одних, когда вокруг все еще рыскают Тени.

А я подумал, что это нам лишь на руку. Чем реже мы будем встречать Ворошков, тем лучше.

Мальчишек мы оставили у врат, подняв на деревья и привязав для их же безопасности. Леталки и балахоны мы у них конфисковали.

Летели мы долго, потому что не рисковали показываться днем. По дороге Шукрат показала мне руины Хатовара. Исследовать их у меня желания не возникло — некогда. Во мне уже начинались изменения. Но я велел им подождать, пока не освобожу Аркану.

Белая ворона издевалась надо мной и обвиняла в том, что я изменял Госпоже. Она отказывалась верить, что я этого не делал. Я уже давно перестал с ней спорить. Она все еще злилась, потому что не сумела отбить меня у сестры.

Аркану держали в небольшой крепости, которую Ворошки называли Рукнавр. Держась над самой землей, мы подлетели к ней примерно на милю и стали дожидаться полуночи, дрейфуя высоко среди крон деревьев, которые были уже старыми еще во времена падения Хатовара. Под вечер мы выставили десяток

ловушек для Теней, которые Шукрат смастерила, воспользовавшись инструкциями Шевитьи. Впрочем, когда она выпустила Неизвестные Тени, нужда в ловушках отпала.

По моей просьбе Шукрат поговорила с Неизвестными Тенями и еще раз убедилась, что они ясно поняли — нам предстоит столкнуться с людьми, имеющими богатый опыт борьбы с обитателями тьмы. Преимущество наших Теней перед Тенями-убийцами состоит в том, что они не просто сгустки голода и ненависти. Неизвестные Тени хитры, коварны, проворны и способны думать. Хотя, к сожалению, с трудом понимают идею совместных действий.

— Как думаешь, не лучше ли нам отправиться туда днем, когда все будут отдыхать? — спросил я Шукрат.

— Не так уж они и бдительны. Здесь давно уже не было инцидентов с тенями.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Я теперь настолько близко, что могу ощутить их чувства. — Вероятно, это означает, что она уже успела пошептаться с Неизвестными Тенями.

— Гм-м... А они не смогут ощутить, что ты рядом?

— Нет. Потому что я одна. И одета. И потому что они не задавались такой целью — найти меня.

— Понятно. — Если наши невидимые помощники тут ни при чем, то здесь, наверное, нечто похожее на то, как я научился общаться с Шевитьей. — Птичка. Обрати внимание. — Я решил пустить в ход все ресурсы. А белая ворона была ценным ресурсом. — Так где моя другая дочурка, Шукрат? Опиши как можно точнее, потому что моей пернатой подружке нужно знать, как туда пробраться и предупредить ее, что мы идем, а ей нужно подготовиться.

Ворона каркнула так отчаянно, словно увидела забравшуюся в ее гнездо змею. И стала протестовать на-

столько энергично, что ночная живность вокруг нас испуганно затихла.

— Хорошо, что здесь никто не понимает таглиоский. Ты что тут раскаркалась? Вспомни, сколько раз ты уже пробиравалась туда, где тебя не ждали.

Ворона все бормотала что-то в том смысле, что тогда все было иначе. Разница в основном заключалась в том, кто кем командовал. Однако она понимала, что я теперь очень тесно связан с Шевитьей, а от голема в значительной степени зависит, выйдет ли она когда-нибудь из пещеры древних. И выйдет ли вообще. Поэтому, навозмущавшись, она наконец сообщила, что готова действовать.

Я попросил Шукрат как можно точнее описать крепость Рукнавр изнутри. Справилась она не очень хорошо, потому что не была там уже лет десять. Так что вороне придется искать Аркану самой. Шукрат не сумела ее обнаружить.

— Просто скажи, что мы идем, и пусть она приготовится, — проинструктировал я ворону. — И еще пусть она, если сумеет, усыпит всех, кого сможет.

Ворона улетела. Мы ждали. Я смотрел на небо и думал, что здесь оно выглядит еще более странно, чем в Стране Неизвестных Теней. Очевидно, тут не было большой луны. Во всяком случае, я не увидел ее ни сегодня, ни во все прошлые ночи. Зато по небу носились десятки мелких лун — самая большая из них была раз в пять меньше привычной мне луны. Все они весьма деловито то восходили, то опускались за горизонт. Когда я спросил про них Шукрат, она принялась рассказывать об уникальной разновидности местной астрологии, учитывающей перемещения всех этих лун. Но даже после многолетних наблюдений луны до сих пор подбрасывают астрологам сюрпризы.

— Однажды, когда я была еще маленькой, две луны столкнулись. С тех пор орбиты всех прочих лун тоже

изменились. А с неба несколько лет дождем падали обломки тех лун. Всего в сотне миль отсюда упал довольно приличный кусок. Я тогда была в Джанкледесаге — это еще миль восемьдесят в ту сторону, — но даже там царил сущий кошмар. Земля тряслась, а грохот стоял такой, точно наступил конец света. В небе всю ночь полыхал огонь. Очень напоминало взрыв рейтгейстидена, только в миллион раз сильнее. В земле образовалась огромная яма. Теперь там нечто вроде озера.

Из темноты вынырнула белая ворона:

— Все готово.

— Дело оказалось проще, чем ты ожидала, а?

Птица что-то угрюмо буркнула.

— Веди нас, о бесстрашный пернатый разведчик!

Дальше все прошло весьма прозаично. Самих Ворошков в Рукнавре жило всего трое или четверо. Сам удивляюсь, как я такое не предвидел, но они повели себя чисто по-человечески и скрыли от остальных известие о возвращении Арканы. Лишь бы сохранить скромное преимущество, которое давал им контроль над ценной родильной машиной.

Мы оставили свои леталки снаружи возле незастекленного окна в конце коридора. В здании было слишком тесно, чтобы летать. Ворона провела нас к комнате Арканы. Решеток мы не увидели, зато в коридоре на стуле возле ее двери сгорбился спящий охранник — не Ворошк. Тут предпочитали делать вид, будто Аркана не пленница, а гостя.

Едва мы вошли, девушка повисла у меня на шее:

— Я знала, что ты придешь!

— Точно знала?

— Ну, надеялась. Ты не обиделся? Извини. Я повела себя как дура. Я лишь хотела... я должна была... Спасибо. Спасибо. Спасибо.

— Может, поговорим потом, когда выберемся? Я для чего посылал к тебе птицу? Чтобы ты приготовилась. — Обиженная ворона вылетела в единственное здесь окошко.

Аркана торопливо собрала разные мелочи. Их оказалось немного.

— Вот только я не знаю, где мои рейтгейстиден и шефсепокен.

— Мы прихватили для тебя запасные. Пошли.

Все шло хорошо, пока мы не приготовились по очереди вылететь в окно. И тут в коридор вышла девочка, протирая заспанные глаза. Наверное, ее разбудил какой-то шум. Она секунду пялилась на нас, потом обмякла — кто-то из моих девочек напустил на нее сонные чары.

Пока ничего не произошло. Но через некоторое время девочка проснется и все расскажет — если только не страдает дунатизмом.

Когда мы уже летели на юг, я спросил Аркану:

— Ты беременна?

Она не обиделась.

— Нет. Они еще не успели договориться, кто станет первым. Однако стоило моему настроению измениться, как кто-нибудь обязательно лез к мне в комнату. Словно воображали, что они такие неотразимые. Я им наставила столько фингалов, что даже до Громовола в конце концов дошло бы, что ему ничего не светит, — но эти ребята были настоящими оптимистами.

Она успела пообщаться с порядочными людьми и научилась давать отпор парням, полагавшим, что девушкам следует быть легкой добычей.

— Наверное, нужно будет поблагодарить какого-нибудь бога за эту небольшую услугу.

— Можешь поблагодарить Аркану за то, что она преподала им урок.

— Моя школа, цветочек ты мой.

Вскоре после рассвета Шукрат заметила далеко позади семь или восемь черных точек, ползущих по небу.

— За нами погоня, папуля.

Я обернулся.

— Если поднимемся чуть выше, то сможем сохранить разрыв до самых врат.

Девочки согласились.

— В Рукнавре не было столько членов семьи, — добавила Аркана. — Наверное, они вызвали подмогу из Джанкледесага или Драсиврада. От всей семьи осталось в живых человек пятнадцать-шестнадцать.

— Хочу на всякий случай спросить. Если они станут нас догонять, кто-нибудь из вас будет возражать, если кто-то из них пострадает?

Аркана взглянула на меня с досадой. Мы летели уже несколько часов, но она так и не успела полностью облачиться в черный балахон, отобранный у мальчика возле врат. Трудно одеваться сидя на леталке да при бреющем полете, когда огибаешь верхушки деревьев, чтобы тебя не заметили. Не говоря уже о том, что сперва ей предстояло убедить одежду, что теперь она принадлежит ей, а не тому мальчику.

— И как ты собираешься это проделать, папуля? — спросила она с недоверием. И весьма обоснованным.

— Так же, как с Киной. Но вам придется назвать мне их имена. — У меня была при себе книжечка Первого Отца. Я уже достаточно овладел языком Ворошков и мог произнести коды, взрывающие леталку любого их тех, кто гнался за нами. Если только буду знать, кого именно превращу в облако пыли.

— Не делай этого. Если можно.

Я помедлил с ответом.

— Если ты смогла их простить, то смогу и я.

— Они ведь не успели сделать со мной ничего плохого.

Они бы еще сделали, но я не стал развивать эту мысль. Обе девочки были слишком великодушны, и вряд ли это пойдет им на пользу. Те, кто летел за нами, сделали бы с ними немало мерзкого, окажись у них такая возможность. Я таких типов знаю. Сам когда-то был таким.

И все же, когда девочки не видели, я не отказал себе в удовольствии — раскрыл книжечку и произнес коды, взрывающие леталку Арканы. Мы находились уже слишком далеко от Рукнавра, и я не знал, чем все это кончилось. Теперь надеюсь, что у меня ничего не вышло. Потому что уже потом запоздало вспомнил про ту девочку в коридоре.

Некоторое время она будет терзать мою совесть.

Погоня оказалась ближе, чем мне хотелось бы. Это выяснилось, когда мы проходили через ворота. Мне пришлось понервничать: Ключ не желал срабатывать. Наверное, я слишком торопился.

— И что теперь? — спросила Шукрат, когда разгневанные мужчины и голые мальчики могли лишь осыпать нас проклятиями с той стороны барьера.

— Вам, пожалуй, лучше вернуться к армии. Я останусь здесь. На равнине. С Шевитьей. Есть работа, которую я должен сделать. И обещание, которое должен сдержать.

Мы молчали, пока не подлетели к безымянной крепости. И тогда Шукрат спросила:

— А как же Госпожа?

— Если ее здоровье позволяет, можете привезти ее ко мне. Помогу ей как смогу. А если нет, то оставьте ее в покое. Ее главная проблема в том, что она сама должна исцелить себя.

Девочки взглянули на меня так, точно я превратился в вонючего монстра, напавшего на ферму и раздирающего горлышки беззащитным кроликам.

— Послушайте, я люблю свою жену. Очень люблю, просто не могу вам как следует объяснить. Но факт в

том, что ничем, кроме любви, я ей помочь не могу. Она безумна. По любым стандартам, кроме ее собственного. И изменить это не в моих силах. Если бы вы почитали *Анналы*, то сами бы это поняли.

— Ты никогда не сдаешься, да? — фыркнула Аркана.

На сей раз она застала меня врасплох.

— Вообще-то нет. Но сейчас я думал не о том, как найти себе на смену другого летописца. А пытался объяснить свое отношение к жене.

Но знаю ли я сам, как отношусь к ней? Даже через столько лет. И — что, наверное, еще важнее — знает ли это *она*?

Однако чем ближе мы подлетали к безымянной крепости, тем все менее важным мне это казалось.

147. Безымянная крепость. Я откладываю перо

Я стоял перед демоном Шевитьей, омываемый его мягким нетерпением. Мне самому не терпелось. Но меня все еще удерживала мирская суета.

Эта часть гуннитской философии солидно обоснована. Прежде чем человек сможет подняться хотя бы на нижний из возможных уровней духовной сосредоточенности, ему необходимо научиться полностью отрешаться от мирских страстей. От *всех*. Немедленно. Несмотря ни на что. Иначе всегда отыщется хотя бы одно более важное дело, которое абсолютно необходимо завершить, прежде чем двинуться вперед.

Для меня таким последним делом стала Госпожа. Моя жена. Она продолжала балансировать на краю бездны, не соскальзывая в нее. Мне уже стало ясно, что теперь для нее недостающим лекарством станет желание продолжать борьбу за себя. И белая ворона со мной согласилась.

— Позволь мне с ней поработать, — попросила птица. — Десять минут — и я ее так разозлю, что она

горы начнет плавить, лишь бы поймать меня и отшлепать.

— Не сомневаюсь. Но мне нравится все как есть. Кроме одного — насколько это затянулось.

Похоже, поход на юг займет у Суврина целую вечность. Хотя сейчас он движется гораздо быстрее, чем мы двигались на север. Теперь никто не пытается его остановить.

Я убивал время, путешествуя по бескрайним просторам воспоминаний Шевити — но избегая всего, что относилось к Хатовару. Это десерт, который я намерен приберечь до тех пор, когда меня ничто не будет отвлекать. Хатовар станет особым лакомством тогда, когда я смогу насладиться каждым нюансом его вкуса.

Через некоторое время я уступил неизбежному и послал девочек за Госпожой. Как знать, а вдруг мой большой приятель на деревянном троне сумеет дать мне парочку советов. И я дам ей такого пинка, что она наконец придет в себя.

Не успели девочки вылететь через дыру в крыше, как объявились Нефы. Злые и готовые лезть в драку. Я не мог с ними общаться, поэтому и мое настроение вскоре стало таким же мрачным. И я отправился искать копьё Одноглазого. Уж если оно прикончило богиню, то сможет сбить спесь и с трех навязчивых и занудных призраков.

Но Шевитя меня остановил. Он мог с ними общаться и пообещал, что сумеет их успокоить, объяснив, чем мы тут занимаемся. Его освобождение не погубит Нефов. Более того, они вступят в новую фазу своего существования. И получат работу, обслуживая Сияющую равнину. А там уже накопились десятки проблем, требующих особого внимания. Прибрать, расчистить и так далее.

Теперь нас с Шевитьей соединяла настолько тесная связь, что я мог мысленно увидеть равнину его глазами, стоило только пожелать. А если приложить чуть больше усилий, то и весь мир. Некоторое время я наблюдал, как девочки мчатся на север, время от времени по очереди развлекаясь воздушными пируэтами.

Я поспал несколько часов. Или неделю. Проснувшись, я взял лампу и подошел к трону. Покалеченной рукой я придерживал копьё Одноглазого. Какое-то время мы с Шевитьей смотрели друг на друга.

— Пора? — спросил я. И добавил: — Как думаешь, мы сейчас готовы справиться без кинжалов? Да? Тогда последнее маленькое дело. Мне надо написать записку девочкам.

Записка обернулась письмом. Поверь на слово летописцу... Разве он сможет остановиться?

Очень четкая мысль. *Ты уже закончил? И уверен, что других дел у тебя не осталось?*

— Пора.

Из темноты выплыли Нефы, мои подружки на этой свадьбе. Сейчас они казались гораздо более материальными, чем когда-либо. И теперь я им очень нравился.

Я отложил перо.

148. Сияющий камень. И Дочери Времени

Огоньки мы заметили издалека. Что это? На равнине не бывает огней. Мы поднялись на тысячу футов. Но к тому времени все огни погасли. Остался лишь свет, струящийся сквозь дыру в куполе над тронным залом демона. Пока мы подлетали, угас и он.

Потом мы были слишком заняты, опуская Госпожу и Тобо через отверстие в куполе, и все прочее вылетело у нас из головы. С рейтгейстиденом труд-

но управляться, если тот, кто на нем сидит, не помогает.

Спустившись, мы увидели лишь одинокую масляную лампу, горящую на столе того старика — ученого из Таглиоса. Костоправ оставил записку. И вот ведь сообразительный старикан — написал он ее на нашем языке. Не очень хорошо, но понять мы смогли все.

Пожалуй, у него и в самом деле имелась способность к языкам, о чем он частенько твердил.

Аркана взяла лампу и зажгла парочку факелов. И мы отправились на поиски Костоправа.

— Знаешь, — сказала она, — он нас всегда дразнил, но очень скоро я стала относиться к нему так, словно он мой отец. — Мы никогда с ней не разговаривали о наших настоящих отцах. Иначе поссорились бы.

— Да. Он оберегал тебя. Может, даже больше, чем ты знаешь.

— И тебя.

Мы нашли Костоправа сидящим возле деревянного трона.

— Эй! Он еще дышит.

— По-моему... Черт, смотри! А кинжалов-то в демоне нет. — Они валялись разбросанные по полу.

И тут глаза демона открылись, глаза Костоправа тоже, а вид у обоих был весьма смущенный, и только тогда до меня по-настоящему дошло, о чем написал нам Костоправ. Это не было какое-то запутанное религиозное прощальное послание, он просто не смог подобрать правильные слова и объяснить, что они с демоном договорились поменяться телами. Тогда Шевитья станет смертным и проживет еще столько, сколько протянет тело Костоправа, а Костоправ превратится в большого, старого и мудрого морского дракона, плывущего по океану истории. Тогда оба они окажутся на небесах. И Нефы будут счастливы. И равнина

уцелсеет. И белая ворона будет ругаться, сидя на плече Костоправа. А нам с Арканой предстоит постоянно выяснять, кто из нас станет вести Анналы. Потому что мы терпеть не можем писать.

Поэтому мы меняемся местами. Когда эта бродяжка иногда отходит от своего ненаглядного Тобо, она берется за перо и делает свою часть работы.

Кстати, она не заметила — наверное, потому, что слишком для этого тупа, — что Госпожа выздоравливает. Недавно я видела, как она пускает малюсенькие огненные шарики. Думаю, если бы она придумала какой-нибудь способ заниматься любовью с тем большим монстром, то проделывала бы это трижды в день. Потому что именно от него к ней течет ручеек магической силы. Наверное, это лучший и самый многозначительный подарок, который она когда-либо от него получала. Ведь с ним она может стать всем, чем захочет. Быть может, она даже снова превратится в молодую, прекрасную и романтически печальную Госпожу из Чар.

Но тогда ей придется выпустить на волю Душелова. Просто чтобы сохранить в мире равновесие.

Интересно, прав ли он был, когда говорил, что через тысячу лет мы можем стать богами, о которых будут помнить все?

И еще мне интересно, что он может сделать со своей дочерью. Его родной дочерью. Думаю, с ней все безнадежно, потому что у нее нет собственной надежды. Но еще я думаю, что если надежда есть, то папуля ее найдет.

Суврину не терпится. Он хочет слетать к воротам в Хсиен. Он не Аридата Сингх, но может, сойдет и он.

Пожалуй, уже пора взглянуть на наш новый мир. На Воронье Гнездо. На Страну Неизвестных Теней. Шукрат говорит, что ей нравятся эти названия, пото-

му что они звучные. И кажутся ей названиями родного мира.

А по-моему, дом — это то, что я ношу в себе. Я улитка с домиком внутри.

Все, дальше пускай пишет Шукрат. Ее очередь. Этой подлизы и лентяйки.

Бесконечный ветер метет равнину. Он шепчет, пролетая над серыми камнями, несет с собой пыль из далеких миров, вечно подтачивающую мемориальные столпы. Здесь еще осталось несколько Теней, но они слабы, робки и безнадежно затеряны на просторах равнины.

Это своего рода бессмертие.

Память — своего рода бессмертие.

Ночью, когда ветер умирает, а над сияющим камнем царит тишина, я вспоминаю. И все они живут снова.

Солдаты живут. И гадают — почему.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Кук Глен
Солдаты живут

Ответственный редактор О.Ю. Клокова

Выпускающий редактор С.Н. Абовская

Редактор М.А. Проворова

Художественные редакторы О.Н. Адашкина, А.Е. Нечаев

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Ю.Ю. Смирнов

Корректоры Е.В. Артемьева, А.А. Сурнин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корvus». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».

Электронные адреса:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Кук Г.

K88 Солдаты живут: Фантаст. роман / Г. Кук; Пер. с англ. А. Новикова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 634, [6] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-007267-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-7921-0412-3 (TF)

Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи, и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-007267-8

9 785170 072675